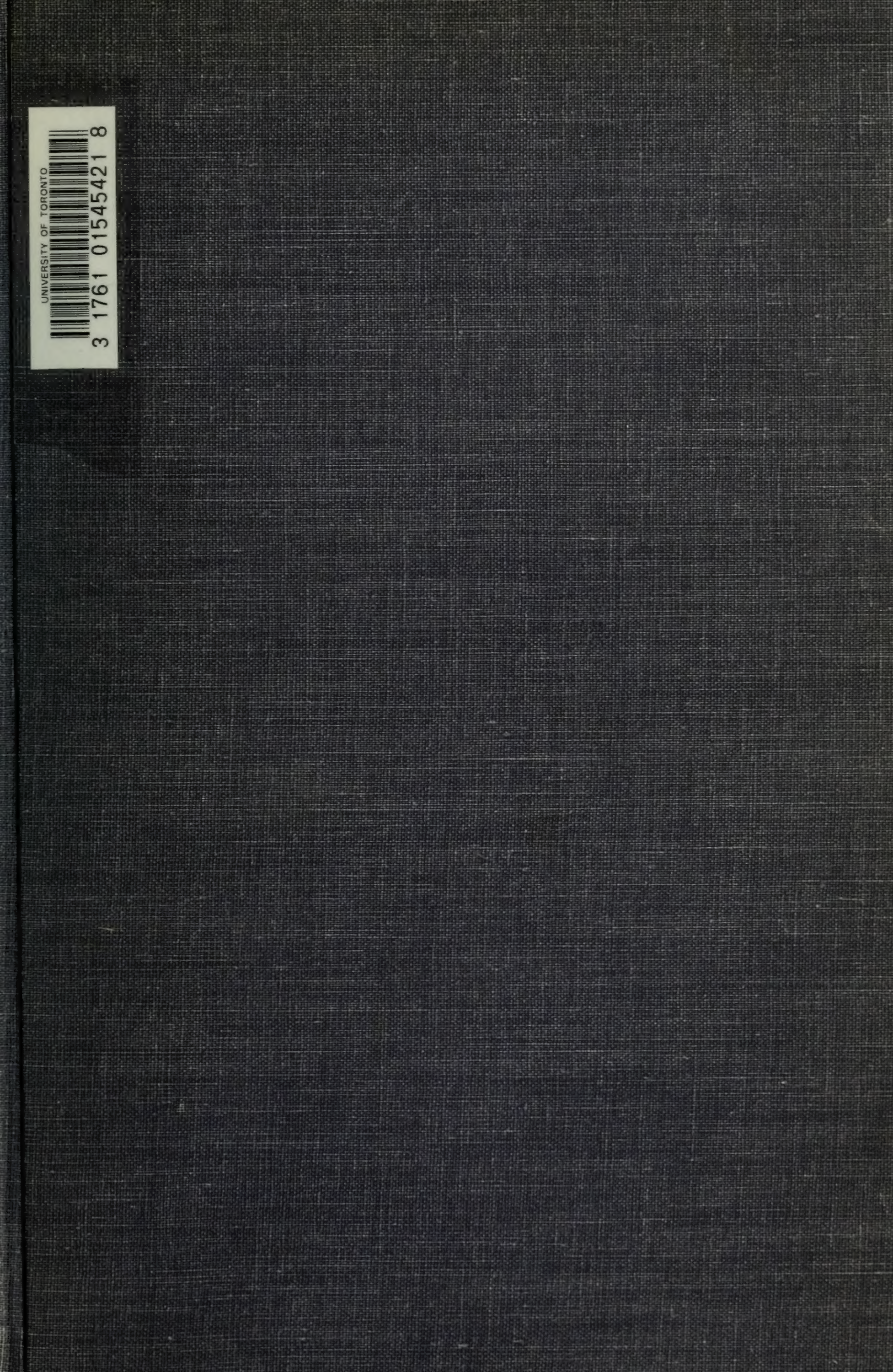

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01545421 8

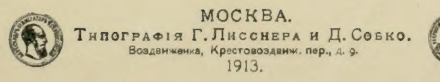
Ю. Готье.

ИСТОРІЯ
Областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II.

ТОМЪ I.

Реформа 1727 года. Областное дѣленіе и областныя учрежденія 1727—1775 гг.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1913.

Обширные размѣры, до которыхъ разрослась предпринятая работа, заставили меня раздѣлить ее на двѣ части. Издаваемый теперь первый томъ содержитъ исторію реформы 1727 года и областного дѣленія отъ этого времени до 1775 года, изслѣдованіе организаціи областныхъ учрежденій, существовавшихъ въ полвѣка, служащіе предметомъ изслѣдованія, и характеристику круга ихъ дѣйствій. Въ составъ второго тома войдутъ отдѣлы, посвященные надзору за областнымъ управленіемъ, экстреннымъ учрежденіямъ, призваннымъ содѣйствовать мѣстному управленію, и, наконецъ, исторіи того процесса, который отъ сознанія неудовлетворительности учрежденій 1727 года и попытокъ частичнаго ихъ улучшенія привелъ къ мысли о необходимости радикальнаго измѣненія областного строя. Въ приложеніи ко второму тому будутъ помѣщены также нѣкоторыя извлеченія изъ документовъ и необходимые указатели.

Для настоящей работы я пользовался документами двухъ архивовъ — Министерства Юстиціи въ Москвѣ и Государственнаго въ Петербургѣ; всѣ архивные матеріалы, ссылки на которые я дѣлаю безъ указанія мѣста ихъ нахожденія, принадлежатъ первому изъ названныхъ учрежденій.

Предметомъ послѣдней бесѣды моей съ Василіемъ Осиповичемъ Ключевскимъ были вопросы, затронутые въ этой книгѣ. Съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о великомъ историкѣ издаю я мой трудъ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

О ПРЕДМЕТѢ И МЕТОДАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Настоящее изслѣдованіе посвящено исторіи мѣстнаго управленія Россіи въ XVIII вѣкѣ, исторіи ея областныхъ учрежденій отъ разрушенія того, что создано было Петромъ, до созданія новаго областного строя при Екатеринѣ II. Исторія учрежденій и въ частности учрежденій областныхъ не принадлежитъ къ числу вопросовъ, вовсе не тронутыхъ русской исторіографіей. Скорѣе можно утверждать противоположное. Для нѣкотораго, по крайней мѣрѣ, періода нашей исторіи, вопросъ объ областномъ управленіи можно причислить къ излюбленнымъ, къ такимъ, на которыхъ ученые работники останавливались съ особенной охотой и вниманіемъ. Первоначальной причиной этого было, можетъ-быть, количество и состояніе первоисточниковъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX столѣтія археографическая экспедиція собрала и сразу выпустила на научный рынокъ громадное количество сырого матеріала, бросившаго яркіе лучи свѣта на жизнь русской провинціи въ удѣльное и Московское время. Управленіе этой провинціей, составъ и дѣятельность учрежденій, въ которыхъ такое управленіе было сосредоточено, не могли не привлечь вниманія, и, конечно, однимъ изъ прямыхъ послѣдствій изданія «Актовъ» экспедиціи и слѣдовавшихъ за ними другихъ аналогичныхъ сборниковъ было появленіе цѣлаго ряда изслѣдованій, посвященныхъ именно изученію вопросовъ областного управленія [1]); во главѣ ихъ, конечно, слѣдуетъ поставить классическіе труды Чичерина и Градовскаго.

Изученіе вопросовъ мѣстнаго управленія, какъ оно было поставлено въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX вѣка, носило нѣкоторыя особыя черты, отличающія его отъ изученія тѣхъ же вопросовъ въ послѣдующее время. Матеріалы, добытые экспедиціями Строева, были огромны, но они были

---

[1]) *Неволинъ*, Образованіе управленія въ Россіи отъ Ивана III до Петра Великаго, Ж. М. Н. П., 1844 г. и въ Собр. соч., т. VI (1859 г.); *Чичеринъ*, Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, М. 1856 г.; *Андреевскій*, О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, С.-Пб. 1864 г.; *Лохвицкій*, Губернія. Ея земскія и правительственныя учрежденія, С.-Пб. 1864 г.; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, изд. 1-е, С.-Пб. 1867 г., изд. 2-ое С.-Пб. 1899 г. (соч. т. II); въ книгѣ *Вицына*: Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра великаго до изданія общаго учрежденія Министерствъ, (Казань 1855 г.), вниманіе удѣлено только центральнымъ учрежденіямъ XVIII вѣка.

ограничены сравнительно съ тѣмъ, что лежало и лежитъ до сихъ поръ въ архивахъ. Кромѣ того, въ числѣ изданныхъ тогда матеріаловъ было много такихъ, которые или характеризовали мѣстное управленіе односторонне, рисуя его, напримѣръ, не такимъ, какъ оно было въ дѣйствительности, а какимъ оно должно было быть согласно нормировавшимъ его актамъ законодательства, или же изображали дѣятельность учрежденій, не давая возможности судить о ихъ происхожденіи и эволюціи. Къ первой категоріи принадлежатъ впервые ставшіе тогда извѣстными различныя уставныя и земскія грамоты и воеводскіе наказы; ко второй — различные акты текущаго воеводскаго управленія, отписки, памяти и т. п.

Такъ какъ первые изслѣдователи областныхъ учрежденій Московской и до-Московской эпохи были юристами, то это обстоятельство сообщило ихъ работамъ еще одну особенность: на первомъ мѣстѣ стоялъ интересъ къ учрежденіямъ, какъ къ таковымъ, къ нормѣ, регулирующей областную жизнь. Отъ этого являлась склонность изучать учрежденія внѣ связи съ людьми, внѣ связи съ обществомъ, мало учитывая реальную жизнь, которая нерѣдко безжалостно ломаетъ самыя стройныя и самыя разумныя нормы, диктуемыя человѣческимъ разумомъ. Однако, сила таланта изслѣдователей, съ одной стороны, выпуклость и сосредоточенность первоисточниковъ были таковы, что многое въ исторіи нашего областного управленія было разобрано и изучено сразу, тогда же. «Исторія мѣстнаго управленія» Градовскаго вмѣстѣ съ «Областными учрежденіями» Чичерина разъ навсегда нарисовали общую схему областного управленія Московской эпохи; они остаются, и останутся тѣми основаніями, на которыхъ будетъ покоиться всякое дальнѣйшее детальное изученіе областного управленія до-Петровской Руси. По направленію, указанному Градовскимъ и Чичеринымъ, пошелъ и первый изслѣдователь областныхъ учрежденій XVIII вѣка, также историкъ-юристъ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій, къ сожалѣнію, прервавшій свою работу и ограничившійся только изученіемъ первыхъ областныхъ учрежденій, созданныхъ Петромъ Великимъ и дѣйствовавшихъ въ 1710—1719 гг.[1]).

Позднѣе, чѣмъ историки-юристы, принялись за изученіе исторіи русскихъ учрежденій, такъ называемые, чистые историки, и едва ли не піонеромъ въ этой области былъ В. О. Ключевскій. Хотя онъ сосредоточилъ свое вниманіе не на областномъ, а на центральномъ управленіи древней Руси, но его знаменитое изслѣдованіе о боярской думѣ было предпринято въ связи съ исторіей русскаго общества, потому что «изученіе древнерусской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древнерусскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ»[2]). Въ этомъ заключалась характерная особенность книги, вызвавшая при появленіи ея критику и недоумѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ круговъ; но книга, тѣмъ не менѣе легла въ основу послѣдующихъ

---

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій.* Областное управленіе Россіи XVIII вѣка, ч. I. М. 1876.
[2]) *Ключевскій,* Боярская дума древней Руси, изд. 1-е, М. 1882 г., стран. 5.

работъ и ближайшихъ послѣдователей Василія Осиповича, и нѣкоторыхъ современныхъ историковъ-юристовъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что изученіе другихъ центральныхъ учрежденій до-Петровскаго времени не сдѣлало съ тѣхъ поръ большихъ успѣховъ, и боярская дума доселѣ остается единственнымъ учрежденіемъ, послужившимъ предметомъ спеціальнаго монографическаго изученія: однако, пріемы, примѣненные В. О. Ключевскимъ къ изученію думы, были примѣнены его ближайшими учениками къ изученію мѣстнаго управленія какъ Московскаго времени, такъ и времени Петра Великаго — послѣдняго, какъ разъ съ того момента, на которомъ остановились работы прежнихъ изслѣдователей. Изслѣдованіе П. Н. Милюкова о реформѣ Петра въ связи съ государственнымъ хозяйствомъ[1]) впервые освѣтило обѣ стадіи областной реформы Петра, познакомило съ дѣйствительной жизнью его областныхъ учрежденій и указало на связь между ихъ происхожденіемъ и реальными условіями тяжелой для Россіи эпохи преобразованій. Происхожденіе, короткая дѣятельность, упадокъ и разрушеніе областныхъ учрежденій 1719 года, составлявшихъ часть стройной и теоретически продуманной общей реформы государственнаго управленія, послужило предметомъ изслѣдованія другого ученика Василія Осиповича — М. М. Богословскаго. Онъ же, обратившись отъ эпохи преобразованій въ глубь нашей исторіи и глушь нашей страны, далъ въ послѣднее время такое же, на архивномъ изученіи реальной жизни построенное, изслѣдованіе объ областномъ строѣ русскаго сѣвера [2]). Къ той же категоріи изслѣдованій, гдѣ связь между исторіей учрежденій и реальными условіями жизни страны никогда не теряется изъ вида и гдѣ изученіе фактовъ жизни счастливо соединяется съ изученіемъ юридическихъ нормъ, слѣдуетъ отнести и работы академика М. А. Дьяконова, посвященныя до сихъ поръ не ясному и ранними изслѣдователями обойденному вопросу о происхожденіи воеводской власти XVII вѣка [3]).

Останавливаясь на главнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, касающихся исторіи русскихъ областныхъ учрежденій, я долженъ былъ ограничиваться царствованіемъ Петра. Это произошло по той причинѣ, что областное управленіе болѣе поздняго времени до сихъ поръ не подвергалось научной обработкѣ. Въ нѣкоторыхъ общихъ работахъ стараго времени, напримѣръ у Андреевскаго, есть краткіе отдѣлы, посвященные послѣ-Петровскому времени, составленные исключительно по матеріаламъ Полнаго Собранія Законовъ. Такой же характеръ носитъ и вышедшій въ недавнее время краткій и сжатый очеркъ И. А. Блинова, посвященный исторіи губернаторской власти [4]); цѣнныя свѣдѣнія и обобщенія, касаю-

---

[1]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго, С.-Пб. 1892 г.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго, М. 1902 г.; *его же*, Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ, т. I, М. 1909 г., т. II, М. 1912 г.

[3]) *Дьяконовъ*, Городовые прикащики, Журн. Мин. Нар. Просв., 1900 г., № 1.

[4]) *Блиновъ*, Губернаторы. Историко-юридическій очеркъ. С.-Пб. 1905 г.

щіяся спеціально сферы мѣстнаго суда, основанныя, впрочемъ, также только на Полномъ Собраніи Законовъ, можно въ изобиліи найти въ классической монографіи по исторіи русскаго суда, принадлежащей перу Ѳ. М. Дмитріева [1]). Въ послѣднее время вниманіе начинаетъ привлекать Учрежденіе о губерніяхъ 1775 года въ его подготовкѣ и въ его осуществленіи; однако, пока публикуются или матеріалы или же статьи предварительнаго, эскизнаго характера; въ ближайшемъ будущемъ предполагается учено-критическое изданіе самого «Учрежденія», предпринятое Академіей Наукъ. Это все, однако, лишь первыя ласточки, провозвѣстники будущаго всесторонняго изученія Екатерининской реформы, во многихъ отношеніяхъ представляющей еще не поколебленную основу современнаго областного строя; попытокъ дать систематическое изслѣдованіе реформы 1775 года доселѣ не сдѣлано, если не считать слишкомъ поспѣшной и по тому недостаточной попытки В. Н. Григорьева [2]). Но реформа Екатерины отдѣлена отъ крушенія Петровскихъ учрежденій цѣлымъ полувѣкомъ; для исторіи областного управленія этого полувѣка, кромѣ только что указаннаго стараго труда Андреевскаго, очерка Блинова и нѣкоторыхъ отдѣловъ книги Дмитріева, нѣтъ ничего; передъ изслѣдователемъ простирается пустыня, лежитъ пробѣлъ, для заполненія котораго приходится начинать работу почти съ самаго начала.

Такая работа будетъ покоиться на крѣпкихъ устояхъ изученія областного управленія предшествующихъ эпохъ; но изученіе это обязываетъ изслѣдователя ко многому, обязываетъ, прежде всего, воспользоваться всѣмъ опытомъ прошлаго изученія. Юридическая норма, фактъ, въ который она претворялась, теоретическая схема законодателя и жизнь созданныхъ имъ учрежденій въ связи съ жизнью русскаго общества заслуживаютъ одинаковаго вниманія, требуютъ одинаково пристальнаго изученія, и теорія не должна оставаться въ пренебреженіи, если изученіе русскаго прошлаго убѣждаетъ, что въ юридическомъ мышленіи и въ согласованіи жизненной практики съ требованіями законодательной мысли русскіе люди прежняго времени сильны никогда не были. Схема областныхъ учрежденій, во-первыхъ, ихъ функціонированіе въ связи съ реальными жизненными условіями, во-вторыхъ, — вотъ та основная задача, которую я ставилъ себѣ, приступая къ намѣченной работѣ; труды Чичерина, Градовскаго и болѣе позднія работы послѣдователей В. О. Ключевскаго были въ ней для меня путеводными вѣхами.

По существу дѣла, мое изслѣдованіе начинается съ того момента, на которомъ остановился М. М. Богословскій въ своей «Областной реформѣ Петра Великаго»; моя работа должна, такимъ образомъ, составить продолженіе названнаго сейчасъ труда. Она распадается на слѣдующіе главные отдѣлы: происхожденіе и введеніе въ дѣйствіе послѣ-Петров-

---

[1]) *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій. Изд. 1-е, М. 1859 г.; изд. 2-е, М. 1899 г.

[2]) *Григорьевъ*, Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. С.-Пб. 1910 г.

скихъ областныхъ учрежденій; ихъ устройство: ихъ компетенція; надзоръ за областными учрежденіями какъ со стороны высшихъ государственныхъ учрежденій непосредственно, такъ со стороны многочисленныхъ и разнообразныхъ учрежденій, отчасти постояннаго, отчасти временнаго характера, въ основѣ которыхъ, по большей части, лежало особое порученіе или, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, «комиссія»; наконецъ, подготовка Екатерининской реформы, въ особенности, поскольку она отзывалась на дѣятельности старѣвшихъ и уже признаваемыхъ неудовлетворительными областныхъ учрежденій 1727 года.

Отдѣлы многочисленны; вопросы, затрогиваемые ими, сложны и разнообразны; разнообразенъ поэтому и матеріалъ, необходимый для ихъ изученія. Изъ матеріала печатнаго на первомъ планѣ, конечно, стояли Полное Собраніе Законовъ и памятники дѣлопроизводства отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій, впрочемъ, исключительно центральныхъ, такъ какъ сборниковъ документовъ областныхъ учрежденій 1727—1775 годовъ до сихъ поръ не опубликовано; такимъ образомъ, были введены въ изученіе памятники дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, изданные въ сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества, и дѣлопроизводство сената, опубликованное въ сенатскомъ архивѣ и въ недавно предпринятомъ проф. А. Н. Филипповымъ изданіи «Журналы Сената». Если Полное Собраніе Законовъ можетъ дать отвѣты на самые разнообразные вопросы русской исторіи, то изданные до сихъ поръ памятники дѣятельности высшихъ центральныхъ учрежденій, по отношенію къ мѣстному управленію, освѣщаютъ дѣла лишь поскольку въ рукахъ верховнаго тайнаго совѣта, кабинета и сената находилось общее руководство учрежденіями областными. Для подробнаго изученія дѣятельности этихъ послѣднихъ такой матеріалъ недостаточенъ, и къ предпринятому изслѣдованію по этой причинѣ долженъ былъ быть привлеченъ архивный матеріалъ. Въ составъ послѣдняго вошли, прежде всего, дѣла самихъ учрежденій, въ изобиліи хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, а во-вторыхъ, не изданныя архивныя дѣла высшихъ учрежденій, такъ какъ именно въ нихъ приходится искать отвѣтовъ на нѣкоторые вопросы, по которымъ дѣла областныхъ учрежденій молчатъ; кромѣ вопросовъ о надзорѣ и руководствѣ, сюда относятся: назначеніе на должности и увольненіе отъ нихъ, право апелляціи, составъ лицъ, служившихъ по областному управленію, и т. п. Для такихъ цѣлей служили различные отдѣлы обширнаго сенатскаго дѣлопроизводства, а также дѣла учрежденій, дѣятельность которыхъ протекла въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью сената; я отношу къ послѣднимъ генералъ-прокурорскія дѣла и дѣла герольдмейстерской конторы. Дѣла провинціальныхъ учрежденій подавляютъ своимъ количествомъ; подавляютъ они и своимъ разнообразіемъ; чтобы найти выходъ изъ такого положенія, я избралъ для изученія въ ихъ цѣломъ нѣсколько учрежденій, которыя сдѣлались для меня учрежденіями-типами: это были — Клинская воеводская, Переяславль-Залѣсская и Галицкая провинціальныя и

Московская губернская канцелярія, дѣлопроизводство которыхъ и легло въ основу изученія дѣятельности областныхъ учрежденій интересовавшаго меня времени. Изъ нихъ первая и послѣдняя отличаются особой полнотою сохранившихся дѣлъ. Къ этому основному фонду присоединялись дополненія и варіанты изъ дѣлопроизводства другихъ аналогичныхъ учрежденій. Такъ опредѣлился кругъ архивнаго матеріала, положеннаго въ основаніе моего изслѣдованія.

Касательно существа изслѣдуемыхъ мною вопросовъ я долженъ высказаться опредѣленно теперь же. Подъ «исторіей областного управленія», можно разумѣть кругъ явленій двоякаго рода. Россія XVIII вѣка можетъ быть раздѣлена на чисто русскія области, съ одной стороны, гдѣ мѣстныя учрежденія происходятъ преемственно отъ учрежденій Московскаго государства, и на области, присоединенныя или присоединившіяся къ русскому государству, до Петра, при немъ и послѣ него; послѣднія, составляя неразрывное цѣлое съ государствомъ, продолжали жить особой мѣстной жизнью, полностью или частично сохраняя особенности устройства и дѣятельности своихъ областныхъ учрежденій, или же видоизмѣняли характеръ общихъ учрежденій, приспособляя ихъ къ особымъ условіямъ своей мѣстной жизни — къ первымъ принадлежатъ: Финляндія (Выборгская провинція, позднѣе губернія), Балтійскій край, Малороссія, Слободская Украйна; ко вторымъ — Сибирь и нѣкоторыя вновь заселяемыя, большею частью на военномъ положеніи находившіяся, южныя окраины. Изучать исторію мѣстнаго управленія можно или имѣя въ виду только русскія области, или же разумѣя областную жизнь всей имперіи безъ исключеній, то-есть, кромѣ процесса общаго, изслѣдовать и всѣ особенности областного управленія отдѣльныхъ мѣстностей. Я рѣшительно придерживался перваго способа, во-первыхъ, потому, что не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы подробно изучить всѣ особенности областной жизни отдѣльныхъ мѣстностей, обладавшихъ нѣкоторой самобытной исторической жизнью; во-вторыхъ, потому что думаю, что особенности строя каждой изъ перечисленныхъ выше областей нуждаются въ отдѣльномъ монографическомъ изученіи и вполнѣ его заслуживаютъ· въ-третьихъ, потому что убѣжденъ, что на первую очередь должно быть поставлено изученіе такихъ мѣстныхъ учрежденій, которыя въ отличіе отъ учрежденій отдѣльныхъ областей слѣдуетъ считать общерусскими, такихъ, которыя ведутъ свое начало отъ Московскаго царства и, видоизмѣняясь постепенно, преемственно доходятъ до нашего времени. Такимъ образомъ, предметомъ моей работы стали учрежденія общерусскія; нельзя, однако, забывать, что между этими общими учрежденіями и мѣстными особыми учрежденіями существовала извѣстная связь и устанавливалось извѣстное взаимодѣйствіе; иная областная особенность могла повліять на дѣятельность того или другого общеимперскаго областного учрежденія; какая-нибудь черта, свойственная послѣднему, могла особенно ярко отозваться и развиться на окраинѣ, хотя послѣдняя въ иныхъ отношеніяхъ устойчиво хранила

свои особыя черты. Въ подобныхъ случаяхъ для иллюстраціи изслѣдуемыхъ явленій приходилось пользоваться примѣрами, взятыми изъ исторіи областей, жившихъ обособленной жизнью; и такіе примѣры можно неоднократно встрѣтить на страницахъ моего труда. Особенно часто, конечно, я долженъ былъ прибѣгать къ русскимъ окраиннымъ областямъ, напримѣръ къ Сибири, гдѣ, на ряду съ особенностями, одной Сибири свойственными и ждущими спеціальнаго изслѣдованія, развились ярко и отчетливо нѣкоторыя черты, очень характерныя для всего русскаго областного управленія; нѣсколько рѣже приходилось сталкиваться съ малорусскими областями; но и здѣсь надо помнить, что въ теченіе всего изучаемаго времени подготовлялся и отчасти осуществлялся процессъ отмѣны областныхъ особенностей Малороссіи и сліянія ея областного строя съ общеимперскимъ. Еще гораздо рѣже приходилось имѣть въ виду черты изъ областной жизни болѣе самобытныхъ прибалтійскихъ пріобрѣтеній Петра Великаго. Есть и другія мѣста въ имперіи, жизнь которыхъ имѣла имъ однимъ свойственныя черты — это обѣ столицы; я старался имѣть въ виду особенности ихъ управленія, оговаривая и указывая ихъ, гдѣ это было нужно; но я думаю, тѣмъ не менѣе, что мѣстная жизнь Петербурга и Москвы была настолько богата своеобразными чертами, что она вполнѣ оправдывала бы спеціальныя монографіи, посвященныя исторіи управленія обоими главными городами Россіи въ тотъ періодъ ихъ существованія, когда одинъ окончательно складывался въ столицу и царскую резиденцію, а другой, съ потерей прежняго ранга, какъ бы искалъ новыхъ условій существованія.

О критическомъ изученіи документовъ, легшихъ въ основу работы, говорить много не приходится. Это почти исключительно офиціальное дѣлопроизводство въ самыхъ различныхъ его видахъ, часто сухое, краткое, часто живое, богатое картинами, списанными съ натуры, позволяющими проникнуть въ бытовыя условія далекаго отъ насъ времени. Моей задачей было выбрать яркіе и типичные примѣры изъ документовъ, безпрерывно и безконечно обращающихся вокругъ однихъ и тѣхъ же фактовъ и явленій и, по возможности, заставить говорить самые документы. Я долженъ, однако, сказать, что, несмотря на подавляющее количество документовъ всякаго рода, которые были вводимы или могли быть введены въ изученіе, существующіе первоисточники далеко не съ одинаковой ясностью освѣщаютъ всѣ вопросы, какіе въ цѣляхъ систематическаго изученія было необходимо ставить на очередь. Сохранившіеся памятники дѣлопроизводства отдѣльныхъ областныхъ учрежденій (а сохранились они далеко не въ цѣломъ видѣ) вовсе не сходны по своему составу, и, что особенно жаль, въ нихъ чаще всего отсутствуютъ документы, рисующіе самую дѣятельность даннаго учрежденія, т.-е. журналы засѣданій, протоколы, излагающіе сдѣланныя постановленія, указы, получаемые изъ высшихъ административныхъ мѣстъ и разсылаемые въ подчиненныя учрежденія. Въ гораздо лучшей сохранности находятся многочисленныя, очень однообразныя по содержанію, гражданскія дѣла, болѣе тщательное

храненіе которыхъ обусловливалось, конечно, долговременностью процессовъ и возможностью возобновленія судебныхъ дѣлъ. Впрочемъ, какъ показываетъ предпринятое Ярославской ученой архивной комиссіей изданіе документовъ Углицкой провинціальной канцеляріи [1]), современнымъ провинціальнымъ ученымъ учрежденіямъ, можетъ-быть, еще удастся собрать немаловажныя крупицы дѣлъ областныхъ учрежденій XVIII вѣка, дѣлъ, которыя, исходя изъ мысли, что все уцѣлѣвшее дѣлопроизводство областныхъ канцелярій XVIII столѣтія было передано въ Московскій архивъ министерства юстиціи, приходилось считать утерянными. Тѣмъ не менѣе, существующій и доступный для изученія матеріалъ подавляетъ, какъ уже сказано, своимъ количествомъ, и его болѣе, чѣмъ достаточно для подробной характеристики дѣятельности областныхъ учрежденій 1727—1775 гг. Къ сожалѣнію, очень мало сохранилось матеріала, необходимаго для изученія одного изъ самыхъ интересныхъ моментовъ въ исторіи областныхъ учрежденій этого полувѣка — именно, для исторіи проведенія въ жизнь мѣропріятій 1727 года, для дѣятельности новыхъ учрежденій въ первые годы ихъ существованія и для исторіи послѣднихъ лѣтъ существованія такихъ интересныхъ обломковъ учрежденій Петровскаго времени, какимъ, напримѣръ, является институтъ земскихъ комиссаровъ. Третья глава настоящаго изслѣдованія, построенная на изученіи всѣхъ документовъ областныхъ учрежденій, находящихся въ архивѣ министерства юстиціи, тѣмъ не менѣе представляетъ пробѣлы, заполнить которые я былъ не въ силахъ, именно, по отсутствію необходимаго матеріала. Не менѣе существеннымъ недостаткомъ является уже отмѣченное въ ученой литературѣ дефектное состояніе сенатскаго дѣлопроизводства за время до 1737 года [2]). Очень вѣроятно, что дѣлопроизводство это, такъ же какъ и дѣлопроизводство Московской губернской канцеляріи, погибло въ знаменитый пожаръ этого года [3]), и, такимъ образомъ, изученіе русской исторіи XVIII вѣка встрѣчаетъ на своемъ пути такія же препятствія, какія пожаръ 1626 года ставитъ на пути изслѣдователей нашей исторіи XVII столѣтія.

Огромное, иногда подавляющее количество матеріала, нерѣдко однообразнаго по содержанію, съ одной стороны, и недостатокъ матеріала по нѣкоторымъ не многочисленнымъ, но важнымъ вопросамъ,— таковы важнѣйшія препятствія, которыя встрѣчались мнѣ при выполненіи моей задачи.

---

[1]) Труды Ярославской ученой архивной комиссіи, кн. V. Акты Углицкой Провинціальной Канцеляріи (1719—1726 гг.), т. I и II, М. 1908 и 1909 гг.

[2]) *Филипповъ*, Журналы Сената за 1737 г., т. I, введеніе стр. 4.

[3]) Относительно дѣлъ Московской губернской канцеляріи это можно сказать вполнѣ утвердительно; см. дѣла этой канцеляріи, кн. 59, протоколъ 6 октября 1737 г.

II.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ВНУТРЕННЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ ОБЪ ОБЛАСТНОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

Изучаемые въ настоящемъ изслѣдованіи полвѣка можно считать за періодъ времени, имѣющій признаки внутренняго единства только потому, что онъ обнимаетъ собою существованіе извѣстной системы областныхъ учрежденій отъ ихъ возникновенія до отмѣны. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ внутренняя исторія Россіи этого полувѣка, обнимающаго семь царствованій, представляетъ изъ себя сложную цѣпь явленій, начинающихся съ рѣшительной реакціи противъ Петровскаго дѣла и кончающихся умѣренно-реформаторской дѣятельностью Екатерины II. Въ различные моменты этого кипучаго времени вопросъ о мѣстномъ управленіи и мѣстныхъ учрежденіяхъ и самое значеніе этихъ послѣднихъ занимали неодинаковое положеніе въ общемъ распорядкѣ государственной и общественной жизни, и это обстоятельство не безполезно имѣть въ виду, приступая къ изученію мѣстнаго управленія XVIII вѣка.

Ниже мнѣ придется болѣе подробно остановиться на обстоятельствахъ, обусловившихъ отмѣну областного строя, созданнаго Петромъ Великимъ. Напомню теперь, что короткое царствованіе преемницы Петра, женщины «слабой и роскошной во всемъ пространствѣ сего названія»[1]), и не менѣе короткое царствованіе мальчика Петра II были временемъ, когда все созданное Петромъ Великимъ казалось тяжелымъ бременемъ для страны, казалось чѣмъ-то такимъ, что по мѣрѣ возможности надо было ликвидировать. И неумѣніе продолжать дѣло преобразователя и дѣйствительная потребность момента и влеченіе къ московскому прошлому, такъ отчетливо сказавшееся при Петрѣ II, одинаково приводили къ этому. Въ 1725—1730 годахъ вопросъ объ областномъ управленіи разсматривался только съ точки зрѣнія его упрощенія и удешевленія, въ результатѣ чего и явилась система учрежденій, во многомъ напоминавшая старо-московскій порядокъ управленія и, какъ увидимъ, дѣйствительно, простая и дешевая. Таковъ первый моментъ, который можно выдѣлить изъ подлежащаго изученія полувѣка нашей исторіи.

Второй моментъ обнимаетъ собою царствованіе Анны Іоанновны и его историческое дополненіе — тринадцатимѣсячное царствованіе маленькаго Ивана Антоновича. Правительство, созданное стараніями членовъ верховнаго тайнаго совѣта и соперничавшаго съ нимъ шляхетства, имѣло не мало своеобразныхъ чертъ. Въ послѣднее время въ нашей исторической литературѣ замѣчается стремленіе пересмотрѣть вновь все, что относится до царствованія императрицы Анны, оставившаго такую печальную историческую память. Стремленіе это заслуживаетъ, несомнѣнно, со-

---

[1]) *Щербатовъ*. О поврежденіи нравовъ въ Россіи (Лейпц. изд.), 37.

чувствія, и оно уже принесло нѣкоторые плоды, такъ что даже самъ Биронъ не кажется намъ тѣмъ геніемъ зла, какимъ его сдѣлала историческая традиція. Однако, обликъ самой государыни пока остается безъ измѣненій Вотъ что пришлось сказать о ней изслѣдователю, имѣвшему въ виду реабилитировать ее предъ потомствомъ: «неудачно сложившіяся обстоятельства развили въ государынѣ склонность къ мщенію, болѣзненное самолюбіе и изысканную жестокость. Эти черты ярко сказались въ дѣлахъ князя Василія Владиміровича Долгорукова, Макарова и впослѣдствіи Волынскаго. Иногда жестокость Анны принимала болѣзненный характеръ желанія издѣваться надъ людьми. Такую женщину не приходилось толкать на жестокости»[1]). Вокругъ жестокой и мрачной государыни группировались сотрудники, нѣмцы и русскіе; главная доля вліянія принадлежала, впрочемъ, первымъ. Среди тѣхъ и другихъ, за исключеніемъ политическихъ ничтожествъ, каковымъ, въ сущности, былъ Биронъ, были люди съ крупными достоинствами, — достаточно назвать Остермана, Миниха, Волынскаго, Анисима Маслова, — понимавшіе, что если ненужно и невозможно вернуть всего того, что погибло въ реакцію 1725—1730 годовъ, то, все же, Петровское наслѣдіе слѣдуетъ хранить и развивать далѣе. Въ частности, именно въ это царствованіе и едва ли не подъ эгидой Остермана въ управленіи имперіей старались проводить оставленные Петромъ завѣты неограниченной монархіи, дѣйствующей посредствомъ безсословной бюрократіи. Дворянамъ, правда, бросили кусокъ, — отмѣнили законъ о единонаслѣдіи, сократили службу до 25 лѣтъ, но дворянское достоинство не было безусловной и надежной защитой для носившаго его; дворянъ и казнили и карали въ это царствованіе, такъ же, какъ и при Петрѣ. Такая тенденція находила себѣ отраженіе и въ дѣлѣ мѣстнаго управленія и провинившихся областныхъ администраторовъ наказывали безпощадно. Но была и другая точка зрѣнія, которую правительство 1730—1741 гг. вынуждено было примѣнять къ мѣстной администраціи. Хорошо извѣстно, какое тяжелое финансовое наслѣдіе оставилъ великій Петръ, какъ подорваны были платежныя способности населенія, и какія громадныя недоимки стали оставаться за населеніемъ съ самаго перваго года существованія подушной подати, которая должна была наполнить настоятельно требовавшую этого казну. Въ счетъ бюджета доходовъ 1724 года, исчисленнаго въ 10.355.597 рублей, поступило только 8.172.434 рубля, — до 20 % осталось «въ доимкѣ»[2]). Ни вторая половина 20-хъ годовъ, ни 30-е годы не увидѣли перемѣнъ въ состояніи народнаго хозяйства. Народный организмъ еще не переболѣлъ истощенія, причиненнаго Петровскими войнами и преобразованіями, и недоимки накоплялись все болѣе и болѣе. А между тѣмъ, правительство императрицы Анны и ея дворъ также должны были существовать: Россія участвовала въ европейской политикѣ, вела продолжительныя и дорого стоившія

---

[1]) *Строевъ*, Бироновщина и кабинетъ министровъ, С.-Пб. 1909 г., 40—41.

[2]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство. Приложеніе, 141—148.

войны; слѣдовательно, нужда въ деньгахъ была попрежнему большая: она, можетъ-быть, была даже острѣе, чѣмъ при Петрѣ. Вотъ почему на царствованіе Анны легла черная память особенной жестокости при выколачиваніи податей. Ихъ выколачивали, потому что иначе нельзя было поступать; ихъ выколачивали тѣмъ упорнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ острѣе была нужда, испытываемая государственной казной. Областной администраціи, созданной въ 1727 году, принадлежало видное участіе въ собираніи правительственныхъ доходовъ, и именно, какъ на органы собиранія денегъ и смотрѣли въ 30-хъ годахъ на областныя учрежденія. Губернаторы и воеводы должны были доставлять деньги въ столицу; если недоимки не уменьшались, то виноваты были въ этомъ они. Никогда, кажется, не издавалось столько указовъ о «понужденіи» областныхъ властей въ исправномъ сборѣ податей, какъ въ это десятилѣтіе; никогда такъ часто не штрафовали губернаторовъ и воеводъ, недостаточно исправно взыскивавшихъ подати. Едва ли будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что областнымъ правителямъ приходилось почти такъ же круто, какъ и самимъ плательщикамъ. Изъ памяти помѣстнаго дворянства, занимаешаго въ то время почти всѣ должности по областному управленію, не исчезли тяжелыя впечатлѣнія штрафовъ, взысканій и понужденій, испытанныхъ при Аннѣ, и, можетъ-быть, это обстоятельство оказало свою долю вліянія на печальную репутацію Аннинскаго царствованія. Такъ, при Аннѣ Ивановнѣ на областную администрацію смотрѣли, главнымъ образомъ, какъ на орудіе для успѣшнаго собиранія податей и накопившихся недоимокъ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Переворотъ, возведшій Елизавету на престолъ отца, произошелъ тогда, когда, съ одной стороны, чувство недовольства господствомъ нѣмцевъ стало особенно замѣтно развиваться среди гвардейскихъ полковъ, составлявшихъ крѣпкую цитадель русскаго дворянства, несмотря на нѣкоторыя попытки разбавить его балтійскимъ элементомъ, сдѣланныя при Аннѣ, а съ другой стороны, когда режимъ, созданный въ 1730 году, сталъ понемногу слабѣть, и властители нѣмцы стали пожирать одинъ другого. Переворотъ 25 ноября 1741 года былъ произведенъ въ пользу дочери Петра и во имя традиціи Петровскаго времени; правительство, утвердившееся вслѣдствіе этого переворота, должно было начать реакцію противъ порядковъ, водворившихся въ только что пережитые пятнадцать лѣтъ. Правительство Елизаветы и было реакціоннымъ по отношенію правительства, имъ свергнутаго, поскольку дѣло касалось господства нѣмцевъ при дворѣ, въ арміи и въ политикѣ; правда, и въ дѣлахъ внѣшнихъ оно пошло по стезѣ, проложенной Петромъ, но справедливость требуетъ сказать, что въ этой области и правительство Анны Ивановны уклонялось менѣе всего отъ традицій преобразователя. Что же касается внутренняго управленія, то едва ли царствованіе Елизаветы Петровны можно считать временемъ воскресенія Петровскихъ завѣтовъ; это скорѣе время частичнаго и притомъ чисто практическаго осуществленія шляхетскихъ идеаловъ

1730 года. Добрая и немного взбалмошная, расположенная въ душѣ ко всѣмъ, но способная очень сердиться и въ гнѣвѣ не всегда отходчивая, умная отъ природы, но необразованная, лѣнивая и капризная, любившая удовольствія и утѣхи жизни больше всего на свѣтѣ и изъ-за вихря веселья, всегда ее окружавшаго, не находившая часто досуга для занятій правительственными дѣлами, — императрица, подобно, впрочемъ, многимъ государямъ того времени, преимущественно интересовалась дѣлами внѣшними и хотя ея канцлеръ Бестужевъ и жаловался, что она къ нимъ недостаточно прилежна, но все же львиная доля времени, которое она между обѣдней, охотой и баломъ удѣляла государственному управленію, приходилась на долю иностранной политики; дѣла внутренняго управленія оставлялись ею почти безъ вниманія за исключеніемъ развѣ лишь перваго года ея царствованія, когда она нѣсколько разъ принимала участіе въ засѣданіяхъ возстановленнаго ею въ прежнихъ правахъ сената. Этимъ возстановленіемъ, за которымъ послѣдовало возстановленіе прокуратуры и вѣдомства главнаго магистрата, и ограничилось активное стремленіе Елизаветы Петровны воскресить управленіе Петровскаго времени. Сдѣлавъ эти первые шаги, Елизавета остановилась и передала все внутреннее управленіе имперіей своимъ сотрудникамъ, которые всѣ до единаго принадлежали къ благородному россійскому шляхетству.

Мечтанія, когда-то въ эпоху воцаренія Анны волновавшія умы русскихъ дворянъ, не были явленіемъ случайнымъ. Они были однимъ изъ эпизодовъ того вѣкового процесса, которымъ русское дворянство, созданное когда-то московскими царями, какъ военная сила для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, завоевывало первенствующее положеніе въ странѣ. Заручившись еще въ XVII вѣкѣ матеріальной силой, заключавшейся во владѣніи землею, оно въ XVIII столѣтіи продолжало покорять народный трудъ и добивалось политическаго господства. Стремленіе къ политическому господству, сдерживаемое твердою рукой Петра, вырвалось наружу въ 1730 году, но раздѣленное на кружки, другъ другу враждебные, дворянство потерпѣло неудачу. Десять лѣтъ спустя обстоятельства очень измѣнились. О формальномъ ограниченіи власти государыни не думали; разочарованія 1730 года были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а возстановленіе самодержавія принесло ему новую силу и крѣпость; кромѣ того, на престолѣ была государыня, популярная и любимая, которая въ силу своего душевнаго склада мало интересовалась дѣлами внутренняго управленія; формальныхъ ограниченій и не нужно было, потому что вліяніе на внутреннія дѣла имперіи всецѣло принадлежало окружающимъ государыню, а они всѣ, какъ я уже сказалъ, были дворянами. И вотъ, 1741 годъ сдѣлался исходнымъ моментомъ дальнѣйшихъ успѣховъ дворянства въ завоеваніи первенствующаго положенія въ странѣ. Государственная служба стала все болѣе и болѣе превращаться въ исключительную дворянскую привилегію, и для людей недворянскаго происхожденія закрывалась возможность достигнуть сколько-нибудь виднаго положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, служба становилась свободнѣе, власть

наверху находилась въ такихъ же дворянскихъ рукахъ, а старшіе радѣли о всемъ сословіи: въ 50-хъ годахъ въ сенатѣ подготовлялся законъ о полномъ освобожденіи дворянъ отъ службы, случайно изданный мимолетнымъ преемникомъ Елизаветы.

Расцвѣтъ дворянскаго вліянія и могущества, ясно сказывающійся на всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ Елизаветинскаго царствованія, не проходитъ незамѣтнымъ и для областной администраціи. Воеводы становятся безсрочными, областные правители всѣхъ ранговъ дышатъ легче, свободнѣе, наказанія за проступки дѣлаются рѣже и мягче: пониженіе чиномъ, запрещеніе опредѣлять на службу — вотъ обычная кара въ такихъ случаяхъ, когда при Аннѣ Ивановнѣ ссылали, а иногда даже подвергали смертной казни. Случается, что за серіозную провинность какой-нибудь воевода отдѣлывается простымъ выговоромъ.

Ростъ сословнаго элемента въ областной администраціи Елизаветы Петровны, безспорно, явленіе отрицательное, но оно смягчается другимъ обстоятельствомъ этого времени. Къ 40-мъ годамъ послѣдствія Петровскаго финансоваго кризиса дѣлаются менѣе чувствительными. Произошло то, что уже неоднократно можно было наблюдать въ болѣе раннія эпохи русской исторіи. Народный организмъ, который справлялся въ свое время съ экономическимъ изнуреніемъ времени Ивана Грознаго и одолѣлъ разореніе Смуты, поборолъ и новую свою болѣзнь. Изученіе поступленія государственныхъ доходовъ при Елизаветѣ Петровнѣ показываетъ, что подати вносились исправнѣе, нежели раньше, что общее число недоимокъ сокращалось; устойчиво держатся только недоимки за 20-ые и 30-ые годы. Разъ дѣло обстоитъ такъ, разъ изъ населенія уже не приходится такъ усиленно выколачивать подати, то и областная администрація нѣсколько видоизмѣняетъ свой характеръ и становится, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, менѣе взыскательной и жестокой. Нѣсколько болѣе рѣзко очерченный сословный характеръ областной администраціи и нѣкоторая мягкость, происходящая отъ улучшенія общихъ финансовыхъ условій, въ которыхъ живетъ страна — вотъ отличительныя черты мѣстнаго управленія въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Трудно сказать что бы то ни было о шестимѣсячномъ царствованіи Петра III. Самое значительное событіе, ознаменовавшее его и имѣвшее несомнѣнныя послѣдствія въ исторіи областного управленія — изданіе указа о вольности дворянства — совершенно случайный эпизодъ этого богатаго всякими диковинами полугодія. Даже если не вѣрить сплетнямъ современниковъ, утверждавшихъ, что знаменитымъ указомъ была маскирована ревность Елизаветы Романовны Воронцовой [1]), мы должны будемъ признать, что его подготовка происходила при Елизаветѣ, а послѣдствія сказались при Екатеринѣ II. Нельзя принимать въ расчетъ и придавать большого значенія и нѣкоторымъ попыткамъ реорганизаціи областного управленія, преимущественно касавшимся полицейскихъ дѣлъ.

---

[1]) *Щербатовъ*. О поврежденіи нравовъ (Лейпц. изд.). 84.

тѣмъ болѣе, что все предпринятое было отмѣнено послѣ вступленія на престолъ Екатерины II [1]).

Съ воцареніемъ Екатерины II начинается новая эпоха внутренней исторіи Россіи. Какъ ни смотрѣть на личность Екатерины и что̀ ни говорить о ея дѣятельности, какъ русской государыни, нельзя не считаться съ перемѣнами, которыя наступили послѣ іюньскаго переворота 1762 года. Екатерину иногда рисовали какой-то мистификаторшей, которая, мирясь съ неприглядной русской дѣйствительностью, бросала пыль въ глаза западно-европейскимъ литераторамъ и философамъ; еще недавно была высказана мысль, что даже знаменитыя свои записки она писала для того, чтобы ея личность и ея дѣятельность въ молодые годы предстали передъ исторіей въ такомъ свѣтѣ, какой она хотѣла придать ей [2]). Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, есть доля правды. Мысли и дѣйствія Екатерины въ послѣднія десять лѣтъ жизни сгущаютъ отрицательныя черты образа императрицы и въ гонительницѣ Новикова и Радищева трудно признать представительницу просвѣщеннаго абсолютизма, какой она кажется до конца своей жизни, если судить только по ея иностранной перепискѣ. Нельзя, однако, забывать, что Екатерина II жила и царствовала очень долго, что на престолѣ она состарилась и тѣломъ и духомъ; она, пожалуй, немножко зажилась на этомъ свѣтѣ и пережила славу своихъ молодыхъ дней; если вдуматься поглубже въ перемѣну, совершившуюся въ Екатеринѣ въ послѣдніе годы ея жизни, перемѣна эта будетъ понятна; пусть говорятъ, что французская революція была далеко и не могла затронуть Россіи, но вѣдь Екатерина II принадлежала къ семьѣ европейскихъ монарховъ, она не могла совершенно отрѣшиться отъ своего нерусскаго происхожденія, а главное, она была стара, а старымъ людямъ трудно пережить революціонные перевороты, даже когда они наблюдаютъ ихъ издали. Но Екатерина, вступившая во главѣ гвардіи на русскій престолъ въ іюнѣ 1762 года, была другимъ человѣкомъ. Не чуждая желанія порисоваться и передъ собой и передъ иностранными друзьями и передъ своими подданными, она все же искренно мечтала о новой породѣ людей, которую она создастъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Мечты о новой породѣ людей должны были привлечь ея особенное вниманіе какъ разъ къ такимъ отраслямъ правительственной дѣятельности, которыя были совсѣмъ заброшены при Елизаветѣ Петровнѣ, къ дѣламъ внутреннимъ, гдѣ люди прежней породы жили и хозяйничали не совсѣмъ согласно съ теоретическими взглядами новой государыни. И Екатерина не медлитъ; всего три недѣли послѣ воцаренія она издаетъ манифестъ, гдѣ призываетъ всѣхъ къ честному и добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей [3]).

Стремленія Екатерины оздоровить и преобразовать общественные и административные нравы, выразились и въ ея знаменитомъ наказѣ;

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, XV, №№ 11401, 11477, 11564; XVI, № 11628.
[2]) *Корниловичъ*. Записки Императрицы Екатерины II, Ж. М. Н. П. 1912 г., № 1.
[3]) П. С. З., XVI, № 11630.

они выразились и въ самомъ учрежденіи большой комиссіи. Желанія императрицы въ этомъ направленіи не были одинокими мечтаніями кабинетнаго философа. Недостатки сложившихся порядковъ внутренняго управленія уже давно были замѣчены лучшими и наиболѣе проницательными администраторами всѣхъ ранговъ, а въ 60-хъ годахъ успѣли войти въ сознаніе всей мыслящей части тогдашняго русскаго общества. Болѣзнь знали и видѣли многіе; вопросъ былъ только въ томъ, какъ ее лѣчить. Екатерина, мечтая о радикальныхъ перемѣнахъ, не знала хорошенько сама, что для этого нужно было дѣлать, и дала въ руководство комиссіи свой чисто теоретическій наказъ, за который такъ трудно было зацѣпиться депутатамъ. Были, однако, и другіе, болѣе понятные для того времени, рецепты: дворянство, уже привыкшее играть первую роль въ управленіи страною, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, проводило мысли о дальнѣйшемъ и полномъ превращеніи имперіи въ чисто сословное государство, гдѣ дворяне должны были сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ гражданъ городскихъ республикъ античнаго міра. Не были забыты и Петровскія традиціи бюрократическаго государства, хотя голоса бюрократовъ рѣдки, звучатъ одиноко. Самымъ интереснымъ отголоскомъ подобныхъ мыслей о полной бюрократизаціи управленія страною является составленный въ 1767 году наказъ главной полиціи. Полиція ввѣряется «достойно почитаемымъ особамъ»: «полицейской канцеляріи нужно имѣть сочленовъ людей честныхъ и особливыхъ къ тому способностей, исполненныхъ ревности, чуждыхъ всякаго корыстолюбія и удаленныхъ отъ всякаго памятозлобія и ревности». «Начальнику быть должно твердаго духа и честолюбиву и въ одно время снисходительну и строгу и доказать, сколь онъ полезенъ и можетъ благодѣтельствовать гражданамъ, не долженъ милостиво взирать на злобныя сердца, а имѣть сожалѣніе о бѣдныхъ и впадшихъ нечаянно въ преступленія». Пороки полицейскихъ служителей «должны сокрыты быть, дабы публика довѣренности къ нимъ не лишилась, чего ради и проповѣдники да не дерзаютъ въ проповѣдяхъ своихъ въ осужденіе полиціи или ея служителей разглашать». Полиція регламентируетъ все — посѣщеніе церквей, расходы обывателей, ихъ одежду, выѣзды и увеселенія, она разрѣшаетъ собранія въ частныхъ домахъ, устанавливаетъ цѣны на товары, словомъ — нѣтъ такого уголка частной общественной жизни, куда бы проектируемая полиція не могла сунуть своего разумнаго, благодѣтельнаго и всемогущаго носа[1]). Читаешь, и думаешь, не идетъ ли рѣчь о какомъ-нибудь комитетѣ общественнаго спасенія, управляемомъ высоко стоящимъ бюрократомъ подъ высшимъ руководствомъ самодержавнаго государя.

Результаты дѣятельности Уложенной комиссіи и дальнѣйшій ходъ реформаторской дѣятельности Екатерины II извѣстны. Депутаты комиссіи не пошли дальше разговоровъ, за которыми погубили и проспали самую комиссію; императрица воспользовалась матеріаломъ, накопленнымъ

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. XLIII, стран. 296—362.

комиссіей, и провела рядъ важныхъ законовъ, касавшихся внутренняго управленія, стоя на гораздо болѣе практической точкѣ зрѣнія, нежели та, которой отличался ея наказъ. Отвѣчая политическимъ условіямъ момента, она не отрѣшилась вполнѣ отъ бюрократическихъ началъ, но въ то же время придала внутреннему управленію имперіей очень замѣтный сословно дворянскій характеръ.

Положеніе, въ которомъ въ первые годы царствованія Екатерины II находился тотъ частный вопросъ, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, уже опредѣляется сказаннымъ выше. Въ практикѣ областного управленія особенно сильно сказывались недуги, которыми страдало все управленіе страной. Областной строй, введенный въ 1727 году, устарѣлъ, во многомъ признавался негоднымъ, отжившимъ; попытки исправленія дѣла были случайны и недостаточны, и заключались преимущественно въ развитіи системы особыхъ порученій; нарочно посланные экстренные агенты должны были доканчивать и исправлять все то, что не успѣвали дѣлать или неправильно дѣлали постоянныя учрежденія. Основныя областныя учрежденія совершенно обросли особыми порученіями и въ результатѣ стали еще менѣе удовлетворять предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ. Екатерина въ самомъ началѣ своего царствованія пыталась прійти на помощь областному управленію и улучшить его частичными мѣропріятіями. Она не удовольствовалась призывомъ къ честности и осужденіемъ взяточничества и лихоимства и не ограничилась отдѣльными процессами противъ преступныхъ губернаторовъ и воеводъ; она захотѣла возвысить ихъ должность, улучшить ихъ матеріальное положеніе. Такъ возникли мѣры, совокупность которыхъ можно назвать малой областной реформой Екатерины. Инструкціей губернаторамъ, утвержденной 21 апрѣля 1764 года, она создавала для начальника губерніи высокое и почетное положеніе опекуна и хозяина, а штатами областныхъ учрежденій, введенными въ дѣйствіе съ 1-го января того же года, она вновь ввела принципъ вознаграждаемости за исполненіе всѣхъ должностей по мѣстному управленію, промелькнувшій при Петрѣ и частично отмѣненный въ 1727 году.

Съ 1764 года преобразованія въ общемъ областномъ строѣ на время пріостанавливаются. Затѣвается собраніе комиссіи; Екатерина желаетъ прежде окончательно узнать, «съ кѣмъ дѣло имѣемъ», а потомъ уже приступить къ болѣе радикальнымъ измѣненіямъ въ областномъ управленіи. Однако, частичные опыты не перестаютъ дѣлаться и въ эти годы. Устройство, данное вновь учреждаемымъ губерніямъ — Новороссійской, Слободско-Украинской — уже носитъ черты новыя, не свойственныя прежнимъ порядкамъ. Еще болѣе новыхъ чертъ можно видѣть въ устройствѣ, данномъ губерніямъ Бѣлорусскимъ, присоединеннымъ отъ Польши по первому раздѣлу. Это вполнѣ понятно: время, протекшее отъ собранія комиссіи до 7 ноября 1775 года, было временемъ непосредственнаго подготовленія и разработки новаго «учрежденія для управленія губерніей» и, устройство Бѣлорусскихъ губерній можно раз-

сматривать, какъ первый частичный опытъ примѣненія на практикѣ нѣкоторыхъ началъ, которыя должны были лечь въ основу мѣстнаго управленія всей имперіи. Такъ, то ощупью, то смѣлымъ шагомъ, то слушая мнѣнія другихъ, то выступая со своимъ собственнымъ словомъ, то ведя кабинетную работу и руководя работой своихъ сотрудниковъ, то производя отдѣльные практическіе опыты, подготовляла Екатерина самую крупную реформу своего царствованія.

Поставленная въ связь съ общимъ ходомъ внутренней исторіи, исторія областного управленія въ изучаемое полустолѣтіе можетъ быть раздѣлена на четыре эпохи: введеніе новаго областного строя — въ 20-хъ годахъ; время понужденій и выколачиванія податей — при Аннѣ Ивановнѣ; время дворянскаго благоденствія — при Елизаветѣ Петровнѣ; время частичныхъ улучшеній областного управленія и подготовки областныхъ реформъ — въ 1762—1775 гг. Введеніе послѣ-Петровскихъ областныхъ учрежденій совпадаетъ съ царствованіемъ Екатерины I и Петра II, отчасти въ отдѣльныхъ вопросахъ захватывая первые годы царствованія Анны Ивановны: ихъ дѣйствіе лучше всего изучать за время царствованій Анны и Елизаветы: эволюція, приведшая къ областной реформѣ 1775 года, замѣтнѣе всего въ первые годы царствованія Екатерины II. Вотъ почему изслѣдованіе, обнимая собою періодъ въ 50 лѣтъ и 7 царствованій, въ различныхъ частяхъ своихъ останавливается не въ одинаковой мѣрѣ на всей захваченной эпохѣ, а принуждено имѣть въ виду то одинъ, то другой изъ ея моментовъ.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРОВЕДЕНІЕ ОБЛАСТНОЙ РЕФОРМЫ 1727 Г.

Самою интересною и самою блестящею, можетъ-быть, стороною реформаторской дѣятельности Петра Великаго была его попытка создать стройную систему учрежденій, которыя должны были обезпечить управленіе Россіей сверху до низу, отъ центровъ до далекихъ окраинъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы эта сторона реформы оказалась очень успѣшной. Центральное управленіе, созданное Петромъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, все же кое-какъ устояло и просуществовало до Екатерины II, частью даже до Александра I. Но областныя учрежденія, созданныя Преобразователемъ на мѣстѣ разрушенныхъ реформою старинныхъ учрежденій Московской эпохи, задуманныя смѣло и организованныя съ большимъ трудомъ и стараніемъ, едва пережили великаго царя. Та отрасль реформы, въ которой, пожалуй, болѣе всего сказалось стремленіе разумно творить вновь, гдѣ изъ пустого почти мѣста предполагалось создать сложную и систематически построенную организацію, оказалась наименѣе жизнеспособною и долговѣчною, и «исторія кратковременнаго существованія областныхъ учрежденій 1719 года», по словамъ ихъ изслѣдователя, «есть не болѣе, какъ исторія ихъ быстраго разрушенія»[1]). Областная реформа Петра Великаго была попыткой строить на зыбучемъ пескѣ, или взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ. Смѣлая попытка закончилась неудачей и почти призрачныя учрежденія 1719 года были замѣнены другими, гораздо менѣе интересными съ точки зрѣнія творческой мысли человѣка, но болѣе приспособленными къ русскому обществу и къ русской жизни и потому прослужившими гораздо дольше.

Причины неустойчивости и недолговѣчности Петровскихъ областныхъ учрежденій исчерпывающимъ образомъ разобраны въ изслѣдованіи проф. М. М. Богословскаго: мнѣ остается лишь резюмировать ихъ. Областная реформа Петра съ самаго начала пришлась не ко двору въ той реальной обстановкѣ, въ которой она была произведена. Осуществленіе ея стоило дорого; дорогимъ было и содержаніе новыхъ учрежденій, оказавшееся не подъ силу тогдашней государственной казнѣ; людей для новыхъ учрежденій не хватало, да и тѣмъ, которые были налицо, при-

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго, 454.

ходилась совсѣмъ не по плечу новая служба. Новыя учрежденія должны были, по мысли ихъ творцовъ, перевернуть управленіе русской провинціей, но для этого нужно было создать «новую породу людей», а если объ этомъ безъ всякаго успѣха мечтали въ Екатерининское время, то не мудрено, что при Петрѣ жизнь горько посмѣялась надъ реформаторами. Съ самаго начала въ новые мѣхи полилось старое вино, въ новыхъ рамкахъ появились старыя картины. Пассивность областной администраціи и исключительная работа для интересовъ центра, произволъ и злоупотребленія и въ новыхъ учрежденіяхъ остались такими же, какими были раньше. Живучая сила старыхъ до-Петровскихъ привычекъ разбила расчеты раціоналистовъ XVIII вѣка, думавшихъ создать новую жизнь въ русской провинціи; быстрый и полный крахъ судебныхъ учрежденій Петра, этой первой попытки отдѣлить въ Россіи судъ отъ администраціи, согласно требованіямъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

«Несоотвѣтствіе учрежденій тому обществу, въ которое они вводились, не было единственной причиной ихъ разрушенія. Другихъ надо искать во вліяніи тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ была грандіозная и необыкновенно смѣлая податная реформа, предпринятая одновременно съ административной и шедшая съ ней параллельно. Это было введеніе подушной подати»[1]). Задуманныя и осуществляемыя по различнымъ планамъ оба грандіозныя предпріятія Петра не могли не оказывать вліянія одно на другое, при чемъ болѣе сложное, болѣе хрупкое и менѣе необходимое съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ, именно областная реформа, страдало и искажалось особенно сильно.

Финансовый упадокъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра и царствованія его преемницы, когда населеніе, изнуренное долгой войной и частыми въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка неурожаями, особенно больно почувствовало тяжесть подушной подати, былъ другимъ и не меньшимъ по важности обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ разрушенію хрупкихъ областныхъ учрежденій Петра. Въ сущности, въ исторіи этого разрушенія можно отмѣтить три момента: о двухъ изъ нихъ мы уже сейчасъ говорили: несоотвѣтствіе областныхъ учрежденій обществу той эпохи искажало ихъ и приводило ихъ незамѣтно къ упадку; экономическія условія времени, происходившія отъ введенія тяжелой подушной подати и отъ пониженія благосостоянія плательщиковъ въ концѣ царствованія Петра, дѣлали особенно чувствительной дороговизну содержанія новыхъ учрежденій, пользы которыхъ огромное большинство дѣятелей 20-хъ годовъ не видѣло; отсюда недалеко до третьяго момента: уже искаженныя, считавшіяся слишкомъ дорогими и мало полезными, областныя учрежденія стали вызывать упорную и ожесточенную критику. Она робко началась еще при Петрѣ, а по его смерти она

---

[1] *Богословскій*, Областная реформа, 453.

слилась съ тѣмъ общимъ, реакціонно-критическимъ настроеніемъ, которое овладѣло людьми, получившими въ свои руки наслѣдіе преобразователя. Рыданія, съ которыми погребали Петра Великаго, были напускными; на самомъ дѣлѣ, смерть его вызвала вздохъ облегченія у правительственныхъ дѣльцовъ, не умѣвшихъ продолжать дѣло Петра, и не дорожившихъ его наслѣдіемъ. Въ ближайшіе послѣ Петра годы изъ его реформъ сохранялось то, что считалось необходимымъ для обезпеченія государства отъ внѣшней опасности, и то, что приходилось по вкусу правящимъ кругамъ; такъ, осталась армія, сохранилась невская столица, сохранился и внѣшній европейскій лоскъ, которымъ люди второй четверти XVIII вѣка съ трудомъ прикрывали ветхое московское рубище; наоборотъ, то, что было слишкомъ тонко, сложно, дорого и вдобавокъ не считалось особенно полезнымъ, уничтожалось не только безъ сожалѣнія, но, можетъ-быть, и со злораднымъ чувствомъ людей, переставшихъ бояться Петровской дубинки: заброшенъ былъ флотъ, погибли и областныя учрежденія, созданныя Петромъ. Съ реакціонными тенденціями правящихъ круговъ послѣ-Петровской эпохи совпало и общее настроеніе русскаго общества того времени. Выведенное изъ состоянія равновѣсія кипучею дѣятельностью царя-преобразователя, оно безсознательно, быть-можетъ, но сильно стремилось къ старому, спокойному и привычному для него строю; не даромъ дворяне, пріѣзжавшіе на побывку въ свои вотчины изъ столицы и изъ арміи или уволенные въ отставку, снимали камзолы, мундиры и парики, съ облегченіемъ одѣвались въ запрещенные кафтаны и однорядки и ходили съ бородами[1]). Эволюція исторіи областного управленія послѣ Петра напоминаетъ это стремленіе русскихъ дворянъ. Сложное и непонятное большинству современниковъ областное управленіе Петра смѣнилось сейчасъ же вслѣдъ за его кончиной другой, болѣе простой и удобной системой учрежденій, во многомъ напоминавшей старый московскій строй и продержавшейся до Екатерины II.

Записка о неурядицахъ и опасностяхъ, которыя грозятъ Россіи, составленная въ 1725 году Ягужинскимъ, и обсужденіе осенью того же года въ сенатѣ и въ особой комиссіи генераловъ вопросовъ, связанныхъ съ переживаемымъ страною экономическимъ упадкомъ[2]), были первыми провозвѣстниками грядущихъ упрощеній въ дѣйствовавшемъ областномъ управленіи. Ни въ запискѣ Ягужинскаго, ни въ сенатѣ, ни въ комиссіи генераловъ не говорилось еще объ измѣненіяхъ въ устройствѣ областныхъ учрежденій, но всякое разсужденіе о томъ, какъ «показать народу милосердіе», должно было неминуемо привести къ сокращенію непроизводительныхъ и лишнихъ расходовъ; а такъ какъ областныя учрежденія

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, VII, № 4893; *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, III, 194, 195.

[2]) Записка Ягужинскаго въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860 г., IV, 269—273; докладъ сената и мнѣніе генералитета о содержаніи въ мирное время арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть: въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1897 г., II; *Богословскій*, Областная реформа, 479—485.

считались и дорогими и малополезными [1]), то вопросъ о ихъ реформѣ долженъ былъ быть вопросомъ ближайшаго времени. Онъ и былъ поставленъ на очередь въ слѣдующемъ 1726 году. Въ лѣтніе мѣсяцы этого года была рѣшена участь нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ и плохо между собой размежеванныхъ финансовыхъ органовъ провинціальнаго управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые возникъ вопросъ о возстановленіи воеводъ во всѣхъ городахъ, гдѣ они существовали въ старое, т.-е. въ до-Петровское, время. Дѣло началось въ сенатѣ, который, обсудивъ его, вошелъ въ началѣ іюня 1726 года съ доношеніемъ къ императрицѣ. «Съ прошлаго 719 года», говорится въ этомъ доношеніи, «въ губерніяхъ и провинціяхъ опредѣлены для надзиранія сборовъ камериры, а для пріему и расходу денежной казны рентмейстеры, а съ 724 года, вмѣсто прежнихъ земскихъ сборовъ, положены подушныя деньги и опредѣлены къ тѣмъ деньгамъ, кромѣ вѣдомства воеводъ и камерировъ, особые земскіе комиссары, которые сами о себѣ должны во всемъ счеты камеръ-коллегіи присылать. И тако у камерировъ и рентмейстеровъ противъ прежняго дѣла осталось мало». «Того ради, не соизволитъ ли», заканчивалъ сенатъ свое донесеніе, «Ваше Величество въ губерніяхъ и провинціяхъ опричь С.-Петербурга, Москвы и Сибири, понеже въ тѣхъ мѣстахъ приходъ и расходъ и нынѣ бываетъ не малый, рентмейстерамъ не быть, а быть однимъ камерирамъ», къ которымъ и должны перейти рентмейстерскія дѣла. Предложеніе сената, которое имѣло въ виду упраздненіе одной лишь должности рентмейстеровъ, подкрѣплялось вѣскимъ соображеніемъ объ ежегодной экономіи въ 5470 рублей, которая должна была образоваться такимъ образомъ [2]). Верховный тайный совѣтъ, впервые обсуждавшій поднятый сенатомъ вопросъ 15-го іюня, началъ съ того, что значительно его расширилъ. Признавъ неудобства, проистекающія отъ существованія излишнихъ должностей камерировъ и рентмейстеровъ, отчего «происходятъ въ дѣлахъ непорядки и продолженіе, въ дачѣ жалованья напрасные убытки, народу отъ многихъ и разныхъ управителей тягости и волокиты», члены совѣта высказали еще и слѣдующія соображенія: «прежде сего бывали во всѣхъ городахъ одни воеводы, и всякія дѣла, какъ государевы, такъ и челобитчиковы, отправляли одни и были безъ жалованья, и тогда лучшее отъ одного правленія происходило, и люди бывали довольны». Къ соображеніямъ объ экономіи, которая могла получиться отъ упраздненія лишнихъ должностей, присоединялось и другое, не менѣе вѣское указаніе на общее желаніе вернуться къ болѣе простому управленію одного лица, которымъ «всѣ бывали довольны;» довольство это, конечно, слѣдуетъ въ лучшемъ случаѣ понимать въ смыслѣ привычки. «И о томъ повелѣно» заканчивается журналъ верховнаго тайнаго совѣта, «всѣ тѣ прочія и тому подобныя обстоятельства написать и доложить Е. И. Величе-

[1]) *Богословскій*. Областная реформа, 488—492. *Соловьевъ*, кн. IV, т. XVII стран. 875—878; 887—895.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стран. 413.

ству»[1]). Устный докладъ дѣла Екатеринѣ I имѣлъ мѣсто въ засѣданіи совѣта 6-го іюля, происходившемъ въ присутствіи государыни. Предположенія сената объ упраздненіи рентмейстеровъ получили полное одобреніе, но вопросъ объ установленіи болѣе привычныхъ и близкихъ къ народу областныхъ властей принялъ на первое время нѣсколько неожиданный оборотъ. Въ засѣданіи 6-го іюля было принципіально рѣшено не возстанавливать воеводской должности въ ея старинномъ объемѣ, но учредить въ тѣхъ городахъ, которые къ провинціальнымъ городамъ приписаны, особыхъ управителей для судныхъ и розыскныхъ дѣлъ, на рѣшеніе которыхъ можно было бы апеллировать къ провинціальнымъ воеводамъ; иначе сказать, было рѣшено сдѣлать повсемѣстнымъ институтъ судебныхъ комиссаровъ, существовавшихъ при Петрѣ лишь въ городахъ, наиболѣе удаленныхъ отъ провинціальныхъ центровъ[2]). Относительно названія проектированныхъ управителей было принято интересное рѣшеніе. Императрица, вѣроятно по мысли какого-нибудь изъ окружавшихъ ее лицъ, повелѣла и въ приписные города опредѣлить не управителей, а «воеводъ же, разсуждая, первое, что чинъ воеводскій уѣзднымъ людямъ во отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе, второе, что и по прежнему обыкновенію въ городахъ, которые приписаны были къ большимъ, въ тѣхъ бывали воеводы жъ[3])». Въ изложенномъ направленіи оба поднятые вопроса и получили законодательное разрѣшеніе. Двумя указами отъ 15 іюля 1726 года штатсъ-контора была подчинена камеръ-коллегіи, уничтожены рентмейстеры въ провинціяхъ, кромѣ Петербурга, Москвы и Тобольска и учреждены судебные воеводы въ приписныхъ къ провинціямъ городахъ[4]).

Указы эти имѣли, однако, очень неодинаковую судьбу. Первый изъ нихъ, уничтожавшій рентмейстерскую часть, только разрушалъ одну изъ преждевременно захирѣвшихъ должностей Петровской эпохи; безъ особыхъ задержекъ сталъ онъ осуществляться и на практикѣ. Но мы вовсе не находимъ слѣдовъ того, чтобы на основаніи второго указа 15-го іюля гдѣ-либо, дѣйствительно, появились судебные воеводы. Указъ этотъ остался какъ будто мертвой буквой; однако, на самомъ дѣлѣ, смотрѣть на него надо нѣсколько иначе. Онъ не былъ осуществленъ немедленно, вѣроятно, потому, что надъ реформой, которую онъ долженъ былъ произвести, все еще продолжали думать. Онъ былъ замедленъ введеніемъ въ дѣйствіе до того времени, когда вопросъ объ измѣненіи областного управленія былъ поставленъ шире, и тогда онъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе радикальнымъ указомъ 24 февраля 1727 года. Въ подтвержденіе такой мысли можно привести нѣсколько соображеній. При подготовкѣ указа 15-го іюля дѣло, съ одной стороны, идетъ какъ будто

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV, стран. 361.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа, 242—243.

[3]) Сб. Р. И. О., т. LV, стран. 403, 458; въ засѣданіи присутствовали: герцогъ Голштинскій, гр. Головкинъ, кн. Д. М. Голицынъ и гр. П. Толстой; письменный докладъ, подписанный тѣми же лицами, составленъ 13-го іюля.

[4]) П. С. З., VII, №№ 4928, 4929.

о томъ, чтобы учредить особыхъ управителей, соотвѣтствующихъ Петровскимъ судебнымъ комисарамъ, которыхъ рѣшено было назвать воеводами лишь по старой привычкѣ, да потому, что это названіе должно было внушать особый страхъ населенію; но, съ другой стороны, въ засѣданіи 15-го іюля говорили о прежнихъ воеводахъ, которые повсемѣстно въ уѣздахъ управляли единолично и обязанности свои исполняли безъ особаго, присвоеннаго должности, жалованья. Еще въ письменномъ докладѣ 13-го іюля говорится о томъ, что «въ прежнія времена бывали во всѣхъ городахъ особливые воеводы, а въ знатныхъ городахъ при воеводахъ дьяки, а въ посредственныхъ городахъ — подьячіе съ приписью». Читая эти строки, нельзя не подумать, что передъ членами верховнаго совѣта носилась перспектива полнаго возвращенія къ областнымъ учрежденіямъ XVII вѣка съ возстановленіемъ стариннаго уѣзда, управляемаго воеводою. Перспектива эта, суженная почему-то въ іюльскихъ засѣданіяхъ верховнаго тайнаго совѣта, не исчезла и послѣ изданія указа 15-го іюля: она крѣпла и разрасталась, задержавъ осуществленіе этого указа и постепенно подготовляя полную отмѣну Петровскихъ учрежденій. Обсужденіе способовъ облегчить народныя тягости и удешевить управленіе не прекращалось, какъ это видно изъ журналовъ верховнаго тайнаго совѣта, до конца 1726 года. Къ исторіи отмѣны Петровскихъ учрежденій относится рѣшенная и осуществленная какъ разъ въ это время отмѣна вальдмейстеровъ[1]). Осенью составлялись, а въ концѣ года были поданы особыя мнѣнія членовъ верховнаго тайнаго совѣта по вопросамъ, связаннымъ съ неотложными преобразованіями[2]). Всѣ эти мнѣнія, всѣ мысли, высказывавшіяся отдѣльно

---

[1]) Обсужденіе этой мѣры происходило въ концѣ октября 1726 г.; отмѣна произошла въ декабрѣ. Сб. Р. И. О., т. LVI, стран. 311; П. С. З., VII, № 4995, п. 4. П. С. З., VII, № 5096: 16 іюня 1727 г. упраздненіе вальдмейстеровъ въ Ингерманландіи.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа, 485—449; *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. IV, т. XVIII, стран. 887—891. Характеръ «разсужденій о попеченіи народу» какъ нельзя болѣе ясенъ изъ нѣкоторыхъ мыслей, высказывавшихся высшими сановниками. «Кажется, крестьянству ничто такъ не чувствительно, какъ разныя имъ команды, а ни одного опекуна, какъ бывали прежде воеводы, нѣтъ. Но въ одной провинціи, нѣкимъ малымъ смотрѣніемъ, а не во всемъ — воеводы, второе — камериры, третье — комиссары, четвертое — многоперемѣнные пріѣзжающіе отъ полковъ офицеры съ солдаты: что имъ бы только взять сполна, а тамъ какъ хочетъ. Изъ сихъ подлый мужикъ не вѣдаетъ кто у нихъ большой — всѣхъ боится, отъ всѣхъ, увидя, въ лѣсъ бѣжитъ, прятается или откупается. Напротивъ того, если бъ одинъ въ провинціи главный командиръ былъ, который бы смѣлъ всѣхъ судить, то комиссаръ бы надѣялся на него и боялся, что онъ судимъ будетъ отъ него, то бъ не вовсе противъ присланныхъ офицеровъ и солдатъ робѣлъ. Понеже всѣ его суды будутъ, а не солдатъ солдата судить будетъ, какъ и говорится слово, куда бить челомъ идешь: «имъ же, да на нихъ же». А чтобъ солдата съ мужикомъ въ тихомирномъ видѣти житьѣ, кажется, чтобъ солдатамъ жить лучше при штапныхъ дворахъ, а не въ розни въ деревняхъ». (Государственный архивъ, разр. IX, дѣла кабинета, ч. II, дѣло 93, л. 620—622). Въ этомъ, не особенно краснорѣчивомъ разсужденіи ясно видно и то, о чемъ болѣе всего думали реформаторы 1726—27 гг., и то, къ чему направлялись ихъ усилія.

правительственными дѣятелями того времени, полнѣе всего выразились въ составленномъ въ первые дни 1727 года и датированномъ 9-го января проектѣ манифеста, оставшагося не опубликованнымъ, но сдѣлавшагося основаніемъ всѣхъ мѣропріятій, принятыхъ въ послѣдующіе мѣсяцы правительствомъ для облегченія населенія отъ тяжелыхъ послѣдствій Петровскихъ реформъ.

Этотъ документъ не разъ назывался современниками, обсуждавшими его, «указомъ о всенародномъ облегченіи»; дѣйствительно, эту цѣль имѣютъ въ виду всѣ 12 пунктовъ манифеста; мотивировка отдѣльныхъ мѣръ не представляетъ чего-либо новаго; всѣ мысли, сюда относящіяся, уже высказывались въ сенатѣ или верховномъ тайномъ совѣтѣ въ 1726 году; не новость и нѣкоторая идеализація проектированнаго воеводскаго управленія. Манифестъ имѣетъ въ виду облегчить податное бремя крестьянъ дѣйствительнымъ проведеніемъ въ жизнь принципа податной отвѣтственности помѣщиковъ за ихъ крестьянъ съ устраненіемъ обычныхъ злоупотребленій управителей, «понеже о томъ всѣмъ извѣстно, что въ небытность помѣщиковъ въ деревняхъ прикащики ихъ, что хотятъ, дѣлаютъ, то и доимокъ причиною они жъ». Для народнаго облегченія манифестомъ 9-го января проектировалась и другая мѣра, показывающая, что совѣтники императрицы прекрасно понимали весь вредъ, происходившій отъ нахожденія на мѣстахъ, на ряду съ областными властями, различныхъ военныхъ командъ, не подчиненныхъ областнымъ правителямъ и часто дѣйствовавшихъ наперекоръ имъ. Пунктомъ четвертымъ манифеста предполагалось вывести изъ провинціи всѣ находившіеся тамъ военные отряды. Въ пунктахъ пятомъ и восьмомъ находимъ рядъ мѣръ уже значительно болѣе конкретно, чѣмъ разсужденія и указы 1726 года, рисующихъ будущее устройство областного управленія: предположено было «офицеровъ и солдатъ отъ сборовъ вовсе отрѣшить, а сборы положить на воеводъ, которые бъ были добрые и безпорочные люди, а имъ для вспоможенія придать въ товарищи въ каждую провинцію одного изъ штабныхъ офицеровъ» и подчинить и тѣхъ и другихъ губернаторамъ. Во избѣжаніе несогласій между провинціальными воеводами и ихъ помощниками штабъофицерами отъ того, что «воеводамъ ранга не положено», предположено было дать провинціальнымъ воеводамъ рангъ полковничій, пока они будутъ находиться въ должности воеводъ. Наряду со всѣми провинціальными властями губернаторамъ должны были быть подчинены и магистраты городовъ. «Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не только служитъ къ великому отягощенію стата, но и къ великой тягости народной». Всѣ они «жить и пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ». Во избѣжаніе такого зла предписывалось «немедленно разсмотрѣть въ сенатѣ штатъ и учредить на лучшемъ основаніи». Общія основанія будущаго «штата» уже указывались, однако, самимъ манифестомъ, предписывавшимъ, «какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ комиссаровъ вовсе отставить и положить всю рас-

праву и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ, отчего будетъ «бѣдному народу облегченіе», заключающееся въ томъ, «что вмѣсто разныхъ и многихъ канцелярій и судей только одну канцелярію знать будутъ». На областную администрацію предполагалось возложить и обязанности мѣстныхъ агентовъ вотчинной коллегіи [1]). Сопоставляя предначертанія манифеста 9-го января съ указомъ 15-го іюля предыдущаго года о введеніи воеводъ, можно сказать, что къ началу 1727 года общіе принципы, на которыхъ должны были быть построены будущія областныя учрежденія, уже были выработаны: единоличное, сосредоточенное въ полномъ объемѣ въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ управленіе должно было замѣнить проводившееся Петромъ раздѣленіе областныхъ властей; болѣе мелкая административная единица съ воеводою во главѣ заслоняла Петровскую провинцію; наконецъ, вмѣсто неопредѣленнаго подчиненія Петровскаго провинціальнаго воеводы губернатору вводился принципъ іерархическаго подчиненія городового воеводы провинціальному и обоихъ ихъ губернатору.

Но проектъ манифеста 9-го января не былъ точно формулированнымъ закономъ; на основаніи этого акта, не опубликованнаго, но прочтеннаго въ верховномъ тайномъ совѣтѣ 11-го января [2]) и являющагося, такимъ образомъ, какъ бы законодательнымъ предложеніемъ, внесеннымъ въ совѣтъ отъ имени императрицы, предстояло выработать текстъ самаго закона. Какъ отнесся къ этой задачѣ верховный тайный совѣтъ, видно изъ его журналовъ за январь, февраль и мартъ 1727 года Обсужденіе началось 11-го января, когда «по разсужденіи» совѣтъ постановилъ «съ того указа, учинить пункты краткіе для размѣтки, откуда все надлежитъ взять». Выводъ военныхъ отрядовъ и уничтоженіе при провинціальныхъ воеводахъ асессоровъ съ замѣной ихъ штабъ-офицерами-товарищами (асессоровъ рѣшено было сохранить только при губернаторахъ) было сначала предположено только послѣ того, какъ города «удовольствуются добрыми воеводами». Однако скоро взяло верхъ другое мнѣніе. 23-го января «присутствующія особы разсуждали», что хотя въ приписные города воеводы еще не назначены, но они уже существуютъ «едва ли не во всѣхъ провинціяхъ» почему, по мнѣнію совѣта, вывести отряды можно немедленно. Несмотря на желаніе Меншикова затянуть дѣло, мнѣніе о немедленномъ выводѣ военныхъ отрядовъ пріобрѣтало все новыхъ сторонниковъ и 1-го февраля вопросъ былъ окончательно рѣшенъ именно въ этомъ смыслѣ. Постановленіе совѣта 1-го февраля почти цѣликомъ вошло въ текстъ указа 9 февраля 1727 года, предписавшаго офицерамъ, посланнымъ въ 1726 году для ревизіи, и офицерамъ, находящимся у подушнаго сбора, ѣхать немедленно къ своимъ частямъ, передавъ дѣла губернаторамъ; подъ начальство губернаторовъ и воеводъ переходили также и земскіе комиссары, ранѣе подчиненные офицерамъ.

---

[1]) Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, стран. 84—98; *Богословскій*, Областная реформа, стран. 478—493.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 22—24 (№ 15).

Только офицеры, опредѣленные для сбора рекрутъ, должны были ждать окончанія набора; они обязаны были понуждать въ этомъ дѣлѣ губернаторовъ и воеводъ, но самимъ имъ ѣздить въ уѣзды воспрещалось[1]). Рѣшеніе вывести большинство командъ изъ провинцій съ возложеніемъ обязанностей, исполнявшихся до того офицерами, на немногочисленныхъ губернаторовъ и провинціальныхъ воеводъ, заставило поспѣшить съ окончательной организаціей новаго областного управленія. Уже 22-го февраля въ верховномъ тайномъ совѣтѣ была выработана редакція именного указа, «каковъ отправленъ быть имѣетъ въ сенатъ» въ развитіе остальныхъ предположеній манифеста 7-го января. Въ тотъ же день проектъ указа, опубликованнаго два дня спустя, былъ сообщенъ и военной коллегіи[2]). Указъ 24 февраля 1727 года, подтвержденный 15 марта того же года, долженъ считаться актомъ, разрушившимъ областныя учрежденія Петра и учредившимъ основныя положенія новаго областнаго управленія. Подтверждая указъ 9-го февраля, онъ возлагаетъ подушный сборъ на воеводъ, «которые были бы добрые и безпорочные люди». Кандидатовъ на должность воеводъ, которые теперь же должны быть назначены во всѣ приписные, т.-е. уѣздные города, предоставляется выбрать сенату съ камеръ-коллегіей, «а для аппробаціи предоставить въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ». Губернаторы, провинціальные воеводы и къ нимъ товарищи, заступившіе мѣсто прежнихъ асессоровъ, избираются самимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. На сенатъ же возлагается обязанность выработать новую инструкцію для губернаторовъ и воеводъ. Областныя власти становятся агентами вотчинной коллегіи, имъ подчиняются магистраты; наконецъ, — это составляетъ дополненіе по существу къ предположеніямъ манифеста 9-го января — «понеже не безъизвѣстно есть, что синодскаго вѣдомства, какъ отъ управителей вотчинъ ихъ, такъ и отъ крестьянъ чинятся свѣтскимъ многія обиды, того ради, для лучшаго въ томъ порядка, указали мы тѣмъ синодскаго вѣдомства крестьянамъ и прикащикамъ и прочимъ чинамъ, кромѣ духовныхъ, въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ быть вѣдомымъ у нихъ же губернаторовъ и воеводъ по прежнему»[3]). Такимъ образомъ, въ возстановлен-

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 22, 49, 50, 60, 63, 64, 70, 71, 82, 106, 107—117 (засѣданія 11, 20, 23, 24 и 30 января и 1 февраля); П. С. З., т. VII, № 5010.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 135.

[3]) П. С. З., т. VII, №№ 5017 и 5033. Указомъ 24 февраля проводились и всѣ другія мѣры, считавшіяся необходимыми для «народнаго облегченія», и возвѣщенныя въ проектѣ манифеста 9 января; давались льготы по сбору подушныхъ и отмѣнялся сборъ за майскую треть 1727 г.; полки рѣшено селить при городахъ въ отмѣну Петровскаго закона; когда коньюнктуры допустятъ, разрѣшалось $^{2}/_{3}$ офицеровъ отпускать по домамъ безъ уплаты имъ жалованья и т. д. По своему содержанію указъ 24 февраля почти цѣликомъ воспроизводитъ манифестъ 9 января; изъ 9 его статей 6 (4—9) составляютъ развитіе и перефразировку статей 7—12 манифеста; статьи 1, 2 и 5 совпадаютъ въ значительной части со статьями 2, 3, 5 и 6 манифеста. Указъ 15 марта совершенно сходенъ со статьями 1—5 указа 24 февраля, т.-е. съ тою его частью, которая содержитъ преобразованіе областныхъ учрежденій. Съ формальной стороны разница между ними та, что указъ 24 февраля есть указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта сенату, а указъ 15 марта — именной, состоявшійся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

номъ уѣздѣ власть воскреснаго воеводы должна быть болѣе полной и всеобъемлющей, нежели власть воеводы XVII вѣка.

Указами 24 февраля и 15 марта 1727 года составленіе инструкціи губернаторамъ и воеводамъ было возложено на сенатъ. Вмѣстѣ съ только что упомянутыми указами инструкція эта, утвержденная 12 сентября 1728 года, представляетъ основной законодательный актъ въ исторіи контръ-реформы, уничтожившей областныя учрежденія Петра Великаго. Составляя руководство для губернаторовъ и воеводъ въ ихъ дѣятельности, она въ тоже время дополняетъ указы 1727 года тѣмъ, что власть мѣстныхъ административныхъ учрежденій она распространяетъ и на управителей дворцовыхъ волостей. Къ сожалѣнію, о подготовкѣ инструкціи въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ мы знаемъ гораздо менѣе, чѣмъ о подготовкѣ указовъ 24-го февраля и 15-го марта, такъ какъ журналы и протоколы сената за эти годы не сохранились[1]). Изъ журналовъ верховнаго тайнаго совѣта видно, что думать объ инструкціи стали еще весною 1727 года, «понеже де прежнія инструкціи по новому указу въ состояніи быть не могутъ[2])». По затѣмъ въ этихъ журналахъ мы находимъ лишь нѣсколько отрывочныхъ извѣстій, относящихся къ іюлю и августу 1728 года, когда проектъ инструкціи, вѣроятно, выработанный въ сенатѣ, былъ внесенъ на обсужденіе тогдашняго высшаго учрежденія имперіи. Такъ, 31-го іюля «была слушана инструкція воеводская и поправливана», 9-го августа «слушанъ инструкціи воеводской пунктъ, чтобъ обидъ и налоговъ не чинили и взятокъ нападками не брали и опробованъ» — это пунктъ 49; 5-го августа разсматривался пунктъ 51, изъ чего слѣдуетъ заключить, что обсужденіе шло не въ порядкѣ статей[3]). О самомъ характерѣ работъ по составленію инструкціи можно, мнѣ кажется, судить по тому, какъ двѣнадцать лѣтъ спустя въ сенатѣ разрабатывался проектъ особой инструкціи сибирскому губернатору: проектъ этотъ сочинялся изъ прежде изданныхъ указовъ и наказовъ, для чего изъ нихъ изготовленъ былъ «сводъ». На основаніи этого свода, разсмотрѣннаго въ сенатѣ, составленъ былъ уже самый проектъ, который потомъ вновь подвергался разсмотрѣнію въ сенатѣ[4]). Инструкція, на которой ниже мы остановимся подробнѣе, нѣсколько запоздала, сравнительно съ указами первыхъ мѣсяцевъ 1727 года, и правительство временно замѣняло ея отдѣльными напоминаніями областнымъ властямъ о безволокитномъ судѣ, о воздержаніи отъ взятокъ, о своевременномъ сборѣ казенныхъ доходовъ и другими обычными и въ допетровское время уже превратившимися въ шаблоны призывами къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей[5]).

---

[1]) Журналы Прав. Сената за 1737 годъ, изд. *А. И. Филипповымъ*, т. I, введеніе, стран. 4.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 51.

[3]) Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 217, 237, 241, 278.

[4]) Сенатскій архивъ, т. II, 276, 304, 369 и 417; т. III, 345—347.

[5]) П. С. З., т. VII, № 5059; т. VIII, № 5157.

Еще весною 1727 года, тотчасъ за изданіемъ указовъ о введеніи воеводскаго управленія въ уѣздахъ, было фактически приступлено къ назначенію новыхъ воеводъ, а затѣмъ, такъ какъ преобразованіе 1727 года не отличалось большой продуманностью и систематичностью и ограничилось краткими учредительными указами, то въ ближайшіе годы жизнь выдвигала много детальныхъ вопросовъ, на которые приходилось такъ или иначе откликаться законодательству ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго. Вопросъ о назначеніи на воеводскія должности составилъ предметъ заботъ правительства въ тѣ же первые мѣсяцы 1727 года. Измѣненіямъ въ системѣ областныхъ учрежденій соотвѣтствовало и нѣкоторое обновленіе личнаго состава областныхъ правителей. Еще указъ 24-го февраля говорилъ о возможности того, что на уже существующія мѣста нѣкоторыхъ губернаторовъ и провинціальныхъ воеводъ «разсудится для лучшаго исправленія послать другихъ». Общій составъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, кажется, не подвергался пересмотру; въ первые мѣсяцы 1727 года произведены были только частичныя измѣненія, вызвавшія долгія предварительныя обсужденія въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, и назначены начальники двухъ новыхъ губерній, Новгородской и Бѣлгородской[1]). Но тотчасъ же послѣ изданія указа 24-го февраля и совершенно согласно съ его смысломъ верховный тайный совѣтъ занялся вопросомъ о пересмотрѣ состава провинціальныхъ воеводъ. Впрочемъ, впервые вопросъ о провинціальныхъ воеводахъ возникъ даже немного ранѣе: еще 20-го января въ засѣданіи совѣта были намѣчены 11 кандидатовъ на должности провинціальныхъ воеводъ. 28-го февраля въ совѣтъ призваны были сенаторы Мамоновъ, Салтыковъ, князь Долгорукій, Новосильцевъ, Нелединскій, Наумовъ и президенты камеръ-коллегіи Нарышкинъ и Плещеевъ и совмѣстной работой членовъ совѣта, сенаторовъ и коллежскихъ президентовъ намѣчены были кандидаты въ воеводы 13 провинцій; обсужденіе кандидатовъ продолжалось и въ слѣдующіе дни, а 14-го марта послѣдовалъ указъ о назначеніи воеводъ въ 31 провинцію (32-я Пошехонская уничтожалась, и территорія ея приписывалась къ Ярославской провинціи). Согласно съ указаніемъ манифеста 9-го января и со второй статьей указа 24-го февраля, вмѣстѣ съ воеводами назначены были во всѣ провинціи и воеводскіе товарищи — помощники воеводъ. Составъ провинціальныхъ воеводъ подвергся очень крупнымъ измѣненіямъ: изъ 31 провинцій только въ двѣнадцати остались прежніе воеводы; въ 16 провинцій были назначены новыя лица; Ярославскій провинціальный воевода, полковникъ Волковъ переведенъ въ Юрьевъ-Польскій; относительно двухъ воеводъ указаній нѣтъ[2]). Что касается воеводскихъ товарищей, то на эту

[1]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 15, 39, 45, 65, 71, 72, 81, 119, 149, 155, 180—181, 186, 195, 219, 449, 461.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 52, 182, 185; П. С. З., т. VII, № 5029; обсужденіе кандидатовъ на должности провинціальныхъ воеводъ совершенно устраняетъ возможность высказаннаго Ѳ. М. Дмитріевымъ предположенія, что при первомъ назначеніи городовыхъ воеводъ о провинціяхъ какъ бы забыли. (Исторія Судебныхъ инстанцій. Соч., т. I, стран. 453.)

должность попали, въ большинствѣ случаевъ, лица, занимавшія упраздненныя должности по областному управленію. Такъ, въ 20 провинціяхъ воеводскими товарищами сдѣлались состоявшіе прежде при воеводахъ асессоры, въ Ярославскую былъ назначенъ воеводскимъ товарищемъ бывшій камериръ, въ Вятскую — бывшій асессоръ Тобольскаго надворнаго суда, князь Мещерскій; въ Галичъ воеводскимъ товарищемъ былъ опредѣленъ съ пониженіемъ бывшій мѣстный воевода, майоръ Дм. Колюбакинъ; относительно остальныхъ 8 воеводскихъ товарищей указаній на ранѣе занимаемую ими должность нѣтъ. Товарищи, согласно манифесту 9-го января и указу 24-го февраля, должны были быть изъ штабъ-офицеровъ, но, для обезпеченія іерархическаго превосходства воеводской должности, еще манифестъ 9-го января присвоивалъ рангъ полковничій ея носителямъ на все то время, пока они будутъ въ должности воеводы, т.-е. приравнивалъ ихъ къ старшему штабъ-офицерскому чину. Такое соотношеніе служебнаго ранга обѣихъ должностей отразилось и на назначеніяхъ: воевода почти всегда полковникъ или подполковникъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бригадиръ и очень рѣдко майоръ; воеводскій товарищъ — большею частію майоръ, иногда даже капитанъ, рѣдко подполковникъ.

Списокъ воеводъ, которые должны были быть вновь назначены въ тѣ города, гдѣ они существовали до Петровскихъ реформъ, опять-таки согласно съ только что изданными узаконеніями, былъ составленъ въ сенатѣ и представленъ въ верховный тайный совѣтъ 23 марта 1727 года. Онъ содержалъ 166 именъ кандидатовъ, изъ которыхъ 146 предназначались въ бывшіе уѣздные центры, а 20 — въ пригородки, въ которые прежде воеводы назначались не московскими приказами, а воеводами большихъ городовъ. По воеводскому списку 1727 года, это были слѣдующіе города: Шацкой провинціи: Кадомъ, Троицкій острогъ; Псковской провинціи: Гдовъ; Вятской: Кунгуръ; Бѣлгородской: Болховецъ, Нежегольскъ, Салтовъ, Алешня; Воронежской: Демшинскъ, Орловъ, Костенскъ, Урывъ, Верхососенскъ; Елецкой: Талецкой; Бахмутской: Бѣлоколодскъ, Романовъ, Сокольскъ; Свіяжской: Василь; Пензенской: Мокшанскъ; Архангелогородской губерніи: Мезень. Однако, въ 1727 году воеводы были назначены не во всѣ пригородки: въ Костромской пригородокъ — Кадуй, Вятскій -Слободской и Симбирскій — Корсунь воеводъ вмѣстѣ съ другими назначить забыли; они были опредѣлены только въ слѣдующемъ 1728 году[1]). 28 марта 1727 года списокъ кандидатовъ въ воеводы былъ слушанъ въ совѣтѣ, при чемъ въ него внесены были нѣкоторыя измѣненія, сводящіяся къ тому, что 13 кандидатовъ были перемѣщены одинъ на мѣсто другого, въ Яранскъ и Олонецъ указано было сенату избрать новыхъ кандидатовъ, отмѣнены воеводы въ городкѣ Борисовѣ, приписанномъ къ Можайску, въ Недрыгайловѣ и Суджѣ, приписанныхъ къ Путивлю, и, наконецъ, соединены вмѣстѣ,

---

[1]) Герольдмейстерской Конторы, книга 98, листы 119, 199 и 217: въ Кадуи назначенъ поручикъ Ао. И. Нѣмецкій, въ Корсунь — дворянинъ Григ. Дан. Небольсовъ, въ Слободской предписано представить кандидатовъ.

въ одно воеводское управленіе, «противъ прежняго», города Перемышль и Воротынскъ; въ прочихъ городахъ велѣно воеводамъ быть по сенатскому расписанію; указъ помѣченъ 31-мъ марта[1]). Въ городовые воеводы назначены исключительно дворяне въ чинахъ отъ поручика до полковника (послѣднихъ, впрочемъ, мало); попадаются въ довольно большомъ числѣ также старые московскіе чины въ родѣ стольниковъ, жильцовъ; ихъ отношеніе къ упраздненнымъ Петровскимъ учрежденіямъ, въ большинствѣ случаевъ, не ясно; изъ 166 лицъ, представленныхъ къ назначенію въ воеводы, лишь 5 были «изъ камерировъ», 1 — «изъ прокуроровъ», 2 — «изъ асессоровъ» и 1 — «изъ земскихъ комиссаровъ».

Одновременно съ назначеніемъ было выяснено и служебное положеніе городовыхъ воеводъ, при чемъ они были раздѣлены на двѣ категоріи. Воеводамъ городовъ, въ которыхъ изстари бывали самостоятельные воеводы, былъ назначенъ «рангъ майорскій»; воеводамъ помянутыхъ выше пригородовъ и, которые ранѣе назначались изъ крупныхъ областныхъ центровъ, присвоенъ былъ «рангъ поручичій». Воеводы бывшихъ пригородковъ и теперь были нѣсколько стѣснены особымъ надзоромъ администраціи близъ лежащихъ большихъ городовъ, которая должна была «имѣть за ними смотрѣніе»; если же они явятся неисправны, то губернаторамъ предоставлялось право «до указа» сената устранять воеводу пригорода отъ должности и даже смѣщать его[2]). Такъ незамѣтно оживали послѣ Петра старые, казалось, давно забытые, московскіе порядки, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательно проводилось начало іерархическаго подчиненія областныхъ властей однихъ другимъ, окончательно проведенное въ инструкціи 1728 года.

Новыя учрежденія начинали свое существованіе; новыя должности были замѣщены; но въ указахъ 24-го февраля и 15-го марта мы напрасно стали бы искать постановленій, регулирующихъ такой важный вопросъ, какъ вопросъ о жалованіи областнымъ правителямъ и служащимъ въ ихъ канцеляріяхъ. Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ томъ же 1727 году постепенно, тремя отдѣльными указами, и притомъ разрѣшенъ именно такъ, какъ изстари повелось: чѣмъ выше и почетнѣе была долж-

---

[1]) Списокъ, составленный въ Сенатѣ: Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 429 и слѣд.; списокъ поправокъ внесенныхъ въ в. т. совѣтѣ: П. С. З., т. VII, № 5053; обсужденіе дѣла въ в. т. совѣтѣ: Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 429. Очень характерно отношеніе къ дѣлу одного изъ виднѣйшихъ членовъ в. т. совѣта — кн. Д. М. Голицына, еще ранѣе хотѣвшаго, чтобы все дѣло назначенія воеводъ было исключительно сосредоточено въ совѣтѣ: «Апрѣля въ 1 день посыланъ былъ на дворъ къ д. т. с. кн. Голицыну, канцеляристъ Антонъ Гривцовъ съ протоколомъ для подписанія о опредѣленіи воеводъ въ приписные города и при томъ реестръ, кто въ какой городъ опредѣленъ. И по возвращеніи репортовалъ, что его свѣтлость (sic!) означенный реестръ читалъ и протоколу не подписалъ, а объявилъ, что де иныхъ, которые написаны воеводами, онъ не знаетъ, а которыхъ знаетъ, изъ тѣхъ нѣкоторыхъ признаваетъ быть къ такимъ дѣламъ не способныхъ». Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 437.

[2]) П. С. З., т. VII, №№ 5053, 5056.

ность, тѣмъ, внѣ всякой пропорціи, лучше она обставлялась матеріально; вышло, въ концѣ концовъ, что высшія ступени областной іерархіи были обезпечены болѣе или менѣе удовлетворительно, тогда какъ низшія не были обезпечены вовсе. Одною изъ основныхъ чертъ областной реформы Петра было введеніе принципа вознаграждаемости за гражданскую службу; мѣры преобразователя клонились именно къ тому, чтобы гражданская служба сама по себѣ перестала быть жалованьемъ. Для этой цѣли были установлены опредѣленные годичные оклады жалованья въ 600 рублей провинціальному воеводѣ, 200 рублей камериру, 120 рублей секретарю и т. д.[1]). Хорошо, однако, извѣстно, что содержаніе всего многочисленнаго штата провинціальнаго управленія, созданнаго Петромъ, оказалось не подъ силу государственному казначейству; жалованье задерживалось, недоплачивалось[2]). Дороговизна содержанія провинціальнаго штата была одною изъ причинъ отмѣны учрежденій Петра Великаго. Когда лѣтомъ 1726 года вопросъ объ этой отмѣнѣ былъ впервые поднятъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, члены верховнаго тайнаго совѣта съ особенной охотой возвращались къ мысли о томъ, какъ въ прежнее время воеводы отправляли всѣ дѣла одни и были безъ жалованья, чѣмъ, по мнѣнію послѣпетровскихъ реакціонеровъ, «люди бывали довольны»[3]). Стремленіе сократить расходы на содержаніе администраціи, прежде всего, отозвалось на судьбѣ низшаго элемента гражданскихъ служащихъ — приказныхъ людей, вознагражденіе которыхъ было приведено къ допетровскимъ порядкамъ. «Понеже», говорится въ указѣ 20 марта 1727 года, рѣшившемъ участь многочисленнаго приказнаго люда, «во всемъ государствѣ отъ умноженія разныхъ правителей и канцелярій не только отягощеніе штата, но и народу тягость чинится» — отъ привычки повторять эту мысль, кажется, увѣровали, что здѣсь-то и таится корень зла — «для этого велѣно оный штатъ пересмотрѣть», о чемъ уже объявлено особымъ указомъ минувшаго февраля 24-го дня[4]). Въ силу такого предписанія и обнародуется новое положеніе о службѣ приказныхъ людей. Въ прежнія времена въ Москвѣ въ приказахъ и въ знатныхъ городахъ, гдѣ были разряды, говорится далѣе въ указѣ 20-го марта, «дьяковъ и подъячихъ было умѣренное число, а нынѣ въ Москвѣ и во всѣхъ провинціяхъ у разныхъ дѣлъ тѣхъ чиновъ умножено, и на жалованье ихъ исходитъ по вся годы не малая сумма». «Того ради» императрица повелѣваетъ «при разсмотрѣніи штату опредѣленіе учинить по точному примѣру прежнихъ временъ, какъ было до 1700 года»: находящимся въ Москвѣ и губерніяхъ «дьякамъ, что нынѣ секретари», и подьячимъ «у такихъ дѣлъ, отъ которыхъ тогда пропитанія не имѣли, а давано имъ жалованье, тѣмъ и нынѣ опредѣлить жалованье такое же, а которыхъ приказовъ тогда жалованье не давано, а довольство-

[1]) Дѣла сената, кн. 58/58, л. 23—29.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 250—270.

[3]) Сб. Р. И. О., т. LV, стран. 361.

[4]) Объ этомъ говорится въ статьѣ 5 указа 24 февраля. П. С. З., т. VII, № 5017.

вались отъ дѣлъ, тѣмъ и нынѣ быть безъ жалованья по прежнему [1])». На практикѣ это значило, что значительное число приказныхъ людей, получавшихъ при Петрѣ казенное жалованье, теперь должны были «довольствоваться отъ дѣлъ», т.-е. получать подарки; а право получать подарки легко могло перейти и въ разрѣшеніе вымогать ихъ. Исключеніе дѣлалось только для Петербурга и другихъ «новозавоеванныхъ провинцій», гдѣ и при Петрѣ и при его преемникахъ существовали особыя служебныя льготы; тамъ вознагражденіе приказныхъ людей сохранялось по прежнему. Вмѣстѣ съ указомъ о сокращеніи денежнаго вознагражденія приказнымъ сокращался и самый штатъ ихъ: должность секретаря при воеводѣ сохранялась только тамъ, гдѣ ранѣе существовала должность дьяка; въ остальные положено было, согласно прежнему обычаю, посылать «подьячихъ съ приписью». Такъ воскресла старинная должность, казалось, навсегда отжившая вмѣстѣ съ Московской Русью. Всѣхъ секретарей, лишившихся своихъ мѣстъ вслѣдствіе происшедшей реформы, указомъ 15 іюля 1727 года предписано было выслать въ Петербургъ, гдѣ при общемъ недостаткѣ приказныхъ рукъ въ столичныхъ учрежденіяхъ имъ, казалось, не трудно было дать новое назначеніе.

Возвѣщенный «пересмотръ штата», т.-е. вопроса о вознагражденіи, долженъ былъ, какъ видно, коснуться и жалованья воеводъ и губернаторовъ. Но дѣло затянулось и такъ и не было выполнено до 60-хъ годовъ. Относительно провинціальныхъ и уѣздныхъ властей законодательство 1727 года, какъ мы видѣли выше, установило лишь рангъ воеводъ; рангъ этотъ, т.-е. чинъ, къ которому пріурочена была каждая должность, опредѣлялъ собою размѣръ вознагражденія: оно выдавалось по чину, согласно правиламъ, установленнымъ указомъ 14 декабря 1724 года, т.-е. въ половинномъ размѣрѣ, противъ существовавшихъ окладовъ соотвѣтсвенныхъ армейскихъ чиновъ [2]). Наиболѣе выгодно былъ разрѣшенъ вопросъ о жалованьи высшихъ областныхъ правителей — губернаторовъ. Обсужденіе дѣла въ верховвномъ тайномъ совѣтѣ въ августѣ 1727 года и сентябрѣ 1728 года показываетъ, что вопросъ этотъ былъ предметомъ большого и живого интереса. Въ концѣ концовъ, постановлено было «о губернаторахъ учинить, чтобъ въ рангахъ быть тѣхъ, въ которыхъ кто служилъ»; жалованье каждому продолжало уплачиваться по занимаемому имъ мѣсту, изъ военной коллегіи, по штату 1725 года, установившему постоянные оклады губернскимъ чинамъ [3]).

Помѣщенная ниже таблица даетъ сравненіе окладовъ жалованья, установленныхъ въ 1727 году, сравнительно съ окладами Петровскаго

[1]) П. С. З., т. VII, № 5039; подтвержденъ 22 іюля того же года: П. С. З., т. VII, № 5126; Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 257—260.

[2]) П. С. З., т. VII, № 4613; оклады армейскимъ чинамъ установлены табелью о полевой арміи 9 февраля 1720 г.; П. С. З., т. XLIII, ч. I, книга штатовъ, отд. I, къ № 3511.

[3]) Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 92, 502; П. С. З., т. XLIII, ч. I, кн. штатовъ, отдѣленіе 1-е, къ № 4764.

времени[1]), и одного бѣглаго взгляда на нее достаточно, чтобы убѣдиться, что стремленіе къ экономіи, которымъ проникнуты указы 1727 года, обрушилось на второстепенные органы областной администраціи, не задѣвая вовсе интересовъ болѣе близкаго къ законодателямъ высшаго слоя областной администраціи — чиновъ губернскихъ.

	Петровскіе оклады	оклады 1727 года.
Ген.-Губернаторъ въ Петербургѣ, Ригѣ и Ревелѣ	2532 р. 30 к.	
» » Кіевѣ	1307 » 50 »	
Губернаторъ	809 » 50 »	
Вице-губернаторъ въ Петербургѣ	1550 » 25 »	
» » Ригѣ	1288 » 20 »	
» » остальныхъ городахъ	671 » 60 »	
Оберъ-комендантъ (въ Петербургѣ)	637 » — »	
Провинціальный воевода	600 р. — к.	(300 р. рангъ полковничій)
Камериръ	200 » »	—
Рентмейстеръ	80 » »	—
Земскій комиссаръ	120 » »	—
Городовой воевода	» »	150 р. (рангъ майорскій)
Воевода пригородка	— » — »	60 р. рангъ поручичій).

Узаконенія 1727 и 1728 гг. не установили срока для полномочій областныхъ правителей, но перемѣны въ самомъ характерѣ должностей по областному управленію и приближеніе къ старому московскому воеводскому управленію должны были, неминуемо, выдвинуть этотъ вопросъ на очередь.

Въ XVII столѣтіи, когда воеводская должность офиціозно, хотя и молчаливо, признавалась средствомъ поправить свои дѣла, въ интересахъ правительства было сдѣлать срокъ пребыванія въ воеводской должности короткимъ, во избѣжаніе слишкомъ большихъ злоупотребленій. И дѣйствительно, и законодательство и жизненная практика сводили дѣло къ тому, что воеводы, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не засиживались на мѣстахъ долѣе 2—3 лѣтъ: двухлѣтній срокъ былъ, кажется, нормою; годичный — далеко не рѣдкостью[2]). Петровская областная реформа 1719 года въ корень измѣнила дѣло: сдѣлавшись вознаграждаемымъ трудомъ, переставая быть источникомъ дохода и потерявъ значеніе хо-

---

[1]) Губернскіе штаты 1725 г.: П. С. З., т. XLIII, ч. 1, книга штатовъ, отд. 1, къ № 4764; росписаніе провинціальныхъ окладовъ 1719—1727 гг.: дѣла сената, кн. 58/58, л. 23—29; установленіе ранговъ должностей въ 1727 г. и оклады по нимъ: Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 429 и слѣд., т. LXXXIV, стран. 92; П. С. З., т. VII, № 5053, т. XLIII, къ № 3511; примѣры фактическихъ выдачъ по этимъ окладамъ: Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 27; т. XCIV, стран. 651.

[2]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, 86—88.

зяйственной эксплуатаціи, управленіе перестало быть срочнымъ, и назначенія на должности по мѣстной администраціи не ограничивались какимъ-либо періодомъ, какъ это было въ XVII вѣкѣ, такъ какъ цѣлью назначенія было удовлетвореніе государственныхъ, а не личныхъ интересовъ»[1]). За указами 1727 года, открыто приближавшими областное управленіе къ стариннымъ московскимъ типамъ, должна была послѣдовать законодательная нормировка сроковъ нахожденія въ должности областного правителя. Характерно, однако, что и здѣсь сказалось особо привилегированное положеніе губернаторовъ, обычно назначавшихся изъ высшихъ сановниковъ; нормировка сроковъ, произведенная въ первые дни царствованія Анны Ивановны, указомъ 20 марта 1730 года, коснулась только воеводъ. Любопытна мотивировка этого закона, показывающая, что идеализація прежняго воеводскаго управленія, такъ громко звучавшая въ разсужденіяхъ верховниковъ времени Екатерины I, уже успѣла смѣниться инымъ отношеніемъ къ новымъ учрежденіямъ. «Понеже въ сенатѣ», говорилось въ донесеніи этого учрежденія Петру II, поданномъ еще 29 октября 1729 года, «отъ разныхъ чиновъ людей происходятъ прошенія на провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ въ разныхъ обидахъ и прочихъ непорядочныхъ поступкахъ; къ тому, не безызвѣстно есть, что многіе обидимые на воеводъ, опасаясь пущаго утѣсненія, и бить челомъ не смѣютъ; а которые хотя и бьютъ челомъ, токмо сенату безъ подлиннаго слѣдствія за истину принять и отъ воеводства по одному челобитью отрѣшить невозможно; а между тѣмъ, такимъ челобитчикамъ могутъ за то чинить и пущія обиды и утѣсненія. Того ради не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество провинціальнымъ воеводамъ и ихъ товарищамъ, тако жъ и городовымъ воеводамъ положить время — по скольку лѣтъ въ томъ правленіи быть. А сенатъ всеподданнѣйше мнѣніе свое доноситъ: воеводамъ и ихъ товарищамъ быть каждому у тѣхъ дѣлъ, кромѣ проѣзду, по 2 года, дабы вѣдая тѣ сроки о перемѣнѣ своей и что по отбытіи ихъ свободно будетъ на нихъ просить, опасаясь того челобитья, могли съ подчиненными поступать исправнѣе, а ежели кто явится въ томъ опредѣленномъ срокѣ подозрителенъ, тѣ могутъ отрѣшаться и прежде сроку; а безподозрительныхъ по прошествіи того срока опредѣлять въ другіе городы, куда запотребно разсудится»[2]). Указъ 20 марта 1730 года почти полностью воспроизводитъ мысли, высказанныя въ приведенномъ сейчасъ донесеніи. «Понеже», гласилъ онъ, «Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что многіе воеводы посадскимъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки и берутъ взятки, о чемъ уже и многія челобитья въ правительствующемъ сенатѣ на тѣхъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безперемѣнно, того ради, повелѣвалось во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною по 2 года».

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 261.

[2]) Герольдмейстерской конторы, кн. 128, л. 502.

лишь тѣ изъ нихъ, на которыхъ въ теченіе года по оставленіи должности не будетъ жалобъ, могутъ быть вновь назначаемы воеводами[1]).

Состоящая подъ начальствомъ единаго начальника, воеводы, единая канцелярія, куда населеніе можетъ обращаться за всѣми своими нуждами, также представлялась идеаломъ для творцовъ контръ-реформы 1727 года. Естественно, что вопросъ объ устройствѣ этой канцеляріи, не разрѣшенный вполнѣ, какъ и многое другое, указами 1727 года, занялъ вниманіе законодателей въ ближайшіе послѣдующіе годы. Указъ 20 марта 1727 года, какъ мы только что видѣли, оставлялъ секретарей лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ были ранѣе дьяки, и учреждалъ подъячихъ съ приписью при воеводахъ остальныхъ городовъ. Такое архаическое распоряженіе, сообразованное съ одною только стариною, не могло, однако, отвѣчать требованіямъ даже тогдашней скромной дѣйствительности. Въ 1727 и 1728 гг. отъ провинціальныхъ воеводъ, при которыхъ упразднены были секретари, стали поступать внесенія съ просьбами уравнять ихъ положеніе съ положеніемъ другихъ провинціальныхъ воеводъ. Изъ сената дѣло въ октябрѣ 1728 года перешло въ верховный тайный совѣтъ, гдѣ 26 декабря того же года былъ составленъ именной указъ, по которому должность секретарей учреждалась и въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, «гдѣ напередъ сего до 1700 года дьяковъ и не было»[2]). Указъ 26-го декабря вносилъ нѣкоторую систематическую поправку въ положеніе правителя воеводской канцеляріи, но общее положеніе губернскихъ, провинціальныхъ канцелярій и канцелярій городовыхъ воеводъ попрежнему оставалось неопредѣленнымъ. Къ числу частичныхъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію канцелярской службы, но на самомъ дѣлѣ вносившихъ въ нее еще большій безпорядокъ и мѣшавшихъ ея окончательной организаціи, относится указъ 1731 года о замѣнѣ солдатъ, принимавшихъ и считавшихъ всякіе сборы, подъячими. Его можно поставить въ нѣкоторую связь съ указомъ 9 февраля 1727 года о выводѣ военныхъ командъ изъ провинцій: оба закона имѣли въ виду удалить отъ областного управленія военный элементъ, введенный туда Петромъ и не мало способствовавшій искаженію его собственныхъ преобразованій. Подъячіе и ранѣе, съ 1714 года находились при сборахъ: полковничья инструкція 1724 года возложила это дѣло на солдатъ[3]), однако, указомъ 16 февраля 1731 года предложено вновь возвратиться къ порядкамъ 1714 года, «понеже нынѣ усмотрѣно», что у счетчиковъ солдатъ «являются великіе недочеты и большею частью отъ нихъ въ счетѣ не знанія, для того, что въ солдаты взяты изъ крестьянства». Предполагалось вмѣсто солдатъ командировать ежегодно на каждый полковый дворъ по 4 человѣка подъячихъ, избранныхъ мѣстною провинціальною канцеляріей за порукою секретаря и другихъ подъячихъ, «чтобъ на комъ было можно на-

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5522.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 574, 699; П. С. З., т. VIII, № 5356.

[3]) П. С. З., т. VII, № 4534, п. 2.

четныя деньги взыскивать»[1]). Скоро, однако, со всѣхъ концовъ страны посыпались жалобы; только что приведенная мѣра отвлекла отъ занятій чрезмѣрное число приказныхъ силъ, такъ что, какъ доносила Алатырская провинціальная канцелярія, «за самымъ малолюдствомъ и выбирать некому и недочетовъ за убожествомъ подъячихъ платить не чѣмъ». Послѣ нѣкоторыхъ колебаній пришлось снова возвратиться къ пріемщикамъ солдатамъ[2]). Неосторожно издавая распоряженія, приводившія къ разстройству канцелярской службы, законодатели времени первыхъ преемниковъ Петра въ то же самое время продолжали принимать нѣкоторыя мѣры, направленныя къ болѣе стройной ея организаціи. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайно архаичный по существу своему указъ о розсыльщикахъ, изданный 13 іюля 1731 года. Розсыльщики — низшая должность при областныхъ учрежденіяхъ; это служители, которые исполняли различныя порученія въ XVII вѣкѣ — съѣзжихъ и приказныхъ избъ, а въ XVIII вѣкѣ — канцелярій. Въ 1731 году рѣшено было измѣнить существовавшую организацію розсыльщиковъ, сосредоточенныхъ до того при провинціальныхъ канцеляріяхъ; съ учрежденіемъ должностей городовыхъ воеводъ такое сосредоточеніе теряло смыслъ, а воеводскія канцеляріи не менѣе провинціальныхъ нуждались въ служителяхъ-розсыльщикахъ. Указъ 13 іюля 1731 года возвѣщалъ о намѣреніяхъ правительства внести измѣненія въ организацію розсыльщиковъ; эти измѣненія и были проведены указомъ 9 октября слѣдующаго 1732 года, который учреждалъ розсыльщиковъ во всѣхъ городахъ, гдѣ уже существовали воеводы; при этомъ, несмотря на вездѣ приводимую тенденцію экономіи не только въ денежныхъ средствахъ, но и въ количествѣ служащихъ, общее число розсыльщиковъ съ 1450 возросло до 5488. Въ высшей степени характеренъ проводимый указомъ 1731 года способъ обезпеченія розсыльщиковъ: въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣлись свободныя земли приборныхъ служилыхъ людей — рейтарскія, пушкарскія, стрѣлецкія и другія, онѣ раздавались розсыльщикамъ, которые получали мѣста подъ дворы и гумна и пашни по 10 четей «въ полѣ, а въ дву потому жъ», по 30 копенъ сѣна и «на лѣсныя угодья земли по пропорціи, пашни по писцовому наказу». Это уже полное возвращеніе къ допетровской Руси, тѣмъ болѣе, что для розсыльщиковъ вводился и принципъ наслѣдственности службы: мѣсто состарившихся и умершихъ заступали ихъ сыновья, и только при отсутствіи дѣтей въ штатные розсыльщики опредѣлялись «изъ отставныхъ солдатъ, кои пропитанія своего не имѣютъ»[3]).

Въ то самое время, когда подготовлялись и проводились указы о штатѣ розсыльщиковъ, было, повидимому, сдѣлано и общее распоряженіе.

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5697.

[2]) П. С. З., т. VIII, №№ 6228, 6234.

[3]) П. С. З., т. VIII, №№ 5801, 6233; сосредоточеніе розсыльщиковъ при провинціальныхъ канцеляріяхъ было проведено указомъ 1 апрѣля 1726 года. П. С. З., т. VII, № 4865.

установлявшее для каждой областной канцеляріи опредѣленный штатъ приказныхъ служащихъ — канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копіистовъ и пр. Къ сожалѣнію, среди памятниковъ общаго законодательства XVIII столѣтія, этого распоряженія нѣтъ, и о существованіи его приходится судить по косвеннымъ даннымъ. Въ дѣлахъ различныхъ областныхъ учрежденій попадаются указанія «на штатъ, учиненный» въ 1732 году въ той или другой воеводской канцеляріи, при чемъ, судя по извѣтіямъ, каждая канцелярія получила свой отдѣльный штатъ въ зависимости отъ территоріи, которою она завѣдывала, отъ предполагаемаго количества дѣлъ и т. д. Штаты эти составлялись въ губернскихъ канцеляріяхъ; такимъ образомъ, высшее центральное управленіе не взяло на себя задачи установить штаты канцелярій по всему государству и передало это дѣло высшимъ мѣстнымъ органамъ. Какимъ порядкомъ установлены были штаты самихъ губернскихъ канцелярій, остается неяснымъ[1]).

Организація важнѣйшаго и крупнѣйшаго дохода казны, предназначеннаго на содержаніе созданной Петромъ громадной арміи, чрезвычайно близко затрогивала областное управленіе, и нашъ очеркъ введенія областныхъ учрежденій послѣпетровской эпохи былъ бы неполнымъ, если бы мы обошли молчаніемъ мѣры, предпринятыя для согласованія дѣйствія новыхъ областныхъ учрежденій съ исправнымъ взиманіемъ подушной подати. Извѣстно, какихъ напряженій потребовало введеніе податной реформы, и какъ разрушающе съ самаго начала подѣйствовала она на только что нарождавшіяся Петровскія областныя учрежденія[2]). Въ 1727 году случилось иначе. При упраздненіи областныхъ учрежденій Петра Великаго изъ нихъ было удержано лишь то, что имѣло непосредственную связь съ собираніемъ подушной подати. Податная реформа въ 1723 году радикально измѣнила характеръ введенной Петромъ должности земскаго комиссара. Именно, этотъ земскій комиссаръ второго типа, избираемый изъ среды мѣстнаго дворянства, и пережилъ отмѣненныя учрежденія Петра. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1727 года, столь обильномъ распоряженіями по части областного управленія, былъ изданъ указъ, узаконившій на ближайшее, по крайней мѣрѣ, время существованіе послѣдняго обломка

---

¹) См., напр., дѣла Клинской воеводской канцеляріи, опись 5, вязка 6, дѣло 65 261: «по штату, учиненному въ Московской губернской канцеляріи въ 1732 году», въ Клинской воеводской канцеляріи положены 1 подъячій съ приписью, 3 канцеляриста, 2 подканцеляриста, 6 копіистовъ. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ Моск. губ. канцеляріи распоряженій, касающихся введенія штатовъ 1732 г., найти не удалось; какъ видно изъ протокола Моск. губ. канцеляріи отъ 6 октября 1737 г., дѣла ея истреблены были пожаромъ 1737 г., и сохранившіяся до нашего времени начинаются почти лишь съ этого момента (Моск. губ. канц., кн. 59). Другія указанія на штаты 1732 г.: герольдм. конторы, кн. 298, л.л. 61, 80, 903, 954: о числѣ секретарей въ губернскихъ канцеляріяхъ: Московской, Казанской, Нижегородской, Астраханской: кн. 98, л. 214 — о числѣ секретарей въ Смоленской губ. канцеляріи; штатъ Кинешемской воев. канцеляріи — въ дѣлахъ этой канцеляріи, оп. 8, вязка 2, д. 548.

²) *Милюковъ*, Государственное хозяйство первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго, гл. X; *Богословскій*, Областная реформа, гл. V.

Петровскихъ учрежденій. Подтверждая въ принципѣ уже состоявшіяся распоряженія, перелагавшія сборъ подушныхъ на губернаторовъ и воеводъ, указъ 16 марта 1727 года во вниманіе къ практической сторонѣ дѣла временно сохранилъ существованіе комиссара отъ земли. «Полки росписаны и расположены, какъ гласилъ указъ, не такъ, чтобъ одинъ полкъ въ одномъ уѣздѣ», между тѣмъ какъ воеводамъ «надлежитъ подушныя деньги собирать каждому со своего уѣзда». Поэтому требовалось сохранить или создать вновь промежуточный органъ, который бы объединилъ Петровскій полковый дистриктъ со старымъ Московскимъ уѣздомъ, возстановленнымъ въ полной неприкосновенности. «Того ради», повелѣвалось и впредь подушныя деньги собирать земскимъ комиссарамъ, «по даннымъ имъ окладнымъ книгамъ и подъ смотрѣніемъ воеводскимъ». Собранныя деньги, однако, уже не передавались, какъ ранѣе, отъ земскаго комиссара прямо въ войска, но переходили къ воеводамъ, которые, такимъ образомъ, получали иногда отъ нѣсколькихъ комиссаровъ части сборовъ, дробившіяся между нѣсколькими воеводами, вслѣдствіе несовпаденія дистрикта съ уѣздомъ. Воеводы, въ свою очередь, должны были передавать подушный сборъ губернаторамъ, и только отъ послѣднихъ сборъ уже переходилъ къ офицерамъ, командированнымъ военной коллегіей[1]).

Однако, силы самихъ областныхъ правителей и подчиненныхъ имъ земскихъ комиссаровъ очень скоро сочтены были недостаточными, чтобы справиться со сборомъ подушной подати. 2 января 1728 года послѣдовалъ указъ объ отправленіи въ распоряженіе губернаторовъ и воеводъ въ помощь имъ по одному оберъ-офицеру, съ капраломъ и 16 рядовыми солдатами въ каждый дистриктъ отъ полка, которому дистриктъ соотвѣтствовалъ. На этихъ офицеровъ возлагались обязанности: «въ сборѣ подушныхъ денегъ земскимъ комиссарамъ вспомогать и въ отправленіи рапортовъ ихъ понуждать». Со своей стороны губернаторы и воеводы не должны были ихъ «употреблять ни въ какія другія дѣла и посылки, кромѣ подушнаго и рекрутскаго сборовъ»[2]). Два года спустя «для лучшаго въ подушномъ сборѣ воеводамъ вспоможенія» число офицеровъ и солдатъ было удвоено, причемъ въ новомъ указѣ воеводамъ опять предписывалось пользоваться ими только «для посылокъ, карауловъ и счетовъ подушныхъ денегъ и въ конвой до указныхъ мѣстъ»[3]). По существу дѣла, указъ 2 января 1728 года былъ отмѣной одного изъ самыхъ важныхъ пунктовъ указовъ 9-го и 24-го февраля и 15-го марта предыдущаго года, уничто-

[1]) П. С. З., т. VII, № 5037. Суздальск. пров. канц., оп. 4, вяз. 2, указы 1727 года.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5221 подтвержденъ 2 сентября П. С. З., VIII № 5148; объ этихъ указахъ были увѣдомлены всѣ низшія областныя учрежденія: Переяславской провинціальной канцеляріи оп., вяз. 4, д. 21, л. 1694. Отправка нарочныхъ послѣдовала, кажется, только въ 1729 г.: Сб. Р. И. О., т. CI, 158; отъ 1729 г. есть извѣстія, что офицеры, дѣйствительно, «вспомогали» мѣстнымъ властямъ. Бѣлозерской пров. канц., оп. 21, вязка I, д. 4/22.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 5506.

жившихъ военныя команды въ уѣздахъ: это было возвращеніе къ старымъ Петровскимъ обычаямъ посылать офицеровъ туда, гдѣ гражданскія власти оказывались несостоятельными. Указы 1728 и 1730 гг. ничего не говорятъ о срокѣ, на который посылались команды: съ самаго начала мѣра, проводимая ими, видимо, разсматривалась какъ безсрочная, т.-е. постоянная: во всякомъ случаѣ, въ ней надо искать зародыша организаціи сбора подушныхъ, который потомъ утвердился уже на долгое время.

Возможность подчиненія одновременно нѣсколькихъ земскихъ комиссаровъ одному воеводѣ усматривается изъ губернаторскаго и воеводскаго наказа 12 сентября 1728 года, ставящаго насъ лицомъ къ лицу съ все еще переходнымъ состояніемъ, съ еще не установленными окончательно правилами сбора подушныхъ. Изложивъ сущность прежняго порядка и повторивъ содержаніе указа 16-го марта 1727 года, наказъ вводитъ слѣдующія измѣненія въ процессъ собиранія основной и важнѣйшей прямой государственной подати: окладныя книги составляются въ уѣздномъ городѣ и находятся не у комиссара, но у воеводы, хотя самыя книги все еще составляются по дистриктамъ; самый сборъ происходитъ на прежнихъ основаніяхъ по наказу 1724 года и по указамъ 1727 года и производится по прежнему комиссаромъ, но положеніе послѣдняго существенно мѣняется: «для сбора подушныхъ быть при воеводахъ земскимъ комиссарамъ по одному человѣку, а гдѣ большіе уѣзды, въ которыхъ одному исправиться не можно, въ тѣхъ по два или по три человѣка, сколько гдѣ по разсмотрѣнію сенатскому опредѣлено будетъ». Комиссаръ собираетъ деньги въ уѣздномъ городѣ, не имѣя права самъ разъѣзжать по уѣзду. Устанавливается строжайшая отчетность областныхъ властей и обязательная отсылка воеводами собранныхъ денегъ въ губернію по третямъ. Наконецъ, подчеркивается іерархическая подчиненность городовыхъ и провинціальныхъ воеводъ губернаторамъ, «понеже все, какъ денежные сборы, такъ и прочее всякое правленіе положено на губернаторахъ и принадлежащія къ губерніямъ провинціи и города подчинены имъ, губернаторамъ», «того ради всѣ указы, какъ изъ сената, такъ и изъ коллегій и изъ канцелярій, отправлять къ однимъ губернаторамъ и по тѣмъ указамъ всякаго исправленія взыскивать на нихъ, а къ воеводамъ, мимо губернаторовъ, никакихъ указовъ не посылать, чтобъ о всѣхъ дѣлахъ всей своей губерніи былъ свѣдомъ, и по полученнымъ указамъ на воеводахъ исправленія взыскивать»[1]). Очень скоро, однако, порядокъ пересылки подушныхъ денегъ, установленный наказомъ 1728 года, былъ признанъ неудовлетворительнымъ, потому что отъ него «происходила великая неспособность», поясняемая такими примѣрами: «Копорскій пѣхотный полкъ расположенъ нынѣ въ Твери, а подушныя деньги Тверской воевода отправляетъ губернатору въ Новгородъ, а оттуда опредѣленный при губернаторѣ штабъ-офицеръ изъ той суммы надлежащія на жалованье и на полковые расходы деньги

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 20.

отсылаетъ возвратно въ Тверь. Изъ Вологодской провинціи посылаются деньги къ городу Архангельскому, а оттуда черезъ Вологду отправляютъ въ Ригу. Тому подобно и изъ прочихъ мѣстъ бываетъ двойной провозъ», вслѣдствіе чего, «въ заплатъ прогоновъ чинится напрасный убытокъ, а полки за излишними перевозками долго времени жалованья не получаютъ». По указу 25 февраля 1730 года, подушныя деньги должны были свозиться въ провинціальные города, а провинціальныя власти уже прямо отправляли по третямъ года въ полки деньги, предназначаемыя на жалованье и на полковые расходы, «а генералитетскую сумму, такожъ на сукна и на амуницію — въ военную коллегію»[1]).

Окончательное устройство дѣла въ полномъ соотвѣтствіи съ установившимся областнымъ строемъ и дѣятельностью органовъ центральнаго управленія продолжало и въ послѣдующіе годы быть предметомъ постоянныхъ заботъ правительства. Такъ, въ изданномъ въ 1731 году новомъ регламентѣ камеръ-коллегіи находимъ попытки нѣкоторыхъ измѣненій въ сборѣ подушныхъ, частью, впрочемъ, оставшихся на бумагѣ. Съ начала слѣдующаго 1732 года подушная подать вмѣсто трехъ сроковъ должна была сбираться въ два: въ январѣ—мартѣ и сентябрѣ—декабрѣ. Этотъ порядокъ и на практикѣ установился на долгіе годы. Сообразно этому, вновь вводимая обязанность областныхъ властей рапортовать о ходѣ сбора камеръ-коллегіи должна была исполняться два раза — въ первую и третью треть года. Обязанность эта возлагалась на земскихъ комиссаровъ, «а съ будущаго 1732 года земскіе комиссары будутъ отставлены, а поручится тотъ сборъ воеводамъ». Въ параграфѣ 6-мъ регламента была еще одна новость: воеводы должны были, не отсылая денегъ губернаторамъ, передавать ихъ непосредственно въ военное вѣдомство, находящимся «на вѣчныхъ квартирахъ полковникамъ», и объ этомъ «съ полнымъ извѣстіемъ рапортовать рентмейстеровъ, которые при губернаторахъ учинены будутъ[2])». Должность рентмейстеровъ вновь не воскресла, не исчезли еще въ 1733 году и комиссары отъ земли[3]), но штабъ- и оберъ-офицеры, состоявшіе при полковыхъ дворахъ, получили вновь замѣтное и видное участіе въ сборѣ подушныхъ и накопившихся по нимъ недоимокъ. Въ 1731 году военная коллегія разослала по полковымъ дворамъ указы такого содержанія: «понеже сборъ подушныхъ денегъ отъ прошлаго 725 года управляли обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ штабъ-и оберъ-офицеры безъ великаго въ доимку

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5506.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5789; общее подтвержденіе этого въ инструкціи генеральному кригъ-комиссаріату, отъ 12 декабря 1731 года. П. С. З., т. VIII, № 5904.

[3]) На это указываетъ слѣдующія немногочисленныя извѣстія о существованіи комиссара отъ земли въ 1733—1735 гг.: Въ 1733 г. Бѣлозерская провинціальная выдаетъ окладную книгу для сбора подушныхъ новоопредѣленному земскому комиссару. Бѣлозер. пров. канц., оп. 21, вяз. 1, д. 15, л. 1. Въ 1735 году Клинскіе помѣщики еще выбирали земскаго комиссара къ подушному сбору, «который и былъ». Клинской воеводской канцеляріи оп. 10, вяз. 3, д. 36.

упущенія, а какъ въ 727 году по указу положенъ оный сборъ на губернаторовъ и воеводъ, съ того времени запущено въ доимку подушныхъ денегъ многое число, а нынѣ велѣно въ подушный сборъ вступить по прежнему штабъ- и оберъ-офицерамъ, находящимся на полковыхъ дворахъ». Вслѣдствіе этого послѣдніе получили предписаніе взять отъ губернаторовъ и воеводъ исправныя вѣдомости о доимкахъ «и по тѣмъ вѣдомостямъ, на комъ не взяты, выбирать обще съ земскими комисары и присылать въ военную коллегію»[1]). Такъ, два раза на протяженіи трехъ лѣтъ подушный сборъ, въ измѣненіе мѣропріятій 1727 года, былъ довѣряемъ агентамъ военной коллегіи, представителямъ арміи, при чемъ, однако, губернаторы и воеводы вовсе не были устранены отъ него окончательно. Порядокъ собиранія подушныхъ, установленный въ 1727 году, не утвердился, но въ послѣдующихъ мѣрахъ, отдававшихъ это дѣло собиранія подушныхъ въ руки двухъ вѣдомствъ — гражданскаго и военнаго, уже намѣчается окончательная организація подушнаго сбора, просуществовавшая до половины 60-хъ годовъ. Организація эта заключалась въ томъ, что подушная подать собиралась офицерами, подчиненными высшей военной власти, при участіи и подъ контролемъ областныхъ гражданскихъ властей. Выработка новаго порядка проведена была закономъ, устранившимъ рознь и многовластіе въ военномъ вѣдомствѣ и объединившимъ кригсъ-комиссаріатъ съ военной коллегіей. Законъ этотъ относится къ 1736 году; среди другихъ мѣръ мы находимъ здѣсь и организацію сбора подушныхъ. Сборъ этотъ постановлено «положить по прежнему на губернаторовъ и воеводъ»; для этого «къ нимъ для сихъ токмо однихъ дѣлъ опредѣлить изъ отставныхъ офицеровъ, смотря по обширности уѣздовъ по одному и по два человѣка — въ губерніяхъ изъ полковниковъ и подполковниковъ, въ провинціи изъ маіоровъ и капитановъ, а къ городовымъ воеводамъ изъ оберъ-офицеровъ и сбирать имъ подушныя деньги каждому со своего уѣзда, хотя бы какой уѣздъ и не на одинъ полкъ положенъ былъ, а не по полкамъ, а отъ полковъ офицерамъ не быть». Такимъ образомъ, подушная подать ввѣрялась отставнымъ офицерамъ съ нѣсколько низшимъ сравнительно съ областными властями рангомъ; полковой дистриктъ совершенно терялъ всякій смыслъ и значеніе; всякія другія военныя власти въ уѣздѣ упразднялись; о земскихъ комиссарахъ законъ 26 января 1736 года не говоритъ ничего, потому что къ этому времени они восякомъ случаѣ уже покончили свое существованіе. Новыя окладныя книги, пріуроченныя къ уѣздамъ, приказано было спѣшно изготовить къ лѣту; и лишь во избѣжаніе остановки въ сборѣ подати разрѣшалось въ послѣдній разъ въ первой половинѣ 1736 года сбирать подушныя по дистриктамъ. Оберъ-офицеры, состоящіе въ уѣздахъ,

[1]) Бѣлозерской пров. канц. оп. 21, вязка I, д. 7/31, л. 134; Сб. Р. И. О., т. CIV, стран. 9. Роспись полковыхъ дворовъ, составленная въ 1727 г.: Сб. Р. И. О., т. LXIX, стран. 14—23; въ 1732—33 гг. команды находились на мѣстахъ и собирали подати: Курмышской воев. канц., оп. 4, в. 3, д. 349, л. 296—297; Бѣлозерской пров. канц., оп. 21, в. I, д. 8/36.

должны были отсылать деньги къ провинціальнымъ воеводамъ и состоящимъ при нихъ офицерамъ. Дальнѣйшее направленіе суммъ изъ провинціи и губерніи зависѣло отъ приказаній высшихъ военныхъ властей. Отчетность должна была вестись губернаторами и воеводами совмѣстно съ офицерами; подтверждалась іерархическая зависимость младшихъ областныхъ властей и офицеровъ отъ старшихъ, выражавшаяся въ обязанности губернаторовъ и губернскихъ офицеровъ слѣдить за провинціальными и городовыми, а провинціальныхъ за городовыми. Количество розсыльщиковъ, определенное закономъ 1731 года, признавалось, при объединеніи сбора подушныхъ съ управленіемъ, недостаточнымъ; поэтому, къ 5488 уже существовавшимъ розсыльщикамъ прибавлялось еще «противъ того вполы», т.-е. 2744 новыхъ отставныхъ солдатъ, что доводило состоявшую въ распоряженіи областныхъ властей служительную команду до 8232 чловѣкъ. Во избѣжаніе возможныхъ и уже наблюдаемыхъ злоупотребленій и вымогательства со стороны офицеровъ и солдатъ, состоящихъ при подушномъ сборѣ, особая дополнительная подать на жалованье означенныхъ офицеровъ, взимавшаяся прежде въ размѣрѣ одной деньги съ каждаго рубля подушной подати, т.-е. $^{1}/_{2}$%, увеличивалась до 2%. Жалованье офицерамъ и солдатамъ предписано было производить «противъ гарнизонныхъ полковъ прочихъ губерній», а что за тѣмъ оставаться будетъ, то опредѣлить въ жалованье подъячимъ и на расходы; сверхъ же того, онымъ подъячимъ раздѣлять деньги, собранныя съ пашпортовъ, съ каждаго по 2 копейки». Въ заключеніе выражается надежда, что всѣ «тѣмъ опредѣленнымъ жалованьемъ имѣютъ быть довольны»[1]).

Вслѣдъ за изданіемъ изложеннаго сейчасъ закона послѣдовали законодательныя распоряженія, касающіяся проведенія въ дѣйствіе отдѣльныхъ заключающихся въ немъ мѣропріятій. 24 мая того же года сенатъ предписалъ военной коллегіи «дѣйствительно опредѣлить» къ подушному сбору требуемое количество офицеровъ и солдатъ «безъ всякаго замедленія, дабы за неопредѣленіемъ оныхъ въ подушномъ сборѣ никакой остановки не было». Сверхъ необходимаго числа офицеровъ, предписывалось для каждой губерніи назначить еще человѣкъ по 10, по 15 и по 20, смотря по обширности губерніи и по количеству душъ, и быть имъ «въ дирекціи у губернаторовъ» для замѣщенія будущихъ вакансій[2]).

Узаконеніями 1736 года о взиманіи подушнаго сбора контръ-реформа, начатая въ 1727 году, была закончена. Задуманная безъ особой системы, облекаемая въ законодательную форму правительственными дѣльцами не перваго разбора, она создавалась отдѣльными указами и постепенно дополнялась такими же отдѣльными указами въ отвѣтъ на требованія жизненной практики. Правила сбора подушной подати, когда-то почти разрушившія цѣлую систему областныхъ учрежденій, и теперь особенно

---

[1]) П. С. З., т. IX, № 6872, п. 5.
[2]) П. С. З., т. IX, № 6976.

долго не поддавались прочной и устойчивой регламентаціи. Въ общемъ, длившееся 9 лѣтъ, веденіе въ жизнь послѣпетровскихъ учрежденій почти равняется всему времени существованія ихъ предшественниковъ.

Прежде, чѣмъ итти дальше, намъ остается посмотрѣть на этотъ начальный періодъ жизни послѣпетровскихъ учрежденій еще съ одной стороны. При обсужденіи преобразованій совсѣмъ не говорилось о мѣстныхъ особенностяхъ, объ исключеніяхъ и отступленіяхъ отъ общихъ правилъ. Областная реформа Петра была задумана для всей страны, однако, и ей, помимо другихъ подводныхъ камней, пришлось считаться съ диктатурой Ромодановскаго въ Москвѣ и съ особымъ, и часто своеобразнымъ, управленіемъ Петербурга и другихъ, вновь завоеванныхъ, провинцій. Съ этими же и другими подобными имъ явленіями пришлось считаться и творцамъ послѣпетровской реформы. Указы 1727 года и наказъ 1728 года предназначались, судя по редакціи ихъ, для всего государства; на самомъ дѣлѣ, изъ дѣйствія ихъ были, на практикѣ, замѣтныя изъятія: позднѣе они видоизмѣнялись для примѣненія къ нѣкоторымъ мѣстностямъ; въ свою очередь, особыя мѣстныя узаконенія подвергались измѣненіямъ въ соотвѣтствіе общимъ правиламъ областного управленія. Разсмотримъ главнѣйшія распоряженія конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ, сюда относящіяся.

Въ старой столицѣ Москвѣ диктатура знаменитаго князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго перешла по смерти его къ его сыну, князю Ивану Ѳедоровичу, который и въ первые годы послѣ Петра продолжалъ вѣдать въ Москвѣ всѣми дѣлами съ титуломъ генералъ-губернатора, управляя и Московской губерніей, и преображенскимъ приказомъ, которому подчинена была и вся Московская полиція. Увольненіе князя И. Ѳ. Ромодановскаго, происшедшее 4 апрѣля 1729 года, нарушило связь губерніи и преображенскаго приказа; послѣдній, впрочемъ, тогда же былъ упраздненъ, при чемъ дѣла его перешли въ верховный тайный совѣтъ или въ сенатъ, «смотря по важности»[1]). Преемникамъ Ромодановскаго перешло лишь общее управленіе Москвою и Московскою губерніею; что же касается полиціи, то она передана была въ непосредственное вѣдѣніе сената. Въ 1731 году, когда дворъ былъ въ Москвѣ, послѣдовало даже назначеніе въ Москву особаго генералъ-полицiймейстера, независимаго отъ московскихъ губернскихъ властей и по прежнему подчиненнаго прямо сенату[2]). Только при Аннѣ Ивановнѣ намѣчается тотъ порядокъ управленія старой столицей, который потомъ съ нѣкоторыми перерывами водворился на долгіе годы; онъ заключается въ томъ, что въ Москвѣ дѣйствуютъ одновременно генералъ-губернаторъ — представитель верховной власти, обычныя губернскія власти и нѣкоторыя учрежденія съ особой комис-

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. XCIV, стран. 651; П. С. З., т. VII, № 5172; т. VIII, № 5397.

[2]) П. С. З., т. VIII, №№ 5476, 5700, 5721; объ инструкціи Московской полиціи см. Сб. Р. И. О., т. LXXIX, стран. 284.

тенціей, въ родѣ приказовъ сыскного и суднаго, учрежденныхъ въ началѣ 1730 года, вслѣдствіе крайней перегрузки Московской губернской канцеляріи, на плечахъ которой отъ прежнихъ лѣтъ оставалось въ 1727 году 21388 нерѣшенныхъ судебныхъ дѣлъ[1]).

Если управленіе Москвою и Московскою губерніею не могло долго установиться оттого, что Москва переставала быть резиденціей государей, то въ нарождавшейся новой столицѣ дѣло тормозилось присутствіемъ высшихъ государственныхъ учрежденій, вмѣшивавшихся, по старому русскому обычаю, и въ дѣла мѣстныя: такъ, еще въ 1740 году Петербургская губернская канцелярія размежевывалась компетенціей съ вѣдомствомъ камеръ-коллегіи[2]). Въ концѣ двадцатыхъ годовъ установленіе областного управленія Ингерманландіей задерживалось еще и тѣмъ, что дворъ и высшее управленіе то переѣзжали въ Москву, то возвращались въ Петербургъ. Мѣстное управленіе столичной области намѣчалось столь же постепенно, какъ и въ Москвѣ; при этомъ устройство петербургскихъ областныхъ учрежденій сильно терпѣло отъ недостатка людей въ новой столицѣ, и при ближайшихъ преемникахъ Петра все еще остававшейся далекой и пустой окраиной[3]). До паденія Меньшикова, управленіе Петербургомъ и Петербургской губерніей сосредоточивалось въ его рукахъ, какъ петербургскаго генералъ-губернатора; затѣмъ оно перешло къ слѣдующему генералъ-губернатору Миниху; при генералъ-губернаторѣ существовала и небольшая канцелярія. Повидимому, многія дѣла, подлежавшія вѣдѣнію генералъ-губернатора, вѣдались на самомъ дѣлѣ въ гарнизонной канцеляріи у оберъ-коменданта. Неразмежеванность общей административной власти отъ другихъ вѣдомствъ чувствовалась и въ этомъ[4]). Въ 30-хъ годахъ для Петербурга возвратились къ мысли объ особыхъ судебныхъ воеводахъ, учрежденныхъ было указомъ 15 іюля 1726 года; подъ «апелляціей юстицъ-коллегіи» для судныхъ и розыскныхъ дѣлъ учреждена была особая воеводская канцелярія съ воеводой во главѣ; къ послѣднему въ 1737 году былъ приданъ товарищъ[5]); воеводу снабдили и подобающей инструкціей[6]). Только въ 1738 году Петербургская воеводская канцелярія была переименована въ губернскую канцелярію, послѣ чего мѣстная администрація приняла обликъ, схожій съ обликомъ администраціи другихъ губерній[7]). Въ 1740 году

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5521.

[2]) П. С. З., т. XI, № 8008.

[3]) П. С. З., т. VIII, №№ 5840, 6254.

[4]) П. С. З., т. IX, № 6502; Герольдм. конторы, кн. 127, л. 344—346.

[5]) Журналы Сената за 1737 г., т. I, стран. 59.

[6]) П. С. З., т. IX, № 7333.

[7]) *Барановъ*, Опись Высочайшихъ указовъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, т. II, стран. 542; П. С. З., т. IX, № 7579; т. X, № 7981. При Петербургской губернской канцеляріи, въ отличіе отъ другихъ губерній, существовали въ 1731—1764 и 1774—1780 г.г. 4 комиссара изъ оберъ-офицеровъ, «для разныхъ исправленій». П. С. З., т. VIII, № 5840; т. XIX, № 14416.

былъ поднятъ вопросъ «о поступаніи Санктъ-Петербургской губернской канцеляріи въ земскихъ дѣлахъ по наказу 1728 года»[1].

Въ юго-западной окраинѣ имперіи, Малороссіи, входившей въ составъ Кіевской губерніи, управленіе было осложнено мѣстными привилегіями, большая часть которыхъ еще сохранялась отъ времени присоединенія. Низшія областныя учрежденія тамъ даже совсѣмъ не были введены. Временное возстановленіе гетманства въ 1727 году сдѣлало положеніе Кіевскаго губернатора особенно сложнымъ и щекотливымъ. Особое положеніе этого губернатора вынудило правительство въ 1737 году составить и особый ему наказъ, существенно отличавшійся отъ общаго наказа 1728 года[2].

Еще не замиренная юго-восточная окраина также требовала вниманія правительства, которое отразилось и на особенностяхъ областного управленія. По челобитью башкирцевъ въ 1728 году уфимская провинція была изъята изъ подчиненія Казанскому губернатору и подчинена непосредственно сенату. Для руководства Уфимскому воеводѣ дана была особая инструкція, несоотвѣтствіе которой общимъ мѣропріятіямъ въ области суда составило два года спустя предметъ очень интереснаго конфликта между сенатомъ и Уфимской провинціей[3].

Наиболѣе, быть можетъ, своеобразную организацію получило управленіе отдаленной окраиной имперіи — Сибирью, гдѣ особенно ярко сказались тенденціи сознательнаго приближенія къ порядкамъ XVII столѣтія. 20 декабря 1730 года сенатъ вошелъ къ императрицѣ съ докладомъ слѣдующаго содержанія. Прежняя централизація управленія Сибирью въ рукахъ находившагося въ столицѣ Сибирскаго приказа была, по мнѣнію сенаторовъ, очень выгодной и удобной, ибо создавала особое учрежденіе, служившее посредникомъ между воеводами, дѣйствовавшими на мѣстахъ, и центральнымъ правительствомъ. Для обезпеченія надзора за далекими Сибирскими губернаторами и воеводами и особенно за поступленіемъ всѣхъ Сибирскихъ доходовъ сенатъ и теперь предлагалъ «Сибирскій приказъ въ Москвѣ по прежнему возобновить и быть подъ вѣдѣніемъ сенатскимъ, опредѣляя къ тому судей 2 или 3 человѣкъ и поручить въ дирекцію одному изъ сенаторовъ, а камеръ-коллегію отъ того приказа и отъ всѣхъ Сибирскихъ доходовъ отрѣшить». Такимъ образомъ, въ угоду рутинѣ, былъ возстановленъ Сибирскій приказъ въ Москвѣ, а единоличная власть губернатора, такъ энергично проводимая указами 1727—1728 гг., изъ боязни слишкомъ частыхъ повтореній исторіи князя Матвѣя Гагарина, была осложнена неопредѣленной коллегіальностью, свойственной всѣмъ приказамъ московскаго времени[1]. Новый Сибирскій приказъ, просуществовавшій до Екатерины II, имѣлъ, повидимому, стре-

—

[1]) Сенатскій Архивъ, т. II, стран. 49.

[2]) П. С. З., т. IX, № 7161; проектъ наказа предварительно обсуждался въ сенатѣ: Журн. Сената за 1737 г., т. I, стран. 32.

[3]) Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 175; П. С. З., т. VIII, №№ 5316, 5318, 6174.

[4]) П. С. З., т. VIII, №№ 5659, 6165.

мленіе обособиться отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, такъ что понадобились особыя мѣропріятія, чтобы дѣятельность приказа протекала въ соотвѣтствіи съ дѣятельностью другихъ центральныхъ государственныхъ учрежденій[1]).

Перечень различныхъ мѣстныхъ особенностей, быть-можетъ, нами не вполнѣ исчерпанъ, но и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что областная реформа 1727 года, несмотря на свою простоту, все же не была проведена повсемѣстно одинаково. Если учрежденія Петра Великаго сразу исказились отъ перваго столкновенія съ дѣйствительностью, то и ихъ гораздо менѣе сложные наслѣдники не были свободны отъ всякихъ изъятій и исключеній вольныхъ и невольныхъ, отъ которыхъ неизмѣнно страдали всѣ русскія начинанія и реформы.

Реформа, начатая въ 1727 году, далеко не въ одинаковой степени затронула различныя областныя инстанціи. Въ отношеніи губерніи она, главнымъ образомъ, приспособила эту высшую инстанцію къ провинціальному дѣленію, т.-е. закончила какъ бы ту часть Петровской областной реформы, которая въ 1719 году была оставлена законодателемъ безъ вниманія[2]). Провинція сама по себѣ, по существу, не подверглась большимъ измѣненіямъ: для нея мѣры преемниковъ Петра выразились въ томъ, что она сдѣлалась среднимъ звеномъ въ цѣпи областныхъ инстанцій и что воеводы лишились своихъ помощниковъ—камерировъ и рентмейстеровъ. Главнымъ новшествомъ контръ-реформы было введеніе низшей областной инстанціи, для чего возстановили старинный уѣздъ и ввели вновь должность городового воеводы, исчезнувшую въ первые годы новаго столѣтія[3]). Появленіе городового воеводы въ XVIII столѣтіи можно на первый взглядъ назвать воскресеніемъ; на самомъ дѣлѣ, если взглянуть поближе, то ясно, что должность эта не умирала вполнѣ и при Петрѣ, какъ не умиралъ и уѣздъ, несмотря на оттѣснявшія его Петровскія доли и дистрикты. Въ этомъ отношеніи допетровская старина и послѣпетровская реакція связаны непрерывной цѣпью, проходящей подъ всѣми преобразованіями Петровскаго времени; иначе сказать, всѣ областныя реформы Петра, не взирая на ихъ кажущуюся съ перваго взгляда неожиданность и на вычурныя иностранныя названія вводимыхъ административныхъ единицъ и должностей, все же основывались на устояхъ, выработанныхъ русскою жизнью предыдущаго времени. Въ изслѣдованіи П. Н. Милюкова ясно доказана прямая связь первоначальной Петровской губерніи съ разрядомъ XVII столѣтія[4]). Его продолжатель, М. М. Богословскій не менѣе наглядно доказалъ преемственную связь между оберъ-комендантской провинціей, въ основу ко-

---

[1]) П. С. З., т. IX, № 6617.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 76—82.

[3]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, гл. IV, V; *Богословскій*, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., № 9.

[4]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, гл. V.

торой лѣтъ и выработанный XVII вѣкомъ принципъ приписки второстепенныхъ городовъ къ главному и провинціей по законоположеніямъ 1719 года[1]). Какъ губернія вышла изъ разряда, какъ провинція 1719 года имѣетъ связь съ провинціей оберкомендантской и съ неясно намѣчавшимися въ XVII вѣкѣ подраздѣленіями разрядовъ, такъ и воевода послѣдняго періода существованія этой должности связанъ со своимъ собратомъ Московской эпохи черезъ ландрихтера или оберкоменданта, черезъ ландрата правителя доли[2]) и, наконецъ, черезъ городового судью и судебнаго комиссара времени послѣдней Петровской областной реформы. Правда, у ландрата правителя доли долженъ быть на первомъ планѣ фискальный интересъ; городовой судья 1719 года и судебный комиссаръ по наказамъ 1722 года, прежде всего, судьи, и притомъ по мелкимъ дѣламъ[3]), но можно съ полной увѣренностью сказать, что въ глазахъ населенія эти единоличные представители власти, сидѣвшіе въ прежнихъ уѣздныхъ центрахъ, казались прямыми продолжателями воеводскаго дѣла, да и сами они на себя смотрѣли именно такъ. Къ фактическимъ примѣрамъ, находимымъ въ изслѣдованіяхъ М. М. Богословскаго, прибавимъ еще два, рисующіе образъ не носившаго имени воеводы уѣзднаго правителя Петровской эпохи: первый изъ этихъ примѣровъ относится къ переходному времени, когда областное управленіе 1715 года смѣнялось реформою 1719 года; второй—къ 1726 году. 17 іюля 1719 года стольникъ Ѳедоръ Емельяновичъ Бутурлинъ, назначенный воеводой только что учрежденной Углицкой провинціи, запрашивалъ «высокопочтенный правительствующій сенатъ о томъ, кому быть «для управленія въ Бѣжецкомъ Верху, понеже оный городъ отъ Углича въ 60 верстахъ, и за такимъ дальнимъ разстояніемъ безъ особливаго управленія оному городу быть невозможно»; между тѣмъ, тамошній «управитель» ландратъ Петръ Лобковъ назначенъ воеводою Тверской провинціи. Сенатъ, заслушавъ дѣло 20 мая слѣдующаго года, поручилъ Бутурлину «въ Бѣжецкій Верхъ къ управленію порученныхъ ему, Бутурлину, дѣлъ выбрать изъ тамошнихъ помѣщиковъ къ тому дѣлу достойнаго; еще полгода спустя, 28-го ноября, въ сенатѣ было получено донесеніе Бутурлина о томъ, что онъ «въ Бѣжецкій Верхъ къ управленію порученныхъ дѣлъ велѣлъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ прежнему комиссару Василію Заборовскому быть іюня 14 го дня, который послѣ бытности ландрата Петра Лобкова у всякихъ дѣлъ оставленъ былъ»[4]). Заборовскій былъ назначенъ городовымъ судьей, но о его судебныхъ функціяхъ не говорится ни слова. Въ 1726 года Галицкая провинціальная канцелярія опредѣлила въ пригородъ Унжу на мѣсто капитана и асессора Норина

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 47—54.

[2]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, гл. VI; *Богословскій*, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., № 9.

[3]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 206—207, 242—243.

[4]) Дѣла сената, кн. 7/195. лл. 7—10, 12—13.

послать «изъ наличныхъ асессора Гагина судебнымъ комиссаромъ»[1]). Судебный комиссаръ, созданный указомъ 17 іюня 1722 года, былъ не только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи, соединявшей до и послѣ-Петровскаго городового воеводу, но эта должность въ извѣстной степени помогла при Екатеринѣ I выработаться идеѣ о повсемѣстномъ возстановленіи должности городовыхъ воеводъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что «городовые воеводы, о которыхъ говорилъ указъ 15 іюля 1726 года, были, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ развитіемъ института судебныхъ комиссаровъ»[2]), которымъ лишь дано было старое привычное названіе воеводъ, потому что «чинъ воеводскій страшнѣе», т.-е., говоря просто, привычнѣе и понятнѣе обывателю, нежели иностранныя названія правителей Петровскаго времени. Мы уже видѣли выше, какъ реакціонныя и удешевительныя вѣянія момента отъ мысли о повсемѣстномъ учрежденіи судебныхъ комиссаровъ съ названіемъ воеводъ привели къ возстановленію власти городового воеводы XVII вѣка въ полномъ ея объемѣ.

Подводя итоги законодательнымъ мѣрамъ, создавшимъ послѣ смерти преобразователя новое областное управленіе, слѣдуетъ, какъ кажется, притти къ такимъ выводамъ. Контръ-реформа 1727 и слѣдующихъ годовъ была вызвана овладѣвшими наслѣдниками Петра стремленіями упростить и сдѣлать болѣе дешевымъ мѣстное управленіе. При обсужденіи признанныхъ необходимыми мѣропріятій прорвалось наружу реакціонное настроеніе, которое особенно сказалось въ идеализаціи старомосковскихъ порядковъ и привело къ воскрешенію довольно многихъ явленій стараго времени. Сюда относятся — возстановленіе должности городового воеводы съ ограниченнымъ срокомъ управленія и должности подьячихъ съ приписью, возстановленіе всѣхъ прежнихъ уѣздовъ и, наконецъ, учрежденіе вновь Сибирскаго приказа. Къ явленіямъ, напоминавшимъ старомосковскій бытъ, слѣдуетъ отнести и іерархическое начало, связавшее всѣ областныя единицы въ одну стройную цѣпь, въ которой губернія занимала высшую степень, а пригородъ — самую низшую. Упрощеніе, съ одной стороны, идеализація московской старины, съ другой, привели къ полному объединенію власти въ единоличныхъ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, и это объединеніе, судя по указу 24 февраля 1727 года, было проведено еще полнѣе даже, чѣмъ въ старой Москвѣ. Однако, и убожество правительственныхъ дѣльцовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ не менѣе ясно сказалось на ихъ дѣлѣ. Ихъ реформа не продумана; она проводится не сразу, а вразбродъ, отдѣльными мѣрами, какъ бы лоскутками, и далеко не свободна отъ всякихъ исключеній и изъятій, еще болѣе подчеркивающихъ отсутствіе въ ней творческой мысли.

---

[1]) Галицкой пров. канц., оп. 4, вязка 24.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 501; объ оцѣнкѣ мѣръ 1727 года см. также *Филиппова*, Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта, стран. 141—144.

ГЛАВА II.

Законоположенія, служившія руководствомъ для дѣятельности новыхъ учрежденій.

Разсмотрѣвъ указы, имѣвшіе для областныхъ установленій послѣ-петровской эпохи учредительное значеніе, мы должны перейти къ такимъ законоположеніямъ, которыя даны были въ руководство для ихъ дѣятельности. Среди подобныхъ законоположеній первое мѣсто, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ воеводской инструкціи или наказу, изданному 12 сентября 1728 года и разосланному во всѣ города въ октябрѣ того же года[1]).

Инструкція 1728 года была издана въ отмѣну цѣлаго ряда наказовъ, связанныхъ съ Петровской областной реформой: подобно тому, какъ реформа 1727 года вмѣсто раздѣленія властей создала въ провинціи объединенную власть губернатора и воеводы, такъ и единая инструкція 1728 года замѣнила собою отдѣльные наказы воеводамъ, камерирамъ, земскимъ комиссарамъ и рентмейстерамъ, изданные въ началѣ 1719 года; она явилась также на смѣну тѣмъ проектамъ инструкцій надворнымъ и провинціальнымъ судамъ, которые были составлены еще въ 1722 году, но опубликованы не были[2]).

Въ отличіе отъ наказовъ 1719 года и проектовъ 1722 года, ставившихъ должностнымъ лицамъ широкія цѣли общаго характера[3]), наказъ 1728 года старается въ возможно короткихъ выраженіяхъ и конкретныхъ формахъ предопредѣлить всю дѣятельность областныхъ властей. Онъ разсматриваетъ нормальную, внѣшнюю сторону губернаторской и воеводской службы; онъ имѣетъ въ виду тщательнѣйшимъ образомъ урегулировать

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5333. Наказъ 1719 года продолжали давать назначаемымъ на должность губернаторамъ и воеводамъ и послѣ Петра: см., напр., данный въ мартѣ 1725 года наказъ генералъ-маіору и Воронежской губерніи губернатору Гр. П. Чернышову. Его единственное отличіе отъ общаго текста Петровскаго наказа — дополнительная 47 статья объ обязанности хранить государственныя тайны: Архивъ Пр. Сената, книга именныхъ указовъ, № 9, лл. 130—147. Еще примѣръ: Дѣла Кашинской воев. канц., оп. 7, вязка 15, указы 1728 года.

[2]) П. С. З., т. V, №№ 3294, 3295, 3296, 3304; проекты инструкцій судамъ напечатаны у *М. М. Богословскаго*, Областная реформа, прилож. I.

[3]) Объ этомъ у *Богословскаго*, Областная реформа, стран. 87—91, 130—131, 139—140, 189—194.

іерархическія отношенія между различными ступенями областного управленія, т.-е. между губернаторами, воеводами провинціальными, городовыми воеводами и воеводами пригородковъ, а также отношенія всѣхъ областныхъ правителей къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. Инструкція 1728 года не менѣе тщательно стремится урегулировать и самую дѣятельность областныхъ правителей. Эта сторона дѣла составляетъ главную часть инструкціи и касается всѣхъ важнѣйшихъ отраслей власти, ранѣе раздѣленной между различными органами Петровскаго областного управленія, а теперь вновь слитыхъ въ рукахъ губернатора и воеводы, — власти административно-полицейской, принадлежавшей Петровскому провинціальному воеводѣ, власти судебной, унаслѣдованной отъ Петровскихъ судебныхъ учрежденій, и власти хозяйственно-финансовой, перешедшей въ меньшей части отъ воеводъ, а въ большей—отъ камерировъ и рентмейстеровъ. Наказъ 1728 года почти не касается лишь одной стороны, затронутой въ наказѣ 1719 года; онъ почти умалчиваетъ о военной власти, принадлежавшей въ томъ или иномъ размѣрѣ всѣмъ Петровскимъ губернаторамъ и нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, пограничнымъ воеводамъ. Въ наказѣ 1728 года мы находимъ лишь предписаніе разыскивать шпіоновъ и полномочіе, даваемое губернаторамъ, командировать военные отряды въ распоряженіе воеводъ для поимки воровъ и разбойниковъ. Пробѣлъ этотъ пришлось восполнять позднѣе отдѣльными законоположеніями, типичнымъ образцомъ которыхъ можно считать наказъ Кіевскому губернатору, утвержденный 17 января 1737 года[1]). Въ намѣченной сейчасъ послѣдовательности присмотримся поближе къ общему содержанію наказа 1728 года.

Внѣшней стороны дѣятельности областного правителя касаются вступительныя и заключительныя статьи наказа. Въ трехъ статьяхъ: 1, 3 и 49, содержатся общія указанія на то, какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности. Губернаторъ и воевода, говорится въ статьѣ первой, цѣликомъ заимствованной изъ наказа 1719 года, долженъ быть «Государю вѣрнымъ, справедливымъ и добрымъ слугою, пользу его и благополучіе всякими образы искать, а шкоды и убытки и опасности отвращать». Они равно какъ и ихъ товарищи (ст. 3), должны помнить «всѣ указы и государственныя права и по указамъ Государя, присылаемымъ изъ сената и коллегій, чинить исполненіе, какъ о томъ генеральный регламентъ и указы повелѣваютъ». Послѣдняя изъ упомянутыхъ статей заключаетъ призывъ, котораго мы не находимъ въ наказѣ 1719 года, переведенномъ, какъ извѣстно, со шведскихъ оригиналовъ, разсчитанныхъ на болѣе высокое по культурѣ общество; но призывъ этотъ зато часто повторяется въ воеводскихъ наказахъ и въ отдѣльныхъ указахъ XVII столѣтія: это призывъ къ честности и угроза наказаніемъ за недобросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей. Губернаторы и воеводы не должны чинить обидъ градскимъ жителямъ и уѣзднымъ людямъ и «никакихъ взятковъ нападками и утѣсненіемъ не имать»; они не должны «никакихъ мастеровыхъ

---

[1]) П. С. З., т. X, № 7161.

и работныхъ людей ни на какія свои работы посылать и насильствомъ ничего дѣлать не принуждать, но стараться, чтобы всякій отъ обидъ и налогъ былъ защищенъ». Въ противномъ случаѣ, «если они въ чемъ по челобитью изобличены будутъ, то за то штрафованы будутъ» по прежнимъ указамъ. Статья вторая, не имѣющая соотвѣтствія въ Петровскомъ наказѣ, но взятая изъ наказовъ XVII столѣтія, подробно регламентируетъ порядокъ вступленія воеводъ въ должность и притомъ разсматриваетъ его совсѣмъ со старомосковской точки зрѣнія. Губернаторъ или воевода, пріѣхавъ на мѣсто службы, принимаетъ городъ и казенное имущество отъ своего предшественника по наличности и по существующимъ описямъ. Актъ пріемки вносится въ росписной списокъ, составляемый въ двухъ или трехъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранится на мѣстѣ, другой отсылается въ сенатъ, а третій изъ провинціальныхъ и уѣздныхъ городовъ отсылается губернатору[1]). Въ этой же статьѣ находимъ нѣкоторыя указанія, касающіяся ликвидаціи Петровскаго областного строя. Всѣ законченныя дѣла упраздненныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ допетровскими «дѣлами старыхъ лѣтъ», должны быть сданы при описи въ особливое безопасное мѣсто», т.-е. въ архивъ. Губернатору и воеводѣ предоставляется право самимъ организовать порядокъ работы въ ихъ канцеляріяхъ, но на старинный образецъ: «всѣ прежде бывшія въ различныхъ конторахъ дѣла, а нынѣ въ единой собранныя, между канцелярскими служителями росписать, какъ прежде бывали повытья и столы», отдѣляя при этомъ судебныя дѣла отъ счетовъ, розыскныя отъ денежныхъ (ст. 4). Изъ этого правила есть, впрочемъ, одно важное исключеніе: 34 статья наказа запрещаетъ опредѣлять къ новымъ дѣламъ и повышать чиномъ такихъ приказныхъ людей, «которые были у прихода и расхода и имѣли въ своихъ рукахъ казну, не сочтя ихъ въ приходѣ и расходѣ» прошлаго года, «дабы тѣ приходчики и расходчики, вѣдая, что они къ другому дѣлу опредѣлены не будутъ и повышенія чина не получать, имѣли бы прилежность въ окончаніи своихъ счетовъ». Наказъ очень строго относится къ возможнымъ отлучкамъ мѣстныхъ властей, воспрещая какой бы то ни было выѣздъ изъ ввѣренной области, «развѣ губернатору для осмотрѣнія своей губерніи» или воеводѣ по вызову губернатора. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ губернатору предписывается доносить въ сенатъ, а воеводу «у себя долгое время не держать»

---

[1] Наказъ 1719 года совершенно умалчиваетъ о росписныхъ спискахъ. Слова второй статьи наказа 1728 года о томъ, что пріемъ города долженъ совершаться по росписнымъ спискамъ, «какъ прежде бывало», указываютъ, какъ-будто, что въ 1719—26 гг. росписные списки не составлялись. Это, однако, не значитъ, что они совсѣмъ не составлялись въ Петровское время. Въ дѣлопроизводствѣ первой четверти XVIII вѣка можно найти не мало документовъ этого рода, показывающихъ, что правила смѣны областныхъ правителей, выработанныя старой московской практикой, не умирали и при Петрѣ. Примѣромъ могутъ служить росписной списокъ Астраханскихъ воеводъ кн. П. И. Хованскаго и П. М. Апраксина 1707 г. Астрах. губерн. канцеляріи вязка 14, д. № 56, или росписной списокъ по Чарондской округѣ, принадлежавшей къ дворцовому вѣдомству, составленный въ 1726 г. Каргопольской воев. канц., оп. 3, вязка 1, дѣло 2, л.л. 15—20.

(ст. 50, 51). Наказъ заботится также и о томъ, гдѣ и какъ помѣститься губернаторамъ и воеводамъ. Имъ предписывается «жить по прежнему, гдѣ есть въ губернаторскихъ и воеводскихъ и въ прочихъ свободныхъ казенныхъ дворахъ, гдѣ прежніе воеводы жили, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то и на монастырскихъ подворьяхъ, покамѣстъ воеводскіе дворы будутъ построены, а канцеляріи содержать въ приказныхъ избахъ».

Іерархическое начало проводятъ, главнымъ образомъ, слѣдующія за вступительными статьи[1]). Право надзора высшихъ государственныхъ учрежденій надъ органами мѣстнаго управленія выражается прежде всего общимъ напоминаніемъ о томъ, что всѣ областные органы обязаны исполнять указы, присылаемые изъ сената и коллегій. Надобно думать, что верховный тайный совѣтъ потому не названъ здѣсь, что и въ короткое время существованія этого учрежденія указы и постановленія его, касавшіеся областного управленія, шли черезъ коллегіи или черезъ сенатъ, остававшійся во главѣ текущаго, обыденнаго управленія страной[2]). Далѣе, сенатъ является мѣстомъ, куда подаются жалобы на высшихъ чиновъ — губернаторовъ, которые «станутъ въ противность указамъ и подданнымъ чинить всякія обиды». Особенно послѣдовательно и, нужно сказать, довольно стройно проводится іерархическое начало между тремя или, вѣрнѣе, даже четырьмя ступенями областной администраціи. Губернаторъ является какъ бы посредникомъ между всѣми органами управленія, существующими въ его губерніи, и центральнымъ правительствомъ: онъ объединяетъ все управленіе, принимаетъ жалобы на всѣ подчиненныя ему власти и является для провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ «ближнею командою», которую тѣ «вѣдаютъ надъ собою» и потому «осторожно поступаютъ». Губернаторъ имѣетъ опредѣленныя и довольно большія права надъ подчиненными ему воеводами: если они «являются въ неисправахъ», то ему предоставляется подвергать ихъ денежнымъ взысканіямъ и лишь доносить въ столицу о наложенномъ штрафѣ. Однако, смѣнить провинціальнаго или городового воеводу губернаторъ своею властью «безъ указа» не имѣетъ права. Городовые воеводы признаются подчиненными губернаторамъ наравнѣ съ воеводами провинціальными, но губернаторамъ «во отдаленныхъ мѣстахъ вскорѣ за тѣми городовыми воеводами всего усмотрѣть невозможно»; этимъ опредѣляется значеніе провинціальнаго воеводы въ іерархической лѣстницѣ: онъ смотритъ за городовыми воеводами своей провинціи, такъ же какъ губернаторъ за всею губернію, «ибо какъ на губернаторахъ за всю губернію, такъ и на провинціальномъ воеводѣ за его провинцію всякія неисправности взыщутся». Впрочемъ, самостоятельно наложить взысканіе провинціальный воевода не можетъ: онъ лишь доноситъ губернатору о проступкѣ, совершенномъ городовымъ воеводой.

---

[1]) Статьи 3, 5, 6, 7, 8.

[2]) На значеніе сената въ вопросахъ мѣстнаго управленія указываетъ и профессоръ *А. Н. Филиппов*ъ, Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта, стран. 202.

Въ нѣсколько особенномъ положеніи находятся воеводы пригородковъ; они стоятъ въ прямой зависимости отъ начальниковъ того города, къ которому пригородокъ издавна приписанъ; эти послѣдніе «имѣютъ за нимъ смотрѣніе» во всемъ, «а ежели кто изъ нихъ будетъ въ своемъ дѣлѣ неисправенъ или явится въ чемъ-нибудь подозрителенъ», то они доносятъ на нихъ губернаторамъ. Губернаторы въ изъятіе изъ общаго правила, но совершенно согласно съ указомъ 31 марта 1727 года о назначеніи воеводъ[1]), имѣютъ право, въ случаѣ необходимости, смѣщать ихъ съ должности. Власть губернаторовъ надъ воеводами выражается также и въ правѣ вызвать любого изъ нихъ въ губернскій городъ, «ежели которой провинціи или города воевода потребенъ будетъ для какихъ государственныхъ дѣлъ».

Изъ той части наказа, которая опредѣляетъ компетенцію губернаторской и воеводской власти, можно прежде всего выдѣлить три статьи[2]), устанавливающія въ развитіе весеннихъ указовъ 1727 года, широту этой компетенціи и подтверждающія сосредоточеніе власти надъ всѣми жителями данной территоріи въ рукахъ одного правителя: въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, дворцовыя селенія вводятся въ вѣдомство воеводъ; воеводы и губернаторы имѣютъ право уголовнаго суда надъ дворцовыми управителями и ихъ служителями; что касается имѣній синодскаго вѣдомства, то за вотчинными властями признается положеніе, сходное съ дворянами-помѣщиками; въ остальныхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ крестьяне монастырскихъ имѣній подчинены властямъ общимъ. Передача розыска въ руки воеводъ распространяетъ ихъ власть надъ вотчинами духовенства даже за предѣлы судебной сферы. Въ отношеніи посадскаго населенія инструкція продоставляетъ губернаторамъ и воеводамъ слѣдующія права: имъ вездѣ принадлежитъ уголовный судъ надъ посадскими людьми, они составляютъ судебную апелляціонную инстанцію по отношенію къ возстановленнымъ ратушамъ; имъ же приносятъ и всякія иныя жалобы на обиды и волокиты, чинимыя бурмистрами.

Административно-полицейская дѣятельность губернаторовъ и воеводъ по наказу 1728 года довольно широка[3]), но именно, съ этой стороны ярче всего бросается въ глаза разница между этимъ наказомъ и наказами Петровской эпохи. Изъ сферы государственной полиціи мѣстнымъ властямъ принадлежитъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранные шпіоны не появлялись въ мѣстностяхъ, находящихся подъ ихъ управленіемъ: пойманные препровождаются для розыска къ губернаторамъ. Статья о розыскѣ шпіоновъ въ значительной своей части соотвѣтствуетъ статьѣ второй наказа 1719 года. Внутренняя государственная полиція не входила въ кругъ вѣдомства областныхъ властей; хотя имъ и приходилось нерѣдко дѣйствовать по этой части, но они были не болѣе, какъ слѣпыми

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 5053.

[2]) Статьи 10, 12 и 13.

[3]) Статьи 15, 17, 18, 19, 38—48.

исполнителями велѣнiй тайной канцелярiи; однако, на нихъ возложены были довольно обширныя обязанности по обезпеченiю общественной безопасности, которыя иногда приводили ихъ въ соприкосновенiе съ вѣдомствомъ генерала Ушакова и его преемниковъ. Извѣстно, что отсутствiе общественной безопасности издавна было одною изъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней Московскаго государства; наслѣдница его, имперiя, находилась не въ лучшемъ состоянiи. Поиски воровъ и разбойниковъ, отъ которыхъ не знали, какъ избавиться, и искорененiе ихъ довольно подробно регламентированы наказомъ. Обязанность ловить и искоренять разбойниковъ слѣдуетъ отнести къ числу наиболѣе сложныхъ и важныхъ дѣлъ областныхъ правителей, предписываемыхъ имъ наказомъ. Для этого губернаторамъ предоставлялось право пользоваться военной силой и командировать въ распоряженiе подчиненныхъ имъ воеводъ отряды войскъ. Въ случаѣ неимѣнiя подъ рукою военныхъ силъ, или до того, какъ прибудутъ отправленные губернаторомъ солдаты, воеводы имѣли право «собрать для вспоможенiя, что найдется въ той провинцiи служилыхъ, городовыхъ и уѣздныхъ людей съ ружьемъ, у кого какое имѣется, и чинить погоню» за ворами, тщательно избѣгая какихъ-либо обидъ мирному населенiю. Послѣднее призывалось всячески содѣйствовать поимкѣ разбойниковъ, а губернаторы и воеводы должны были кончать дѣла о пойманныхъ какъ можно скорѣе, «чтобы, видя скорый розыскъ и экзекуцiю, имѣли страхъ и унимались другiе воровать и разбивать». Кромѣ разбойниковъ губернаторамъ и воеводамъ строго приказывается ловить всякихъ «гулящихъ и слоняющихся» людей. Это представлялось особенно важнымъ дѣломъ въ виду громаднаго количества побѣговъ и уклоненiй отъ подушной подати и тенденцiи, одинаково присущей Петровскому и послѣпетровскому правительству, не допускать существованiя людей, не приписанныхъ къ какой нибудь податной группѣ. Предписанiя наказа, касающiяся внѣшняго порядка въ городѣ и безопасности отъ пожаровъ, восходятъ къ аналогичнымъ распоряженiямъ Московскаго времени. Самый языкъ трактующей о противопожарныхъ мѣрахъ статьи 39-й, выгодно отличающiйся своею ясностью отъ вычурнаго офицiальнаго краснорѣчiя XVIII вѣка, показываетъ, что источникомъ ея является допетровское законодательство; сравненiе статьи 39-й наказа съ ранними наказами московскимъ объѣзжимъ головамъ и соотвѣтственными мѣстами воеводскихъ наказовъ XVII и начала XVIII вѣка убѣждаютъ въ этомъ наглядно[1]). Позднѣйшiя Петровскiя распоряженiя по своему содержанiю сходны съ указами прежняго времени, но по своей формѣ они являются нѣсколько болѣе подробными. Въ частности статья 39-я наказа есть буквальное почти воспроизведенiе статей: 1, 6, 8, 10, 11, 12, 13 и 14 наказа московскому полицiймейстеру и инструкцiи его канцелярiи,

---

[1] П. С. З., т. I, №№ 407, 467, 600 603; т. II, № 821; т. III, №№ 1540, 1542, ст. 31, 1579, ст. 20; 1594, ст. 29; 1595, ст. 9; 1650, 1670, ст. 18; 1738, ст. 21; т. IV, №№ 1792, ст. 28; 1822, ст. 60; 1836, ст. 9; т. V, №№ 3192, 3412; Акты историческiе, т. III, № 134 (1625 г.), т. IV, № 159 (1661 г.).

изданныхъ въ 1722 году[1]), а статьи 40-я и 41-я о караулахъ и рогаткахъ, гдѣ старинныя московскія рѣшетки замѣняются по концамъ большихъ улицъ «отворчатыми рогатками», охраняемыми «для учинившихся пожаровъ, дракъ и воровства,» «палочнымъ карауломъ» изъ жителей ближайшихъ улицъ, снабженныхъ еще трещотками, являются копіей статьи 12-й «пунктовъ», данныхъ въ 1718 году учрежденному въ Петербургѣ генералъ-полицiймейстеру[2]). Санитарно-полицейскія мѣры, проведеніе которыхъ возлагается на ратуши, подъ «смотрѣніемъ» губернаторовъ и воеводъ, и мѣры по надзору за торговлей, совершенно отсутствующія въ воеводскомъ наказѣ 1719 года, принадлежатъ къ числу наиболѣе разработанныхъ частей наказа 1728 года и заимствованы частью изъ отдѣльныхъ узаконеній по этой части, преимущественно издававшихся въ концѣ XVII столѣтія для Москвы, а главнымъ образомъ взяты изъ помянутыхъ уже «пунктовъ», данныхъ генералъ-полицiймейстеру»[3]). Предписывается слѣдить за тѣмъ, чтобы не продавали испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы мясные ряды были за городомъ, отдѣльно отъ боенъ, чтобы мясо въ нихъ лежало на чистыхъ полкахъ и было «накрывано чистыми накрывалы», и т. д. Такимъ же порядкомъ, какъ и надзоръ за торговлей, т.-е. совмѣстной дѣятельностью воеводъ и ратуши, осуществляется наблюденіе за исправнымъ состояніемъ мѣръ и вѣсовъ. Очень обширныя права предоставляются губернаторамъ и воеводамъ по карантинной части (ст. 38). Активныя мѣры, которыя они должны принимать противъ моровой язвы, также не выходятъ изъ рамокъ, установленныхъ въ XVII столѣтіи: законодательство этой эпохи и здѣсь является первоначальнымъ источникомъ наказа 1728 года; интересна лишь громадная власть, которая предоставлена мѣстнымъ властямъ по отношенію къ лицамъ, нарушающимъ карантинныя правила: такихъ всѣхъ велѣно «вѣшать не отписываясь» на висѣлицахъ, нарочно поставленныхъ на большихъ дорогахъ; только дворяне избѣгаютъ повѣшенія: ихъ велѣно держать подъ строгимъ карауломъ и «ожидать указа»[4]). Къ числу административныхъ обязанностей губернаторовъ и воеводъ слѣдуетъ отнести и надзоръ за отводомъ ратушею дворовъ для постоя пріѣзжающихъ оффиціальныхъ лицъ и проходящихъ войскъ.

---

1) П. С. З., т. VI, №№ 4047, 4130.

2) П. С. З., т. V, № 3203.

3) П. С. З., т. II, № 1181; т. V, № 3203, ст. 5, 6, 9, 10; статьи эти соотвѣтствуютъ статьямъ 42, 43, 45, 47 наказа.

4) Распоряженія, касающіяся моровой язвы, восходятъ частью къ наказамъ допетровскаго типа, изъ которыхъ въ статью 38-ю наказа 1728 г. попали цѣлыя отдѣльныя фразы (см., напр., П. С. З., т. III, № 1668 — наказъ Новгородскимъ и Псковскимъ воеводамъ 1699 г., или П. С. З., т. IV, № 1836 — наказъ Владимірскому воеводѣ 1701 г.); частью они взяты изъ позднѣйшихъ инструкцій Петровскаго времени, которыя по существу повторяютъ болѣе ранніе указы. Строгія казни за нарушеніе карантина, сначала формулируемыя довольно глухо, получаютъ окончательную и наиболѣе строгую редакцію, встрѣчаемую въ наказѣ, кажется, подъ вліяніемъ воинскаго артикула.

Послѣдній отдѣлъ постановленій, регулирующихъ административно-полицейскую дѣятельность областныхъ властей, составляютъ предписанія, касающіяся полиціи нравовъ и религіознаго вольнодумства. Содержаніе первыхъ, сводящихся къ запрещенію и искорененію всякаго рода «подозрительныхъ домовъ», взято, какъ и нѣкоторыя другія статьи наказа, изъ пунктовъ, данныхъ генералъ-полиціймейстеру[1]). Статья 18-я — о развратникахъ въ вѣрѣ, которыхъ, какъ «отвращающихъ отъ православной вѣры», предписывается, въ цѣляхъ содѣйствія церкви, «имая отсылать за карауломъ въ сенатъ», стоитъ въ нѣкоторой связи со статьей 4-ой наказа 1719 года, устанавливающей для воеводъ обязанность содѣйствовать церковнымъ властямъ въ укрѣпленіи православія: что же касается мѣръ противъ обрѣзывающихъ въ магометанство и крестящихъ въ иновѣрство (статья 19-я), то онѣ возводятъ насъ уже прямо къ соборному Уложенію: въ соотвѣтствіе статьи 24 главы XXII Уложенія, такихъ людей предписывается «казнить смертью, сжечь безъ всякаго милосердія».

Воеводскій наказъ не устанавливаетъ точныхъ предѣловъ судебной власти губернаторовъ и воеводъ[2]). Онъ имъ передаетъ лишь въ общей формулѣ всѣ судныя и розыскныя дѣла и, кромѣ того, особенно оговариваетъ, что воеводамъ во всѣхъ отношеніяхъ подсудно населеніе монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ, а населеніе посадовъ и дворцовыхъ земель только въ дѣлахъ татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ. Особенно оговаривается такъ же, какъ мы выше видѣли, розыскъ и уголовный судъ надъ пойманными разбойниками. Очень коротко касается наказъ и правъ областныхъ властей по части судопроизводства, устанавливая только нѣкоторыя правила при призывѣ къ суду. Правила эти по существу не отличаются отъ порядковъ, принятыхъ въ древнемъ русскомъ судѣ: воеводамъ предоставляется посылать нарочныхъ для призыва къ суду за счетъ одной изъ сторонъ, при чемъ однако старинные термины, въ родѣ хоженаго, ѣзда и т. п., уже не встрѣчаются. Зная насилія и злоупотребленія, какія встрѣчались на практикѣ при арестѣ подсудимыхъ, наказъ предписываетъ брать только тѣхъ, «до кого дѣло есть»; если же такихъ лицъ не окажется на мѣстѣ, то опять-таки, зная, какъ часты были уклоненія отъ суда, наказъ повелѣваетъ въ качествѣ поруки брать «приказчиковъ и старостъ и выборныхъ» даннаго селенія, за отсутствіемъ же таковыхъ разрѣшаетъ подвергать аресту и самихъ помѣщиковъ. Наказъ опредѣленно устанавливаетъ предѣлы судебной власти губернаторовъ и воеводъ лишь относительно двухъ вопросовъ: онъ точно формулируетъ право различныхъ областныхъ властей постанавливать смертные приговоры и приговоры въ каторжныя работы и не менѣе точно устанавливаетъ порядокъ апелляціи. «Воеводамъ экзекуцій отнюдь не чинить», но ежели за вину кто будетъ

---

[1]) П. С. З., т. V, № 3203, ст. 9; аналогичныя постановленія встрѣчаются и въ наказахъ XVII вѣка; см., напр., статью 20 наказа Казанскимъ воеводамъ 1697 года (П. С. З., т. III, № 1579) и наказъ объѣзжимъ головамъ 1699 г. (П. С. З., т. II, № 1689).

[2]) Статьи 9, 11—16, 37.

достоинъ на галеру или къ смертной казни», то воеводы приговоръ отсылаютъ на утвержденіе губернаторамъ, которымъ единственно и принадлежитъ право постановлять смертные приговоры или отправлять виновныхъ на каторгу. Для утвержденія полагается срокъ въ недѣлю или двѣ, и во всякомъ случаѣ, не болѣе мѣсяца.

Устанавливая три главныхъ ступени областной администраціи, законодательство наслѣдниковъ Петра различало въ нихъ только двѣ судебныхъ инстанціи: съ одной стороны — воеводъ, съ другой — губернаторовъ. По наказу, въ судебномъ отношеніи провинціальный и городовой воевода были равны: губернаторъ для нихъ обоихъ является единственной апелляціонной инстанціей. Изъ текста указа 15-го Іюня 1726 года видно, что тогда предполагалось сохранить апелляціонную власть провинціальныхъ воеводъ: это происходило, быть-можетъ, оттого, что въ то время еще не додумались до установленія трехъ іерархическихъ ступеней областной власти[1]). Лишь въ томъ случаѣ, если губернскій центръ очень удаленъ, провинціальному воеводѣ предоставляется принимать жалобы на проволочки городовыхъ воеводъ въ судебныхъ дѣлахъ и «понуждать ихъ въ рѣшеніи дѣла на срокъ». Слѣдующей, высшей судебной инстанціей, принимающей апелляціонныя жалобы на губернаторовъ, является, какъ при Петрѣ, юстицъ-коллегія, выше которой, опять таки попрежнему, стоитъ сенатъ. Какъ было рѣшено еще при обсужденіи дѣла въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, коллегіи не могли налагать наказанія на губернаторовъ, постановившихъ неправый судебный приговоръ: это право принадлежало только сенату[2]). Къ обязанностямъ губернаторовъ и воеводъ въ области юстиціи слѣдуетъ отнести и ихъ дѣятельность, какъ агентовъ вотчинной коллегіи: впрочемъ, наказъ предусматриваетъ только ихъ обязанность требовать засвидѣтельствованныя копіи съ жалованныхъ грамотъ и указовъ, по которымъ населенныя земли отданы во временное владѣніе, и слѣдить за тѣмъ, чтобы владѣніе такими землями не противорѣчило законамъ.

Финансовая сторона дѣятельности воеводъ и губернаторовъ принадлежитъ также къ числу разработанныхъ частей наказа[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ именно тутъ областной правитель всего ярче рисуется, какъ отвѣтственный агентъ правительства. Я уже имѣлъ случай говорить о томъ, на какихъ началахъ организовалъ наказъ сборъ подушныхъ: хотя при этомъ дѣлѣ временно еще и оставались земскіе комиссары, но вся отвѣтственность за правильное веденіе дѣла была исключительно возложена на общія власти. Къ воеводамъ и губернаторамъ перешли какъ камерирскія, такъ и рентмейстерскія обязанности; поэтому, наказъ поручаетъ имъ веденіе какъ приходной, такъ и расходной отчетности. Порядокъ веденія книгъ, вводимый наказомъ, не такъ сложенъ, какъ правила Петровскаго времени,

---

[1]) П. С. З., т. VII, № 4929.
[2]) Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 92.
[3]) Статьи 20—36.

но все же онъ гораздо ближе къ инструкціямъ Петровской эпохи, нежели къ порядкамъ Московскаго времени, не знавшаго особенно сложнаго веденія отчетности. Для пріема суммъ, поступающихъ въ казенный доходъ, существуетъ составляемая передъ наступленіемъ каждаго года особая окладная книга, въ которой исчисляется напередъ имѣющая поступить сумма, и записываются «складомъ, а не цыфирью», поступающія въ счетъ оклада деньги. Сюда не вносятся лишь пошлины, для которыхъ должна быть заведена особая приходная книга. Предварительно, впрочемъ, всѣ деньги записываются въ настольную книгу за подписью секретаря или самого воеводы. Тѣ суммы, исчисленныя въ окладѣ, которыя поступаютъ послѣ окончанія года, въ окладную книгу не записываются, но вносятся опять-таки въ особую доимочную книгу. Въ расходную книгу записываются всѣ выдачи, производимыя по указамъ высшихъ ступеней областной и центральной администраціи. Обычно же собираемые доходы идутъ вверхъ по административной лѣстницѣ и уже изъ губерній направляются въ камеръ-коллегію. Всѣ расходы на мѣстныя нужды и на жалованье служащихъ производятся по особымъ годовымъ ассигнованіямъ, присылаемымъ изъ камеръ-коллегіи. Предписывается, «чтобы книги приходныя и расходныя имѣть въ чистотѣ и чтобы въ нихъ скребенья и переправокъ не было, а особливо приходу и расходу, кромѣ данныхъ имъ, во особыхъ тетрадяхъ и на лоскутахъ не записывать, понеже отъ того всякіе непорядки могутъ произойти и приходчикъ и расходчикъ впасть въ подозрѣніе». Отчетность передъ высшими учрежденіями очень строгая. Самымъ значительнымъ и, съ правительственной точки зрѣнія, самымъ важнымъ изъ сборовъ является сборъ подушныхъ денегъ: объ этомъ сборѣ городовые воеводы обязаны ежемѣсячно доносить провинціальнымъ, а провинцальные воеводы губернаторамъ, и притомъ такъ, чтобы рапортъ провинціальному воеводѣ составлялся не позднѣе пяти дней по окончаніи мѣсяца, рапортъ губернатору — не позднѣе 10 дней со времени полученія воеводскаго рапорта; въ свою очередь губернаторы, доносятъ о томъ же въ военную и въ камеръ-коллегію въ двухнедѣльный срокъ по полученіи рапортовъ отъ провинціальныхъ воеводъ и, кромѣ того, должны еще представлять каждую треть года особые рапорты о передачѣ ими денегъ офицерамъ, командированнымъ изъ военной коллегіи, соотвѣтственно порядку, принятому до 1732 года. Аналогичнымъ образомъ составляются рапорты и по другимъ податямъ, сборъ которыхъ возложенъ на губернаторовъ и воеводъ. Относительно таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, положенныхъ на ратуши, областныя власти должны только смотрѣть, «чтобы положенные оклады въ каждомъ году во взятіи были сполна». Независимо отъ мѣсячной и третной отчетности, воеводы городовые и провинціальные должны по окончаніи года повѣрять наличную казну и приходо-расходныя книги и на основаніи такой провѣрки составлять счетъ поступившихъ за годъ денегъ, остатковъ отъ старыхъ лѣтъ, расхода и доимки, наросшей и поступившей за годъ. Счетъ этотъ представляется губернатору. Лишь по провѣркѣ счетовъ въ губерніи, приказные, завѣдывавшіе казною,

имѣютъ право, если нѣтъ на нихъ начетовъ, вновь быть опредѣлены къ дѣламъ и получаютъ отъ своего начальника, губернатора или воеводы «отпись» или квитанцію.

Имѣя постоянный надзоръ за поступленіемъ государственныхъ доходовъ и за правильнымъ расходованіемъ находящихся въ ихъ распоряженіи суммъ, областныя власти не имѣютъ права вносить какія бы то ни было измѣненія ни въ оклады, ни въ порядокъ взиманія податей. Имъ предоставляется лишь, «если усмотрѣно будетъ», что какіе-нибудь сборы можно уменьшить или измѣнить что-либо въ порядкѣ ихъ собиранія, доносить губернаторамъ, а тѣмъ — въ камеръ-коллегію «съ представленіемъ своего мнѣнія, а той коллегіи — въ сенатъ, и когда о томъ указъ по аппробаціи верховнаго тайнаго совѣта состоится, тогда по оному и поступать».

Уже изъ приведенныхъ мѣстъ наказа видно, какъ послѣдовательно проведено и энергично подчеркивается іерархическое начало въ той части наказа, которую можно назвать уставомъ финансовой дѣятельности губернаторовъ и воеводъ, но наказъ въ особой статьѣ еще подчеркиваетъ іерархическую зависимость низшихъ органовъ областного управленія, говоря о томъ, что только что учрежденные городовые воеводы должны получать отъ губернаторовъ и воеводъ провинціальныхъ образцы окладныхъ и доимочныхъ книгъ и поступать во всемъ согласно правиламъ, устанавливаемымъ наказомъ. Финансовая дѣятельность областныхъ властей очерчена наказомъ вся въ одномъ тонѣ: и губернаторъ и воевода — исполнители предписаній свыше и блюстители казеннаго интереса, и только: наказъ предписываетъ «всячески имъ губернаторамъ и воеводамъ старатися, дабы все то чинено было, чего польза и интересъ государственный требуетъ». За этимъ должна имѣть крѣпкій надзоръ и камеръ-коллегія: она имѣетъ смотрѣніе за губернаторами и воеводами крѣпкое, дабы всѣ сборы по окладамъ были собраны сполна, и «ежели окажется слабость и небреженіе губернаторское или воеводское, то на нихъ взыскивать»[1]). Въ этомъ сказался весь духъ наказа.

Разсматривая воеводскій наказъ 1728 года, я не разъ попутно указывалъ на отношеніе, которое та или иная изъ его 52 статей имѣетъ къ предыдущему законодательству — Петровскому и допетровскому. Подвести итоги касательно Петровскихъ инструкцій — задача не особенно затруднительная. Бѣглый просмотръ этихъ послѣднихъ сразу убѣждаетъ, что они построены по иному плану и поставлены по инымъ образцамъ. Только одна статья наказа 1728 года заимствована полностью отъ наказа 1719 года, — это статья 1-я о присяжной

---

[1]) Но не иначе какъ послѣ доклада сенату; самостоятельное право налагать штрафы на областныя учрежденія коллегіи, въ измѣненіе воеводскаго наказа, коллегіи получили, по указу 3 мая 1737 года; мотивомъ послужило неаккуратное доставленіе вѣдомостей и рапортовъ по различнымъ сборамъ. П. С. З., т. X, № 7240.

должности. Кромѣ того, пять статей: — 16-я объ осужденныхъ къ ссылкѣ на галеру или къ смертной казни, 17-я о шпіонахъ, 18-я о развратникахъ въ вѣрѣ, 37-я о пожалованныхъ на время земляхъ и 45-я о мѣрахъ и вѣсахъ — или заимствованы отчасти, или близки по смыслу къ нѣкоторымъ статьямъ наказа 1719 года[1]). Одна статья — 15-я, о поимкѣ воровъ и разбойниковъ, соотвѣтствуетъ по смыслу статьѣ 32-й (очень краткой) проекта инструкціи надворнымъ судамъ; двѣ статьи — 21-я, о содержаніи приходныхъ и расходныхъ книгъ, и 29-я, объ откупахъ, — имѣютъ нѣкоторое отношеніе: первая — къ 5-й статьѣ камерирской инструкціи и къ 12-й статьѣ рентмейстерской инструкціи; вторая — къ статьѣ 11-й камерирской инструкціи. Такимъ образомъ, только для девяти статей наказа 1727 года возможно допустить заимствованіе изъ Петровскихъ инструкцій; впрочемъ, полная аналогія замѣтна лишь въ статьѣ первой; связь съ Петровскимъ законодательствомъ большинства остальныхъ статей, надо признаться, слабая. Если мы припомнимъ еще нѣкоторое сходство финансовой отчетности съ тою, которую устанавливаютъ Петровскія инструкціи, то мы исчерпаемъ вопросъ о связи наказа 1728 года съ Петровскимъ законодательствомъ.

Къ нѣсколько инымъ выводамъ должно привести сравненіе наказа 1728 года съ допетровскими узаконеніями. Я уже имѣлъ случай отмѣтить нѣкоторыя статьи наказа, преимущественно относящіяся къ административно-полицейской дѣятельности областныхъ властей, которыя очень близки къ отдѣльнымъ указамъ XVII вѣка о городскомъ благоустройствѣ и къ наказамъ, дававшимся воеводамъ при ихъ назначеніи. Детальное сравненіе наказа 1728 года съ наказами XVII вѣка показываетъ, что эти послѣдніе, несомнѣнно, слѣдуетъ считать въ числѣ матеріала, послужившаго непосредственнымъ источникомъ при составленіи наказа 1728 года. Такъ, статья 2-я о пріемѣ дѣлъ и о росписномъ спискѣ по своему содержанію является прямымъ заимствованіемъ изъ допетровскихъ наказовъ, равно какъ и статья 3-я «о исполненіи указовъ». Статья 7-я о воеводахъ пригородковъ, внѣ всякаго сомнѣнія, есть воспроизведеніе соотвѣтственныхъ мѣстъ наказовъ воеводамъ большихъ городовъ, напримѣръ Новгорода или Казани, имѣвшимъ значительныя права по надзору за воеводами приписныхъ городовъ[2]). Заимствованіями изъ наказовъ XVII вѣка слѣдуетъ также считать статью 49-ю, «чтобы не чинили обидъ и взятковъ не имали»[3]), 50-ю — о запрещеніи губернатору и воеводѣ отъѣзжать съ мѣста службы «безъ указу»[4]) и нѣкоторыя постановленія, касающіеся судебныхъ обязанностей воеводъ. Такъ, напри-

---

[1]) Къ статьямъ 1, 2, 4, 6, 16, 34.

[2]) Ср. наказъ казанскимъ воеводамъ 1697 г., П. С. З., т. II, № 1579, ст. 16; Акты Ист., т. III, № 134; т. IV, № 159.

[3]) Ср. Акты Ист., т. III, № 134 (1625 г.); т. IV, № 159 (1661 г.); П. С. З., т. III, № 1579; это постановленіе встрѣчается во всѣхъ, кажется, наказахъ.

[4]) Ср. Акты Ист., т. II, № 134.

мѣръ статья 9-я о судахъ и переносахъ дѣлъ имѣетъ много общаго со статьей 5-й наказа Ростовскому воеводѣ 1661 года[1]). Отчасти изъ наказовъ заимствованы статьи 46-я «о подозрительныхъ домахъ» и 47-я «о шатающихся по улицамъ» и, наконецъ, статьи 38-я, 39-я и 42 я, о которыхъ уже говорилось выше. Такимъ образомъ, связь наказа 1728 года съ различными наказами, издававшимися до времени преобразованій, ясно видна въ 11 его статьяхъ. Творцы областной реформы 1727 года, видимо, болѣе вдохновлялись допетровскими идеалами, нежели наслѣдіемъ царя-преобразователя и мы должны признать, что наказъ 1728 года, по происхожденію отдѣльныхъ его статей, стоитъ ближе къ старой Москвѣ, нежели къ Петровской реформѣ.

Не менѣе далекъ онъ отъ реформы и по своему духу. Онъ не ставитъ областнымъ правителямъ тѣ широкія, трудно осуществимыя задачи поднятія мѣстнаго благосостоянія, распространенія просвѣщенія и прогресса нравственности о которыхъ торжественнымъ, напыщеннымъ и велерѣчивымъ языкомъ говорили заимствованныя у Швеціи инструкціи областнымъ чинамъ 1719 года». Не раздѣляя той несомнѣнной идеализаціи, съ которой изслѣдователь Петровской реформы, проф. Богословскій, относится къ наказу 1728 года, надо, конечно, признать, что онъ «болѣе простымъ языкомъ, чѣмъ инструкціи, которыя онъ замѣнилъ, говоритъ о вещахъ, болѣе понятныхъ русскимъ людямъ»[2]). Онъ, во всякомъ случаѣ, былъ болѣе по плечу русскому обществу, — и администраторамъ и тѣмъ, надъ кѣми они правили: оттого-то въ немъ и находимъ мы такъ много близкаго къ законодательнымъ актамъ XVII столѣтія: вѣдь общество, въ обширномъ смыслѣ этого слова, не могло сразу дорости до высоты, на которую хотѣлъ его поднять Петръ въ послѣдния десять лѣтъ своей дѣятельности, когда онъ дѣйствительно напоминаетъ лучшихъ европейскихъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Послѣпетровское время — время политической реакціи и общественнаго утомленія — во многомъ возвратило Россію къ дореформенному состоянію: это въ особенности замѣтно въ той отрасли государственнаго управленія, которая имѣетъ дѣло съ наименѣе культурной частью населенія — съ обитателями провинціальнаго города и деревни. Такое именно теченіе дѣла ярко сказалось въ областной реформѣ 1727 года и въ наказѣ воеводамъ, который является лучшимъ ея выразителемъ.

Петровская инструкція порывала съ древнерусской традиціей областного управленія: вмѣсто прежняго воеводы, подъ страхомъ наказанія судившаго и собиравшаго дань и смотрѣвшаго, чтобы населеніе не высвободилось изъ-подъ своего тягла, Петръ мечталъ создать правителя съ иниціативой, который бы велъ и поднималъ мѣстное общество. Петровскій воевода долженъ былъ имѣть особое попеченіе «о академіяхъ,

---

[1]) Акты Ист., т. IV, № 159.

[2]) *Богословскій*. Областная реформа, 505, 506, 520.

школахъ и госпиталяхъ», смотрѣть за состояніемъ дорогъ, за развитіемъ торговли и промышленности. Что же требуется отъ областного правителя послѣпетровскаго времени? Какъ и ранѣе, губернаторъ или воевода есть, прежде всего, правительственный агентъ съ узкой и строго регламентированной дѣятельностью. Наказъ 1728 года гораздо точнѣе и конкретнѣе опредѣляетъ кругъ дѣятельности воеводы, нежели предшествовавшій ему наказъ 1719 года; онъ какъ-будто хочетъ ясно обозначить все то, что̀ воевода долженъ дѣлать, чтобы ему и въ голову не пришло дѣлать что-нибудь сверхъ предписаннаго. Возможная иниціатива мѣстной власти пресѣкается послѣдней статьей наказа: «если усмотрѣно будетъ что сверхъ сей инструкціи», то властямъ предписывается «доносить о чемъ куда надлежитъ и объ ономъ ожидать опредѣленія». Но какъ ни замѣтно стремленіе наказа регламентировать все, что̀ возможно, онъ по необходимости долженъ быть краткомъ, и потому въ немъ не можетъ не быть пробѣловъ: точнѣе всего редактирована финансовая часть: остальныя части наказа далеко не касаются всѣхъ возможныхъ случаевъ, а особенно кратко то, что можно назвать судебнымъ уставомъ. Желаніе все регламентировать, соединенное съ неизбѣжными пробѣлами, открывало широкую дорогу къ произволу и усмотрѣнію, которыхъ не могли стѣснить строгія предписанія ожидать указа на все не предусмотрѣнное.

Узкая регламентація не отдѣлима отъ строгаго надзора и точно установленнаго подчиненія младшихъ старшимъ. Наказъ 1728 года заходитъ въ этомъ направленіи очень далеко: общаго подчиненія центральному правительству недостаточно; уже на мѣстахъ власть объединяется въ рукахъ губернаторовъ, которыхъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, слѣдуетъ считать посредниками между центральнымъ и областнымъ управленіемъ. Губернаторъ является единственнымъ полноправнымъ правителемъ, хотя и онъ дѣйствуетъ подъ постоянной угрозой взысканія сверху. Ему безусловно подчинены не только младшіе, городовые но и старшіе, провинціальные воеводы, лишенные самостоятельности, обремененные отчетностью, потерявшіе право быть апелляціонной инстанціей. Но областной правитель старо-московскаго типа, воскресшій послѣ Петра, похожъ на двуликаго Януса: онъ весь въ рукахъ центральной власти, которая регламентируетъ его дѣятельность, какъ бы не довѣряя ему; зато по отношенію къ населенію онъ облеченъ громадной властью: онъ такъ же опекаетъ и стѣсняетъ подвластное ему населеніе, какъ и самъ стѣсненъ въ своей иниціативѣ центромъ. Прежде всего, онъ — одинъ, и рядомъ съ нимъ нѣтъ лица или учрежденія, которое бы контролировало его дѣятельность. Вѣдь Петровскіе органы контроля въ эпоху составленія наказа пришли въ упадокъ, и о возстановленіи ихъ не думали. Его обязанности по отношенію къ населенію не очень сложны: попеченія о безопасности, обезпеченіе внѣшняго порядка и чистоты въ городѣ, коекакія санитарныя мѣры, которыя должны избавить населеніе отъ испорченной пищи и отъ заразныхъ болѣзней, надзоръ за мѣрами и вѣ-

сами, обереганіе мирныхъ элементовъ населенія отъ разврата и религіозной смуты и, наконецъ, судъ. Зато его права огромны: въ погонѣ за искорененіемъ гулящихъ людей и бѣглыхъ воевода можетъ лишить свободы всякаго; право надзора за отводомъ постоя, охрана внѣшняго порядка, очень обще проредактированныя правила «о подозрительныхъ домахъ», право ставить рогатки на концахъ улицъ и т. д., — все это давало въ руки губернатора и воеводы обширную полицейскую власть, открывавшую широкое поле для личнаго усмотрѣнія. Если припомнить теперь, что тотъ же губернаторъ или воевода былъ единственнымъ и притомъ же безотвѣтственнымъ передъ мѣстнымъ обществомъ судьей, то власть его надъ мѣстнымъ населеніемъ покажется намъ еще больше.

Однако, ни полицейско-административная, ни судебная дѣятельность не касались доходовъ центральнаго правительства; и та и другая были скорѣе необходимостью, безъ которой обойтись было невозможно; совсѣмъ иной характеръ въ глазахъ правительства имѣла финансовая дѣятельность воеводы и губернатора: именно, они были насосами, вытягивавшими изъ населенія деньги для обезпеченія внѣшней безопасности страны и для содержанія двора и правительства. Если правительство преемниковъ Петра и разсуждало о народномъ облегченіи, если оно и желало «показать къ народу милосердіе» и даже упростило и удешевило для этой цѣли областное управленіе, то оно и не думало соглашаться на существенное уменьшеніе подушной подати и другихъ налоговъ, безъ которыхъ оно должно быть отказаться отъ существованія. Губернаторъ или воевода, который подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности долженъ былъ блюсти казенный интересъ и всячески понуждать населеніе къ уплатѣ податей, пріобрѣталъ этимъ громадную власть надъ нимъ. Единый правитель, очень элементарный администраторъ, необходимый, но не менѣе элементарный судья и насосъ для выкачки денегъ изъ населенія, въ то же самое время находящійся подъ постояннымъ надзоромъ высшей власти, лишенный иниціативы и боящійся ежеминутнаго взысканія, — вотъ образъ областного правителя по наказу 1728 года и, не нужно большого напряженія мысли, чтобы видѣть, что такой правитель является со всѣми чертами, искони вѣковъ отличавшими русскаго областного правителя — сборщика дани и судью. Въ этомъ смыслѣ наказъ 1728 года представляется прекраснымъ воплощеніемъ духа всей областной контръ-реформы преемниковъ Петра; интересенъ онъ и потому еще, что хотя онъ позднѣе кое въ чемъ дополнялся и измѣнялся, но измѣненія были не велики, и онъ не переставалъ быть офиціальнымъ руководствомъ областныхъ властей даже послѣ изданія возвѣстившей новыя вѣянія Екатерининской инструкціи 1764 года.

Я говорилъ выше, что общій наказъ почти не касается полномочій областныхъ властей по военной части, а между тѣмъ эта сторона дѣла имѣла немаловажное значеніе въ дѣятельности Петровскихъ властей, преимущественно губернаторовъ — преемниковъ старинныхъ воеводъ округовъ-

разрядовъ[1]). Она не исчезла и въ послѣпетровскую эпоху, но регламентаціи ея слѣдуетъ искать въ особыхъ узаконеніяхъ, которыя можно разсматривать, какъ частичное дополненіе къ наказу 1728 года. Въ наказѣ Кіевскому губернатору, отъ 17 января 1737 года[2]), можно найти регламентацію нѣкоторыхъ чертъ дѣятельности пограничнаго губернатора, какъ командующаго войсками и начальника пограничнаго кордона. Судя по наказу Кіевскому губернатору, пограничная власть должна, во-первыхъ, заботиться объ охраненіи всякихъ военныхъ припасовъ и военнаго дѣлопроизводства — «полковыхъ именныхъ списковъ и артиллеріи и амуниціи и полковыхъ всякихъ запасовъ и провіанта», а во-вторыхъ, всячески беречься отъ опасности извнѣ. Для этого губернаторъ долженъ всѣ города «настоящими установленными караулами учредить, паче же и отъ всякихъ воинскихъ людей набѣговъ, приходовъ и тайныхъ замысловъ, имѣть во всякомъ осмотрѣніи, дабы никакимъ образомъ отъ непріятельскихъ наступленій надъ одною губерніею какого худа учинено не было, и всѣ крѣпости, гдѣ оныя для защищенія учинены, въ добромъ состояніи содержать». Ему предписывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, тщательно организовать развѣдочную службу на границѣ, привлекая къ этой работѣ въ пограничныхъ мѣстахъ опредѣленныхъ командировъ. Наконецъ, особенное вниманіе должно быть обращено на всякихъ «подозрительныхъ людей», пріѣзжающихъ изъ-за границы вмѣстѣ съ послами, подъ видомъ купцовъ и т. д. Боязнь шпіонства видна въ этомъ наказѣ очень ясно, и предписаніе всячески искоренять его проводится съ особой энергіей. Со всѣмъ этимъ, однако, и въ Кіевскомъ наказѣ мы не находимъ регламентаціи дѣятельности областной власти по заготовкѣ припасовъ и доставкѣ въ армію рекрутъ, лошадей и провіанта. Эти стороны дѣятельности губернаторовъ и воеводъ въ общихъ инструкціяхъ, данныхъ имъ, не отразились.

Для совершенно иныхъ сторонъ дѣла, чѣмъ наказъ, но въ одинаковой степени обязательнымъ руководствомъ для дѣятельности органовъ областного управленія былъ Петровскій генеральный регламентъ. Наказъ давалъ предначертанія воеводамъ и губернаторамъ, т.-е. высшимъ агентамъ правительства. По генеральному регламенту должна была строиться приказная служба; это былъ служебный уставъ для всѣхъ ступеней областной администраціи. Генеральный регламентъ составленъ такъ, что можно съ перваго взгляда думать, будто онъ предназначенъ только для коллегій; на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, имѣющихъ значеніе только для коллегій, онъ являлся общимъ уставомъ канцелярской службы, обязательнымъ не только для правительственныхъ учрежденій столицъ, но и для всѣхъ канцелярій и конторъ,

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа, стран. 77; *Милюковъ*, Государственное хозяйство, гл. V и VI.

[2]) П. С. З., т. X, № 7161.

разсѣянныхъ по имперіи[1]) на это ясно указываетъ статья 3-я наказа 1728 года. Не только правительство ближайшихъ преемниковъ преобразователя, но и правительство Елизаветы Петровны и Екатерины II разсматривало генеральный регламентъ, именно какъ общій уставъ канцелярской службы для всей имперіи. Доказательства этого разсыпаны по всему законодательству XVIII вѣка. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Правительство, прежде всего, не разъ напоминаетъ о точномъ соблюденіи генеральнаго регламента, то предупреждая, что съ ослушниками будетъ поступлено безъ всякой пощады, то угрожая денежными штрафами и другими наказаніями, которыя упоминаются въ самомъ регламентѣ. Въ особенности часто напоминала центральная власть о необходимости въ точности соблюдать правила регламента о служебномъ времени, «дабы присутствующіе въ опредѣленные къ присутствію дни, каждый въ свое мѣсто пріѣзжалъ въ положенные по генеральному регламенту часы и сидѣли, какъ по оному же регламенту повелѣно»[2]). Центральныя власти въ своихъ предписаніяхъ властямъ областнымъ не разъ обращаютъ вниманіе послѣднихъ и на другіе случаи неисполненія генеральнаго регламента, постоянно указывая на этотъ законодательный актъ, какъ на обязательное руководство для приказной службы. Такъ, въ 1744 году сенатъ обратилъ вниманіе на то, что губернаторы и воеводы, въ нарушеніе второй главы регламента, опредѣляютъ секретарями протоколистовъ[3]). Въ 1758 году сенатъ опять обратилъ вниманіе на нарушеніе 17-й главы регламента, допущенное Вятскими мѣстными властями и самою юстицъ-коллегіею, отдавшими подъ судъ секретаря Вятской провинціи на основаніи глухихъ и неясно формулированныхъ доносовъ[4]).

---

[1]) П. С. З., т. VI, № 3534. Для службы въ областныхъ учрежденіяхъ имѣютъ въ особенности значеніе слѣдующія главы генеральнаго регламента: 1-я о присяжной должности, 3-я о назначенныхъ къ сидѣнію дняхъ и часахъ, 4-я о порядкѣ исполненія указовъ, 5-я о порядкѣ докладовъ, 7-я объ отсутствіи служащихъ, 9-я о свободныхъ дняхъ, 10-я объ отпускахъ, 12-я объ указанномъ времени труда, 13-я о печати, 17-я о секретарѣ и особой камерѣ президентовъ, 18-я о нехожденіи въ домы, 19-я о поданіи доношеній, 20-я о пріемѣ на дому, 21-я о вхожденіи и разговорахъ въ коллегіи, 23-я о камерѣ судейскаго правленія, 24-я о комплиментахъ президентамъ, 25-я о надзорѣ за поступками служителей, 26-я о решпектѣ, надлежащемъ президентамъ, 29-я о секретарскомъ управленіи, 34-я о канцеляристахъ, 35-я о копіистахъ, 36-я о молодыхъ людяхъ для обученія при канцеляріяхъ, 37-я о содержаніи дѣлъ тайно, 39-я объ акциденціяхъ или доходахъ за труды, 40-я о мѣстахъ и порядкѣ для работы въ канцеляріяхъ, 46-я о сторожахъ, 47-я о состояніи прихожей камеры, 49-я о деньгахъ на мелкіе расходы, 54-я о коллежскихъ служителяхъ, чтобы вышнимъ своимъ послушаніемъ чинили, 55-я чтобъ никто ругательными и поносными словами коллегіямъ касаться не дерзалъ и 56-я объ исполненіи по имѣющимъ быть изданнымъ указамъ.

[2]) П. С. З., т. IX, № 6514 (1733 г.); т. XIII, № 9695 (1749 г.), № 10098 (1753 г.), т. XIV, № 10275 (1754 г.), № 10657 (1756 г.).

[3]) П. С. З., т. XII, № 8956.

[4]) Дѣла сената, кн. 51/267, лл. 2073—89.

Говоря о законоположеніяхъ, служившихъ руководствомъ для дѣятельности различныхъ членовъ областной администраціи послѣ 1727 года, нельзя умолчать еще объ одномъ узаконеніи Петровскаго времени, которое, въ нѣкоторой своей, по крайней мѣрѣ, части, и послѣ Петра продолжало сохранять силу. Я имѣю въ виду извѣстный плакатъ 26 іюня 1724 года «о сборѣ подушныхъ денегъ, о повинностяхъ земскихъ обывателей въ пользу квартирующихъ войскъ и наблюденіи полковымъ начальствомъ благочинія и порядка въ селеніяхъ, войсками занимаемыхъ»[1]). Существенную часть этого «плаката» занимаютъ правила, опредѣляющія дѣятельность земскаго комиссара, выбираемаго изъ своей среды дворянами. Какъ извѣстно, земскій комиссаръ, сохраненный временно указами 1727 года, просуществовалъ до 1736 года, и пока онъ существовалъ и дѣйствовалъ, сохраняли свою силу и статьи плаката, касавшіяся его[2]). Да и позднѣе, когда обязанности комиссара перешли къ воеводамъ, съ одной стороны, и къ офицерамъ при подушномъ сборѣ, съ другой, правительственные указы не разъ ссылались на различныя мѣста плаката, который не переставалъ оставаться руководствомъ для областныхъ властей въ такомъ, напримѣръ, дѣлѣ, какъ выдача паспортовъ крестьянамъ, уходившимъ на отхожіе промыслы, и вообще въ вопросахъ, касавшихся закономѣрнаго передвиженія податного населенія изъ одной мѣстности въ другую[3]).

Такъ на ряду съ наказомъ 1728 года сохраняли силу и нѣкоторыя инструкціи и правила, изданныя при Петрѣ: это былъ мало подверженный быстрымъ и существеннымъ измѣненіямъ уставъ приказной, канцелярской службы и правила, опредѣлявшія дѣятельность очень немногихъ Петровскихъ учрежденій, которыя на первое, по крайней мѣрѣ, время послѣ указовъ 1727 года еще не были уничтожены.

Въ послѣднее время существованія областныхъ учрежденій 1727 года получило значеніе «наставленіе губернаторамъ», утвержденное Екатериной II 21 апрѣля 1764 года, въ разгаръ ея первыхъ преобразовательныхъ стремленій, которыя мы выше назвали ея малой административной реформой[4]). Наставленіе губернаторамъ сохраняло свою силу до введенія новыхъ учрежденій, т.-е. отъ 12 до 20 лѣтъ, смотря по времени образованія новыхъ губерній—намѣстничествъ; поэтому мы не можемъ обойти его молчаніемъ. Время дѣйствія этого наставленія или инструкціи — переходное; оно относится ко времени, когда живо было сознаніе неудовлетворительности дѣйствовавшаго строя и подготовлялась реформа 1775 года. Переходный характеръ времени, въ которое она дѣйствовала, отразился и на самомъ документѣ. Инструкція 1764 года не отмѣняла прежнихъ регламентовъ и наказовъ; она была издана только «въ при-

[1]) П. С. З., т. VII, № 4533.
[2]) П. С. З., т. VIII, №№ 5226 (1728 г.), 5676 (1731 г.).
[3]) П. С. З., т. IX, №№ 6453 (1733 г.), 6941 (1736 г.).
[4]) П. С. З., т. XVI, № 12137.

бавокъ къ прежнимъ узаконеніямъ» до полнаго пересмотра дѣйствовавшаго областного управленія. Затѣмъ, она касалась не всѣхъ органовъ мѣстнаго управленія, а только однихъ начальниковъ губерній. Въ самомъ наставленіи мы находимъ такое объясненіе этой ея особенности: «всегдашнія наши попеченія въ изобрѣтеніи средствъ къ приращенію благоденствія подданнымъ нашимъ и къ приведенію всей нашей имперіи въ желанное благосостояніе открыли намъ, между прочимъ, и сію неоспоримую истину, что все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ. Главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего исправленія требуютъ». Имѣя въ виду предполагаемую общую реформу областного строя, императрица говоритъ далѣе въ томъ же вступленіи къ своему манифесту: что она «со временемъ, Богу споспѣшествующему», дѣйствительно, «потщится» исправить всѣ недочеты управленія страной, теперь же она ограничивается наставленіемъ губернаторамъ, «почитая самонужнѣйшимъ приступомъ» къ грядущимъ реформамъ «прямое существо губернаторской должности». Въ ожиданіи болѣе крупныхъ преобразованій, начинаютъ съ частичныхъ, касающихся губерніи и губернатора, какъ главныхъ органовъ областного управленія, имѣющихъ не только мѣстное, но и общегосударственное значеніе. Въ этомъ, кромѣ переходнаго характера самаго памятника ярко сказалось и то первенствующее положеніе, которое устойчиво продолжала сохранять губернія, и которое она удержала при введенномъ Екатериной II новомъ областномъ строѣ.

Въ отличіе отъ наказа 1728 года наставленіе 1764 года вовсе не ставитъ себѣ цѣлью подробно регламентировать дѣятельность губернаторовъ. Касаясь только одной высшей должности по областному управленію, она даетъ ея носителямъ только общія директивы; при этомъ, подкрѣпляя прежнія узаконенія въ вопросахъ особенной важности, напримѣръ, касательно моровой язвы, разбоевъ и грабежей, исправнаго состоянія большихъ дорогъ (ст. 9, 15, 17), инструкція проводитъ новые взгляды, совсѣмъ не извѣстные наказамъ прежняго времени.

По идеѣ Екатерины II губернаторъ уже не есть лишенный инціативы агентъ, имѣющій громадную власть надъ подчиненными и безправный и безотвѣтный передъ центральною властью. Это — «повѣренная отъ государыни особа, глава и хозяинъ и истинный опекунъ всей врученной въ смотрѣніе его губерніи», который состоитъ «подъ собственнымъ вѣдѣніемъ» государыни и сената (ст. 11); онъ — «недремлющимъ окомъ взираетъ» на общій ходъ дѣлъ въ губерніи, «содержа въ ненарушимомъ сохраненіи указы и узаконенія, чтобы правосудіе и истина во всѣхъ судебныхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ обитали» (ст. 4). Ему вручена «паче прежней власть», основанная на довѣріи престола «къ рачителю о тишинѣ и безопасности ввѣреннаго ему народа» (ст. 17). Обезпечивая правосудіе и общественную безопасность хозяинъ, и опекунъ губерніи долженъ продолжать тотъ походъ противъ взяточничества,

который предприняла было, войдя на престолъ, императрица: «хотя о душевредномъ лихоимствѣ и гнусныхъ взяткахъ многими строжайшими указами обнародовано, однако, если бъ въ которой губерніи таковой врагъ отечества и явился, то по прямомъ изобличеніи въ лихоимствѣ можетъ его губернаторъ не только лишить мѣста, но и отослать къ должному осужденію въ юстицію» (ст. 5). Въ наставленіи воскресаютъ также и нѣкоторыя идеи Петровскихъ наказовъ: губернаторъ, «имѣя о всѣхъ до губерніи его касающихся дѣлахъ прямыя извѣстія, а изъ того собирая понятія и познанія, долженъ предусматривать разныя пользы согласно съ выгодами, торгами и промыслами ея обитателей» (ст. 12). Такъ рисуетъ наставленіе 1764 года обликъ губернатора: въ немъ черты дѣятельнаго и пекущагося о всеобщемъ благѣ бюрократа Петровскаго времени сочетаются съ совершенно новыми чертами почетной и пользующейся особымъ довѣріемъ государя должности, окончательно сложившейся въ должность государева намѣстника по учрежденію 1775 года. Наставленіе 1764 года не говоритъ о низшихъ органахъ областного управленія и ни однимъ словомъ не намѣчаетъ различія между провинціальными и городовыми воеводами: и здѣсь сказалось его переходное значеніе. Это не вполнѣ ясно проведенная мысль о двухъ степеняхъ областного управленія, съ центромъ тяжести на старшей — губерніи которой безусловно во всемъ подчинена младшая. И эта мысль нашла себѣ яркое выраженіе въ учрежденіи о губерніяхъ.

ГЛАВА III

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Общая схема областныхъ учрежденій, созданная мѣрами 1727 и 1728 годовъ, можетъ быть, приблизительно, представлена такъ: во главѣ каждой губерніи стоитъ единоличный правитель — губернаторъ со своими помощниками, которымъ указы 1727 года сохранили еще названіе асессоровъ: губернаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи губернскую канцелярію съ секретаремъ во главѣ. Губернія распадается на нѣсколько провинцій, управляемыхъ провинціальными воеводами. Провинціальный воевода имѣетъ товарища; ему подчинена провинціальная канцелярія, начальникъ которой также, обыкновенно, носитъ названіе секретаря. Въ составъ провинцій, въ свою очередь, входятъ нѣсколько самостоятельныхъ уѣздовъ, съ границами, создавшимися еще въ допетровское время; начальники ихъ носятъ названіе городовыхъ воеводъ; они не имѣютъ товарища; правитель ихъ канцеляріи называется подъячимъ съ приписью. Подушная подать въ первые годы собирается по-прежнему земскими комиссарами, подчиненными городовымъ воеводамъ, а позднѣе — особымъ контингентомъ состоящихъ при воеводахъ и губернаторахъ офицеровъ. Еще ниже стоятъ пригородки, число которыхъ, впрочемъ, не велико; воевода пригородка съ его уѣздомъ, обычно, очень небольшимъ, находится въ болѣе тѣсной зависимости отъ властей того города, къ которому пригородокъ изстари приписанъ. Города и уѣзды, расположенные поблизости отъ губернскаго центра, составляютъ его провинцію; для нихъ губернаторъ является въ то же время и провинціальнымъ воеводою, а для ближайшихъ окрестностей губернскаго города, составляющихъ его исторически сложившійся уѣздъ, власть губернатора совпадаетъ съ властью городового воеводы. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, и въ офиціальныхъ актахъ и на обывательскомъ языкѣ Московской провинціей называлось пространство, обнимавшее Московскій, Дмитровскій, Клинскій, Волоколамскій, Можайскій, Звенигородскій, Рузскій, Верейскій, Малоярославецкій, Боровскій, Серпуховской и Коломенскій уѣзды. Для всѣхъ этихъ уѣздовъ, кромѣ перваго, существовали лишь двѣ инстанціи — городовой воевода и губернаторъ, бывшій для нихъ провинціальной властью; для Московскаго уѣзда инстанцій областного управленія не существовало вовсе, потому что губернаторъ этого уѣзда замѣнялъ и провинціальныя и городовыя власти. То, что

сказано о провинціи и уѣздѣ губернскаго города, должно быть повторено и для уѣзда провинціальнаго города: въ какомъ-нибудь Ярославлѣ или Твери не было одновременно и провинціальныхъ и городовыхъ властей, но находившіеся въ этихъ городахъ провинціальные воеводы были для ихъ уѣздовъ и городовыми воеводами. Такая особенность областныхъ учрежденій 1727 года вполнѣ согласовалась съ административными обычаями Московскаго царства, въ которомъ центральныя учрежденія, находившіяся въ столицѣ, бывали въ одно и то же время областными учрежденіями для ея уѣзда; не исчезала эта особенность и при дѣйствіи Петровскихъ областныхъ учрежденій.

Для губерній, впервые учрежденныхъ Петромъ въ 1708 году, мѣры 1727—1728 годовъ были уже третьимъ преобразованіемъ, которое онѣ переживали; послѣ указовъ 1715 года, видоизмѣнившихъ составъ и значеніе коллегіи ландратовъ, послѣ реформы 1719 года, какъ бы вовсе забывшей о губерніяхъ [1]), указы Екатерины I и Петра II вновь измѣняли мѣсто губерніи въ областномъ строѣ. Разсматривая указы, изъ которыхъ слагалась областная реформа наслѣдниковъ Петра Великаго, и разбирая воеводскій наказъ 1728 года, мы видѣли, что мѣры конца двадцатыхъ годовъ возвратили губерніямъ ихъ первенствующее значеніе, менѣе всего коснувшись самой технической организаціи губернскаго управленія. Для учрежденныхъ Петромъ провинцій мѣры 1727—1728 годовъ были первымъ преобразованіемъ. Изъ самостоятельной единицы онѣ обратили провинцію въ промежуточное звено между губерніей и уѣздомъ, всецѣло зависимое отъ первой. Наконецъ, для третьей ступени, уѣзда, равно какъ и для четвертой, пригородка, указы преемниковъ Петра I имѣли наибольшее значеніе: они возстановили уѣздную власть, издавна существовавшую, но отъ которой реформа 1719 года оставила коей-гдѣ слабый и жалкій слѣдъ въ видѣ судебнаго комиссара.

Различнымъ значеніемъ реформы 1727—1728 годовъ для каждой изъ ступеней областной администраціи опредѣляются наиболѣе интересные вопросы, которые можно поставить, приступая къ разсмотрѣнію практическаго отраженія областныхъ преобразованій преемниковъ Петра. Какъ и при какихъ условіяхъ начала свои дѣйствія возстановленная власть городового воеводы? Какъ сложились отношенія воеводъ къ земскимъ комиссарамъ, которые существовали до нихъ и сохранились въ видѣ временной мѣры въ теченіе девяти первыхъ лѣтъ, протекшихъ послѣ возстановленія воеводской власти, и какова была конечная судьба земскихъ комиссаровъ? Какъ установились отношенія городовыхъ воеводъ къ другимъ находившимся на мѣстахъ представителямъ власти, и особенно ихъ начальникамъ — воеводамъ провинціальнымъ и губернаторамъ? Какъ осуществилось подчиненіе дворцовыхъ волостей, монастырскихъ имѣній и посадовъ юрисдикціи воеводъ? Какъ приняли перемѣну въ своемъ по-

[1]) *Богословскій*, Областная реформа 76—86; его же, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1903 годъ, № 9.

ложеніи провинціальныя власти? Какъ отразились на губернаторской власти мѣропріятія, которыя поставили ее во главѣ всего областного управленія? Наконецъ, какъ ликвидированы были дѣла камерировъ и рентмейстеровъ? Вотъ главнѣйшіе вопросы, которые приходится освѣтить экскурсами въ реальную жизнь того времени.

Объ измѣненіяхъ въ областномъ управленіи, состоявшихся въ 1727 году, населеніе было извѣщено печатными экземплярами указовъ, которые должны были быть «публикованы на пристойныхъ мѣстахъ при собраніи народа» не только въ городахъ, но и въ важнѣйшихъ селеніяхъ. Изъ перечня селеній Суздальскаго уѣзда, въ которыхъ прочитаны были указы, видно, что распубликованіе должно было происходить всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ уже тогда обладавшаго сравнительно развитой промышленностью Суздальскаго края [1]).

У меня нѣтъ въ распоряженіи матеріала, позволяющаго судить о томъ, какъ начали свои дѣйствія власти новыхъ губерній (Новгородской и Бѣлгородской), учрежденныхъ въ 1727 году, но можно сказать съ увѣренностью, что во второй половинѣ іюня Бѣлгородская губернская канцелярія уже издавала распоряженія по всей территоріи новой губерніи [2]).

Относительно провинціальныхъ властей надо различать два случая: во-первыхъ, когда прежніе воеводы утверждались на старыхъ мѣстахъ, во-вторыхъ, когда на должность провинціальныхъ воеводъ назначались новыя лица. Прежніе воеводы, оставшіеся на мѣстахъ по новому положенію, получали указъ нижеслѣдующаго содержанія: «Сего марта 14 дня Ея Императорское Величество указала быть тебѣ въ (такой-то) провинціи воеводою, и по тому Ея Императорскаго Величества указу высокій сенатъ приказали: въ той провинціи поступать тебѣ по прежней воеводской

---

[1]) Вотъ содержаніе инструкціи, данной разсыльщикамъ, которымъ было поручено распубликовать въ Суздальской провинціи указы о городовыхъ воеводахъ и о новыхъ правилахъ подушнаго сбора:

По указу Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійской и по опредѣленію Суздальской провинціальной канцеляріи.

Ѣхать въ Суздальскій уѣздъ въ помѣстья и вотчины по нижеписанному реестру, а пріѣхавъ, присланными Ея Императорскаго Величества изъ Высокаго Сената печатными указы публиковать при собраніи народа и въ пристойныхъ мѣстахъ прибить о сборѣ на прошлые годы доимочныхъ подушныхъ денегъ и о положеніи онаго подушнаго сбора на воеводъ и штабъ-офицеровъ, которые обрѣтаются и будутъ при тѣхъ воеводахъ и о прочемъ. И таковыхъ печатныхъ для публикованія в народъ прислано Ея И. В. указовъ, а гдѣ торговыхъ дней не прилучится, и отдать тѣхъ вотчинъ прикащикамъ и старостамъ съ роспискам, и тѣ росписки Суздальской провинціи канцеляріи воеводскаго правленія подать при доѣздѣ.

Реестръ: Въ селѣ Лежневѣ, въ селѣ Дуниловѣ, въ селѣ Васильевскомъ, въ селѣ Ивановѣ, въ селѣ Острецовѣ, въ селѣ Ковровѣ, въ селѣ Кохмѣ, въ селѣ Горицахъ, въ селѣ Парскомъ, въ селѣ Тейковѣ, въ селѣ Нельшѣ.

Таковъ указъ и при немъ печатныхъ 8 указовъ о сборѣ на прошлые годы доимочныхъ подушныхъ денегъ и о прочемъ Суздальскій росыльщикъ Иванъ Горбуновъ взялъ, а вмѣсто его подьяческой сынъ Григорій Гавриловъ по его прошенію росписался». Суздальск. пров. канц., оп. 5, в. 2.

[2]) Брянской воев. канц., оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 280.

инструкціи и указамъ и регламентамъ, а новосочиненная инструкція когда въ верховномъ тайномъ совѣтѣ апробована будетъ, то пришлется къ вамъ впредь, и что вы въ той провинціи въ вѣдомствѣ своемъ имѣете, о томъ о всемъ по прежнимъ обычаямъ учиня росписные списки, прислать въ сенатъ; къ тебѣ жъ для вспоможенія, по силѣ публикованнаго марта 17 дня сего году печатнаго указу, въ товарищи опредѣленъ такой-то (здѣсь упоминались имя и чинъ товарища), которому сказавъ о томъ указъ, привесть къ присягѣ и прислать оную въ сенатъ, а къ нему о бытіи въ той провинціи у дѣлъ указъ изъ сената посланъ» [1]). Въ высшей степени интересно здѣсь предписаніе составить росписные списки обо всемъ, что имѣется въ вѣдомствѣ воеводы; выходитъ, такимъ образомъ, что воевода долженъ былъ отъ самого себя принять должность.

Указъ новому воеводѣ, который долженъ былъ смѣнить провинціальнаго воеводу, дѣйствовавшаго по старому положенію, составлялся въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ. Ему предписывалось ѣхать къ мѣсту назначенія немедленно, «а пріѣхавъ, въ той провинціи у воеводы съ товарищи имѣющіеся указы и государственные правы и прежнюю воеводскую инструкцію и регламенты и все, что принадлежитъ къ вѣдѣнію и правленію его воеводскому, принявъ, поступать по той воеводской инструкціи и указамъ, и что они по пріѣздѣ своемъ въ той провинціи въ правленіе и въ вѣдомство свое примутъ, о томъ о всемъ по прежнимъ обычаямъ, учиня росписные списки и заруча своими руками, прислать въ Сенатъ» [2]).

Вновь назначенные провинціальные воеводы, кажется, и въ дѣйствительности довольно скоро появились на своихъ мѣстахъ; впрочемъ, даже тамъ, гдѣ они опаздывали, это не измѣняло теченія дѣлъ, потому что ихъ предшественники обязаны были дожидаться ихъ пріѣзда.

Значительно разнообразнѣе и очень часто сложнѣе была обстановка, при которой вступали въ должность городовые воеводы. Общій порядокъ вступленія въ должность первыхъ городовыхъ воеводъ можно видѣть изъ переписки, происходившей лѣтомъ 1727 года между Московской губернской, Переяславско-Залѣсской провинціальной и Ростовской городовой канцеляріями. 16-го іюня провинціальный Переяславскій воевода, подполковникъ Хвостовъ, получилъ изъ губерніи указъ съ увѣдомленіемъ, что «велѣно въ Ростовѣ быть воеводою маіору господину Челищеву, и будучи ему въ томъ городѣ, подушныя деньги сбирая, высылать въ провинцію на указные сроки, и судныя и розыскныя дѣла отправлять и во всемъ поступать по указамъ и по государевымъ правамъ и по инструкціи. И прошедшаго мая 13 дня, по силѣ онаго Его Императорскаго Величества указу и по опредѣленію губернской канцеляріи велѣно ему, воеводѣ господину Челищеву, пріѣхавъ въ Ростовъ, городъ и приказную избу и воеводскій дворъ и артиллерію и посланные указы, и приходныя и расходныя книги и со служителями принять у тебя, воеводы, или у земскихъ коммиссаровъ, кому

---

[1]) Переяславско-Залѣсской провинц. канцел., оп. 7, вяз. 4, л. 197.

[2]) Суздальской провинціальн. канцеляріи, оп. 4, вяз. 2, указы 1727 года.

ѳной городъ отъ васъ вѣдать порученъ, и въ приходѣ и въ расходѣ денежной казны коммиссаровъ счесть по указу и по формѣ, и что на комъ по счету явится, взыскивать ему, Челищеву, безъ упущенія, въ скорости, а по счету съ счетными выписками выслать ихъ къ вамъ въ провинцію для отсылки въ указныя мѣста, какъ указы повелѣваютъ; а ежели у нихъ, коммиссаровъ, явится доимка, какъ канцелярскихъ разныхъ всѣхъ сборовъ, такъ и подушнаго и въ зачетъ подушнаго жъ сбору прошлаго 724 году, и о той доимкѣ взять ему, воеводѣ, у нихъ именныя вѣдомости за руками и ту доимку собрать, какъ посланные о томъ указы повелѣваютъ безъ упущенія жъ; и ежели они чего по посланнымъ указамъ не исполнили, то исполнить ему, воеводѣ, и прислать вѣдомости и о доходахъ репорты по указамъ и по формѣ въ провинцію на указные сроки, такожъ и у судебнаго коммиссара по тому жъ посланные указы и о судѣ формы и судныя и розыскныя дѣла и по дѣламъ пошлинныя деньги и подъячихъ и служителей принять съ росписками и въ сборѣ денежной казны по тому жъ счесть по указу; а наличную денежную казну выслать къ вамъ въ провинцію безъ замедленія жъ, а что порознь принято будетъ, и тому всему учиня росписной списокъ за руками прислать — каковъ въ губернскую канцелярію, таковъ же и къ вамъ въ провинцію». Указъ, сущность котораго сводится къ тому, что новый воевода долженъ принять дѣла отъ земскаго и судебнаго комиссаровъ и затѣмъ, главнымъ образомъ, заботиться объ исправномъ поступленіи податей, заканчивается предписаніемъ принять земскаго комиссара въ свое «смотрѣніе».

Точно такой же указъ былъ въ тотъ же самый день полученъ Переяславскимъ воеводой и отъ Московской сенатской конторы. На слѣдующій день воевода Хвостовъ отправилъ въ Ростовъ два указа — одинъ новому воеводѣ Челищеву о принятіи города, другой — земскому комиссару Ошанину о сдачѣ его воеводѣ. Содержаніе обоихъ указовъ повторяетъ содержаніе документовъ, только что приведенныхъ [1]). При указахъ мѣстнымъ агентамъ власти, которые должны были передать должность новымъ лицамъ, прилагался, обычно, общій списокъ воеводъ, назначенныхъ въ различные города имперіи [2]).

Такова общая схема вступленія въ должность новыхъ воеводъ: они принимали все отъ земскихъ и судебныхъ комиссаровъ подъ наблюденіемъ провинціальныхъ и губернскихъ властей. Въ дѣйствительности, отъ схемы было не мало отступленій, обусловленныхъ мѣстными особенностями и множествомъ непредвидѣнныхъ случаевъ, часто ставившихъ втупикъ и самихъ воеводъ, и тѣхъ, съ кѣмъ имъ приходилось имѣть дѣло, а иногда вызывавшихъ даже конфликты между тѣми и другими.

---

[1]) Переяславско-Залѣсской пров. канцел., оп. 7, вяз. 4, д. 21, лл. 736—740; другіе примѣры: Карачевской воеводск. канцел., вяз. 2, д. 3, л. 114; Курмышской воев. канцел., оп. 3, вяз. 2, д. 332, лл. 50, 155, 158; Брянск. воеводск. канцел., оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 287; Курск. городов. магистрата, оп. 25, вяз. 3, д. 184, лл., 55—57; Бѣжецк. город. магистрата, оп. 4, вяз. 2, д. 22/49.

[2]) Керенской воеводской канцеляріи, оп. 2, вяз. 1, л. 237.

При распредѣленіи кандидатовъ въ городовые воеводы сенатъ намѣтилъ въ Каргополь «изъ дворянъ» Василія Лутовинова, который, однако, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ былъ замѣненъ майоромъ Гаврилою Семеновичемъ Култашевымъ. Имя послѣдняго и стоитъ въ окончательномъ спискѣ воеводъ, помѣщенномъ въ указѣ 31 марта 1727 года[1]). 27-го слѣдующаго апрѣля Култашевъ, подобно всѣмъ назначеннымъ съ нимъ вмѣстѣ его коллегамъ, получилъ изъ сената указъ Ея Величества, сходный съ изложеннымъ выше указомъ Ростовскому воеводѣ: Въ концѣ наказа предписывалось воеводѣ «судныя и розыскныя дѣла управлять по Уложенію и по надлежащимъ указамъ и по формѣ суда, правдою, безволокитно». Инструкцію Култашевъ долженъ получить по ея составленіи, а городъ и всѣ дѣла ему надлежитъ принять отъ судебнаго комиссара и опись этихъ дѣлъ доставить въ сенатъ и къ губернатору. Если же въ Каргополѣ не окажется какихъ-либо должностныхъ лицъ или дѣлъ, то по всякимъ недоразумѣніямъ онъ долженъ обращаться къ провинціальному воеводѣ [2]). Мы не знаемъ, гдѣ засталъ Култашева указъ, но въ концѣ лѣта онъ уже былъ на мѣстѣ своей новой службы. 19-го августа Култашевъ прибылъ въ Каргополь и сталъ требовать передачи всѣхъ дѣлъ не отъ судебнаго комиссара, котораго въ Каргополѣ не было, но отъ другого низшаго должностного лица, которому надлежало стать подъ начало воеводы,— управителя дворцовыхъ волостей, составлявшихъ почти весь Каргопольскій уѣздъ, Андрея Тяпкина. Тяпкинъ, который до пріѣзда новаго воеводы «подъ смотрѣніемъ своимъ городъ Каргополь имѣлъ, и того города въ воеводскомъ дворѣ жилъ», на требованіе Култашева передать ему городъ отвѣтилъ отказомъ, и между ними завязалась настоящая война. Въ своемъ рапортѣ въ Бѣлозерскую провинціальную канцелярію Култашевъ повѣствуетъ о ней слѣдующимъ образомъ: Тяпкинъ, по словамъ Култашева, не желалъ сдавать города, несмотря на то, что новый воевода «отъ того, что ему управителю по присылаемымъ изъ главной дворцовой канцеляріи и изъ приказу большого дворца указамъ исполнять велѣно, не отрѣшалъ»; не обращалъ Тяпкинъ вниманія и на «указы и государственное опредѣленіе, съ котораго къ нему управителю и въ Каргопольскій магистратъ и въ Каргопольское духовное правленіе посланы отъ насъ (о себѣ Култашевъ говоритъ не иначе, какъ во множественномъ числѣ) копіи». Тогда Култашевъ, усматривая, что Тяпкинъ »своимъ упорствомъ всему воеводскому управленію учинилъ остановку и помѣшательство и явно онымъ противнымъ своимъ сочиненнымъ опредѣленіемъ отрѣшалъ насъ быть воеводою, видимо для лучшаго исправленія властнаго своего интересу», перешелъ къ крутымъ мѣрамъ. «Взирая на Ея Императорскаго Величества указы», онъ «отъ воеводства не отступилъ. И оный управитель Титовъ взятъ былъ подъ арестъ», при чемъ воевода оборвалъ съ Титова кортикъ и, отнявъ трость, велѣлъ его весть солдатамъ съ обнаженными шпагами на подворье Крестнаго мона-

---

[1]) Сборн. Русск. Историч. Общ. т. LXIII, стран. 429, П. С. З., т. VII, № 5053.

[2]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 2, д. 290/24, лл. 2—4.

стыря, гдѣ онъ и оставался до 1-го сентября. Лишь тогда Тяпкинъ «къ отдачѣ города Каргополя и всего прочаго согласился» и очистилъ воеводскій дворъ, на которомъ и поселился Култашевъ. Впрочемъ, дворцовый управитель выѣхалъ изъ Каргополя, такъ и не сдавъ воеводѣ «канцеляріи, артиллеріи, подъячихъ и солдатъ, судныхъ и розыскныхъ дѣлъ и колодниковъ, которые безъ слѣдствія и рѣшенія сидятъ не малые годы» [1]).

Такимъ образомъ, первому Каргопольскому воеводѣ пришлось брать свою должность приступомъ; однако, такой, оборотъ дѣла зависѣлъ, быть-можетъ, не столько отъ упорства Тяпкина, сколько отъ властнаго нрава самого воеводы. Распоряженія Култашева, данныя въ первые дни воеводства, довольно ярко рисуютъ его обликъ и показываютъ, что не одинъ Тяпкинъ старался дать ему отпоръ. Уже арестовавъ своего недруга Тяпкина, Култашевъ обращается къ подъячимъ и командѣ солдатъ, имѣющимъ перейти подъ его начальство, съ особыми приказами, имъ собственноручно подписанными. Солдатамъ приказывалось безпрекословно повиноваться маіору и воеводѣ Г. С. Култашеву, подъячіе получили приказаніе «писцовымъ и переписнымъ книгамъ и суднымъ розыскнымъ дѣламъ и всему, что до воеводскаго правленія касается, сочинить опись и за своими руками предложить маіору и воеводѣ въ самой скорости, безсрочно, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія». Въ концѣ всѣмъ сообщалось о «противностяхъ» Тяпкина, «чего ради заарестованъ», и предлагалось всѣмъ расписаться въ слушаніи приказа [2]). Приказы и инструкціи посыпались отъ Каргопольскаго воеводы какъ изъ рога изобилія: земскимъ старостамъ онъ даетъ инструкцію, какъ имъ исполнять свои обязанности, комиссарамъ отъ земли — какъ имъ сбирать подушную подать; въ духовное правленіе онъ посылаетъ требованіе прислать дѣла, касающіяся до свѣтскаго суда, и лишь одинъ Каргопольскій поповскій староста осмѣливается отвѣтить ему отказомъ [3]).

Не одному Каргопольскому воеводѣ пришлось преодолѣвать препятствія, прежде чѣмъ сѣсть на свое воеводство, хотя не всегда, конечно, дѣло доходило до насильственныхъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, Кашинскій воевода, дворянинъ Козловъ, получилъ городъ Кашинъ съ уѣздомъ отъ присланнаго Углицкимъ провинціальнымъ воеводой комиссара (вѣроятно, земскаго, ибо въ Кашинѣ, близкомъ по разстоянію къ Угличу, судебнаго комиссара не было), Родіона Желдинскаго, который передалъ ему «городъ и канцелярію, и подьячихъ 3 человѣкъ, а дѣлъ не отдалъ и изъ Кашина отлучился». Еще въ началѣ 1728 года Кашинскій архивъ и текущія дѣла такъ и оставались не сданными воеводѣ [4]).

---

[1]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, д. 269/11, лл. 1, 2; вяз. 2, д. 290/4, лл. 10—13; д. 277/17, лл. 76—79.

[2]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 2, д. 290/4, лл. 5, 6.

[3]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, д. 269/11, лл. 11, 12, 23, 24, 29.

[4]) Кашинск. воев. канцел., оп. 7, вяз. 15.

Даже тамъ, гдѣ, казалось, были всѣ условія для правильнаго и закономѣрнаго вступленія въ должность новыхъ воеводъ, все-таки наблюдались уклоненія отъ закона, шероховатости и проволочки. Въ пригородокъ Гдовъ, входившій въ составъ Псковской провинціи, въ концѣ 1727 года [1]) былъ назначенъ воеводою капитанъ Жегловъ. Воеводы, назначаемые въ пригородки, должны были предварительно явиться къ властямъ того города, къ которому пригородокъ былъ подчиненъ; въ данномъ случаѣ это надо было сдѣлать въ Псковѣ; между тѣмъ, Псковская провинціальная канцелярія получила 14 февраля 1728 года донесеніе отъ «ротмистра, а Гдовскаго судебныхъ дѣлъ коммиссара», Лодыженскаго, въ которомъ тотъ писалъ, что Жегловъ явился прямо въ Гдовъ, вслѣдствіе чего Лодыженскій «безъ письменнаго извѣстія» Псковской провинціальной канцеляріи городъ Гдовъ и канцелярію «сдать опасенъ». Псковскій воевода немедленно послалъ Жеглову запросъ, «чего ради ты во Псковской провинцской канцеляріи не явился и даннаго указу о бытіи въ Гдовѣ тебѣ воеводою не объявилъ, и къ присягѣ ты приведенъ ли и гдѣ, о томъ Псковская канцелярія не свѣдома». Далѣе слѣдовало предписаніе Жеглову немедленно явиться въ Псковъ, «съ чего бы могла Псковская канцелярія какъ въ высокій сенатъ, такъ и въ Новгородскую губернскую канцелярію о бытіи твоемъ во Гдовѣ воеводою репортовать». Надо полагать, что запутавшій свое собственное дѣло капитанъ Жегловъ поспѣшилъ исправить свою ошибку, такъ какъ 12 марта того же года изъ Пскова послѣдовало предписаніе Жеглову принять, а Лодыженскому сдать городъ новому воеводѣ [2]).

Не обошлось безъ недоразумѣній и вступленіе въ должность Ростовскаго воеводы, указы которому изъ сената, губерніи и провинціи я изложилъ выше. «Іюня 28 дня, — доносилъ воевода Челищевъ по прибытіи на мѣсто, — въ Ростовѣ въ поданномъ мнѣ доношеніи отъ земскаго коммиссара объявлено: по присланному-де Его Императорскаго Величества указу провинціи Переяславля Залѣсскаго изъ канцеляріи воеводскаго правленія, велѣно ему (т.-е. комиссару) городъ Ростовъ и приказную избу и воеводскій дворъ да канцелярскихъ служителей, по предложенному при томъ указѣ реестру, отдать ему мнѣ съ роспискою. А по справкѣ-де канцелярскихъ служителей имѣется у него при сборѣ подушныхъ денегъ только два человѣка, которые опредѣлены ордеромъ при бытности на вѣчной квартирѣ Нижегородскаго пѣхотнаго полку оберъ-офицеровъ, а другихъ по присланному реестру подъячихъ и писчиковъ и разсыльщиковъ въ командѣ его не имѣется; такожъ города Ростова и приказной избы и двора воеводскаго ни отъ кого ему не было поручено, и что во ономъ городѣ Ростовѣ и въ приказной избѣ и въ воеводскомъ дворѣ какого строенія и прочаго имѣется, о томъ онъ неизвѣстенъ, понеже-де у него описи никакой

---

[1]) Это былъ уже второй воевода; первымъ былъ изъ камерировъ Семенъ Өедотовъ Линевъ. Сборн. Русскаго Историч. Об., т. LXIII, стран. 429. О его пребываніи въ Гдовѣ нѣтъ никакихъ извѣстій.

[2]) Гдовской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, лл. 13, 24.

о томъ не имѣется и отдать не по чемъ; а имѣется-де какъ городъ, такъ приказная изба и дворъ воеводскій и канцелярскіе служители, кромѣ вышеобъявленныхъ, въ вѣдомствѣ Переяславской провинціи Залѣсскаго канцеляріи воеводскаго правленія». «Того ради» новый воевода просилъ, «чтобъ повелѣно было городъ Ростовъ и приказную избу, и дворъ воеводскій, и тюремный острогъ и по Ростову имѣющіяся дѣла, и прочаго что надлежитъ» принять ему не отъ земскаго коммиссара, который самъ не зналъ, что ему сдавать, а отъ Переяславской провинціальной канцеляріи; «такожъ того города объ окладѣхъ подушныхъ и прочихъ городовыхъ и уѣздныхъ доходовъ и о всякихъ сборщикахъ прислать обстоятельныя вѣдомости, понеже какъ денежные сборы, такъ и указы и дѣла имѣются въ правленіи провинціи Переяславля-Залѣсскаго, а особливаго команду имѣющаго въ городѣ Ростовѣ у судныхъ дѣлъ и денежныхъ сборовъ, кромѣ опредѣленнаго коммиссара для сбору подушныхъ денегъ на Нижегородскій полкъ, не имѣется». Въ концѣ своего донесенія Челищевъ выражаетъ опасеніе, какъ бы ему не оказаться виновнымъ въ остановкѣ дѣлъ, «понеже по прибытіи въ Ростовъ, въ правленіе мое ничего не поручено, но токмо нынѣ при мнѣ имѣется изъ канцелярскихъ служителей Ростовскихъ жителей, которые показаны коммиссаромъ Ошанинымъ въ реестрѣ для отдачи мнѣ и явились у меня, и разсыльщиковъ 10 человѣкъ, которымъ отправить будетъ дѣлъ невозможно». Получивъ такую бумагу, Переяславская провинціальная канцелярія постановила «выписать колико числомъ Ростовскихъ подъячихъ и разсыльщиковъ при провинціальной канцеляріи имѣется, и уложеніе Ростовское здѣсь ли, также о сборѣхъ акцизныя доимочныя росписи на прошлые годы отыскавъ въ камерирской конторѣ и учиня на нынѣшній 727 годъ онымъ сборамъ окладныя книги, послать въ Ростовъ къ воеводѣ не замедля; а по Ростову дѣламъ учинить ясную опись — что вершеныхъ и невершеныхъ и что по вершенымъ дѣламъ взято пошлинъ и что имѣется въ доимкѣ и на комъ, и исполня оную опись доложить немедленно», а затѣмъ выслать документы и подъячихъ къ Ростовскому воеводѣ.

Такимъ образомъ, оказалось, что воеводу отправили въ Ростовъ, совершенно упустивъ изъ виду, что значительная часть Ростовскихъ приказныхъ, такъ же какъ и документовъ, имѣвшихъ отношеніе къ Ростову, оставлены были въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, куда они попали при проведеніи областной реформы 1719 года. Однако, описаннымъ еще дѣло не кончилось. Провинціальная канцелярія признала правильнымъ требованіе Ростовскаго воеводы принять отъ нея дѣла по росписному списку, но не была въ состояніи списокъ этотъ составить; «а о имѣющихся по Ростову дѣлахъ росписной списокъ, также и о всякихъ городовыхъ и уѣздныхъ сборахъ на прошлые годы доимочныя, а на нынѣшній 727 годъ окладныя книги, за умноженіемъ дѣлъ и за малолюдствомъ подъячихъ — не сочинены, но сочиняться будутъ впредь, которыя по окончаніи присланы будутъ къ тебѣ воеводѣ и маіору г-ну Челищеву немедленно».

Что же касается самаго города, то его провинціальныя власти предписывали Ростовскому воеводѣ принять отъ мѣстнаго городничаго — низшаго полицейскаго агента, выбиравшагося въ Петровское время изъ посадскаго населенія, — по описи, составленной этимъ послѣднимъ и состоявшимъ при немъ подъячимъ [1]).

Такъ новымъ воеводамъ приходилось иногда принимать должность не отъ комиссаровъ судебнаго или земскаго, а отъ совсѣмъ иныхъ должностныхъ лицъ, участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ не предусматривалось никакими указами и притомъ приходилось принимать ощупью, натыкаясь на самыя неожиданныя затрудненіе.

Приведу еще одинъ примѣръ, рисующій введеніе воеводъ въ захолустномъ уголкѣ Сибири — Березовѣ. Тамъ воевода появился нѣсколько позднѣе: еще въ 1729 году начальникъ Березова и его уѣзда, майоръ Иванъ Бобровскій, называется просто управителемъ; его переименованіе въ воеводы произошло между апрѣлемъ и іюнемъ 1730 года, незадолго до возстановленія Сибирскаго приказа. Съ тѣхъ поръ при воеводѣ появляется и особая канцелярія, занятая, какъ и самъ ея начальникъ, преимущественно перепиской объ ясакѣ да о томившихся въ Березовѣ колодникахъ [2]).

Указы о назначеніи городовыхъ воеводъ были изданы въ мартѣ; но появленіе ихъ на мѣстахъ службы относится къ болѣе позднему времени. Изъ примѣровъ, приведенныхъ выше, можно видѣть, что воеводы прибывали на мѣста службы въ іюнѣ, въ іюлѣ, въ августѣ 1727 года; кажется, именно въ лѣтніе мѣсяцы и вступили въ должность большинство воеводъ [3]); однако, есть извѣстія, что воеводы пріѣзжали къ мѣсту службы и позднѣе: такъ, Карачевскій воевода, Струмичевскій, пріѣхалъ только въ октябрѣ [4]), а Брянскій, Камынинъ, даже въ ноябрѣ [5]). Между тѣмъ, опозданіе былоо чень нежелательно съ точки зрѣнія интересовъ центральнаго правительства; вѣдь только съ передачей управленія уѣздомъ въ руки городового воеводы дѣйствительно вводился новый областной строй, и возможно было дѣйствительно покончить съ камерирскими конторами, судебными комисса-

---

[1]) Переяславско-Залѣсской провинц. канцел., оп. 7, вяз. 4, д. 21, лл. 742, 743, 746. Городничіе упоминаются въ 1727 году и въ другихъ мѣстностяхъ: см. напр. Курмышск. воев. канцел., оп. 3, вяз. 2, лл. 237, 265, 331, 332. Обязанности городничаго ясно видны изъ наказа даннаго Ростовскому городничему Долгову въ 1728 году. Наказъ этотъ состоялъ изъ выписанныхъ спеціально съ этой цѣлію статей 39, 42, 43, 44, 45, 46 и 47 только что изданнаго воеводскаго наказа; особенное вниманіе онъ долженъ былъ обращать на береженье отъ пожара, и на шатающихся людей: его помощникамъ, состоитъ «городовой цѣловальникъ». Ростов. воев. канц., оп. 5, вяз. 1, протоколы 1728 г., л. 380.

[2]) Дѣла Березовск. воев. канц., вяз. 1, д. 1.

[3]) См. выше: Ростовъ, Каргополь; въ іюлѣ вступилъ въ должность Ладожскій воевода Чертовъ, (Ладожск. воевод. канц., оп. 8, вяз. 21); въ августѣ воевода Репнинъ пріѣхалъ въ Бѣжецкъ. Бѣжецкой городов. магистрата, оп. 4, вяз. 2, д. 22/49, 8/34, 12/39.

[4]) Карачевской воеводской канцеляріи, вяз. 1, д. 8.

[5]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. ·7, вяз. 1, д. 14, л. 287.

рами и т. п.; предшественниковъ, которые бы могли безконечно ждать, какъ это было въ управленіи провинціей, въ уѣздномъ управленіи не было. Неудивительно поэтому, что правительство довольно рано высказало признаки безпокойства и заботы о томъ, чтобы вновь назначенные воеводы, въ особенности именно воеводы городовые, не слишкомъ медлили вступленіемъ въ должность и фактическимъ пріемомъ въ свои руки управленія уѣздами. Еще въ іюнѣ-мѣсяцѣ изъ нѣкоторыхъ провинцій «прежніе управители доношеніемъ въ сенатъ объявили, что де опредѣленные воеводы понынѣ не бывали», отчего, конечно, происходятъ большія упущенія казеннымъ интересамъ. На это послѣдовалъ указъ сената отъ 31-го іюня: «которые воеводы еще не прибыли, тѣхъ о высылкѣ ихъ изъ губерній и провинцій сдѣлать распоряженіе немедленно, а которые отпущены въ домы или померли», или «представляютъ, что быть имъ не возможно», тамъ до опредѣленія новыхъ лицъ исправлять должность воеводъ прежнимъ правителямъ. Указъ заканчивается предписаніемъ сообщить, куда именно еще не прибыли вновь назначенные воеводы [1]). Какъ разъ къ этому времени относятся нѣкоторыя извѣстія о дѣйствительной высылкѣ запоздавшихъ воеводъ изъ ихъ имѣній [2]). Не далѣе какъ 17-го августа состоялся новый указъ изъ камеръ-коллегіи, предписывавшій всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ послать запросы, «въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ они прибыли» къ мѣсту назначенія и съ прежнимъ воеводою, (если дѣло идетъ о провинціи), и «съ прочими управители», (если дѣло идетъ объ уѣздѣ), во всемъ ли по указу расписались; если же кто изъ провинціальныхъ и особенно городовыхъ воеводъ еще не прибылъ, — то донести объ этомъ правительству [3]). Въ октябрѣ сенатъ опять запрашиваетъ губерніи, явились ли воеводы къ мѣстамъ службы [4]). 15-го ноября опять новый указъ сената: воеводъ, которые «во опредѣленныя мѣста» все еще не прибыли, — выслать немедленно, «объявляя имъ, чтобы они во опредѣленныя имъ мѣста ѣхали какъ наскорѣе, а до тѣхъ мѣстъ, пока въ тѣхъ мѣстахъ въ дѣла вступятъ въ деревняхъ ихъ людемъ и крестьянамъ слушать ихъ не велѣть». Въ экземплярахъ этого указа, разсылавшихся въ отдѣльныя канцеляріи, перечислялись и лица, которыхъ надо было выслать къ мѣстамъ службы [5]).

Однако, подобные указы, не разъ и позже повторяемые [6]), все же невполнѣ достигли цѣли; вопросъ объ исполненіи воеводскихъ обязанностей продолжалъ въ нѣкоторыхъ уголкахъ имперіи сохранять свою остроту, и старшія областныя власти должны были принимать экстренныя мѣры для его разрѣшенія. Такъ, осенью 1727 года въ Свіяжской провинціальной

---

[1]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14, лл. 226—227.

[2]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 206.

[3]) Суздальской провинціальной канцеляріи, оп. 4, вяз. 1, указы 1727 года.

[4]) Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 4, д. 21, л. 1667.

[5]) Курмышской воеводской канцеляріи, дѣло 332, л. 155.

[6]) Напримѣръ, 21 февраля 1728 года: по содержанію этотъ указъ тождественъ съ указомъ 15 ноября 1727 года. Герольдмейстерской конторы, кн. 98, л. 275.

канцеляріи состоялся приговоръ объ опредѣленіи въ городъ Цивильскъ мѣстнаго дворянина Дмитрія Завадскаго впредь до прибытія опредѣленнаго въ Цивильскъ стольника и воеводы Заборовскаго, «и велѣть быть ему у судныхъ и розыскныхъ дѣлъ и производить ему по указамъ и по формѣ суда и по уложенію» и «доимочныя на томъ городѣ и уѣздѣ на комъ надлежитъ забирать безъ послабленія, понеже въ томъ городѣ у взиманія недоимки и у уѣздныхъ дѣлъ никого не имѣется». Назначеніе было сдѣлано вслѣдствіе просьбъ мѣстныхъ чувашъ, жаловавшихся, что, несмотря на давно состоявшееся назначеніе воеводы, онъ все еще не является, и они «въ малыхъ искахъ» принуждены ѣздить въ провинцію, «и отъ того бываетъ имъ не безъ разоренія» [1]).

Нѣкоторые изъ городовыхъ воеводъ, назначенныхъ весенними указами 1727 года, такъ и не вступили въ свои должности. Не прибыли, напримѣръ, «за болѣзньми» Рузскій воевода Засѣцкій и Можайскій Чаплинъ; Клинскій воевода Беклемишевъ не явился на мѣсто до 9 августа 1728 года, когда послѣдовало, наконецъ, приказаніе его отрѣшить, смѣнить, сыскать и выслать въ герольдмейстерскую контору. Послѣднимъ распоряженіемъ, относящимся къ вступленію въ должность воеводъ, назначенныхъ въ 1727 году, былъ, кажется, указъ 13 декабря 1728 года, предписывавшій всѣхъ, поступившихъ подобно упомянутому сейчасъ Беклемишеву, немедленно выслать, какъ и его, въ Москву въ герольдмейстерскую контору [2]).

Судя по указамъ о назначеніи, первенствующую роль въ первый моментъ появленія воеводы въ уѣздномъ городѣ долженъ былъ играть близкій къ нему по характеру своей должности судебный комиссаръ. Но для судебнаго комиссара это были и послѣдніе моменты его существованія. Гораздо больше значенія въ практической дѣятельности первыхъ воеводъ имѣлъ другой комиссаръ — комиссаръ отъ земли, который долженъ былъ на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время сдѣлаться ихъ ближайшимъ сотрудникомъ.

Въ моментъ появленія воеводъ земскіе комиссары существовали и дѣйствовали, какъ кажется, вездѣ, согласно учредившимъ ихъ узаконеніямъ 1724 года, и выбирались изъ дворянъ помѣщиковъ, «а въ поморскихъ городахъ и въ другихъ тѣмъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ» — изъ «тамошнихъ обывателей, кому они между себя вѣрятъ» [3]). Впрочемъ, положеніе, которое засталъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ извѣстный намъ воевода Култашевъ, лишь отчасти соотвѣтствуетъ требованіямъ плаката 1724 года. Въ 1727 году въ Каргопольскомъ уѣздѣ было два комиссара, но это были не мѣстные обыватели, а офицеры тѣхъ армейскихъ частей, на содержаніе которыхъ шла подушная подать съ Каргополя: капитанъ

---

[1]) Свіяжской провинц. канцеляріи (въ дѣлахъ Казанскаго Окружного Суда вяз. 95, л. 3.

[2]) Герольдмейстерской конторы, кн. 98, лл. 113, 213, 275.

[3]) П. С. З. VII, № 4533, п. 4.

Шлиссельбургскаго баталіона Алексѣй Поповъ и капитанъ Кексгольмскаго баталіона Иванъ Ершовъ [1]). Лишь въ концѣ 1727 года при выборѣ комиссаровъ на слѣдующій 1728 годъ одну изъ комиссарскихъ должностей занялъ представитель мѣстнаго общества. Какъ гласитъ «выборъ за руками», поданный въ Каргопольскую воеводскую канцелярію, «Каргопольскаго дистрикта разныхъ волостей старосты и лучшіе люди земскому комиссару Алексѣю Попову на перемѣну къ предбудущему 1728 году выбрали и излюбили въ настоящіе комиссары дистрикту Каргопольскаго синодальнаго владѣнія волости Ошевенской слободы Ивана Ѳедорова сына Широкихъ, человѣка добра и пожиточна и не фальшива, грамотѣ и писать умѣющаго». «А ежели, — говорится дальше въ выборѣ, — оный комиссаръ въ сборѣ подушныхъ денегъ явится неисправенъ, — доправить на насъ старостахъ и лучшихъ людяхъ» [2]). Актъ выбора вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ узаконеніямъ; вполнѣ правильны и дальнѣйшіе этапы вступленія въ должность комиссара. Когда выборъ былъ доставленъ къ воеводѣ, послѣдовала резолюція: «выборы принять къ наряду, а нововыбраннаго комиссара, сыскавъ, учиня присягу, дать ему указъ смѣниться съ прошлогоднимъ комиссаромъ». Одновременно отъ воеводы послѣдовалъ «указъ Ея Императорскаго Величества города Каргополя церкви Рождества Іисусъ Христова попу Іоанну Ильину» привести комиссара Широкихъ къ присягѣ, а «приведши, подъ симъ указомъ подписать своеручно». Подпись священника свидѣтельствуетъ, что и этотъ послѣдній этапъ былъ своевременно пройденъ [3]).

Комиссары Каргопольскаго уѣзда, которые состояли офицерами армейскихъ полковъ, получавшихъ подать съ Каргопольскаго уѣзда, не могли быть выборными органами; естественнѣе всего предположить, что они назначались отъ правительства. Что такіе назначенные комиссары существовали вопреки прямому смысла закона, по крайней мѣрѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ не было дворянъ, показываетъ и слѣдующій фактъ, относящійся къ отдаленной Вятской губерніи: въ іюнѣ 1731 года въ Вятскую провинціальную канцелярію изъ приписного города Кайгородка подъячій Степанъ Бѣгичевъ объявилъ: «опредѣленный-де въ Кайгородокъ комиссаръ Степанъ Келинъ умре», и чтобы на его мѣсто указомъ опредѣлить подчиненнаго комиссара Ефима Некрасова. Некрасовъ и былъ назначенъ опредѣленіемъ Вятской канцеляріи; съ воеводой его смѣшать

[1]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 3, д. 269/11, л. 29.

[2]) Подъ этимъ выборомъ подписались представители волостей Волковской, Лекшмозерской, Тихменской, Лядинской, Песниковской, Ягренской, Конорѣцкой, Плесской, Полуборской, Волосовской, Ловзунской, Архангельско-Троицкой, что соотвѣтствуетъ большей части собственно Каргопольскаго уѣзда. *Богословскій*, Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в., т. I, прил. I, 10—14); въ съѣздѣ участвовало всего двадцать пять человѣкъ: это много менѣе, чѣмъ на съѣздахъ 1724 года. *Богословскій*, Областная реформа, 420.

[3]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 3, дѣло 33/304, лл. 21, 22, 23.

нельзя никоимъ образомъ, потому что воевода въ Кайгородкѣ существовалъ одновременно съ комиссаромъ [1]).

Обратимся теперь къ дворянской Россіи, гдѣ земскимъ комиссаромъ долженъ былъ быть обязательно мѣстный помѣщикъ. Подъ начальствомъ Каргопольскаго воеводы было два комиссара; переходя въ ближайшія окрестности Москвы, мы встрѣчаемся съ обратнымъ случаемъ, который предусматривали и узаконенія 1727—1728 годовъ: комиссаръ дистрикта Воронежскаго пѣхотнаго полка сталъ одновременно подчиненнымъ воеводамъ Дмитровскому, Клинскому и Рузскому. Посмотримъ, какъ происходили выборы этого комиссара. На 1728 годъ комиссаромъ Клинско-Дмитровскаго уѣзда былъ выбранъ прапорщикъ Алексѣй Марковъ, но избраніе его встрѣтило протестъ со стороны Дмитровскаго воеводы, донесшаго въ Московскую губернскую канцелярію, что «оный Марковъ въ бытность свою въ артиллеріи цейхвахтеромъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ не сочтенъ». Вслѣдствіе этого послѣдовали новые выборы, въ результатѣ которыхъ мѣсто комиссара долженъ былъ занять «изъ Клинскихъ помѣщиковъ отставной капитанъ» Ив. Ив. Пустобояровъ и «въ запасъ комиссара изъ дворянъ Дмитрій Степановъ сынъ Тулубьевъ». Однако, должность комиссара представлялась капитану Пустобоярову малопривлекательной. Когда изъ Дмитрова были посланы въ его вотчину «для взятья его къ сбору подушныхъ Воронежскаго полку солдаты Сысой Заусайловъ съ товарищи», Пустобояровъ «взять себя также и людей своихъ и крестьянъ не далъ и учинился силенъ». Дѣло происходило въ маѣ; годъ протекалъ, и въ сборѣ подушныхъ «чинилась остановка». Озабоченная этимъ Московская губернская канцелярія послала предписаніе Клинскому воеводѣ, въ уѣздѣ котораго находилось имѣніе Пустобоярова, немедленно сказать ему «указъ съ подпискою, чтобъ онъ по выбору уѣздныхъ людей отправлялъ комиссарское дѣло, а будетъ онъ въ томъ учинится ослушенъ, то у него отписать деревни до указу». На грозный призывъ воеводы Пустобояровъ откликнулся, но, явившись, заявилъ, что комиссаромъ ему все же быть не надлежитъ, «понеже имѣется у него паспортъ изъ Санктпетербурга изъ высокаго сената и въ томъ паспортѣ написано, что ему ни у какихъ дѣлъ быть не повелѣно безъ повелительнаго изъ сената и изъ герольдмейстерской конторы указу». Не зная, что дѣлать, Клинскій воевода 25-го мая отослалъ Пустобоярова вмѣстѣ съ его паспортомъ въ Московскую губернскую канцелярію. Однако, тамъ паспортъ не помогъ, и ему пришлось остаться комиссаромъ до конца года. Такъ кончились Клинско-Дмитровскіе выборы 1728 года [2]). Они были неудачны: неосвѣдомленность выборщиковъ о служебномъ положеніи кандидата заставила ихъ избрать лицо, не могшее временно занять какую бы то ни было должность; та же неосвѣдомленность или нежеланіе считаться съ волею и вкусами отдѣльныхъ членовъ изъ своей же братіи

---

[1]) Герольдмейстерской конторы, кн. 93, л. 295.

[2]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 1, указы 1728 года, № 52, № 138.

привела къ выбору лица, имѣвшаго основаніе считать себя свободнымъ отъ мѣстныхъ службъ, представлявшихся ничѣмъ инымъ, какъ тяжелой повинностью: отношеніе Пустобоярова къ своему избранію ясно показываетъ, что на должность, въ которую избрали его Клинскіе дворяне, онъ смотрѣлъ такъ же, какъ большинство его современниковъ [1]), и какъ смотрѣли на всякую выборную должность люди Московскаго государства.

Клинскіе выборы комиссара отъ земли на слѣдующій 1729 годъ состоялись не «въ окончаніи года», какъ требовалъ законъ, а въ январѣ. Согласно наказу 1728 года выбирать надо было уже не комиссара даннаго дистрикта, а комиссара уѣзднаго, состоящаго при воеводѣ. Выборы 1729 года хорошо знакомятъ съ техникой дѣла въ дворянскихъ мѣстностяхъ. Указъ Московской губернской канцеляріи о выборахъ былъ отосланъ Клинскому воеводѣ 23 декабря 1728 года, но дворянскій съѣздъ состоялся только 25 января. Съѣздъ этотъ былъ далеко не многолюденъ и состоялъ всего лишь изъ семи человѣкъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, среди которыхъ находимъ и извѣстнаго намъ Пустобоярова. Собравшіеся избрали комиссаромъ жильца Алексѣя Григорьева Тулубьева, «понеже онъ человѣкъ добрый и прожиточный и у такого комиссарства быть способенъ». Къ первоначальнымъ семи выборщикамъ постепенно присоединились до первыхъ чиселъ марта еще четыре помѣщика, изъ которыхъ двое были безграмотны, да шесть старостъ и приказныхъ людей различныхъ вотчинъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что указъ 5 февраля 1724 года, предписывавшій выбирать земскихъ комиссаровъ самимъ помѣщикамъ, а приказчикамъ на выборы не являться, указъ, который былъ именно изданъ потому, что на первыхъ выборахъ слишкомъ много дворянъ уклонялись и присылали вмѣсто себя своихъ приказчиковъ, исполнялся плохо или, лучше сказать, не исполнялся вовсе. Но и съ этими старостами число лицъ, подписавшихся подъ выборами Тулубьева, поражаетъ своею ничтожностью. Надо думать, что и на все дѣло выборовъ смотрѣли лишь подъ однимъ угломъ зрѣнія, — какъ бы поскорѣе свалить на кого-нибудь годичную повинность и какъ бы поменьше самимъ безпокоиться. Даже тотъ нѣсколько напускной интересъ, который можно было замѣтить на первыхъ выборахъ 1724 года, успѣлъ, повидимому, давно вывѣтриться [2]). Между выборомъ Тулубьева и его дѣйствительнымъ вступленіемъ въ должность прошло не мало времени: еще въ концѣ мая Клинскій воевода доноситъ Московскому губернатору, что, несмотря на многократныя требованія, Дмитровская воеводская канцелярія не присылаетъ для Тулубьева ни нужныхъ ему книгъ, ни нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, безъ которыхъ нельзя производить сбора, «а оный комиссаръ безъ указу Е. И. В. изъ губернской канцеляріи и

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа, 409.

[2]) П. С. З., т. VII, № 4458; *Богословскій*, Областная реформа, 420, 421. Отмѣтимъ еще, что выборы въ различныхъ уѣздахъ, входившихъ въ составъ одного дистрикта, происходили кажется отдѣльно въ каждомъ уѣздѣ.

безъ присланныхъ солдатъ вступить опасенъ» [1]). Судя по тому, что позднѣе комиссару Тулубьеву пришлось отчитываться и за 1729 и за 1730 годы, можно думать, что онъ оставался въ должности два года подъ рядъ [2]). На 1731 годъ земскимъ комиссаромъ по Клинскому уѣзду былъ избранъ стольникъ Беклемишевъ, который продолжалъ еще нести свои обязанности и въ первые мѣсяцы 1732 года [3]). Въ послѣдніе три года существованія земскихъ комиссаровъ въ Клину мы о нихъ ничего не знаемъ; извѣстно только, что послѣднимъ комиссаромъ въ 1735 году былъ мѣстный дворянинъ Ртищевъ [4]) Во всякомъ случаѣ, наблюденія надъ земскими комиссарами въ послѣднія пять лѣтъ ихъ существованія показываютъ, что и при воеводахъ въ характерѣ этой должности не произошло внѣшнихъ измѣненій: она попрежнему оставалась выборной, и лишь замѣтное уменьшеніе членовъ выборныхъ съѣздовъ указываетъ на равнодушіе, съ какимъ стали относиться къ этой, сохраненной лишь на время и обреченной на упраздненіе, должности [5]).

Въ указѣ о назначеніи воеводъ взаимныя отношенія послѣднихъ и оставшихся при нихъ земскихъ комиссаровъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «А комиссарамъ отъ земли, которые обрѣтаются у сбору подушныхъ денегъ и у рекрутъ, быть подъ смотрѣніемъ воеводскимъ у тѣхъ же сборовъ подушныхъ и рекрутъ, и въ томъ воеводѣ ихъ комиссаровъ понуждать прилежно, чтобъ они того подушнаго сбору какъ доимку, такъ и сего 727 году генварскую треть и рекрутъ собирали по силѣ прежде-посланныхъ къ нимъ указовъ, безъ упущенія» [6]). Иначе сказать, съ учрежденіемъ воеводъ, обязанности земскихъ комиссаровъ должны были ограничиваться исключительно только сборомъ подушныхъ; кажется,

---

[1]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 1, указъ 1729 года, № 10, лл. 1—7.

[2]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 10, вяз. 2, д. 40.

[3]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 2, указъ 1732 года, № 14.

[4]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, д. 36.

[5]) О замѣщеніи должности комиссара см. также Свіяжской провинціальной канцеляріи (въ дѣлахъ Казанскаго Окружного Суда) вяз. 95, журналы 1727 года; Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 21, лл. 1795—1796; Данковской воеводской канцеляріи, оп. 1, вяз. 10, дд. 58, 80. Фактическихъ данныхъ, освѣщающихъ интересный вопросъ о выборахъ комиссаровъ отъ земли въ 1727—1735 годахъ вообще сохранилось очень немного, такъ что приведенныя данныя о выборахъ Каргопольскихъ и Клинско-Дмитровскихъ комиссаровъ за эти годы надо считать исключительными по своей полнотѣ. Приведу здѣсь извѣстіе еще объ одномъ способѣ замѣщенія должности земскаго комиссара, иногда имѣвшемъ мѣсто: въ 1727 году умеръ земскій комиссаръ Рижскаго гарнизона генералъ-губернаторскаго полка Семичевъ, «а къ нему былъ опредѣленъ въ запасъ комиссаръ, Брянской помѣщикъ Сергѣй Панютинъ, для котораго о высылкѣ его на полковой дворъ посланы солдаты для принятія послѣ онаго комиссара Семичева дѣлъ». Такимъ образомъ, на мѣсто умершаго комиссара вступилъ какъ бы запасный кандидатъ. Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 70. Срав. выше: въ Клинско-Дмитровскомъ дистриктѣ, выбрали въ 1728 г. особое лицо «въ запасъ комиссара».

[6]) Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 4, д. 21. лл. 736—737.

такъ именно и происходило дѣло въ Каргопольскомъ уѣздѣ, гдѣ комиссарами были или младшіе по чинамъ офицеры, или представители мѣстнаго тяглаго общества. Комиссаръ завѣдуетъ сборомъ и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ доноситъ воеводѣ, представляя ему «вѣдѣнія» о количествѣ собранныхъ денегъ, о расходахъ, сдѣланныхъ не иначе, какъ по ордерамъ воеводы, и о всякихъ поступленіяхъ доимокъ; тамъ, гдѣ не было какихъ-нибудь особенныхъ причинъ, совмѣстная дѣятельность комиссара и воеводы могла протекать спокойно, при полномъ подчиненіи перваго второму [1]). Иное наблюдается тамъ, гдѣ комиссаръ былъ такимъ же дворяниномъ, какъ и воевода; будучи нерѣдко равенъ ему по чину, онъ имѣлъ часто больше связи съ мѣстнымъ обществомъ, чѣмъ его начальникъ, и самъ могъ не сегодня завтра получить воеводское мѣсто. Прежде всего, комиссаръ, на первое, по крайней мѣрѣ, время, не ограничивался однимъ только сборомъ подушныхъ, но продолжалъ, несмотря на учрежденіе воеводъ, исполнять различныя дѣла и порученія, кромѣ возложенныхъ на него указами 1727 года. Такъ, въ началѣ 1728 года Московская губернская канцелярія предписываетъ комиссару 1727 года по Клинско-Дмитровскому дистрикту, Озерову, выслать по зимнему пути для смотра въ герольдмейстерской конторѣ всѣхъ отставныхъ дворянъ, живущихъ въ Клинскомъ уѣздѣ. Это происходило вполнѣ согласно съ указомъ 4 іюля 1726 года, но совершенно противорѣчило указамъ 1727 года объ учрежденіи воеводъ и объ объединеніи власти въ ихъ рукахъ; а между тѣмъ высылка дворянъ должна была причинить комиссару не мало хлопотъ: отставныхъ дворянъ оказалось въ Клинскомъ уѣздѣ 266 человѣкъ. Въ 1727 году и въ первые мѣсяцы 1728 года указы изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ посылаются одновременно и Клинскому воеводѣ и Клинскому комиссару; отъ быстрыхъ и частыхъ перемѣнъ въ областномъ строѣ и отъ недостаточной привычки къ новымъ учрежденіямъ и отъ опозданія воеводъ въ прибытіи къ мѣстамъ службы въ уѣздахъ, входившихъ въ составъ дистрикта Воронежскаго пѣхотнаго полка, создается какъ бы двоевластіе воеводъ и комиссара [2]).

---

[1]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 3, д. 33/304, лл. 56—92; образцы вѣдѣній, подаваемыхъ комиссаромъ воеводѣ. Другой примѣръ: Бѣлозерской провинц. канцеляріи, оп. 21, вяз. 1, д. 3/16, лл. 41, 142, 108—110, донесенія Олонецкаго земскаго комиссара провинціальному воеводѣ.

[2]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 1, указъ 1727 и 1728 годовъ; о дѣятельности комиссара отъ земли сверхъ сбора подушныхъ см. *Богословскаго* «Областная реформа», 431, 432; указъ 4 Іюля 1726 года: П. С. З. VII, № 4533. Такія же дополнительныя обязанности продолжали земскіе комиссары нести и въ другихъ мѣстахъ: въ Казанской, напримѣръ, губерніи они наблюдали за рубкою лѣса въ корабельныхъ лѣсахъ. (Дѣла и приговоры Правительствующаго Сената, кн. 22/238, лл. 55—58); особенно развивались дополнительныя обязанности въ періодъ, пока воеводы еще не вступили въ должность: въ Брянскѣ, напримѣръ, подъ наблюденіемъ земскаго комиссара происходило избраніе въ комиссію, собранную при Бѣлгородской губернской канцеляріи о разсмотрѣніи сбора подушныхъ. Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14.

Подчиненіе одного комиссара нѣсколькимъ воеводамъ могло, съ своей стороны, создать разногласіе между воеводой и комиссаромъ: въ согласованіи своей дѣятельности съ комиссаромъ, дистриктное управленіе котораго находилось въ другомъ городѣ, воевода могъ усмотрѣть умаленіе своего авторитета, а для комиссара, одновременно подчиненнаго нѣсколькимъ воеводамъ, власть каждаго могла представляться существующей лишь на бумагѣ. Эпизодъ изъ дѣятельности второго Клинскаго воеводы Арцыбашева, относящійся къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1728 года, можетъ служить хорошей иллюстраціей перваго случая. Недовольный тѣмъ, что управленіе введеннаго наконецъ въ должность комиссара Пустобоярова находилось не въ Клину, а въ нѣсколько большемъ по значенію и по протяженію уѣзда Дмитровѣ, Арцыбашевъ, несмотря на то, что и въ предшествующіе годы уплата подушныхъ по дистрикту Воронежскаго полка производилась не въ Клину, а въ Дмитровѣ, «учинился силенъ» распоряженіямъ губернской власти и посланныхъ изъ Дмитрова для сбора подати на январскую треть 1728 года солдатъ Воронежскаго полка «изъ Клина и изъ Клинскаго уѣзда выслалъ, а обывателямъ всего уѣзда запретилъ, чтобы въ Дмитровѣ тѣхъ подушныхъ денегъ не платили, а платили бы ему въ городъ Клинъ», заставивъ плательщиковъ давать расписку въ исполненіи такого его приказанія. Понадобился новый указъ губернскаго начальства, чтобы строптивый воевода вошелъ въ рамки закона [1]).

Какова же бывала дальнѣйшая судьба земскихъ комиссаровъ, которые должны были быть помощниками воеводъ при сборѣ подушныхъ, но часто вмѣсто этого затрудняли первые шаги новыхъ воеводъ или несли вмѣсто нихъ ихъ обязанности? По своему соціальному положенію комиссаръ-тяглецъ не могъ отдѣлиться отъ среды, его избравшей. Отбывъ свой годичный срокъ, онъ становился такимъ же членомъ волостной или посадской общины, какимъ онъ былъ до своего комиссарства; послѣднее было для него лишь однимъ изъ видовъ волостныхъ или посадскихъ службъ — повинностей натурою, отъ которыхъ изнывали въ XVIII столѣтіи тяглыя общины [2]). Для дворянина комиссарство было также выборною повинностью, но эта повинность, удачно отбытая, могла привести его къ полученію тепленькаго воеводскаго мѣста. Правда, 31 марта 1727 года въ число вновь назначенныхъ воеводъ попалъ только одинъ комиссаръ; но въ послѣдующіе годы воеводами не разъ становились комиссары, сумѣвшіе провести свой годъ безъ финансовыхъ затрудненій и недоборовъ и уйти безъ начетовъ, которые составляли самую тяжелую сторону комиссарской службы. Такъ было, напримѣръ, съ хорошо извѣстнымъ намъ Пустобояровымъ, который въ 1730 году былъ назначенъ воеводою того самаго Клинскаго уѣзда, въ которомъ находилась его вотчина и гдѣ онъ ранѣе былъ комиссаромъ[3]).

---

[1]) Клинской воеводской канцеляріи, опись 9, вяз. 1, указы 1728 года, №№ 82 и 138.

[2]) *Кизеветтеръ*, Посадская община, М. 1903. 170—366.

[3]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 1, указъ 1730 года, № 49.

Зато очень плачевной могла быть судьба тѣхъ комиссаровъ, которые не могли или не сумѣли сдать счетовъ за время пребыванія въ должности. Оставаясь въ предѣлахъ все того же Клинско-Дмитровскаго дистрикта, можно отмѣтить примѣры мытарствъ, которымъ подвергались бывшіе комиссары. Такъ, въ 1739 году комиссаръ 1727 года Озеровъ оказывался еще не сосчитаннымъ несмотря на двѣнадцать лѣтъ протекшія со времени оставленія должности; положеніе осложнялось тѣмъ, что кромѣ Клинско-Дмитровскаго, Озеровъ былъ комиссаромъ и по Волоколамскому дистрикту, тамъ тоже задолжалъ, и не былъ сосчитанъ. Клинскій воевода, поэтому, тщетно добивался его высылки изъ Волоколамской тюрьмы, гдѣ онъ содержался, а когда Волоколамскія власти его выпустили, то столь же тщетно разыскивалъ его въ Рузскомъ уѣздѣ, гдѣ, кажется, Озеровъ имѣлъ вотчину [1]). Но хуже всѣхъ была участь Клинско-Дмитровскаго комиссара 1729 и 1730 годовъ, Тулубьева. Въ январѣ 1731 года въ Клину былъ полученъ изъ сената указъ слѣдующаго содержанія: «понеже въ правительствующемъ сенатѣ извѣстно учинилось, что того уѣзда земскій комиссаръ Алексѣй Тулубьевъ уже тому шестая недѣля скрылся и гдѣ пребываетъ неизвѣстно, того ради» посланному изъ сената курьеру приказано было взять у воеводы сказку о томъ, давно ли скрылся Тулубьевъ, своевременно ли донесъ онъ губернскимъ властямъ объ отлучкѣ комиссара; если Тулубьевъ сысканъ или самъ вернулся въ Клинъ, допросить его обо всемъ «съ подкрѣпленіемъ», «а буде онаго комиссара и по пріѣздѣ того курьера не явится, то имѣющіяся у него въ Клинскомъ уѣздѣ деревни отписать на Ея Императорское Величество до того времени, какъ онъ явится» [2]). Куда скрылся Тулубьевъ и когда явился онъ обратно, — неизвѣстно, но «сосчитать» его оказалось возможнымъ только три года спустя, при чемъ по первому счету за нимъ оказалась растрата въ сто рублей. Чтобы занять денегъ на пополненіе растраты, которая вмѣстѣ съ пеней возросла уже до двухсотъ рублей, Тулубьевъ былъ отпущенъ воеводою въ январѣ 1734 года изъ-подъ караула, гдѣ содержался, въ Тверь и въ Іосифовъ монастырь съ обязательствомъ возвратиться для окончательнаго счета къ 1-му февраля. «И оный Тулубьевъ, — говорится въ донесеніи воеводы въ Москву, — подговоря караульныхъ солдатъ, уѣхалъ въ Москву», гдѣ «оболгалъ воеводу напрасно», заявивъ, что тотъ чинитъ мѣстнымъ дворянамъ «непосильныя обиды», а его, Тулубьева, жену «держитъ подъ карауломъ незнамо для чего на чѣпи». «И за тѣмъ его съѣздомъ дворяне съѣхали въ домы свои». Московская губернская канцелярія распорядилась немедленно отправить Тулубьева въ Клинъ съ караульнымъ солдатомъ и съ подъячимъ, которыхъ приказано было воеводѣ за допущенную оплошность содержать «на его коштѣ» и «помѣщиковъ собрать въ скорости и его Тулубьева счесть» съ тѣмъ, чтобы воевода въ счетъ этотъ не вступался. При вторичномъ счетѣ 20 марта 1734 года дворяне нашли, что

---

[1]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 10, вяз. 4, д.д. 9 и 16; вяз. 5, д. 38.
[2]) Клинской воеводской канцеляріи, оп. 9, вяз. 1, указъ 1731 года, № 7.

сверхъ прежнихъ денегъ, «которые онъ взялъ собою», на Тулубьевѣ явилось начетныхъ денегъ еще двѣнадцать рублей, а въ приходныхъ шнуровыхъ книгахъ «подчищено и приправлено». Очевидно, Тулубьеву было трудно выбраться изъ тисковъ, въ которые онъ попалъ, ибо еще и въ концѣ года его имѣніе значилось въ числѣ конфискованныхъ [1]). На этомъ, однако, мытарства Тулубьева не кончились: оказалось, что онъ не имѣлъ права быть выбраннымъ въ комиссары, потому что былъ лишь на время въ отпускѣ уволенъ изъ Преображенскаго полка, гдѣ служилъ. Дѣло о счетѣ Тулубьева заставило припомнить другіе его проступки, и въ 1735 году, отправленный въ Петербургъ, въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, онъ былъ «за отбывательство изъ полку прогнанъ шпицъ-рутенъ два раза» [2]).

На мѣстахъ своей службы, кромѣ земскихъ комиссаровъ, воеводы находили еще офицеровъ, жившихъ на полковыхъ дворахъ тѣхъ частей, на содержаніе которыхъ шли подушныя деньги даннаго дистрикта. Съ назначеніемъ городовыхъ воеводъ и съ возложеніемъ на нихъ подушнаго сбора, участіе офицеровъ, жившихъ на штабныхъ дворахъ, въ сборѣ подушныхъ прекратилось, они становились ненужными и вмѣстѣ съ другими военными командами предназначались къ выводу изъ мѣстъ своего расположенія. Журналы Свіяжской провинціальной канцеляріи сохранили слѣды мѣропріятій, которыя общія областныя власти предпринимали въ связи съ предписаннымъ указами 1727 года выводомъ военныхъ командъ изъ штабныхъ дворовъ. 28-го апрѣля Свіяжская канцелярія постановила произвести пріемку штабныхъ дворовъ по случаю «съѣзда съ этихъ дворовъ штабъ и оберъ-офицеровъ», съ цѣлью выяснить, не были ли офицерами удержаны какія-нибудь суммы изъ подушнаго сбора. Съ штабными дворами въ распоряженіе областной администраціи переходило и разнаго рода имущество, приписанное къ этимъ дворамъ. Нѣсколько дней спустя послѣ своего перваго постановленія, 5-го мая, Свіяжская канцелярія получила предписаніе «купно со штабнымъ дворомъ Рязанскаго полка принять молодыхъ драгунскихъ лошадей да одну кобылу съ тремя жеребяты»; на штабномъ дворѣ Казанскаго полка также оказались «драгунская да подъемная лошадь, да послѣ умершихъ драгунъ сѣдла». Все это канцелярія приговорила принять, «а принявъ лошадей въ тѣ жъ уѣзды отдать ясашнымъ людямъ и въ нынѣшнемъ лѣтѣ велѣть до указу ихъ содержать съ своими лошадьми въ конскомъ стадѣ». 26-го іюня, по принятіи дворовъ, провинціальная канцелярія отдала распоряженіе «тѣ дворы карауломъ содержать отставнымъ солдатамъ, понеже съ нихъ подушнаго оклада не собирается, а опредѣленные по штату разсыльщики содержатъ караулы и посылки въ канцеляріи Свіяжской провинціи одни». Въ караулѣ должно было быть по пяти

---

[1]) **Клинской воеводской канцеляріи, оп. 10, вяз. 2, д. 40; оп. 9, вяз. 2, указъ 1734 года, № 190.**

[2]) **Дѣла сената. кн. 118/334, л. 32; другой примѣръ комиссара, «счетъ» котораго не былъ законченъ еще въ 1736 году: Клинской воеводской канцеляріи, оп. 10, вяз. 3, д. 36.**

человѣкъ, «перемѣняясь, изъ нихъ одному быть за ефрейтора»; тамъ, гдѣ временно штабные дворы сторожили уѣздные люди, послѣднихъ было приказано освободить [1]).

Повидимому, не вездѣ сдача полковыхъ дворовъ шла быстро и гладко; на такую мысль наводитъ состоявшійся 28 іюня 1727 года указъ военной коллегіи оставшимся офицерамъ немедленно сдать дворы воеводамъ и ѣхать къ своимъ полкамъ [2]). При сдачѣ не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній и столкновеній: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нижніе чины изъ военныхъ, собиравшіе подушныя подъ наблюденіемъ офицеровъ, не желали, видимо, подчиняться гражданскимъ агентамъ — комиссарамъ: такъ въ той же Свіяжской провинціи драгунъ Тимофей Скрыповъ, не подчиняясь комиссару Тишенинову, самовольно приказалъ раздать собранныя доимочныя деньги обратно плательщикамъ, содержавшимся подъ стражей; впрочемъ, «за такую его продерзость, понеже того ему Скрыпову и вѣдать не дано, ибо у сбору той доимки особливой комиссаръ, и не точію чтобы ему въ томъ сборѣ такое помѣшательство чинить, но и въ томъ и вспомогать ему надлежало», воевода приказалъ «учинить ему публичное наказаніе, бить батоги» [3]).

Изслѣдуя организацію подушнаго сбора въ 1727—1736 годахъ, мы видѣли, какъ быстро правительство, только что выведшее военныя команды изъ провинцій и уѣздовъ, пришло къ рѣшенію снова командировать офицеровъ въ помощь губернаторамъ и воеводамъ при сборѣ подушныхъ. Съ 1729 года штабные дворы вновь были заняты офицерами, которые, однако, не всегда «вспомогали» областнымъ правителямъ въ сборѣ подушной подати, а подчасъ тоже давали себя знать вмѣшательствомъ не въ свое дѣло и насиліями надъ мѣстными жителями. Въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько такихъ офицеровъ отданы были подъ судъ и изобличались въ томъ, что «чинили многія продерзости, многихъ обывателей захватя безвинно за карауломъ держали и брали съ нихъ взятки и въ такія дѣла вступали, которыя до нихъ не принадлежали»; нѣкоторые изъ нихъ были приговорены даже къ смерти и къ наказанію кнутомъ [4]).

Приведенные выше факты, освѣщающіе вступленіе первыхъ городовыхъ воеводъ въ должность, ставили насъ лицомъ съ болѣе или менѣе нормальнымъ отношеніемъ къ высшимъ инстанціямъ областного управленія, за исключеніемъ развѣ города Гдова, гдѣ воевода не счелъ нужнымъ предварительно явиться воеводѣ провинціальному, или Ростова и Кашина, гдѣ новымъ воеводамъ забыли выслать подьячихъ и дѣла. Едва ли, однако, отсутствіе треній между губерніей и, въ особенности, провинціей, съ одной стороны, и уѣздомъ, съ другой, слѣдуетъ считать распространеннымъ явленіемъ. Часто учрежденія, въ первое время, не были въ состояніи

[1]) Свіяжской провинціальной канцеляріи (въ дѣлахъ Казанскаго Окружного Суда) вяз. 95, журналы 1727 года.

[2]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1. д. 14, л. 220.

[3]) Свіяжской воеводской канцеляріи вяз. 95, журналъ 7 ноября 1727 года.

[4]) П. С. З., X. № 7365.

размежеваться. Провинціальный воевода, уже привыкшій къ тому, что его вліяніе признавала цѣлая провинція, не хотѣлъ уступать и частицу этой власти городовому воеводѣ, а послѣдній не рѣшался отстаивать свои прерогативы. Яренскій воевода жаловался въ 1728 году сенату что «требуетъ Устюжская провинціальная канцелярія, какъ по суднымъ, такъ и по другимъ дѣламъ вѣдомства моего многихъ обывателей, до которыхъ и въ Яренской канцеляріи касаются многія дѣла, къ слѣдствію, а паче на другихъ имѣется подушнаго сбору немалая доимка, и оттого тѣмъ людямъ въ напрасной волокитѣ есть великая излишняя тягость». Воевода указываетъ, что такіе люди, по смыслу послѣднихъ указовъ, должны подлежать исключительно его юрисдикціи, а между тѣмъ онъ не можетъ не посылать требуемыхъ людей въ отдаленный Устюгъ, потому что онъ «нижайшій опасенъ, дабы отъ оной провинціальной канцеляріи не причтено было мнѣ къ винѣ». Судебныя дѣла, начатыя до прибытія его въ Яренскъ, прежними управителями взяты были въ Устюгъ, говоритъ далѣе воевода, «и нынѣ въ Яренскъ не присланы»; мало того, Устюжская канцелярія все еще продолжаетъ принимать къ своему производству такія дѣла, «и по тѣмъ дѣламъ народъ волочатъ напрасно, а къ слѣдствію въ Яренскъ не присылаютъ». Воевода запрашиваетъ сенатъ, что ему дѣлать, и какъ найти такой способъ дѣйствія, который бы избавилъ его отъ отвѣтственности. Сенатъ, однако, не разрѣшилъ недоумѣній воеводы, а постановилъ отослать его донесеніе на разсмотрѣніе Архангелогородской губернской канцеляріи [1]).

Заваленные своими дѣлами и мало заботившіеся о томъ, чтобы облегчить первые шаги новыхъ городовыхъ властей, провинціальные воеводы очень часто забывали отсылать дѣла по городамъ, хотя это и составляло, кажется, главную ихъ обязанность по отношенію къ воеводскимъ канцеляріямъ; старались они также удержать у себя и приказныя рабочія руки. Примѣровъ подобной забывчивости провинціальныхъ властей можно привести много. Такъ, Кромскій воевода, майоръ Наумовъ, доносилъ въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію въ октябрѣ 1727 года: «которыя-де дѣла имѣются въ Сѣвскѣ, въ провинцской канцеляріи, а надлежитъ прислать въ Кромы къ воеводству съ служительми, и оныхъ-де челобитчиковыхъ дѣлъ и канцелярскихъ служителей въ Кромы не прислано». Жаловался воевода и на то, что Сѣвская провинціальная канцелярія, точь въ точь такъ же, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ Великоустюжская, не желаетъ считаться съ новымъ распредѣленіемъ областныхъ учрежденій и попрежнему вмѣшивается въ дѣла, вошедшія теперь въ компетенцію городовыхъ воеводъ: «присылаются въ Кромы и въ уѣздъ за обывателями по инструкціямъ разсыльщики и требуютъ ко взятію тѣхъ Кромскихъ обывателей служилыхъ людей»; требуютъ въ провинціальную канцелярію и подъячихъ, «которые имѣются въ Кромахъ при воеводствѣ, всѣхъ что есть, не оставливая по реестру». Въ приводимомъ примѣрѣ

---

1) Дѣла сената кн. 225/9, л.л. 823—825.

есть еще одна черта, свидѣтельствующая о незнаніи городовыхъ воеводъ, какъ имъ относиться къ старшимъ степенямъ областного управленія. Воевода Наумовъ прямо пожаловался въ губернскую канцелярію, тогда какъ онъ имѣлъ право донести на провинціальную канцелярію только послѣ того, какъ послѣдняя не приметъ во вниманіе трехъ его рапортовъ. Чтобы впредь городовымъ воеводамъ не повадно было такъ поступать, губернское начальство, указавъ Сѣвской провинціальной канцеляріи на неправильность ея дѣйствій относительно подъячихъ, канцелярскихъ дѣлъ и т. п., распорядилось отдать Кромскаго воеводу подъ судъ. Любопытно также, какъ Сѣвская провинціальная канцелярія отозвалась на предписаніе передать дѣла въ подвѣдомственныя ей воеводскія канцеляріи: она просто распорядилась разослать во всѣ такія канцеляріи указы, «чтобы для описи и принятія дѣлъ прислали подъячихъ, понеже за умноженіемъ въ оной провинцской канцеляріи дѣлъ описи учинить некому» [1]). Со своей стороны ревизовавшій Московскую губернію графъ А. А. Матвѣевъ доносилъ сенату, что провинціальныя канцеляріи этой губерніи не были въ состояніи разобрать дѣла и разослать ихъ въ подчиненные имъ уѣздные города какъ вслѣдствіе обремененія занятіями, такъ и по недостатку рабочихъ рукъ [2]). Укажу еще на одинъ фактъ, характеризующій растерянность и неумѣніе областныхъ властей примѣниться къ новому строю въ первые дни послѣ реформы 1727 года: областныя учрежденія иногда не знали хорошенько, какъ титуловать другъ друга; такъ, напримѣръ, Устюженскій воевода въ донесеніяхъ своихъ Бѣлозерской провинціальной канцеляріи называлъ ее громкимъ и нескладнымъ именемъ «канцеляріи провинціальнаго воеводскаго суда» [3]).

Объединенная власть воеводъ должна была распространиться на земли дворцовыя, монастырскія и на посады. Переходъ этихъ земель вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ подъ власть воеводы не обходился безъ осложненій, хотя воеводская власть, какъ сторона болѣе сильная, одерживала верхъ безъ особеннаго напряженія силъ. Условія, при которыхъ воевода принималъ власть надъ дворцовыми землями, опредѣлялась свойствами отдѣльныхъ лицъ, и особенностями мѣстной жизни [4]). Мы уже видѣли, при какихъ обстоятельствахъ водворился въ Каргополѣ первый воевода Култашевъ. До него агентомъ власти былъ здѣсь дворцовый

---

[1]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 280; другой примѣръ такого же замедленія въ разсылкѣ дѣлъ, Курмышской воеводской канцеляріи, д. 333, л. 81.

[2]) Гос. Архивъ, разр. XVI, д. 50.

[3]) Бѣлозерской провинціальной канцеляріи, оп. 20, вяз. 1, д. 1, л. 14.

[4]) Изъ общаго правила, по которому дворцовыя волости поступали подъ управленіе воеводъ, были сдѣланы нѣкоторыя исключенія: въ 1728 году цѣлый рядъ волостей въ уѣздахъ Московскомъ, Суздальскомъ, Владимірскомъ, Костромскомъ Романовскомъ, Коломенскомъ и Можайскомъ и города Скопинъ и Богородицкъ съ ихъ уѣздами были отданы въ непосредственное управленіе конюшеннаго приказа. Въ Скопинѣ вслѣдствіе этого были даже уничтожены воеводы. П. С. З., VIII, № 5240; Сбор. Р. И. О. т. LXXIX, стран. 146.

управитель, завѣдывавшій дворцовыми волостями собственно Каргопольскими и дворцовыми волостями, составлявшими расположенную рядомъ Чарондскую округу; подчиненъ онъ былъ одновременно и Бѣлозерской провинціальной канцеляріи и Приказу Большого Дворца. Такому важному лицу, конечно, не могло быть пріятнымъ полное подчиненіе городовому воеводѣ. Этимъ, быть-можетъ, и объясняется война, которую дворцовый управитель Титовъ объявилъ пріѣхавшему въ Каргополь Култашеву и которая не окончилась первыми стычками, разсмотрѣнными выше. Титовъ вернулся изъ отлучки и продолжалъ управлять дворцовыми крестьянами, но отношенія съ воеводой такъ и не наладились; Титовъ, въ свою очередь, обвинялъ Култашева въ томъ, что онъ препятствовалъ ему удовлетворительно исполнять его обязанности и исправно собирать дворцовые доходы. По его словамъ, его даже почти лишили возможности сноситься съ подвластнымъ ему населеніемъ, «понеже обрѣтающихся при Каргопольскихъ дворцовыхъ волостяхъ подъячихъ и солдатъ, такожде и разсыльщиковъ, обралъ онъ воевода Култашевъ въ вѣдомство свое», оставивъ въ его распоряженіи едва нѣсколько человѣкъ. Но и этимъ дѣло не ограничилось. Стоило Титову послать въ уѣздъ понуждать населеніе платить четырехгривенный дворцовый сборъ, какъ приходилось наталкиваться на противодѣйствіе воеводы или его агентовъ. Характеренъ приводимый Титовымъ разсказъ его разсыльщика Ивана Маслова. «Въ Троицкой волости староста Андрей Окропиловъ сказалъ, что дворцовыхъ сборовъ воевода сбирать и править не приказалъ, и безъ указу отъ него воеводы, безъ закрѣпы руки его воеводской платить не будутъ». Разсыльщикъ подвергся даже насилію со стороны одновременно пріѣхавшаго въ ту же волость производить рекрутскій наборъ капрала, приказавшаго «его за волосы нагнуть солдату Глистину да солдату Дятлеву, которые нагнули, и оный Глистинъ по приказу его капральскому билъ его разсыльщика плетью по спинѣ и по бокамъ, и оный капралъ велѣлъ ему разсыльщику изъ оной волости идти вонъ, доколѣ онъ въ волости солдатъ набираетъ, чтобы онъ разсыльщикъ ему капралу не мѣшалъ». Нѣсколько времени спустя, разсыльщикъ опять встрѣтилъ въ той же волости того же капрала Бѣляева, который «велѣлъ ему разсыльщику изъ волости выйтить вонъ доколѣ: де подушныхъ семигривенныхъ денегъ не сберутъ, ему разсыльщику въ волостяхъ дѣла нѣтъ, и чтобы онъ вышелъ вонъ, доколѣ не битъ» [1]). Вслѣдствіе споровъ и несогласій воеводы и дворцоваго управителя пострадало прежде всего самое дѣло: на дворцовыхъ крестьянахъ накопилась громадная недоимка, вызвавшая назначеніе особаго слѣдствія надъ Титовымъ изъ приказа большого дворца, а нѣсколько лѣтъ спустя попалъ подъ слѣдствіе и судъ и самъ воевода Култашевъ [2]).

---

[1]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, д. 1, лл. 1—5; вяз. 2, д. 277/17, лл. 76—79.

[2]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 2, д. 277/17, лл, 56, 75; Сенатскій Архивъ, т. III, стран. 59.

Конечно, не вездѣ отношенія воеводы и дворцоваго управителя слагались такъ неудачно; дворцовый управитель иногда покорно шелъ навстрѣчу указамъ, и водвореніе новаго воеводы обходилось совсѣмъ гладко, — такъ было, напримѣръ, въ городѣ Керенскѣ, уѣздъ котораго былъ населенъ, по большей части, ясашными инородцами. Старшему въ Керенскомъ уѣздѣ лицу, дворцовому управителю Зарупкинской волости, «изъ царедворцевъ Петру Вердеревскому» было въ апрѣлѣ 1727 года отправлено изъ приказа большого дворца извѣщеніе о послѣдовавшемъ назначеніи во всѣ города воеводъ съ предписаніемъ перейти въ подчиненіе «губерискому вѣдомству» и назначенному въ Керенскъ воеводѣ майору Козлову, Вердеревскій отвѣтилъ «покорнымъ донесеніемъ» съ обѣщаніемъ исполнить все по указу [1]).

Но были и такія мѣстности, гдѣ само населеніе извѣстнымъ образомъ реагировало на подчиненіе дворцовыхъ крестьянъ воеводѣ: это было тамъ, гдѣ такое соединеніе влекло слишкомъ невыгодныя послѣдствія для дворцовыхъ крестьянъ и гдѣ населеніе обладало нѣкоторой энергіей и самостоятельностью. Такой случай можно наблюдать въ Важскомъ уѣздѣ, населеніе котораго состояло изъ 377 душъ посадскихъ людей, 1200 душъ монастырскихъ и 24013 душъ дворцовыхъ крестьянъ. Послѣдніе, состоя въ вѣдомствѣ дворца, были избавлены отъ службъ, ложившихся на населеніе посадовъ[2]). Съ переходомъ ихъ вмѣстѣ съ посадскими людьми въ одно воеводское управленіе и при хорошо извѣстной близости сѣвернаго уѣзда къ посаду, всякіе сборы и службы должны были пасть и на дворцовыхъ крестьянъ, а принимая во вниманіе численное соотношеніе посадскихъ людей и крестьянъ, не трудно видѣть, что посадскіе сборы и служба должны были почти цѣликомъ упасть на волостныхъ крестьянъ.

---

[1]) Керенской воеводской канцеляріи, оп. 2, вяз. 1, лл. 7, 237. Одновременно съ введѣніемъ новаго областного управленія, относительно ясашныхъ инородцевъ была принята еще слѣдующая мѣра: всѣ тѣ селенія и волости, которыя ранѣе вѣдомы были въ приказѣ Казанскаго дворца и перешли въ вѣдомство приказа большого дворца только въ послѣднее время, должны были быть вновь изъяты изъ дворцоваго управленія съ удаленіемъ изъ нихъ дворцовыхъ управителей; «Велено ясашныя волости, которыя прежъ сего въ приказѣ большого дворца были невѣдомы, а вѣдомы были въ приказѣ Казанскаго дворца, — дворовой канцеляріи не вѣдать, а вѣдать ихъ по-прежнему въ камеръ-коллегіи. Того ради, по указу Его И. В. камеръ-коллегія приказали къ воеводѣ послать указъ, въ которомъ написать: ежели въ помянутыхъ ясашныхъ селахъ и деревняхъ имѣются опредѣленные отъ дворцовой канцеляріи для сборовъ или другихъ какихъ дѣлъ управители и сборщики, и оныхъ всѣхъ велѣть воеводѣ съ товарищами изъ вышеупомянутыхъ ясашныхъ волостей выслать вонъ по полученіи сего указа немедленно, и впредь присылаемыхъ отъ дворцовой канцеляріи ни для какихъ дѣлъ и сборовъ управителей и сборщиковъ не впускать; а тѣ ясашныя волости по прежде посланнымъ изъ камеръ-коллегіи въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 726 году указамъ вѣдать воеводѣ съ товарищи и всякіе положенные съ нихъ доходы собирать и отсылать, куды по указамъ надлежитъ. Курмышской воеводской канцеляріи, д. 332, л. 183.

[2]) Общую характеристику взаимныхъ отношеній уѣзда и посада на русскомъ сѣверѣ въ допетровское время, см. *Богословскаго*, «Земское самоуправленіе т. I, стран. 123—128.

Понятно, поэтому, желаніе этихъ крестьянъ перейти къ старому порядку вещей. Въ 1730 и 1731 годахъ Важскіе дворцовые крестьяне обращались въ главную дворцовую канцелярію съ нѣсколькими челобитными, въ которыхъ просили, «чтобы имъ всякими сборами и правленіемъ всякихъ дѣлъ быть вѣдомымъ по прежнему въ одной командѣ, и вѣдать ихъ управителю, а воеводѣ бъ ихъ ни въ чемъ не вѣдать и у таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ быть бурмистрамъ и ларечнымъ и цѣловальникамъ изъ посадскихъ людей, а изъ крестьянъ не опредѣлять». Вполнѣ естественно, что сенатъ, въ который перешло это дѣло, не могъ въ нарушеніе только что установленнаго общаго порядка исполнить желаніе Важскихъ дворцовыхъ крестьянъ, но характерно, что все же ихъ просьбы не были оставлены безъ вниманія: посадскія службы были разверстаны между посадскими и уѣздными людьми такъ, что 377 посадскихъ душъ выбирали одну пятую всѣхъ людей, необходимыхъ для различныхъ службъ, а 25 слишкомъ тысячъ уѣздныхъ людей — остальныя четыре пятыхъ [1]). На этомъ дѣло не окончилось, и дворцовое крестьянство Важскаго края еще и позднѣе возбуждало новыя ходатайства объ изъятіи его изъ-подъ воеводской власти [2]).

Въ только что описанной кампаніи населеніе монастырскихъ вотчинъ русскаго сѣвера не принимало участія; это можно объяснить не только его малочисленностью, но и его забитостью [3]). Я не могу привести другихъ примѣровъ, которые бы показывали, какъ населеніе монастырскихъ вотчинъ приняло свое подчиненіе губернаторамъ и воеводамъ. Но само духовенство старалось, гдѣ и какъ могло, охранить себя отъ власти свѣтской администраціи. Выше уже было отмѣчено, какъ Каргопольскій поповскій староста отказался прислать воеводѣ судебныя дѣла [4]); приведу здѣсь еще отрывокъ промеморіи, адресованной Бѣлозерскимъ владыкой въ мѣстную провинціальную канцелярію: промеморія написана въ 1731 году и относится, слѣдовательно, къ ближайшему времени послѣ введенія новаго областного строя. «Понеже нынѣ извѣстно учинилось преосвященному Аѳанасію епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, — читаемъ мы въ названномъ документѣ, — что не токмо по важнымъ, но и по челобитчиковымъ дѣламъ духовнаго чина люди берутся и содержатся во оной Бѣлозерской провинціальной канцеляріи, а не правиламъ святымъ и по состоявшимся блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра I Императора и Самодержца Всероссійскаго указомъ и духовному регламенту повелѣно духовнаго всякаго званія людемъ въ случающихся дѣлахъ судимымъ быть въ духовномъ правительствѣ, а не въ свѣтской командѣ; того ради, во исполненіе означенныхъ правъ приказалъ его преосвященство въ Бѣлозерскую провинціальную

---

[1]) Дѣла сената, кн. 229/13, лл. 71—72.

[2]) Сбор. Р. И. О., т. CXIV, стран. 218—221.

[3]) См. *В. Семевскаго*, «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», томъ II, С.-Петербургъ, 1901, стран. 199—236.

[4]) Каргопольской воеводской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, д. 269/11, л. 11.

канцелярію предъявить сею промеморіею, дабы оная канцелярія благоволила чинить какъ вышеписанныя правы повелѣваютъ, и духовнаго бъ чина люди впредь по челобитчиковымъ дѣламъ, такъ и по другимъ касающимся, безъ вѣдома духовнаго правленія браны не были. И Бѣлозерская провинціальная канцелярія о вышеписанномъ да благоволитъ вѣдать» [1]). Епископъ властнымъ тономъ заявляетъ, что онъ желаетъ жить по старымъ законамъ и знать не желаетъ какого бы то ни было подчиненія духовенства свѣтской власти; я не могу сказать, достигъ ли Бѣлозерскій епископъ желаемаго, но та точка зрѣнія, на которую онъ сталъ — борьба съ новыми узаконеніями посредствомъ ссылокъ на старыя, — не разъ и съ успѣхомъ проводилась русскимъ духовенствомъ въ болѣе раннее время [2]).

Съ правами, которыя даны губернаторамъ и воеводамъ въ области суда и розыска надъ крестьянами церковныхъ имѣній, особенно энергично боролся синодъ, опираясь на Петровскія распоряженія 1721 года [3]). И борьба эта, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи синодальныхъ имѣній увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Вѣроятно, и сами областныя власти были не безъ грѣха въ желаніи расширить свои права надъ монастырскими крестьянами и выйти за предѣлы наказа 1728 года подчинявшаго имъ монастырскихъ крестьянъ только въ сферѣ суда и розыска. Синодъ вступился въ дѣло, и въ исходѣ 1728 года вышелъ указъ, содержавшій циркулярное предписаніе всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ «объ отдачѣ синодальнымъ вотчиннымъ управителямъ взятыхъ у нихъ дѣлъ въ происходящихъ между синодальныхъ крестьянъ спорахъ и о непріемѣ имъ воеводамъ впредь о томъ у крестьянъ челобитенъ съ предписаніемъ строго соблюдать инструкцію 1728 года» [4]).

Наименьшія тренія должно было вызвать распространеніе власти городовыхъ воеводъ на посады. Посадъ никогда самостоятельностью не пользовался. Старый посадъ Московскаго времени сильнѣе всего чувствовалъ близкую воеводскую опеку. Даже въ послѣдніе передъ реформой 1727—1728 годы, при существованіи особаго вѣдомства главнаго магистрата воеводамъ, управлявшимъ провинціями, вмѣнено было въ обязанность слѣдить за дѣятельностью муниципальныхъ учрежденій [5]). Указы 1727—1728 годовъ возстановляя воеводскую должность въ каждомъ русскомъ городѣ, еще болѣе приближали воеводу къ посадамъ. Вотъ почему переходъ этотъ или настолько мало замѣтенъ, что почти не отразился въ офиціальномъ дѣлопроизводствѣ, или проходилъ очень гладко; такъ, напримѣръ, Горохо-

---

[1]) Бѣлозерской провинціальной канцеляріи, оп. 21, вяз. 1, д. 7 31, л. 59.

[2]) Такъ поступалъ, напримѣръ, патріархъ Никонъ въ вопросѣ объ ограниченіи землевладѣнія духовныхъ учрежденій. См. мою книгу «Замосковный край въ XVII вѣкѣ», М. 1906, стран. 358—363, и *Платонова*, «Статьи по русской исторіи», изд. 1-ое 1903 г., стран. 256.

[3]) *Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода, СПб. 1871, стран. 521, 527.

[4]) Яренской воеводской канцеляріи, оп. 2, в. 1, д. 116.

[5]) П. С. З., V, № 3294 (воеводская инструкція 1719 г.), п. 18.

вецкая ратуша, начавъ въ 1727 году переписку съ Владимирской провинціальной канцеляріей о высылкѣ въ Петербургъ всѣхъ посадскихъ, переведенныхъ туда при Петрѣ, но самовольно оттуда вернувшихся, совершенно спокойно продолжаетъ ее съ мѣстной воеводской канцеляріей, какъ-будто никакихъ измѣненій въ областномъ управленіи не происходило [1]). Порядокъ и условія перехода посада подъ власть воеводы хорошо рисуются распоряженіями перваго Курскаго воеводы Раевскаго. Прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ отправилъ 30 іюня 1727 года въ Курскій магистратъ «указъ». Подробно изложивъ въ немъ, какъ это всегда практиковалось, содержаніе всѣхъ важнѣйшихъ указовъ, измѣнившихъ областной строй, начиная съ извѣстнаго указа 15 іюля 1726 года, новый воевода предписываетъ «учинить именныя вѣдомости» объ окладныхъ и неокладныхъ сборахъ, о наличной казнѣ, и подать ихъ при доношеніяхъ немедленно. О полученіи посланнаго указа предписывается рапортовать. Магистратъ долженъ дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и представлять рапорты какъ о своихъ распоряженіяхъ, такъ и о полученіи указовъ изъ воеводской канцеляріи: въ этомъ и выражается его переходъ въ подчиненіе воеводѣ [2]).

До сихъ поръ приходилось говорить о двухъ низшихъ инстанціяхъ областного управленія и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Естественно поставить вопросъ и о взаимныхъ отношеніяхъ провинціи и губерніи. Какъ провинціальныя власти приняли свое подчиненіе губернаторамъ, и какъ отозвалось на губернскихъ властяхъ то, что онѣ очутились во главѣ сложной и длинной іерархіи учрежденій? Нужно сказать, что отмѣченныя сейчасъ стороны должны были тусклѣе всего отразиться на дѣйствительной жизни областныхъ учрежденій въ 1727—1728 годахъ. Объясняется это положеніемъ, въ какомъ губернія и провинція находились въ періодъ времени, предшествовавшій реформѣ 1727 года. Вѣдь и въ 1719—1727 годахъ, правда, нѣсколько глухо и неопредѣленно, но все же довольно твердо успѣло установиться подчиненіе провинціи по отношенію къ губерніи, а эта послѣдняя, хотя и вопреки мысли законодателей 1718—1719 годовъ, успѣла себя почувствовать во главѣ областной администраціи. Вотъ, мнѣ кажется, почему крупныя измѣненія, внесенныя въ областное управленіе мѣропріятіями 1727 года, въ сущности мало отразились на взаимныхъ отношеніяхъ двухъ высшихъ ступеней мѣстнаго управленія.

Мнѣ остается освѣтить вопросы, касающіеся ликвидаціи тѣхъ областныхъ учрежденій Петра Великаго, упраздненіе которыхъ было крае-

---

[1]) Гороховецкой воеводской канцеляріи, оп. 2, вяз. 21, указы ратушъ за 1727 годъ.

[2]) Курскаго городового магистрата, оп. 25, вяз. 3. д. 184, лл. 55—57; аналогичные примѣры безпрекословнаго подчиненія посада власти городового воеводы: Вятскій провинціальный магистратъ сообщаетъ Орловскому ратману объ указѣ 15 марта 1727 года; указъ принимается въ Орловѣ къ исполненію. Орловскаго (Вятской губ.) городового магистрата, оп. 36, вяз. 1, л. 53. Бѣжецкій воевода Ресинъ присылаетъ въ земскую избу указъ о своемъ вступленіи въ должность; указъ принимается къ исполненію. Бѣжецкаго городового магистрата, оп. 4, вяз. 2, дѣло 22/49.

угольнымъ камнемъ реформы его преемниковъ. Здѣсь дѣло касается надворныхъ судовъ, камерировъ и рентмейстеровъ, хотя послѣдніе были уничтожены ранѣе надворныхъ судовъ и камерировъ, и ко времени изданія указовъ 1727 года уже фактически окончили свое существованіе.

Надворные суды и камерирскія конторы были упразднены указами 24-го февраля и 15-го марта, но въ теченіе всей весны 1727 года они еще продолжали существовать и, вѣроятно, дѣйствовать. Между упраздненіемъ юридическимъ и фактическимъ лежалъ нѣкоторый промежутокъ времени; онъ былъ необходимъ потому, что старыя судебныя учрежденія не могли прекратить своихъ дѣйствій, пока не вступили въ дѣйствіе тѣ органы, которые должны были ихъ замѣнить. Такъ какъ судъ въ уѣздахъ возложенъ былъ на городовыхъ воеводъ, которые теперь стали повсемѣстнымъ органомъ суда, то надворные суды должны были дотянуть свое существованіе до тѣхъ поръ, пока воеводы дѣйствительно появились на мѣстахъ своей службы. Мы уже знаемъ, что воеводы стали подъѣзжать въ назначенные имъ города лѣтомъ 1727 года; не слѣдуетъ поэтому удивляться, что въ маѣ и іюнѣ этого года встрѣчаются прямыя указанія на то, что надворные суды еще не прекратили своихъ дѣйствій [1]). Въ концѣ мая былъ изданъ слѣдующій указъ, устанавливавшій порядокъ передачи дѣлъ изъ надворныхъ судовъ въ новыя учрежденія; изъ Петербургскаго надворнаго суда дѣла было приказано передать въ юстицъ-коллегію, а изъ прочихъ судовъ разослать «и съ служительми» — взятыя изъ другихъ судовъ по челобитнымъ на неправыя рѣшенія — губернаторамъ, а «которыя дѣла начались въ тѣхъ же надворныхъ судахъ», тѣ распредѣлить между провинціальными и городовыми канцеляріями, имѣвшими дѣйствовать на территоріи прежняго надворнаго суда. Розыскныя дѣла должны были быть снабжены описями и указаніями, какія пошлины по нимъ взяты, «или съ кого не взято»; изъ этихъ же описей и замѣчаній губернаторы и воеводы должны были составить вѣдомость о доимкѣ пошлинъ и послать ее въ юстицъ-коллегію. Наличную казну, находившуюся въ надворныхъ судахъ, приказано было «отдать всю въ рентерею, а подъячихъ, которые были у приходу и у расходу денежной казны, но еще не сочтены, отправить для счету къ губернаторамъ»; «для исполненія экзекуцій» розыскныя дѣла, которыя раньше «для апробаціи сентенціи» отсылались въ надворные суды, теперь предписано было отсылать къ губернаторамъ [2]). Хотя этотъ указъ давалъ довольно подробныя директивы относительно наслѣдія надворныхъ судовъ, однако и позднѣе мѣстныя учрежденія обращались къ правительству за указаніями, какъ имъ поступать въ различныхъ вопросахъ, относящихся къ ихъ дѣятельности. Какъ это ни странно, но именно «апробація сентенціи въ розыскныхъ дѣлахъ», порядокъ полученія которой

---

[1]) Напримѣръ, Курскій надворный судъ еще функціонируетъ 30 мая. Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 8.

[2]) Брянской воеводской канцеляріи, оп. 7, вяз. 1, д. 14, лл. 82, 83.

былъ такъ ясно изложенъ въ указѣ, доставляла особенно много заботъ областнымъ властямъ. Въ концѣ того же года Углицкій воевода Бутурлинъ доносилъ въ сенатъ, что въ Угличѣ «по вершеннымъ дѣламъ надлежитъ колодникамъ нѣсколько человѣкъ учинить за ихъ воровство смертную казнь, а иныхъ надлежитъ послать на каторгу, но того рѣшенія они чинить не смѣютъ, для того, что прежде о такихъ колодникахъ изъ Углича сентенціи посылались въ Ярославскій надворный судъ, а нынѣ тотъ судъ отставленъ, и объ оныхъ колодникахъ сентенціи куда посылать, о томъ указа не имѣютъ, и чтобъ о томъ указъ учинить». Пришлось сенату напомнить забывчивому Углицкому воеводѣ, а кстати и всѣмъ провинціальнымъ и городовымъ воеводамъ, о майскомъ указѣ 1727 года, предписывавшемъ подобныя сентенціи отсылать на утвержденіе губернатора[1]) — правило, которое потомъ было подтверждено наказомъ 1728 года. Это было, кажется, послѣднимъ упоминаніемъ о надворныхъ судахъ.

Камериры съ ихъ конторами очутились послѣ указовъ 24-го февраля и 15-го марта въ положеніи, схожемъ съ только что описаннымъ положеніемъ надворныхъ судовъ. Вѣдая денежныя дѣла всей провинціи, они не могли закрыть своихъ дѣйствій, прежде чѣмъ во всѣхъ уѣздахъ, входившихъ въ составъ провинціи, водворится воеводская власть. Вотъ почему и камерирскія конторы во многихъ мѣстахъ еще дѣйствуютъ въ лѣтніе мѣсяцы 1727 года; фактическое уничтоженіе камерирскихъ конторъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ относится къ осени и даже зимѣ 1727 года[2]). Въ самой провинціи обязанности камерира переходили обычно къ воеводѣ; въ нѣкоторыхъ, однако, случаяхъ эти обязанности поручались ихъ товарищамъ: такъ было, напримѣръ, въ Свіяжской провинціи, которая «приговорила», чтобы воеводскій товарищъ вѣдалъ всѣ дѣла, относящіяся до сбора доходовъ, «и велѣть ему для онаго отправленія, — говорится далѣе въ приговорѣ, — содержать въ особливой конторѣ, гдѣ напредъ сего отправленіе имѣлъ камериръ»[3]). Однако, фактическое упраздненіе камерирскихъ конторъ еще не означало прекращенія всѣхъ обязанностей камерировъ; камериру еще надлежало дать отчетъ въ своей дѣятельности, и этотъ отчетъ, или, какъ тогда говорили, «счетъ», затягивался иногда на долгое время. Такъ, Свіяжскій камериръ Бараковъ пересталъ исполнять свои обязанности лѣтомъ 1727 года, а дѣла сдавалъ только въ мартѣ слѣдующаго года. Свои дѣла камериры сдавали, приблизительно, въ такомъ порядкѣ: въ особомъ доношеніи на имя воеводы камериръ «объявлялъ» «счетныя всякія выписи и приходныя и расходныя книги», которыя за-

---

[1]) Курмышской воеводской канцеляріи, д. 333, л. 81. Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 4, д. 21, л. 1736. (Въ Полномъ Собраніи Законовъ этого подтвержденія, равно какъ и майскаго указа 1727 года, нѣтъ).

[2]) Бѣжецкаго городового магистрата, оп. 4, вяз. 2, д. 8/34: камерирская контора въ Угличѣ дѣйствуетъ, во всякомъ случаѣ до іюня. Бѣлозерской провинціальной канцеляріи, оп. 20, вяз. 1, д. 2; оп. 21, вяз. 1, д. 2/11: въ Бѣлоозерѣ камериръ дѣйствуетъ до осени, въ ноябрѣ его дѣла вѣдаетъ уже воевода.

[3]) Свіяжской провинціальной канцеляріи, вяз. 95, журналъ 23 іюня 1727 года.

тѣмъ свидѣтельствовались въ провинціальной канцеляріи [1]). До сдачи дѣлъ «новымъ управителямъ», всѣмъ прежнимъ агентамъ власти, въ томъ числѣ, конечно, и камерирамъ, запрещалось отъѣзжать съ мѣста своей службы [2]). Какія мытарства приходилось иногда претерпѣвать бывшимъ камерирамъ съ ихъ счетомъ, можно видѣть изъ исторіи Суздальска о камерира Васильева. Вновь назначенный въ Суздаль воевода, бригадиръ Островскій, пріѣхавъ лѣтомъ 1727 года къ мѣсту службы, «отъ дѣлъ его камерира отрѣшилъ и наличную денежную казну и подъячихъ, которые были въ камерирской конторѣ у приходу и у расходу съ книгами и со всѣми дѣлами и о всемъ извѣстіе принялъ въ вѣдѣніе свое, и по отдачѣ всего онаго прибылъ онъ камериръ Васильевъ въ домъ свой въ Ростовскій уѣздъ въ село Осипово, и Ростовскій воевода Челищевъ выслалъ его въ Москву въ губернскую канцелярію для мнѣнія о подушномъ сборѣ». Между тѣмъ Суздальскій воевода послалъ въ Ростовъ промеморію съ требованіемъ выслать камерира Васильева для счету въ Суздаль съ просьбой «покамѣстъ онъ въ Суздаль явится, движимое и недвижимое его имѣніе отписать на Его Императорское Величество». Съ своей стороны, бывшій камериръ указывалъ, что какъ разъ въ это время ему велѣно было ѣхать въ Петербургъ «со мнѣніями въ комиссію», и просилъ послать въ Суздаль и Ростовъ указы, «чтобы его имѣніе безвинно не отписывать и людей и крестьянъ за карауломъ не держать», «а въ счетахъ ежели потребуютъ, чтобы отвѣтствовать повытчику Петру Лоскутову, понеже онъ былъ у приходу и у расходу, а ежели что явится начету, повиненъ онъ камериръ отповѣдь дать». Хотя губернская канцелярія и согласилась съ доводами Васильева и избавила его отъ конфискаціи имѣнія, однако, все-таки предписала, «какъ онъ, камериръ, изъ С.-Петербурга въ Москву возвратится, и его камерира велѣно выслать въ Суздаль къ окончанію счета безъ замедленія» [3]).

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, какъ происходила сдача дѣлъ камериромъ Свіяжской провинціи: «По указу Его Императорскаго Величества слушавъ учиненной выписки противъ доношенія камерира Баракова о пріемѣ счетныхъ выписокъ, Свіяжская провинціальная канцелярія воеводскаго правленія приговорила: счетныя всякія выписки и приходныя и расходныя книги, которыя объявилъ камериръ Бараковъ, принять въ канцелярію воеводскаго правленія и освидѣтельствовать оныя выписки въ приходѣ и въ расходѣ, а именно таможенныя и кабацкія канцеляристу Ивану Макарову, провіантскія въ сборѣ и въ раздачѣ провіанта и фуража подканцеляристу Ивану Зиновьеву, и освидѣтельствовавъ по тѣмъ выпискамъ, по силѣ указовъ и камерирской и земскаго писаря инструкціи оные счеты произведены съ экстракты ли, и буде тѣ счеты по свидѣтельству явятся въ сочиненіи по указу какъ въ приходѣ, такъ и въ расходѣ вѣрны или въ чемъ будутъ невѣрны, о томъ имъ Макарову и Зиновьеву подписать имянно и доложить немедленно; а начетныя деньги провіантъ и фуражъ, которые явились по тѣмъ счетнымъ выпискамъ по прежнимъ приговорамъ, на комъ надлежитъ править безъ всякаго послабленія; и для того учинить особливую доимочную книгу и доправленное записать въ приходъ, а писцовыя и переписныя и окладныя книги, кому надлежитъ, принять съ описью по указу съ росписками». Свіяжской провинціальной канцеляріи, вяз. 95, Протоколы 1728 года (мартъ) л. 38.

[2]) Суздальской провинціальной канцеляріи, оп. 4, вяз. 1, указъ 19 августа 1727 г.

[3]) Суздальской провинціальной канцеляріи, опись 4, вяз. 1, указъ 7 сентября 1727 года.

Должность рентмейстеровъ была уничтожена еще указомъ 15 іюля 1726 года[1]); вслѣдъ за тѣмъ, 22-го сентября, послѣдовалъ указъ, пріурочившій фактическое упраздненіе должности рентмейстеровъ къ 1 января 1727 года, «а съ 727 году рентмейстерскую должность отправлять камерирамъ»: сдача отчетности бывшими рентмейстерами должна была происходить не позднѣе марта 1727 года[2]). Само собой разумѣется, что далеко не всѣ рентмейстеры сдали свои дѣла въ назначенный срокъ; дальнѣйшія еще болѣе крупныя перемѣны въ областномъ управленіи не могли остаться безъ вліянія на рентмейстерскіе счеты, и такимъ образомъ, ко времени введенія новаго областного строя за нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, изъ бывшихъ рентмейстеровъ оставалась еще та непріятная обязанность, которой долженъ былъ по возвращеніи изъ Петербурга подвергнуться Суздальскій камерирь, — обязанность подвергнуться счету. Счетъ прежнихъ рентмейстеровъ и розыски тѣхъ изъ нихъ, которые уклонялись отъ сдачи отчета по должности — вотъ слѣды существованія рентмейстерской должности, какіе мы находимъ въ первое время дѣйствія новыхъ областныхъ учрежденій.

Весною 1727 года Рязанскій воевода Нероновъ и тамошній камерирь Головнинъ доносили въ Московскую губернскую канцелярію, что «въ Рязанской провинціи рентерея и наличная денежная казна и рентмейстерскія дѣла и нынѣ не приняты». Первоначальной причиной задержки было то, что земскій писарь и подканцеляристъ, бывшіе при рентмейстерѣ, «взяты были Азовскаго пѣхотнаго полку въ полковой дворъ и были подъ карауломъ»; пока продолжался ихъ арестъ, сбѣжалъ и самъ бывшій рентмейстеръ. «Марта 14-го числа рентмейстерскій фурьеръ Петръ Корсаковъ подалъ извѣтъ: ходилъ де онъ для репортованія на дворъ къ рентмейстеру Чадуеву, гдѣ онъ стоялъ, и его де не получилъ, понеже де съ того двора съѣхалъ и хоромы пусты». Рентмейстеръ сбѣжалъ, потому что документы его были не въ порядкѣ. 18-го мая, два мѣсяца спустя послѣ бѣгства Чадуева, послѣдовалъ указъ изъ камеръ-коллегіи разыскать Чадуева съ отписаніемъ его имѣнія, пока его не сыщутъ; «а какъ сысканъ будетъ, велѣть ему бытности своей въ Рязанской провинціи счетныя выписки съ перечневыми экстракты окончать и до тѣхъ мѣстъ его Чадуева держать подъ карауломъ». Чадуевъ оставался еще неразысканнымъ въ концѣ іюня[3]). Въ 1733 году Переяславскій воеводскій товарищъ капитанъ Арцыбашевъ, бывшій до 1727 года Переяславскимъ рентмейстеромъ, умеръ. Оказалось, что по этой должкости, оставленной имъ болѣе пяти лѣтъ передъ тѣмъ, на Арцыбашевѣ оказался начетъ въ 426 рублей. Не получивъ денегъ съ сумѣвшаго затянуть дѣло Арцыбашева при его жизни, Переяславская провинціальная канцелярія старалась получить ихъ пу-

---

[1]) П. С. С., т. VII, № 4928.

[2]) Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 4, д. 21, лл. 1111—1112. Этотъ указъ въ П. С. З. не помѣщенъ.

[3]) Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 4, д. 21, лл. 1111—111 .

темъ отписанія на государя оставшагося послѣ неисправнаго рентмейстера недвижимаго имѣнія [1]).

Проведеніе въ жизнь областного строя, созданнаго мѣрами 1727 года, отражаетъ въ себѣ всѣ тѣ черты, которыя носитъ законодательная подготовка этихъ мѣръ. Областная реформа преемниковъ Петра Великаго, какъ мы видѣли выше, не была реформой строго и всесторонне обдуманной; не задумывались и надъ тѣмъ, какъ лучше осуществить выработанныя мѣры на практикѣ, предоставляя самой жизни направлять первые шаги новыхъ учрежденій. Новые воеводы, и провинціальные, и въ особенности городовые, пріѣзжали въ разбродъ, задерживая фактическое введеніе въ дѣйствіе новыхъ учрежденій. Вступая въ должность, они сталкивались съ такими явленіями и имѣли дѣло съ такими агентами мѣстной власти, которые были совершенно не предусмотрѣны данными имъ указами, а правительству пришлось долго и много стараться, пока, наконецъ, всѣ воеводскія мѣста были дѣйствительно заполнены. Земскіе комиссары должны были быть только помощниками воеводъ въ дѣлѣ собиранія подушныхъ; на самомъ дѣлѣ, быть-можетъ, благодаря тому, что многіе изъ нихъ долго правили воеводскую должность до пріѣзда запоздавшихъ воеводъ, кругъ дѣятельности ихъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ оказался шире. Что совершилось очень легко, это — уничтоженіе обреченныхъ на смерть Петровскихъ учрежденій, хотя и здѣсь надо признать, что при ликвидаціи надворныхъ судовъ, камерирскихъ и рентмейстерскихъ конторъ возникали иногда вопросы, показывавшіе, что правительственныя распоряженія не предусматривали много изъ того, что могло быть предвидѣно и учтено. Въ особенности это приходится сказать объ отчетности, страдавшей и затягивавшейся и отъ людской нерадивости и отъ обстоятельствъ, часто бывшихъ сильнѣе людей.

Введеніе областныхъ учрежденій 1727 года было во многомъ возвращеніемъ къ старинѣ XVII вѣка; это сказывалось не только въ законодательной работѣ ея творцовъ, но можетъ быть еще болѣе въ патріархальной обстановкѣ, при которой они начинали свою дѣятельность.

---

[1]) Переяславско-Залѣсской провинціальной канцеляріи, оп. 7, вяз. 21, л. 1197.

ГЛАВА IV.

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНІЕ 1727—1775 ГГ.

Областное дѣленіе — это рамка, въ которую заключена мѣстная жизнь, въ которой протекаетъ и развивается жизнь областныхъ учрежденій. Изъ такого положенія вытекаетъ необходимость остановиться на исторіи областного дѣленія имперіи въ изучаемые полвѣка. Исторію эту, однако, приходится начинать нѣсколько ранѣе 1727 года, потому что она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ первой и второй областными реформами Петра.

Первыя губерніи были, какъ извѣстно, учреждены въ 1708—1710 гг. въ слѣдующемъ составѣ: Ингерманландская, Смоленская, Кіевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская и Московская [1]). Уже въ ближайшіе годы, до второй областной реформы 1719 года, въ составѣ губерній произошли нѣкоторыя измѣненія: Ингерманландская превратилась въ Санктпетербургскую, изъ Казанской выдѣлилась Нижегородская; постоянными частями имперіи стали считаться и занятыя Петромъ Балтійскія области; одна изъ нихъ — Эстляндія, сначала образовавшая провинцію Петербургской губерніи, превратилась въ небольшую самостоятельную Ревельскую губернію; другая, — Лифляндія, сначала обѣщанная было королю польскому, объединилась со Смоленской, образуя двѣ отдѣльныхъ области вдоль литовской границы [2]). Составъ губерніи Казанской за 9 лѣтъ, протекшія отъ первой до второй областной реформы, подвергся измѣненіямъ даже два раза: въ 1717 году повелѣно было «Нижегородской губерніи быть съ Казанской по прежнему, а Астраханской быть особо»; къ новой губерніи отходили города Симбирскъ, Самара, Сызрань, Саратовъ, Петровскъ, Царицынъ, Гурьевъ, что на Яикѣ, и другіе, а также область рѣки Терека [3]); впрочемъ, Нижегородская губернія была скоро опять возстановлена, и къ эпохѣ второй реформы число губерній возрасло до 11 [4]).

---

[1]) Подробный составъ этихъ первыхъ губерній и ихъ тѣсное отношеніе къ болѣе раннимъ территоріальнымъ дѣленіямъ исчерпывающе изслѣдованы *П. Н. Милюковымъ*. Государственное хозяйство первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго, 366—373.

[2]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, 445—447, 452—462, 481—382.

[3]) П. С. З., т. V, №№ 3119, 3374.

[4]) Петербургская, Московская, Рижская, Ревельская, Кіевская, Азовская Архангелогородская, Казанская, Нижегородская, Астраханская и Сибирская.

Вторая реформа ввела новыя областныя дѣленія — провинцію и дистриктъ; первая должна была замѣнить губерніи; второй — занять мѣсто потерявшаго свое значеніе уѣзда; на самомъ дѣлѣ случилось нѣсколько иначе. Провинція, заимствованная изъ Швеціи, и лишь отчасти связанная съ «долей» 1715 года, не пріобрѣла вполнѣ самостоятельнаго значенія, потому что губернское дѣленіе было сохранено и осталось въ силѣ, причемъ самой жизненной практикѣ предоставлено было установить отношенія между губерніей и провинціей [1]); въ конечномъ результатѣ имперія въ 1719 году фактически оказалась раздѣленной на 11 губерній и 49 провинцій, стоявшихъ въ несомнѣнномъ, но очень неясно очерченномъ подчиненіи губерніямъ [2]).

Что касается дистрикта, то это низшее дѣленіе, введенное въ 1719 г., хотя и заняло ступень, соотвѣтствовавшую старому уѣзду, но не имѣла къ нему никакого отношенія: дистриктъ былъ округомъ, въ которомъ

---

[1]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, 615—625; *Богословскій*, Областная реформа, 76—86.

[2]) Петербургская — 11 провинцій: Петербургская, Выборгская, Нарвская, Великолуцкая, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Углицкая, Пошехонская, Бѣлозерская.

Московская — 9 провинцій: Московская, Пер ясл.-Рязанская, Переясл.-Залѣсская, Калужская, Тульская, Владимірская, Юрьево-Польская, Суздальская, Костромская.

Кіевская — 4 провинціи: Кіевская, Бѣлгородская, Сѣвская, Орловская.

Азовская — 5 провинцій: Воронежская, Тамбовская, Шацкая, Елецкая, Бахмутская.

Рижская — 2 провинціи: Рижская, Смоленская.

Архангелогородская — 4 провинціи: Архангелогородская, Вологодская, Устюжская, Галицкая.

Казанская — 4 провинціи: Казанская, Свіяжская, Пензенская, Уфимская.

Нижегородская — 3 провинціи: Нижегородская, Арзамасская, Алаторская.

Астраханская — безъ отдѣльныхъ провинцій.

Сибирская — 5 провинцій: Вятская, Соль-Камская и 3 сибирскихъ, которыя еще предстояло росписать.

Ревельская — безъ отдѣльныхъ провинцій.|

П. С. З. т. V, № 3380.

Областное дѣленіе 1719—1727 гг. поясняется картой I. Кромѣ документовъ, указанныхъ въ текстѣ, для составленія этой и слѣдующихъ картъ служили атласъ Россіи, изданный Академіей Наукъ въ 1745 году, карты отдѣльныхъ областей Россіи, издававшіяся Академіей Наукъ въ 1745—1775 гг., карта, приложенная къ изслѣдованію *Неволина* о пятинахъ и погостахъ Великаго Новгорода. (Зап. И. Р. Геогр. Общ., кн. VIII), карта, приложенная по изслѣдованію *Богословскаго*, «Земское Самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ» въ XVII вѣкѣ, т. I, и карта при моемъ изслѣдованіи «Замосковный край въ XVII вѣкѣ».

Въ промежутокъ между второй областной реформой 1719 года и контръ-реформой 1727 г. произошли еще два измѣненія въ составѣ губерній, о которыхъ необходимо упомянуть: въ 1725 г. Азовская губернія была переименована въ Воронежскую; въ 1726 г. Смоленская провинція Рижской губерніи вновь превратилась въ самостоятельную губернію. П. С. З., т. VIII №№ 4700, 4866; прямыхъ указовъ о переименованіи обѣихъ областей въ П. С. З. нѣтъ.

собиралась подушная подать на опредѣленную воинскую часть; число дистриктовъ въ имперіи соотвѣтствовало числу полковъ арміи; созданы они были по шведскимъ образцамъ, къ опредѣленнымъ городскимъ центрамъ не тянули, и границы отдѣльныхъ дистриктовъ совершенно не совпадали съ прежними границами уѣздовъ.

Такимъ образомъ Петръ Великій оставилъ въ наслѣдіе своимъ преемникамъ имперію, раздѣленную на губерніи, провинціи и дистрикты; значеніе этихъ трехъ степеней областного дѣленія было различно, происхожденіе неодинаково, взаимное отношеніе недостаточно выяснено. Какъ ни была примитивна областная реформа 1727 года, но именно ея творцамъ выпало на долю исправить только что указанный недостатокъ, полученный преемственно отъ Петровскаго царствованія, и создать довольно стройное областное дѣленіе. Это было достигнуто установленіемъ іерархическаго начала, связывавшаго три ступени областного дѣленія, и возстановленіемъ старинныхъ русскихъ уѣздовъ.

О іерархическомъ началѣ, проведенномъ реформой 1727 года говорилось уже достаточно; остановиться еще слѣдуетъ только на второмъ изъ указанныхъ явленій — на возстановленіи старо-русскаго, вѣками сложившагося уѣзднаго дѣленія. Самый терминъ «уѣздъ» ни ранѣе, ни въ XVIII вѣкѣ не имѣлъ особенно широкаго распространенія; обычно, онъ замѣнялся терминомъ «городъ», подъ которымъ разумѣлся какъ самый городской центръ, такъ и тянувшая къ нему уѣздная территорія. Городъ съ уѣздомъ, какъ областная единица, уничтожался понемногу самъ собою въ первые годы новаго вѣка; однако, при опредѣленіи состава Петровскихъ губерній и провинцій принимались во вниманіе отдѣльные города съ принадлежавшеймъ территоріей: если, напримѣръ, говорилось, что въ составъ Владимирской провинціи входитъ Владимиръ, Муромъ и Гороховецъ—это значило, что Владимирская провинція состоитъ изъ трехъ старинныхъ уѣздовъ Владимирскаго, Муромскаго и Гороховецкаго. По этой причинѣ границы губерній и провинцій совпадали съ границами прежнихъ уѣздовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смежные уѣзды отходили къ разнымъ губерніямъ или провинціямъ. Границы уѣздовъ, очутившихся внутри новыхъ крупныхъ дѣленій, офиціально лишились своего значенія, но отъ времени учрежденія губерній и провинцій до перемѣнъ 1727 года прошло слишкомъ мало времени, чтобы эти границы были забыты; вѣками сложившіяся, онѣ хорошо были извѣстны мѣстнымъ людямъ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ старыя уѣздныя дѣленія и при Петрѣ не потеряли своего значенія; учрежденные въ 1722 году судебные комиссары, назначаемые въ нѣкоторые города, получали въ свое вѣдѣніе городъ съ его прежнимъ уѣздомъ. Это обстоятельство, несомнѣнно, поддерживало привычку къ старымъ уѣздамъ и память о нихъ; вотъ почему назначеніе воеводъ во всѣ города, гдѣ они существовали ранѣе, было ничѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ всего прежняго уѣзднаго дѣленія и при этомъ возстановленіемъ чего-то привычнаго и всѣмъ понятнаго. Уѣздное дѣленіе настолько продолжало жить въ сознаніи современниковъ, что его возстановленіе не вызвало ни-

какихъ вопросовъ и затрудненій и было тою стороною областной реформы 1727 года, которая осуществилась наиболѣе легко и просто. Уѣзды, какъ низшая областная единица, были возстановлены въ числѣ 166, считая вмѣстѣ съ пригородками, уѣзды которыхъ были, обыкновенно, очень незначительными; число такихъ пригородковъ было 20: въ 1728 году къ нимъ присоединены были еще 3 [1]). Съ очень небольшими измѣненіями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, старинное уѣздное дѣленіе просуществовало до Екатерининской реформы 1775 года.

Возстановленіемъ уѣздовъ не ограничились измѣненія, внесенныя мѣрами 1727 года въ областное дѣленіе имперіи. Въ то время, когда члены верховнаго тайнаго совѣта обсуждали вопросъ о введеніи болѣе удобнаго и дешеваго мѣстнаго управленія, они подготовили и провели также нѣкоторыя измѣненія въ численности и составѣ губерній и провинцій. Въ январѣ 1727 года «разсужденіе имѣлося, чтобы Новгородъ учинить губерніею, приписавъ къ нему близкіе города». Это означало коренное измѣненіе въ составѣ столичной Петербургской губерніи; журналъ верховнаго тайнаго совѣта 20-го января сохранилъ намъ и мотивы такого важнаго рѣшенія; учрежденіе Новгородской губерніи объяснялось тѣмъ, что Новгородъ «уѣздомъ великой и прежь сего въ томъ городѣ бывалъ разрядъ и буде, также какъ и нынѣ, тамошнимъ помѣщикамъ для своихъ помѣстныхъ дѣлъ ѣздить хотя для малаго дѣла бить челомъ въ Санктпетербургѣ и отъ того имъ будетъ немалая тягость, какъ и нынѣ чинится» [2]). Созидая громадную Петербургскую губернію, самую большую въ имперіи, Петръ, вѣроятно, имѣлъ въ виду возвысить значеніе новой столицы и пріучить значительную часть страны смотрѣть на новую, стоявшую на окраинѣ резиденцію, какъ на свой настоящій центръ. Но эксцентричность Петербурга отъ этого не исчезла, и съ нею должны были считаться преемники преобразователя. Учрежденіе самостоятельной Новгородской губерніи, послѣдовавшее 29 апрѣля 1727 года, кореннымъ образомъ измѣнило областное дѣленіе сѣверо-западной части имперіи. Въ составъ новой губерніи вошли только 5 провинцій прежней Петербургской губерніи: Новгородская, Псковская, Великолуцкая, Тверская и Бѣлозерская; кромѣ того, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, 18-го октября, къ Новгородской губерніи былъ приписанъ Олонецъ, т.-е. территорія Петровскихъ заводовъ и Олонецкихъ верфей [3]). Къ сѣверо-западу и юго-востоку отъ новой Новгородской губерніи оставались два участка прежней Петербургской губерніи: первый изъ нихъ, въ составѣ лишь двухъ провинцій, собственно Петербургской и Выборгской, образовалъ новую Петербургскую губернію; а Нарвская провинція исчезла: большая ея часть отошла къ Лифляндіи, самый городъ Нарва былъ причисленъ къ Петербургской губерніи. Второй участокъ, составлявшій провинціи Ярославскую, Углицкую и Пошехон-

---

[1]) Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 429 и слѣд.; П. С. З. т. VII, № 5053; герольдм. конт. кн. 98, лл. 119, 199, 217.

[2]) Сб. Р. И. О., т. LXIII, стран. 51.

[3]) П. С. З. т. VII, №№ 5065, 5183; Сб. Р. И. О. т. LXIX, стран. 516.

скую, отошелъ къ Московской губерніи. Къ Новгороду было рѣшено приписать только ближніе города, къ которымъ лишь съ натяжкой можно было отнести Ярославское Поволжье. Если старыя приказныя связи и соединяли Ярославль съ Новгородомъ[1]), то связи жизненныя скорѣе притягивали его къ Москвѣ. Вопросъ о близости къ губернскому центру имѣлъ также значеніе въ глазахъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта: на этомъ основаніи одно время и Тверскую провинцію написали было къ Москвѣ, такъ что, когда рѣшили оставить ее въ Новгородской губерніи, пришлось даже переправлять уже готовый протоколъ совѣта[2]). Вотъ какія причины привели къ тому, что три юго-восточныхъ провинціи прежней Петербургской губерніи были включены въ составъ губерніи Московской; при этомъ произошло и существенное измѣненіе въ ихъ составѣ: уже въ указѣ 14-го марта, назначавшемъ воеводъ въ провинціи, заключалось повелѣніе «Пошехонской провинціи не быть и города той провинціи Пошехонье и Романовъ приписать къ Ярославлю»[3]): съ уничтоженіемъ приписки Пошехонья къ Олонецкимъ верфямъ не было болѣе смысла и въ самостоятельномъ существованіи случайно выдѣленнаго Петромъ Пошехонья. Ярославская провинція, въ ея новомъ увеличенномъ составѣ, была присоединена къ Москвѣ указомъ 29 апрѣля 1727 года, устанавливавшимъ важнѣйшія территоріальныя измѣненія, сдѣланныя въ 1727 году; Углицкая провинція была присоединена къ Москвѣ немного позднѣе, указомъ 4 іюля того же года[4]).

Указъ 29-го апрѣля содержалъ также и нѣкоторыя другія постановленія, которыхъ нельзя не отмѣтить. Онъ вносилъ, прежде всего, очень значительныя измѣненія въ очертанія Сибирской и Казанской губерній, отдѣливъ отъ первой Соль-Камскую и Вятскую провинціи и включивъ ихъ во вторую. Поводы къ такому измѣненію совершенно ясно видны изъ неоднократныхъ обсужденій дѣла въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. Правительство наслѣдниковъ Петра не менѣе чѣмъ самъ преобразователь было озабочено правильнымъ и своевременнымъ поступленіемъ подушной подати; въ виду этого, съ возложеніемъ надзора за этой податью на губернаторовъ и воеводъ было предписано возможно скорѣе передавать уже собранныя суммы по командѣ отъ земскихъ комиссаровъ до губернаторовъ, отъ которыхъ ихъ получали спеціальные офицеры, присланные изъ военной коллегіи[5]). Вводившій это постановленіе указъ 16 марта 1727 года силою вещей выдвинулъ вопросъ о сокращеніи разстояній при пересылкѣ подушныхъ денегъ по различнымъ инстанціямъ; неизбѣжныя проволочки, дальнія разстоянія и отсутствіе безопасности объясняютъ въ достаточной степени нижеслѣдующее мнѣніе членовъ верховнаго тайнаго совѣта: «есть многіе города ближе и способнѣе къ Мо-

---

[1]) *Милюковъ*, Государственное хозяйство, 336.

[2]) Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 453.

[3]) П. С. З. т. VII, № 5029, Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 447, 453.

[4]) П. С. З. т. VII, №№ 5065, 5115; Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 825.

[5]) П. С. З., т. VII, № 5037.

сквѣ и къ Санктпетербургу, нежели къ своимъ губерніямъ; Вятка и Соль-Камская приписаны къ губерніи Сибирской, а оныя два мѣста отъ Тобольска разстояніемъ болѣе 1000 верстъ, а къ Казани гораздо ближе, —того для, оные два города нынѣ приписать къ Казанской губерніи». О судьбѣ Вятской и Соль-Камской провинцій разсуждали въ засѣданіяхъ 23-го марта 11-го и 18-го апрѣля и, наконецъ, рѣшили его передать ихъ въ составъ Казанской губерніи[1]). Затѣмъ, указъ 2 апрѣля 1727 года содержитъ еще одно интересное постановленіе объ Архангелогородской губерніи. Архангелогородскому губернатору предписывалось жить въ Архангельскѣ только лѣтомъ «и до тѣхъ поръ пока ярманка окончится, а зимою для способности къ другимъ провинціямъ жить въ Вологдѣ или другомъ городѣ для исправленія дѣлъ»[2]). «Способность» эта также заключалась въ большей близости Вологды къ обѣимъ столицамъ, что дѣлало болѣе удобнымъ сосредоточеніе въ ней подушныхъ и другихъ сборовъ передъ отправленіемъ ихъ въ столицу; распоряженіе это указываетъ также на значеніе, которое Вологда продолжала сохранять въ сѣверномъ краѣ. Еще ранѣе, чѣмъ указанныя измѣненія въ сѣверныхъ губерніяхъ, произошло существенное измѣненіе на югѣ страны: 1-го марта «Бѣлогородская провинція учинена особливою губерніею[3])»; въ отдѣленіи прежней Польской украйны отъ далекаго и окраиннаго Кіева можно видѣть проявленіе той же заботы о сокращеніи пересылки подушныхъ сборовъ, составлявшихъ едва ли не главный устой тогдашняго государственнаго бюджета.

Изъ журналовъ верховнаго тайнаго совѣта видно, что отъ прежней Кіевской губерніи была отдѣлена только Бѣлгородская провинція: провинціи Орловскую и Сѣвскую попрежнему предполагалось оставить въ составѣ Кіевской губерніи, которая, такимъ образомъ, должна была состоять изъ двухъ почти равныхъ по территоріи, но совершенно различныхъ по управленію, частей — Малорусской, составлявшей собственно Кіевскую провинцію, съ автономными полками, и Великорусской, заключавшей въ себѣ двѣ помянутыхъ сейчасъ провинціи. Изъ Орла, Мценска, Новосили денежные сборы попрежнему, раньше, чѣмъ попасть въ Петербургъ, пришлось бы отправлять въ Кіевъ. Такое положеніе вещей и несомнѣнно тѣсная связь Орловской и Сѣвской провинцій съ другими мѣстностями прежней Польской украйны, составившими Бѣлгородскую губернію, были причиною того, что сейчасъ же послѣ образованія Бѣлгородской губерніи и, во всякомъ случаѣ, еще въ теченіе 1727 года обѣ эти провинціи были отдѣлены отъ Кіевской губерніи и присоединены къ Бѣлгородской[4]).

---

[1]) Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 400, 448, 453; П. С. З. т. VII, № 5065.

[2]) Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 400, 448, 453; П. С. З. т. VII, № 5065.

[3]) Сб. Р. И. О. т. LXIII, стран. 408.

[4]) Указа объ этомъ въ П. С. З. не имѣется; но во второй половинѣ 1727 года обѣ провинціи числились уже въ составѣ Бѣлгородской губерніи: Брянск. воев. канц., оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 250.

Таковы главнѣйшія измѣненія въ губернскомъ и провинціальномъ дѣленіи, сдѣланныя въ 1727 году; они могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ причинамъ: неудобство Петербурга, какъ губернскаго центра, разрушило громадную Петровскую Петербургскую губернію; стремленіе создать болѣе короткіе и удобные каналы, по которымъ казенные доходы должны были стекаться въ центральныя кассы, вызвало остальныя измѣненія.

Съ проведеніемъ въ жизнь всѣхъ мѣропріятій по областному управленію, сдѣланныхъ при преемницѣ Петра I, имперія стала дѣлиться на 14 губерній, 47 провинцій, считая въ томъ числѣ 14 провинцій, центромъ которыхъ были губернскіе города, и болѣе 250 уѣздовъ, считая 61 уѣздъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ и 20 слишкомъ уѣздовъ пригородковъ [1]); въ это дѣленіе не входили 5 Слободскихъ полковъ и Украинская военная линія, состоявшая изъ нѣсколькихъ ландмилицкихъ полковъ.

---

[1]) Сохраняющаяся въ Государственномъ Архивѣ роспись губерній и провинцій 1727 года (Разр. XVI, д. 11) даетъ возможность подробно очертить областное дѣленіе, какъ оно установилось въ началѣ эпохи, служащей предметомъ моего спеціальнаго изученія.

I. Санктпетербургская губернія.

1. Петербургская провинція; города съ уѣздами: Петербургъ, Кронштадтъ, Шлиссельбургъ, Копорье, Ямбургъ, Нарва, Ивангородъ.

2. Выборгская провинція.

II. Новгородская губернія.

1. Новгородская провинція; города съ уѣздами: Новгородъ, Старая Русса, Порховъ, Ладога, Олонецъ.

2. Псковская провинція; города съ уѣздами: Псковъ, Гдовъ, Изборскъ, Опочка, Островъ, Ржева пустая, Заволочье.

3. Великолуцкая провинція; города съ уѣздами: Великія Луки, Торопецъ.

4. Тверская провинція; города съ уѣздами: Тверь, Торжокъ, Старица, Ржева Володимерова, Зубцовъ, Погорѣлое Городище.

5. Бѣлозерская провинція; города съ уѣздами: Бѣлоозеро, Устюжна, Каргополь, Чаронда.

III. Московская губернія.

1. Московская провинція; города съ уѣздами: Москва, Дмитровъ, Клинъ, Волоколамскъ, Руза, Можайскъ, Звенигородъ, Верея, Боровскъ, Малоярославецъ, Серпуховъ съ «Тарусскимъ и Оболенскими уѣдами,» Кашира, Коломна.

2. Ярославская провинція; города съ уѣздами: Ярославль, Пошехонье, Романовъ, Кинешма.

3. Углицкая провинція; города съ уѣздами: Угличъ, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ.

4. Костромская провинція; города съ уѣздами: Кострома, Буй, Судиславъ, Любимъ, Кадуй.

5. Суздальская провинція; городъ Суздаль съ его уѣздомъ.

6. Юрьевская провинція; города съ уѣздами: Юрьевъ Польскій, Лухъ, Шуя.

7. Переяславско-Залѣсская провинція; города съ уѣздами: Переяславль, Ростовъ.

8. Владимирская провинція; города съ уѣздами: Владимиръ, Муромъ, Гороховецъ.

Вслѣдъ за мѣропріятіями 1727 года наступаетъ довольно долгій періодъ, въ который областное дѣленіе отличается сравнительной устойчивостью. Онъ продолжается до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, когда можно отмѣтить нѣсколько мѣръ, являющихся пред-

9. Переяславль-Рязанская провинція; города съ уѣздами: Переяславль-Рязанскій, Пронскъ, Сапожокъ, Гремячій, Печерники, Зарайскъ, Михайловъ.

10. Тульская провинція; города съ уѣздами: Тула, Крапивна, Алексинъ, Дѣдиловъ, Богородицкой, Епифань, Веневъ.

11. Калужская провинція; города съ уѣздами: Калуга, Одоевъ, Воротынскъ, Мещовскъ, Масальскъ, П ремышль, Лихвинъ, Козельскъ, Серпейскъ.

IV. Ревельская губернія: составляетъ одну провинцію, совпадаетъ съ Эстляндіей.

V. Рижская губернія: составляетъ одну провинцію, включаетъ Лифляндію и островъ Эзель.

VI. Кіевская губернія.

Кіевская провинція, составляетъ одну провинцію заключающую въ себѣ Малороссію лѣвобережную, раздѣленную на двѣнадцать полковъ, пользовавшихся автономіей.

VII. Бѣлгородская губернія.

1. Бѣлгородская провинція, города съ уѣздами: Бѣлгородъ, Обоянь, Суджа, Валуйки, Чугуевъ, Мирополье, Яблоновъ, Карповъ, Болховецъ, Короча, Хотмыжскъ, Нежегольскъ, Салтовъ, Вольный, Олешня, Курскъ, Старый и Новый Осколы, Тополи, Полатовъ.

2. Сѣвская провинція; города съ уѣздами: Сѣвскъ, Рыльскъ, Путивль, Брянскъ, Трубчевскъ, Недрыгайловъ, Кромы, Карачевъ, Каменный.

3. Орловская провинція; города съ уѣздами: Орелъ, Мценскъ, Новосиль, Чернь, Бѣлевъ, Болховъ.

VIII. Воронежская губернія.

1. Воронежская провинція; города съ уѣздами: Воронежъ, Землянскъ, Демшинскъ, Умань, Орловъ, Костенскъ, Коротоякъ, Урывъ, Ольшанскъ, Усердъ, Верхососенскъ, Битюцкія и Корецкія волости; новопостроенныя крѣпости — Транжаментъ близъ Черкасскаго, Павловской, Тавровъ, Хоперская крѣпость.

2. Елецкая провинція; города съ уѣздами: Елецъ, Талецкой, Чернавскъ, Ливны, Ефремовъ, Данковъ, Лебедянь, Скопинъ.

3. Тамбовская провинція; города съ уѣздами: Тамбовъ, Козловъ, Доброй, Борисоглѣбскъ, Ряжскъ, Верхній и Нижній Ломовы, Инсаръ.

4. Шацкая провинція; города съ уѣздами: Шацкъ, Касимовъ, Темниковъ, Красная Слобода, Кадомъ, Елатьма, Керенскъ, Наровчать, Троицкой острогъ, Залѣсскій станъ.

5. Бахмутская провинція; города съ уѣздами: Бахмутъ, Райгородъ, Ямполь, Сухаревъ, Красненскій, Боровской, Айдаръ; къ желѣзнымъ заводамъ города: Бѣлоколодскъ, Сокольскъ, Романовъ.

IX. Смоленская губернія — одна провинція; города съ уѣздами: Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлая, Рославль, Вязьма.

X. Архангелогородская губернія.

1. Архангелогородская провинція; города съ уѣздами: Архангельскъ, Холмогоры, Вага, Кевроль, Мезень, Пустозерскъ, Кольскій острогъ.

2. Вологодская провинція; города съ уѣздами: Вологда, Тотьма.

3. Устюжская провинція; города съ уѣздами: Великій Устюгъ, Яренскъ, Соль-Вычегодская, Устьянскія волости.

вѣстниками грядущихъ коренныхъ перемѣнъ въ областномъ дѣленіи. Періодъ отъ 1727 до 1763/64 гг. характеризуется частичными измѣненіями административнаго дѣленія во внутреннихъ и сѣверныхъ губерніяхъ и немногими болѣе значительными перемѣнами въ составѣ губерній окраинныхъ, связанными, главнымъ образомъ, съ поступательнымъ движеніемъ русскаго народа и государства на югъ и востокъ.

Я отдѣлю прежде всего тѣ губерніи, въ составѣ которыхъ не произошло до вступленія на престолъ Екатерины II никакихъ измѣненій; границы губерній, провинцій и уѣздовъ, такъ же какъ и ихъ число, остались тѣми же. Это были губерніи — Московская, Новгородская, Нижегородская, Архангелогородская, Смоленская и Ревельская [1]).

---

4. Галицкая провинція; города съ уѣздами: Галичъ, Соль-Галицкая, Чухлома, Пароеньевъ, Кологривъ, Судай, Унжа.

XI. Казанская губернія.

1. Казанская провинція; города съ уѣздами: Казань, Уржумъ.

2. Вятская провинція; города съ уѣздами: Вятка, Кайгородъ, Кунгуръ.

3. Соликамская провинція: города съ уѣздами: Соль-Камская, Пермь Великая, Чердынь.

4. Свіяжская провинція; города съ уѣздами: Свіяжскъ, Кокшайскъ, Царевъ-Кокшайскъ, Цывильскъ, Чебоксаръ, Яранскъ, Царевъ-Санчурскъ, Василь, Козьмодемьянскъ.

5. Пензенская провинція: города съ уѣздами: Пенза, Мокшанской, Саранскъ, пригородокъ Рамзаевскій.;

6. Уфимская провинція — городъ Уфа съ уѣздомъ.

XII. Нижегородская губернія.

1. Нижегородская провинція; города съ уѣздами: Нижній Новгородъ, Балахна, Юрьевецъ.

2. Арзамасская провинція; городъ Арзамасъ съ уѣздомъ.

3. Алатырская провинція; города съ уѣздами: Алатырь, Курмышъ, Ядринъ.

XIII. Астраханская губернія; — одна провинція; города съ уѣздами: Астрахань, Красный Яръ, Черный Яръ, Яицкій, Гурьевъ, Терекъ, Саратовъ, Царицынъ, Сызрань, Петровскъ, Самара, Дмитровскъ, Симбирскъ съ пригороды.

XIV. Сибирская губернія.

1. Тобольская провинція; города съ уѣздами: Тобольскъ, Тюмень, Туринскъ, Березовъ, Тара, Пелымъ, Верхотурье, Сургутъ; крѣпости: Камышевская, Семипалатная, Усть-Каменская, Омская, Желѣзенская.

2. Енисейская провинція; города съ уѣздами: Енисейскъ, Красноярскъ, Томскъ, Нарымъ, Мангазея, Кузнецкъ, Кетскъ.

3. Иркутская провинція; города съ уѣздами: Иркутскъ, Верхоленскъ, Селенгинскъ, Удинскъ, Илимскій острогъ, Баргузинъ, Ильинскій острогъ, Балаганскій острогъ, Нерчинскъ, Якутскъ, Камчатка.

Внѣ этого дѣленія стоятъ автономные Слободскіе казачьи полки, территорія которыхъ была отчасти черезполосной съ Бѣлогородской и Воронежской губерніями и ландмилицкіе полки, составлявшіе военную территорію Украинскаго корпуса.

Областное дѣленіе 1727 г. поясняется картой II.

[1]) Въ 40-хъ гг. въ сенатѣ обсуждался проектъ довольно значительныхъ измѣненій въ составѣ и границахъ губерній, изъ которыхъ главнымъ было предполагаемое сліяніе Новгородской и Петербургской губерній. Проектъ этотъ, однако, не получилъ осуществленія. Исторія прав. сената, т. II, стран. 235—236.

Измѣненія, происшедшія въ губерніяхъ западныхъ и сѣверныхъ, сводятся къ слѣдующему. Въ 1744 году, послѣ окончанія войны со Швеціей и присоединенія нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстъ Финляндіи повелѣно было «изъ всѣхъ новозавоеванныхъ мѣстъ, присовокупя къ тому Выборгскую и Кексгольмскую провинціи, сочинить вновь губернію и въ оную опредѣлить губернатора»; главнымъ городомъ губерніи долженъ былъ быть Выборгъ. Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ и Нейшлотъ, говорилось далѣе въ указѣ, «соединить въ одно правленіе и именовать Кюменегорскою провинціей; Кексгольмъ съ уѣздомъ именовать провинціей же, и быть онымъ провинціямъ въ вѣдомствѣ Выборгской губерніи»[1]). Такимъ образомъ, отъ Петербургской губерніи отдѣлилась вся ея сѣверная часть, составившая новую губернію съ 3 провинціями; столичная же губернія съ этого времени ограничивалась ближайшими окрестностями Петербурга, составляя менѣе половины теперешней Петербургской губерніи, и охватывая пространство, почти совпадавшее съ территоріей, бывшею въ XVI и XVII вѣкахъ предметомъ спора между Швеціей и Москвой.

Составъ губерніи Рижской нѣсколько измѣнился въ 1731 году выдѣленіемъ изъ нея острова Эзеля въ видѣ особой провинціи, подчиненной Рижской губерніи, «и въ той провинціи быть ландсгевдингу, какъ при послѣднемъ шведскомъ владѣніи было, а изъ русскихъ ли или изъ тамошняго шляхетства, о томъ доложить Ея Императорскому Величеству»[2]).

Вдоль южныхъ границъ, какъ я уже говорилъ выше, измѣненій за тридцатипятилѣтіе между 1727 и 1763 годами произошло нѣсколько болѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Въ частности, относительно Бѣлгородской губерніи, можно отмѣтить упраздненіе нѣсколькихъ самостоятельныхъ уѣздовъ. Въ 1732 году сенатъ изъ доношеній Бѣлгородскихъ губернскихъ властей узналъ, что въ городахъ Алешнѣ и Болховцѣ, кромѣ однодворцевъ, положенныхъ въ подушный окладъ, обывателей никого нѣтъ, и за неимѣніемъ челобитчиковыхъ дѣлъ «въ сборѣ пошлинъ не бываетъ, и на исправленіе дѣлъ бумаги, свѣчъ и чернилъ купить не на что и посылокъ и карауловъ содержать некѣмъ». А между тѣмъ, «напредъ сего приписаны были Алешня къ Вольному, а Болховецъ къ Бѣлугороду». Въ виду этого сенатъ, указомъ 1 мая 1732 года, распорядился возстановить прежнее подчиненіе этихъ городовъ Вольному и Бѣлгороду и упразднилъ самостоятельныя въ нихъ воеводства [3]). Въ прямой связи съ только что приведеннымъ распоряженіемъ стоитъ другой указъ, изданный четыре мѣсяца спустя, 4-го сентября того же года. Новымъ «доношеніемъ» Бѣлгородская губернія сообщила, что той же губерніи городъ Нежегольскъ также «обывателями малолюдный». «Двороваго числа числится въ немъ 309 дворовъ, а въ томъ числѣ пустоты — 165 дворовъ и отъ малолюдства и отъ градскихъ посылокъ отбыли многіе подушнаго оклада». Слѣдствіемъ создавшагося

---

[1]) П. С. З., т. X, № 8856.
[2]) П. С. З., VIII, 5797.
[3]) П. С. З., т. VIII, № 6036.

положенія было то, что сами мѣстные жители, состоявшіе почти исключительно изъ однодворцевъ, просили о припискѣ города Нежегольска къ Бѣлгороду. Сенатъ согласился съ представленіемъ Бѣлгородской губернской канцеляріи, а воеводу предписалъ выслать въ герольдмейстерскую контору [1]).

Очень похожія явленія наблюдались въ сосѣдней Воронежской губерніи, хотя они и вызваны были другими причинами. Въ числѣ уѣздныхъ городовъ Шацкой провинціи, получившихъ въ 1729 году самостоятельныхъ воеводъ, была Елатьма, но первый же воевода этого города, капитанъ Ермоловъ, изобличенный во взяткахъ и въ самоуправствѣ, бѣжалъ въ 1729 году отъ назначеннаго надъ нимъ слѣдствія, а мѣстная посадская община била челомъ о томъ, «чтобы у нихъ впредь особливымъ воеводамъ не быть, для того что въ Елатьмѣ служилыхъ людей и разночинцевъ также и уѣзду ничего не имѣется, токмо одни посадскіе». Желаніе Елатемскаго посада было исполнено, и городъ съ его маленькимъ уѣздомъ былъ приписанъ непосредственно къ Шацку [2]). За годъ до того, другой городъ Воронежской губерніи, Скопинъ, былъ лишенъ самостоятельныхъ воеводъ на томъ основаніи, что весь его уѣздъ состоялъ исключительно изъ дворцовыхъ конюшенныхъ волостей, вѣдомыхъ въ конюшенномъ приказѣ [3]). Въ Воронежской губерніи возникалъ и болѣе серіозный вопросъ о положеніи ея южной окраины, составлявшей Бахмутскую провинцію. Въ 30-хъ годахъ, во время войнъ съ Турціей, воеводская власть то замѣнялась въ ней чисто военной властью коменданта, то вновь возстанавливалась; при этомъ возбуждался вопросъ о перенесеніи провинціальнаго управленія изъ Бахмута, «который въ самой близости границы Турецкой» и гдѣ управленію, «при нынѣшнихъ коньюнктурахъ, небезопасно быть разсуждается», въ болѣе отдаленное отъ возможныхъ военныхъ дѣйствій мѣсто «по усмотрѣнію Воронежскаго губернатора». Впрочемъ, это было явленіемъ временнымъ; при Елизаветѣ Бахмутская провинція, какъ и ранѣе, занимаетъ свое мѣсто въ составѣ Воронежской губерніи. Еще одною особенностью управленія Бахмутской провинціи является ея близость и, временами, полное совпаденіе съ мѣстной соляной администраціей [4]).

Поволжье и Заволжье было мѣстомъ самой оживленной колонизаціи, самаго быстраго и дѣятельнаго наступательнаго движенія русскаго государства на не вполнѣ еще покоренное южное Пріуралье. Этимъ объясняются колебанія и измѣненія въ составѣ и границахъ Казанской и Астраханской губерній, несомнѣнно, самыя значительныя въ Европейской Россіи. Прежде всего подвергся большимъ перемѣнамъ самый рубежъ Казанской и Астраханской губерній. По росписанію 1727 года,

[1]) П. С. З., т. VIII, № 6172.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5477.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 5240.

[4]) П. С. З., т. IX, № 6469, Сб. Р. И. О., т. CXVII, стран. 118, 119; Журн. Сената за 1737 г., т. I, стран. 88; Дѣла Бахмутской провинц. канц., оп. 1, вяз. 1.

Симбирскъ принадлежалъ къ Астраханской губерніи, не составляя особой провинціи; въ 30-хъ годахъ онъ перешелъ въ составъ Казанской губерніи, образовавъ въ ней особую провинцію, чѣмъ уничтожилась допущенная въ 1727 году чрезполосность Казанской губерніи, въ которой Пензенская провинція была отдѣлена отъ остальной губерніи, именно, мѣстностями, составившими Симбирскую провинцію[1]). Въ 1739 году и болѣе южный Саратовъ оказался въ двойномъ подчиненіи — и Казанской и Астраханской губерніи: это случилось съ того года, какъ въ Астраханской губерніи «была опасная болѣзнь». Саратовъ остался внѣ карантиннаго оцѣпленія и временно былъ присоединенъ къ Симбирской провинціи Казанской губерніи; по просьбѣ мѣстнаго купечества, сенатъ вновь передалъ этотъ городъ въ составъ Астраханской губерніи[2]). Въ 1750 году, подобно тому какъ это было въ 30-хъ годахъ въ Бахмутѣ, и Саратовское воеводское управленіе, во избѣжаніе «продолженій и затрудненій», существовавшихъ между воеводской канцеляріей и солянымъ комиссарствомъ, было соединено съ соляной администраціей[3]).

Поступательное движеніе русскаго государства въ Пріуральѣ сказалось, съ одной стороны, въ учрежденіи нѣсколькихъ новыхъ административныхъ центровъ и въ перенесеніи къ югу центра Пермской провинціи, а съ другой — въ выдѣленіи Уфимской провинціи въ самостоятельную единицу и въ учрежденіи новой губерніи — Оренбургской. Борьба съ башкирцами и отдаленность средняго Пріуралья отъ Казани поставили передъ центральнымъ правительствомъ вопросъ объ образованіи изъ Вятской, Уфимской и Пермской провинцій особой, новой губерніи, управленіе которой съ вице-губернаторомъ во главѣ должно было быть сосредоточено въ городѣ Кунгурѣ[4]). Проектъ этотъ, однако, осуществленъ не былъ, но 2 года спустя Пермскій провинціальный воевода былъ все же переведенъ изъ Соли-Камской въ тотъ же Кунгуръ; одновременно съ этимъ были учреждены воеводскія управленія въ Осѣ и Красноуфимскѣ[5]). Что касается Уфимской провинціи, то она еще въ 1728 году была выдѣлена изъ подчиненія Казанской губерніи и сдѣлана отдѣльной провинціей «въ особливомъ вѣдомствѣ Сената»[6]). Во главѣ этой самостоятельной

[1]) Указа объ образованіи Симбирской провинціи и присоединеніи ея къ Казанской губерніи въ П. С. З. нѣтъ; въ 1739 г. Симбирская провинція въ составѣ Симбирска, Карсуня и Петровска съ ихъ уѣздами уже числится въ Казанской губерніи. Дѣла Сената, кн. 12/109, лл. 404—409; какъ видно изъ П. С. З., т. X, № 7965, это измѣненіе должно было произойти за нѣсколько лѣтъ до 1739 г. Есть указанія на то, что приписка Симбирска къ Казанской губерніи произошла въ 1728 г. *Суперанскій*, Симбирскъ и его прошлое, стран. 16. (Изд. Симбирской Ученой Архивной Комиссіи. Симб. 1899 г.).

[2]) П. С. З., т. X, № 7965.

[3]) П. С. З., т. XIII, № 9725.

[4]) Сб. Р. И. О., т. CXI, стран. 146.

[5]) П. С. З., т. X, № 7347.

[6]) За исключеніемъ однако подушныхъ сборовъ съ русскихъ уѣздныхъ людей, которые по прежнему должны были поступать въ Казанскую губ. канц. П. С. З., т. VIII, №№ 5316, 5318.

провинціи стоялъ въ 30-хъ годахъ даже не воевода, а вице-губернаторъ; такое выдѣленіе было сдѣлано вслѣдствіе челобитья башкирцевъ и какъ-будто имѣло въ виду ихъ интересы. Однако, образованіе самостоятельнаго областного центра на крайнемъ юго-востокѣ подсказывалось силою вещей: государство подходило къ этому ощупью и пыталось разрѣшить назрѣвшую необходимость, то учреждая самостоятельную Уфимскую провинцію, то обсуждая вопросъ о губерніи Кунгурской. Но ключъ къ рѣшенію вопроса находился въ другомъ мѣстѣ — онъ былъ связанъ съ энергичной военно-колонизаціонной дѣятельностью, возникшей въ послѣпетровское время на самой дальней пограничной чертѣ, опоясавшей Башкирію съ юга. Дѣятельность эта, связанная съ именами Кирилова, Татищева и Неплюева, была сосредоточена въ такъ называемой Оренбургской, сначала, «экспедиціи», потомъ «комиссіи», центромъ управленія которой была въ 30-хъ годахъ Самара, сама по себѣ принадлежавшая къ Астраханской губерніи. Въ вѣдѣніи Оренбургской экспедиціи и комиссіи находились первоначально мѣстности по верхнему и среднему Яику, гдѣ въ 1734 году былъ построенъ городъ Оренбургъ, и длинная линія крѣпостей, соединявшая Оренбургъ съ Самарой [1]). Въ 1737 году въ вѣдѣніе Оренбургской комиссіи перешла Исецкая провинція, образованная вновь «изъ Исецкаго, Окуневскаго и Шадринскаго уѣздовъ и всѣхъ зауральскихъ башкирцевъ», съ провинціальнымъ центромъ сначала въ Чебаркулѣ, потомъ Челябинской крѣпости, на азіатскомъ склонѣ южнаго Урала[2]). Такимъ образомъ, въ концѣ 30-хъ годовъ на юго-восточной окраинѣ образовались два независимыхъ одно отъ другого и совершенно самостоятельныхъ областныхъ дѣленія — Уфимская провинція и окаймлявшая ее съ юго-запада, юга и юго-востока — территорія Оренбургской комиссіи, съ принадлежавшей къ ней Исецкой провинціей. Вопросъ соединенія этихъ двухъ дѣленій, неразрывно связанныхъ общими политическими задачами, общими военными предпріятіями и общей колонизаціонной дѣятельностью, былъ вопросомъ времени. Онъ былъ разрѣшенъ съ появленіемъ въ этомъ отдаленномъ краѣ талантливаго, энергичнаго и вліятельнаго въ Петербургѣ администратора — Неплюева: указомъ 15 марта 1744 года повелѣно было учредить Оренбургскую губернію, въ которой «вѣдомымъ быть всѣмъ тамошнимъ крѣпостямъ, да той же губерніи подъ вѣдомствомъ состоять по прежнему Исетской провинціи и съ зауральскими башкирами, да нынѣ вновь той губерніи подчинить и Уфимскую провинцію со всѣми башкирскими дѣлами такимъ порядкомъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ провинціи при-

---

[1]) Объ Оренбургской экспедиціи и комиссіи — см. *Фирсова*, Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства и колонизація закамскихъ степей, Казань, 1869 г. *Рычкова*, Исторія Оренбургская, Оренб. 1896 г. и *Витевскаго*, И. И. Неплюевъ, 2 т., Казань, 1889—1897 гг. Нѣкоторыя данныя о военномъ управленіи и колонизаціи края—въ моей статьѣ «Изъ исторіи передвиженій населенія въ XVIII вѣкѣ». Чт. О. Ист. и Древ. Росс. 1908, кн. I.

[2]) П. С. З. т. X, №№ 7347, 8783.

писаны»[1]). Такъ къ половинѣ вѣка на юго-восточной окраинѣ возникла новая губернія съ тремя провинціями.

Остается сказать нѣсколько словъ о губерніи Сибирской: въ 1736 году «для лучшаго въ дѣлахъ исправленія» громадная Сибирь была раздѣлена на два независимыхъ одно отъ другого управленія: Иркутская провинція была сдѣлана самостоятельной и, подобно Уфимской до учрежденія Оренбургской губерніи, ввѣрена особому вице-губернатору, подчиненному прямо Сибирскому приказу, минуя Сибирскаго губернатора, попрежнему управлявшаго Тобольской и Енисейской провинціями; это было начало раздѣленія Сибири на западную и восточную[2]).

Постепенное заселеніе губерній Казанской, Оренбургской и Сибирской приводило къ появленію новыхъ уѣздовъ и въ нихъ городовыхъ воеводъ. Такъ, уже послѣ 1727 года появились воеводы въ Бирскѣ, Мензелинскѣ, Бугульмѣ, Ишимѣ и другихъ городахъ по обѣ стороны Уральскихъ горъ.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II начинается второй и послѣдній періодъ исторіи областного дѣленія въ изучаемые полвѣка, — періодъ подготовки къ областной реформѣ 1775 года. Измѣненія, внесенныя на административную карту Россіи между 1762 и 1775 годами можно раздѣлить на общія и частныя. Общія стоятъ въ непосредственной связи съ той предварительной, малой административной реформой, которую Екатерина провела въ первые два года своего царствованія и которая выразилась въ изданіи новой инструкціи губернаторамъ, въ составленіи новыхъ штатовъ областного управленія и въ стараніяхъ водворить честность среди представителей правительства въ провинціи. Частныя измѣненія вытекаютъ изъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на югѣ, въ Новороссіи, и на западѣ, въ Бѣлоруссіи, и изъ реорганизаціи Слободскихъ казачьихъ полковъ.

Измѣненія общаго характера были проведены штатами 1763 года и указомъ 11 октября 1764 года[3]), содержаніе котораго поставлено въ прямую связь съ первыми. Уже штаты 1763 года упразднили самостоятельное управленіе въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ[4]), указъ 1764 года пошелъ еще далѣе. «Изыскивая избавить нашихъ вѣрноподданныхъ отъ взятковъ судей и канцелярскихъ служителей», гласили первыя слова указа 11-го октября, «прошлаго 1763 года, декабря 15-го, въ изданныхъ штатахъ положили мы судьямъ и канцелярскимъ служителямъ

---

[1]) П. С. З., т, XII, № 8901.

[2]) П. С. З., т. IX, № 6876.

[3]) П. С. З., т. XVI, №№ 11991 12259.

[4]) Новгородской губ.: въ г. Изборскѣ; Архангелогородской губерніи: въ гг. Холмогорахъ, Мезени, Колѣ; Московской губ.: въ гг. Богородицкомъ и Воротынскѣ; Бѣлгородской губ.: въ гг. Недрыгайловѣ и Каменномъ; Воронежской губ.: въ г. Урывѣ; Казанской губ.: въ гг. Василѣ, Орловѣ и Чердыни; Оренбургской губ.: въ гг. Бирскѣ, Красноуфимскѣ, Бугульмѣ, Табынскѣ, Сергіевскѣ и Елдяцкѣ Сибирской губ.: въ гг. Ишимѣ и Ялуторовскѣ. П. С. З. т. XVI, № 12259.

довольное жалованье, которое съ начала сего 1764 года и производить повелѣли». Для уплаты жалованья были частью введены вновь, частью усилены нѣкоторые косвенные налоги съ тою цѣлью, «чтобъ та на жалованье сумма не коснулась народной тягости, а весь сборъ основаніе свое имѣлъ отъ самопроизвольнаго желанія и отъ приносимой каждому по тяжебнымъ дѣламъ прибыли[1]). Такъ какъ принципъ единства государственной кассы въ XVIII вѣкѣ не примѣнялся, то поступавшія отъ новыхъ налоговъ суммы должны были расходоваться на жалованье чиновникамъ на мѣстахъ; отсюда пріобрѣтала огромную важность возможная равномѣрность территоріальныхъ дѣленій: служащимъ во всѣхъ областныхъ учрежденіяхъ было опредѣлено равное жалованье, «не разбирая того, что одного уѣздъ многочисленнѣе другого», и что новый «сборъ не можетъ быть всякій годъ равнымъ»; чтобы не получилось въ однихъ мѣстностяхъ избытка новыхъ налоговъ, тогда какъ въ другихъ воеводы и канцеляристы оставались бы безъ жалованья и чтобы сборъ на жалованье «всегда въ свое время на раздачу былъ достаточенъ», предположено было принять слѣдующія мѣры. Губернаторамъ предписывалось «разсмотрѣть о состоящихъ и положенныхъ въ штатъ въ ихъ губерніяхъ городахъ», и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ уѣздомъ имѣется по послѣдней ревизіи не болѣе 10.000 душъ, присоединить къ другимъ городамъ съ назначеніемъ, гдѣ окажется нужнымъ, особыхъ комиссаровъ вмѣсто воеводъ «или же, соединя 2, 3 и 4 таковыхъ уѣзда, приписать къ одному городу, наблюдая, чтобъ вновь учрежденная воеводская канцелярія была въ срединѣ всего соединеннаго уѣзда», а самые уѣзды не превосходили бы 30.000 душъ; далѣе, губернаторамъ предоставлялось убѣдиться, что «всѣ уѣзды по нынѣшнему раздѣленію для жителей выгодны», а въ противномъ случаѣ, измѣнять границы уѣздовъ и округлять ихъ, стараясь, чтобы и въ этихъ уѣздахъ административный центръ былъ, по возможности, въ его серединѣ. Къ указу было приложено «по заочности сочиненное росписаніе» уѣздныхъ городовъ, по губерніямъ и провинціямъ съ предписаніемъ привести его въ исполненіе, «если не препятствуетъ какая неудобность»; въ противномъ же случаѣ, губернаторамъ разрѣшалось составить свой собственный проектъ поправокъ къ сенатскому расписанію.

Не затрогивая губернскаго и провинціальнаго дѣленія, указъ 11 октября 1764 года вводилъ слѣдующія измѣненія въ составѣ городовъ, имѣвшихъ воеводское управленіе. Въ Рязанской провинціи Московской губерніи число такихъ городовъ съ 7 понижалось до 4: въ Сапожкѣ, Гремячемъ, Печерникахъ воеводы упразднялись, а территоріи ихъ уѣздовъ расписывались по другимъ сосѣднимъ городамъ; такая же участь постигала въ Новгородской губерніи города Ладогу, Порховъ и Гдовъ. Въ Бѣлгородской губерніи соединялись вмѣстѣ въ одинъ уѣздъ

[1]) П. С. З., XVI, № 11988: реестръ положеннымъ по новымъ штатамъ на жалованье сборамъ № 12259.

съ одной общей воеводской канцеляріей — 1) Чугуевъ, Вольный, Алешня, Хотмыжскъ, 2) Суджа, Мирополье и Карповъ, 3) Новый Осколъ и Яблоновъ, 4) Валуйки, Полатовъ; кромѣ того, въ Сѣвской провинціи, той же губерніи, Трубчевскъ присоединялся къ Брянску. Въ предѣлахъ Воронежской губерніи вводились слѣдующія измѣненія: соединялись вмѣстѣ: 1) Коротоякъ, Верхососенскъ и Ольшанскъ, 2) Сокольскъ, Бѣлоколодскъ, Романовъ и Демшинскъ, 3) Усмань и Орловъ, 4) Краснослободскъ, Троицкій острогъ, Наровчатъ; Костенскъ и Землянскъ присоединялись къ Воронежу, Чернавскъ — къ Ельцу, Доброй — къ Козлову. Упразднялись воеводы въ Борисоглѣбскѣ. Въ Казанской губерніи соединялись вмѣстѣ: 1) Сызрань и Самара, 2) Царево-Санчурскъ и Яранскъ, 3) Царево-Кокшайскъ и Кокшайскъ; Карсунь и Петровскъ присоединялись къ Симбирску, Мокшанскъ — къ Пензѣ, Кайгородокъ — къ Слободскому. Въ Галицкой провинціи Архангельской губерніи, соединялись вмѣстѣ Кологривъ и Судай, и упразднялись воеводы въ Солигаличѣ. Въ Алатырской провинціи Нижегородской губерніи Ядринъ приписывался къ Курмышу. Въ Сибирской губерніи соединялись вмѣстѣ: 1) Тюмень и Краснослободскій острогъ, 2) Верхотурье, Туринскъ, Пелымъ. Воеводы упразднялись въ Сургутѣ, Нарымѣ, Кетскѣ, Березовѣ и Мангазеѣ.

Таково содержаніе указа 11 октября 1764 года. Возникаетъ, однако, вопросъ, въ какой степени онъ былъ осуществленъ на практикѣ. Есть много данныхъ за то, что его осуществленіе было запоздалымъ и далеко не полнымъ. Во-первыхъ, ждали губернаторскихъ замѣчаній: изъ нѣкоторыхъ губерній они поступали въ видѣ многочисленныхъ мотивированныхъ возраженій на сенатское «росписаніе» городовъ; такими были, напримѣръ, губернаторскія замѣчанія по Воронежской губерніи, едва ли не наиболѣе затронутой расписаніемъ[1]). Когда замѣчанія поступили изъ всѣхъ губерній, они были «поднесены» императрицѣ; это было въ январѣ 1768 года. Но Екатерина не спѣшила высказать своего мнѣнія, вѣроятно, потому, что всѣ вопросы внутренняго переустройства были въ концѣ 60-хъ годовъ поручены большой комиссіи. Въ 1773 году еще не было постановлено никакого рѣшенія по поводу этихъ замѣчаній[2]), между тѣмъ, въ городахъ, гдѣ воеводскія канцеляріи были предназначены къ упраздненію, онѣ на самомъ дѣлѣ продолжали существовать и дѣйствовать; такъ было, навѣрное, въ Сапожкѣ, Соль-Галичѣ, Трубчевскѣ, Порховѣ, Ладогѣ и Гдовѣ[3]). Очень вѣроятно, что воеводы уцѣлѣли и въ другихъ городахъ, предназначенныхъ къ соединенію, и такимъ образомъ, указъ 11 октября 1764 года является законодательнымъ актомъ почти исключительно теоретическаго значенія.

---

1) Гос. Арх. Разр. XVI, д. 650.

2) П. С. З., XIX, № 13966.

3) Въ этомъ убѣждаютъ наглядно дѣла воеводскихъ канцелярій этихъ городовъ въ Арх. Мин. Юстиц.

Перечисленныя только что измѣненія должны были коснуться болѣе всего старинныхъ окраинъ Московскаго царства, гдѣ необходимость военной обороны привела, въ свое время, къ возникновенію большого числа городовъ-крѣпостей; теперь, близкіе одинъ къ другому и ненужные въ стратегическомъ отношеніи, силою вещей, они теряли свой прежній рангъ. Въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, напримѣръ въ Новгородской губерніи, наоборотъ, городовъ было слишкомъ мало. Громадный Новгородскій уѣздъ, съ его пятью пятинами, былъ слишкомъ неудобенъ для управленія. Здѣсь приходилось думать не объ уменьшеніи, а объ увеличеніи числа городовъ. По представленію Сиверса въ 1770 году были переименованы въ города Вышній Волочекъ, села Боровичи и Валдай и Осташковская слобода, а три года спустя къ нимъ были приписаны уѣзды и въ нихъ было учреждено воеводское управленіе на общемъ основаніи; территоріи уѣздовъ Боровицкаго, Валдайскаго и Вышневолоцкаго были взяты отъ стараго Новгородскаго уѣзда, къ Осташкову отошла половина стариннаго Ржевскаго уѣзда[1]). Въ этомъ же году послѣдовало преобразованіе и расчлененіе другого большого уѣзда — Олонецкаго; весь онъ, въ цѣломъ, былъ преобразованъ въ провинцію съ раздѣленіемъ ея на три уѣзда: при городѣ Олонцѣ, при вновь основанномъ городѣ Вытегрѣ и при Падангскомъ погостѣ; къ Вытегорскому уѣзду приписывалась смежная часть Бѣлозерскаго уѣзда[2]).

Я только что говорилъ, что еще въ январѣ 1768 года императрицѣ «поднесены» были губернаторскія замѣчанія на территоріальныя измѣненія, введенныя указомъ 11 октября 1764 года; Екатерина не торопилась ихъ разсмотрѣніемъ, и сенатъ «вновь утрудилъ Императрицу докладомъ» по этому поводу въ 1773 году. Побужденіемъ къ такому шагу послужило донесеніе Сиверса о положительныхъ результатахъ только что совершившагося учрежденія городовъ Валдая, Осташкова, Вышняго Волочка и Боровичей; отдѣленіе части Новгородскаго уѣзда къ этимъ городамъ, доноситъ Сиверсъ, «оказалось всѣмъ жителямъ тѣхъ мѣстъ толь великимъ благодѣяніемъ», приблизивъ къ нимъ административные центры, что губернаторъ видѣлъ себя вынужденнымъ настаивать, чтобы постановленіе указа 1764 года объ упраздненіи уѣздовъ Ладожскаго, Порховскаго и Гдовскаго, уже опротестованное Сиверсомъ ранѣе, было рѣшительно отмѣнено. Мало того, онъ настаивалъ на учрежденіи еще одного уѣзднаго центра на территоріи старинной Обонежской пятины — Тихвина; представленіе Сиверса было уважено, и воеводское управленіе не только осталось въ Ладогѣ, Порховѣ и Гдовѣ, но было учреждено и въ Тихвинѣ[3]).

Таковы были измѣненія общаго характера, происходившія и долженствовавшія происходить въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ областномъ дѣленіи имперіи. Перехожу теперь къ измѣненіямъ мѣстнаго харак-

---

1) П. С. З., т. XIX, №№ 13468, 13780.
2) П. С. З., т. XIX, № 14088.
3) П. С. З., т. XIX, № 13966.

тера, вытекавшимъ, какъ уже было сказано, изъ новыхъ пріобрѣтеній и изъ политики объединенія автономныхъ окраинъ съ имперіей. Начну съ послѣднихъ. Екатерина не тронула балтійскихъ губерній: она мало коснулась въ первое десятилѣтіе своего царствованія и собственной Малороссіи, автономію которой, впрочемъ, уже фактически подточило управленіе малороссійской коллегіи и гетманство Разумовскаго. По отношенію къ Малороссіи, въ самомъ концѣ изучаемой эпохи была сдѣлана даже какъ бы нѣкоторая уступка: указомъ 20 октября 1775 года, изданнымъ всего за три недѣли до Учрежденія о губерніяхъ, губернскія учрежденія въ Кіевѣ были уничтожены, и онъ, на короткій срокъ, до введенія въ Малороссіи учрежденій 1775 года, присоединенъ былъ къ Малороссіи[1]). Но Екатерина въ корень измѣнила строй слободскихъ казачьихъ полковъ, обративъ ихъ въ новую Слободско-Украинскую губернію. Постепенное подготовленіе отмѣны автономіи Слободской украйны имѣетъ свою исторію, которую здѣсь не мѣсто пересказывать[2]). Уничтоженіе слободскихъ вольностей было произведено нѣсколькими послѣдовательными указами 1764 и 1765 годовъ[3]); послѣднимъ изъ нихъ, манифестомъ 28 іюля 1765 года, давалось новой губерніи и окончательное внѣшнее устройство; въ нее входила территорія всѣхъ пяти слободскихъ полковъ, раздѣленная теперь, вмѣсто полковъ, на пять провинцій: Харьковскую, Сумскую, Ахтырскую, Изюмскую и Острогожскую, съ губернскимъ правленіемъ въ Харьковѣ. Устройство Слободско-Украинской губерніи имѣло одну своеобразную особенность: Слободскому губернатору, кромѣ жителей указанной сейчасъ территоріи, были въ податномъ отношеніи подчинены также немногочисленные черкасы, разсыпанные на территоріи сосѣднихъ Бѣлгородской, Воронежской, Казанской и Астраханской губерній[4]).

Если время до 1760 года можно въ исторіи южныхъ окраинъ Россіи, по преимуществу, назвать временемъ устроенія Оренбургскаго края[5]), то со вступленія на престолъ Екатерины II начинается постепенное систематическое устройство закрѣпленныхъ за имперіей мѣстностей между Слободской украйной и Чернымъ моремъ. Начало этому устройству было положено еще до учрежденія Слободской губерніи. Въ началѣ 60-хъ годовъ къ югу отъ Слободской украйны находилась Бахмутская

---

[1]) П. С. З., т. XX, № 14381.

[2]) *Головинскій*, Слободскіе казачьи полки. С.-Пб. 1864 г. *Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. М. 1887 г. *Его же*, Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII ст., т. 1 и 2. Харьковъ 1866—1890 гг.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 12293, т. XVII, №№ 12397, 12430, 12440.

[4]) П. С. З., т. XVII, 12430, 12657.

[5]) Относительно Оренбургской губерніи можно отмѣтить послѣ 1760 г. только одно крупное измѣненіе: въ 1773 г. городъ Самара «купно съ его жителями и питейными и соляными сборами» былъ переданъ изъ Казанской губерніи въ Оренбургскую; однако, Самарскій уѣздъ по прежнему остался въ составѣ Казанской губерніи и былъ приписанъ къ Сызрани. П. С. З., т. XIX, № 14029.

провинція, входившая въ составъ Воронежской губерніи; къ западу отъ нея узкой полосой тянулись поселенные здѣсь со временъ Петра ландмилицкіе полки, образовавшіе, какъ я указывалъ, чисто военную территорію «Украинскаго корпуса». Съ 1753 года на крайней южной линіи начинаютъ основываться колоніи славянскихъ выходцевъ, усиливавшіе оборону южной границы. Изъ этихъ-то южныхъ мѣстностей съ разнохарактернымъ и даже разноплеменнымъ населеніемъ, по проекту генерала Глѣбова и Мельгунова, разсмотрѣнному и одобренному братьями Паниными, рѣшено было учредить новую губернію, которую императрица назвала Новороссійскою[1]). Фактическое образованіе ея продолжалось около года. Въ западной ея части было произведено болѣе правильное разграниченіе съ Малороссіей, во избѣжаніе черезполосности территорій[2]). Въ 1765 году къ ней была присоединена Бахмутская провинція, соотвѣтственно чему остальная западная часть ея получила названіе Екатерининской провинціи; сейчасъ же, вслѣдъ за этимъ, возникъ вопросъ о раздѣленіи новой губерніи на четыре провинціи. Провинціи эти были, кромѣ Екатерининской и Бахмутской, — Елизаветградская и четвертая, образованная изъ отошедшихъ отъ Полтавскаго и Миргородскаго полковъ земель вокругъ города Кременчуга, гдѣ въ то время находилось управленіе Новороссійской губерніи[3]). Передъ самымъ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ въ 1775 году Новороссійская губернія потерпѣла значительныя измѣненія. По Кучукъ-Кайнарджійскому миру Россія пріобрѣла всѣ берега Азовскаго моря. Признавая новыя пріобрѣтенія заслуживающими особаго попеченія правительства, указъ 14 февраля 1775 года повелѣвалъ учредить еще новую губернію, воскрешая для нея названіе Азовской: въ составъ новой губерніи входила новая провинція — Азовская съ городами Азовомъ и Таганрогомъ, и провинція Бахмутская, вновь отдѣленная отъ Новороссійской губерніи; къ Азовской провинціи причислена была также земля войска Донского, впрочемъ, «съ соблюденіемъ онаго при всей его собственности и при его правостяхъ»[4]). Полгода спустя, 3-го августа, послѣдовалъ манифестъ объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и присоединеніи ея земель къ Новороссійской губерніи, что возмѣстило ей убыль Бахмутской провинціи[5]).

Въ то самое время, когда происходило устройство южныхъ окраинъ имперіи, совершались также нѣкоторыя измѣненія и на территоріи сосѣдней Астраханской губерніи. Измѣненія эти выражались въ томъ, что съ постепеннымъ замиреніемъ края воеводскія канцеляріи учреждались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ранѣе существовали только чисто военныя власти:

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12099.

[2]) П. С. З., т. XIX, № 12339.

[3]) П. С. З., т. XVII №№ 12367, 12376, т. XX, № 14380.

[4]) П. С. З., т. XX, № 14252.

[5]) П. С. З., т. XX, № 14354; указомъ 20 октября того же 1775 г. къ Азовской губерніи былъ присоединенъ городъ Торъ (нын. Славянскъ) съ уѣздомъ и мѣстечкомъ Водолагами. П. С. З., т. XX, № 14380.

такъ въ 1773 году воеводскія канцеляріи были учреждены въ Царицынѣ и Кизлярѣ[1]).

Первый раздѣлъ Польши вызвалъ очень значительныя измѣненія въ областномъ дѣленіи западной окраины имперіи, не только потому, что къ ней были присоединены новыя области, но и потому, что въ связи съ этимъ было еще разъ произведено расчлененіе Новгородской губерніи. Присоединенныя земли образовали двѣ новыхъ губерніи — Могилевскую и Псковскую, причемъ въ послѣднюю было повелѣно «включить часть нашихъ провинцій, приписавъ изъ новыхъ тѣ уѣзды, повѣты или иного названія земли, кои по близости удобнѣе». Въ силу этого, новая Псковская губернія должна была состоять изъ четырехъ провинцій: Псковской, Великолуцкой, Двинской, «въ которую переименовать Польскую Лифляндію» съ городомъ Динабургомъ, и Полоцкой, «состоящей изъ той части Полоцкаго воеводства, которая въ наши границы входитъ», и изъ земель воеводства Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины. Губернскимъ городомъ «назначается Опочка, который для того устроить нужно». Могилевская губернія «составится» также изъ 4 провинцій: Могилевской, Оршанской, Рогачевской и Витебской, — послѣдняя изъ «мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы»; губернскимъ городомъ долженъ былъ быть Могилевъ[2]). Впрочемъ, это дѣленіе тутъ же подверглось измѣненіямъ. Наказъ генераламъ Кречетникову и Каховскому, назначеннымъ правителями новыхъ областей, изъ котораго заимствованы изложенныя соображенія, былъ изданъ 28 мая 1772 года, а слѣдующаго 19-го августа, по докладу Бѣлорусскаго генералъ-губернатора графа Чернышова, Витебская провинція вошла во Псковскую губернію: по его же докладу 9-го октября въ Могилевской губерніи была учреждена новая Мстиславская провинція[3]). Въ изложенныхъ узаконеніяхъ ничего не говорилось объ уѣздныхъ дѣленіяхъ; но учрежденныя провинціи показались слишкомъ большими, и въ слѣдующемъ году стали думать объ уѣздныхъ управленіяхъ. На эти послѣднія было, впрочемъ, возложено не самостоятельное завѣдываніе уѣздомъ, какое поручалось русскимъ городовымъ воеводамъ, а только приведеніе въ исполненіе рѣшеній провинціальныхъ властей: поэтому сочтено было «за нужно учредить не воеводскія канцеляріи, но вмѣсто ихъ уѣздныхъ комиссаровъ» — по два на провинцію: уѣздныя комиссарства должны были быть въ слѣдующихъ городахъ: Псковской губерніи, — Витебской провинціи — въ Велижѣ и Городкѣ, Полоцкой — въ Себежѣ и Невлѣ, Двинской, — въ Рѣжицѣ и Маріенгаузенѣ, — Могилевской губерніи и провинціи — въ Шкловѣ и

[1]) П. С. З., т. XIX, № 14085.

[2]) П. С. З., т. XIX, № 13808; Псковская провинція вошла въ составъ новой Псковской губерніи не въ цѣломъ ея составѣ; ея сѣверная часть, составлявшая Гдовскій уѣздъ, отошла къ Новгородской провинціи. Дѣла Гдовской воев. канцеляріи 70-хъ гг.

[3]) П. С. З., XIX, №№ 13848, 13879, 13888.

Быховѣ, Мстиславской — въ Чериковѣ и Милославичахъ, Оршанской — въ Сѣнномъ и Дубровнѣ, Рогачевской — въ Гомелѣ и Чечерскѣ[1]). Могилевская губернія въ томъ же составѣ приняла и новыя областныя учрежденія. Псковская же, въ смѣшанномъ составѣ старыхъ Московскихъ и Литовскихъ областей, просуществовала около четырехъ лѣтъ до раздѣленія ея на Псковскую и Полоцкую, въ 1776—77 годахъ.

Мнѣ остается отмѣтить послѣднее территоріальное измѣненіе, имѣвшее мѣсто до областной реформы Екатерины. 31 января 1775 года самостоятельная Иркутская провинція была обращена въ губернію, въ составѣ 3 провинцій — Иркутской, Удинской и Якутской; въ губерніи учреждались два новыхъ воеводскихъ управленія — въ Балаганскомъ острогѣ и на Алданѣ, а изъ Илимска воеводская канцелярія переводилась въ Керенской острогъ. Это преобразованіе было отдаленнымъ отзвукомъ извѣстнаго уже намъ указа 11 октября 1764 года[2]).

Такимъ образомъ, къ моменту изданія Учрежденія о губерніяхъ имперія раздѣлялась на 20 губерній, не считая Малороссіи, 66 провинцій, считая въ томъ числѣ 20 провинцій, центрами которыхъ были губернскіе города, и до 180 самостоятельныхъ уѣздовъ, не считая уѣздовъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ[3]).

---

[1]) П. С. З., т. XIX, 14014.

[2]) П. С. З., т. XX, № 14242; подобно бѣлорусскимъ губерніямъ указъ 1775 г. вводилъ въ Иркутской губерніи вмѣсто воеводскихъ канцелярій комиссарства по штатамъ 1763 г. въ острогахъ Верхоленскомъ, Баргузинскомъ, Селенгинскомъ, Нерчинскомъ и Илимскомъ и вновь вводилъ ихъ въ острогахъ Тункинскомъ и Олекминскомъ и зимовьяхъ Гижигинскомъ, Верхоянскомъ, Среднеколымскомъ и Верховилюйскомъ.

[3]) Къ 7 ноября 1775 г. областное дѣленіе имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Петербургская губернія — въ составѣ Петербургской провинціи 1727 года.

II. Выборгская губернія.

1. Кюменегорская провинція; города съ уѣздами: Вильманстрандъ, Фридрихсгамъ, Нейшлотъ.
2. Выборгская провинція; гор. Выборгъ съ уѣздомъ.
3. Кексгольмская провинція; гор. Кексгольмъ съ уѣздомъ.

III. Новгородская губернія.

1. Новгородская провинція; города съ уѣздами: Новгородъ, Старая Русса, Порховъ, Ладога, Тихвинъ, Валдай, Боровичи, Вышній Волочекъ, Гдовъ.
2. Тверская провинція; города съ уѣздами: Тверь, Торжокъ, Старица, Ржева Володимерова, Зубцовъ, Осташковъ.
3. Бѣлозерская провинція; города съ уѣздами: Бѣлоозеро, Каргополь, Устюжна Желѣзопольская.
4. Олонецкая провинція; города съ уѣздами: Олонецъ, Вытегра, Паданскій погостъ.

Губернское и провинціальное измѣненіе значительно измѣнилось за 48 лѣтъ, протекшія съ 1727 года; городовыя воеводства, устойчиво,

---

IV. Московская губернія.

1. Московская провинція
2. Ярославская провинція
3. Углицкая провинція
4. Юрьевская провинція
5. Костромская провинція
6. Переяславско-Залѣсская провинція
7. Владимирская провинція
8. Суздальская провинція

} въ прежнемъ составѣ безъ измѣненія сравнительно съ 1727 г.

9. Тульская провинція; города съ уѣздами: Крапивна, Алексинъ, Дѣдиловъ. Тула, Епифань, Венева.

10. Калужская провинція; города съ уѣздами: Калуга, Одоевъ, Перемышль. Мещовскъ, Масальскъ, Козельскъ, Серпейскъ, Лихвинъ.

11. Переяславско-Рязанская провинція; города съ уѣздами: Переяславль-Рязанскій, Пронскъ, Зарайскъ, Михайловъ, Сапожокъ.

V. Ревельская губернія безъ измѣненій сравнительно съ 1728 годомъ.

VI. Рижская губернія.

1. Рижская провинція (Лифляндія).
2. Эзельская провинція (о-въ Эзель).

VII. Бѣлогородская губернія.

1. Бѣлгородская провинція; города съ уѣздами: Бѣлгородъ, Обоянь, Суджа, Валуйки, Чугуевъ, Короча, Салтовъ, Курскъ, Старый и Новый Осколъ.

2. Сѣвская провинція; города съ уѣздами: Сѣвскъ, Рыльскъ, Путивль, Кромы. Карачевъ.

3. Орловская провинція; города съ уѣздами: Орелъ, Мценскъ, Новосиль. Чернь, Бѣлевъ, Болховъ.

VIII. Воронежская губернія.

1. Воронежская провинція; города съ уѣздами: Воронежъ, Усмань, Демшинскъ. Коротоякъ, Усердъ.

2. Елецкая провинція; города съ уѣздами: Елецъ, Ефремовъ, Ливны, Лебедянь, Данковъ.

3. Тамбовская провинція; города съ уѣздами: Тамбовъ, Козловъ, Ряжскъ, Инсаръ, Верхній и Нижній Ломовы.

4. Шацкая провинція; города съ уѣздами: Шацкъ, Касимовъ, Керенскъ, Темниковъ, Кадомъ, Наровчатъ.

IX. Смоленская губернія — безъ измѣненій сравнительно съ 1727 годомъ.

X. Архангелогородская губернія.

1. Архангелогородская провинція; города съ уѣздами: Архангельскъ, Кевроль, Вага.

2. Вологодская провинція; города съ уѣздами: Вологда, Тотьма.

3. Устюжская провинція; города съ уѣздами: Устюгъ, Яренскъ, Сольвычегодскъ.

4. Галицкая провинція; города съ уѣздами: Галичъ, Сольгаличъ, Парфеньевъ. Чухлома, Унжа, Кологривъ.

XI. Казанская губернія.

1. Казанская провинція; города съ уѣздами: Казань, Уржумъ; пригородки: Тіинскъ, Малмыжъ, Тетюши, Арскъ, Лаишевъ, Заинскъ, Мензелинскъ, Маинскъ, Ст. и Нов. Шемшинскъ, Билярскъ, Оса.

въ общемъ, сохранялись въ старинныхъ областяхъ, но во вновь присоединяемыхъ областяхъ они вводились далеко не всегда. Этимъ объясняется

---

2. Вятская провинція: города съ уѣздами: Вятка, Слободской, Котельничъ. Орловъ, Кай.

3. Пермская провинція; города съ уѣздами: Соль-Камская, Кунгуръ.

4. Свіяжская провинція; города съ уѣздами: Свіяжскъ, Царево-Кокшайскъ. Цывильскъ, Чебоксаръ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ.

5. Пензенская провинція; города съ уѣздами: Пенза, Саранскъ.

6. Симбирская провинція; города съ уѣздами: Симбирскъ, Сызрань, Петровскъ.

XII. Нижегородская губернія:

1. Нижегородская провинція безъ измѣненія съ 1727 г.

2. Алатырская провинція; города съ уѣздами: Алатырь, Курмышъ.

3. Арзамасская провинція безъ измѣненія съ 1727 г.

III. Астраханская губернія — одна провинція; города съ уѣздами: Астрахань, Саратовъ, Царицынъ, Кизляръ.

XIV. Оренбургская губернія.

1. Оренбургская провинція — городъ Оренбургъ съ окружающими крѣпостями и Гурьевъ.

2. Уфимская провинція — г. Уфа.

3. Исецкая провинція; уѣзды: Исецкій, Шадринскій, Окуневскій.

XV. Сибирская губернія.

1. Тобольская провинція; города съ уѣздами: Тобольскъ, Тюмень, Верхотурье, Тара, Кузнецкъ, Томскъ.

2. Енисейская провинція, города съ уѣздами: Енисейскъ, Красноярскъ.

XVI. Иркутская губернія.

1. Иркутская провинція; города съ уѣздами: Иркутскъ, Керенскъ, Балаганскъ.

2. Удинская провинція; города съ уѣздами: Удинскъ, Селенгинскъ, Баргузинъ, Нерчинскъ.

3. Якутская провинція; города съ уѣздами: Якутскъ, Илимскъ, Алданъ, Олекминскъ; зимовья: Гижигинское, Верхоянское, Среднеколымское.

XVII. Азовская губернія.

1. Азовская провинція; города съ уѣздами: Азовъ, крѣпость св. Димитрія, Таганрогъ, Черкасскъ, земля Войска Донского, Керчъ, Еникале, Кинбурнъ.

2. Бахмутская провинція; города съ уѣздами: Бахмутъ, Торъ.

XVIII. Новороссійская губернія.

1. Кременчугская провинція; городъ Кременчугъ и части Полтавскаго и Миргородскаго полковъ.

2. Екатерининская провинція — по лѣвому берегу Днѣпра.

3. Елисаветградская провинція — по правому берегу Днѣпра.

XIX. Могилевская губернія.

1. Могилевская провинція; города съ уѣдами: Могилевъ, Шкловъ, Быховъ.

2. Мстиславская провинція; города съ уѣздами: Мстиславль, Чериковъ. Милославичи.

3. Оршанская провинція; города съ уѣздами: Орша, Сѣнное, Дубровна.

4. Рогачевская провинція; города съ уѣздами: Рогачевъ, Гомель, Чечерскъ.

XX. Псковская губернія.

1. Псковская провинція; города съ уѣздами: Псковъ, Ржева, Пустая, Опочка, Островъ.

столь слабое, сравнительно, увеличеніе числа городовыхъ воеводствъ: унаслѣдованныя XVIII вѣкомъ отъ допетровской эпохи, они и теперь оставались, по преимуществу, принадлежностью старинныхъ русскихъ областей имперіи.

---

2. Великолуцкая провинція — безъ измѣненія съ 1727 г.

3. Двинская провинція; города съ уѣздами: Динабургъ, Рѣжица, Маріенгаузенъ.

4. Полоцкая провинція; города съ уѣздами: Полоцкъ, Себежъ, Невель.

5. Витебская провинція; города съ уѣздами: Витебскъ, Велижъ, Городокъ.

XXI. Малороссія, дѣлившаяся на 12 полковъ, съ Кіевомъ въ качествѣ главнаго города.

Областное дѣленіе 1774 г. поясняется картой III.

ГЛАВА V.

СЛУЖБА ГУБЕРНАТОРОВЪ И ВОЕВОДЪ.

Одною изъ отличительныхъ чертъ устройства высшаго областного управленія при Петрѣ Великомъ было отсутствіе въ немъ внѣшняго единообразія: во главѣ губерній, учрежденныхъ въ эпоху первой реформы и сохраненныхъ при второй, стояли правители, облеченные одинаковой властью, но носившіе различныя названія: генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и вице-губернаторовъ[1]). Слѣды этой особенности сохраняются довольно долго и послѣ преобразователя; обычный титулъ начальника губерніи — губернаторъ, но своеобразное положеніе, данное Петромъ Курбатову и Ершову, управлявшимъ Архангелогородской и Московской губерніями съ титуломъ вице-губернаторовъ, встрѣчаетъ себѣ аналогію и въ послѣпетровское время, съ тою, впрочемъ, разницею, что со званіемъ этимъ не связано, какъ при Петрѣ, болѣе низкое соціальное происхожденіе его носителя. Такъ, напримѣръ, Нижегородской губерніей во второй половинѣ 20-хъ годовъ управлялъ вице-губернаторъ Ржевскій[2]). Въ 1738 году кн. Б. Г. Юсуповъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ самой большой и важной губерніи, — Московской, съ совершенно самостоятельными правами[3]); а въ 40-хъ годахъ той же губерніей долго управлялъ вице-губернаторъ гр. Влад. Сем. Салтыковъ[4]); кн. Оболенскій также въ званіи вице-губернатора управлялъ въ 1740—1741 годахъ Архангелогородской губерніей[5]). Званіе вице-губернатора могло быть иногда первой ступенью службы. Лицо, занимавшее эту должность, возводилось, нѣкоторое время спустя, какъ бы за отличіе, въ рангъ губернатора: 26 марта 1741 года въ сенатѣ разсуждали, не оставить ли Архангельскаго вице-губернатора, князя Оболенскаго, котораго предполагалось перевести въ Смоленскъ, на прежнемъ мѣстѣ, но назначивъ его губернаторомъ[6]). Кромѣ тѣхъ слу-

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе, 35, 36; *Милюковъ*, Государственное хозяйство, 394, 395, *Блиновъ*, Губернаторы, 49, 50.

[2]) Сб. Р. И. О., LXIII, 459.

[3]) Моск. губ. канц., кн. 65—70.

[4]) Сб. Р. И. О., CXXIV, 439; CXXVI, 520.

[5]) Сен. Архивъ, II, 79, 364.

[6]) Сен. Архивъ, III, 491.

чаевъ, когда вице-губернатору ввѣрялось самостоятельное управленіе губерніей, титулъ вице-губернатора нерѣдко носили правители провинцій, имѣвшихъ самостоятельное значеніе. Такъ, напримѣръ, вице-губернаторъ правилъ въ 30-хъ годахъ Уфимской провинціей[1]). Когда въ 1736 году изъ вѣдѣнія Сибирскаго губернатора была изъята «для лучшаго въ дѣлахъ управленія» Иркутская провинція, во главѣ ея былъ также постановленъ вице-губернаторъ[2]). На ряду съ вице-губернаторами, имѣвшими значеніе самостоятельныхъ правителей, могли быть и вице-губернаторы, состоявшіе при губернаторахъ въ качествѣ ближайшихъ и старшихъ ихъ помощниковъ. Въ 1727 году, при проведеніи преобразованій въ областномъ строѣ, верховный тайный совѣтъ назначилъ, по крайней мѣрѣ, трехъ такихъ вице-губернаторовъ: въ Москву — Вельяминова-Зернова, въ Бѣлгородъ бригадира Лачинова, въ Воронежъ — бригадира Стрекалова[3]). Существованіе вице-губернатора при губернаторѣ встрѣчается и позднѣе[4]), но это явленіе далеко не постоянное, и, насколько можно судить, должность вице-губернатора, какъ непосредственнаго помощника губернатора, оттѣсняется на второй планъ должностями губернаторскихъ товарищей[5]).

Указъ 24 февраля 1727 года сохранилъ введенныхъ Петромъ асессоровъ только при губернаторахъ; при провинціальныхъ воеводахъ вмѣсто асессоровъ введены были товарищи; по существу дѣла разница между тѣми и другими была главнымъ образомъ въ названіи; это не замедлило сказаться на исторіи единственныхъ сохранившихся асессоровъ, — губернскихъ; они незамѣтно исчезаютъ[6]), и вмѣсто нихъ появляются губернаторскіе товарищи. Бюрократы 30-хъ и 40-хъ годовъ сами смѣшиваютъ асессоровъ съ товарищами, это видно изъ слѣдующаго приговора сената отъ 3 марта 1741 года: «понеже въ Казанской губернской канцеляріи настоящихъ губернаторскихъ товарищей не имѣется, того ради сенатъ приказалъ въ оной губерніи быть асессоромъ Василію Толстому[7])»... Въ противоположность вице-губернатору губернаторскій товарищъ никогда не выступаетъ въ самостоятельной роли: это — подчиненное лицо, «асессоръ» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Его «товарищество»

---

[1]) Сен. Архивъ, II, 83.

[2]) П. С. З., IX, № 6876, Сб. Р. И. О., CXXVI, 589; о вице-губернаторахъ такого типа см. *Мрочка-Дроздовскаго*, Областное Управленіе, 43 и слѣд.

[3]) Сб. Р. И. О., LXIII, 183.

[4]) Напр. въ 1741 г. при назначеніи въ Сибирь губернатора ген.-маіора Шипова ему былъ приданъ вице-губернаторъ бригадиръ Сухаревъ, Сен. Архивъ II, 556—557.

[5]) Примѣръ замѣны: въ половинѣ 30-хъ годовъ съ увольненіемъ Казанскаго вице-губернатора, бригадира Караулова, въ Казань были назначены два губернаторскихъ товарища. *Барановъ*, Опись Выс. Указовъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, II, 372: объ отношеніяхъ губернаторовъ къ вице-губернаторамъ см. также *Блинова*, Губернаторы, 59 и слѣд.

[6]) Въ дѣлахъ герольдмейстерской конторы за 1728 г. можно встрѣтить извѣстіе объ увольненіи въ отставку бывшаго губернаторскаго асессора въ Астрахани «затѣмъ что нынѣ при губернаторахъ асессорамъ быть не показано». Кн. 98, л. 158.

[7]) Сен. Архивъ, III, 451.

выражается въ той глухой и неопредѣленной коллегіальности, какая напоминаетъ управленіе воеводъ «съ товарищи» въ XVII вѣкѣ и внѣшне проявляется въ совмѣстныхъ засѣданіяхъ въ служебномъ присутствіи. Въ такомъ именно характерѣ должности губернаторскихъ товарищей кроется причина, почему они какъ бы вытѣсняли вице-губернаторовъ: полусамостоятельный правитель оказывался нужнымъ гораздо рѣже, чѣмъ лишенный самостоятельнаго значенія помощникъ.

Количество асессоровъ при Петровскихъ губернаторахъ опредѣлено не было; оно оставалось неопредѣленнымъ и позднѣе, когда ихъ фактически замѣнили товарищи. Нѣсколько примѣровъ могутъ ознакомить съ обликомъ этой должности. Въ 1738 году Московскій вице-губернаторъ кн. Юсуповъ вошелъ въ сенатъ съ обширнымъ донесеніемъ о безпорядкахъ, найденныхъ имъ въ Московскомъ губернскомъ управленіи. Въ числѣ причинъ, создавшихъ царившій тамъ хаосъ, онъ указываетъ на то, что въ губерніи присутствующихъ лицъ прежде было три: генералъ-губернаторъ, губернаторъ и вице-губернаторъ; теперь же остается одинъ только послѣдній; для усиленія личнаго состава губернскихъ властей Юсуповъ предлагаетъ назначить новыхъ присутствующихъ лицъ — 4 совѣтниковъ. Въ числѣ немногихъ ходатайствъ Юсупова, исполненныхъ сенатомъ, было назначеніе ему 4 помощниковъ, но не совѣтниковъ, какъ просилъ онъ, а товарищей «въ помощь губернатору для исправленія по Московской губерніи губернскихъ дѣлъ»[1]). 4 московскихъ вице-губернаторскихъ, а позднѣе губернаторскихъ товарища дѣйствовали и позднѣе, до самой Екатерининской реформы; однако, такое большое число ихъ наблюдается, кажется, въ единственномъ, только что приведенномъ случаѣ; обычно ихъ одинъ, иногда два. Должности губернаторскихъ товарищей не были штатными и о поводахъ къ учрежденію ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ даетъ возможность судить то же донесеніе кн. Юсупова или приведенный выше приговоръ сената о назначеніи въ Казань Толстого: они предназначаются для помощи губернатору, слишкомъ обремененному дѣлами или больному, и учреждаются нерѣдко по его ходатайству. Вотъ еще примѣры: «1755 года, сентября 3, правительствующій сенатъ приказали: понеже д. т. с. и Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ представляетъ, что онъ тамо одинъ и весьма ослабѣлъ и для такой его, Неплюева слабости у врученныхъ ему дѣлъ быть камергеру Брылкину съ нимъ Неплюевымъ въ товарищахъ»[2]). Полгода спустя, 5 марта 1756 года сенатъ опредѣлилъ въ Тобольскъ «къ присутствію и исполненію дѣлъ въ губернаторскіе товарищи, по представленнымъ отъ губернатора обстоятель-

---

[1]) Донесеніе Юсупова: Сб. Р. И. О. CXXVI, 429—446; о немъ см. *Филиппова*. «Положеніе губернатора въ 30-хъ гг. XVIII в.» въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Четыре товарища были: бригадиръ Тургеневъ, полк. Ступишинъ, подполков. Воейковъ и полк. Стрекаловъ; послѣдній въ 1741 г. уступилъ мѣсто бригадиру Грекову. Д. Моск. Губ. Канц. кн. 62; Сен. Арх., V, 139.

[2]) Сен. Арх., IX, 416.

ствамъ», ст. сов. Грабленова и совѣтника Яковлева[1]). Въ 1747 году былъ назначенъ губернаторскій товарищъ въ Астрахань въ помощь больному губернатору Татищеву[2]). Были случаи, когда губернатору предоставлялось даже право самому выбрать себѣ товарища: 15 января 1741 года сенатъ по указанію кабинета приказалъ назначенному въ Сибирь губернатору Шипову объявить, «дабы онъ къ себѣ въ товарищи выбралъ кого заблагоразсудитъ» изъ кандидатовъ, представленныхъ герольдмейстеромъ[3]). О вице-губернаторскихъ товарищахъ прибавить по существу нельзя ничего: это были помощники самостоятельныхъ вице-губернаторовъ, ничѣмъ на дѣлѣ не отличавшіеся отъ своихъ коллегъ, состоявшихъ при губернаторахъ.

Хотя указы 1727 года и пощадили асессоровъ при губернаторахъ, но дать имъ «рангъ» въ новой іерархіи областного управленія забыли. По отношенію къ замѣнившимъ асессоровъ товарищамъ отмѣченный пробѣлъ былъ заполненъ въ 1736 году, когда вслѣдствіе челобитья Новгородскаго вице-губернаторскаго товарища Квашнина-Самарина для товарищей губернскихъ правителей былъ установленъ «рангъ совѣтниковъ коллежскихъ»[4]).

Говоря о высшихъ чинахъ мѣстнаго управленія, нельзя обойти молчаніемъ должности генералъ-губернаторовъ. Извѣстно, что и эта должность не отличалась при Петрѣ большой устойчивостью[5]). Впрочемъ, по штатамъ 1725 года предполагалось, кажется, этотъ высшій титулъ съ соотвѣтственнымъ окладомъ присвоить правителямъ завоеванныхъ Петромъ областей, т.-е. начальникамъ губерній Петербургской, Рижской и Ревельской[6]), а также Кіевской, въ составъ которой входила лѣвобережная Малороссія. Однако, эти предположенія не осуществились на дѣлѣ. Во-первыхъ, правители двухъ балтійскихъ губерній въ дальнѣйшіе годы довольствуются иногда болѣе скромнымъ титуломъ губернатора; во-вторыхъ, высшій начальникъ старой столицы, Москвы, отсутствующій въ штатѣ 1725 года, и позднѣе, по большей части, называется генералъ-губернаторомъ. Это званіе въ періодъ отъ Петра до Екатерины II чаще всего присваивается высшимъ начальникамъ обѣихъ столицъ, Лифляндіи и Малороссіи. Отсюда нельзя, впрочемъ, выводить, чтобъ должность въ указанныхъ мѣстностяхъ существовала постоянно; мы видѣли, напримѣръ, что въ 1738 году Москвою и Московскою губерніей правилъ одинъ вице-губернаторъ, а попытки возстановленія гетманства при Петрѣ II и Елизаветѣ влекли за собою упраздненіе Малороссійскаго генералъ-губернаторства. Были случаи, когда при генералъ-губернаторѣ дѣй-

---

[1]) Сен. Арх., IX, 506, 617.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 306, лл. 1- 5.

[3]) Сен. Арх., II, 411.

[4]) П. С. З., IX, № 6870.

[5]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе, 35.

[6]) П. С. З., XLIII, ч. I, книга штатовъ, отд. I, къ № 4764.

ствовалъ и губернаторъ: въ Москвѣ это почти постоянный фактъ[1]); въ Кіевѣ при наличности генералъ-губернатора А. И. Румянцева назначается въ 1738 году для «управленія губернаторскихъ дѣлъ» генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ[2]). Насколько можно судить, взаимныя отношенія одновременно дѣйствовавшихъ генералъ-губернатора и губернатора опредѣлены точно не были; это должно было порождать извѣстную неопредѣленность, но не колебало общаго положенія, по которому губернаторъ былъ фактически подчиненъ генералъ-губернатору.

Подводя итогъ сказанному о составѣ губернскаго начальства, мы должны будемъ констатировать его несомнѣнную и большую пестроту и неопредѣленность. Въ ближайшее время послѣ 1727 года наиболѣе нормальной схемой надо считать нахожденіе во главѣ губерніи губернатора съ вице-губернаторомъ въ качествѣ помощника, позднѣе — губернатора съ однимъ или двумя товарищами; но такая схема не исключала многихъ варіантовъ — самостоятельнаго вице-губернатора, вице-губернатора съ товарищами, генералъ-губернатора съ губернаторомъ и т. д.

Принципъ однообразія въ составѣ губернскихъ правителей былъ чуждъ реформаторамъ 1727/28 гг., о немъ не заботились ни при Аннѣ, ни при Елизаветѣ, и первыя попытки его осуществить мы находимъ только на зарѣ Екатерининскаго царствованія въ штатахъ 1763 года, когда во главѣ всѣхъ губерній, кромѣ остзейскихъ, былъ поставленъ губернаторъ съ двумя губернаторскими товарищами въ качествѣ помощниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и должность генералъ-губернатора, тамъ гдѣ она сохранялась, напримѣръ въ Москвѣ, стала пріобрѣтать во второй половинѣ вѣка болѣе опредѣленныя черты экстраординарной должности государева намѣстника[3]).

Составъ провинціальныхъ и уѣздныхъ или городовыхъ правителей гораздо однообразнѣе и опредѣленнѣе, нежели составъ губернскихъ начальниковъ. Это зависитъ, конечно, отъ происхожденія тѣхъ и другихъ. Вѣдь губернія ведетъ свое начало отъ случайныхъ мѣръ 1708—1715 годовъ отъ хаотической первой областной реформы Петра; провинція, наоборотъ, идетъ отъ стройной и теоретически продуманной второй Петровской областной реформы, а уѣздное начальство, возстановленное въ 1727 году, было организовано совершенно одинаково для всѣхъ уѣздныхъ городовъ имперіи, на которые распространялось общее управленіе.

Воевода съ товарищемъ, учрежденнымъ въ 1727 году, составляютъ начальство провинціи до самаго конца существованія этого областного дѣленія. Штаты въ 1763 году только санкціонировали существовавшій

---

[1]) Въ первой половинѣ 30-хъ годовъ въ Москвѣ встрѣчается своеобразное сочетаніе ген.-губернатора съ вице-губернаторомъ (гр. Чернышевъ и Плещеевъ). Сб. Р. И. О., CIV, 339.

[2]) Сб. Р. И. О., CXX, 152.

[3]) Штаты 1763 г. П. С. З., XLIV, ч. II, къ № 11991. (Штатъ генеральный на всѣ губерніи, кромѣ остзейскихъ.)

съ Екатерины I порядокъ[1]). Нѣсколько болѣе измѣнился за время отъ 1727 по 1775 годъ составъ городовыхъ или уѣздныхъ правителей. Указы 1727 года поставили во главѣ уѣзда единоличнаго правителя-воеводу; такой воевода существовалъ неизмѣнно до 1763 года. Управленіе одного лица представляло много удобствъ и въ бюрократическомъ и въ экономическомъ отношеніи, но оно имѣло и одинъ важный недостатокъ. У воеводы не было замѣстителя, и въ случаѣ его болѣзни или отлучки приходилось принимать каждый разъ особыя мѣры для обезпеченія непрерывности мѣстной власти. Лишь съ 1736 года рядомъ съ городовымъ воеводой появляется особый постоянный агентъ власти — офицеръ при подушномъ сборѣ.

Офицеры опредѣлены были при воеводахъ, но въ указѣ 26 января 1736 года, учредившемъ ихъ, мы бы напрасно стали искать точнаго опредѣленія ихъ отношенія къ воеводамъ; они не были подчинены имъ вполнѣ, но воеводы должны были имѣть «за ними смотрѣніе», контролируя ихъ дѣятельность, слѣдя за ея закономѣрностью и отвѣчая за нихъ передъ высшимъ начальствомъ[2]). Такія неопредѣленныя отношенія жизнь обработала по-своему, придавъ имъ еще большее своеобразіе и причудливость. При этомъ слѣдуетъ, однако, сказать, что указанное сейчасъ своеобразіе было гораздо замѣтнѣе именно въ уѣздѣ, чѣмъ въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ губерніи. Въ губерніи штабъ-офицеръ при подушномъ сборѣ терялся въ тѣни губернскаго присутствія: онъ вѣдалъ подушный сборъ только въ уѣздѣ губернскаго города и какъ общеадминистративный органъ не имѣетъ вовсе значенія; въ провинціи онъ былъ третьимъ лицомъ послѣ воеводы и его товарища; и здѣсь онъ вѣдалъ свой опредѣленный кругъ дѣлъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ вступая въ дѣла общаго управленія[3]). Наоборотъ, въ уѣздѣ онъ выступалъ на первый планъ всякій разъ, какъ воевода отсутствовалъ или по чему либо не могъ исполнить даннаго дѣла. Съ 1736 до 1763 года оберъ-офицеръ при подушномъ сборѣ является его естественнымъ замѣстителемъ. Въ Брянскѣ въ 1748—49 г., состоявшій при подушномъ сборѣ прапорщикъ усмирялъ бунтовавшихъ крестьянъ вмѣсто воеводы[4]). Въ городѣ Клину, исторію воеводъ котораго я излагаю ниже подробно, можно видѣть не менѣе 4 случаевъ, когда офицеръ при подушномъ сборѣ на законномъ основаніи вступаетъ въ воеводскую должность. Зато и воевода, въ свою очередь, замѣнялъ офицера при подушномъ сборѣ, когда это было нужно. Въ томъ же Клину, въ 1744 году, состоявшій при подушномъ сборѣ

---

[1]) Штаты 1763 года, таблица VII.

[2]) П. С. З., IX, № 6872, § 5.

[3]) Примѣръ такого исключительнаго случая: въ 1741 г. за отстраненіемъ отъ должности провинціальнаго воеводы Переяславля-Рязанскаго Чебышова, въ должность его, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія въ это время воеводскаго товарища, вступилъ обрѣтавшійся у подушнаго сбора маіоръ Лихаревъ. Дѣла Сената, кн. 38/254, лл. 35, 36, 41.

[4]) Дѣла Сената, кн. 54/170 лл. 16—18.

поручикъ Ананія Молодовъ былъ отрѣшенъ отъ дѣла за «непорядочные поступки», и подушнымъ сборомъ приказано было вѣдать воеводѣ «безо всякаго послабленія и упущенія»; ему же было поручено и веденіе слѣдствія о Молодовѣ съ приказаніемъ о результатахъ представить въ губернскую канцелярію; при этомъ, характеръ порученія, даннаго воеводѣ, напоминаетъ скорѣе обычныя въ XVIII вѣкѣ слѣдственныя коммиссіи, чѣмъ отношеніе прямого начальника къ подчиненному[1]). Въ то же самое время въ сосѣднемъ Дмитровскомъ уѣздѣ воевода Прокофьевъ точно такимъ же образомъ велъ слѣдствіе о бывшемъ у подушнаго сбора прапорщикѣ Марининѣ, на котораго подчиненная ему команда принесла въ губернію жалобу «въ невыдачѣ имъ заслуженнаго жалованья»[2]).

Мы видѣли сейчасъ, что воеводы и офицеры при подушномъ сборѣ взаимно замѣщали одинъ другого. Въ случаѣ отдачи одного изъ нихъ подъ слѣдствіе или наложенія взысканія, наблюдалось то же самое, и въ соотвѣтствіе приведеннымъ случаямъ, когда воевода велъ слѣдствіе объ офицерѣ, завѣдовавшемъ подушными, можно отмѣтить и противоположные случаи, которые лучше всего показываютъ, что офицера при подушномъ сборѣ нельзя считать простымъ подчиненнымъ воеводы. Въ то самое время, какъ воевода Прокофьевъ велъ слѣдствіе о Марининѣ, преемникъ Маринина, прапорщикъ Степанъ Батюшковъ. получилъ отъ Московской губернской канцеляріи предписаніе взыскать съ Прокофьева «обще съ тѣмъ подъячимъ, кто нынѣ съ приписью подъячаго должность правитъ, за неприсылку по посланнымъ изъ губерніи указамъ о состояніи Петербургской дороги и объ осмотрѣ дворцовъ» (вскорѣ предполагалось шествіе императрицы Елизаветы Петровны изъ Москвы) штрафъ въ 10 рублей, «не пріемля ни отъ кого никакихъ отговорокъ[3])». Такимъ же точно образомъ Кинешемскій офицеръ при подушномъ сборѣ взыскивалъ съ 1754—56 гг. съ мѣстнаго воеводы и съ подъячаго съ приписью штрафъ въ 100 рублей за неправильное представленіе и за неисполненіе и нерапортованіе по судному дѣлу[4]). Въ 1737 году Можайскій посадскій человѣкъ Тучнинъ пожаловался на то, что воевода захватилъ насильно его дворъ и живетъ въ немъ; разслѣдованіе дѣла было поручено мѣстному офицеру при подушномъ сборѣ[5]).

Неопредѣленность взаимныхъ отношеній двухъ органовъ, дѣятельность которыхъ соприкасалась такъ близко, не могла не отражаться и на повседневныхъ ихъ отношеніяхъ; распри и ссоры занимали въ нихъ видное мѣсто; нижеслѣдующій случай можетъ служить для характеристики этихъ отношеній. Въ 1745 году къ Московскому губернатору

[1]) Клин. в. к., оп. 9, вяз. 10, указы 1744 г., № 227.

[2]) Дмитровск. в. к., вяз. 3, д. 361.

[3]) Дмитровск. в. к., вяз. 2, д. 267.

[4]) Кинешм. в. к., оп. 8, вяз. 2, д. 554.

[5]) Моск. губ. канц., кн. 59, лл. 340—341; другой примѣръ: герольдм. конт., кн. 306, № 29.

одновременно поступили донесенія отъ Коломенскаго воеводы, флота лейтенанта Муравьева и отъ обрѣтавшагося тамъ при подушномъ сборѣ капитана Вырыпаева. Первый обвинялъ Вырыпаева въ произвольномъ и недопустимомъ увеличеніи числа колодниковъ, содержимыхъ изъ подушной доимки: прежде ихъ было не болѣе 5 человѣкъ, теперь же стало болѣе 40; плохо охраняемые, колодники со штабного двора, на которомъ содержатся, «чинятъ частыя утечки», а между тѣмъ, на предписаніе очистить штабной дворъ Вырыпаевъ отвѣчаетъ отказомъ. Въ свою очередь, капитанъ Вырыпаевъ доносилъ, что никакихъ упущеній за нимъ нѣтъ, что, напротивъ, за годичное почти пребываніе въ должности онъ взыскалъ доимки на 12 слишкомъ тысячъ рублей, что если и есть на комъ какая вина, такъ это на воеводѣ Муравьевѣ, который безпрестанно нарушаетъ законъ, «опредѣленныхъ къ подушному сбору солдатъ употребляетъ въ свои партикулярныя услуги и ставитъ въ квартирѣ своей на караулъ и съ собою беретъ, ѣздя по гостямъ», отчего въ ихъ службѣ по сбору подушныхъ «чинится остановка и упущеніе». Солдаты эти непрестанно Вырыпаеву жалуются, что воевода, пользуясь ихъ услугами, «безвинно ихъ въ шумствѣ штрафуетъ, батожьемъ бьетъ и палкою головы пробиваетъ». Достается отъ воеводы, по словамъ Вырыпаева, и подъячимъ у подушнаго сбора: заставляя ихъ рапортовать у себя дома утромъ и вечеромъ, онъ «въ шумствѣ» хватаетъ ихъ за волосы, таскаетъ, бьетъ по щекамъ до крови, не обращая вниманія на увѣщанія Вырыпаева. Наконецъ, онъ позволилъ себѣ оскорбить самого капитана: «злобясь на него, въ небытность его въ канцеляріи за болѣзнью, приказалъ черниницу его изъ судейской свѣтлицы вынесть въ другую свѣтлицу», заставивъ его заниматься сначала за столомъ актуарія, а потомъ даже и за подъяческимъ. Какое же рѣшеніе приняла губернская канцелярія? Считая, видимо, что описанныя дѣйствія не заходятъ за рамки обычныхъ явленій, она ограничилась посылкою предписанія присутствовать воеводѣ и офицеру при подушномъ сборѣ вмѣстѣ, разрѣшила Вырыпаеву жить попрежнему на штабномъ дворѣ, лишь обязавъ его имѣть неослабное смотрѣніе за тѣмъ, чтобъ утечки колодниковъ прекратились, а отъ Муравьева затребовала отвѣта по обвиненіямъ, взведеннымъ на него Вырыпаевымъ. Заканчивается бумага идиллическимъ призывомъ обоимъ «во исправленіе порученныхъ имъ дѣлъ имѣть между собою доброе согласіе»[1]), на которое, надо думать, не могли особенно надѣяться и сами посылавшіе изложенную сейчасъ бумагу.

Въ началѣ царствованія Екатерины II проведено было полное объединеніе всей власти въ рукахъ провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ; на нихъ былъ окончательно возложенъ подушный сборъ, а «офицеры» упразднены[2]). Логическимъ послѣдствіемъ такой мѣры была необходимость дать городовымъ воеводамъ постоянныхъ замѣстителей и помощниковъ для

---

[1]) Моск. губ. канц., книга 67, лл. 720—724.

[2]) П. С. З., XVI, № 12138.

подушнаго сбора вмѣсто исчезнувшихъ «офицеровъ». Это и было осуществлено штатами 1763 года, введшими повсемѣстно воеводскихъ товарищей въ уѣздахъ. Другое измѣненіе, которое внесли эти штаты, было превращеніе воеводъ пригородковъ, въ которыхъ были оставлены самостоятельныя власти въ видѣ «комиссаровъ ранга оберъ-офицерскаго»[1]).

Штаты 1763 года, какъ мы сейчасъ видѣли, внесли довольно много детальныхъ измѣненій въ составъ областныхъ правителей; въ этомъ отношеніи они составляютъ грань, раздѣляющую изучаемый періодъ на двѣ части. Общая цѣль внесенныхъ измѣненій — упорядоченіе существующаго строя. Къ большему и не стремились въ началѣ 60-хъ годовъ: но въ этихъ частичныхъ измѣненіяхъ и исправленіяхъ уже не трудно угадать первые шаги къ подготовкѣ губернской реформы 70-хъ годовъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ на ряду съ общими властями сохранялись особыя чисто военныя должности комендантовъ, возникшія еще въ Петровское время [2]). Комендантъ, назначаемый военной колегіей, — начальникъ мѣстныхъ военныхъ силъ, начальникъ гарнизона. По штатамъ областного управленія 1725 года коменданты должны были находиться почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, а кромѣ того въ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ городахъ, имѣвшихъ военное значеніе; такъ, комендантскія должности учреждены были въ Выборгѣ, Кронштадтѣ, Шлиссельбургѣ, въ Великихъ Лукахъ, на литовской границѣ и въ Глуховѣ, гдѣ было сосредоточено управленіе Малороссіей[3]). Позднѣе эта должность распространилась болѣе широко: коменданты упоминаются во Псковѣ, на южной границѣ,—въ Бахмутѣ, гдѣ они вѣдали также и солянымъ дѣломъ, въ Бѣлгородѣ, въ Ревелѣ, въ Селенгинскѣ, Тобольскѣ и въ Уфѣ, главномъ военно-административномъ центрѣ Башкиріи и Оренбургскаго края [4]). Въ 1730 г. Архангелогородская гарнизонная канцелярія, — учрежденіе чисто военное, — предлагала назначить комендантовъ въ Пустозерскѣ и въ Кольскомъ острогѣ въ виду важности этихъ мѣстъ въ военномъ отношеніи на случай войны со Швеціей [5]) Такъ какъ высшимъ начальникомъ гарнизонныхъ силъ губерніи [6]) былъ губернаторъ, то коменданты подчинялись ему по

---

[1]) Штаты 1763 г., таблица VIII; учрежденіе комиссаровъ вмѣсто воеводъ предположено было въ тѣхъ городахъ, которые должны были, на основаніи указа 11 октября 1764 г., быть приписаны къ сосѣднимъ болѣе крупнымъ (П. С. З., XVI, № 12159); замедленіе въ исполненіи этого указа задержало, однако, эту мѣру; но въ 70-хъ годахъ при раздѣленіи Бѣлорусскихъ губерній на уѣзды, во главѣ ихъ не были поставлены воеводы, а каждый уѣздъ былъ подчиненъ комиссару (П. С. З., XIX, № 14014, 22 іюня 1773 г.)

[2]) См. *Богословскаго*, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ. Ж. М. Н. Пр., 1903, № 9, 57—72.

[3]) П. С. З., XLIII, ч. I, кн. штатовъ, отд. 1-е къ № 4764.

[4]) П. С. З. IX, № 6479; дѣла Карповской воев. канц. (въ дѣлахъ Грайворонскаго у. суда, оп. 12, вяз. 5, д. 27.) *Барановъ*, Опись выс. указовъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ, II, 637.

[5]) Герольдм. конторы, кн. 93, лл. 320—321.

[6]) Наказъ 1728 г., п. 5; подтвержденіе 1761 г.: П. С. З., XV, № 11347.

службѣ, но отъ воеводъ они были независимы. Коменданты могли участвовать и въ общемъ гражданскомъ управленіи. Такъ когда заболѣлъ въ 1745 году Астраханскій губернаторъ Татищевъ, то назначенному въ помощь ему товарищу было предписано «править дѣла обще съ комендантомъ»[1]) Въ 1742 году по докладу сената и по представленію Московскаго вице-губернатора гр. Салтыкова, Елизавета Петровна назначила оберъ-коменданта въ Москву, въ помощь губернатору, который жаловался, что не можетъ справиться со всѣми лежащими на немъ обязанностями, потому что «въ исправленіяхъ дѣлъ по гарнизону и по непрестаннымъ въ кричаніи карауловъ по немалому числу приводамъ, въ разсмотрѣніяхъ и въ разсылкахъ въ надлежащія мѣста, въ смотрѣніи и въ произведеніи по командѣ выдачъ провіанта, въ смотрѣніи и въ содержаніи гарнизонныхъ полковъ и школъ и въ исправленіи городовыхъ починокъ чинится конечная остановка». Въ этихъ словахъ совершенно ясно рисуется кругъ обязанностей коменданта при губернаторѣ[2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда комендантскія должности учреждались въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ, само собою должно было установиться что-то въ родѣ двоевластія воеводы и коменданта, которое, конечно, легко могло перейти въ соперничество. Вѣроятно, для избѣжанія всякихъ осложненій, правительство иногда устраняло одного изъ двухъ: такъ, въ началѣ 30-хъ годовъ были уничтожены воеводства въ Уфѣ и Бахмутѣ, хотя очень скоро, не далѣе какъ въ 1733 году, они были возстановлены[3]).

Ознакомившись съ составомъ областныхъ правителей, мы должны теперь перейти къ изслѣдованіямъ реальныхъ условій ихъ службы и дѣятельности. Исходнымъ моментомъ службы по мѣстному управленію было назначеніе на должность. Само собою разумѣется, что назначеніе, какъ общее правило, есть актъ верховной власти, и совершается именемъ государя; но на практикѣ видное участіе въ дѣлѣ назначенія областныхъ властей принадлежало высшимъ государственнымъ учрежденіямъ. Общій порядокъ назначенія на должности областныхъ правителей былъ выработанъ въ связи съ измѣненіями въ составѣ и взаимоотношеніяхъ высшихъ государственныхъ учрежденій, послѣдовавшими въ 1726 году. Мы находимъ его «въ указѣ о должности сенатской», опредѣлившемъ новое положеніе развѣнчаннаго созданія Петра. Въ сферѣ мѣстнаго управленія сенату предоставлялось право «выбирать и объявлять въ провинціи воеводъ, асессоровъ, камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ и судныхъ комиссаровъ, въ губерніяхъ президентовъ и земскихъ секретарей». Что же касается губернаторовъ и вице-губернаторовъ, а также всѣхъ другихъ областныхъ властей, «которые въ воинскихъ чинахъ», то относительно ихъ сенату предоставлялось только право подыскивать кандидатовъ, снесшись съ воинской коллегіей. Самое опредѣленіе въ должность по представленію

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 306, лл. 1—5.
[2]) Госуд. Арх., разр. XVI, д. 169, ч. II, д. 32.
[3]) Бахмут. пров. канц., оп. 1, вяз. 1; П. С. З., IX, № 6479.

сената совершается въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, составляя прерогативу этого высшаго, совѣщательнаго при верховной власти, учрежденія имперіи[1]). Преобразованія 1727 года не измѣнили указаннаго сейчасъ общаго порядка. Попрежнему назначеніе высшей областной администраціи принадлежало верховному тайному совѣту, низшей — сенату. Фактическій порядокъ опредѣленія областныхъ правителей въ 1727 году можетъ служить здѣсь типичнымъ примѣромъ. Всѣ вопросы, связанные съ назначеніемъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, обсуждаются въ совѣтѣ, и на участіе въ этомъ дѣлѣ сената нѣтъ никакихъ указаній[2]). Избраніе провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ было предоставлено сдѣлать сенату; по смыслу закона, вопросъ объ этомъ въ сенатѣ долженъ былъ бы и закончиться; однако, на самомъ дѣлѣ верховный тайный совѣтъ потребовалъ списокъ наличныхъ кандидатовъ «на апробацію» и внесъ въ него существенныя измѣненія. Это лучше всего рисуетъ дѣйствительное положеніе вещей: совѣтъ постоянно вмѣшивается въ компетенцію сената и фактически очень суживаетъ ее. Впрочемъ, можно, кажется, сдѣлать одну оговорку: совѣтъ болѣе интересуется назначеніемъ провинціальныхъ воеводъ, нежели городовыхъ: назначеніе первыхъ совѣтъ беретъ въ свои руки очень часто; назначеніе вторыхъ — лишь въ исключительныхъ случаяхъ[3]).

Порядокъ, водворившійся во второй половинѣ 20-хъ годовъ, остался господствующимъ и въ дальнѣйшее время. Частичныя измѣненія и колебанія зависятъ отъ двоякаго порядка явленій. Во-первыхъ, значеніе имѣтъ количество высшихъ центральныхъ учрежденій и ихъ взаимныя отношенія, а также степень фактическаго участія верховной власти въ дѣлахъ текущаго управленія, во-вторыхъ, можно попрежнему считать общимъ правиломъ, что замѣщеніе высшихъ должностей по областному управленію интересуетъ больше, чѣмъ замѣщеніе низшихъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, въ назначеніе губернатора вмѣшивается больше лицъ и даже учрежденій, чѣмъ въ назначеніе городового воеводы. Эти общія положенія я постараюсь пояснить фактическими примѣрами.

Послѣ кратковременнаго возстановленія правительствующаго значенія сената въ первый годъ царствованія Анны наступаетъ десятилѣтнее господство кабинета. Ростъ и развитіе власти этого учрежденія мало

---

[1]) П. С. З., VII, № 4847.

[2]) См. выше гл. I; примѣры: Сб. Р. И. О., LXIII, 15, 37, 45. 52, 155, 179, 183, 186, 239, 742 и т. д.

[3]) Примѣры: Сб. Р. И. О. LXIII, 9, 15, 52, 60, 87, 185, 189, 196, 206; LXIX, 94, 122, 341, 747; XCIV, 638, 772, 773 и т. д. Герольдм. конт., кн. 98, лл. 120, 124, 132; въ эти годы назначеніе не всегда даже подготовляется герольдмейстерской конторой: контора получаетъ только копію уже состоявшейся резолюціи сената съ предписаніемъ отправить назначеннаго къ мѣсту назначенія. Подобное изслѣдованіе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ верх. т. совѣта и сената въ вопросѣ о назначеніи на должность, см. у *Филиппова*, Исторія сената, въ правленіе в. т. совѣта, 163 и слѣд., 268 и сл., 293 и сл., 372 -378; и Ист. Прав. Сената, т. I, стран. 452—464 («Сенатъ въ царств. Екатерины I и Петра II», составл. *А. Н. Филипповымъ*).

замѣтны въ первые годы его дѣятельности. Это чувствуется и въ дѣлѣ назначенія областныхъ правителей. Въ 1731—1732 годахъ «въ кабинетѣ» происходитъ только назначеніе губернскихъ властей. Оно состоитъ въ томъ, что императрица, лично присутствуя въ кабинетѣ, подписываетъ указы сенату о назначеніи того или другого лица или же кладетъ соотвѣтствующія резолюціи на сенатскихъ доношеніяхъ; во всемъ этомъ, однако, кабинету не принадлежитъ активной роли: рѣшеніе излагается не въ формѣ резолюціи кабинетъ-министровъ на докладъ сената, но, какъ это совершенно вѣрно отмѣчено въ спеціальной литературѣ, въ видѣ доклада сената, высочайше утвержденнаго въ засѣданіи кабинета[1]). Назначеніемъ воеводъ кабинетъ въ эти годы не занимается вовсе. Первое измѣненіе наступаетъ съ изданіемъ указа 30 апрѣля 1733 года, который хотя и подтверждалъ право сената назначать воеводъ «по прежнимъ указамъ», но устанавливалъ обязательное личное представленіе въ кабинетѣ назначенныхъ на должность лицъ[2]); это обстоятельство на ряду съ прекращеніемъ засѣданій кабинета въ присутствіи императрицы усилило значеніе кабинета при назначеніи областныхъ правителей всѣхъ ранговъ и сдѣлало его какъ бы посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между императрицей и сенатомъ[3]). Въ этотъ періодъ въ кабинетъ подаются иногда обстоятельныя свѣдѣнія о лицахъ, уже избранныхъ сенатомъ на должности провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ, нѣчто въ родѣ краткихъ формулярныхъ списковъ, служившихъ для ознакомленія съ личностью представляемаго въ кабинетѣ[4]). Такой порядокъ вещей долженъ былъ обременить кабинетъ множествомъ мелкихъ и мало интересныхъ дѣлъ, и кабинетъ быстро охладѣлъ къ представленіямъ назначаемыхъ воеводъ; интересъ къ дѣламъ со стороны самой Анны такъ же постепенно понижался; вотъ, вѣроятно, почему, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ изданія указа 30-го апрѣля послѣдовала его отмѣна: «хотя указомъ нашимъ», гласилъ новый указъ, изданный 22 января 1734 года, «повелѣно опредѣляемыхъ въ городы воеводъ представлять въ кабинетѣ нашемъ, а нынѣ мы указали оныхъ воеводъ, не представляя къ намъ, разсматривая опредѣлять нашему сенату попрежнему»[5]). Юридически новый законъ возстанавливалъ порядокъ, введенный послѣ уничтоженія верховнаго тайнаго совѣта, но дальнѣйшій ростъ значенія кабинета, особенно послѣ 1735 года, когда указъ, подписанный кабинетъ-министрами, получилъ силу указа именного, привелъ къ установленію положенія вещей, сходнаго съ тѣмъ, которое существовало въ эпоху господства верховнаго тайнаго совѣта. Сенатъ постоянно занятъ опредѣленіемъ

---

[1]) *Филипповъ*, предисловіе къ CIV тому Сб. Р. И. О., стр. LXVII; примѣры назначеній, подтверждающіе сказанное: Сб. Р. И. О, CIV, 30, 31, 105, 106, 108, 109, 112, 129, 130, 160, 224, 336, 371, 451, 560.

[2]) П. С. З., IX, № 6384; Сб. Р. И. О., CVI, 196.

[3]) Сб. Р. И. О., CVI, 202, 203, 331, 429.

[4]) Сб. Р. И. О., CVI, 430—432, 485—487, 557—560.

[5]) П. С. З., IX, № 6538.

воеводъ провинціальныхъ и городовыхъ; онъ разсматриваетъ кандидатовъ, представляемыхъ герольдмейстеромъ, и «приказываетъ» избраннымъ имъ кандидатамъ быть воеводами въ предназначенныхъ для нихъ провинціяхъ и городахъ[1]). Въ отношеніи губернаторскихъ кандидатуръ права сената фактически ограничены: онъ представляетъ кандидатовъ на утвержденіе кабинета[2]), и только если такіе кандидаты отвергаются, рѣшается иногда отстаивать передъ кабинетъ-министрами своихъ избранниковъ: такъ было, напримѣръ, при вторичномъ представленіи кандидатовъ на мѣсто Сибирскаго губернатора Бутурлина: сенатъ настаивалъ на лицахъ, уже избранныхъ имъ ранѣе, донося, что «ихъ къ тому за достойныхъ признаваетъ, а кромѣ ихъ другихъ способныхъ къ представленію не находитъ, а объ опредѣленіи изъ нихъ одного требуетъ Ея Императорскаго Величества указу[3])». Со своей стороны кабинетъ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ губернскія назначенія[4]) и подобно верховному тайному совѣту не стѣсняется вмѣшиваться и въ назначеніе городовыхъ и провинціальныхъ, если только такое назначеніе почему-либо интересуетъ весь кабинетъ или одного изъ его членовъ[5]). Говоря о царствованіи императрицы Анны, нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ случаевъ проявленія личнаго вмѣшательства ея въ дѣла назначенія; впрочемъ, эти случаи, какъ я уже имѣлъ случай сказать выше, относятся только къ первымъ годамъ ея правленія. Такъ, въ январѣ 1732 года Анна, отвергнувъ всѣхъ представленныхъ ей кандидатовъ на должность Казанскаго вице-губернатора, назначаетъ совершенно новое лицо; немного позднѣе, въ мартѣ того же года, она вновь отвергаетъ 6 кандидатовъ на должность вице-губернатора въ Сибирь и назначаетъ 7-го, не включеннаго въ списокъ[6]). Въ царствованіе Анны мы встрѣчаемся и съ единственнымъ случаемъ, когда центральное правительство частично передаетъ свое право назначенія губернаторамъ. Это произошло по частному случаю: въ 1737 году воевода Тамбовской провинціи былъ устраненъ отъ должности, а его товарищъ умеръ; вслѣдствіе этого всѣмъ губернаторамъ было предоставлено право въ случаѣ, если въ провинціи не окажется ни воеводы ни его товарища, опредѣлять по своему усмотрѣнію въ воеводы «людей достойныхъ», «до указу», т.-е. до

---

[1]) Журналы Пр. Сената за 1737 г., I, 59, 105, 116, 127, 170, 240, 387; II, 10, 14, [20, 38, 57, 59, 89, 116, 139, 144, 153, 159, 160, 177, 202, 210, 298, 299, 319; Сенатскій Архивъ, II, 254, 364, 407, 439, 490, 495, 562, 582, 619, 639, 640; III, 14, 71, 93, 115, 179, 216, 224, [258, 355, 452, 470, 533, 551, 565, 585; IV, 35, 129, 260, 411, 527; V, 126, 148, 280.

[2]) Журналы Прав. Сената за 1737 г., I, 441; Сенатскій Архивъ, II, 248, 312; III, 40; IV, 38; Сб. Р. И. О.; CVIII, 340; CXI, 196.

[3]) Исторія Прав: Сената, I, 633.

[4]) Примѣры: Сб. Р. И. О., CIV, 30, 31, 105, 106, 108, 109, 112, 129, 159, 160, 224, 336, 370—372, 451; CVI, 202, 203, 331, 429; CVIII, 230, 340; CXI, 196, 317, 348; CXIV, 48, 351; CXX, 152, 514; CXXIV, 439; CXXVI, 564, 589.

[5]) Примѣры: Сб. Р. И. О., CIV, 122, 420, 430; CVIII, 142; CXIV, 80, CXXIV, 103.

[6]) Сб. Р. И. О., CIV, 129, 223, 245.

утвержденія ихъ сенатомъ. Это право было, однако, отнято въ началѣ царствованія Елизаветы[1]).

Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны сенатъ вновь и надолго уже получилъ первенствующее значеніе; естественно, что всѣ функціи по дѣламъ назначенія на должности, до тѣхъ поръ раздѣленныя между сенатомъ и заслонявшимъ его верховнымъ совѣтомъ или кабинетомъ, теперь соединились въ рукахъ перваго. Какъ общее правило, назначеніе на должности по областному управленію остается дѣломъ сената за все 20-лѣтнее царствованіе Елизаветы. Особенностью первыхъ лѣтъ этой эпохи въ интересующемъ насъ вопросѣ является стремленіе самой мало энергичной императрицы на первыхъ порахъ ея царствованія взять въ свои руки дѣло назначенія не только губернаторовъ, но и воеводъ. Елизавета, столь мало похожая на Анну, начала съ того же: она повелѣла, какъ и ея предшественница, «опредѣляемыхъ въ города воеводъ и къ разнымъ дѣламъ въ секретари представлять въ кабинетѣ нашемъ»; а 22 января 1744 года, смущенная, вѣроятно, проистекавшимъ изъ ея повелѣнія загроможденіемъ дѣлъ, отмѣнила свой указъ, предоставивъ «воеводъ и секретарей опредѣлять сенату по прежнему»[2]). Съ быстрымъ охлажденіемъ императрицы къ дѣламъ внутренняго управленія вопросъ о назначеніи областныхъ правителей сдѣлался до самаго конца ея царствованія предметомъ исключительнаго попеченія сената.

Воцареніе Екатерины II, не мѣняя существующихъ законовъ, вноситъ значительныя фактическія измѣненія въ назначеніе областныхъ правителей, въ особенности высшихъ ранговъ. Сенатъ, не теряя формально своего значенія, отходитъ на задній планъ; его роль, даже до раздѣленія на департаменты — пассивна; активная — принадлежитъ теперь самой властной императрицѣ и ея энергичному помощнику, генералъ-прокурору, кн. Вяземскому[3]). Назначенія, сдѣланныя въ 1764 году, даютъ ясное представленіе о новыхъ порядкахъ. 18 апрѣля 1764 года сенатъ получилъ черезъ Вяземскаго предписаніе императрицы составить проектъ назначеній на рядъ должностей по центральному и областному управленію, въ соотвѣтствіе незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ 1763 года, утвержденнымъ новымъ штатамъ; сенатъ, какъ видно изъ его доклада, «старался сколько знанія усердіе изобрѣсть было въ состояніи, соотвѣтствовать Е. И. В. высочайшему соизволенію, чтобы вездѣ были опредѣлены люди достойные и способные», но, несмотря на такое стараніе сената, Екате-

---

[1]) П. С. С., № 7328, Журн. Сената за 1737 г., II, 32, 34. *Градовскій*, Высшая Администрація въ Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры, 210.

[2]) П. С. З. XII, 8865; повелѣніе Елизаветы Петровны отъ 11 декабря 1744 г. назначенныхъ въ городы воеводами къ будущему году представить съ реестромъ къ Е. И. В. (Ист. Прав. Сената, II, 254, Сенатъ въ царствованіе Елизаветы, составл. *А. Е. Прѣсняковымъ*). По мнѣнію *А. Е. Прѣснякова* указъ 22 января не получилъ общаго значенія; быть можетъ здѣсь слѣдуетъ видѣть лишь обычное явленіе русской жизни стараго времени: практика расходилась съ законодательствомъ.

[3]) *Градовскій*, Высшая администрація, 237 (Соч. т. I).

рина изъ 12 лицъ, намѣченныхъ сенатомъ въ губернаторы, утвердила только 8, а на мѣсто остальныхъ сама, по своей иниціативѣ, назначила новыхъ[1]). О дѣятельномъ участіи самой императрицы въ дѣлѣ подысканія кандидатовъ на губернаторскія мѣста говоритъ одна ея записка, относящаяся ко времени первой турецкой войны и Пугачевскаго бунта. Екатерина приказываетъ представить ей «человѣка, которому бы на нынѣшнее военное и смутное время въ Астраханской губерніи поручить управленіе, ибо господина Бекѣтьева видно, что не достаетъ. Не будетъ ли къ тому способенъ генералъ-поручикъ Остерманъ, а какъ успокоится все, тогда ужъ, если онъ не захочетъ тамо остаться, пріищемъ другого»[2]). Таковъ же характеръ и другихъ назначеній по областному управленію до времени губернской реформы, которая назначеніе главнокомандующаго губернатора и вице-губернатора всецѣло отнесла къ области верховнаго управленія, а избраніе кандидатовъ на нѣкоторыя второстепенныя должности въ губерніи попрежнему оставила за сенатомъ[3]).

Кандидаты на должности по областному управленію происходили изъ двоякаго рода служебной среды. Высшіе губернскіе посты замѣщались, по большей части, чинами дѣйствительной военной службы, по выбору высшей власти или высшаго господствующаго въ данный моментъ учрежденія[4]). Нѣкоторые изъ губернскихъ чиновъ и большая часть провинціальныхъ воеводъ, воеводъ городовыхъ и офицеровъ при подушномъ сборѣ принадлежали къ помѣстному дворянству и получали гражданскія должности, какъ это повелось съ Петра, послѣ долгой военной службы, въ награду за понесенные труды и какъ возможность заслуженнаго отдыха послѣ войнъ и походовъ. Если дать себѣ трудъ ознакомиться съ дошедшимъ до насъ «спискомъ военныхъ чиновъ», составленнымъ, вѣроятно, около 1750 года[5]), то можно быстро убѣдиться, что назначеніе въ должность воеводы наступало, обыкновенно, послѣ увольненія отъ военной службы, «за старостію и за болѣзнями», «за дряхлостью» или «за ранами». Конечно, лишь немногимъ счастливцамъ удавалось немедленно получить назначеніе по гражданской службѣ; большинство зачислялось въ «валовой списокъ», т.-е. въ общій резервъ, откуда, по мѣрѣ надобности, и черпались необходимые правительству люди[6]). Записанные въ валовой списокъ, обычно, отпускались «въ домы» «до указа». Какъ и весь личный составъ благороднаго шляхетства со всею его службою, резервъ гражданскихъ чиновниковъ находился въ вѣдѣніи подчиненнаго сенату герольдмейстера, заступившаго мѣсто стараго московскаго разряда. Съ самаго начала существованія должности герольдмейстера, одною изъ

---

[1]) Сенатскій Архивъ. XIV, 202—203; примѣры обычныхъ назначеній по докладамъ сената: тамъ же стр. 109, 183, 361.

[2]) Госуд. Арх., разр. X, д. № 248.

[3]) Учрежд. для упр. губ., ст. 59, 60.

[4]) Госуд. Арх., разр. XVI, д. 169, ч. 2, д. № 1, 12, 24, 29, 32, 37, ч. 6.

[5]) Сен. Арх., VII, 626—811.

[6]) Герольдм. конторы, кн. 98, лл. 152—154, 193, 216, 239; кн. 136, 137.

ея важнѣйшихъ функцій было представленіе въ сенатъ кандидатовъ, для замѣщенія должностей по центральному и областному управленію, въ коллегіи, въ губерніи и на воеводства; обязанность вести учетъ дворянамъ и представлять кандидатовъ сенату остается основной и постоянной обязанностью герольдмейстера за весь изучаемый періодъ времени[1]). Отставка отъ военной службы и зачисленіе въ вѣдѣніе герольдмейстера происходили въ 20-хъ и 30-хъ годахъ послѣ особаго осмотра данныхъ лицъ въ сенатѣ; иногда такіе осмотры бывали и въ кабинетѣ, который часто вмѣшивался и въ эту функцію сената[2]). Позднѣе дѣло происходило проще. Отставленный отъ военной службы отсылался прямо изъ военной коллегіи въ герольдмейстерскую контору при особой промеморіи, содержавшей свѣдѣнія о его прошлой службѣ и рѣшеніе военной коллегіи. Такія промеморіи докладывались въ присутствіи герольдмейстерской конторы, которая, въ свою очередь, дѣлала соотвѣтственные доклады сенату[3]).

Самый процессъ представленія кандидатовъ отъ герольдмейстера въ сенатъ сводился къ слѣдующему. Герольдмейстеръ входилъ въ сенатъ съ доношеніемъ, при которомъ прилагался списокъ кандидатовъ на всѣ должности по областному управленію, которыя надо было замѣстить, на каждую по 3 человѣка; списокъ этотъ или, какъ онъ обыкновенно назывался, экстрактъ, содержалъ краткія данныя о службѣ представленныхъ лицъ, о ихъ возрастѣ, и о томъ, гдѣ они испомѣщены, и сколько за ними душъ. О выборѣ, сдѣланномъ въ сенатѣ, герольдмейстерская контора извѣщалась копіей сенатскаго указа. Такого рода порядокъ оставался неизмѣннымъ во все время существованія изучаемыхъ областныхъ учрежденій[4]).

---

[1]) О герольдмейстерѣ, см. Ист. Прав. Сената, I, 249—264; 425—431; 593—600. II, 160—161, 416—426, *Филиппова*, Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта, 298 и слѣд.; примѣръ указа о высылкѣ въ герольдмейстерскую контору неявляющихся туда дворянъ и списки ихъ. Карачев. воев. канцеляріи, оп. 1 вяз. 2, д. 3, лл. 35—43 (1728 г.).

[2]) Примѣры осмотровъ въ Сенатѣ: герольдм. конт., кн. 82 84, 92, 98 (1726—28 г.) Сен. Арх., II, 100—102, 125, 295; въ кабинетѣ: Сб. Р. И. О., CIV, 132—134, 136—137, 192—193, 361, 389—393, 447 и т. д. (1732 г.); CXXX, 14. (1739 г.). Въ кабинетѣ производились также особые осмотры лицъ уклонявшихся отъ обыкновенныхъ смотровъ; герольдмейстерская контора розыскивала ихъ и доставляла на смотръ кабинета. Герольдм. конт., кн. 206, лл. 1451—52. Примѣры просьбъ объ отставкахъ и долговременныхъ отпускахъ: Герольдм. конторы, кн. 98, лл. 121, 122, 125, 148, 149, 150, 157, 169, 170, 182, 202, 227, 247, и т. д. (1727—1728 г.); кн. 130, лл. 131, 133; кн. 134 (1732—33 гг.), 138 (1732—33 гг.); кн. 303, лл. 234, 260, 295, 320, 355 (1745 г.); кн. 307, 308 (1745—47).

[3]) Герольдмейстерской конторы, кн. 303, 304, 455; кн. 502, 503, кн. 506, лл. 500—522, 594—607, кн. 526. Указъ о вольности дворянства сказался на порядкѣ зачисленія въ гражданскую службу между прочимъ тѣмъ, что послѣ 1762 г. участились особыя прошенія объ опредѣлен и къ статскимъ дѣламъ, которыя подавались увольняемыми отъ военной службы въ герольдмейстерскую контору. Герольдм. конт., кн. 584.

[4]) Герольдмейстерской конторы, кн. 98, лл. 141, 198, 217, 228, (1728 г.); кн. 126, кн. 128, лл. 171—177, 261—276, 289—290, 325—342, 419—420, 440—442, 547—555;

Весь громадный запасъ лицъ, изъ которыхъ назначались средніе и мелкіе областные правители, не могъ жить въ Петербургѣ или Москвѣ и, конечно, будучи не у дѣлъ, разсыпался по своимъ вотчинамъ. Отсюда происходила трудность въ постоянномъ и правильномъ учетѣ кандидатовъ на должности и стремленіе такъ или иначе его упорядочить. Вмѣшательство губернской власти, особенно съ 1737 года, когда она временно получила право самостоятельно назначать «до указу» провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ, еще болѣе запутывало дѣло. До кабинета доходили жалобы на то, что губернаторы и воеводы[1]) «по своему произволенію изъ шляхетства, кого похотятъ, къ дѣламъ опредѣляютъ, несмотря на то, что оные за прежнія свои долголѣтнія службы и раны отъ всѣхъ дѣлъ отставлены». Въ 1738 году кабинетъ постановилъ «учинить постоянное опредѣленіе, какимъ образомъ губернаторамъ и воеводамъ впредь въ томъ поступать и къ какимъ дѣламъ и кого изъ живущихъ въ домахъ взять позволить, чтобъ никто безъ самой нужды отъ смотрѣнія своей экономіи оторванъ и въ разореніе приведенъ не былъ»[2]). Какъ послѣдствіе такихъ заботъ кабинета, слѣдуетъ разсматривать указъ 7 мая 1739 года, предписывавшій герольдмейстерской конторѣ сообщить въ губерніи и провинціи обстоятельныя вѣдомости «объ отставныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, кои по разсмотрѣнію правительствующаго сената назначены къ дѣламъ и отпущены въ домы, кто гдѣ испомѣщены и жительство имѣютъ», «дабы объ нихъ губернаторы и провинціальные воеводы свѣдомы были», и когда объ опредѣленіи кого къ дѣламъ указы получатъ, «скорѣе сыскать ихъ могли». Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ подтверждалъ разрѣшеніе областнымъ властямъ пользоваться живущими по домамъ дво-

кн. 130, лл. 163—165, 307—309, 1096—97 (1732 г.); кн. 206 (1737—1740 гг.) лл. 1—18, 476—481, 546—47, 565, 606, 608—609, 823, 836—847, 963—965, 1001—1008, 1127—29, 1168—69, 1204—05, 1222—24, 1241—44, 1287—91, 1341—50, 1452—77, 1605; кн. 307, 308 (1745—47); кн. 506 (1762 г.) лл. 30—32, 332—336, 349, 372, 385, 395, 458—461, 487—490, кн. 584 (1773—74) лл. 32—42, 85—98, 441—446. кн. 589. Кандидатовъ на губернскіе посты представляютъ указаннымъ обычнымъ порядкомъ довольно рѣдко и преимущественно для отдаленныхъ губерній или для должностей губернаторскихъ товарищей: кн. 98, л. 234, л. 127, л. 190—196, 206, л. 608; кн. 454, л. 151—153, 629, 425—435. (Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, дѣло касается Сибири.) О назначеніи на губернаторскіе посты герольдмейстерская контора получала увѣдомленія, но и то не всегда. Примѣръ: увѣдомленіе о назначеніи въ Ригу вице-губернатора Балка: герольдм. конторы, кн. 93, л. 222.

[1]) Что въ вопросѣ объ опредѣленіи къ дѣламъ могли имѣть значеніе и воеводы, преимущественно, конечно, провинціальные, видно изъ слѣдующаго эпизода: 30 іюня 1731 г. Вятскій провинціальный воевода Любовниковъ доносилъ въ сенатъ, что по указу правительствующаго сената велѣно въ Кайгородкѣ быть воеводою жильцу Дмитрію Дохтурову, который въ Кайгородокъ и понынѣ не бывалъ, а въ небытность его должность отправлялъ бывшій комиссаръ Келинъ, а въ нынѣшнемъ 731 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ явили въ Вятской канцеляріи отставные оберъ-офицеры паспорты поручикъ Казанцевъ, прапорщикъ Иванъ Бѣлыхъ, а изъ оныхъ одному по мнѣнію нашему въ Кайгородкѣ воеводную должность управлять можно, точію безъ указа изъ правительствующаго сената опредѣлить опасенъ». Герольдм. конт., кн. 93, л. 295.

[2]) Сб. Р. И. О., СХХ, 157.

рянами, «если какая нужда требовать будетъ ко исправленію по указамъ не на долгое время», призывая, однакоже, дѣйствовать въ такихъ случаяхъ съ большой осмотрительностью[1]). Но этого казалось мало; еще ранѣе было признано необходимымъ имѣть подъ рукою хотя бы небольшой, но постоянный штатъ кандидатовъ на различныя должности; указъ 4 октября 1732 года предписывалъ, чтобы въ Москвѣ «для опредѣленія всякихъ дѣлъ и посылокъ» жили по 20 человѣкъ, мѣняясь по третямъ года. Всего, такимъ образомъ, въ Москвѣ ежегодно должны были побывать 60 человѣкъ дворянъ. Эта цифра легла въ основаніе и слѣдующей законодательной мѣры, преслѣдовавшей ту же цѣль[2]). 9-го слѣдующаго ноября такая же мѣра была проведена и для новой столицы: при герольдмейстерской конторѣ должны были на подобныхъ же основаніяхъ жить погодно 60 человѣкъ дворянъ Новгородской губерніи изъ провинцій собственно Новгородской, Псковской и Великолуцкой[3]). Указомъ 20 іюля 1739 года повелѣно было герольдмейстеру выбрать «изъ отставныхъ лучшихъ знатныхъ и пожиточныхъ людей 120 человѣкъ»; 60 должны жить въ Петербургѣ, 60 — въ Москвѣ, смотря, чьи куда ближе деревни, перемѣняясь погодно по половинамъ; указъ подтверждалъ также и всѣ прежнія правила учета уволенныхъ «въ домы» дворянъ[4]). Хотя приведенные указы, видимо, исполнялись[5]), но дѣло, все-таки, шло не гладко; отправленіе на годичное жительство въ столицу, въ Петербургъ особенно, было пріятно не всѣмъ, а областныя власти проявляли недостаточную аккуратность и не всегда сообщали въ герольдмейстерскую контору о послѣдовавшемъ, по ихъ иниціативѣ, временномъ опредѣленіи дворянъ къ дѣламъ. На эти именно стороны дѣла обращаютъ вниманіе два важнѣйшихъ указа Елизаветинскаго царствованія: въ 1753 году цѣлый рядъ лицъ,

---

[1]) П. С. З., X, № 7799. Образецъ подобнаго списка, отправленнаго изъ герольдм. конторы въ Московск. губернск. канцелярію въ 1739—40 гг. можно видѣть въ 206 книгѣ герольдм. конторы, лл. 1031—1089; въ Московской губерніи въ это время числилось до 600 отставныхъ военныхъ — кандидатовъ на гражданскія должности. Во исполненіе этого указа въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, канцеляріяхъ велись списки и книги объ отставныхъ штабъ и оберъ офицерахъ; образецъ такого документа, относящійся къ 1749 г.: книга Брянской воев. канц. оп. 1, вяз. 1, д. 8; въ книгу внесено: штабъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ и ихъ дѣтей 139 чел., дворянъ—19 чел., недорослей 63 чел., Волоской націи изъ дворянъ—1; изъ однодворцевъ, приписанныхъ къ дворянамъ 4; свѣдѣніе о такомъ же спискѣ: Дмитр. воев. канц., вяз. 2, д. 242.

[2]) Курмыш. воев. канц., оп. 4, вяз. 3, д. 349, л. 175; на основаніи этого указа, назначаемые въ Москву на 1733 г. разыскивались въ мѣстахъ своего жительства и высылались въ Москву, давая подписку прибыть къ назначенному сроку. Распоряженіе объ этомъ см. также герольм. конт., кн. 130, лл. 759—761. Въ П. С. З. этого указа нѣтъ.

[3]) П. С. З., VII, № 5840.

[4]) П. С. З., X, № 7858.

[5]) Это подтверждается такими напримѣръ извѣстіями: въ 1744 г. маіора Взимнова велѣно было «написать на житье во 120 человѣкъ». Сенатскій Архивъ, VII, 755.

назначенныхъ на житье въ Петербургъ, пытались избавиться отъ непріятной командировки, ссылаясь, одни — на пожарное разореніе; иные — на то, что дворовые разграбили ихъ и разбѣжались, и имъ некого послать ихъ разыскивать; третьи выставляя необходимость самимъ защищать свое судебное дѣло; въ отвѣтъ на это послѣдовало распоряженіе подвергать освидѣтельствованію въ медицинской коллегіи всѣхъ, кто отказывается ѣхать въ Петербургъ[1]). Старанія уклониться отъ командировокъ «на житье» въ столицы встрѣчались и позднѣе но командировки такого рода неизмѣнно оставались въ силѣ еще и въ 60-хъ годахъ[2]). Въ 1755 году было дано напоминаніе губернаторамъ и провинціальнымъ воеводамъ «безъ всякаго умедленія» доносить герольдмейстеру о всѣхъ временныхъ назначеніяхъ, данныхъ ими живущимъ въ ихъ областяхъ дворянамъ[3]).

Приведенными указами достаточно характеризуются заботы правительства о правильномъ учетѣ кандидатовъ на гражданскія должности и его стремленіе имѣть нѣкоторое количество ихъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи, во избѣжаніе всякихъ случайностей и слишкомъ большой зависимости отъ мѣстныхъ властей. Довольно многочисленныя распоряженія, издававшіяся позднѣе, по интересующему насъ вопросу, не мѣняютъ общей картины и свидѣтельствуютъ развѣ лишь о томъ, что въ царствованіе Екатерины II появилась тенденція упростить учетъ и избавиться отъ лишнихъ командировокъ и сопряженныхъ съ ними расходовъ[4]).

Отставные военные, преимущественно живущіе по имѣніямъ, были главнымъ контингентомъ, изъ котораго выходили второстепенные областные правители, но нельзя обойти молчаніемъ еще одной категоріи лицъ, дававшихъ изъ своей среды воеводъ: это — мелкіе придворные служащіе и столичные бюрократы, проходившіе канцелярскую службу при какой-нибудь высокой персонѣ, въ сенатѣ или другихъ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Вотъ живые случаи такого назначенія: 9 марта 1741 года придворнаго кухеншрейбера Ивана Кругликова повелѣно было опредѣлить на воеводство въ Можайскъ или въ Гжатскую пристань[5]). Три дня спустя, «въ собраніи правительствующій сенатъ, по сообщенію отъ Е. И. В. генералиссимуса Антона Ульриха, герцога Брауншвейгъ-Люне-

---

1) П. С. З., XIII, № 10079.

2) Герольдм. конт., кн. 454; кн. 504, лл. 1022—1074 1—5 л.

3) П. С. З., XIV, № 10385.

4) П. С. З., XV, № 11215 (1760 г. мар. 14): распространеніе вѣдѣнія герольдмейстера на Смоленскую шляхту; №№ 11229, 11561: отставные, просящіеся вновь на службу, записываются въ валовой списокъ безъ представленія въ сенатѣ (1761—1762 гг.); XVI, № 12077: о заполненіи различныхъ новыхъ мѣстъ по штатамъ 1763 г. отставными (8 мар. 1764 г.); XVI, № 11690, XVII, № 12731: сокращеніе случаевъ личнаго представленія въ герольдм. конторѣ и въ сенатѣ (1762—1766 гг.); XIX, № 13690: предложеніе ген.-прокурора и герольдмейстера о присылкѣ вѣдомостей о служащихъ и не служащихъ дворянахъ (1771 г.).

5) Сен. Архивъ, III, 51.

бургскаго, о награжденіи секретаря Ксенофонта Макова за понесенные его, въ бытность при канцеляріи его, добропорядочные и рачительные труды армейскимъ премiеръ-маiорскимъ рангомъ и о опредѣленіи къ штатскимъ дѣламъ Бѣлогородской губерніи въ Сѣвскую провинцію въ провинціальные воеводы приказали: оному Макарову въ той Сѣвской провинціи быть воеводой съ 1742 года»[1]). Иногда такія лица не сразу получали воеводское мѣсто, а предварительно получали назначеніе въ секретари провинціи или губерніи: такъ, въ 1747 году «обрѣтающійся въ правительствующемъ сенатѣ дворянинъ» Григорій Бардаковъ былъ опредѣленъ въ секретари Симбирской провинціи, а четверть вѣка спустя мы находимъ его Шуйскимъ городовымъ воеводой[2]).

Ходъ назначенія на должности по областному управленію въ общихъ чертахъ уже рисуется изъ предшествующаго изложенія: оно слагается изъ предварительнаго выбора кандидата и его утвержденія подлежащей властью. Для губернскихъ властей дѣло этимъ исчерпывается[3]), однако, къ общей картинѣ можно добавить нѣсколько подробностей, касающихся, преимущественно, назначенія второстепенныхъ областныхъ правителей — воеводъ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ выбирали и обсуждали кандидатовъ въ теченіе цѣлаго года передъ назначеніемъ; потомъ установленъ былъ предѣльный срокъ въ 4 мѣсяца; съ 1762 года предписано было избирать кандидатовъ за годъ до вступленія ихъ въ должность[4]). Въ царствованіе Анны введено было правило справляться о назначенныхъ въ прежнихъ мѣстахъ ихъ службы, «не касается ли до нихъ какихъ дѣлъ, и не имѣется ли на нихъ начетовъ»[5]). Въ 1760 году къ этой справкѣ прибавилась еще другая справка о судимости[6]). Послѣднимъ актомъ, связаннымъ съ назначеніемъ, было представленіе царствующей особѣ: обязательное, въ силу обычая, для губернаторовъ оно то вводилось, то отмѣнялось для воеводъ. Введенное въ 1733 году, оно было отмѣнено два года спустя во избѣжаніе «напрасныхъ убытковъ», для всѣхъ, кромѣ нахо-

[1]) Сен. Архивъ, III, 76—77.

[2]) Д. Сената, кн. 103/319, лл. 214—295; Моск. Губ. Канц., вязки 1866—1874.

[3]) Герольдм. контора почти всегда получала лишь указъ о состоявшемся назначеніи на постъ губернатора: въ ея дѣлахъ заключаются только распоряженія, вытекающія изъ факта назначенія, самое назначеніе внѣ ея компетенціи, кн. 93, л. 222; кн. 127, д. № 1, д. № 6, лл. 519, 679—693; кн. 128, д. № 1; кн. 306, лл. 342—345. Примѣры указовъ о назначеніи губернаторовъ, данныхъ изъ высшихъ учрежденій, см. Сб. Р. И. О, т. XXXVIII, стран. 33, 271.

[4]) П. С. З., XV, № 11476; Сенат. Архивъ, VII, 636—811; тамъ же стр. 745: полковникъ Фуниковъ избранъ болѣе чѣмъ за годъ.

[5]) П. С. З., IX, № 6522. Для такой справки герольдмейстерская контора обращалась въ камеръ-коллегію, которая и сообщала требуемыя свѣдѣнія. Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 56—58, 71, 1281, 1316.

[6]) П. С. З., XV, № 11223; ук. 22 марта 1760 г.: «при опредѣленіи къ дѣламъ воеводъ и прочихъ штатскихъ чиновъ, которые по увольненіи ихъ у дѣлъ не были, брать сказки, что до нихъ казенныхъ и челобитчиковыхъ, кромѣ обыкновенныхъ, такожъ и дѣлъ не имѣется, а о таковыхъ, которые являются подъ слѣдствіемъ, напередъ опредѣленія докладывать».

дящихся въ Петербургѣ; вновь введенное Елизаветой для городовыхъ воеводъ, представленіе было окончательно уничтожено указомъ 22 января 1744 года, оставшись, повидимому, въ силѣ для провинціальныхъ воеводъ[1]).

Говорить о вліяніяхъ, подъ какими совершались тѣ или иныя назначенія, затруднительно: закулисныя интриги трудно поддаются изслѣдованію; но нельзя не упомянуть о такихъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ назначенія принимали участіе представители мѣстныхъ обществъ. Нижеслѣдующій примѣръ можетъ иллюстрировать сказанное: 20 апрѣля 1737 года въ сенатѣ было доложено донесеніе Пензенской провинціальной канцеляріи о томъ, что мѣстные помѣщики «въ ту провинцію подали прошеніе, увѣдомились они, что будетъ въ Пензенскую провинцію воеводскимъ товарищемъ» капитанъ Аврамъ Москотиньевъ. Между тѣмъ, Москотиньевъ «явился подозрителенъ» въ дѣлѣ о казнокрадствѣ бывшаго Тамбовскаго комиссара Карпова; въ силу этого, дворяне просили, «чтобъ ему Москотиньеву въ Пензенской провинціи не быть». Когда, по справкѣ, оказалось, что Москотиньевъ, дѣйствительно, получилъ отъ Карпова для затяжки дѣла 150 рублей, «шпагу, серебряный эфесъ, да пару лошадей», сенатъ отставилъ уже избраннаго кандидата и предписалъ герольдмейстеру представить другого[2]). Къ вопросу объ отношеніи мѣстнаго общества къ назначенію воеводъ мнѣ придется возвратиться еще нѣсколько разъ.

На руки назначенному давался указъ о назначеніи или, по крайней мѣрѣ, паспортъ или подорожная; о происшедшемъ назначеніи, кромѣ того, сообщалось по командѣ внизъ — въ губерніи, провинціи и т. д.; назначенный воевода долженъ былъ точно такъ же явиться по командѣ губернскимъ, а если онъ былъ воеводой городовымъ, то и провинціальнымъ властямъ и только по исполненіи этихъ формальностей онъ могъ отправиться къ своей новой должности[3]); только что сказанное можно пояснить примѣромъ. Въ апрѣлѣ 1736 года Бѣлевскимъ воеводой назначенъ былъ капитанъ Яковъ Быковъ. О назначеніи этомъ сенатъ увѣдомилъ Бѣлгородскую губернію и Орловскую провинцію; а первая, кромѣ того, увѣдомила, со своей стороны, вторую; Орловская провинція въ совершенно тѣхъ же выраженіяхъ, какими пользовались въ своихъ указахъ высшія инстанціи, сообщила о назначеніи Быкова въ Бѣлевъ. Снабженный должнымъ указомъ, прибылъ въ Бѣлевъ 28-го мая и самъ воевода Быковъ[4]). Какъ мы только что видѣли, личное представленіе царствующимъ особамъ и высшимъ властямъ всѣхъ назначаемыхъ воеводъ было мимолетнымъ явленіемъ. Гораздо чаще назначаемый на должность,

[1]) П. С. З., XI, №№ 6384, 6522; XII, № 8865; съ уничтоженіемъ обязательнаго для всѣхъ представленія въ списки представляемыхъ герольдмейстеромъ кандидатовъ включаются и лица, назначаемые заочно. Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 1331—1337.

[2]) Журн. Сената за 1737 г., I, 236, II, 272.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 7; оп. 7, вяз. 3, д. 44. Герольдм. конторы, кн. 206, л. 18.

[4]) Орловской пров. канц., оп. 11, д. 4989. Примѣры подобныхъ указовъ и распоряженій см. также гл. III.

мирно пребывавшій въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ или въ имѣніи, получалъ вмѣстѣ съ указомъ о назначеніи предписаніе явиться въ сенатъ, въ его Московскую контору или прямо въ губернскую канцелярію и здѣсь, послѣ привода къ присягѣ, получалъ всѣ необходимые документы. Бывало и такъ, что точное мѣстопребываніе назначеннаго не было извѣстно въ сенатѣ; въ такомъ случаѣ, мѣстнымъ властямъ приказывалось немедленно сыскать и выслать его къ мѣсту назначенія[1]). Наблюденія надъ административной жизнью XVIII вѣка далеко не убѣждаютъ въ томъ, что вновь назначенные воеводы всегда аккуратно и точно являлись на мѣста своей службы: злая воля, а можетъ-быть, еще больше разстоянія и трудности передвиженія заставляли не только первыхъ воеводъ 1727 года, но и ихъ преемниковъ опаздывать къ установленнымъ срокамъ; правительство считало нужнымъ иногда карать виновныхъ въ опозданіи, какъ оно покарало наиболѣе неисправныхъ изъ первыхъ воеводъ: такъ, указомъ 21 апрѣля 1740 года, назначеннаго въ Епифань воеводу Зиновьева было повелѣно подвергнуть денежному штрафу «за неприбытіе въ тотъ городъ генваря къ первому дню», если только «законныхъ причинъ, зачѣмъ къ помянутому числу не прибылъ, не покажетъ»[2]). Назначеннаго воеводой въ Уфу П. Бутурлина, жившаго въ своей Арзамасской вотчинѣ и желавшаго оттянуть свой отъѣздъ до зимняго пути, насильно отправлялъ къ мѣсту службы мѣстный воевода[3]).

Назначеніе на должность воеводы было предметомъ желанія очень многихъ: этого добивались и ждали по цѣлымъ годамъ; естественно, по этому, думать, что отказы и уклоненія отъ назначеній бывали очень рѣдки. Тѣмъ не менѣе, можно наблюдать и такіе случаи: ждать мѣста приходилось иногда слишкомъ долго, и когда его, наконецъ, удавалось получить, то уже не было силъ его занять. Болѣзни, дряхлость, старость— почти единственные мотивы, которые выставляютъ при отказѣ отъ назначенія. Лишь очень рѣдко встрѣчаются иныя причины въ родѣ тѣхъ, которыя привелъ назначенный въ 1740 году Судайскимъ воеводой отставной капитанъ Θедоръ Рашковъ, просившій не отправлять его на воеводство «за крайними нуждами, понеже онъ, будучи въ военной службѣ, черезъ 26 лѣтъ въ домѣ не бывалъ»[4]). Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда болѣзнь, на которую ссылалось назначаемое лицо, казалась подозрительной, назначался медицинскій осмотръ, происходившій обычно

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, указъ № 114, 1734 г.: примѣры подобнаго рода предписанія: Клинская воев. канц. должна розыскать живущаго по свѣдѣніямъ герольдмейстерской конторы въ своей Клинской вотчинѣ «по приговору сената вновь опредѣленнаго Бѣлгородской губерніи въ Сѣвскую провинцію маіора Θедора Телѣгина и о высылкѣ его куда надлежитъ послать указъ». Другой примѣръ: Герольдм. конторы, кн. 206, л. 45.

[2]) П. С. З., XI, № 8070.

[3]) Госуд. Арх., разр. XVI, д. 64.

[4]) Сен. Архивъ, II, 225, 326; другіе примѣры: герольдм. конт., кн. 93, л. 13; кн. 98, л. 106.

въ столицѣ въ самомъ сенатѣ, а иногда, во время существованія кабинета, въ этомъ послѣднемъ. Насколько обоснованы и законны могли быть просьбы объ освобожденіи и какихъ кандидатовъ иногда собирались назначить въ губернію и на воеводство, можно судить по медицинскому осмотру 75-лѣтняго стольника Кожина, вызваннаго въ 1731 году въ Петербургъ «для опредѣленія къ дѣламъ». У Кожина оказалась «каменная болѣзнь, отъ которой моча не держится и ноги отъ подагры вверху сохнутъ, внизу пухнутъ, руки за старостью трясутся и глазами худо видитъ». Само собою разумѣется, что Кожинъ былъ отпущенъ домой[1]).

Такъ обставлено было назначеніе на должность областныхъ правителей. Отъ какого бы учрежденія оно ни зависѣло, каковы бы ни были и гдѣ бы ни находились кандидаты на должности, можно сказать одно: назначеніе во все изучаемое время являлось вполнѣ бюрократическимъ дѣломъ; оно состояло изъ цѣлой цѣпи отдѣльныхъ моментовъ и было обставлено рядомъ формальностей, которыя, за рѣдкими исключеніями свидѣтельствуютъ о твердомъ и постоянномъ желаніи центральнаго правительства держать въ своихъ рукахъ замѣщеніе должностей по областному управленію.

Въ заключеніе, отмѣтимъ, что назначеніе офицеровъ при подушномъ сборѣ происходило нѣсколько инымъ порядкомъ, нежели назначеніе на общія должности по областному управленію. Указъ 24 мая 1736 года, изданный въ дополненіе къ указу 26 января того же года, создавшему институтъ офицеровъ при подушномъ сборѣ, предоставлялъ выборъ кандидатовъ и опредѣленіе ихъ военной коллегіи; та же коллегія должна была «сверхъ надлежащаго числа офицеровъ опредѣлить въ каждой губерніи человѣкъ по 10, по 15 и по 20, смотря по обширности губерніи и по количеству душъ, и быть имъ въ дирекціи у губернаторовъ, изъ которыхъ бы они могли опредѣлять по своему разсмотрѣнію на мѣста умершихъ или уволенныхъ за негодностью»[2]). Такимъ образомъ, устанавливалось участіе въ назначеніи офицеровъ при подушномъ сборѣ двухъ учрежденій — военной коллегіи и губернской канцеляріи; само собою разумѣется, что герольдмейстерская контора не могла остаться совершенно чуждой этому дѣлу. Резолюціей сената отъ 27 іюня 1743 года герольдмейстеру было предписано ежегодно отправлять въ распоряженіе высшихъ военныхъ властей извѣстное число кандидатовъ для замѣщенія должностей по подушному сбору, которыя, такимъ образомъ, сдѣлались достояніемъ отставныхъ офицеровъ, состоявшихъ на учетѣ герольдмейстера. Самое назначеніе производилось военнымъ вѣдомствомъ[3]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно, однако, производилось и губернскимъ начальствомъ, которое, повидимому, сохраняло то право, которое ему дано было указомъ 24 мая 1736 года[4]).

---

[1]) Сб. Р. И. О., CIV, 289; Герольдм. конт., кн. 127, лл. 329—335.

[2]) П. С. З., IX, № 6976.

[3]) Герольдм. конт., кн. 303, л. 196; кн. 454, лл. 665—666;

[4]) Дмитровск. воев. канц., вяз. 21, д. 1; Герольдм. конт., кн. 303, л. 395.

Однимъ изъ логическихъ послѣдствій областной реформы 1727 и 1728 годовъ было установленіе срочности воеводской должности. Исторія этого вопроса въ послѣдующее время можетъ служить характернымъ примѣромъ того, какъ правительство, желавшее регламентировать всю службу областныхъ чиновъ, вынуждаемо было въ иныхъ случаяхъ дѣлать уступки реальнымъ условіямъ жизни. При этомъ, однако, надо сдѣлать одно замѣчаніе. Губернаторъ, какъ Петровскаго времени[1]), такъ и времени преемниковъ преобразователя, былъ чѣмъ-то значительно болѣе крупнымъ, чѣмъ городовой и даже провинціальный воевода. Губернаторъ — лицо, состоящее въ генеральскомъ чинѣ, по большей части военный, назначеніе котораго исходитъ отъ высшей власти и зависитъ больше отъ столичныхъ конъюнктуръ, чѣмъ отъ мѣстныхъ нуждъ и обстоятельствъ. Поэтому срочность губернаторской должности не была установлена ни до указовъ 1727—28 годовъ, ни послѣ нихъ, и говоря о срочности, приходится говорить только о воеводахъ.

За указомъ 20 марта 1730 года, введшимъ обязательную смѣну воеводъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ должности[2]), вскорѣ послѣдовалъ другой, въ извѣстной степени дополнившій его. Слѣдить, чтобы воеводы не пересидѣли своего срока, и смѣнять ихъ во-время при тогдашнихъ условіяхъ было практически удобно только, если смѣна воеводъ была одновременной и пріурочивалась къ какому-нибудь опредѣленному моменту. Такой срокъ и былъ установленъ именнымъ указомъ 12 марта 1734 года, предписавшимъ воеводамъ вступать въ дѣла съ начала гражданскаго года. Другой побудительной причиной введенія единаго срока смѣны воеводъ было стремленіе урегулировать ихъ отчетность. 1-е января избрано было въ качествѣ общаго срока вступленія въ должность новыхъ воеводъ и потому еще, что «иначе не будетъ исправности въ счетахъ, ибо смѣненный воевода настоящаго года о своихъ мѣсяцахъ, а новый о своихъ же отвѣтствовать должны, и за тѣмъ невозможно вскорѣ отъ двухъ воеводъ счетъ въ одну сумму привесть и въ генеральную табель внесть»[3]). Что на 1-е января смотрѣли, какъ на единственный возможный срокъ вступленія въ должность, видно изъ слѣдующаго примѣра: когда вновь назначенный въ 1740 году Епифанскій воевода опоздалъ явиться на службу на четыре мѣсяца, сенатъ приказалъ ему смѣнить его предмѣстника только 1 января слѣдующаго 1741 года, опять-таки «дабы въ произведеніи книгъ и счетовъ не произошло помѣшательства»[4]).

Законы 1730 и 1734 годовъ, казалось, прямо и опредѣленно рѣшали вопросъ о продолжительности воеводской власти и о срокахъ смѣны воеводъ; однако, уже редакторы только что цитированнаго указа 1734 года пытались открыть первую лазейку, которая могла оправдать исключенія

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе Россіи XVIII в., 28—29.

[2]) П. С. З., VIII, № 5522.

[3]) П. С. З., IX, № 6553.

[4]) П. С. З., XI, № 8070.

изъ правилъ или узаконить практику, не подходившую подъ рамки закона: въ докладѣ сената предлагалось исправныхъ воеводъ, на которыхъ нѣтъ челобитій, послѣ двухъ лѣтъ воеводства оставлять въ прежней должности по году и по два, дабы тѣмъ возбудить ревность къ исправленію дѣлъ и къ правосудію. Впрочемъ, на эту часть доклада никакой резолюціи не послѣдовало, и вопросъ этотъ такъ и остался не рѣшеннымъ до царствованія Елизаветы Петровны.

Первая брешь въ законѣ 1730 года была пробита въ интересахъ отдаленной окраины — Сибири. Въ 1737 году Сибирскій приказъ входилъ съ представленіемъ о продленіи срока службы Сибирскихъ воеводъ, для которыхъ двухлѣтній срокъ былъ слишкомъ коротокъ: на сборы и на дорогу уходила чуть ли не бóльшая его часть. Сенатъ откликнулся на повторенное нѣсколько разъ ходатайство Сибирскаго приказа и, признавъ дѣйствительно особое положеніе Сибири, утвердилъ 14 іюля 1744 года предложеніе приказа о введеніи для Сибири трехлѣтняго срока воеводства[1]).

За первой брешью должна была послѣдовать и вторая. Въ самомъ началѣ царствованія Елизаветы сенатъ поднялъ вопросъ о реформѣ областного управленія; въ проектѣ, выработанномъ въ весенніе мѣсяцы 1744 года, «непремѣнность» воеводъ, т.-е. ихъ безсрочность, являлась одною изъ самыхъ существенныхъ чертъ[2]). Если причиной введенія срочности воеводскихъ полномочій въ свое время выставлялось желаніе облегчить принесеніе жалобъ на воеводъ и способствовать искорененію злоупотребленій, то теперь въ пользу отмѣны срочности выдвигался тотъ аргументъ, что воеводы, «вѣдая себѣ частую перемѣну и въ дѣлахъ не такъ прилежность имѣютъ»[3]). Двухлѣтній срокъ казался слишкомъ короткимъ и недостаточнымъ для того, чтобы правитель освоился и сжился со своею должностью. Проектъ этотъ обсуждался въ 1744 и 1745 годахъ, но еще прежде, чѣмъ обсужденіе его было доведено до конца, былъ сдѣланъ частичный шагъ въ сторону удлиненія срока воеводскихъ полномочій. 5 декабря 1744 года было разрѣшено провинціальнымъ воеводамъ Вятскому, коллежскому ассессору Писареву, и Свіяжскому, полковнику Камынину, и городовымъ — Козьмодемьянскому, асессору Дубенскому, и Ядринскому, майору Львову, остаться воеводами на второе двухлѣтіе, вслѣдствіе челобитья обывателей этихъ провинцій, заявлявшихъ, что эти воеводы «никакихъ обидъ и разореній не чинятъ и дѣла отправляютъ порядочно»[4]).

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что удлиненіе воеводскихъ полномочій, введенное указомъ 1744 года, было рѣшительной новостью. Жизнь успѣла давно опередить законъ, несмотря на то, что журналы засѣданій сената въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ часто упоминаютъ объ

---

[1]) П. С. З., XII, № 8767.
[2]) Исторія Прав. Сената, II, 234.
[3]) Исторія Прав. Сената, II, 235.
[4]) П. С. З., XII, № 9084.

исполнившихся двухлѣтнихъ воеводскихъ срокахъ и свидѣтельствуютъ о заботахъ сената подыскать новыхъ кандидатовъ. Донесенія герольдмейстера не разъ указываютъ при представленіи кандидатовъ, что «во многихъ городахъ воеводамъ двухлѣтніе сроки минули и за сроками живутъ безъ перемѣны года по 3 и по 4 и больше»[1]). Дѣйствительно, и до 1744 года воеводы могли оставаться на мѣстахъ болѣе двухъ лѣтъ. 14 октября 1740 года Клинскій помѣщикъ и бывшій Волоколамскій воевода, прапорщикъ Сергѣй Леонтьевъ Коротнeвъ, жаловался своему преемнику, что сосѣдняя Клинская канцелярія посылаетъ въ его вотчину солдатъ для высылки его къ «мостовымъ дѣламъ», въ то время, какъ ему подпиской воспрещенъ выѣздъ изъ Волоколамска, гдѣ онъ сводитъ счета за свое только что окончившееся воеводство: «по указу Е. И. В. правительствующаго сената отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ прошлаго 1732 года, августа съ 21 числа, имѣлся онъ въ городѣ ВолокѣЛамскомъ воеводою по 1737 годъ, а съ 1737, іюня съ 7 числа, по указу Московской губернской канцеляріи въ ономъ городѣ Волокѣ Ламскомъ отправлялъ воеводскую должность по нынѣшній 1740 годъ»[2]). Такимъ образомъ, въ 30-хъ годахъ, сейчасъ же вслѣдъ за изданіемъ законовъ, нормировавшихъ сроки пребыванія въ воеводской должности, мы видимъ возможность пятилѣтняго воеводства, губернской канцеляріей продолженнаго до 8 лѣтъ, и притомъ не въ захолустьѣ, а въ провинціи столичнаго города Москвы. Въ 1732 году Малоярославецкій воевода Подгорный билъ челомъ въ сенатѣ о «перемѣнѣ». На воеводствѣ онъ съ 1728 года, впалъ въ болѣзнь, а назначенный на его мѣсто майоръ Писаревъ «не знамо для чего донынѣ не пріѣзжалъ»[3]). Вотъ, значитъ, еще примѣръ того, какъ въ той же провинціи воеводство продолжается четыре года.

Въ спискѣ военныхъ чиновъ первой половины XVIII столѣтія, сохранившемся въ дѣлопроизводствѣ сената, можно почерпнуть довольно точныя свѣдѣнія о срокахъ службы 210 провинціальныхъ воеводъ, ихъ товарищей и городовыхъ воеводъ, управлявшихъ между 1727 годомъ и концомъ 40-хъ годовъ. На 210 лицъ приходится 36 случаевъ трехлѣтняго воеводства, 25 случаевъ — четырехлѣтняго, 8 случаевъ — пятилѣтняго, 6 — шестилѣтняго и 2 — семилѣтняго; кромѣ того, 1 воевода оставался въ должности 8 и 1 — 11 лѣтъ[4]).

Съ изданіемъ указа 5 декабря 1744 года случаи долголѣтняго воеводства могли участиться уже на законномъ основаніи. Очень скоро, однако, затѣмъ произошло новое значительное измѣненіе въ срокѣ воеводскихъ полномочій. Къ сожалѣнію, подробными свѣдѣніями объ этомъ

---

[1]) Герольдмейстерской конторы, кн. 206, л. 1, л. 292.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 6, 1740 г., д. № 6.

[3]) Герольдмейстерской конторы, кн. 128, л. 179. Изъ вѣдомости объ обрѣтающихся въ провинціяхъ и городахъ воеводахъ, составленной въ 1745 году и содержащей 185 именъ, видно, что въ этомъ году на воеводствѣ были 13 человѣкъ, занимавшіе должность долѣе положенныхъ 2 лѣтъ. Госуд. Арх., разр. XVI, д. 228.

[4]) Сенатскій Архивъ, VII, 636—811.

измѣненіи мы не располагаемъ. Въ сенатскомъ проектѣ измѣненій областного строя, выработанномъ подъ вліяніемъ выяснившихся уже въ то время темныхъ сторонъ организаціи областного управленія, однимъ изъ существенныхъ предположеній было, какъ мы сейчасъ видѣли, установленіе безсрочности воеводскихъ полномочій. Въ недавно изданной исторіи сената указывается, что проектъ 1744 года осуществленъ не былъ, но его обсужденіе косвенно повліяло на измѣненіе въ срокахъ воеводскихъ полномочій. Въ то время, когда проектъ сената стоялъ на очереди, послѣдній представилъ государынѣ списокъ воеводъ, назначенныхъ въ 1745 году и имѣвшихъ быть опредѣленными въ 1746 году. Императрица, недовольная проектомъ областной реформы, выработаннымъ въ сенатѣ, оставила списокъ безъ утвержденія, и кандидаты были распущены по домамъ въ ожиданіи резолюцій. Вышло, какъ-будто, что беззаботность императрицы, забывшей утвердить новыхъ воеводъ на 1746 годъ, почти привела къ исполненію отвергнутаго ею проекта сената: за фактическимъ отсутствіемъ смѣны, воеводы сдѣлались безсрочными[1]). Есть, однако, данныя, которыя заставляютъ думать, что дѣло обстояло нѣсколько иначе. Въ наказѣ, данномъ депутату отъ герольдмейстерской конторы въ комиссіи 1767 года, совершенно опредѣленно говорится объ именномъ указѣ 3 іюня 1745 года, повелѣвавшемъ «воеводамъ быть непремѣннымъ, пока онъ умретъ или впадетъ въ какія подозрѣнія», и, такимъ образомъ, выходитъ, что проектъ сената о введеніи безсрочности воеводскихъ полномочій пріобрѣлъ силу закона[2]). Какъ бы то ни было, долголѣтнее воеводство становится съ половины 40-хъ годовъ явленіемъ обычнымъ, и примѣровъ воеводъ, сидѣвшихъ по 5, 10 и болѣе лѣтъ, можно было бы привести очень много[3]).

Мотивировка новаго закона о срокѣ воеводскихъ полномочій, изданнаго 26 октября 1760 года, довольно любопытна: законъ считается

[1]) Ист. Прав. Сената, II, 235—237, 253—254.

[2]) Сб. Р. И. О.,XLIV, 144; въ П. С. З. этого указа, конечно, нѣтъ.

[3]) По Московской губерніи оставались въ должности долѣе 5 лѣтъ въ провинціальныхъ городахъ: въ Костромѣ — Василій Бородавкинъ (1753—1760) — 7 лѣтъ, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ — Аѳан. Фонвизинъ — 6 лѣтъ (1750—1756) въ Суздалѣ — Ив. Кошелевъ — 5 лѣтъ (1756—61), въ Угличѣ Андрей Супоневъ 5 лѣтъ (1756—1761), въ Юрьевѣ-Польскомъ — Дм. Пожегинъ-Отрошкевичъ — 9 лѣтъ (1750—1759), въ уѣздныхъ городахъ: въ Вереѣ — Тим. Воейковъ — 9 лѣтъ (1750—59), въ Волоколамскѣ — Петръ Соколовъ — 9 лѣтъ (1753—1762), въ Клину — Мих. Побѣдинскій — 14 лѣтъ (1744—1758), въ Маломъ Ярославцѣ — Алексѣй Хвощинскій — 7 лѣтъ (1753—1760), въ Рузѣ — Ѳедоръ Толбузинъ — 9 лѣтъ (1750—59), въ Козельскѣ — Романъ Бачмановъ — 8 лѣтъ (1753—1761), въ Мещовскѣ — Андрей Охотниковъ — 6 лѣтъ (1754—1760), въ Мосальскѣ — Петръ Шевшинъ — 11 лѣтъ (1750—61), въ Перемышлѣ — Серг. Ждановъ — 6 лѣтъ (1753—59), въ Веневѣ — Дмитрій Даниловъ — 9 лѣтъ (1750—59), въ Епифани — Ив. Чоглоковъ — 9 лѣтъ (1750—59), въ Крапивнѣ — Андр. Игнатьевъ — 10 лѣтъ (1750—60), въ Алексинѣ — Ѳома Хрущевъ — 9 лѣтъ (1750—59), къ Каширѣ — Иванъ Бутримовъ — 6 лѣтъ (1758—64), въ Романовѣ — Никита Петелинъ — 9 лѣтъ (1750—59). Московск. губ. канц., вязки 1866—1874.

съ существующимъ порядкомъ долговременнаго воеводства, отъ котораго страдаетъ населеніе, страдаютъ нѣкоторые и притомъ, можетъ-быть, лучшіе воеводы, а выгоду получаютъ лишь наиболѣе корыстолюбивые и жадные правители: сенатъ указываетъ, что одни представители воеводской власти, вслѣдствіе того, что періодическая смѣна ихъ отмѣнена, «уже многіе годы отдаляясь отъ своихъ домовъ и деревень, лишаются своей экономіи, а другіе, въ молодыхъ лѣтахъ сыскавъ отъ военныхъ и статскихъ службъ отставку, въ воеводахъ для своихъ выгодъ продолжаются». Такія обстоятельства заставили правительствующій сенатъ «запотребно разсудить» вновь установить нормальный срокъ воеводства, удлинивъ его сравнительно съ прежнимъ до 5 лѣтъ, смѣняя ранѣе этого срока лишь тѣхъ, «за коими подозрѣніе окажется». Если же мѣстные помѣщики и граждане пожелали бы оставить воеводу у себя сверхъ пяти лѣтъ, то имъ разрѣшалось посылать объ этомъ ходатайства въ сенатъ въ теченіе пятаго года пребыванія желаемаго лица въ должности воеводы[1]). Мѣра эта вводилась, какъ временная, «пока о лучшемъ губернскомъ и провинціальномъ управленіи разсмотрѣніе и опредѣленіе учинено будетъ», но полтора года спустя находимъ косвенное его подтвержденіе: указомъ сената 19 марта 1762 года предписывалось при опредѣленіи воеводъ и ихъ товарищей на основаніи указа 26 октября 1760 года представлять кандидатовъ за годъ до истеченія пятилѣтняго срока[2]). Какое же практическое положеніе соотвѣтствовало только что приведеннымъ узаконеніямъ, пытавшимся нормировать сроки пребыванія въ воеводской должности? Присутствіе въ указѣ 1760 года лазейки, дозволявшей ходатайствовать объ оставленіи воеводы на прежнемъ мѣстѣ и по истеченіи 5 лѣтъ, и роль, отводимая при этомъ представителямъ мѣстнаго общества, показываютъ, куда должна была направлять дѣла реальная жизнь русской провинціи. Примѣры изъ практики Московской губерніи подтверждаютъ предположеніе объ удлиненіи пребыванія въ воеводской должности сравнительно съ пятилѣтнимъ срокомъ и показываютъ, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ представленіе о срочности воеводской должности должно было быть очень смутнымъ: съ одной стороны, нерѣдко сидятъ воеводами по 10 и болѣе лѣтъ; съ другой — попадаются двухъ и трехлѣтнія управленія, не видно лишь одного, — чтобы пять лѣтъ считались за какую-нибудь норму. Такъ постепенно разрушался принципъ срочности, введенный реформой 1727—28 годовъ, и, не смотря на нѣкоторыя попытки правительства регламентировать время пребыванія въ должности воеводъ, устанавливался противоположный принципъ безсрочности пребыванія на службѣ по областному управленію, уже знакомый Петровской эпохѣ и окончательно введенный учрежденіемъ о губерніяхъ.

Законы, нормировавшіе сроки воеводской службы, ничего не говорятъ о службѣ воеводскихъ товарищей; надо полагать, что всѣ эти

[1]) П. С. З., XV, № 11131.

[2]) П. З. С., XV, № 11476.

законы относились и къ единственнымъ товарищамъ, существовавшимъ при ихъ изданіи, — провинціальнымъ. Въ этомъ вполнѣ убѣждают и журналы сената 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ которыхъ избраніе кандидатовъ въ воеводы, по случаю истеченія ихъ сроковъ, совершенно не отдѣляется отъ избранія воеводскихъ товарищей[1]). Что касается товарищей городовыхъ воеводъ, то они впервые появляются тогда, когда о правильномъ соблюденіи законныхъ сроковъ нѣтъ и рѣчи.

Чтобы на реальномъ примѣрѣ познакомиться съ тѣмъ, сколько лѣтъ сидѣли воеводы на своихъ мѣстахъ и какъ отражались только что анализированные законы на дѣйствительной жизни, посмотримъ, какъ правили и мѣнялись воеводы въ подмосковномъ городѣ Клину; это освѣтитъ также обстоятельства и причины ихъ смѣны и, такимъ образомъ, поможетъ подойти къ вопросамъ, которые стоятъ на дальнѣйшей очереди.

Первымъ воеводой въ Клину былъ стольникъ Беклемишевъ, назначенный указомъ 31 марта 1727 года. Однако, Беклемишевъ не являлся къ должности въ теченіе цѣлаго года, до августа 1728 года: по этой причинѣ сенатъ предписалъ его отставить и, сыскавъ, выслать въ герольдмейстерскую контору. Вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ году, воеводою въ Клину былъ уже стольникъ М. Арцыбашевъ, назначенный, повидимому, въ мартѣ или апрѣлѣ 1728 года[2]). При Арцыбашевѣ и послѣдовалъ указъ 20 марта 1730 года объ обязательной смѣнѣ воеводъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ должности. Ко времени изданія этого указа въ большинствѣ городовъ первые воеводы дослуживали третій годъ; всѣ они, а вмѣстѣ съ ними и такіе, которые, подобно Арцыбашеву, были назначены позднѣе, но уже успѣли отбыть два года на воеводствѣ, получили отъ губернскихъ канцелярій извѣщенія о томъ, чтобы они, согласно новому закону, были готовы къ сдачѣ дѣлъ, какъ только «придетъ перемѣна», т.-е. прибудутъ вновь назначенные воеводы. Арцыбашевъ, однако, не дождался «перемѣны»: онъ умеръ въ іюнѣ того же года, и ему не пришлось сдавать дѣлъ своему преемнику, капитану П. П. Пустобоярову, мѣстному Клинскому помѣщику и бывшему комиссару отъ земли, находившемуся въ этотъ моментъ не у дѣлъ[3]). Такимъ образомъ, смѣна Клинскихъ воеводъ въ 1730 году намѣчена была на основаніи новаго закона и только смерть отбывшаго срокъ Арцыбашева помѣшала правильному теченію дѣла.

Капитанъ Пустобояровъ оставался воеводой очень не долго и далеко не дослужилъ своего двухлѣтняго срока; указомъ сената 16-го марта слѣдующаго 1731 года въ нѣкоторые города Московской губерніи были назначены новые воеводы; въ числѣ ихъ былъ назначенъ новый правитель въ Клинъ; это былъ капитанъ Глѣбъ Радищевъ, такъ же, какъ и его предшественникъ, изъ помѣщиковъ Клинскаго уѣзда. Эта смѣна про-

---

[1]) Примѣры: Сен. Арх., II, 254, 364, 490, III, 216 и т. д.

[2]) Сб. Р. И. О., LXIII, 429. Клинск. воев. канц., оп. 9, вяз. 1, указы 1727—28 гг. Герольдм. конторы, кн. 98, л. 213.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 1, 1730 г., указы №№ 49 и 85.

изошла, слѣдовательно, ранѣе законнаго предѣльнаго срока, но совершилась по распоряженіямъ высшихъ властей[1]).

И Радищевъ не долго оставался въ должности воеводы: причины его смѣны не ясны, но уже въ осенніе мѣсяцы 1734 года въ Клину мы находимъ другого воеводу, капитана Никифора Адріановича Сурмина, какъ кажется, не принадлежавшаго къ составу мѣстнаго дворянскаго общества[2]). Всего годъ спустя Московская губернская канцелярія получила изъ Клина донесеніе, что «того города Клина воевода Никифоръ Сурминъ умре, на которое доношеніе посланъ въ тое Клинскую канцелярію указъ, велѣно въ томъ городѣ воеводскую должность править до указу Клинскому помѣщику, отставному прапорщику Митрофану Свиридову». Свиридовъ былъ назначенъ, говоря языкомъ нашего времени, лишь «временно исполняющимъ обязанности» воеводы, ибо, донося о сдѣланномъ распоряженіи, Московская губернская канцелярія дѣлала въ то же время представленіе сенату о назначеніи въ Клинъ новаго воеводы. Распоряженіе губернской власти, оказалось, однако, неудачнымъ; въ отвѣтъ на указъ о назначеніи Свиридова послѣдовало новое донесеніе Клинской воеводской канцеляріи, сообщавшей, что Свиридовъ «умре» еще раньше Сурмина. Создавалось нелѣпое положеніе, изъ котораго Клинская канцелярія въ своемъ донесеніи указывала намеками обычный, надо думать, въ такихъ случаяхъ выходъ: если одинъ мѣстный помѣщикъ, назначенный временно замѣщать воеводу, не могъ занять должности, то въ уѣздѣ оставались другіе дворяне, которые съ такимъ же успѣхомъ могли сдѣлать то же самое. Клинская канцелярія и добавляла: «а имѣются де въ Клинскомъ уѣздѣ въ домахъ своихъ помѣщики — отставной капитанъ Иванъ Семеновъ Аксаковъ и отставной же прапорщикъ Семенъ Васильевъ Алфимовъ». Но на этотъ разъ, почему-то Московская губернская канцелярія не воспользовалась предупредительными указаніями Клинскихъ подъячихъ, а назначила временнымъ замѣстителемъ Клинскаго воеводы товарища провинціальнаго Углицкаго воеводы, капитана Никиту Григорьева, которому 26 ноября 1734 года и былъ отправленъ указъ немедленно явиться въ Клинъ и вступить въ управленіе городомъ и уѣздомъ[3]). Вслѣдъ за смертью воеводы Сурмина создалось какъ бы временное положеніе, которое, наконецъ, было разрѣшено назначеніемъ въ январѣ 1735 года Клинскимъ воеводою того самаго капитана Аксакова, на котораго уже указывала Клинская канцелярія, какъ на мѣстнаго дворянина, находящагося не у дѣлъ и являющагося кандидатомъ на занятіе воеводской должности[4]). Однако, и этотъ воевода пробылъ въ должности очень короткій срокъ; уже въ октябрѣ 1735 года мы встрѣ-

[1]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 1, 1731 г., указъ № 35.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, указы 1733 г.; ихъ всего 4, изъ нихъ видно, что Сурминъ вступилъ въ должность между сентябремъ и декабремъ 1733 г.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, 1734 г., указъ № 193.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 3, 1735 г., указъ № 4.

чаемъ въ Клину его преемника, капитана Станиславлева[1]). Выходитъ, такимъ образомъ, судя по Клину, что нѣсколько воеводъ подъ рядъ не могли досидѣть и кратковременнаго двухлѣтняго срока.

Послѣ Арцыбашева, капитанъ Станиславлевъ является первымъ воеводой, пробывшимъ въ должности два года; на причинахъ его смѣны, происшедшей въ февралѣ 1738 года, надо остановиться. Прежде всего интересенъ самый сенатскій указъ, вслѣдствіе котораго произошла эта смѣна: сенатъ приказалъ «по доношенію и мнѣнію» Московскихъ губернскихъ властей смѣнить лишь тѣхъ городовыхъ воеводъ, которые «своею слабостью упустили подушнаго сбора не малую сумму», совершенно не принимая во вниманіе времени пребыванія въ должности: подъ этотъ указъ и попалъ бѣдный капитанъ Станиславлевъ, уже успѣвшій пересидѣть предѣльный двухлѣтній срокъ. На мѣсто его и ему подобныхъ приказано было назначить новыхъ лицъ, а имъ безъ жалованія продолжать оставаться на прежнихъ мѣстахъ у взысканія подушной доимки, у дѣла, надъ которымъ Станиславлевъ продолжалъ стараться еще въ маѣ 1738 года.

Между внезапной смѣной воеводы, которому оставлена была узкая и подневольная дѣятельность, и пріѣздомъ новаго прошло не мало времени. Кто же исполнялъ воеводскую должность въ это новое междувоеводство? Въ 1735 году это были находившіеся на мѣстахъ кандидаты на гражданскія должности, теперь это былъ новый областной чинъ, только что въ 1736 году введенный, — офицеръ при подушномъ сборѣ. Именно, въ этой роли выступаетъ въ 1738 году состоящій при подушномъ сборѣ поручикъ Насоновъ, временно исполняющій обязанности воеводы, какъ послѣ смѣны Станиславлева, такъ и при послѣдующихъ осложненіяхъ, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ. Собственно, на мѣсто Станиславлева былъ назначенъ поручикъ Иванъ Огаревъ, который и былъ отправленъ въ Клинъ опредѣленіемъ Московской сенатской конторы 10 мая 1738 года. Собирался онъ цѣлый мѣсяцъ, а когда онъ добрался до своего воеводства, ему пришлось испытать большое разочарованіе. Едва состоялось только что помянутое опредѣленіе сенатской конторы, какъ 19-го мая изъ Сѣвской провинціальной канцеляріи поступило донесеніе о томъ, что Огареву «за сказываніе имъ Е. И. В. слова въ тайной конторѣ, о которомъ показалъ, сказывалъ ли, не помнитъ, понеже де одержимъ былъ меланхоличною болѣзнью, учинено наказаніе плетьми и освобожденъ, а впредь къ дѣламъ его опредѣлять не велѣно». Поднялась тревога, и Огаревъ, вступившій въ должность 12-го іюня, былъ отрѣшенъ отъ должности послѣ четырехдневнаго воеводства. Бразды правленія снова перешли къ Насонову, который и сохранилъ ихъ до пріѣзда новаго воеводы, капитана Григорья Перхурова, явившагося въ Клинъ въ концѣ ноября или въ началѣ декабря[2]).

---

[1]) Клин воев. канц., оп. 9, вяз. 3, 1735 г., указъ № 246.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 5, указы 1738 г., №№ 217, 278, герольдм. конторы, кн. 206, л. 40.

Такую же роль временнаго правителя играетъ офицеръ при подушномъ сборѣ и при слѣдующей смѣнѣ воеводъ. Перхуровъ, который такъ же, какъ и большинство его предшественниковъ, не досидѣлъ двухлѣтняго срока, передалъ въ январѣ 1740 года исправленіе воеводской должности обрѣтавшемуся при подушномъ сборѣ поручику Ананію Молодову, отъ котораго въ концѣ мѣсяца обязанности правителя переходятъ къ отставному капитану Андрею Загряжскому, произведенному по этому случаю «въ рангъ асессорскій»[1]). Однако, Перхуровъ еще нѣкоторое время остается въ Клину для сдачи денежныхъ суммъ и счетовъ своему преемнику. Какъ это часто бывало, между ними на почвѣ провѣрки суммъ и счетовъ завязались споры, и Загряжскій еще въ концѣ апрѣля жаловался въ провіантскую экспедицію военной коллегіи на задержки въ утвержденіи росписного списка, выражая особенное опасеніе, какъ бы не поставили ему въ вину утрату запасовъ овса и сѣна. между тѣмъ, какъ онъ «тому неповиненъ, понеже де тотъ фуражъ принимано не за его присмотромъ и до бытности его въ Клину»[2]).

Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ воеводы смѣняются въ Клину столь же быстро, какъ и въ предыдущее десятилѣтіе. Загряжскій остается воеводой до конца царствованія Анны, но и онъ не досиживаетъ двухлѣтняго срока. Исторія назначенія его преемника ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новой любопытной страничкой административныхъ нравовъ XVIII столѣтія. Въ концѣ 1741 года Московская губернская канцелярія получила отъ герольдмейстера указъ о томъ, что съ новаго года, по минованіи двухлѣтняго срока Загряжскаго, воеводою въ Клинъ назначенъ поручикъ Страховъ; одновременно предписывалось Страхова сыскать, привести къ присягѣ и отправить къ мѣсту назначенія. Время шло, протекло уже почти 8 мѣсяцевъ новаго года, пока, наконецъ, разыскали поручика Максима Страхова въ его Тульскихъ вотчинахъ. Что же было на этотъ разъ причиною задержки? Оказывается, что и герольдмейстерская контора и губернская канцелярія сами не знали, кого имъ надо разыскивать: въ декабрѣ 1741 года назначенъ былъ поручикъ Иванъ Страховъ, въ февралѣ 1742 года поручикъ Максимъ Страховъ, который, въ концѣ концовъ, и былъ отправленъ въ Клинъ на воеводство. Однако, пока искали воеводу, московское губернское начальство уже распорядилось замѣнить «до указу» давно заболѣвшаго Загряжскаго и успѣло отправить въ Клинъ капитанъ-поручика Друцкого, правившаго большую часть 1742 года[3]). Воеводство Максима Страхова, начавшееся 23 августа 1742 года, было столь же кратковременнымъ, какъ и всѣ предшествовавшія. Онъ умеръ въ январѣ 1743 года; затѣмъ обязанности воеводы вновь переходятъ на время къ офицеру при подушномъ сборѣ, поручику Молодову; позднѣе

---

[1]) Сен. Арх., II, 454.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 7, ук. 1740 г., № 155.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 8, ук. 1742 г., № 294.

«правящимъ воеводскую должность» оказывается дворянинъ Никифоръ Татищевъ, видимо, запутавшій и запустившій дѣла, потому что еще въ 1746 году его разыскивали для сдачи счетовъ за время его управленія[1]).

Въ маѣ 1744 года Татищева смѣняетъ капитанъ, потомъ переименованный въ асессоры, Михаилъ Побѣдинскій; съ нимъ исторія Клинскихъ воеводъ рѣзко измѣняетъ свой характеръ: послѣ цѣлаго ряда мимолетныхъ предшественниковъ Побѣдинскій, вслѣдствіе отмѣны срочности воеводскихъ полномочій, водворяется въ Клину на цѣлыхъ 14 лѣтъ. Воеводство Побѣдинскаго было ознаменовано лишь однимъ крупнымъ эпизодомъ, давшимъ основаніе для рѣшенія принципіальнаго вопроса, рѣшенія, оставившаго слѣдъ и въ законодательствѣ. На второмъ году воеводства Побѣдинскаго въ Клинской канцеляріи былъ полученъ указъ изъ губерніи объ отдачѣ воеводы вмѣстѣ съ состоящимъ при подушномъ сборѣ канцеляристомъ Григоріемъ Малѣевымъ въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ подъ росписку присланнаго изъ этой канцеляріи копіиста Яраго. Воеводская власть должна была опять перейти къ офицеру при подушномъ сборѣ, но здѣсь оказалось новое осложненіе: указомъ Московской губернской канцеляріи поручикъ Ананій Молодовъ, все еще служившій въ Клину, былъ отрѣшенъ отъ должности и находился подъ слѣдствіемъ. Городъ и уѣздъ оказались вовсе безъ власти; осиротѣвшихъ подьячихъ заботило еще то обстоятельство, что въ сундукахъ у арестованнаго воеводы находились монеты старыхъ отмѣненныхъ чекановъ, подлежавшія отсылкѣ на монетный дворъ, «а сколько въ той денежной казнѣ тѣхъ четырехкопѣечниковъ есть, познать невозможно, понеже оная казна находится за печатьми онаго воеводы Побѣдинскаго». Оставалось донести о безпомощномъ положеніи Клинской канцеляріи въ Москву, въ губернію, которая, въ свою очередь, донося о случившемся сенату, возбудила принципіальный вопросъ, какъ поступать въ случаѣ ареста воеводы по приказанію тайной канцеляріи. На это послѣдовалъ указъ сената отъ 11 октября 1745 года, по которому предписывалось до выясненія судьбы Побѣдинскаго опредѣлить въ Клинъ достойнаго человѣка, а если впредь какой-нибудь воевода будетъ взятъ въ тайную канцелярію, то послѣдняя обязана, «не объявляя о дѣлахъ его», въ самый день ареста рапортовать въ сенатъ, для немедленнаго назначенія заместителя арестованнаго. Впрочемъ, вина Побѣдинскаго едва ли была очень большой. «О чемъ надлежало распрошенный», онъ уже 5-го ноября былъ отпущенъ, сначала только «до указу», для счета и сдачи хранившейся за замками и печатями его казны, а затѣмъ такъ и остался въ Клину на цѣлыхъ 13 лѣтъ[2]).

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 9; оп. 3, вяз. 10, д. 34/277; оп. 3, вяз. 1, д. 5/16.

[2]) П. С. З., XII, № 9214; Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 10, ук. 1745 г., №№ 220, 259.

Обстоятельства, при которыхъ окончилось долголѣтнее воеводство Побѣдинскаго, не вполнѣ ясны: извѣстно лишь, что въ августѣ 1758 года онъ для какихъ-то отвѣтовъ взятъ былъ въ губернію, а на его мѣсто опредѣленъ «правящимъ воеводскую должность» секундъ-маіоръ Павелъ Веселовскій, остававшійся въ Клину до 19 іюня 1760 года, когда онъ сдалъ должность новому воеводѣ, коллежскому асессору Алексѣю Посникову. Изъ аттестата, выданнаго Веселовскому, видно, что за время его управленія «никакихъ непорядковъ и жалобъ на него не оказалось» и что старой доимки ему удалось взыскать на 621 рубль 37 копеекъ[1]). Воевода Посниковъ спокойно, повидимому, отсидѣлъ въ Клину положенные ему по закону 1760 года 5 лѣтъ: его преемникомъ былъ секундъ-маіоръ Иванъ Даниловъ: смѣна Посникова Даниловымъ сопровождалась слѣдующимъ инцидентомъ. Назначенный въ исходѣ октября 1764 года съ тѣмъ, чтобы вступить въ должность 1-го января новаго 1765 года, Даниловъ прибылъ въ Клинъ съ паспортомъ, выданнымъ ему изъ герольдмейстерской конторы, въ которомъ было очень ясно сказано, что онъ назначается воеводою въ Клинъ[2]). Прочитавъ паспортъ, воевода Посниковъ «имѣлъ о томъ разсужденіе», и рѣшилъ не допускать Данилова къ дѣламъ до того времени, пока запрошенныя имъ Московская губернская канцелярія и герольдмейстерская контора не удостовѣрятъ подлинности назначенія Данилова: такъ поступить его заставило отсутствіе какого бы то ни было официальнаго указа о назначеніи Данилова. Лишь по полученіи указа изъ Московской губернской канцеляріи права Данилова были признаны его предшественникомъ. Вмѣстѣ съ Даниловымъ вступилъ въ должность первый воеводскій товарищъ «отъ подушнаго сбора капитанъ» Петръ Филипповъ, испомѣщенный въ Коломенскомъ уѣздѣ. 1-го января новаго года въ воеводской канцеляріи, въ присутствіи воеводы, была прочитана «промеморія» Коломенскаго воеводы Орлова, «при которой присланъ былъ» Филипповъ, сообщавшая о томъ, что новому воеводскому товарищу уже былъ сказанъ указъ о назначеніи съ приведеніемъ его къ присягѣ, послѣ чего воевода приказалъ «господина Филиппова къ правленію по должности его дѣлъ допустить»[3]).

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 17, 19.

[2]) Кл. в. к., оп. 7, вяз. 3, д. 44, л. 1; паспортъ, который можетъ служить образцомъ подобныхъ документовъ гласилъ слѣдующее:

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійской и проч. и проч...

Объявитель сего секундъ-маіоръ Иванъ Даниловъ по указу ЕЯ И. В. и по резолюціи Правительствующаго Сената опредѣленъ въ городъ Клинъ воеводою, и для того велѣно ему въ оный городъ ѣхать, а пріѣхавъ въ дѣла вступать немедленно, о чемъ въ городѣхъ командующимъ вѣдать и сей паспортъ объявить ему въ главной полицмейстерской канцеляріи. Данъ въ С.-Петербургѣ Прав. Сената изъ Герольдмейстерской конторы, Октября 22 дня 1764 году. У подлиннаго паспорта подписано тако: Колежской совѣтникъ Михайло Приклонской, Василій Спиридоновъ, канцеляристъ Ѳедоръ Прохоровъ.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 7, вяз. 3, д. 44.

Дальнѣйшія смѣны воеводъ въ Клину рисуются менѣе ясно, нежели большинство предшествующихъ. Воевода Даниловъ пересидѣлъ законный пятилѣтній срокъ, но на шестомъ году управленія, въ маѣ 1770 года, онъ былъ тутъ же въ Клину убитъ собственными крестьянами. Изъ дѣлъ видно, что убійцы его долго томились въ Клинской тюрьмѣ, но что побудило ихъ расправиться съ господиномъ, мы сказать не можемъ. Послѣ убійства Данилова вступилъ временно въ должность уже извѣстный намъ воеводскій товарищъ, Петръ Филипповъ[1]), въ декабрѣ 1770 года смѣненный новымъ воеводой Тевяшовымъ[2]). Послѣдній, въ маѣ 1772 года, былъ взятъ къ слѣдствію въ Московскую губернскую канцелярію и замѣненъ «правящимъ должность» титулярнымъ совѣтникомъ Кузьмою Галатьяновымъ. Его преемникомъ съ января 1775 года былъ коллежскій асессоръ Василій Коростелевъ, заслуженный старикъ-офицеръ[3]), уступившій свое мѣсто въ сентябрѣ 1781 года послѣднему Клинскому воеводѣ Рославлеву. Рославлевъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ назначенъ въ соляную экспедицію уже открывшей свои дѣйствія Московской казенной палаты, и въ послѣдніе дни существованія Клинской воеводской канцеляріи ею управлялъ воеводскій товарищъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Милюковъ, занявшій эту должность послѣ воеводскаго товарища Ветошникова въ октябрѣ 1774 года[4]).

Исторія Клинскихъ воеводъ какъ нельзя лучше показываетъ несоотвѣтствіе между законодательствомъ и жизнью. Несмотря на то, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ журналахъ засѣданій и протоколахъ высшихъ государственныхъ учрежденій безпрестанно попадается напоминаніе о воеводскихъ срокахъ[5]), несмотря на то, что центральное правительство, видимо, очень желаетъ соблюдать изданный имъ законъ, въ имперіи были такіе уголки, гдѣ не только законъ 1730 года оставался мертвой буквой въ первые же годы своего дѣйствія, но не лучшую участь имѣлъ и законъ 1760 года; если въ эпоху дѣйствія перваго были возможны безпрестанныя смѣны воеводъ, съ одной стороны, и пребываніе въ должности долѣе двухъ лѣтъ, то и послѣ 1760 года мы видимъ, что воеводы Даниловъ и Коростелевъ оставались въ Клину долѣе пяти лѣтъ и притомъ безъ всякихъ ходатайствъ со стороны населенія. Жизнь обрабатывала законы по-своему. Исторія смѣны Клинскихъ воеводъ можетъ научить еще и другому; не разъ, особенно въ первую половину изучаемаго періода, даетъ себя чувствовать тѣсная связь между мѣст-

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 29.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 30.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 30; оп. 8, вяз. 6, д. 2.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 30; оп. 8, вяз. 6, д. 2.

[5]) Сен. Архивъ, II, 407, 1740 г.: при слушаніи протокола о смѣнѣ въ нынѣшнемъ 1740 г. воеводъ на мѣсто прежнихъ, которымъ двухъ лѣтніе сроки минули, сенатъ приказалъ: опредѣленнымъ въ нынѣшнемъ 1741 г. воеводамъ вступить съ будущаго 1742 г., а на мѣсто умершихъ вступить нынѣ опредѣленнымъ въ нынѣшнемъ 741 г. Другой примѣръ: Сен. Арх., IV. 260.

нымъ правителемъ и мѣстной дворянской корпораціей; воевода очень часто не кто иной, какъ назначенный правительствомъ представитель уѣзднаго дворянства; наконецъ, чрезвычайно ясно обрисовывается постепенное образованіе должности помощника воеводы. Сначала это одинъ изъ находящихся временно не у дѣлъ мѣстныхъ помѣщиковъ; потомъ, съ половины 30-хъ годовъ, офицеръ, находящійся у подушнаго сбора; позднѣе, съ половины 60-хъ годовъ, постоянный воеводскій товарищъ. Отмѣтимъ, что первый Клинскій воеводскій товарищъ до этого времени былъ офицеромъ при сборѣ подушныхъ; между обѣими должностями, можно, такимъ образомъ, замѣтить непосредственное соприкосновеніе.

Вступленіе въ должность новаго областного правителя регламентировалось губернаторскимъ и воеводскимъ наказомъ. Статья вторая наказа устанавливаетъ одинаковый порядокъ вступленія въ должность какъ для губернатора, такъ и для воеводъ всѣхъ ранговъ. Пріѣхавъ въ городъ, новый правитель долженъ принять отъ своего предшественника «городовые ключи и уложенья и регламенты и всякіе указы и дѣла, и гдѣ есть, служилыхъ людей, списки, артиллерію, аммуницію со всякими къ ней принадлежностями, наличную сборную казну и все, что къ ихъ управленію надлежитъ». Пріемка должна была производиться, «какъ прежде бывало», по описямъ и старымъ росписнымъ спискамъ, а деньги и провіантъ принимались по приходнымъ и расходнымъ книгамъ. Результаты пріемки заносились въ росписной списокъ, одинъ экземпляръ котораго оставался при дѣлахъ, а другой отсылался въ сенатъ; въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ составлялся еще третій, предназначавшійся для губернской канцеляріи. Если же, говорится далѣе, во второй статьѣ наказа, прежній губернаторъ или воевода, «не отдавъ всего по росписному списку, изъ города уѣдетъ безъ указу, то о такихъ писать въ сенатъ», который даетъ распоряженіе о розыскѣ ослушниковъ и объ отсылкѣ ихъ обратно для составленія и подписанія росписного списка. Приблизительно подобныя же предписанія находимъ мы и въ указахъ о назначеніи на воеводскія мѣста; назначенный, обычно, получаетъ приказаніе, прибывъ въ городъ, «прежде посланный наказъ, городовые ключи и канцелярію со всѣми дѣлами и служительми и прочее, что къ воеводскому вѣдомству надлежитъ, у бывшаго воеводы принять съ описью»[1]). Пріемъ по описи, провѣрка документовъ, составленіе росписного списка «какъ прежде бывало» выдвигается какъ основной и важнѣйшій моментъ вступленія въ должность; вмѣстѣ съ тѣмъ, наказъ пространно говоритъ объ уклоненіяхъ отъ сдачи, о препятствіяхъ къ правильной смѣнѣ должностныхъ лицъ; это прямое указаніе на то, что подобныя уклоненія и препятствія были возможны, болѣе того, что они дѣйствительно встрѣчались на практикѣ. Воспользуемся нѣсколькими фактическими эпизодами, чтобы разсмотрѣть, какъ на самомъ дѣлѣ происходила смѣна областныхъ правителей. Въ началѣ 1758 года «изъ обрѣтающихся не у дѣлъ»

---

[1]) Кинешемской воеводск. канц., оп. 6, вяз. 1, д. 247, л. 1.

коллежскій совѣтникъ Иванъ Кочетовъ былъ назначенъ воеводою въ Каргополь. Онъ прибылъ туда въ началѣ марта и прежде всего предъявилъ прежнему воеводѣ, прапорщику Панову, полученный имъ самимъ указъ о назначеніи; ознакомившись съ содержаніемъ указа, уходившій воевода распорядился «по силѣ того указа исполненіе чинить непремѣнно, надлежащіе списки и вѣдомости къ отдачѣ, учиня, предложить сего жъ числа и о вступленіи новаго воеводы рапортовать въ правительствующій сенатъ». Все это и было въ точности исполнено 4-го марта. Въ 8-мъ часу утра новый воевода прибылъ въ воеводскую канцелярію и со своей стороны отдалъ приказаніе составить и предложить къ подписи два экземпляра росписного списка — одинъ для сената, другой для оставленія при дѣлахъ; о третьемъ экземплярѣ для губернской канцеляріи не говорится ни слова. По подписаніи списковъ началось новое воеводство, и Кочетовъ «по вступленіи въ правленіе должности своей въ дѣла вступилъ»[1]). Такъ протекала смѣна воеводъ въ томъ случаѣ, если все шло гладко, если не было никакихъ помѣхъ для быстрой и закономѣрной передачи должности. Въ случаяхъ, подобныхъ приведенному выше, все подготовлялось заранѣе, и сдача по готовымъ описямъ и росписнымъ спискамъ не отличалась большой сложностью. О заблаговременномъ заготовленіи всѣхъ нужныхъ для сдачи документовъ и самаго росписного списка часто говорятъ распоряженія центральнаго правительства, особенно общіе указы сената о назначеніи воеводъ въ различныя провинціи и города, издававшіеся послѣ введенія двухгодичнаго срока воеводства[2]). Очевидно, предварительное подготовленіе къ сдачѣ должности вошло въ практику и сдѣлалось обычнымъ явленіемъ жизни областныхъ учрежденій. О происшедшей смѣнѣ и вступленіи въ должность новаго воеводы надо было доносить не только въ сенатъ; объ этомъ извѣщалось и болѣе близкое губернское начальство; туда же, въ губернію, новый воевода обязанъ былъ выслать своего предшественника для окончательнаго отчета въ денежныхъ суммахъ. Вновь назначенный Суздальскимъ провинціальнымъ воеводой майоръ кн. Горчаковъ доносилъ въ мартѣ 1733 года Московскому губернскому начальству, что согласно сенатскому указу онъ принялъ отъ бывшаго воеводы «городъ, канцелярію и дѣла», «а его маіора Воронцова съ росписными и счетными списками выслалъ въ губернскую канцелярію на срокъ 15-го марта, и въ томъ у него Воронцова взята сказка»[3]). Въ свою очередь и старый воевода доносилъ о своей смѣнѣ въ герольдмейстерскую контору [4]).

Однако, смѣна правителей далеко не всегда проходила безъ помѣхъ и затрудненій. Причины здѣсь могли быть самыя разнообразныя. Я укажу

---

[1]) Каргопольск. воеводск. канц., оп, 3, вяз. 39, д. 355/709, л. 1—4.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 7, ук. № 83, 1740 г.

[3]) Моск. губ. канц., вяз. 1653, д. 121; вяз. 1664, д. 7; другой примѣръ: Клинск. воев. канц., оп. 9, вяз. 1, ук. № 35, 1731 г.; иногда городового воеводу высылало въ столицу мѣстное губернское начачальство своимъ распоряженіемъ: Свіяжск. пров. канц. (въ дѣлахъ Казанск. окружн. суда), в. 96, прот. 1731 г. № 11.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 206, л. 22.

для примѣра нѣкоторыя. Прежде всего, «препятствія могли быть чисто формальныя: мы уже видѣли выше, какъ въ 1764 году покидавшій свою должность Клинскій воевода Посниковъ упорно не желалъ допустить къ дѣламъ своего преемника, потому что послѣдній, явившись съ паспортомъ, не позаботился запастись сенатскимъ указомъ о своемъ назначеніи. Споры изъ-за составленія росписного списка могли, со своей стороны, задержать сдачу; такъ, назначенный въ 1736 году Бѣлевскій воевода Быковъ принялъ городъ отъ Бѣлевскаго штабного двора Кіевскаго гарнизоннаго полка капитана Марка Веневитинова, назначеннаго править воеводскую должность послѣ ареста воеводы Юшкова и отправленія послѣдняго въ тайную канцелярію. Веневитиновъ вступилъ въ должность, не расписавшись съ Юшковымъ, и на этомъ основаніи отказывался сдавать дѣла Быкову по росписному списку; прежняго росписного списка, по которому принялъ должность Юшковъ, не было «пріискано», а Быковъ не желалъ вступать въ должность, не принявъ ея установленнымъ порядкомъ. Дѣло дошло до Московской сенатской конторы, которая предписала Быкову «росписной списокъ учинить немедленно и оный за своею рукою», то-есть съ одною только подписью принимавшаго, доставить по командѣ въ сенатъ и губернію[1]). Едва ли, впрочемъ, не самыми частыми причинами задержекъ въ смѣнѣ воеводъ были явленія, на которыя указывалось въ наказѣ 1728 года, а именно, желаніе смѣняемыхъ правителей уклониться отъ законнаго порядка сдачи должности. 11 августа 1742 года Дмитровская воеводская канцелярія отправила въ сосѣднюю Клинскую промеморію съ просьбою выслать въ Дмитровъ въ самой скорости Клинскаго помѣщика Тихона Пузырева, который въ 1738 и 1739 годахъ «въ нѣкоторыхъ мѣсяцехъ по указу Московской губернской канцеляріи обрѣтался въ Дмитровѣ при правленіи воеводской должности и не сдавъ бытности своей указовъ и дѣлъ и не окончa щетныхъ списковъ изъ Дмитрова собою съѣхалъ»; за Пузыревымъ въ его вотчину были отправлены нарочные солдаты, но Пузырева тамъ не нашли; скрывшійся изъ усадьбы Пузыревъ явился 15-го сентября въ Клинской канцеляріи «собою», т.-е. добровольно, и далъ подписку, что «явится въ Дмитровъ въ канцелярію воеводскаго правленія для окончанія бытности своей счету и сдачи по росписному списку дѣлъ неотмѣнно и не отговариваясь никакими отговорками» 17 сентября, 3 слишкомъ года спустя послѣ того, какъ онъ былъ Дмитровскимъ воеводой[2]). Немного позднѣе, въ маѣ 1744 года, въ Клину смѣнялись воеводы. Вступавшій въ должность капитанъ Побѣдинскій взялъ подписку съ правившаго до него воеводскую должность дворянина Никифора Татищева въ томъ, что всѣ дѣла ему сдастъ, «а до сочиненія росписныхъ списковъ и вѣдомостей изъ города Клина не съѣдетъ»; однако, 6-го іюля Побѣдинскій долженъ былъ донести въ Московскую губернскую канцелярію, что Татищевъ, не

---

[1]) Орловск. провинц. канц., оп. 11, д. 4983, л. 15.

[2]) Клин. воев. канц. оп. 10, вяз. 7 д. 264.

учиния росписныхъ списковъ, изъ города Клина тайно уѣхалъ въ Дмитровскій уѣздъ, въ вотчину свою село Залѣсье» и на требованіе явиться въ Клинъ велѣлъ отвѣчать, что онъ «лежитъ боленъ». «А нынѣ оный Татищевъ изъ Дмитровской своей вотчины съѣхалъ въ Москву», и «того ради всепокорно прошу», заканчиваетъ Побѣдинскій свое донесеніе, «о сыску онаго Татищева». Въ 1746 году Татищевъ оставался еще не разысканнымъ[1]).

Наконецъ, были, видимо, случаи, когда смѣна задерживалась не чѣмъ инымъ, какъ только капризами одной изъ сторонъ. Такъ назначенный въ 1736 году Кіевскимъ губернаторомъ Сукинъ жаловался въ сенатъ на своего предшественника генералъ-лейтенанта Шереметева, который отказался передать ему особую инструкцію для Кіевскаго губернатора, говоря, что онъ никакой подобной инструкціи не получалъ, между тѣмъ какъ, по свѣдѣніямъ Сукина, она должна была быть отправлена изъ Петербурга[2]). Для понужденія бывшаго Новгородскаго губернатора князя Гагарина къ составленію росписного списка съ его преемникомъ Бредихинымъ былъ даже отправленъ представитель власти, Ингерманландскаго пѣхотнаго полка капитанъ Пестовъ, но даже не смотря на это Гагаринъ тянулъ дѣло цѣлый годъ[3]).

Приведу въ заключеніе куріозъ, который могла создать только несогласованность дѣйствій отдѣльныхъ вѣдомствъ и неосвѣдомленность правительства о имъ же самимъ сдѣланныхъ ранѣе распоряженіяхъ. Назначенный въ 1733 году воеводою въ городъ Бѣлоколодскъ Воронежской губерніи поручикъ Креневъ долженъ былъ смѣнить прежняго воеводу, жильца Ушакова. Прибывъ къ мѣсту назначенія, Креневъ донесъ въ сенатъ что «въ томъ городѣ показаннаго воеводы Ушакова, такожъ подъячихъ никого не имѣется, и воеводскаго наказу и города и канцеляріи и дѣлъ принять не у кого, а обыватели того города Бѣлоколодска объявили, что оный воевода въ тотъ городъ не пріѣзжалъ, а оный де городъ правленіемъ, угольнымъ жженіемъ и подушнымъ сборомъ приписанъ къ Липскимъ заводамъ, а команду имѣли капитаны Коробьинъ и Гагманъ, которые Креневу объявили, что де города и дѣлъ безъ Ея Императорскаго Величества указу изъ адмиралтействъ-коллегіи отдать не смѣютъ». «И за тѣмъ», кончаетъ свое донесеніе злополучный воевода in partibus, «по прибытіи моемъ въ оный городъ имѣюсь быть я на постояломъ дворѣ, а во ономъ городѣ на дворѣ, гдѣ прежъ сего жительство имѣли воеводы, жить не

---

1) Клин. в. к., оп. 3, в. 1, д. 5/16; оп. 3, вяз. 10, д. 34/277. Другіе примѣ ы Зубцовскій воевода Пусторослевъ уѣзжаетъ безъ сдачи дѣлъ и составленія росписного списка; сенатъ дѣлаетъ распоряженіе о его розысканіи: герольдм. конт., кн. 128, л. 709—723 (1732 г.). То же самое дѣлаетъ воевода Тверской провинціи (1732 г.): гер. конт. кн. 127, л. 815—830. Въ 1732 году герольдмейстерская контора розыскивала воеводъ, не сдавшихъ счетовъ, ихъ насчитывались цѣлые десятки: герольдм. конт., кн. 130, лл. 1727—1739.

2) Сб. Р. И. О., CXIV, 263—264.

3) Герольдм. конт., кн. 127, л. 560—631 (1732 г.).

пускаетъ» занимающій его флотскій лейтенантъ, «отчего претерпѣваю не малую нужду». Спрашивается, какъ могли забыть въ столицѣ о припискѣ Бѣлоколодска къ Липецкимъ заводамъ, и куда дѣвался не показывавшій носа во ввѣренный ему городъ предшественникъ Кренева[1])?

Предыдущее изложеніе уже показало значеніе росписного списка при смѣнѣ воеводъ: подписаніе его и означало самую смѣну. Такое значеніе росписныхъ списковъ обязываетъ насъ остановиться подробнѣе на изученіи этихъ документовъ, столь хорошо знакомыхъ и областнымъ правителямъ XVII столѣтія. Росписные списки всѣ составлялись по одному образцу, поэтому установить ихъ общую схему не трудно. Списокъ начинается, обыкновенно, съ краткаго изложенія указа о назначеніи воеводы, послѣ чего слѣдуетъ переходная часть гласящая, что такой-то «бывшій воевода или губернаторъ новоопредѣленному воеводѣ» или губернатору такому-то «выше-предъявленный городъ и въ немъ канцелярію и дѣла и прочее, что къ воеводскому правленію надлежитъ, отдалъ, а сколько порознь значится ниже сего». Собственно, росписной списокъ почти всегда начинается съ внѣшняго описанія города, причемъ такія описанія по сравненію съ аналогичными списками XVII вѣка, обыкновенно, болѣе подробны. За описаніемъ городскихъ укрѣпленій, стѣнъ, валовъ или, какъ это часто бывало въ XVIII вѣкѣ, ихъ слѣдовъ и остатковъ, идетъ перечень разныхъ запасовъ, хранящихся въ казенныхъ складахъ. Эта часть представляетъ полную аналогію росписнымъ спискамъ Московскаго времени. Далѣе идетъ описаніе самаго помѣщенія губернской, провинціальной или воеводской канцеляріи, интересное тѣмъ, что рисуетъ довольно ясно обстановку какъ воеводской камеры, такъ и помѣщенія для приказныхъ; вмѣстѣ съ канцеляріей вносятся въ опись отдѣльные предметы, въ ней находящіеся — зерцало, меблировка, а также книги законовъ и денежная казна. Книги и денежная казна перечисляются и во всѣхъ росписныхъ спискахъ XVII вѣка; но описаніе приказныхъ и съѣзжихъ избъ въ нихъ, обыкновенно, отсутствуетъ. Личный составъ канцеляріи, т.-е. весь приказный людъ, состоящіе при ней солдаты, разсыльщики, сторожа, заплечные мастера и колодники, перечисляются до послѣдняго человѣка; и въ этой части росписные списки XVIII вѣка полнѣе и подробнѣе списковъ допетровскихъ. Описаніе дѣлъ, находящихся въ производствѣ, а также всего архива канцеляріи, составленное съ большей или меньшей подробностью, неизмѣнно находится во всѣхъ росписныхъ спискахъ; и въ этомъ опять-таки можно наблюдать аналогію XVIII и XVII вѣковъ. Описаніе архива чаще всего заканчиваетъ списокъ, но

---

[1]) Герольдм. конт., кн. 93, лл. 577—578. Интересно сопоставить съ приведеннымъ сейчасъ фактомъ одинъ указъ начала Елизаветинскаго царствованія: «Понеже извѣстно учинилось, что изъ кабинета Е. И. В. о разныхъ дѣлахъ въ губерніи и провинціи посылаются указы, о которыхъ въ сенатѣ неизвѣстно, сенатъ приказалъ о такихъ кабинетскихъ указахъ немедленно доносить въ сенатъ «дабы, за неизвѣстіемъ, не воспослѣдовало-бъ на одно дѣло разныхъ резолюцій». П. С. З., XII, № 9150.

иногда въ спискахъ XVIII вѣка въ концѣ или же рядомъ съ описаніемъ канцеляріи находится еще описаніе воеводскаго жилья, проливающее свѣтъ на нѣкоторыя бытовыя черты эпохи.

Общая схема росписного списка, только что очерченная, не оставалась, конечно, неизмѣнной. Мѣстныя условія находили отголосокъ въ отдѣльныхъ частяхъ списка: описаніе воинскихъ или хлѣбныхъ запасовъ могло быть краткимъ или длиннымъ въ зависимости отъ мѣста нахожденія города, отъ его значенія какъ продовольственнаго или военнаго центра; личный составъ канцеляріи зависѣлъ отъ штата, положеннаго для даннаго города; число колодниковъ — отъ случайныхъ причинъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ находятся и совсѣмъ неожиданные варіанты и дополненія; такъ, напримѣръ, въ Юрьевѣ Польскомъ въ 1736 году былъ сданъ по росписному списку въ числѣ прочихъ статей «присланный въ 1722 году изъ Санктпетербургской Академіи у цыфирной школы учитель Андрей Петлинъ, который въ Юрьевской провинціи у обученія указныхъ наукъ приказнаго и другихъ чиновъ людей дѣтей ихъ, и обрѣтается при немъ учениковъ, подьяческихъ дѣтей, 6»[1]). По сравненію со своими собратьями XVII вѣка, росписной списокъ послѣпетровскаго времени подробнѣе и полнѣе, но въ общихъ чертахъ оба документа очень близки одинъ къ другому[2]); и въ этомъ отношеніи порядки, установленные въ 1726 году, были возвращеніемъ къ старинѣ, замершей лишь на короткое время дѣйствія Петровскихъ учрежденій. Смѣна должностныхъ лицъ была тѣмъ моментомъ, къ которому центральное правительство стре-

---

[1]) Разр. Прик., Дѣла разн. городовъ, кн. 73, лл. 72—99,

[2]) Образцы росписныхъ списковъ XVIII в. см. герольдм. конторы. кн. 93, лл. 349—356 (Мценскъ 1731) и 598—606 (Чернь 1733 г.). Разр. Прик., дѣла разн. городовъ: кн. 27, лл. 546—568 (Дѣдиловъ 1731 г.); кн. 27, лл. 439—455 (Данковъ 1727, 1731 г.); кн. 53, лл. 657—668 (Наровчатъ, 1733 г.), кн. 74, лл. 596—601 (Яблоновъ 1731 г.), кн. 72, лл. 655—663, 664—700 (Шацкъ 1731 и 1742 гг.), кн. 73, лл. 72—99 (Юрьевъ Польскій 1736 г.), кн. 65, лл. 726—751 (Сѣвскъ, 1731 г.), кн. 66, лл. 873—897 (Самара 1731 г.); Денежнаго стола, кн. 170, л. 1 и слѣд. (Кострома 1732 г.); Каргопольск. воев. канц., оп. 3. в. 7, д. 53/332, лл. 1-158 (1733 г.); вязка 22, д. 135/433 (1745 г.); вяз. 39, д. 355/709 (1758 г.). Кинешемск. воев. канц., оп. 6, вяз. 1, д. 247 (1734 г. Петровскъ (Саратовск.) Герольдм. конт., кн. 130, лл. 219—242 (1732 г.). Бѣльской в. к., оп. 5, в. 2, д. 20/23. Росписные списки 1745 г. въ книгѣ 300 герольдм. конторы: уѣздные города: Бѣлый—л. 1. Трубчевскъ — л. 23, Новосиль — л. 38, Курскъ — л. 52, Козельскъ — л. 62. Козловъ — л. 107, Билярскъ — л. 126, Демшинскъ — л. 130, Усердъ — л. 137, Брянскъ — л. 141, Ольшанскъ — л. 161, Ефремовъ — л. 169, Землянскъ — л. 176, Кашинъ — л. 182, Лухъ — л. 194, Бирскъ — л. 209, Бѣлевъ — л. 215, Саранскъ — л. 257, Гдовъ — л. 262, Пронскъ — л. 325, Петровскъ — л. 360, Слободской — л. 374, Каргополь — л. 483, Ст. Осколъ — л. 515, Масальскъ — л. 550, Суджа — л. 561, Вага — л. 571, Рыльскъ — л. 740, Царевококшайскъ — л. 754, Торжокъ — л. 790, Михайловъ — л. 824, Зарайскъ — л. 829, Гороховецъ — л. 898, Новая Ладога — л. 878, Сызрань — л. 895, Уржумъ — л. 1052; провинціальные города: Шацкъ — л. 230 и Тамбовъ — л. 249; губ. гор. Астрахань — л. 913, кн. 306, л. 911: донесеніе Астраханскаго губернатора о составленіи и подписаніи этого списка. О росписномъ спискѣ Московскихъ губенаторовъ Жеребцова и Юшкова см. у *Соловьева*, VI, XXVII, 288. Образцы росписныхъ списковъ XVII вѣка: доп. к. А. И. IV, № 134; Акты Московск. госуд. I, № 213.

милось пріурочить провѣрку правильности дѣйствій смѣнившагося воеводы: росписной списокъ былъ матеріаломъ для ревизіи его управленія; по отношенію къ новому воеводѣ онъ былъ основаніемъ для контроля всей его будущей дѣятельности. Естественно, что моментъ его составленія долженъ былъ находиться подъ пристальнымъ вниманіемъ правительства и что послѣднее старалось обставить его многочисленными и подчасъ сложными формальностями.

Ознакомленіе со службой губернаторовъ и воеводъ на мѣстахъ мы начнемъ съ изслѣдованія внѣшней обстановки, въ которой эта служба протекала. Съ преобразованіями 1727 года помѣщеніе и оборудованіе губернскихъ и провинціальныхъ учрежденій не измѣнились. Иначе было съ учрежденіями городовыми и уѣздными. Когда во второй половинѣ 1727 года вновь назначенные воеводы стали подъѣзжать къ мѣстамъ своего новаго служенія, многіе изъ нихъ оказались безъ пристанища. Постепенное разрушеніе воеводскаго управленія при Петрѣ и его областная реформа 1719 года не могли не оказать своего дѣйствія на старинные воеводскіе дворы и съѣзжія избы, изстари бывшія центрами административной жизни въ уѣздномъ городѣ. Старыя казенныя зданія, ставшія ненужными, или были приспособлены подъ другія надобности, или же оставались безъ всякаго употребленія, приходили въ ветхость и мало-по-малу разваливались, такъ что вновь прибывшимъ воеводамъ приходилось отводить квартиры на посадѣ въ видѣ постойной повинности; такъ, напримѣръ, Бѣжецкіе посадскіе люди 19 сентября 1727 года «въ земской избѣ, будучи на градскомъ совѣтѣ, согласно приговорили господину Бѣжецкому воеводѣ» Тимофею Михайловичу Ресину отвести квартиру, оставшуюся послѣ Бѣжичанина, посадскаго человѣка Ладыгина, произведя необходимыя исправленія въ домѣ на мірскія средства[1]). Съ обветшаніемъ и безпорядочнымъ состояніемъ казенныхъ зданій считается и наказъ 1728 года, предписывающій областнымъ правителямъ селиться, за неимѣніемъ казенныхъ дворовъ, для нихъ предназначенныхъ, въ монастырскихъ подворьяхъ, покамѣстъ воеводскіе дворы будутъ построены[2]). Но и тамъ, гдѣ сохранились старые воеводскіе дворы, жалобы на невозможность жить въ нихъ полетѣли въ столицу

---

[1]) Бѣжецк. город. магистрата, оп. 4, вяз. 2, д. 12/39; постойная повинность, налагавшая на посадъ обязанность отводить въ случаѣ надобности квартиры не только воеводамъ но и всѣмъ другимъ агентамъ правительственной власти была, особенно въ началѣ изучаемаго времени, источникомъ множества злоупотребленій, ссоръ и жалобъ. См., напр., Курмышской воев. канц., оп. 4, в. 3, д. 349, л. 296—297: жалоба посадскаго на водвореніе у него на постой не по очереди офицера команды, собиравшей подушный сборъ (1733 г.). Въ 1732 году сенатъ отрѣшилъ Волоколамскаго воеводу Овцына между прочимъ за то, что онъ занялъ у лучшихъ людей себѣ подъ квартиру и канцелярію и для содержанія колодниковъ многіе дворы самовольно, отчего домохозяева пришли во всеконечное разореніе. Герольдм. контор. кн. 130, л. 159. О реальной обстановкѣ постойной повинности см. *Кизеветтера*, Посадская община, 361, 362.

[2]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 48.

немедленно послѣ введенія новыхъ уѣздныхъ учрежденій; воеводы доносили, «что имѣющіеся въ тѣхъ городахъ канцеляріи и для содержанія колодниковъ тюрьмы, такожъ и воеводскіе дворы весьма обветшали, и быть въ нихъ невозможно»; въ донесеніяхъ указывалось, что выходомъ изъ создавшагося положенія была бы отдача въ распоряженіе воеводъ недавно построенныхъ полковыхъ штабныхъ дворовъ, которые въ ожиданіи расквартированія арміи внутри имперіи, по большей части, продолжали оставаться пустыми; сенатъ согласился съ донесеніями воеводъ и 16 октября 1728 года разрѣшилъ воеводамъ занять пустые полковые дворы подъ канцеляріи, тюрьмы и жилье «до указу», «дабы, имѣя оные порозжіе дворы, не занимали воеводы обывательскихъ дворовъ, а на починку и пристройку старыхъ воеводскихъ дворовъ и канцелярій не было бы изъ казны напраснаго, также у пустыхъ полковыхъ дворовъ караульщикамъ лишняго расхода»[1]).

Жалобы на плачевное состояніе воеводскихъ дворовъ и канцелярій не были преувеличенными; въ этомъ убѣждаютъ сохранившіяся ихъ описанія. Въ Дѣдиловѣ въ 1731 году «на Ея Императорскаго Величества дворѣ» стояло «хоромное строенье, что прежъ сего живали воеводы и коменданты, горница съ комнатою, на глухихъ амшенникахъ, ветхія, и не перестроя жить не мошно. Канцелярія древяная, одинакая, противъ канцеляріи тюремная изба, ветхія, и углы огнили и опали и отправлять въ канцеляріи Ея Императорскаго Величества дѣлъ не можно, такожъ и въ тюремной избѣ колодниковъ содержать не можно»[2]). Не лучше обстояло дѣло въ городѣ Данковѣ; въ 1727 году тюрьма при воеводской канцеляріи «вся сгнила и развалилась и верху нѣтъ», «на воеводскомъ дворѣ хоромнаго строенья двѣ горницы сосновыя, облыя, промежъ ихъ сѣны, да къ нимъ придѣланы двѣ избы липовыя и оныя хоромы покрыты соломою и весьма ветхи, въ которыхъ уже жити не безъ страху и не безъ труда»[3]). Въ Наровчатѣ въ 1733 году приказная изба была ветхой, «а государевы хоромы, гдѣ живутъ судьи — всѣ обвалились»[4]). Если мы перенесемся на сѣверъ, то увидимъ ту же картину: «въ Чарондѣ на посадѣ приказная изба ветхая, полъ и на избѣ кровля погнило; передъ тою жъ приказною избой сѣни съ крыльцомъ погнили жъ; да дворъ управительской съ огородною землею, въ которомъ прежъ сего жили воеводы и комиссары, а въ немъ строенія двѣ горницы, въ томъ числѣ первая на жиломъ, другая на глухомъ подклѣтахъ, третья горница ветхая жъ, была на жиломъ же подклѣтѣ, на ней кровли и потолку и полу и печей нисколько нѣтъ; межъ оными горницами двои сѣни на столбахъ, которые столбы обветшали жъ, а въ нихъ три чулана, да при тѣхъ же сѣняхъ баня; а оное хоромное строеніе все погнило и жить въ нихъ невозможно. При томъ же дворѣ поварня ветхая да конюшня, на ней кровля

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5340.

[2]) Разр. прик., дѣла разн. городовъ, кн. 27, лл. 546—568.

[3]) Разр. прик., дѣла разн. городовъ, кн. 29, лл. 439—455.

[4]) Разр. прик., дѣла разн. городовъ, кн. 53, лл. 657—668.

ветхая, для поклажи хлѣба амбаръ, погребъ осыпной ветхій жъ, погнили и развалились»[1]). Когда представишь себѣ, что надо было селиться въ такихъ развалинахъ, то легко понять, что городовымъ воеводамъ приходилось подчасъ начинать свою дѣятельность въ очень тяжелой обстановкѣ, особенно если принять во вниманіе, что средства на ремонтъ отпускались и туго и экономно[2]). Въ такомъ же плачевномъ состояніи бывали иногда казенныя зданія и въ болѣе крупныхъ центрахъ; я приведу нѣсколько данныхъ объ исправленіи воеводскаго двора и провинціальной канцеляріи во Владимирѣ; это дастъ намъ возможность ознакомиться и съ тѣмъ, что должны были представлять присутственныя мѣста въ болѣе крупномъ областномъ центрѣ. При обсужденіи смѣты и проекта ремонта воеводскаго двора, канцеляріи и тюрьмы во Владимірѣ, одобренномъ Московскою губернскою канцеляріей, «опредѣленно на воеводскомъ дворѣ быть строенью, такъ какъ начато строить бывшимъ воеводою Кафтыревымъ въ 1721 году, а именно: 4 свѣтлицы съ сѣньми, 4 избы людскихъ, погребъ и ледникъ, а надъ ними амбары; и съ онаго 1721 года стоитъ непокрыто, отчего можетъ быть повредилось и къ достройкѣ быть негодно». Предполагалось недостроенный дворъ осмотрѣть, разобрать негодныя части и достроить. Канцелярію рѣшено было строить вновь, «понеже въ которыхъ хоромахъ нынѣ канцелярія содержится, и тѣ хоромы синодальнаго вѣдомства, а по указу высокаго сената оныя хоромы велѣно очистить». Въ новой канцеляріи должны были быть четыре свѣтлицы четырехсаженныхъ, въ томъ числѣ одна судейская, другая канцелярскимъ служителямъ, третья комиссарамъ съ подчиненными для сбору подушныхъ денегъ, четвертая караульнымъ солдатамъ и для содержанія

---

[1]) Каргопольск. в. к., оп. 3, в. 1, д. 2, лл. 15—20. Здѣсь же приводится смѣта ремонта, которая можетъ дать понятіе о стоимости подобныхъ работъ въ XVIII вѣкѣ на сѣверѣ Россіи. На приказную избу и на управительскій дворъ надобно къ постройкѣ 1000 евенъ стѣнныхъ, цѣною по 3 рубля сто — 30 рублевъ.

Тысяча заборнику цѣною по 2 рубли — 20 руб.; вмѣсто тесу на кровлю 1000 желобовъ, по 2 руб., сто — 20 руб.

Досокъ тесовыхъ дверныхъ и оконныхъ 300, по 2 руб. сто — 6 руб.

На окончины и на печи и на петли и на крючья и на гвоздья и на всякіе мелочные расходы — 70 руб.; плотникамъ за работу — 70 руб.

На постройку острога и тюремной избы — 24 руб.

Всего на оное строеніе надобно денегъ 240 руб.

Ремонтъ обветшалыхъ зданій, равно какъ и постройка вновь вмѣсто сгорѣвшихъ, производилась не иначе какъ съ разрѣшенія высшихъ, т.-е. провинціальныхъ и губернскихъ властей, что очень часто бывало источникомъ всякихъ задержекъ и волокиты. Гдов. воев. канц., оп. 12, вяз. 2, д. 40; Горохов. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 23.

[2]) Какъ трудно было выхлопотать средства для ремонта можетъ показать слѣдующій случай: въ 1728 г. Данковскій воевода доносилъ въ Воронежскую губернскую канцелярію о ветхостяхъ казенныхъ зданій въ Данковѣ; въ 1729 г. ходатайство было повторено съ указаніемъ, что «въ канцеляріи указовъ и дѣлъ въ нынѣшнюю осеннюю пору отъ дождя держать опасно, также и въ зимнее время отъ стужи жить не можно». Въ 1731 г. зданіе оставалось не исправленнымъ. Данков. воев. канц., оп. 3, вяз. 10, д. 65, вяз. 11.

колодниковъ; «въ оной же свѣтлицѣ сдѣланъ чуланъ для продажи гербовой бумаги; при тѣхъ хоромахъ сѣни пятисаженныя и четыре нужника, въ сѣняхъ два чулана рубленыхъ большихъ для собранія и сохраненія старыхъ дѣлъ и описныхъ и опальныхъ пожитковъ»[1]).

Изъ приведенныхъ выше данныхъ уже возможно составить нѣкоторое понятіе о помѣщеніи канцеляріи и о воеводскомъ жильѣ. Постараемся подвести общіе итоги, дополнивъ сказанное описаніемъ внутренней обстановки канцеляріи и дворовъ. Помѣщеніе воеводской, провинціальной, точно такъ же и губернской канцеляріи XVIII вѣка представляло почти полное сходство съ помѣщеніями Московскихъ приказовъ стараго времени; реформа почти не затронула высшей обстановки приказной жизни и изо всѣхъ угловъ губернскихъ и другихъ областныхъ канцелярій царствованія Анны, Елизаветы и даже Екатерины II смотрѣла старина XVII столѣтія. Непремѣнною принадлежностью всѣхъ канцелярій была судейская камера. Ея описанія мало отличаются одно отъ другого; она похожа на «камору аудіенціи или судейскаго правленія», какъ ее рисуетъ генеральный регламентъ[2]). Центръ ея занималъ судейскій столъ, за которымъ засѣдали и вершили дѣла воеводы, и рядомъ столъ секретарскій, крытые оба краснымъ или зеленымъ сукномъ; «на тѣхъ столахъ по черниилицѣ съ уборомъ, указы въ рамахъ: именуемое зерцало передъ очима судящихъ, указы 1724 года о вѣдѣніи законовъ и о почтеніи судейскаго мѣста». Здѣсь же, въ судейской камерѣ находились на полкахъ или въ шкапу «государственныя права», т.-е. уложенія, новоуказныя статьи, генеральный регламентъ, воеводскій наказъ, регламентъ камеръ-коллегіи, словомъ, всѣ тѣ узаконенія, которыми правителямъ приходилось руководствоваться въ ихъ повседневной дѣятельности. Вокругъ стѣнъ судейской камеры шли лавки, также обитыя сукномъ, а судейскіе, т.-е. воеводскіе стулья украшались иногда «тюфяками», иначе сказать подушками, обитыми кожею или сукномъ[3]). Въ судейской же камерѣ, рядомъ съ воеводскими, засѣдали въ провинціальныхъ и городовыхъ канцеляріяхъ офицеры при подушномъ сборѣ. Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ выше описаній помѣщеній провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ видно, что съ самаго начала изучаемой эпохи канцелярія подушнаго сбора, а слѣдовательно, и завѣдующій ею комиссаръ помѣщались вмѣстѣ или рядомъ съ судейской камерой. Указомъ 1736 года такой порядокъ былъ признанъ нормальнымъ и окончательно санкціонированъ: и воеводѣ и офицеру при подушномъ сборѣ было предписано «присутствовать» вмѣстѣ въ воеводской канцеляріи[4]). Рядомъ съ судейской камерой была расположена приказная камера,

---

[1]) Гороховецк. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, дѣло 23.

[2]) Генер. регл., гл. XXIII (П. С. З., VI, № 3534).

[3]) Кинешемск. воев. канц., оп. 6, вяз. 1, д. 247, лл. 1—2; разр. прик., дѣла разн. городовъ, кн. 73, лл. 72—99, кн. 72, лл. 655—656.

[4]) Моск. губ. канц., кн. 67, лл. 720—724. Въ Полн. Собр. Зак. этого указа нѣтъ.

т.-е. самая канцелярія. Чѣмъ выше была въ областной іерархіи ступень, занимаемая даннымъ городомъ, чѣмъ больше былъ штатъ воеводской или провинціальной канцеляріи, тѣмъ значительнѣе было ея помѣщеніе. Въ мелкихъ городахъ подъячіе занимали одну или двѣ комнаты — камеры, горницы, свѣтлицы, какъ онѣ называются въ различныхъ документахъ; здѣсь сосредоточена была вся канцелярская работа, сюда вводились челобитчики и всѣ другія лица, имѣвшія дѣло до канцеляріи[1]). Большія канцеляріи, напримѣръ провинціальныя, занимали болѣе просторныя помѣщенія; мы видѣли выше, что для Владимирской провинціальной канцеляріи нужны были четыре свѣтлицы четырехсаженныхъ; приблизительно такой же обликъ имѣла Шацкая канцелярія; въ ней было «два жилья, въ которыхъ прежъ сего имѣлись въ 2 жильяхъ воеводское правленіе, а въ другихъ двухъ жильяхъ камерирское вѣдѣніе; въ срединѣ сѣни, которыми объявленныя жилья раздѣлены надвое[2])». Всѣ эти строенья бывали деревянныя; къ свѣтлицамъ обязательно пристраивались сѣни, высокія и просторныя, — тоже пережитокъ архитектуры Московскаго времени; въ сѣняхъ дожидались просители, здѣсь протекала значительная часть канцелярской жизни; къ сѣнямъ прирубались чуланы для разныхъ надобностей; въ такихъ же чуланахъ или же нежилыхъ нижнихъ подклѣтахъ помѣщались архивы, кладовыя, а иногда и застѣнки.

---

[1]) Кинешем. в. к., оп. 6, в. 1, д. 247, лл. 1—2. Разр. прик., д. разн. город., кн. 27, лл. 546—568, кн. 29, л. 439—455, кн. 74, лл. 596—601. Съ приведеннымъ описаніемъ воеводскихъ канцелярій интересно сопоставить описаніе конторы крупнаго вотчинника, организованной на подобіе правительственнаго учрежденія, точь въ точь, какъ это было въ обычаѣ въ XVII вѣкѣ, напр., у боярина Б. И. Морозова (см. *Забѣлина*, Большой бояринъ на вотчинномъ хозяйствѣ. В. Евр. 1871. № 1, 2). Вотъ описаніе конторы гр. П. Г. Чернышева въ Сѣвскѣ. Во главѣ конторы стоялъ вотчинный управитель, капитанъ Макрушинъ; присутствующими членами конторы были прикащикъ и бурмистръ; земскій писарь замѣнялъ секретаря. «Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась на столы и на повытья. Судейскій столъ въ первомъ мѣстѣ горницы, за перилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также повелѣнія и формы графскія объ управленіи вотчиной. Напротивъ конторы, черезъ большія сѣни, кладовая для храненія государственныхъ денежныхъ сборовъ и караульная» съ комплектомъ сторожей и разсыльщиковъ и въ особомъ отдѣленіи архивъ. Записки *Добрынина*. «Русская старина», 1871, т. III, 131—132.

Для иллюстраціи приведенныхъ описаній воеводскихъ канцелярій, я привожу на страницѣ 173 рис. 2 планъ Серпуховской воеводской канцеляріи, выстроенной въ 1742 году. Оригиналъ этого плана, составленный, вѣроятно въ 50-хъ годахъ, сохраняется въ библіотекѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ (папка по Московской губерніи). Внутреннія помѣщенія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 14 «канцелярія и подушная съ перегородкой, гдѣ имѣется присутствіе», 15 «ветхая архива», 16 «подъяческая», 17 «сѣни и въ оныхъ перегородки», 18 «вновь назначенная каменная архива». Два плана канцеляріи, современные ея постройкѣ, но худшей сохранности находятся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Московской губернской канцеляріи, вяз. 1664, д. 46.

[2]) Разр. прик., дѣла разн. город., кн. 72, л. 655—656.

Внутреннее устройство самыхъ крупныхъ областныхъ учрежденій — губернскихъ не отличается отъ только что описаннаго; если есть разница, то только въ размѣрахъ и количествѣ приказныхъ помѣщеній, въ нѣсколько болѣе роскошномъ убранствѣ судейскихъ камеръ, да развѣ еще въ томъ, что въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ чаще, чѣмъ въ глухой провинціи, встрѣчались каменныя зданія. Приведу описаніе Астраханской губернской канцеляріи по росписному списку 1745 года: «строеніе каменное о дву апартаментахъ, покрыто тесомъ; въ немъ палата судейская съ сѣньми, въ сѣняхъ противъ судейской маленькая палатка, двѣ палаты, въ коихъ сидятъ канцелярскіе служители; передъ тѣми палаты сѣни, въ нихъ маленькая палата; къ сѣнямъ крыльца съ лѣстницею. Въ нижнемъ апартаментѣ пять палатъ, въ томъ числѣ въ одной крѣпостная контора, въ двухъ письменнымъ дѣламъ архива, въ четвертой хранится денежная казна, пятая пустая; подъ крыльцомъ три малыя палатки»[1]).

Я не буду утомлять описаніями воеводскихъ дворовъ; то, что приведено выше, уже даетъ нѣкоторое понятіе объ этихъ дворахъ — настоящихъ усадьбахъ, раскинутыхъ на широкое пространство, съ многочисленными надворными постройками, сараями для «колясокъ и фурмановъ», конюшнями, скотными дворами, банями, кухнями, помѣщеніями для людей и т. д. Самые воеводскіе хоромы, въ первой, по крайней мѣрѣ, половинѣ столѣтія, состояли въ провинціи изъ нѣсколькихъ горницъ или свѣтлицъ, часто расположенныхъ на холодныхъ подклѣтахъ и соединенныхъ сѣнями, къ которымъ иногда пристраивались повалуши и чуланы; внѣшній видъ ихъ, какъ и внутреннее расположеніе дышали допетровской стариной[2]).

Постоянное обветшаніе деревянныхъ построекъ и частые пожары [3]), уничтожавшіе ихъ, должны были очень часто выдвигать вопросъ о

---

[1]) Герольдм. конт., кн. 300, л. 915. Какъ мало измѣнился характеръ помѣщенія съ Петровскаго времени видно изъ сравненія описаній его въ 1745 и 1707 гг. Астраханская приказная палата въ 1707 году состояла 1) изъ задней палаты, «гдѣ сидятъ бояре и воеводы, передъ нею сѣни, въ сѣняхъ казенка»; 2) изъ средней палаты «о двужильяхъ» съ сѣнями и двумя казенками въ послѣднихъ; «къ сѣнямъ крыльцо каменное о двухъ сходахъ, да нижнее крыльцо, крыта палата тесомъ. Подъ тѣми палатами судная и кладовыхъ три палаты да подъ крыльцами двѣ казенки, подъ сѣньми палата жъ». Астрах. губ. канц., в. 14, д. № 56, л. 1. Въ Московской губернской канцеляріи было нѣсколько палатъ, въ томъ числѣ четыре нижнихъ. М. Г. К. вяз. 1662, дѣло 12.

Насколько одинаково было внутреннее устройство всѣхъ присутственныхъ мѣстъ XVIII вѣка можно видѣть изъ сопоставленія описанія помѣщеній Московска о сыскного приказа со всѣми приведенными выше данными. Оп. док. и бум. М. Арх. М. Ю., II. Описаніе докум. сыскного приказа, стран. 4 и слѣд.

[2]) О внутренней обстановкѣ воеводскаго двора въ первой половинѣ XVIII столѣтія даетъ хорошее понятіе подробная опись движимаго имущества, принадлежавшаго отданному подъ судъ Сибирскому провинціальному воеводѣ Ходыреву, составленная въ 1747 году. Дѣла Сената, кн. 103/319, лл. 203—213.

[3]) Примѣры: пожаръ Каргопольской воев. канц.: «городъ Каргополь со всякимъ въ немъ хоромнымъ строеніемъ, въ которомъ имѣлся воеводскій дворъ и канцелярія

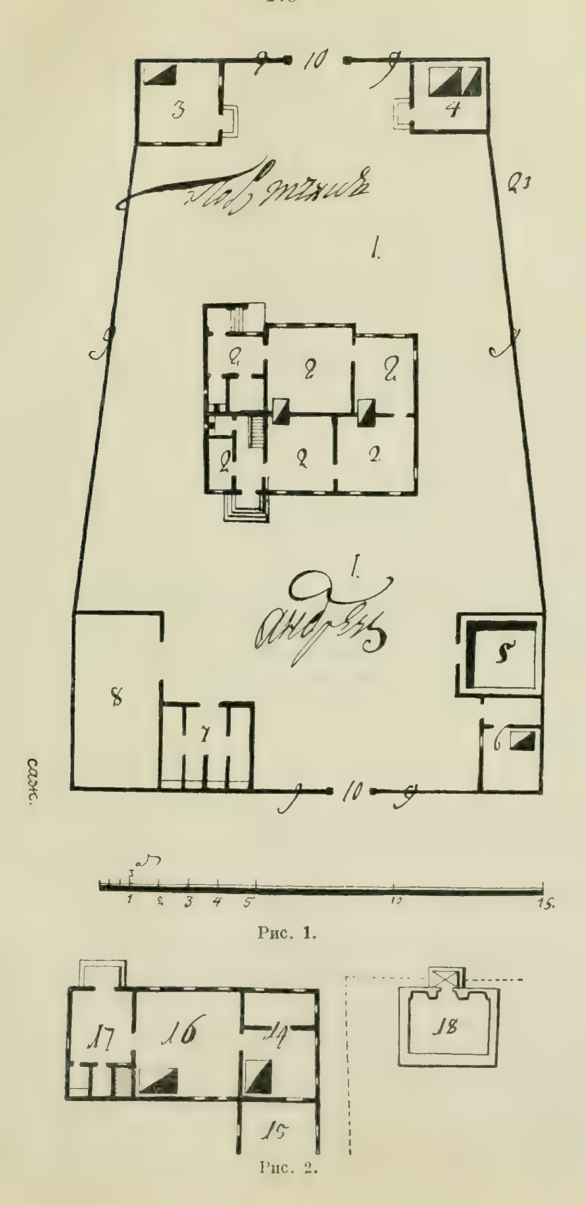

Рис. 1.

Рис. 2.

ремонтѣ и постройкѣ канцелярій и дворовъ губернаторовъ и воеводъ. Можетъ-быть, это обстоятельство, а можетъ-быть, и постоянное стремленіе регламентировать областное управленіе во всѣхъ мелочахъ, привело центральное правительство къ мысли объ установленіи разъ навсегда архитектурныхъ образцовъ для областныхъ канцелярій и для квартиръ правителей. Въ 1749 году сенатъ утвердилъ представленный камеръ-коллегіею проектъ, по которому въ губернскихъ городахъ, «гдѣ впредь встрѣтится необходимая нужда», предписывалось строить для губернаторовъ съ ихъ фамиліями 8 покоевъ, въ томъ числѣ, чтобы промежду угловъ залъ 10 аршинъ, прочіе же покои отъ 8 до 6 аршинъ, ихъ людямъ — 2 или 3 избы, промежду угловъ 9 аршинъ, поварня съ хлѣбною печью, промежду угловъ 8 аршинъ, по одному погребу сухому и по другому леднику (8 арш.), баня съ предбанникомъ (10×6 арш.), сарай для экипажей и рухляди (24×10 арш.) и конюшня на 10 стойлъ»; такъ же подробно и мелочно были регламентированы и размѣры построекъ на воеводскихъ дворахъ въ провинціяхъ и въ уѣздныхъ городахъ; надворныя постройки были нѣсколько меньше губернскихъ, а для житья провинціальнымъ воеводамъ полагалось 5, городовымъ — 4 покоя: «величиною залы въ 9 аршинъ, а прочіе покои противъ губернаторскихъ». Губернская канцелярія вмѣстѣ съ конторою для подушнаго сбора должны были занимать 8 покоевъ, размѣрами равныхъ комнатамъ губернаторской квартиры, «да одинъ архивъ»; отдѣльныя помѣщенія должны были служить для тюрьмы (острогъ съ 2 или 3 избами) и для состоящихъ при губернской канцеляріи военныхъ командъ. Для провинціальныхъ канцелярій отводилось 5 покоевъ, для городовыхъ — 4 «величиною противъ воеводскихъ», тюрьма должна была состоять изъ 1—2 избъ; «покой» для караульныхъ долженъ быть выстроенъ, соображаясь по числу командъ и по числу колодниковъ, которыхъ приходилось сторожить[1]).

сего мая 18 числа 1731 г. сгорѣлъ безъ остатку. Остатокъ, однако сохранился въ видѣ единственной, каменной постройки: «въ ономъ же городѣ имѣется казенная каменная палата съ погребомъ, на которой имѣвшаяся деревянная крыша въ ономъ же пожарѣ сгорѣла, а по преждепосланному доношенію, оная палата и погребъ требуетъ починки, а именно вновь деревянной крышки, цѣною въ 15 руб.» Карг. в. к., оп. 3, вяз. 1, д. 287/22. Пожаръ Коломен. в. к. въ 1737 г. Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. 1896 г. № 3, смѣсь, стран. 35, 36.

[1]) П. С. З., XIII, № 9662. Постройки возводились на казенныя суммы «добрымъ плотничнымъ топорнымъ мастерствомъ. Кто же изъ губернаторовъ и воеводъ пожелаетъ тѣ хоромы убирать столярнымъ мастерствомъ и прочимъ украшеньемъ, и на то деньги употреблятъ имъ изъ своего кошту». Наглядное представленіе о воеводскомъ дворѣ половины вѣка даетъ помѣщенный на страницѣ 173 (рис. 1) планъ двора Серпуховскихъ воеводъ, выстроеннаго около времени изданія указа 1749 года. Какъ и планъ воеводской канцеляріи онъ представляетъ снимокъ съ плана того времени, хранящагося въ библіотекѣ Моск. Архива Иностр. дѣлъ, (папка по Моск. губерніи). Нѣсколько болѣе ранній по времени фасадъ и планъ воеводскаго двора въ Серпуховѣ, оставшіеся въ проектѣ, хранится въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, Моск. губ., канц., вяз. 1664, д. 46. По расположенію комнатъ въ хоромахъ и надворныхъ построекъ онъ нѣсколько отличался отъ приводимаго здѣсь; къ сожалѣнію, этотъ послѣдній планъ

Устройство воеводскихъ дворовъ, проектированное въ 1749 году, уже значительно отличалось отъ русскаго допетровскаго жилья. Въ этомъ можно видѣть ростъ европейскаго вліянія на бытовую сторону русской жизни. На такія мысли наводитъ и описаніе воеводскаго двора въ Кинешмѣ, относящееся къ 1772 году. Впрочемъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ болѣе общаго характера; обстановка воеводскаго жилья мѣнялась такъ же точно, какъ и обстановка дворянскаго дома вообще: если воеводскіе хоромы 30-хъ годовъ были похожи на жилище допетровскаго вотчинника, то домъ Кинешемскаго воеводы 70-хъ годовъ есть почти точная копія деревенскаго дома его современника, извѣстнаго Андрея Тимоѳеевича Болотова[1]). Большею устойчивостью отличалась обстановка

очень ветхъ и испорченъ сыростью. Назначеніе значащихся на планѣ построекъ, видно изъ слѣдующаго поясненія: 1. Дворъ. 2. «На онемъ дворѣ вновь хоромы, въ оныхъ жилыхъ четыре покоя съ сѣньми и съ чуланы». 3. Людская изба. 4. Кухня. 5. Погребъ. 6. Баня съ предбанникомъ. 7. Конюшня. 8. Каретный сарай. 9. Заборы. 10. Ворота.

[1]) *Болотовъ*, записки, I, 152. Кинешемск. в. к., оп. 26, в. 1, д. 1590, лл. 6—8. Опись воеводскому дому: Съ приходу переднее крыльцо, надъ нимъ крышки не имѣется; сѣни, изъ нихъ на лѣвую сторону нужникъ съ дверями, а двери на крюкахъ и петляхъ желѣзныхъ. Изъ сѣней на подволоку лѣстница, у сѣней дверь топорная на крюкахъ и петляхъ желѣзныхъ; въ ней 2 скобы желѣзныхъ.

Отъ сѣней направо зала, въ ней образъ Іоанна Предтечи, печь изразцовая голландская съ однимъ желѣзнымъ заслономъ; на стѣнахъ 4 окна косячатыхъ, въ нихъ окончины стекольчатыя, изъ коихъ двое створчатыхъ крѣпкія: стулъ столярной — обитъ кожею, стѣны обиты холщевыми обоями, панели деревянныя столярныя; изъ сѣней двери топорныя на петляхъ и крюкахъ желѣзныхъ, въ ней двѣ скобы желѣзныя-жъ, въ спальню двери столярной работы на петляхъ желѣзныхъ, въ ней для затвору съ обѣихъ сторонъ одинарной крюкъ.

Спальня въ ней образъ Спаса Нерукотвореннаго, печь кирпичная бѣлая съ заслонкою желѣзной, на стѣнахъ четыре окна косячатыхъ, въ нихъ окончины стекольчатыя, изъ коихъ 2 створчатыя крѣпкія, шкафъ дубовый съ комодами, стѣны обиты обоями бумажными, панели фальшивыя, дверь топорная, въ ней 2 скобы желѣзныхъ.

Сѣни съ каминомъ теплыя, въ нихъ наугольникъ съ створами на петляхъ, одно окно, въ немъ окончина стекольчатая, дверь топорная на петляхъ и крюкахъ, въ ней 2 скобы желѣзныхъ.

За сѣнями горница, въ ней образъ Дмитрія, митрополита Ростовскаго, на стѣнахъ 2 окна съ стекольчатыми окончинами, двое двери — одни топорныя на крюкахъ, другія столярной работы на петляхъ съ защелочкою, а въ топорныхъ 2 скобы желѣзныхъ, печь кирпичная съ заслономъ желѣзнымъ, стѣны обиты бумажными обоями, панели фальшивыя, а печь и полъ ветхіе.

Сѣни передъ банею, въ нихъ дверь топорная на петляхъ и крюкахъ желѣзныхъ, въ двери 2 скобы желѣзныхъ.

Въ банѣ, въ ней печь о двухъ жерелахъ, въ одномъ заслонка желѣзная, 2 полка, 2 окна косячатыхъ, въ нихъ окончины стекольчатыя, одна крѣпкая, а въ другой 3 стекла разбито, дверь топорная на петляхъ и крюкахъ желѣзныхъ, въ дверяхъ двѣ скобы желѣзныя, коя нынѣ людскою избою передѣлана, а печь объ одномъ жерелѣ безъ заслонки, а заслонка перенесена въ новопостроенную свѣтелку.

Заднее крыльцо ветхое безъ крышки. Да у тѣхъ же покоевъ у оконъ 11 ставней на петляхъ и крюкахъ желѣзныхъ.

канцелярскихъ помѣщеній: въ нихъ за весь изучаемый полувѣковой періодъ измѣненій незамѣтно.

Говоря о постройкѣ канцеляріи и воеводскихъ дворовъ во второй половинѣ вѣка, не слѣдуетъ думать, однако, что дѣйствительно всѣ провинціальные уголки украсились новыми казенными зданіями; и въ это время, вѣроятно, не были невозможными явленія, которыя имѣлъ въ виду приведенный выше указъ 1728 года, запрещавшій областнымъ властямъ занимать обывательскіе дворы; во всякомъ случаѣ, воеводскія канцеляріи стѣсняли иногда даже магистраты; на это, напримѣръ, еще въ 1767 году жаловались въ своемъ наказѣ жители Чебоксаръ[1]); иногда самая постройка канцеляріи и воеводскаго двора была сопряжена съ выселеніемъ посадскихъ людей изъ центра города на пахотныя поля; такая участь постигла въ 1760 году жителей Кадуевскаго посада[2]).

Служебная дѣятельность начиналась въ XVIII вѣкѣ очень рано; генеральный регламентъ требуетъ, чтобы присутствующіе въ коллегіи съѣзжались въ 6-мъ или 8-мъ часу пополуночи, сообразно времени года и продолжительности дня, «а быть по 5 часовъ». «А канцелярскимъ служителямъ съѣзжаться за часъ до судей»[3]).

Раннее начало службы соотвѣтствовало жизненному укладу, унаслѣдованному отъ допетровской Руси; но продолжительность служебнаго времени въ 5 часовъ приближалась уже скорѣе къ нормамъ нашего времени, и совсѣмъ не походила на обычаи старой Москвы, гдѣ требовалось, чтобы судьи и приказные люди сидѣли въ приказахъ по 10 и по 12 часовъ въ сутки. Время для занятій въ областныхъ учрежденіяхъ должно было въ точности соотвѣтствовать столичнымъ порядкамъ и также устанавливалось на основаніи генеральнаго регламента. Если судить по журналамъ областныхъ канцелярій всѣхъ ранговъ, начиная

А всѣ вышеписанные покои въ одной связи и покрыты дранью и скалой.

На дворѣ 3 столба, изъ коихъ 2 употреблены въ постройку новой свѣтелки. При воротахъ избы и сѣней не имѣется, коя употреблена для дровъ на учрежденномъ при Кинешемской канцеляріи пикетѣ.

Связь, подъ нею кладовой покой, а дверь у онаго на петляхъ и крюкахъ, на двери замокъ нутреной; въ связи 2 чулана, 2 двери на крюкахъ и петляхъ желѣзныхъ, сѣни изрублены, кое и все ветхое.

Горница, которая вся развалилась, а двери и лавки употреблены въ новопостроенную баню и свѣтелку и окончины употреблены въ то-жъ строеніе.

Анбаръ съ сусѣками, дверь на дворѣ на крюкахъ и съ замкомъ нутренымъ, анбаръ же съ подволокою, а двери безъ крюковъ; конюшня съ поломъ, дверь на крюкахъ, а анбары и конюшня крыты дранью и скалами.

Сарай для становленія каретъ съ воротами, крытый дранью, кухня съ печью и съ сѣньми, сломаны, а въ мѣсто оной построенъ между банею и свѣтелкою новой.

Баня и свѣтелка новыя-жъ, въ коихъ двери на крюкахъ и петляхъ, и въ окнахъ окончины стеклянныя, кои построены бывшимъ воеводою Дроздовымъ.

[1]) Сб. Р. И. О., CVII, 599.

[2]) Сб. Р. И. О., XCIII, 323.

[3]) П. С. З., VI, № 3534, гл. III.

отъ губернской и кончая канцеляріей пригородка, а также по донесеніямъ о служебныхъ порядкахъ въ областныхъ учрежденіяхъ, которыя прокуроры должны были представлять «въ правительствующій сенатъ къ прокурорскимъ дѣламъ», внѣшняя организація службы была вездѣ одинакова. Губернаторы, воеводы, ихъ товарищи съѣзжались въ 7-мъ, 8-мъ, 9-мъ часу утра и, обычно, оставались въ канцеляріяхъ до обѣда, т.-е. до 1-го, 2-го или 3-го часа. Иногда можно, кажется, замѣтить, что высшіе начальники, напримѣръ губернаторы, пріѣзжаютъ позднѣе своихъ товарищей и уѣзжаютъ ранѣе; однако, этотъ фактъ не слишкомъ бросается въ глаза, и его можно объяснять себѣ своеобразнымъ пониманіемъ служебной іерархіи, непремѣнно требовавшей, чтобы лицо подчиненное являлось на службу ранѣе своего начальника и покидало ее позднѣе его, и чтобы до пріѣзда старшаго начальника были подготовлены всѣ дѣла, требующія его санкціи. Въ праздники и субботы губернаторы и воеводы не засѣдали; вечернихъ присутствій въ областныхъ учрежденіяхъ также, кажется, не бывало[1]). Инструкція 1764 года сняла съ губернаторовъ лежавшую на нихъ до тѣхъ поръ обязанность присутствовать при разборѣ всѣхъ дѣлъ; она признала, что губернаторъ, «за многими на него положенными дѣлами, не можетъ по обыкновеннымъ партикулярнымъ тяжебнымъ дѣламъ присутствовать», и предписала ему непремѣнно «присутствовать только по дѣламъ, «касающимся до внутренняго управленія, учрежденія и сохраненія порядка и тишины общей да выдачи денегъ, откуповъ и подрядовъ казенныхъ»[2]).

Какъ только въ судейской камерѣ собирались губернскія и провинціальныя власти, начиналось отправленіе служебныхъ дѣлъ, въ видѣ «присутствія» или засѣданія, въ которомъ предсѣдательствовалъ старшій по службѣ, а докладчикомъ былъ секретарь. Въ уѣздныхъ городахъ до учрежденія воеводскихъ товарищей коллегіальное присутствіе замѣнялось единоличной дѣятельностью воеводы, слушавшаго доклады подъячаго съ приписью и постановлявшаго по нимъ рѣшенія. Насколько можно уловить общій порядокъ занятій въ областныхъ учрежденіяхъ, теченіе дѣлъ въ служебныхъ засѣданіяхъ представлялось въ такомъ видѣ: сначала слушали указы, полученные изъ высшихъ учрежденій,

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 169: Всеподданнѣйшіе рапорты о часахъ присутствія въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Моск. губ. канц., вязки 1867—75; кромѣ данныхъ о службѣ Московскаго губернскаго начальства, здѣсь есть данныя о служебныхъ занятіяхъ провинціальныхъ властей въ Тулѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и воеводъ въ Звенигородѣ, Любимѣ, Судиславѣ и Буѣ, Кадыѣ, Романовѣ, Пошехоньѣ, Кинешмѣ, Дѣдиловѣ, Епифани, Веневѣ, Алексинѣ, Крапивнѣ, Лухѣ и др. городахъ Моск. губ. Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41—50. Каргоп. воев. канц., оп. 3, вяз. 35—44, 53.

[2]) П. С. З., XVI, № 12137, п. 2; губернаторы, нарушавшіе слишкомъ явно требованіе инструкціи подвергались иногда взысканіямъ и выговорамъ; такъ было, напримѣръ, въ 1766 году съ Бѣлгородскимъ губернаторомъ ген.-поручикомъ Нарышкинымъ, который самъ лично присутствовать въ своей канцеляріи не любилъ, а посылалъ въ нее указы. П. С. З., XVII, № 12701.

затѣмъ промеморіи и донесенія изъ учрежденій равныхъ и подчиненныхъ; покончивъ съ докладомъ вступившихъ бумагъ, переходили къ разбору челобитныхъ; затѣмъ наступала очередь различныхъ экстрактовъ изъ судебныхъ дѣлъ; засѣданіе заканчивалось подписаніемъ протоколовъ, содержавшихъ мотивированныя рѣшенія по важнѣйшимъ изъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и журналовъ предыдущихъ засѣданій[1]). Познакомимся на живомъ примѣрѣ съ ходомъ служебнаго присутствія въ губернской и мелкой воеводской канцеляріи. 16 марта 1777 года «въ присутствіе Московской губернской канцеляріи прибыли пополуночи г. ген.-поручикъ Московскій губернаторъ и кавалеръ, гр. Ѳ. А. Остерманъ, въ десятомъ, ст. сов. г-нъ Бестужевъ — въ восьмомъ, колл. сов. г-нъ Алфимовъ — въ восьмомъ, прокуроръ, г-нъ Мислаевскій — въ восьмомъ часѣхъ». Присутствіе началось съ слушанія указовъ Е. И. В., полученныхъ 15-го марта. Это былъ, прежде всего, указъ изъ перваго департамента сената о всякомъ вспоможеніи и правосудіи шведскому консулу Коху: «приказали рапортовать о полученіи и исполненіе чинить, какъ онымъ указомъ повелѣно непремѣнно». Далѣе слушанъ былъ указъ изъ вотчинной коллегіи — «для вѣдома» — о томъ, что указъ объ отказѣ имѣнья за ст. сов. Сазонова отосланъ въ Переяславскую канцелярію Разанскаго; затѣмъ слѣдовали еще четыре указа — изъ коллегіи экономіи, съ требованіемъ сообщить, какія экономическія селенія причислены къ ямскому вѣдомству, изъ главной провіантской канцеляріи о сложеніи доимки драгунскихъ лошадей за 1756 годъ, изъ военной коллегіи о скорѣйшемъ собраніи рекрутъ за текущій и прошлые годы и изъ московской полицмейстерской канцеляріи, присланный вмѣстѣ съ бѣглой дворовой дѣвкой, подлежавшей отсылкѣ въ Петербургъ. По всѣмъ этимъ указамъ губернскія власти постановляли рѣшеніе, «приказывали» давать требуемыя свѣдѣнія или исполнить предъявленное требованіе. За 5 указами были точно такимъ же порядкомъ слушаны 28 «доношеній» и рапортовъ, подчиненныхъ губерніи провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій со свѣдѣніями объ урожаѣ хлѣба, о приходѣ и расходѣ, о сборѣ подушныхъ, и тому подобныхъ, большею частью, текущихъ дѣлахъ; среди этихъ рапортовъ встрѣчаются и исходящіе отъ частныхъ лицъ — напримѣръ, приказчика вотчины л.-гв. капитанъ-поручика кн. Дм. Юр. Трубецкого о выдачѣ крестьянамъ этой вотчины заработанной платы за починку моста; по этому рапорту «приказали справясь доложить» вновь или «молдавской земли города Букарешны молдаванца Петра Васильева объ отдачѣ его, дабы онъ безъ пропитанія не могъ помереть гладомъ, на росписку гвардіи сержанту Рудерту»; на это послѣдовало приказаніе —

---

[1]) Моск. Губ. Канц., кн. 59—232. Клин. в. к., оп. 1, в. 41—50; Каргоп. в. к., оп. 3. в. 35—44 и 52. Бѣлгород. губ. канц., оп. 12. вяз. 1—6; Сапожковской воев. кан., оп. 4, вяз. 1; Свіяжск. пров. канц., в. 96 (въ дѣлахъ Казанск. Окр. Суда); Данков. воев. канц., вяз. 11; Бѣлозерской пров. канц., оп. 20, вяз. 3, д. 84; Галицк. пров. канц., оп. 4, вяз. 24; Брянск. воев. канц., оп. 9, вяз. 6; Гдовской воев. канц. п. 9, вяз. 9., оп. 12, вяз. 2.

«отдать, его молдавана», замѣшаннаго въ какомъ-то судебномъ дѣлѣ, на поруки сержанту Рудерту. За рапортами были разсмотрѣны 7 челобитій, поданныхъ, большею частью, приказчиками разныхъ лицъ и касавшихся записки за ними крѣпостныхъ, отпуска на волю и выдачи письменныхъ видовъ.

Этимъ закончился докладъ вновь поступившихъ въ канцелярію бумагъ. Вторая половина засѣданія была посвящена разсмотрѣнію различныхъ дѣлъ, по которымъ въ канцеляріи были составлены доклады. Всего такихъ дѣлъ разсмотрѣно было 9; въ числѣ ихъ былъ рапортъ Костромской провинціальной канцеляріи объ увольненіи ея отъ слѣдствія по судебному дѣлу за «прописанными въ томъ рапортѣ изнеможеніи», дѣло о взысканіи денежной суммы съ должника казны, нѣсколько дѣлъ о запискѣ отпускныхъ и т. д. Дѣла излагались частью полностью, частью въ выпискахъ, «экстрактахъ»; рѣшеніе уже не было предварительнымъ, какъ относительно вступившихъ бумагъ, но постановлялось въ окончательной формѣ и излагалось въ особыхъ по каждому дѣлу протоколахъ. Въ концѣ засѣданія «слушавъ опробовали и подписали заготовленные по прежнимъ рѣшеніямъ 15 особыхъ протоколовъ. Изъ присутствія вышли пополудни: губернаторъ во второмъ, а губернаторскіе товарищи — въ третьемъ часу»[1]).

Сравнимъ съ этимъ воеводское присутствіе въ Клину. 4 марта 1779 года, въ понедѣльникъ, въ воеводскую канцелярію прибылъ пополудни въ восьмомъ часу воевода коллежскій асессоръ Коростелевъ и воеводскій товарищъ Милюковъ, и слушали указъ изъ камеръ-коллегіи объ учиненіи расчета съ бывшими откупщиками. Приказали: «оный указъ отдать въ побытье и сообщить къ прежде присланному о томъ же г. Московскаго губернатора предложенію»; «въ камеръ-коллегію о полученіи рапортовать неукосня». Ни другихъ указовъ, ни донесеній въ этотъ день не поступило, а потому воевода и его товарищъ перешли къ разсмотрѣнію очередныхъ дѣлъ. Первымъ было дѣло объ отдачѣ подряда на постройку моста въ с. Завидовѣ на Петербургско-Московской дорогѣ; приказали ямщика, желавшаго взять подрядъ, «призвавъ въ присутствіе, чтобъ онъ за постройку взялъ со уменьшеніемъ прежней просимой цѣны увѣщевать», но если онъ не согласится на такія увѣщанія, то «хотя за эту цѣну, отдать ему», «когда другихъ охочихъ людей не будетъ». Послѣ этого мудраго рѣшенія «было докладывано по двумъ промеморіямъ отъ Тверского коменданта, касательно пересылки колодниковъ», — опредѣлили исполнить по промеморіямъ и выдать кормовыя деньги. Затѣмъ занялись измѣреніемъ предъявленнаго Клинскимъ помѣщикомъ Камынинымъ мѣднаго куба для куренія вина, и дозволили ему пользоваться кубомъ «про его домовый расходъ». Особый протоколъ объ этомъ былъ тутъ же составленъ и подписанъ. Послѣднимъ разбиралось дѣло по челобитью Низовскаго пѣхотнаго полка, солдата Безчастнаго о сыскѣ его

---

[1]) Московской губ. канц., книга 195, лл. 463—469.

бѣжавшей жены, укрывшейся въ Клинскомъ уѣздѣ, у своей матери. Приказали послать нарочнаго и доставить жену Безчастнаго «при рапортѣ» въ Клинскую воеводскую канцелярію, а въ случаѣ ея укрывательства, доставить ея мать, или вообще то лицо, у котораго она проживаетъ[1]). Во второмъ часу воевода съ товарищемъ «вышли изъ присутствія» и разошлись по домамъ обѣдать.

Количество дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ Москвѣ и Клину, не можетъ итти въ сравненіе[2]); но приведенные примѣры убѣждаютъ, что порядокъ занятій былъ одинаковъ и въ самыхъ большихъ и въ самыхъ малыхъ учрежденіяхъ, вѣдавшихъ областное управленіе.

Изложенное выше можетъ, до нѣкоторой степени, ознакомить и съ общимъ теченіемъ самаго дѣла отъ его вступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тою ролью, которую губернаторъ или воевода игралъ при его разрѣшеніи. Бумага съ изложеніемъ дѣла, съ челобитьемъ и т. п. прежде всего докладывалась губернаторскому и воеводскому присутствію и возвращалась затѣмъ, снабженная резолюціей, обязательно проставляемой на каждой доложенной бумагѣ, въ канцелярію, которая исполняла дѣло согласно резолюціи. Если послѣдняя требовала «выписавъ доложить» дѣло вновь, то канцелярія вносила въ судейское присутствіе новый подробный докладъ, по которому постановлялось окончательное рѣшеніе, заносимое въ особый протоколъ. Такимъ образомъ, всякое постановленіе исходило непремѣнно отъ власти, т.-е. губернатора или воеводы, засѣдавшаго «въ присутствіи» со своими товарищами. По несложнымъ текущимъ дѣламъ, не требовавшимъ вторичнаго доклада, оно излагалось въ резолюціи, которая и вносилась затѣмъ въ журналъ засѣданія, т.-е. въ перечень всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ засѣданіи даннаго дня; дѣла болѣе сложныя, какого бы содержанія они ни были, разъ

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 50.

[2]) О количествѣ дѣлъ, разсматриваемыхъ различными канцеляріями, могутъ дать понятіе слѣдующія примѣрныя цифры: а) для болѣе ранняго времени: за 1719—36 гг. въ Можайскую воеводскую канцелярію поступило 224 дѣла, въ Козьмодемьянскую—100, въ Обоянскую — 387, въ Чебоксарскую — 207, въ Хотмыжскую — 239, въ Корочанскую — 148; въ Сибирскую губернскую канцелярію — 71, въ Илецкую провинціальную — 706, въ воеводскія: Тюменскую (1725—1730) — 470, Верхотурскую — 570. Ялуторовскую — 225, Томскую — 272, Тарскую — 804; Бирскую воеводскую — 1417. Д. Прав. Сената, книга 111/327. Въ 1739 г. Московская губернская канцелярія была очень обременена дѣлами, жалобы на это изложены въ извѣстномъ донесеніи князя Юсупова (Сб. Р. И. О., CXXVI, 441 — 444). Относительно болѣе поздняго времени мы располагаемъ такими данными. Моск. губ. канцелярія за январскую треть 1761 г. рѣшила 132 дѣла; Костромская провинціальная за сентябрскую треть 1761 г. — 92; за январскую треть 1762 г. — 225 дѣлъ; за тѣ же сроки подчиненныя ей воеводскія канцеляріи: Любимская — 31, 26, Буйская — 43, 23, Кадыевская — 8, 11. Тульская провинціальная канцелярія за январскую треть 1762 г. рѣшила 108 дѣлъ; подчиненныя ей воеводскія канцеляріи за то же время рѣшили: Дѣдиловская — 108, Епифанская — 17. Веневская — 25, Алексинская — 20, Крапивенская — 14 дѣлъ; Ярославская провинціальная канцелярія въ ноябрѣ 1764 г. рѣшила 259 дѣлъ, подчиненныя ей: Романовская — 64, Пошехонская — 6, Кинешемская — 4 дѣлъ; Моск. губ. канц., вяз. 1867, 1871, 1872.

они требовали разсмотрѣнія по существу, заканчивались составленіемъ протоколовъ съ мотивированнымъ рѣшеніемъ дѣла[1]).

Узаконенія 1727 года значительно ослабили коллегіальное начало, которому Петръ отвелъ видное мѣсто и въ областномъ строѣ, но не вполнѣ уничтожили его. Коллегіальное начало нашло себѣ робкое выраженіе въ губернаторскихъ и воеводскихъ присутствіяхъ, гдѣ начальники засѣдали и рѣшали дѣла вмѣстѣ со своими товарищами. Каково было взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ? Законы 1727 года не говорятъ ни слова объ этомъ; не говоритъ о немъ и наказъ 1728 года, который вездѣ выставляетъ впередъ не коллегіальное начало, а единоличную власть губернатора и воеводы. Никакого напоминанія о томъ, чтобы губернаторъ или воевода держалъ себя со своими товарищами «не яко властитель, но яко президентъ», не было сдѣлано; если отношеніе правителей къ ихъ товарищамъ можно подвести подъ какую-нибудь законодательную норму, то такою нормой можетъ быть только глава VIII генеральнаго регламента, предоставлявшая президентамъ коллегій «генеральную и верховную дирекцію» надъ совѣтниками, между которыми распредѣлены различные разряды дѣлъ, проходящихъ черезъ коллегію[2]). Но и это постановленіе скорѣе подчеркиваетъ идею подчиненія, чѣмъ опредѣляетъ принципы коллегіальности. Въ сущности, въ тѣхъ обрывкахъ коллегіальныхъ отношеній, какія сохранились послѣ преобразованій 1727 года, какъ и во многихъ чертахъ водворившагося послѣ Петра областного строя, воскресли старые московскіе порядки, знавшіе смутную и неопредѣленную коллегіальность между приказными судьями и ихъ товарищами въ центрѣ и между воеводами и ихъ товарищами въ провинціи. Званіе «товарищъ», было въ допетровской Руси почти призрачнымъ; такимъ же стало оно вновь и при преемникахъ преобразователя; какъ я указывалъ уже выше, губернаторскій и воеводскій товарищъ былъ, въ сущности, не товарищемъ, а помощникомъ своего начальника. Это не могло не сказываться и на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ присутствіяхъ, гдѣ они засѣдали и рѣшали дѣла совмѣстно; центръ тяжести лежалъ въ главѣ этого присутствія, — воевода и губернаторъ былъ не предсѣдателемъ коллегіи, а начальникомъ своихъ подчиненныхъ.

Совмѣстная работа областныхъ правителей и ихъ товарищей не ограничивалась засѣданіями въ присутствіяхъ. Она проявлялась во всемъ и продолжалась изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока продолжалась ихъ совмѣстная служба. Неопредѣленность взаимныхъ отношеній внѣ присутствія чувствовалась еще сильнѣе, нежели въ стѣнахъ судейской камеры. Особыхъ наказовъ, распредѣлявшихъ дѣла между губер-

---

[1]) Въ практикѣ областныхъ учрежденій установилось такое же пользованіе журналами и протоколами и такое же различіе между этими двумя документами, какое существовало въ дѣлопроизводствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій; *А. Н. Филиппова*, журналы Прав. Сената за 1737 годъ, т. I, введеніе, стран. 2.

[2]) П. С. З., VI, № 3534.

наторами, воеводами и ихъ товарищами, не существовало; о распредѣленіи дѣлъ по существу, какъ этого требовалъ генеральный регламентъ относительно совѣтниковъ и асессоровъ въ коллегіяхъ, не могло быть и рѣчи, потому что провинціальный воевода имѣлъ только одного товарища, городовой имѣлъ его только съ 1763 года, а изъ губернаторовъ только одинъ, кажется, Московскій имѣлъ ихъ болѣе двухъ, да и то потому, что этого потребовали особенно сильно запущенныя дѣла громадной Московской губерніи. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ распредѣленіе дѣлъ между правителями и ихъ товарищами было предоставлено или взаимному соглашенію или зависѣло отъ случайности. Уловить, кажется, можно только одно: на товарищей, обычно, возлагалась наиболѣе черная и безпокойная работа; въ частности, на нихъ съ самаго начала возложены были разъѣзды и командировки. Позднѣе можно даже уловить нѣкоторые слѣды кристаллизаціи такой разъѣздной дѣятельности товарищей: такъ, въ 1779 году Клинскій воевода ссылался на то, что «по силѣ указовъ» содержаніе дорогъ поручено воеводскому товарищу[1]), а когда отъ старой Московской губерніи въ 1775—1782 годахъ постепенно отдѣлялись вновь учреждаемыя изъ прежнихъ ея провинцій новыя губерніи — намѣстничества, при проведеніи границъ, отдѣлявшихъ эти послѣднія отъ старой Московской губерніи, неизмѣнно, кажется, присутствовалъ одинъ изъ Московскихъ губернаторскихъ товарищей[2]). Ранѣе, въ 40-хъ годахъ, сопряженная съ разъѣздами обязанность разселять по степной границѣ отставныхъ военныхъ чиновъ была возложена въ Казани на губернаторскаго товарища[3]). Все это, однако, ограничивалось только неясными намеками; неопредѣленность до конца оставалась отличительной чертой взаимныхъ отношеній областныхъ правителей и ихъ товарищей, и это обстоятельство не могло не имѣть дурныхъ практическихъ послѣдствій и должно было наносить ущербъ дружной работѣ всѣхъ органовъ областного управленія[4]).

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 50.

[2]) Московск. губ. канц., кн. 226. Въ Москвѣ одинъ изъ губернаторскихъ товарищей имѣлъ особое наблюденіе за подушнымъ сборомъ. Моск. губ. канц. кн. 123. лл. 98.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 306, л. 310.

[4]) Центральныя власти сами иногда нарушали распорядокъ дѣятельности воеводъ и ихъ товарищей и вносили дезорганизацію въ распредѣленіи между ними. Это видно изъ слѣдующаго случая: въ 1774 году Нижегородскій губернаторъ ген.-поручикъ Ступишинъ доносилъ въ сенатъ, что находящійся въ городѣ Юрьевцѣ-Повольскомъ воевода подполковникъ Тарбеевъ «отъ приключившейся ему тяжкой болѣзни, какъ здѣшняя губернская канцелярія мнѣ объяснила — съ 6 мая 1771 году и понынѣ въ Юрьевецкой воеводской канцеляріи присутствія не имѣетъ и къ выздоровленію впредь безнадеженъ, а хотя по докладу секретаря дѣла въ воеводскомъ домѣ слушаетъ, но за тяжелою и неподвижною съ мѣста болѣзнію резолюціи полагаетъ совсѣмъ безъ успѣха, товарищъ же воеводской, сверхъ исправленія по канцеляріи дѣлъ, обязанъ во исполненіе правительствующаго сената и главной соляной конторы повелѣнія, особыми должностями яко то: у пріему въ городѣ и въ уѣздѣ отъ поставщиковъ въ казенные магазины привозимаго вина и

Служба послѣ Петра была службой переходнаго времени. Въ 20-хъ годахъ обязательная дворянская служба сохраняется почти въ полной неприкосновенности; 70-е годы — уже расцвѣтъ вольности дворянства. Постепенное освобожденіе дворянства отъ службы, составляющее характерную особенность исторіи этого сословія въ изучаемое 50-лѣтіе, отражается на многихъ чертахъ служебнаго обихода; въ частности, быть-можетъ, ярче всего на правѣ и на возможности полученія отпусковъ.

Служба и повинность старо-московскаго времени почти не знала отпуска, какъ нормальнаго явленія на службѣ. Чтобъ уѣхать на побывку домой, нужно было бить челомъ царю, приведя особыя, экстренныя причины, въ родѣ смерти близкихъ родныхъ, разоренія помѣстья татарами, побѣга крестьянъ и холоповъ и т. п. Петръ не смягчилъ дворянской службы, а воеводскій наказъ 1728 года стѣснялъ даже служебныя поѣздки воеводъ въ губернскіе города. Полученіе отпуска находящимися на службѣ дворянами было въ первые годы изучаемаго періода обставлено трудностями, напоминавшими старую Москву. Въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта 29 января 1725 года было «объявлено» письмо Остермана, извѣщавшаго, что «Е. И. В. пожаловалъ Новгородскаго вице-губернатора князя Вас. Гагарина въ д. с. совѣтники, и позволено ему быть въ Москвѣ на малое время»[1]). Екатерина I, изъявляя въ письмѣ Волынскому, въ то время Казанскому губернатору, свое благоволеніе, добавляетъ: «что же ты представляешь нужды свои и просишься для того, также и для доношенія о нѣкоторыхъ тамошнихъ (т.-е. мѣстныхъ, Казанскихъ) важныхъ дѣлахъ ко двору нашему, и нынѣ тебѣ ко двору быть невозможно». Причина — волненія калмыковъ[2]). Въ 1726 году прошеніе объ отпускѣ Нижегородскаго губернатора Ржевскаго остается даже вовсе безъ отвѣта[3]). На малое время и съ особаго позволенія: вотъ условія законной отлучки со службы: они еще остаются въ силѣ до конца царствованія Анны Ивановны и въ правленіе Анны Леопольдовны. Отпуская Козьмодемьянскаго воеводу Воейкова въ Москву съ 22 декабря 1731 года по 28 января 1732 года, Свіяжская провинціальная канцелярія грозила ему конфискаціей имѣнія въ случаѣ неявки въ срокъ[4]). Въ ноябрѣ 1740 года Ладожскій воевода Воейковъ, донося, что опредѣленный на его мѣсто маіоръ Ушаковъ все еще не прибылъ, просилъ, «чтобы для необходимыхъ его нуждъ на малое время быть ему въ С.-Петербургѣ». Сенатъ разрѣшилъ ему «быть въ С.-Петербургѣ на двѣ недѣли», но только послѣ того, какъ прибудетъ и «вступитъ въ воеводское правленіе Ушаковъ».

выдачи изъ онаго на продажу откупщикамъ, и у смотрѣнія надъ казенною солью и свидѣтельства собранной сборщиками за проданную соль денежной казны и прочаго, кои и кромѣ присутствія требуютъ разнаго и скораго исполненія, также изъ города и отъ присутствія отлучекъ». Герольдм. конт., кн. 584, л. 441.

1) Сб. Р. И. О., LXXIX, 39.

2) Государ. Архивъ, разр. IX, отд. I, д. № 63, л. 883.

3) Государ. Архивъ, разр. IX, отд. II, д. № 84, л. 333—335.

4) Свіяжск. провинц. канц. (въ дѣлахъ Казанск. окружн. суда), вяз. 96 протоколы за декабрь 1731 г., № 26.

копія съ сенатскаго постановленія была сообщена и Новгородскимъ губернскимъ властямъ, непосредственному начальству Воейкова[1]). Не стѣснялись и отказомъ. Въ 1744 году Нижегородскій губернаторскій товарищъ Остафьевъ не получилъ отпуска, «понеже онъ при губернаторѣ товарищемъ состоитъ одинъ»[2]).

Трудность и сложность дѣла при желаніи получить отпускъ на законномъ основаніи должна была повести къ стремленію взять самому то, что трудно было получить отъ начальства; при соглашеніи съ мѣстными сослуживцами, при обычной отдаленности высшихъ властей самовольныя отлучки были возможны, и надо думать, что воеводы не всегда могли устоять противъ искушенія съѣздить къ себѣ въ вотчину, если она была не слишкомъ далеко, или побывать инкогнито въ столицѣ или въ ближайшемъ большомъ городѣ. Такое предположеніе подтверждается указомъ, изданнымъ въ 1731 году сенатомъ, по представленію Московской губерніи, по которому губернскимъ канцеляріямъ предписывалось съ воеводъ, отъѣзжающихъ «безъ указа» съ мѣста своей службы, взимать денежные штрафы, «смотря по времени такихъ отлучекъ»[3]). Губернскія власти не только пользовались предоставленнымъ имъ правомъ, но иногда, видимо, не прочь были и расширить это право, несмотря на то, что вина воеводы была, можетъ-быть, и не особенно велика. Излагаемый ниже плачевный эпизодъ съ Дмитровскимъ воеводой Зиновьевымъ можетъ служить подтвержденіемъ высказанной мысли. 9 марта 1741 года «въ Московской губернской канцеляріи извѣстно учинилось», что воевода Зиновьевъ изъ Дмитрова отлучился и пріѣхалъ въ Москву. Сысканный и приведенный передъ губернское начальство, Зиновьевъ на допросѣ показалъ, что «въ нынѣшнемъ мартѣ мѣсяцѣ онъ заболѣлъ весьма и учинилось въ немъ великое колотье, отчего уже находился въ смертной болѣзни, а та болѣзнь отъ непущенія крови»; въ виду того, что въ Дмитровѣ «такихъ людей, которые бы кровь пускали, нѣтъ», а посылать за ними въ Москву значило бы затянуть болѣзнь, воевода, «для того чтобы ему безвременно не умереть», рѣшилъ отправиться въ Москву, заявивъ объ этомъ своему естественному замѣстителю, обрѣтавшемуся у подушнаго сбора прапорщику Маринину и передавъ ему на время отлучки воеводскія дѣла. На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Москву, Зиновьевъ, по его словамъ, пустилъ себѣ кровь «и того же числа изъ Москвы съ постоялаго двора поѣхалъ было въ Дмитровъ обратно, и въ близости отъ того постоялаго двора, посланные изъ губернаменской канцеляріи взяли его и привели въ ту канцелярію». Послѣдняя, усмотрѣвъ въ поступкѣ Зиновьева нарушеніе воеводскаго наказа, постановила такое рѣшеніе: «воеводу Зиновьева отослать въ городъ Дмитровъ подъ карауломъ и велѣть изъ Москвы везти его скована и для того купить желѣза отъ расходу губернской канцеляріи, за которыя деньги взыскать съ него, воеводы. А чтобъ онъ впредь

[1]) Сен. Архивъ, II, 128.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 298, лл. 859—863.

[3]) П. С. З., VIII, № 5784.

безъ указу изъ того города никуда собою не отлучался, и о томъ взять у него подписку съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, а какъ онъ въ Дмитровъ привезенъ будетъ, то съ него тѣ желѣза снять и велѣть быть по прежнему у своего дѣла, а тѣ желѣза имѣть въ той воеводской канцеляріи на страхъ впредь другимъ»[1]). Губернскіе чины, въ свою очередь, подпадали подъ суровыя кары высшихъ учрежденій; такъ, Воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ за безуказный отъѣздъ изъ губерніи въ свою деревню былъ подвергнутъ въ 1734 году денежному штрафу въ 500 руб.[2]).

Начиная съ 40-хъ годовъ, картина мало-по-малу измѣняется; раскрѣпощеніе дворянства идетъ быстрыми шагами, а съ нимъ вмѣстѣ болѣе свободной становится и самая служба. Въ царствованіе Елизаветы, правда, кажется, въ видахъ экономіи, допускается «изъ штатскихъ мѣстъ» одновременное увольненіе въ отпускъ цѣлой трети служащихъ[3]). Если правительство о чемъ заботится, такъ это о томъ, чтобы отлучки со службы были все же возможно строго регламентированы и чтобы не было злоупотребленій установившимися болѣе свободными условіями службы. Для этой цѣли въ 1765 году устанавливаются четырехмѣсячные отпуски, разрѣшаемые сенатомъ, «а кто пожелаетъ въ домахъ своихъ быть больше того времени, таковые имѣютъ просить объ увольненіи[4])». Относительно кратковременныхъ отпусковъ во второй половинѣ вѣка устанавливается, сначала, повидимому, въ текущей практикѣ, порядокъ, предоставляющій право давать такіе отпуски губернскому начальству[5]); порядокъ этотъ находитъ себѣ законодательное признаніе въ сенатскомъ указѣ 16 марта 1775 года, предоставляющемъ губернаторамъ право увольнять своихъ «товарищей», провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ и ихъ товарищей, секретарей этихъ учрежденій и прочихъ чиновниковъ» въ отпускъ до 29 дней[6]).

Такъ исподволь, соотвѣтственно измѣненію общихъ условій дворянской службы, мѣнялось и право областныхъ властей пользоваться служебными отпусками, при чемъ норма отпусковъ и правила ихъ полученія приближались мало-по-малу къ порядкамъ современной гражданской службы.

Говоря о службѣ областныхъ властей XVIII вѣка, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о вознагражденіи за эту службу. Въ свое время я разсмотрѣлъ относящіяся сюда мѣропріятія 1727 года и пытался выяснить, какія коренныя измѣненія они вносили въ матеріальное положеніе провинціальныхъ воеводъ и какъ мало обезпечивали они воеводъ городовыхъ; порядки, установленные въ 1727 году, оставались господствую-

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 64, лл. 1—2.

[2]) Сен. Архивъ, II, 123.

[3]) П. С. З., XII, № 8963.

[4]) П. С. З., XVII, № 12383.

[5]) Клинск. в. к., оп. 7, вяз. 19, д. 56, вяз. 3, д. 45; оп. 8, вяз. 7, д. 42; аналогичные примѣры можно встрѣтить въ дѣлахъ всѣхъ областныхъ учрежденій.

[6]) П. С. З., XX, № 14272; герольдм. конторы, кн. 584, л. 17—18.

щими до начала царствованія Екатерины; оклады существующихъ должностей по областному управленію измѣненію не подвергались, а когда надо было опредѣлить окладъ по должности вновь устанавливаемой или же точнѣе опредѣлить матеріальное положеніе должности, забытой законодателями царствованія Екатерины I, то руководствовались тѣмъ же принципомъ уплаты жалованья соотвѣтственно чину. Разрѣшеніе дѣла въ такихъ случаяхъ носило чисто казуальный характеръ. Такъ, именно, былъ установленъ окладъ должности губернаторскаго и вице-губернаторскаго товарища. Въ 1736 году назначенный товарищемъ Новгородскаго вице-губернатора Никита Квашнинъ-Самаринъ просилъ о выдачѣ ему жалованья, указывая, что «обрѣтается онъ у дѣлъ въ той губерніи съ прошлаго 1733 года безъ жалованья и за умаленіемъ и скудостью деревень себя содержать не можетъ», тогда какъ и вице-губернаторъ и прокуроръ получаютъ опредѣленное жалованье. Въ докладѣ, представленномъ изъ сената въ кабинетъ, признавалось, что и въ другихъ губерніяхъ при губернаторахъ и вице-губернаторахъ товарищи опредѣлены, а въ какихъ имъ рангахъ быть и какое жалованье давать, «того указомъ Е. И. В. не опредѣлено». Сенатъ предлагалъ приравнять губернаторскихъ «товарищей» къ провинціальнымъ воеводамъ, давъ имъ рангъ полковничій, и «до сочиненія впредь штата (съ мечтою о полномъ пересмотрѣ штатовъ областныхъ учрежденій еще не разставались) давать имъ жалованье по силѣ хорошо извѣстнаго намъ указа 14 декабря 1724 года, устанавливавшаго половинный, сравнительно съ военными, окладъ гражданскихъ должностей. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ сената и постановилъ «быть имъ въ рангѣ совѣтниковъ коллежскихъ съ жалованьемъ въ 300 рублей въ годъ[1]). Такъ челобитье Квашнина-Самарина привело къ полному разрѣшенію вопроса о жалованьи губернаторскимъ товарищамъ. Еще ранѣе, въ 1732 году, по такому же принципу было опредѣлено жалованье возстановленныхъ прокуроровъ, которые въ губерніяхъ были приравнены къ рангу подполковничьему[2]). Въ началѣ царствованія Елизаветы описанный только что порядокъ вознагражденія гражданскихъ членовъ получилъ дальнѣйшее признаніе: указомъ 17 января 1744 года асессорамъ Петербургской губернской канцеляріи предписывалось производить жалованье по ихъ рангамъ, согласно указу 14 декабря 1724 года[3]).

Значительно менѣе устойчивыми были взгляды правительства на источникъ, изъ котораго слѣдовало платить жалованье; примѣрами колебаній въ этой области могутъ служить два указа, изданные и тотъ и другой въ 1739 году: первый, отъ 13-го мая, предписывалъ уплату жалованья «штатскимъ чинамъ» производить изъ «доимки прошлыхъ лѣтъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ»; второй, отъ 8-го ноября, возлагалъ уплату жалованья центральнымъ учрежденіямъ съ подчи-

---

[1]) П. С. З., IX, № 6870.

[2]) П. С. З., VIII, №№ 5736, 5926.

[3]) П. С. З., XII, № 8862.

ненными мѣстами на доходы каждаго отдѣльнаго вѣдомства[1]). Если въ первомъ указѣ можно усмотрѣть косвенное побужденіе и напоминаніе гражданскимъ властямъ взыскивать накопившіяся недоимки, то во второмъ нельзя не видѣть яркаго переживанія старо-московскаго принципа раздѣленія государственныхъ кассъ. Въ критическія минуты правительство императрицы Анны не задумывалось даже прибѣгать къ старому средству, замѣняя деньги Сибирскими товарами; такая участь постигла въ 1737 году Московское губернское начальство, и губернатору Балку пришлось не мало хлопотать, чтобы самому, по крайней мѣрѣ, получить жалованье деньгами[2]).

Только царствованіе Екатерины II порвало съ традиціями 1727 года. Штаты 1763 года, внося нѣкоторое единство и стройность въ организацію областныхъ учрежденій имперіи, были, въ то же время, возвращеніемъ къ принципу вознагражденія гражданскихъ чиновъ, проведенному при второй областной реформѣ Петра, къ уплатѣ жалованья, присвоеннаго самой должности. Съ 1763 года принципъ этотъ сдѣлался навсегда господствующимъ въ русскихъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Но штаты областныхъ учрежденій 1763 года были шагомъ впередъ еще и въ другомъ направленіи — они влекли за собой значительное повышеніе окладовъ, стремились лучше обезпечить агентовъ областного управленія съ конечною цѣлью нравственно поднять и оздоровить провинціальную администрацію. Насколько возросли и измѣнились оклады областныхъ властей въ 1763 году, можно видѣть изъ слѣдующей таблички[3]):

	Въ 1727/63 гг.		По штатамъ 1763 г.
Ген.-губернаторъ въ Петербургѣ	2532 р.	30 к.	— р.
» » Кіевѣ	1307 »	40 »	— »
Губернаторъ въ Петербургѣ	— »	— »	2250 »
» » остальныхъ губерніяхъ	809 »	50 »	1875 »
Губернаторскій товарищъ въ Петербургѣ	— »	— »	750 »
» » » остальныхъ губерн.	300 »	— »	600 »
Провинціальный воевода	300 »	— »	600 »
Его товарищъ[4])	— »	— »	375 »

[1]) П. С. З., X, №№ 7813, 7935.

[2]) Сб. Р. И. О., CXVII, 609, 610.

[3]) П. С. З., XLIII, часть I, книга штатовъ, отд. I-е, къ № 4764, VII, № 5053, IX, № 6870; штаты 1763 г.: П. С. З., XLIV, ч. II, къ № 11991.

[4]) Рангъ товарища опредѣлить забыли; это приводило къ трагикомическимъ случаямъ: въ 1739 году въ Костромской провинціальной канцеляріи во время рекрутскаго набора воеводскій товарищъ сѣлъ выше, «взялъ первенство» надъ штабъ-офицеромъ при подушномъ сборѣ, имѣвшимъ чинъ премьеръ-маіора. Послѣдній пожаловался Московскому губернскому начальству, указывая, что онъ имѣетъ «патентъ на рангъ премьеръ-маіора», а воеводскій товарищъ только на рангъ капитана. «А въ какомъ онъ рангѣ состоитъ (по должности воеводскаго товарища) о томъ указа не имѣется». Признавъ заявленія штабъ-офицера правильными, губернскія власти дали первенство ему. Моск. губ. канц., вяз. 1663, д. 20.

	Въ 1727/63 гг.	По штатамъ 1763 г.
Городовой воевода	150 р. — к.	375 р.
Его товарищъ	— » — »	250 »
Воевода пригородка	60 » — »	— »
Комиссаръ »	— » — »	200 »
Штабъ-офицеръ при подушномъ сборѣ въ провинціи отъ	120 до 60 »	— »
(по чину подполковника, майора или капитана гарнизоннаго полка).		
Оберъ-офицеръ при подушномъ сборѣ въ уѣздѣ. отъ	40 до 27 »	— »
(по чину поручика, подпоручика и прапорщика гарнизонныхъ полковъ)[1].		

Много своеобразнаго представлялъ порядокъ выдачи жалованія: его платили, обыкновенно, по третямъ года назадъ, причемъ уплата производилась не въ опредѣленное время, а чаще всего тогда, когда объ этомъ просило само заинтересованное лицо. Иногда, чтобы получить «заслуженное жалованье», приходилось хлопотать цѣлыми мѣсяцами и даже годами. Въ 1742 году бывшій Новгородскій губернаторъ все еще хлопоталъ о томъ, чтобы ему выдали недоданное жалованье по должности, оставленной въ 1732 году[2]).

Не разъ приходилось говорить выше о стремленіи центральнаго правительства, какъ можно строже регламентировать службу по областному управленію. Пока губернаторъ или воевода находился при дѣлахъ, онъ каждую минуту чувствовалъ себя связаннымъ этимъ стремленіемъ высшихъ властей, которое ярче всего выражалось въ мелочной отчетности, опутывавшей областныхъ правителей съ ногъ до головы. Не считая всеподданнѣйшихъ донесеній и отчетовъ, которые губернаторы должны были представлять верховной власти[3]), уже въ наказѣ 1728 года можно найти болѣе двадцати различныхъ рапортовъ и донесеній, которые губернаторы должны были посылать въ столицу касательно поступленія различныхъ сборовъ, проступковъ подчиненныхъ имъ лицъ, дѣлъ общественной безопасности, дѣлъ судебныхъ и т. д. Воеводы провинціальные и городовые были въ положеніи еще худшемъ, такъ какъ большую часть своихъ донесеній должны были посылать и высшему областному начальству и въ сенатъ. При этомъ правители низшихъ ранговъ должны были въ точности соблюдать порядокъ донесеній. Донести въ сенатъ о томъ, что подлежало вѣдѣнію какой-нибудь коллегіи или же губернскихъ

---

[1]) П. С. З., IX, № 6872.

[2]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 169, ч. II, д. № 29. Примѣры прошеній и хлопотъ мелкихъ областныхъ правителей о выдачѣ имъ жалованья, Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д. 57, 79, 90, 93; оп. 7, вяз. 3, д. 91, 92.

[3]) Донесенія эти почти въ полномъ составѣ сохраняются въ Государственномъ Архивѣ (разр. XVI.)

властей было тяжелымъ проступкомъ. «По силѣ должности сенатской и воеводской и губернаторской инструкціи приказано, чтобы въ сенатъ писали о тѣхъ дѣлахъ, которыя до сената принадлежатъ». Донести въ высшую инстанцію, минуя низшія, дозволялось лишь въ томъ случаѣ, если ближайшія инстанціи оставятъ безъ вниманія три донесенія. Нарушеніе этого правила каралось штрафомъ и даже отдачей подъ судъ[1]).

Тотчасъ же, вслѣдъ за преобразованіями 1727 года потянулся длинный рядъ указовъ, общею цѣлью которыхъ была дальнѣйшая регламентація служебныхъ отношеній губернаторовъ и воеводъ; указы эти предусматривали каждый ихъ шагъ и заставляли сообщать со всѣми возможными подробностями по разъ навсегда установленнымъ формамъ о всякихъ мелочахъ ихъ дѣятельности не только по финансовой части, что было бы еще понятнымъ, но и по судебнымъ и административнымъ дѣламъ[2]). Высшія учрежденія требовали иногда невозможнаго, постоянно вызывая этимъ отпоръ и нескончаемыя объясненія областныхъ органовъ, и случалось не разъ, что сенатъ долженъ былъ признавать правиль-

---

[1]) П. С. З., IX, № 6758, X, № 7638; XV, №№ 11318, 11563, XVIII, № 12822; Брянск. воев. канц., оп. 7, вяз. 1, д. 14, л. 280.

[2]) Вотъ примѣрный перечень главнѣйшихъ относящихся сюда законодательныхъ мѣръ. 1731 г., іюня 23, новый регламентъ камеръ-коллегіи, требуетъ ежегодныхъ счетныхъ выписокъ по губерніи и по всѣмъ уѣздамъ и по каждому сбору отдѣльно (П. С. З., VIII, № 5789); напоминаніе о своевременной присылкѣ годовой отчетности 1733 г. 17 янв. (IX, № 6312), 1733 г. 7 мая, (IX, № 6391); 1733 г. марта 20 порядокъ пересылки отчетныхъ документовъ (IX, № 6357); 1733 г. мая 7: инструкція счетной комиссіи, учрежденной для ревизіи всѣхъ еще не обревизованныхъ счетовъ, губернаторы и воеводы должны сами являться къ счету (IX, № 6392); 1735 г. янв. 3, обязанность доставлять счеты о крѣпостномъ пошлинномъ сборѣ, (IX, № 6662); 1735 г. іюня 27.: порядокъ донесеній въ коллегію и въ сенатъ (IX, №№ 6758, 6759); 1735 г. дек. 31: воеводы о приходѣ и расходѣ всѣхъ сборовъ кромѣ подушныхъ рапортуютъ ежемѣсячно кратко, а по прошествіи года — обстоятельно; правила взиманія штрафовъ (IX, № 6855); 1736 г. ноября 5: подтвержденіе о присылкѣ рапортовъ въ штатсъ-контору (IX, № 6855); 1736 г. ноябр. 11: указъ о доставленіи въ сенатъ вѣдомостей о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ за 1730—36 гг. (IX, №№ 7095, 7114, 7127); 1738 г. мая 13: обязанность присылать ежемѣсячные рапорты объ исполненіи указовъ (X, № 7582); 1738 г. дек. 20: новыя формы офиціальнаго дѣлопроизводства, (X, № 7713); 1754 г. авг. 13: порядокъ наложенія штрафовъ за присылку рапортовъ не въ срокъ (XIV, № 10274); 1754 г. авг. 23: подтвержденіе указа 1735 г. дек. 31 съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями (XIV, №№ 10278, 11093, 11153); 1760 г. сен. 22: подтвержденіе объ исправной присылкѣ донесеній (XV, № 11108); 1761 г. дек. 17: порядокъ донесеній по соляной части (XV, № 11381); 1763 г. янв. 20: обязанность присылать донесенія о колодникахъ (XVI, № 11757); 1763 г. сент. 29 и 1774 г. окт. 24: обязанность доставлять въ сенатъ полугодичные рапорты о состояніи дорогъ (XVI, № 12710, XIX, № 14206); 1766 г. нояб. 31: указъ о порядкѣ донесеній въ сенатъ въ высшія учрежденія (XVI, № 12710); 1767, янв. 20: обязанности доносить о ссорахъ съ проходящими воинскими командами (XVIII, № 12824); 1767 г. сент. 7: подтвержденіе о присылкѣ мѣсячныхъ и годовыхъ рапортовъ въ штатсъ-контору (XVIII, № 12971); 1775 г. марта 2: обязанность доставлять въ камеръ-коллегію свѣдѣнія о городахъ (XX, № 14261); 1775 г. марта 23: обязанность присылать полугодовыя вѣдомости о долгахъ и взысканіяхъ (XX, № 14281).

ность представленій областныхъ властей: такъ въ 1732 году Архангелогородская губернская канцелярія доказала сенату, что сроки, установленные для ея финансовой отчетности, не достаточно длинны и потому непригодны, и сенатъ принужденъ былъ съ этимъ согласиться[1]). Но если центральное управленіе стояло на своемъ и не сдавалось на резоны областныхъ учрежденій, то дѣло не останавливалось на однихъ напоминаніяхъ и понужденіяхъ и, нерѣдко, неправильности и погрѣшности въ донесеніяхъ и несоблюденіе сроковъ подачи различныхъ свѣдѣній въ сенатъ доводили дѣло до наказаній областныхъ властей, выражавшихся, по большей части, въ денежныхъ штрафахъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ за неприсылку въ срокъ донесеній о доимкѣ были одновременно подвергнуты денежнымъ штрафамъ губернаторы Новгородскій, Казанскій, Смоленскій, Бѣлогородскій, Нижегородскій, Архангелогородскій и Воронежскій вице-губернаторъ[2]). Въ 1739 году Костромской провинціальный воевода Ларіонъ Воронцовъ, отецъ знаменитыхъ дѣятелей Елизаветинскаго царствованія, униженно вымаливалъ черезъ своего сына, гофъ-юнкера двора цесаревны, Михаила Ларіоновича, о сложеніи съ него штрафа, наложеннаго за неприсылку вѣдомости о рекрутахъ[3]). Въ 30-хъ годахъ были даже точно опредѣлены размѣры штрафовъ за пропуски сроковъ по нѣкоторымъ донесеніямъ въ ревизіонъ-коллегію. За одинъ мѣсяцъ просрочки взималось 30 руб., за 2 — 60 руб., за 3 и за 4 — 90 и 120 руб., а если просрочка превышала 4 мѣсяца, то предписывалось доносить сенату[4]). Въ 1766 году появился подробный уставъ о штрафованіи присутственныхъ мѣстъ за нерапортованіе и за неисполненіе по посланнымъ указамъ въ назначенные сроки[5]). Каковы были, на практикѣ, штрафы, налагаемые за неправильную отчетность, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ 1742 году за неправильное рапортованіе въ канцелярію конфискаціи Московская губернская канцелярія наложила штрафъ въ 15 рублей на Калужскую провинціальную канцелярію[6]). Въ 1744 году состоявшій при подушномъ сборѣ въ городѣ Дмитровѣ прапорщикъ Батюшковъ получилъ отъ Московской губернской канцеляріи предписаніе взыскать съ мѣстнаго воеводы Прокофьева «обще съ тѣмъ подьячимъ, кто нынѣ съ приписью подьячаго должность правитъ», 10 рублей за то, что онъ, несмотря на многократные запросы, не доносилъ о состояніи большой Петербургской дороги и о состояніи расположенныхъ на ней дворцовъ[7]). Въ 1773 году Архангелогородскій губернаторъ Головцынъ наложилъ на Галицкую провинціальную кан-

---

[1]) П. С. З., VIII, № 6270.

[2]) Сб. Р. И. О., CIV, 449.

[3]) Сб. Р. И. О., CXX, 108, 109.

[4]) П. С. З., IX, № 6855, указъ 31 дек. 1735 г.; онъ подтвержденъ 23 авг. 1754 г.: П. С. З., XIV, № 10278.

[5]) П. С. З., XVII, № 12710.

[6]) Моск. губ. канц., вяз. 1671, д. 52; другіе аналогичные примѣры: тамъ же д. 53 и 58.

[7]) Дмитровск. в. к., вяз. 2, д. 267.

целярію штрафъ въ 20 рублей за пропускъ указнаго срока въ донесеніи о содержаніи почты[1]). Это мелкіе штрафы, но бывали и очень крупные. Тотъ же Прокофьевъ со своимъ подъячимъ съ приписью долженъ былъ въ 1748 году заплатить 50 рублей за несвоевременную доставку вѣдомостей по казеннымъ подрядамъ[2]). Немного ранѣе, въ послѣдніе мѣсяцы правленія Анны на Бѣлгородскаго губернатора Грекова за неприсылку въ указные сроки счетовъ въ камеръ-коллегію и военной коллегіи въ счетную контору наложили 220 рублей пени[3]). Въ 1754 году за подобные же проступки по должности Кинешемскій воевода Чагинъ долженъ былъ заплатить не малую, по тогдашнему, сумму въ 100 рублей, немногимъ меньшую, чѣмъ его годовое жалованье[4]). За неприсылку мѣсячныхъ и годовыхъ рапортовъ о денежныхъ доходахъ Московская губернская канцелярія грозила Тульскому провинціальному воеводѣ ст. сов. Бобрищеву-Пушкину взыскать съ него по 15 копеекъ за каждый просроченный мѣсяцъ и рапортъ, «согласно камерирской инструкціи»: это должно было составить не болѣе не менѣе какъ 1882 рубля[5]). Примѣры подобныхъ взысканій можно было бы привести въ неограниченномъ количествѣ.

Цѣль такой регламентаціи едва ли нуждается въ пространномъ объясненіи. Несмотря на свое неоспоримое могущество, центральное правительство имперіи, такъ же какъ и правительство старой Москвы, не обладало средствами, которыя бы фактически позволяли ему слѣдить и въ каждую минуту учитывать и провѣрять своихъ областныхъ агентовъ. При дальности разстояній и затруднительности сообщеній, областной правитель слишкомъ часто склоненъ былъ считать себя независимымъ отъ столицы, и недовѣріе, которое лежало на самомъ днѣ отношеній правительства къ областнымъ властямъ, не могло не выражаться желаніемъ связать ихъ такой отчетностью, которая бы сдѣлала ихъ рабами центральной власти.

Какъ разростались лежавшія на губернаторахъ и воеводахъ обязанности доносить по начальству о всѣхъ своихъ поступкахъ, видно изъ рапорта Смоленскаго губернатора А. Б. Бутурлина, представленнаго въ сенатъ въ ноябрѣ 1739 года. Бутурлинъ жалуется, что губернаторы, прежде подчиненные одному только сенату, теперь «подклонены» подъ разныя команды. Онъ перечисляетъ 54 учрежденія, «откуда на каждой недѣлѣ различныхъ требованій бываетъ нѣсколько десятковъ, всѣ требованія сильны взысканіемъ угрозительнымъ съ положеніемъ и правежомъ штрафовъ, не принимая никакихъ законныхъ причинъ, не

---

[1]) Галиц. пров. канц., оп. 7, вяз. 1, д. 29.

[2]) Дмитровск. в. к., вяз. 21, д. 9.

[3]) Сб. Р. И. О. XXXVIII, 403.

[4]) Кинешемск. в. к., оп. 8, вяз. 2, д. 554, другіе примѣры: Бѣлгород. губ. канц., оп. 4 вяз. 5, д. 142, вяз. 6, д. 212. Клинск. в. к., оп. 9, вяз. 3, ук. 1736 г., №№ 24 и 218.

[5]) Моск. губ. канц., вяз. 1659, д. 58.

различая съ малымъ дѣломъ великаго, точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать безъ доклада сенаторскаго»[1]). И хотя «со всеревностнымъ тщаніемъ стараешься», говоритъ далѣе Бутурлинъ, «какъ бы во всемъ быть исполнителенъ, но за многою такою командою, никоимъ образомъ исправиться въ скорости не допускаетъ и отъ всѣхъ разныхъ и ежечасныхъ повелѣній и нужнѣйшія дѣла изъ рукъ выходятъ». «Единой канцеляріи на толикіе многіе спросы угодить весьма съ трудомъ», а потому Бутурлинъ «не для своей подлой персоны, но видя канцеляріи губернской всѣхъ пришедшихъ въ слабое и неможительное обстоятельство», «раболѣпственно» проситъ даже не о упорядоченіи отчетности, а хотя бы о сокращеніи круга учрежденій, имѣющихъ право налагать штрафъ на областныя власти[2]). Мольбы Бутурлина не помогли, кругъ отчетности все болѣе и болѣе расширялся, и до какихъ чудовищныхъ размѣровъ дошла эта отчетность, можетъ лучше всего показать реформа, проведенная сенатскимъ указомъ 5 іюня 1775 года, почти наканунѣ опубликованія учрежденія о губерніяхъ[3]).

Распоряженіе сената знакомитъ съ плачевнымъ результатомъ всѣхъ стремленій предыдущаго времени узко и строго регламентировать дѣятельность областныхъ учрежденій. Сенатъ самъ запутался, потерялъ нить въ донесеніяхъ областныхъ властей и «усмотря, что нѣкоторыя присутственныя мѣста требуютъ изъ городовъ излишнихъ вѣдомостей», въ началѣ 1774 года затребовалъ отъ всѣхъ областныхъ учрежденій точный списокъ всѣхъ рапортовъ и донесеній, представляемыхъ въ учрежденія высшія. Когда нужныя свѣдѣнія были собраны, «усмотрѣно еще больше», что «всякая городовая канцелярія, кромѣ губерній своихъ и провинцій», въ одни столичныя учрежденія посылаетъ около 1700 отдѣльныхъ вѣдомостей различнаго содержанія, годовыхъ, полугодовыхъ, мѣсячныхъ, третныхъ и т. д., при этомъ, большею частью, такихъ, «которыя либо случайно учреждены, либо требуются по однѣмъ только прихотямъ, дабы не имѣть у себя труда выправляться и дѣлать справленія» и, слѣдовательно, представляются совершенно безполезными. Послѣдствіемъ этого сенсаціоннаго открытія было составленіе списка донесеній и вѣдомостей, признанныхъ ненужными, причиняющими трату времени и труда мѣстнымъ учрежденіямъ и потому подлежащими отмѣнѣ. Въ этотъ скорбный списокъ попали 16 различныхъ донесеній въ сенатъ, одно — генералъ-прокурору, 31 — въ камеръ-коллегію, 8 — въ штатсъ-контору, 13 — въ комиссаріатъ, 1 — въ экономическія правленія, 2 — въ юстицъ-коллегію, 4 — въ ревизіонъ-коллегію, 12 — въ военную коллегію, 6 — въ главную провіантскую канцелярію, 2 — въ адми-

[1]) На основаніи указа 3 мая 1737 г. (П. С. З., X, № 7240), который предоставилъ коллегіямъ штрафовать областную администрацію, вслѣдствіе многократно наблюдавшихся случаевъ неприсылки донесеній въ срокъ или присылки ихъ въ неисправномъ видѣ.

[2]) Сб. Р. И. О., CXXX, 610—612.

[3]) П. С. З., XX, № 14332.

ралтейскую коллегію, 2 — въ мануфактуръ-коллегію, 2 — въ ямскую канцелярію и по одному — въ Петербургскую соляную контору, департаментъ главной соляной конторы, Петербургскую и Московскую дворянскія банковыя конторы, въ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ, оружейную и главной артиллеріи и фортификаціи и въ монетный департаментъ, всего 110 донесеній, не считая вѣдомостей о хлѣбныхъ и фуражныхъ цѣнахъ, посылаемыхъ сразу въ 14 учрежденій. Списокъ сопровождается нерѣдко мотивированными соображеніями объ отмѣнѣ, изъ которыхъ многимъ нельзя отказать въ извѣстной долѣ глубокомыслія; такъ, напримѣръ, «о воровствахъ и разбояхъ третныя во второй департаментъ сената» оказываются ненужными, потому что «случаи таковые не ежевременны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ оныхъ нѣтъ, почему и должны о таковыхъ произшествіяхъ сенатъ увѣдомлять изъ тѣхъ только мѣстъ и тогда, когда гдѣ оное случится»: ненужны и «о челобитчиковыхъ дѣлахъ краткіе годовые реестры во второй и шестой департаменты», потому что о всѣхъ такихъ дѣлахъ «съ какимъ успѣхомъ оныя теченіе имѣютъ, посылаются годовыя вѣдомости въ первый департаментъ, слѣдовательно, изъ оныхъ могутъ заимствовать и тѣ департаменты, если бы имъ что къ свѣдѣнію потребовалось».

Отмѣнивъ признанныя излишними донесенія, сенатъ подтвердилъ, что присылка остальныхъ остается по прежнему обязательной. Сохранено было всего 43 донесенія, т.-е. немного болѣе четверти; изъ нихъ болѣе половины направлялись въ сенатъ (12), въ камеръ-коллегію (6) и въ главный кригсъ-комиссаріатъ (5). Противъ произвольнаго увеличенія отчетности на будущее время были приняты особыя мѣры: новое періодическое донесеніе, новая «вѣдомость» могла быть вводима не иначе, какъ съ разрѣшенія сената. Выражено было также намѣреніе сократить и мѣстную отчетность, не восходившую далѣе губернскихъ канцелярій; объ этомъ предписывалось «препоручить господамъ губернаторамъ нынѣ же немедленно разсмотрѣть, какія впредь городовымъ канцеляріямъ въ провинціальныя и губернскія, равно какъ и провинціальнымъ въ губернскія канцеляріи вѣдомости посылать, стараясь сколько возможно излишнія отмѣнить, а оставить только необходимо нужныя, да и тѣ привести въ краткость». Губернская реформа 7-го ноября того же года сдѣлала ненужнымъ упрощеніе отчетности старыхъ областныхъ учрежденій, но указъ 5 іюня 1775 года наглядно показываетъ, что высшая администрація начинала сама запутываться въ ею же самой разставленныхъ сѣтяхъ, которыми уже давно была парализована часть энергіи властей мѣстныхъ.

Если сѣти регламентаціи должны были стѣснять губернаторовъ и воеводъ почти на каждомъ шагу ихъ дѣятельности, то особенно онѣ давали себя знать въ моментъ оставленія ими должности, который былъ и моментомъ контроля ихъ службы и дѣятельности. Отставка отъ должности — логическое завершеніе губернаторства и воеводства, но наступить она могла при различныхъ обстоятельствахъ. Обычно, отставка

получалась тогда, когда заканчивался плохо соблюдаемый, впрочемъ, срокъ воеводства или когда засидѣвшагося губернатора или воеводу считали нужнымъ замѣнить другимъ лицомъ, или же, наконецъ, когда заслужившій благоволеніе правитель получалъ высшее назначеніе; съ другой стороны, бывало нерѣдко, что болѣзнь, арестъ по предписанію высшихъ властей, напримѣръ тайной канцеляріи, отдача подъ судъ смерть или прерывали дѣятельность губернатора и воеводы ранѣе ея естественнаго конца.

Самый процессъ смѣны уже описанъ выше, когда рѣчь шла о вступленіи въ должность вновь назначеннаго правителя; остается коснуться тѣхъ условій, въ которыя попадалъ смѣненный правитель послѣ того, какъ сдавалъ должность своему преемнику. Предъ нимъ лежало еще одно большое, важное для него самого и часто затруднительное дѣло: счетъ — окончательная и полная отчетность предъ высшимъ начальствомъ за все время управленія. Мы уже видѣли, что послѣ пріема должности на новомъ воеводѣ лежала обязанность выслать отставленнаго правителя къ счету въ губернію. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ царствованіе Анны, воевода задерживался на мѣстѣ и послѣ сдачи должности; это происходило, когда за время его управленія накопилось много недоимокъ; допустивъ ихъ накопленіе, онъ же долженъ былъ и собирать ихъ. Я указывалъ, что именно въ такое положеніе попалъ Клинскій воевода Станиславлевъ; вотъ еще примѣръ: на донесеніе Любимскаго воеводы, прапорщика Григорія Маслова о вступленіи въ должность, управлявшій Московской губерніей князь Юсуповъ положилъ въ 1739 году резолюцію: «что на прошлыхъ по нынѣшній 1738 годъ осталось на комъ какихъ доимокъ, о томъ прислать вѣдомости, доимку продолжать взыскивать и для того прежняго воеводу не отпускать»[1]). Счетъ воеводы производился въ губерніи, счетъ губернаторовъ въ высшихъ учрежденіяхъ — въ коллегіяхъ и сенатѣ. Къ счету ѣхали не одни правители, съ ними командировались секретари и подъячіе съ приписью; они составляли какъ бы канцелярію «считаемаго» воеводы, и какъ его ближайшіе помощники отчитывались вмѣстѣ съ ними и сами[2]). Счетъ предписывалось производить «безъ всякаго замедленія», но едва ли это было легко достижимо, потому что «вѣдомости», которыя составляли «считаемые», послѣ провѣрки ихъ въ губерніи, восходили, такъ же какъ и губернаторскіе счета, въ цѣлый рядъ коллегій, нерѣдко вмѣстѣ съ самими смѣненными воеводами[3]); эта послѣдняя фаза счета была регламентирована еще въ 1731 году. Вѣдомости о приходѣ и расходѣ направлялись въ камеръ-коллегію, которая должна разсмотрѣть ихъ и рѣшить, правильно ли и согласно ли съ установленными окладами взимались различные сборы, отчего образовались недоимки, было ли по нимъ «какое взысканіе», и если было, то каковыми оказались его результаты; юстицъ-коллегія должна была изслѣдовать,

---

[1]) Моск. губ. канц., вяз. 1660, д. 10.
[2]) П. С. З., IX, № 6414.
[3]) Герольдм. конт., кн. 127, лл. 504—511.

взимались ли пошлины о судныхъ дѣлахъ, сколько дѣлъ остались не вершеными и почему; наконецъ, всѣ коллегіи и столичныя учрежденія должны были отвѣтить на запросъ объ исполненіи по указамъ, присылавшимся отъ нихъ къ данному губернатору или воеводѣ[1]).

Окончательная провѣрка дѣятельности областного правителя затягивалась, такимъ образомъ, на долгое время, и хотя въ 1732 году разрѣшено было ожидающихъ очереди счета увольнять въ отпускъ[2]), но все же такіе отпуски бывали, кажется, исключеніемъ; обычнымъ правиломъ было отобраніе подписки у воеводы и у его секретаря или подьячаго о «бытіи имъ при томъ счетѣ безотлучно».

Понятно, что волокита при счетѣ раздражала и мучила отставныхъ воеводъ и вызывала съ ихъ стороны жалобы[3]). Затяжка въ провѣркѣ счета ставила иногда отставныхъ воеводъ почти въ безвыходное положеніе. Бывшій Волоколамскій воевода Коротневъ уже давно былъ опредѣленъ «къ мостовымъ дѣламъ» въ Клинскомъ уѣздѣ, гдѣ проходила Петербургско-Московская дорога. Въ октябрѣ 1740 года за нимъ въ его вотчину явились солдаты и «за неполученіемъ его» арестовали его дворовыхъ, а между тѣмъ, Коротневъ жилъ съ января мѣсяца въ Волоколамскѣ, задерживаемый счетомъ и обязанный подпискою по требованію Московскихъ губернскихъ властей не выѣзжать изъ Волоколамска[4]). Несдача счетовъ или задержка въ этомъ дѣлѣ могла и вовсе помѣшать получить новое назначеніе; такъ было, напримѣръ, съ асессоромъ Коринымъ, который, «не будучи сочтенъ» по должности Владимирскаго провинціальнаго воеводы, не могъ быть, по мнѣнію сената назначенъ въ 1744 году начальникомъ слѣдственной комиссіи надъ Сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ[5]). Только окончаніе счета освобождало бывшаго правителя отъ послѣднихъ его обязанностей по его прежней должности и открывало передъ нимъ перспективу дальнѣйшей служебной дѣятельности, которая для лицъ, не могшихъ разсчитывать на блестящую карьеру и на полученіе какой-нибудь должности въ столицахъ, состояла чаще всего въ командировкахъ для разнаго рода «понужденія», для сбора доимокъ, въ новомъ назначеніи на воеводство, а изрѣдка въ назначеніи къ подушному сбору или обратному пріему на военную службу[6]).

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5725: указъ 1731 г. марта 23; его подтвержденіе — указъ 1732 г., іюня 1627, П. С. З., VIII, № 6104; здѣсь новый пунктъ: въ военную коллегію доставляются вѣдомости и табели о состояніи гарнизонныхъ полковъ. Дополненіе къ № 5725: указъ 1732 г., VIII, № 6009: устанавливается опредѣленный порядокъ производства отчетности со стороны высшихъ учрежденій; для этой цѣли назначается особый членъ камеръ-коллегіи съ особымъ секретаремъ и небольшимъ штатомъ подьячихъ.

[2]) П. С. З., VIII, № 6009.

[3]) Моск. губ. канц., вяз. № 1653, д. 121; иногда воеводы сами задерживали сдачу: Моск. губ. канц., вяз. 1664, д. 66.

[4]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 6, д. 6.

[5]) Дѣла сената, кн. 40/256, л. 211.

[6]) Сенатскій архивъ, VII, 637, 657, 677, 655, 684, 711, 726, 752, 757.

Завершеніемъ службы было окончательное увольненіе въ отставку на житье въ деревню, или опредѣленіе на пропитаніе въ монастырь въ тѣхъ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ, когда воевода не имѣлъ ни кола ни двора[1]).

Таковы были нормальныя условія окончанія губернаторской и воеводской службы. О нѣкоторыхъ изъ особенныхъ случаевъ смѣщенія воеводъ, въ родѣ ареста, я уже имѣлъ случай говорить выше; поэтому, ограничусь здѣсь лишь указаніемъ, какъ происходило дѣло, если дѣятельность областного правителя обрывалась внезапно. Въ случаѣ смерти губернатора или воеводы, въ должность немедленно вступалъ его ближайшій помощникъ и замѣститель, а всему, что оставалось послѣ умершаго воеводы, составлялся особый росписной списокъ[2]), совершенно такъ же, какъ это происходило въ случаѣ его ареста или внезапнаго увоза[3]). Въ уѣздахъ, особенно въ раннее время, пока не установился порядокъ замѣщенія воеводы офицеромъ при подушномъ сборѣ, приходилось, въ случаѣ смерти воеводы, прибѣгать къ экстреннымъ и неожиданнымъ мѣрамъ: такъ когда въ 1737 году умеръ Тотемскій воевода майоръ Шуваловъ, исправлять его должность «до указа» поручено было только что смѣненному воеводѣ Хлуденеву, который оставался на мѣстѣ, потому что росписные списки и счеты его воеводства еще не были составлены[4]). Обычный ходъ дѣла въ случаѣ смерти городового воеводы, можно видѣть изъ слѣдующаго эпизода. Въ 1743 году въ Крапивнѣ умеръ воевода Ивашкинъ. О смерти его было немедленно донесено въ Тульскую провинціальную канцелярію, а та, въ свою очередь послала донесеніе въ Московскую губернскую канцелярію, губернская канцелярія сейчасъ же потребовала отъ сената указа о назначеніи новаго воеводы, а сама распорядилась чтобы Тульскія провинціальныя власти временно, до прибытія воеводы, избрали кого-нибудь изъ отставныхъ оберъ-офицеровъ или изъ дворянъ «человѣка достойнаго» для исполненія въ Кропивнѣ текущихъ дѣлъ. Такое назначеніе достойнаго дворянина показываетъ, что порученіе временно исполнять обязанности воеводы мѣстнымъ помѣщикамъ практиковалось и послѣ учрежденія офицеровъ при подушномъ сборѣ[5]). Товарищъ воеводы, какъ ближайшій его замѣститель вступалъ въ должность такъ же и въ томъ случаѣ, если начальникъ губерніи, провинціи или уѣзда, долженъ былъ, не дожидаясь преемника, покинуть мѣсто своей службы для новаго назначенія. Когда Суздальскій провинціальный воевода, коллежскій совѣтникъ, графъ Толстой былъ избранъ депутатомъ въ комиссію 1767 года, сенатъ предписалъ и на будущее время во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сдавать должность «товарищамъ» или «другимъ въ присутствіи членамъ»[6]).

---

[1]) Сен. Архивъ, VII, 714; герольдм. конторы, кн. 506, лл. 500—522, 594—607.
[2]) Кинешемск. воев. канц., оп. 26, вяз. 1, дѣло 1590.
[3]) Орловск. пров. канц., оп. 11, д. 4983.
[4]) Герольдмейстерской конторы, кн. 206, л. 47.
[5]) Моск. губ. канц., вяз. 1673, д. 5.
[6]) П. С. З., XVIII, № 12936.

Рядомъ съ губернаторами, воеводами и ихъ товарищами, составлявшими нормальный штатъ областного управленія, стояли второстепенные административные органы, большей частью, всецѣло подчиненные общимъ областнымъ властямъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ отъ нихъ не зависѣвшіе.

Исторія полицейскихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ вопросовъ исторіи русскаго права, хотя она могла бы составить предметъ особыхъ изслѣдованій. Не будучи въ состояніи задаваться цѣлью спеціально разсматривать исторію полицейскихъ органовъ, я ставлю себѣ задачей лишь выяснить ихъ отношенія къ общимъ областнымъ учрежденіямъ. Въ небольшой спеціальной литературѣ единогласно отмѣчается неустойчивость полицейскихъ учрежденій[1]). Первымъ особымъ полицейскимъ органомъ былъ Петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, подчиненный сенату, который съ 1718 года долженъ былъ вѣдать городскую полицію въ Петербургѣ[2]). Изданный въ 1721 году регламентъ главнаго магистрата возложилъ цѣлый рядъ полицейскихъ обязанностей на городскія учрежденія[3]). Съ 1722 года особый оберъ-полиціймейстеръ появился въ Москвѣ; сначала онъ подчиненъ былъ Петербургскому генералъ-полиціймейстеру, потомъ, съ 1727 года, Московскому генералъ-губернатору[4]). Указомъ 23 апрѣля 1733 года были учреждены особыя «полиціи» во всѣхъ губернскихъ, нѣкоторыхъ провинціальныхъ и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ городахъ[5]); всего, включая обѣ столицы, городовъ, имѣвшихъ особыя полицейскія учрежденія, стало 23; каковы же были эти полицейскія учрежденія? Изъ мѣстнаго гарнизона выбирались въ губернскихъ городахъ капитаны, въ остальныхъ поручики, которые и назначались полиціймейстерами; къ нимъ для карауловъ и для содержанія съѣзжихъ дворовъ придавалось по 1 унтеръ-офицеру, по 1 капралу, по 6 или 8 рядовыхъ и канцелярскихъ служителей; жалованье послѣднимъ уплачивалось «изъ сборныхъ денегъ, которыя будутъ во взятіи въ тѣхъ полиціяхъ», остальнымъ — изъ гарнизонныхъ суммъ. Такъ должны были быть устроены «полицмейстерскія конторы», которыя состояли въ полной дирекціи главной

---

[1]) Изъ этой литературы слѣдующія сочиненія даютъ наибольшій фактическій матеріалъ: *Андреевскій*, Полицейское право, т. I, Спб., 1871 г. стр. 87—93. *Тарасовъ*, Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, т. I, Кіевъ, 1875 г. стр. 1—44; *его же*, Исторія русской полиціи и отношеніе ея къ юстиціи, Юрид. Вѣстникъ, 1884, № 2, 177—212.

[2]) П. С. З., V, № 3203.

[3]) П. С. З., VI, № 3708.

[4]) П. С. З., VI, № 3883, VIII, № 5172.

[5]) П. С. З., IX, № 6378; города эти слѣдующіе: губернскіе — Новгородъ, Кіевъ, Воронежъ, Астрахань, Архангельскъ, Смоленскъ, Бѣлгородъ, Казань, Нижній Новгородъ; провинціальные: Псковъ, Вологда, Калуга, Тверь, Переяславль-Рязанскій, Кострома, Ярославль, Симбирскъ, Орелъ; уѣздные города: Коломна, Брянскъ, Шлиссельбургъ, Ладога.

полиціи. Если мы къ этому добавимъ, что и инструкціи областнымъ властямъ Петровскаго времени и наказъ 1728 года налагаютъ рядъ полицейскихъ обязанностей и на общіе органы областного управленія, то картина получается довольно пестрая; полицейское дѣло поручено и общимъ властямъ, и городскимъ учрежденіямъ, и особымъ спеціально полицейскимъ органамъ; послѣдніе существовали только въ немногихъ городахъ и были подчинены главной полиціи въ Петербургѣ, а та, въ свою очередь, подчинялась то сенату, то кабинету[1]).

На этомъ, однако, дѣло не кончилось; въ 1737 году сенатъ, озабоченный реорганизаціей полицейскихъ учрежденій предполагалъ сначала передать все полицейское дѣло въ руки губернаторовъ и воеводъ, а потомъ опредѣлилъ вездѣ, кромѣ столицъ, передать полицію, согласно наказу 1728 года, ратушамъ «и быть имъ подъ вѣдомствомъ», т.-е. только подъ высшимъ начальствомъ губернаторовъ и воеводъ; цѣль этого новаго преобразованія — экономія: «ежели опредѣлить въ тѣ полиціи особыхъ офицеровъ и дворянъ, то надлежитъ давать имъ жалованье и опредѣлить къ нимъ приказныхъ служителей и разсыльщиковъ съ жалованьемъ же, и оттого будетъ казенный убытокъ»[2]), говорилось въ мотивировкѣ новаго закона. Впрочемъ, изложенный сейчасъ указъ сената не получилъ практическаго осуществленія, такъ какъ полиціймейстерскія конторы, учрежденныя въ 1733 году, продолжали существовать и послѣ 1737 года[3]). Порядокъ, установившійся при Аннѣ, существовалъ въ теченіе всего царствованія Елизаветы и былъ вновь подтвержденъ при Петрѣ III, въ моментъ оживленія правительственнаго интереса къ преобразованію центральнаго полицейскаго управленія въ имперіи. Указъ 9 января 1762 года, учреждая въ Москвѣ должность второго генералъ-полиціймейстера, въ то же время предписывалъ «во внутреннихъ городахъ полиціймейстерамъ нигдѣ не быть, а препоручить всѣ градскія полиціи въ вѣдомство губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ и поступать, какъ главнаго магистрата регламентомъ и губернаторскою и воеводскою

---

[1]) Указъ 1734 г. янв. 10, П. С. З., IX, № 6529.

[2]) Указъ 28 марта, 1737 г., П. С. З., X, № 7211; Журналы сената за 1737 г., I, 152, 191.

[3]) Напримѣръ въ Бѣлгородѣ, (Дѣла Бѣлгород. губ. канц., оп. 4, вяз. 1—10), въ Брянскѣ (дѣла и приг. сената, кн. 54/270), въ Калугѣ (П. С. З., XIII, № 9087). Въ 1763 году полиція была уничтожена въ Серпуховѣ: значитъ число городовъ, имѣвшихъ особыя полицейскія учрежденія послѣ 1737 г. позднѣе даже увеличилось (Сбор. Р. И. О., XCIII, 203). Чрезвычайно характерны старанія областныхъ властей насадить полицію и тамъ, гдѣ она не была официально учреждена. Въ 1764 г. главный магистратъ довелъ до свѣдѣнія сената о жалобахъ Арзамасскаго и Муромскаго купечества и Казанскаго и Елецкаго магистратовъ на самовольное назначеніе губернскими и провинціальными властями полиціймейстеровъ въ Арзамасъ, Елецъ, Кунгуръ, Муромъ. Сенатъ отмѣнилъ такое распоряженіе и передалъ полицейскія дѣла въ означенныхъ городахъ по прежнему магистратамъ. П. С. З., XVII, № 12764.

инструкціями повелѣвается[1]). Въ послѣдніе годы до учрежденія о губерніяхъ полицейское устройство оставалось безъ измѣненія; однако, частое подчеркиваніе полицейской власти губернаторовъ и воеводъ и подчиненное положеніе магистратовъ фактически, видимо, свели полицейское значеніе послѣднихъ на нѣтъ: по крайней мѣрѣ, въ наказахъ 1767 года не разъ встрѣчаются сѣтованія на чрезмѣрно разросшуюся полицейскую власть коронныхъ властей и требованія, чтобъ полиція попрежнему, согласно § 14 регламента главнаго магистрата, была передана провинціальнымъ и городовымъ магистратамъ[2]). Такимъ образомъ въ большую часть полустолѣтія, отдѣляющаго преобразованія Екатерины I отъ преобразованій ея соименницы, особыя полицейскія учрежденія, кромѣ столицъ, существовали еще въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи; во всѣхъ же остальныхъ городахъ и повсюду за предѣлами городовъ полицейскія функціи лежали всецѣло на общихъ органахъ областного управленія. Однако, даже и тамъ, гдѣ они существовали, полицейскія учрежденія не исполняли всѣхъ обязанностей полиціи, какъ мы ихъ теперь понимаемъ. Въ спеціальной литературѣ не менѣе согласно, чѣмъ относительно неустойчивости самихъ учрежденій, проводится мнѣніе о неопредѣленности ихъ круга обязанностей до Екатерины II. И съ этимъ мнѣніемъ приходится согласиться.

Общаго опредѣленія обязанностей полицейскихъ органовъ ни разу не было сдѣлано за это время, но если дать себѣ трудъ выяснить, какія обязанности возлагали на спеціальные органы полиціи инструкціи Петровскаго времени и различные частные указы, издававшіеся позднѣе, и что подразумѣвали подъ полиціей узаконенія болѣе широкаго характера въ родѣ регламента главнаго магистрата, придется придти къ выводу, что узаконенія общія уже и тогда ставили полиціи задачи довольно широкія, стремясь сдѣлать изъ нея органъ исправленія общественной нравственности и надзора за безопасностью и закономѣрностью общественной жизни, «душу гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности»[3]):

---

[1]) П. С. З., XV, № 11401. Указъ этотъ былъ измѣненъ указомъ 22 марта того же года (XV, № 11477) предписывавшимъ учредить полицеймейстеровъ, гдѣ найдетъ нужнымъ генералъ-полицеймейстеръ Корфъ и гдѣ еще не учреждена полиція, съ оставленіемъ полиціи въ вѣдѣніи губернаторовъ и воеводъ. Указомъ 26 іюля того же года было повелѣно «до будущаго разсмотрѣнія о губерніяхъ вновь въ городахъ, въ коихъ до сего времени полиціймейстеровъ не было, оныхъ не опредѣлять» (XVI, № 12676). Фактически указъ 9 янв. 1762 г. былъ осуществленъ, кажется, только въ 1763 г. Сбор. Р. И. О., XCIII, 203.)

[2]) Сб. Р. И. О., IV, 123 (предложеніе Саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ); XLIII, 237—295, § 6 (наказъ главнаго магистрата); XCIII, 142, 167, 203, 306, 327, 373, 487; CVII, 5, 98, 125—6, 145, 176, 279, 285, 340, 587; CXXIII, 397; CXXXIV, 88, 119. Наказы городскихъ жителелей: Коломны, Костромы, Серпухова, Алексина, Кадуя, Рузы, Звенигорода, Епифани, Калуги, Кинешмы, Михайлова, Гороховца, Опочки, Порхова, Великихъ-Лукъ, Чебоксаръ, Галича., Вязьмы и Рославля.

[3]) П. С. З., VI, № 3708, регламентъ главнаго магистрата, гл. X.

съ другой стороны, указы болѣе практическаго характера низводили роль полиціи до надзора за внѣшнимъ порядкомъ и чистотой и только. Такъ однимъ изъ мотивовъ къ учрежденію въ 1733 году полиціймейстеровъ въ 21 городѣ имперіи было «усмотрѣніе», что въ Астрахани «по тамошнему мѣсту разныхъ въ городѣ народовъ наполненныхъ, отъ тамошняго тяжелаго воздуха, а лѣтнею порою отъ великой теплоты за несмотрѣніемъ чистоты, самый вредительный и язвительный смрадъ»; для избѣжанія такого «смрада» и считалось «потребно тамо учредить полицію»[1]). При такой узкой постановкѣ дѣла, общимъ областнымъ учрежденіямъ оставалось еще много полицейскихъ обязанностей, даже и въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали особые полицейскіе органы, изъятые изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ.

Спеціальные органы полиціи въ изучаемую эпоху не получили еще большого развитія, и, изслѣдуя общій строй областного управленія, ихъ приходится разсматривать, какъ лишенные самостоятельности зародыши, не оказывавшіе вовсе вліянія на дѣятельность общихъ органовъ областного управленія и фактически не ограничивавшіе власти послѣднихъ даже тогда, когда они были отъ нихъ независимы. Взаимныя отношенія полицейскихъ и общихъ административныхъ учрежденій также не были установлены съ достаточной степенью ясности; отъ этого происходила возможность постоянныхъ конфликтовъ и вмѣшательства одной власти въ компетенцію другой; впрочемъ это могли дѣлать только губернаторы и воеводы, какъ сторона болѣе сильная[2]).

Наказъ 1728 года подчинилъ дворцовыхъ управителей, какъ называли въ XVIII вѣкѣ управляющихъ дворцовыми волостями, — прежнихъ волостелей, — и дворцовыхъ приказчиковъ губернаторамъ и воеводамъ, введя ихъ въ вѣдомство губернаторскаго и воеводскаго суда[3]). Въ разъясненіе и дополненіе короткой статьи наказа былъ изданъ указъ 7 февраля 1729 года, разграничивавшій общее управленіе съ дворцовымъ. Составъ собственно дворцовыхъ земель и порядокъ управленія ими опредѣляется условіями XVII вѣка; спеціальные органы дворцоваго управленія должны были остаться только въ мѣстностяхъ, изстари вѣдомыхъ въ приказѣ большого дворца и внесенныхъ въ 1724 году въ табель мѣстностей, доходы съ которыхъ поступали въ дворцовую канцелярію; наоборотъ, всѣ города и мѣстности, не причисленные къ помянутымъ категоріямъ, должны были поступить въ вѣдѣніе общихъ властей. Указъ 1729 года въ то же время гораздо точнѣе опредѣлялъ сущность подчиненія дворцовыхъ управителей и дворцовыхъ волостей воеводамъ и губернаторамъ; дворцовые города, пригородки и слободы, должны были быть приписаны въ вѣдомство воеводъ ближнихъ городовъ и подчинены имъ татиными разбойными дѣлами, судомъ между дворцовыми управителями, ихъ служителями и крестья-

---

[1]) П. С. З., IX, № 6378.

[2]) П. С. З., IX, № 6655.

[3]) Воеводскій наказъ 1728 года, статья 12.

нами, съ одной стороны, и посторонними людьми, съ другой, и наконецъ, сборами подушными, таможенными, кабацкими и прочими за исключеніемъ дворцовыхъ сборовъ, въ которые общія власти не имѣли права вступаться[1]).

Мѣры 1728—1729 годовъ вносили коренныя измѣненія въ условія существованія дворцовыхъ земель и навсегда покончивали съ вѣковой и традиціонной обособленностью ихъ. Несмотря, однако, на такое глубокое значеніе законовъ Петра II, переходъ дворцовыхъ управителей подъ вѣдѣніе губернаторовъ и воеводъ не вызвалъ затрудненій, и реформа, какъ мы въ свое время видѣли, прошла безъ особыхъ шероховатостей. Но подчиненіе общимъ властямъ еще не уничтожало правъ дворцовой канцеляріи: дворцовые управители были одновременно подчинены и воеводамъ и главной дворцовой канцеляріи, такъ что образовался какъ бы родъ двоевластія надъ дворцовыми волостями, подробности котораго далеко не всегда находили себѣ отраженіе въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ. Одною изъ особенностей въ порядкѣ подчиненія дворцовыхъ управителей воеводамъ было то, что подушную подать съ дворцовыхъ крестьянъ сбирали только дворцовые управители, которые сами передавали деньги воеводамъ въ установленные сроки; земскіе комиссары и смѣнившіе ихъ офицеры не касались дворцовыхъ волостей[2]). Если подчиненіе общимъ властямъ выражалось, преимущественно, въ сферѣ судебной и финансовой, то власть дворцовой канцеляріи давала себя чувствовать въ области хозяйственной, въ дѣлѣ установленія и взиманія различныхъ спеціальныхъ сборовъ на дворцовое вѣдомство, въ вопросѣ о назначеніи дворцовыхъ управителей и въ другихъ очень разнообразныхъ дѣлахъ административно-полицейскаго характера. Такъ, напримѣръ, озабочиваясь искорененіемъ разбоевъ и грабежей въ дворцовыхъ волостяхъ, главная дворцовая канцелярія предписала въ 1770 году организовать въ дворцовыхъ волостяхъ особую выборную крестьянскую полицію, независимо отъ мѣръ, принятыхъ общей администраціей[3]).

Совмѣстная власть двухъ вѣдомствъ и одновременное подчиненіе и дворцу и воеводамъ были фактомъ вполнѣ реальнымъ; какъ этотъ фактъ могъ отразиться на практикѣ, можно судить по слѣдующему эпизоду. Въ іюлѣ 1759 года бывшій управитель дворцовой Юмохоцкой волости Кинешемскаго уѣзда Коминъ подалъ въ Кинешемскую воеводскую канцелярію жалобу на своего преемника, поручика Рона. Взводя на послѣдняго цѣлый рядъ обычныхъ для того времени обвиненій, характеризующихъ поручика Рона какъ пьяницу и безобразника, Коминъ заключаетъ свою жалобу разсужденіемъ, что «въ защищеніе надлежало бъ на онаго правителя поручика Рона о сатисфакціи просить по командѣ главной дворцовой канцеляріи въ конторѣ, точію за со-

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5369; подтвержденія: VIII, №№ 5388, 6068.

[2]) П. С. З., VIII, № 5388 (1729, марта 21) и № 6016 (1732 г. марта 30.)

[3]) Ардатов. у. суда, оп. 2, вяз. 3, д. 44.

держаніемъ меня нижайшаго подъ арестомъ и за взятьемъ служителя моего и за отдаленіемъ той дворцовой конторы просить черезъ кого не имѣю»; онъ проситъ, поэтому, воеводу представить его жалобу «доношеніемъ» въ учрежденіе, кажущееся ему недосягаемымъ[1]). Кинешемскій воевода поспѣшилъ исполнить просьбу Комсина.

Выборъ и назначеніе дворцовыхъ управителей до конца царствованія Анны Ивановны оставались всецѣло въ рукахъ дворцовой канцеляріи; но въ 1740 году высшія власти усмотрѣли, что дворцовая канцелярія до сихъ поръ опредѣляла управителями «людей самыхъ убогихъ, не токмо изъ дворцовыхъ служителей и изъ разночинцевъ, но и изъ холопей», которые разоряли дворцовыя волости; поэтому на будущее время предполагалось опредѣлять въ эти должности отставныхъ дворянъ, которые изъ шляхетства и отъ своихъ деревень довольное пропитаніе имѣютъ». Выборъ долженъ былъ принадлежать сенату[2]). Такимъ образомъ, составъ дворцовыхъ управителей до нѣкоторой степени приблизился къ составу общихъ областныхъ властей[3]). Впрочемъ, для замѣщенія болѣе мелкихъ должностей дворцовыхъ управителей и позднѣе сохранялись порядки, сходные съ порядками 20-хъ и 30-хъ годовъ. Въ 1770 году Московская главной дворцовой канцеляріи контора опредѣлила «къ управительскимъ дѣламъ дворцовой Маколовской волости» Краснослободскаго уѣзда бывшаго Кадомской воеводской канцеляріи канцеляриста Семена Дубровскаго, при томъ, впрочемъ, условіи, «буде оной волости крестьяне быть ему пожелаютъ и дадутъ приговоръ»[4]).

Съ положеніемъ дворцовыхъ управителей было во многомъ сходно положеніе управителей однодворческихъ, существовавшихъ въ Бѣлгородской, Воронежской и Московской губерніяхъ, съ конца 50-хъ годовъ. На обязанности этихъ управителей лежалъ судъ и расправа надъ однодворцами и ихъ крестьянами; они были подчинены лично губернаторамъ, такъ что однодворческія дѣла были изъяты не только изъ вѣдѣнія воеводъ, но и изъ вѣдѣнія губернскихъ канцелярій и даже губернаторскихъ товарищей. Въ должности однодворческихъ управителей опредѣлялись дворяне, мѣстные помѣщики, но порядокъ опредѣленія былъ установленъ примѣнительно къ главѣ VI регламента главнаго магистрата: однодворцы избирали себѣ управителя сами, и получившіе большинство голосовъ утверждались губернаторами[5]). Въ 1726 году

---

[1]) Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 573, лл. 1—2.

[2]) П. С. З., XI, № 8205; еще за годъ до этого сенатъ приказалъ посылать въ распоряженіе дворцовой канцеляріи отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и дворянъ для замѣщенія по ея усмотрѣнію должностей дворцовыхъ управителей (П. С. З., X, № 7947.)

[3]) Это подтверждается спискомъ лицъ, «имѣющихся при дворцовой конторѣ для волостного правленія». Герольдм. конт., кн. 206, лл. 977—983 (1740 г.).

[4]) Ардатовскаго у. суда, оп. 2, в. 3, д. 43.

[5]) П. С. З., XV, № 10998; Бѣлгород. губ. канц., оп. 4, в. 10, д. 489; Хотмышской и Карповской воев. канцелярій (въ дѣлахъ Грайворонскаго у. суда), оп. 11, вяз. 2. Герольдм. конт., кн. 452, д. № 48.

Петръ III уничтожилъ должности однодворческихъ управителей, дѣла которыхъ перешли въ вѣдѣніе воеводъ. Екатерина II подтвердила этотъ указъ[1]).

Въ слободскихъ казачьихъ полкахъ, примыкавшихъ къ Воронежской и Бѣлогородской губерніямъ, еще съ 1736 года существовали особые комиссары изъ мѣстныхъ дворянъ, выбиравшіеся на одинъ годъ для сбора особыхъ налоговъ съ малороссовъ на драгунскіе полки[2]); въ 1764 году при учрежденіи Слободско-Украинской губерніи компетенція комиссаровъ была значительно расширена: каждый полкъ, теперь составившій провинцію, былъ раздѣленъ на нѣсколько комиссарствъ; выборнымъ комиссарамъ, подчиненнымъ провинціальнымъ воеводамъ, было поручено «собираніе доходовъ» и полицейская власть; характерно при этомъ, что этимъ комиссарамъ было предположено дать инструкцію, «заимствуя изъ плаката 1724 года о земскихъ комиссарахъ»[3]).

Наблюденія надъ службою областныхъ властей, сдѣланныя выше, могутъ, какъ мнѣ кажется, привести къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ. Отношеніе центральнаго правительства къ областнымъ органамъ властное, жесткое и недовѣрчивое; въ немъ постоянно видно стремленіе обезпечить власть центра надъ провинціей, регламентировать каждый шагъ губернатора и воеводы, предотвратить чрезмѣрныя злоупотребленія. Нельзя сказать, чтобы такое отношеніе было новостью: это — старая Московская традиція, не умиравшая при Петрѣ и расцвѣтшая пышнымъ цвѣтомъ послѣ его смерти. Достаточно вспомнить процедуру назначенія и порядокъ смѣны правителей, чтобы еще разъ убѣдиться въ бюрократическихъ тенденціяхъ центральнаго правительства: росписной списокъ, послѣдній счетъ уходящаго воеводы, все это моменты, свидѣтельствующіе о недовѣріи центра къ мѣстнымъ властямъ и о желаніи связать, опутать провѣркой каждый ихъ шагъ. Регламентація жизни и дѣятельности областныхъ правителей доходили до смѣшныхъ мелочей, въ родѣ, напримѣръ, указа объ однообразной постройкѣ всѣхъ губернаторскихъ и воеводскихъ дворовъ. Но нигдѣ, быть-можетъ, не давало себя чувствовать такъ сильно стремленіе къ регламентаціи, какъ въ отчетности. Безпрестанныя напоминанія и принужденія, установленіе все новыхъ и новыхъ обязательныхъ рапортовъ и донесеній довели дѣло до абсурда, до безсмысленной путаницы, которую призналъ и самъ сенатъ, когда въ 1775 году вздумалъ разобраться и упорядочить отчетность.

Однако, стремясь регламентировать всякій шагъ областныхъ властей, центральное правительство не сумѣло стройно и правильно организовать службу по мѣстному управленію. Введя довольно однообразное устройство областного управленія оно не справилось съ деталями взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ его органовъ. Это особенно замѣтно въ высшей

---

[1]) П. С. З., XV, № 11507, XVI, № 11758.
[2]) П. С. З., IX, № 6883.
[3]) П. С. З., XVII, № 12430; Богучарскаго у. суда, оп. 2, в. 1, д. 2, лл. 1—4.

ступени областного управленія, — губерніи, замѣтно и въ низшихъ его инстанціяхъ. Развѣ взаимныя, напримѣръ, отношенія городовыхъ воеводъ и офицеровъ при подушномъ сборѣ были организованы цѣлесообразно и правильно? Развѣ они были регламентированы сколько-нибудь разумно? Только на зарѣ Екатерининскаго царствованія можно замѣтить первые шаги къ переустройству областного управленія на разумныхъ началахъ; но вѣдь штаты 1763 года не характерны для послѣпетровскаго областного строя: это первое проявленіе преобразовательной дѣятельности Екатерины и преддверія областной реформы 1775 года.

Стремленіе къ регламентаціи, отличающее отношеніе центральныхъ властей къ мѣстнымъ органамъ, встрѣчало препятствіе не только въ недостаткѣ организаторскихъ способностей государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка; не менѣе серіозными помѣхами въ этомъ дѣлѣ были бытовыя условія. Допетровская Русь знала регламентацію дѣятельности областныхъ властей; московское правительство любило держать въ крѣпкой уздѣ всѣхъ служившихъ ему, но въ Московской Руси бюрократическая централизація смягчалась патріархальностью, которою была пропитана старая Русь. Надъ послѣпетровской Россіей носился призракъ регулярнаго государства, сѣмена котораго насаждались въ ней преобразователемъ, но сквозь этотъ призракъ проглядывала иногда патріархальность прежняго времени, старые московскіе обычаи, чуждые новымъ формамъ, заимствованнымъ съ запада, зато болѣе понятные и привычные русскому человѣку. Въ порядкахъ и распредѣленіи занятій между губернаторами и воеводами и ихъ товарищами особенно ярко сказывается близость послѣпетровскаго служебнаго быта къ допетровскому приказному обиходу. Отзвуки минувшаго и безвозвратно отжитаго продолжали дѣйствовать, преломляя по-своему порядки XVIII вѣка. Были, однако, и новыя условія, которыя оказывали вліяніе не менѣе сильное. Эти новыя условія — связь мѣстнаго дворянства съ мѣстной администраціей. Исторія смѣны воеводъ въ Клину даетъ опредѣленные факты, указывая на такую связь; замѣчается вліяніе мѣстныхъ дворянскихъ обществъ на назначеніе или неназначеніе воеводъ; жизнь исподволь мѣняетъ продолжительность воеводской службы, облегчаетъ увольненіе въ отпускъ, вноситъ понемногу понятія вольности въ такія служебныя отношенія, въ которыхъ до того всегда господствовало принужденіе и стѣсненіе. Впрочемъ, изъ чисто служебныхъ отношеній улавливаются лишь намеки на связь между областной администраціей и крѣпнущимъ въ своей мощи дворянствомъ; связь эта и ея значеніе являются однимъ изъ очередныхъ вопросовъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

ГЛАВА VI.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ ОБЛАСТНЫХЪ ПРАВИТЕЛЕЙ.

Въ предыдущей главѣ, разбирая вопросъ о назначеніи на должности областныхъ правителей, я говорилъ, что всѣ кандидаты на такія должности въ отношеніи ихъ прежней службы дѣлились на три группы — высшихъ, преимущественно военныхъ бюрократовъ, отставныхъ офицеровъ изъ помѣстнаго дворянства и столичной придворной и чиновничьей мелкоты. Эти три группы очень легко объединить въ соціальномъ отношеніи: бригадиръ или генералъ, получавшій мѣсто губернатора, отставной секундъ-маіоръ или капитанъ, довольствовавшійся воеводствомъ, наконецъ, сенатскій или коллежскій канцеляристъ, придворный кофишенкъ или кухеншрейберъ, назначаемые въ городовые воеводы или въ дворцовые управители — все это люди одного сословія; всѣ они принадлежатъ къ различнымъ вѣтвямъ одного дерева, всѣ они — члены благороднаго россійскаго дворянства или, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, шляхетства. Областная администрація послѣпетровскаго времени въ лицѣ губернаторовъ и воеводъ была чисто дворянской, и въ этомъ отношеніи пореформенная имперія въ неприкосновенности хранила тѣ сословные устои, которые успѣли утвердиться въ дореформенномъ Московскомъ царствѣ. Однако, среди самого дворянства XVIII вѣка не существовало чувства полнаго сословнаго единства и какой-нибудь вельможа—губернаторъ никогда не счелъ бы ровней себѣ воеводу изъ отставныхъ армейскихъ капитановъ или поручиковъ. Въ областной администраціи, почти поголовно дворянской по своему происхожденію, были свои патриціи и свои плебеи. Первые заполняли высшія мѣста губернской администраціи и были на виду у центральнаго правительства; для нихъ не требовалось особаго учета. Вторые составляли громадный запасъ кандидатовъ на должности по гражданскому управленію, внесенный въ списки герольдмейстерской конторы; изъ этихъ списковъ, какъ мы уже знаемъ, избирались по мѣрѣ надобности лица, предназначаемыя для занятія должностей воеводъ и губернаторскихъ и воеводскихъ товарищей. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращались къ герольдмейстерской конторѣ по поводу назначенія губернатора, да и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ дѣло касалось губерній отдаленныхъ, захолустныхъ. Между патриціями и плебеями возвышалась стѣна, перейти за которую низшимъ было очень трудно; подобно тому какъ въ Московскомъ царствѣ городовые

служилые люди лишь въ видѣ исключенія переходили, повышаясь, въ разрядъ Московскихъ или думныхъ чиновъ, такъ и служилая всероссійская масса XVIII вѣка, состоявшая на учетѣ герольдмейстера, только очень рѣдко возвышалась далѣе второстепенныхъ должностей. Въ іерархіи областного управленія губернаторское мѣсто было для этихъ людей недосягаемымъ идеаломъ; должность губернаторскаго товарища и провинціальнаго воеводы должна была оставаться предѣломъ ихъ честолюбія. Такимъ образомъ, два довольно рѣзко различающихся одинъ отъ другого слоя областной администраціи ясно намѣчаются при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ея личный составъ; болѣе подробное изслѣдованіе этого состава удобнѣе произвести для каждаго слоя порознь, отдѣливъ высшіе губернскіе чины отъ остальной массы областной администраціи, какъ это, впрочемъ, мнѣ не разъ уже приходилось дѣлать, разсматривая служебную дѣятельность губернаторовъ и воеводъ.

Задавая себѣ вопросъ, какіе люди занимали губернаторскіе и генералъ-губернаторскіе посты въ XVIII столѣтіи, за отвѣтомъ прежде всего обращаешься къ столичнымъ губерніямъ; отвѣтъ этотъ не будетъ одинаковымъ. Московская губернія — губернія особенно вельможная. И генералъ-губернаторы, представлявшіе государей въ старой столицѣ, и губернаторы, управлявшіе самой населенной изъ тогдашнихъ губерній, были, по большей части, сильными и знатными людьми; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно назвать генералъ-губернаторовъ ранняго времени: кн. Ив. Ф. Ромодановскаго (по 1729 г.), гр. Г. П. Чернышева (1729—1734 гг.), кн. Барятинскаго (1735—36 г.), кн. Н. Ю. Трубецкого (1739 г.), а для болѣе поздней эпохи: гр. П. С. Салтыкова (1764—1772 гг.) и его преемника П. Д. Еропкина, или же губернаторовъ и вице-губернаторовъ кн. Б. Г. Юсупова, гр. В. С. Салтыкова, и губернаторовъ князя С. А. Голицына, кн. П. Черкасскаго, гр. Ѳед. Андр. Остермана. Менѣе родовитыми и вліятельными можно считать губернатора Анниискаго времени Ѳ. Н. Балка (1734—37 гг.) и губернаторовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ Жеребцова, Юшкова и Волкова; да и то Балкъ былъ силенъ своими придворными связями, сначала черезъ жену, урожденную Монсъ, потомъ черезъ дочь, извѣстную Н. Ѳ. Лопухину, а Волковъ и Юшковъ принадлежали къ высшей служебной бюрократіи, которая стала ясно намѣчаться въ царствованіе Екатерины II. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ администрація другой столичной губерніи. Сначала во главѣ ея стоятъ въ качествѣ генералъ-губернаторовъ близкіе къ государямъ и ко двору люди — Меньшиковъ, потомъ Минихъ; позднѣе постъ Петербургскаго генералъ-губернатора занимаютъ фавориты, напримѣръ Г. Г. Орловъ или служилые иностранные принцы въ родѣ принца Гольштейнъ-Бекскаго. Послѣ появленія особыхъ губернскихъ учрежденій для маленькой Петербургской губерніи, какой она сдѣлалась по выдѣленіи изъ нея губерній Новгородской и Выборгской, учрежденія эти оказались заслоненными и отодвинутыми на задній планъ высшей центральной администраціей имперіи. Вотъ почему во главѣ Петербургской

воеводской и губернской канцеляріи мы видимъ мало крупныхъ именъ. Первый отдѣльный правитель Петербурга и его окрестностей состоявшій въ подчиненіи генералъ-губернатору, даже не имѣлъ титула губернатора; это былъ вице-президентъ вотчинной коллегіи Ѳедосей Мануковъ, получившій званіе Петербургскаго воеводы (17 марта 1736 г.). Первымъ Петербургскимъ губернаторомъ былъ тайный совѣтникъ Ѳедоръ Наумовъ, назначенный на эту должность въ 1738 году[1]); изъ позднѣйшихъ Петербургскихъ администраторовъ можно отмѣтить вице - губернатора ст. сов. Петра Мельгунова.

Какъ неодинаковъ былъ составъ правителей столичныхъ губерній, такъ неоднороденъ былъ составъ начальниковъ различныхъ провинціальныхъ губерній. Прежде всего можно отмѣтить, что нѣкоторыя губерніи, вѣроятно, считались болѣе важными и управленіе ими болѣе почетнымъ. Такой губерніей была, напримѣръ, Казанская: во главѣ ея въ началѣ изучаемаго времени стоитъ знаменитый Волынскій; его смѣняетъ не менѣе знаменитый кн. Василій Владимировичъ Долгоруковъ; за нимъ другой Долгоруковъ, Михаилъ Владимировичъ; съ 1731 года, послѣ опалы Долгорукихъ, мы видимъ тамъ сначала гр. Платона Ивановича Мусина-Пушкина, сына извѣстнаго Петровскаго дѣятеля, позднѣе пострадавшаго въ дѣлѣ Волынскаго, потомъ извѣстнаго птенца гнѣзда Петрова Александра Ивановича Румянцева (1735—1736 гг.). За Румянцевымъ слѣдуютъ князья Барятинскій и С. Д. Голицынъ, сынъ верховника. Такимъ образомъ правители Казанской губерніи второй четверти вѣка по знатности мало уступаютъ своимъ Московскимъ коллегамъ; въ третьей четверти столѣтія крупныхъ именъ меньше; повидимому, и здѣсь губернаторскій постъ становится достояніемъ не столько общегосударственныхъ или придворныхъ дѣятелей, сколько людей, возвысившихся постепенно въ военной и гражданской службѣ. Къ такимъ именно лицамъ слѣдуетъ относить д. с. с. Грекова (1748—1755 гг.), гр. Ѳ. А. Головина (1755—1760 гг.), д. с. с. кн. В. Тенишева (1760—1764 гг.) и Андрея Квашнина-Самарина (съ 1764 г.). Не менѣе важной, чѣмъ Казанская, считалась, надо думать, губернія Кіевская, но пограничное ея положеніе сообщало особыя черты составу ея правителей; это были исключительно военные чины; такой же военный характеръ носитъ и составъ правителей иныхъ пограничныхъ губерній, напримѣръ обѣихъ Балтійскихъ[2]) и Смоленской, которая однако, по своей незначительной территоріи, едва ли занимала особенно высокій рангъ среди прочихъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., CXX, 337; С.-Пб. губернской канц., вязка 1, кн. 1.

[2]) Изслѣдованіе областного управленія этихъ двухъ губерній, пользовавшихся большими автономными правами не входитъ въ мою задачу: отмѣчу здѣсь только, что за немногими исключеніями (А. Б. Бутурлинъ, — Рига, 1742 г.; генералъ-лейт. кн. Влад. Долгоруковъ, — Рига: вице-губ. 1742—53 гг., губерн. 1758—62 гг.; Ревель — губернаторъ, 1753—1758 гг.; вице-адм. Полянскій, — Ревель, 1758 г.; гр. И. И. Мусинъ-Пушкинъ, — Ревель, 1735 г.,) начальниками этихъ губерній были люди не русскаго происхожденія.

губерній. Военный элементъ замѣтенъ и въ другихъ губерніяхъ, которыя еще не вполнѣ успѣли потерять въ то время своего пограничнаго значенія: Бѣлгородской, Астраханской и Архангельской. Замѣтенъ онъ и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ; такъ среди начальниковъ Новгородской губерніи, носившихъ часто только званіе вице-губернаторовъ, встрѣчаются и гражданскіе и военные чины; изъ правителей, сразу получившихъ званіе губернатора, можно отмѣтить ген.-м. Салтыкова (1744—53 гг.) ген.-м. кн. Григ. Мещерскаго (1760—66 гг.) и, наконецъ, знаменитаго Я. Е. Сиверса, управлявшаго этой губерніей съ 1764 года.

Итакъ, разбирая составъ правителей различныхъ губерній, съ чисто внѣшней стороны можно уловить нѣсколько характерныхъ чертъ: во-первыхъ, губернская администрація нѣкоторыхъ губерній, въ особенности Московской и Казанской, выдѣляется, по крайней мѣрѣ, до половины столѣтія своею знатностью; во-вторыхъ, военные чины среди губернаторовъ встрѣчаются не равномѣрно повсюду, но преобладаютъ тамъ, гдѣ и самый край имѣетъ военное значеніе; въ-третьихъ, нигдѣ не видно, чтобы губернаторъ или самостоятельный вице-губернаторъ имѣлъ тѣсную личную связь съ управляемымъ краемъ или съ мѣстнымъ обществомъ. Мнѣ припоминается только одинъ примѣръ, когда во главѣ губерніи было поставлено лицо, завѣдомо принадлежавшее къ мѣстной и притомъ довольно обособленной дворянской корпораціи: это былъ Смоленскій губернаторъ и Смоленскій шляхтичъ д. с. с. Исай Захаровичъ Аршеневскій, правившій Смоленской губерніей въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; но Аршеневскій былъ, какъ мы увидимъ ниже, однимъ изъ самыхъ неудачныхъ губернаторовъ.

Генералъ-губернаторство, равно какъ управленіе губерніей составляли обычно, одинъ изъ эпизодовъ долгой и успѣшной служебной дѣятельности, чаще военной, иногда гражданской, нерѣдко придворной. Приведемъ нѣсколько примѣровъ служебной карьеры, приводившей къ полученію губернаторскаго мѣста. Губернаторы первой половины изучаемаго періода часто начинали службу въ суровой школѣ Петра. Такъ, А. И. Панинъ (род. въ 1675 г., умеръ въ 1762 г.), бывшій въ 1727—1730 гг. Смоленскимъ губернаторомъ, началъ службу въ 1692 г. комнатнымъ стольникомъ и офицеромъ Семеновскаго полка, въ которомъ въ 1709 г. дослужился до чина капитанъ-поручика; въ 1715 г. въ чинѣ капитана былъ смотрителемъ работъ въ Ораніенбаумѣ и Кронштадтѣ, въ 1718 г. подписался подъ приговоромъ по дѣлу царевича Алексѣя, въ 1720 г. назначенъ былъ Смоленскимъ вице-губернаторомъ; 7 лѣтъ спустя онъ сталъ губернаторомъ той же губерніи, въ 1733 году сдѣлался Московскимъ сенаторомъ, а съ 1734 по 1740 годъ занималъ должность президента ревизіонъ-коллегіи, послѣ чего былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ[1]).

Егоръ Ивановичъ Пашковъ, сынъ стольника, началъ службу денщикомъ при Петрѣ; около 1709 года получилъ чинъ капитана гвардіи; уча-

[1]) Русскій біогр. Словарь, Павелъ — Петръ, 176.

ствовалъ въ извѣстномъ слѣдственномъ дѣлѣ Сибирскаго губернатора кн. Матвѣя Гагарина, въ 1722 году сталъ прокуроромъ военной коллегіи и въ качествѣ таковаго позднѣе производилъ слѣдствіе объ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ. Въ 1723 г. Пашковъ былъ назначенъ членомъ «вышняго суда» по дѣлу Шафирова, а въ 1727 году сдѣлался членомъ военной коллегіи; отсюда, годъ спустя, видимо, уже въ не молодыхъ годахъ, былъ назначенъ Воронежскимъ губернаторомъ, гдѣ оставался до 1734 года; въ 1739 году получилъ постъ Астраханскаго губернатора, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году[1]). Быть-можетъ, самымъ блестящимъ представителемъ молодыхъ сподвижниковъ Петра, которымъ суждено было въ теченіе долгой удачной службы послѣдовательно занимать нѣсколько должностей по областной администраціи, былъ генералъ-фельдмаршалъ графъ А. Б. Бутурлинъ (1694—1767 гг.), начавшій службу солдатомъ гвардіи въ 1714 году и учившійся въ только что основанной Морской академіи. Въ 1735—1740 годахъ онъ дѣятельно и заботливо управлялъ Смоленской губерніей и былъ однимъ изъ первыхъ администраторовъ XVIII столѣтія, пытавшихся обратить вниманіе высшаго правительства на недочеты областного строя, созданнаго реформой 1727 года; произведенный при Аннѣ Леопольдовнѣ въ генералъ-лейтенанты и назначенный генералъ-кригсъ-комиссаромъ, онъ въ теченіе своей послѣдующей уже чисто военной карьеры управлялъ недолгое время (въ 1741—42 гг.) балтійскими губерніями и командовалъ въ нихъ войсками[2]). Среди губернаторовъ второй четверти XVIII столѣтія были и люди еще болѣе стараго поколѣнія, подобно фельдмаршалу Шереметеву или первому графу Толстому, начавшіе свою службу задолго до эпохи преобразованій; къ числу такихъ принадлежалъ, напримѣръ, князь Алексѣй Андреевичъ Оболенскій, родившійся въ 1664 году. Послѣ долгой военной службы, въ которой онъ дослужился до должности оберштеръ-кригсъ-комиссара, онъ занималъ въ 1737—43 гг. должность вице-губернатора и потомъ губернатора въ Архангельскѣ[3]). А. Ѳ. Бредихинъ, бывшій въ 1729—1730 гг. Смоленскимъ губернаторомъ, а въ 1743 году вновь назначенный губернаторомъ туда же, былъ стольникомъ еще до 1686 года[4]). Къ этому же разряду лицъ слѣдуетъ причислить другого Бутурлина, Сибирскаго губернатора, уволеннаго отъ службы въ 1742 году послѣ долголѣтней службы[5]), и Ивана Петровича Измайлова, отправленнаго въ 1697 году за границу уже не мальчикомъ и послѣ долгой службы въ гвардіи занявшаго въ 1727 году мѣсто Воронежскаго губернатора, затѣмъ оберъ-гофмаршала при возвращенной внукомъ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ и, наконецъ, въ 1731—35 гг. Астраханскаго губернатора[6]).

---

[1]) Русскій біогр. Словарь, Павелъ — Петръ, 440—441.

[2]) Русскій біогр. Словарь, Бетанкуръ — Бякстеръ, 535—538.

[3]) Русскій біогр. Словарь, Обезьяниновъ — Очкинъ, 19.

[4]) Русскій біогр. Словарь, Бетанкуръ — Бякстеръ, 339.

[5]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 162, ч. II.

[6]) Русскій біогр. Словарь, Ибакъ — Ключаревъ, 67.

Такими же людьми «на ходу», спеціалистами службы, людьми карьеры, подобно сейчасъ упомянутымъ и подобно другимъ, еще болѣе крупнымъ и извѣстнымъ лицамъ, каковы, напримѣръ, А. И. Румянцевъ, Г. П. Чернышевъ, Долгорукіе, Салтыковы, — Семенъ Андреевичъ и Василій Ѳедоровичъ, — были и многіе начальники губерній третьей четверти вѣка. Примѣромъ можетъ служить долгая, богатая событіями, дѣятельность д. т. совѣтника Ѳ. И. Соймонова (1682—1780 гг.), бывшаго въ 1757—1763 гг. Сибирскимъ губернаторомъ. Начавъ служить при Петрѣ во флотѣ, онъ съ 1719 по 1727 годъ описывалъ и изучалъ берега Каспійскаго моря, а потомъ занималъ рядъ высокихъ административныхъ должностей въ Балтійскомъ флотѣ. Его гражданская служба началась въ 1736 г. и была не менѣе сложной и дѣятельной; онъ служилъ въ Сибирскомъ приказѣ, исполнялъ различныя командировки въ Калмыцкой ордѣ, былъ оберъ-прокуроромъ сената; замѣшанный въ дѣлѣ Волынскаго, онъ былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ остался жить и послѣ прощенія въ 1742 г. и гдѣ выдвинулся при губернаторѣ Мятлевѣ, тоже морякѣ, назначенномъ туда въ чинѣ контръ-адмирала. Окончилъ свою службу Соймоновъ сенаторомъ[1]). Князь Сергѣй Алексѣевичъ Голицынъ, бывшій Московскимъ губернаторомъ въ 1753—1756 гг. началъ службу въ Семеновскомъ полку съ 1707 года, потомъ служилъ въ армейскихъ полкахъ, былъ камергеромъ при великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, потомъ съ 1735 по 1753 г. занималъ мѣсто по монетной канцеляріи[2]). Назову еще Ивана Онуфріевича Брылкина, начавшаго службу камеръ-пажемъ при Аннѣ Ивановнѣ. Сосланный въ концѣ 30-хъ годовъ въ Казанскую губернію, онъ успѣшно продолжалъ службу при Елизаветѣ Петровнѣ сначала оберъ-прокуроромъ Сената; съ 1745 года въ теченіе болѣе 10 лѣтъ онъ занималъ должность Астраханскаго губернатора, а позднѣе, до своей отставки въ 1764 году, состоялъ сенаторомъ[3]). Такими же примѣрами могутъ служить оберштеръ-кригсъ-комиссаръ, потомъ, въ 60-хъ годахъ Нижегородскій губернаторъ ген.-м. Яковъ Степановичъ Аршеневскій[4]), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ названнымъ выше его однофамильцемъ, и извѣстные администраторы Екатерининскаго времени въ родѣ Щербинина, Сиверса и другихъ. Отличіе въ характерѣ службы Екатерининскихъ губернаторовъ и ихъ коллегъ второй четверти вѣка, заключается развѣ лишь въ томъ, что теперь чаще встрѣчаются лица, которыя въ родѣ помянутаго сейчасъ Брылкина или, наконецъ, знаменитаго Я. Е. Сиверса[5]), возвысились, служа почти все время въ гражданской службѣ; впро-

---

[1]) Русскій біогр. Словарь, Смѣловскій — Суворинъ, 44—48.

[2]) Герольдм. канц. кн. 454, л. 716.

[3]) Русскій біогр. Словарь, Бетанкуръ — Бякстеръ, 391—392; записки князя *Я. П. Шаховского*, 34.

[4]) Кн. *Я. П. Шаховской*, записки, 108, 109, 113.

[5]) О первыхъ годахъ дѣятельности Сиверса, см. *Д. Иловайскаго*. Графъ Я. Сиверсъ. Сочиненія, изд. 1884 г., стран. 448—464; Сиверсъ попалъ въ военную службу на 25 году жизни и то на очень короткое время.

чемъ, и въ Екатерининское царствованіе такіе губернаторы составляютъ меньшинство.

Въ XVIII столѣтіи администраторамъ не давалось спеціальной подготовки ни образовательной ни служебной. Такая подготовка замѣнялась служебнымъ опытомъ, почерпнутымъ изъ практики и пріобрѣтеннымъ при дворѣ, на военной службѣ и при исполненіи различнаго рода порученій. Біографическія данныя о губернаторахъ, приведенныя выше, могутъ дать нѣкоторое представленіе о практичной подготовкѣ губернатора XVIII вѣка къ управленію часто очень большой областью имперіи. Военную службу или службу при дворѣ проходилъ каждый изъ нихъ: первая пріучала къ дисциплинѣ, но могла въ то же время заставить смотрѣть на управляемыхъ, какъ на военную команду; вторая давала дипломатическую подготовку, не безполезную для мѣстныхъ отношеній. Собственно, административный опытъ пріобрѣтался дѣятельностью, наступавшей послѣ военныхъ или придворныхъ дебютовъ. И здѣсь получаемые результаты могли быть очень различны. Несомнѣнно, какой-нибудь Соймоновъ, проведшій 20 лѣтъ ссылки и службы въ Сибири, былъ болѣе подготовленъ управлять этимъ краемъ, чѣмъ, напримѣръ, прокуроръ и вице-президентъ мануфактуръ-коллегіи и потомъ генералъ-рекетмейстеръ А. Бибиковъ, Иркутскій вице-губернаторъ въ 1736—39 гг., или чѣмъ генералъ И. А. Шиповъ, управлявшій Сибирью въ 1740—42 гг., который передъ тѣмъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ Малороссіи и если касался Сибирскихъ дѣлъ, то развѣ только участвуя въ слѣдственной комиссіи надъ прославившимся взятками Сибирскимъ вице-губернаторомъ Жолобовымъ[2]). И въ назначеніяхъ на губернаторскія мѣста въ Европейской Россіи бывали иногда неожиданности. Такъ камергеръ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, начавшій службу во флотѣ и продолжавшій ее при дворѣ правительницы Анны Леопольдовны, былъ назначенъ въ 1742 г. посланникомъ въ Испаніи. Не отправленный къ мѣсту назначенія, потому что въ Мадридѣ медлили со своей стороны назначить посланника при Петербургскомъ дворѣ, онъ вдругъ былъ сдѣланъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Пробывъ тамъ годъ съ небольшимъ (1743—45 гг.), Пушкинъ былъ опять переведенъ на дипломатическое поприще и въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ былъ представителемъ Россіи въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, а затѣмъ столь же внезапно былъ опредѣленъ Воронежскимъ губернаторомъ на постъ, который онъ не покидалъ до 1762 года[3]). Впрочемъ, такое своеобразное смѣшеніе губернаторства со службой за границей встрѣчалось рѣдко; чаще всего и, надо думать, это было лучшимъ способомъ подготовки къ управленію обширнымъ краемъ,—будущіе губернаторы занимали второстепенныя мѣста по центральному управленію, въ коллегіяхъ или при сенатѣ, исполняли экстренныя порученія въ родѣ участія въ крупныхъ слѣдственныхъ комис-

---

[1]) Русскій біогр. Словарь, Бетанкуръ — Бяктеръ, 20—21.

[2]) Русскій біогр. Словарь, Шебановъ — Шютцъ, 293—295.

[3]) Русскій біогр. Словарь, Притвицъ — Рейсъ, 392—393.

сіяхъ, наблюденія за какими-нибудь работами и т. п. Такого рода практическая подготовка, конечно, была случайной, но служебный опытъ у лицъ, которымъ ввѣрялось самостоятельное и отвѣтственное управленіе обширными тогдашними губерніями все-таки былъ и, пытаясь дать оцѣнку личному составу губернаторовъ XVIII вѣка, мы не должны его игнорировать. Недостатокъ подготовки къ административной дѣятельности могъ въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣняться природнымъ тактомъ и врожденными талантами, и нельзя сказать, чтобы среди губернскихъ администраторовъ не было людей одаренныхъ и даже созданныхъ для того, чтобы управлять. Припомнимъ изъ Московскихъ губернаторовъ Юсупова, изъ Смоленскихъ Бутурлина; цѣлую плеяду талантливыхъ и энергичныхъ устроителей юго-восточной окраины Кирилова, Татищева и Неплюева; Сибирскаго губернатора Соймонова; губернаторовъ Екатерининскихъ временъ — Новгородскаго Сиверса и Слободско-Украинскаго Щербинина. Но губернскія назначенія, особенно въ царствованіе Анны и, пожалуй, Елизаветы, далеко не всегда были сообразованы съ дѣйствительными нуждами тѣхъ областей, куда посылался новый правитель; придворныя интриги, послѣдствія господства случайныхъ людей, давали себя чувствовать гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало бы, и въ начальники крупныхъ областей попадали и сами «случайные» люди, и люди «злые и глупые», какъ гр. П. С. Салтыковъ, и люди «пронырливые, злые и мстительные», какъ кн. Н. Ю. Трубецкой[1]).

Придя къ заключенію, что практическій служебный опытъ былъ главнымъ и почти единственнымъ способомъ подготовки начальниковъ губерній, нельзя не отмѣтить еще одного обстоятельства, которое для той же подготовки имѣло скорѣе положительное значеніе. Полученіе губернаторскаго мѣста наступало, обычно, тогда, когда опытъ служебный бывалъ опытомъ долголѣтнимъ и когда онъ подкрѣплялся опытомъ жизненнымъ; обычно, въ губернаторы попадали уже переваливъ за полвѣка: такіе случаи, какъ назначеніе Волынскаго въ Казань около сорока лѣтъ отъ роду, Юсупова въ Москву на сорокъ второмъ году, Бутурлина въ Смоленскъ на сорокъ первомъ, Брылкина въ Астрахань тридцати шести лѣтъ и Сиверса въ Новгородъ тридцати двухъ лѣтъ, скорѣе исключенія, чѣмъ правило.

Независимость нравственная, т.-е. чувство долга, соединенное съ чувствомъ собственнаго достоинства, и независимость матеріальная — отсутствіе необходимости служить во что бы то ни стало и при какихъ бы то ни было условіяхъ,—составляютъ, конечно, огромный плюсъ для всякаго правителя. Но объ этихъ качествахъ въ примѣненіи къ русскимъ администраторамъ XVIII вѣка не приходится много распространяться. Люди, раболѣпствовавшіе передъ всѣми случайными людьми, которыми такъ богата изучаемая эпоха, ползавшіе передъ Бирономъ, льстившіе Разумовскимъ и Шуваловымъ, кланявшіеся Орловымъ, — а не дѣлать этого

---

[1]) *Щербатовъ*, о поврежденіи нравовъ въ Россіи (Лейпцигъ, 1876 г.) 62.

значило рисковать лишиться выгоднаго мѣста, — не могли обладать большой нравственной независимостью. Независимость матеріальная при общихъ условіяхъ службы, господствовавшихъ до 1762 года, когда служба еще продолжала быть повинностью, а отставка милостью, особеннаго значенія имѣть не могла. Да впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя вывести какихъ-нибудь общихъ заключеній. По большей части, губернаторы XVIII вѣка были люди обезпеченные, обладавшіе состояніями родовыми или полученными милостями двора; удачное губернаторство, — я совершенно исключаю въ данный моментъ мысль о какихъ-либо злоупотребленіяхъ, — могло повести къ новымъ наградамъ, въ видѣ сотенъ душъ и тысячъ десятинъ. Не говоря о состояніяхъ тѣхъ губернаторовъ, которые помимо своей дѣятельности по областному управленію оставили слѣдъ въ общегосударственной и въ придворной жизни того времени, можно и среди губернаторовъ менѣе замѣтныхъ, встрѣтить людей не только обезпеченныхъ, но и богатыхъ; такъ, напримѣръ, генералъ Артемій Григорьевичъ Загряжскій, бывшій Казанскимъ губернаторомъ при Елизаветѣ (1742—48 гг.) владѣлъ изряднымъ состояніемъ въ 2215 душъ[1]; Астраханскій и Воронежскій губернаторъ генералъ И. П. Измайловъ (1728—29 гг.) имѣлъ до 1000 душъ[2]; губернаторы-бѣдняки въ то время почти не встрѣчаются.

Практическая подготовка, даваемая жизнью, и служебный опытъ, пріобрѣтенный годами, остаются основными положительными чертами представителей высшей губернской администраціи XVIII вѣка. При всѣхъ недостаткахъ какъ среды, изъ которой они выходили, такъ и каждаго отдѣльнаго лица, наличность служебнаго опыта приводила къ тому, что начальники губерній должны были быть все же лучшими администраторами изучаемой эпохи. Отъ своихъ низшихъ коллегъ по мѣстному управленію губернаторы отличались еще и тѣмъ, что почти всѣ они должны были разсматривать губернаторство только какъ эпизодъ своей общей, часто очень разнообразной государственной службы; ихъ личные интересы были неразрывно связаны съ центральнымъ правительствомъ, съ дворомъ, со столицей; они были настоящіе бюрократы, не связанные съ мѣстнымъ обществомъ и всегда оглядывавшіеся на столицу. Это обстоятельство будетъ вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ, что начальники губерній были высшимъ звеномъ той самой областной администраціи, которую центральное правительство такъ упорно хотѣло держать въ своихъ рукахъ, стараясь регламентировать каждый ея шагъ, лишая ее всякой самостоятельности. Можно, кажется, теперь сказать, что въ отношеніи къ высшему звену правительство, связавъ губернаторовъ съ центромъ, отчасти достигло намѣченной цѣли; мы увидимъ далѣе, что это было только отчасти, потому что громадная власть, даваемая губернаторамъ надъ подчиненной имъ низшей администраціей и надъ населеніемъ, открывала путь къ широ-

---

[1]) Сенатскій Архивъ, VII, 637.

[2]) Сенатскій Архивъ, VII, 653.

кому произволу и превращала губернаторовъ изъ чиновниковъ, подчиненныхъ столичному правительству, въ фактическихъ властелиновъ своей губерніи.

Предположимъ на одну минуту, что законъ 1730 года о двухлѣтнемъ срокѣ воеводскихъ полномочій дѣйствовалъ вполнѣ правильно до 1745 года; принимая во вниманіе, что имперія распадалась на 30 слишкомъ провинцій, которыми правили воеводы съ товарищами, и болѣе чѣмъ на 160 уѣздовъ, во главѣ которыхъ стояли воеводы, мы должны будемъ придти къ заключенію, что ежегодно требовалось отъ 100 до 120 кандидатовъ для замѣщенія упомянутыхъ сейчасъ должностей; но законъ дѣйствовалъ неправильно, и приведенную цифру можно разсматривать только какъ максимумъ, до котораго въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ могла дойти нужда въ кандидатахъ на должности по мѣстному управленію. На самомъ дѣлѣ, даже если присоединить къ воеводамъ и ихъ товарищамъ еще губернаторскихъ товарищей и офицеровъ при подушномъ сборѣ, число ежегодныхъ вакансій по провинціальному и городовому управленію должно было выражаться, въ среднемъ, въ полусотнѣ или немногимъ болѣе того; съ отмѣной закона о двухлѣтнемъ срокѣ воеводскихъ полномочій вакансій стало, конечно, еще меньше. Требуемое количество кандидатовъ и бралось преимущественно изъ грандіознаго резерва, который состоялъ на учетѣ герольдмейстера.

Приступая къ характеристикѣ тѣхъ областныхъ правителей, которые замѣщались черезъ посредство герольдмейстера, приходится прежде всего выяснить, насколько назначеніе на должность воеводы или воеводскаго товарища было заманчивымъ и насколько служба по областному управленію была добровольной и пріятной. Съ одной стороны, служба—повинность, хотя и смягченная манифестомъ 31 декабря 1736 г.[1]), сохранялась еще до 1762 года; какими терніями была обставлена воеводская служба, мы уже видѣли въ предыдущей главѣ; съ другой стороны, полученіе воеводскаго мѣста означало возвращеніе на дѣйствительную службу, полученіе жалованья и перспективу различныхъ «акциденцій», которыя могли всякое воеводство сдѣлать похожимъ на старорусское кормленіе. Таковы данныя, которыми мы располагаемъ; для окончательнаго рѣшенія поставленнаго вопроса слѣдуетъ имѣть въ виду, что назначеніе на должность въ провинцію или уѣздъ не зависѣло вполнѣ отъ желанія или нежеланія даннаго лица занять это мѣсто. Распорядительницею дѣла была герольдмейстерская контора, которая могла извлечь данное лицо изъ безконечныхъ списковъ кандидатовъ на гражданскія должности, и могла забыть о немъ; она имѣла также полную возможность назначать и на выгодныя и на невыгодныя мѣста. Отставной офицеръ, болѣе всего желавшій, чтобъ его оставили въ покоѣ доживать вѣкъ въ деревнѣ, могъ вдругъ получить назначеніе, самое далекое и самое хлопотливое. Другой, жаждавшій стать воеводой, отправлялся выколачивать доимку, понуждать нерадивыхъ

---

[1]) П. С. З., IX, № 7142.

правителей или вести слѣдствіе о проворовавшемся воеводѣ. Какіе сюрпризы ожидали кандидатовъ на гражданскія должности, можетъ показать слѣдующій случай. Съ 1715 года въ военной службѣ служилъ «безпорочно и безотлучно, былъ во многихъ походахъ, штурмахъ и акціяхъ и при взятіи непріятельскихъ городовъ и команду имѣлъ за бригадира» Иванъ Любимовичъ Полянскій. На 33-мъ году службы, за старостью и за болѣзнью, онъ былъ уволенъ «съ награжденіемъ ранга статскаго совѣтника и для излѣченія болѣзни отпущенъ въ свое имѣнье въ Рыльскій уѣздъ». Не прошло двухъ лѣтъ, какъ вдругъ Полянскаго назначили вести слѣдствіе въ Вятку, а когда онъ пытался уклониться отъ такого назначенія, то его приказано было взять силою, а въ случаѣ, если сопротивленіе его стало бы продолжаться, то даже отписать его имѣніе[1]).

Думается, что проситься на опредѣленную должность, напримѣръ на воеводство, не всегда было дѣломъ безопаснымъ; просились въ воеводы, а могли попасть куда-нибудь къ подушному сбору или слѣдствію. Вотъ, вѣроятно, чѣмъ приходится объяснять то обстоятельство, что въ дѣлахъ герольдмейстерской конторы, касающихся назначенія на должности, прошенія о назначеніи на опредѣленныя мѣста встрѣчаются рѣдко. Люди, желавшіе получить мѣсто по гражданской службѣ, но не имѣвшіе особыхъ зручекъ и связей и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожные, подавали герольдмейстеру прошенія болѣе общаго характера, гдѣ ходатайствовали объ опредѣленіи «къ гражданскимъ дѣламъ» безъ обозначенія желаемаго мѣста[2]). Люди болѣе энергичные и болѣе цѣпкіе, имѣвшіе руку въ столицѣ, для полученія желаннаго мѣста предпочитали, вѣроятно, путь личныхъ ходатайствъ и хлопотъ. На это есть цѣлый рядъ указаній. Во-первыхъ герольдмейстерская контора, представляя кандидатовъ на воеводскія должности въ сенатъ, выдѣляетъ кандидатовъ «наличныхъ» отъ «заочныхъ», и почти всегда мѣсто достается тѣмъ, кто самъ отстаиваетъ свое дѣло въ столицѣ[3]). Но есть еще болѣе ясные слѣды личныхъ ходатайствъ. Въ мартѣ 1738 года въ герольдмейстерской конторѣ подалъ сказку съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ своихъ служебныхъ дѣлъ «изъ дворянъ» Алексѣй Матвѣевъ Рокотовъ, обрѣтающійся не у дѣлъ, «а въ нынѣшнемъ 738 году пріѣхалъ онъ въ Санктпетербургъ для своихъ нуждъ, квартиру имѣетъ за Фонтанной рѣчкой въ домѣ шталмейстера Кошелева, крестьянъ за нимъ 180 душъ, жительство имѣетъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ». Рокотовъ получилъ мѣсто воеводы въ Гороховцѣ, неподалеку сравнительно отъ своего «жительства»[4]). Иной разъ пускались въ ходъ косвенные пути; такъ въ томъ же 1738 году бывшій Саранскій воевода Иванчинъ, чтобы напомнить о себѣ, ходатайствовалъ въ герольдмейстерской конторѣ о справкѣ, не числится ли за нимъ какихъ-либо начетовъ по Пензенской провинціаль-

---

[1]) Дѣла сената кн. 51/267, лл. 188—189, 191—193, 278.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 1239, 1240; кн. 506, лл. 16—21, 22, 39—48, 112; кн. 584.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 56—68.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 206, л. 187; аналогичные примѣры лл. 563—564, 881.

ной канцеляріи[1]). Отсутствіе начетовъ было, какъ извѣстно, непремѣннымъ условіемъ полученія новаго воеводскаго мѣста.

За всѣмъ этимъ не слѣдуетъ думать, чтобы герольдмейстеру не подавалось вовсе прошеній съ совершенно опредѣленными пожеланіями устройства своей судьбы, съ обозначеніемъ не только желаемой должности, но и мѣстности, въ которой хотѣли ее занять. Я думаю только, что эти прошенія, какъ я уже говорилъ выше, въ общемъ довольно рѣдкія, подавались, когда были особые шансы на удовлетвореніе ходатайства, т.-е. когда этому могла помочь сильная рука и протекція. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1728 году маіоръ Данило Сиьорсьій, назначенный въ Чаронду, билъ челомъ «за болѣзньми и отдаленностью деревень» о переводѣ его въ Можайскъ или Рузу; ходатайство было удовлетворено[2]). Въ 1738 году въ городъ Цивильскъ былъ назначенъ воеводой маіоръ Рогинскій; оказалось, однако, что произошла ошибка и что въ Цивильскъ уже назначено ранѣе другое лицо; тогда Рогинскій попросился на воеводство въ Казанскій пригородокъ Билярскъ и получилъ желаемое мѣсто[3]). Около того же времени у герольдмейстерскихъ дѣлъ билъ челомъ поручикъ Михаилъ Кологривовъ: въ 1733 году, въ ноябрѣ, былъ онъ назначенъ воеводой въ Старый Осколъ, но за дальностью пути и по невѣдѣнію указа о томъ, чтобы воеводы вступали непремѣнно въ должность съ 1-го января, онъ не успѣлъ пріѣхать къ смѣнѣ и прибылъ только въ концѣ 1734 года; такимъ образомъ, фактически, до своей смѣны 1 января 1736 года, онъ пробылъ въ должности всего только одинъ годъ съ нѣсколькими днями. Прибывъ послѣ счета въ Бѣлгородской губернской канцеляріи въ Москву «и въ ту пору взятъ на площади въ губернскую канцелярію и посланъ былъ безвременно съ драгунскими лошадьми въ армію и былъ въ оной посылкѣ многое время на своемъ коштѣ». «А въ прошломъ 737 году велѣно мнѣ быть оной же губерніи въ городѣ Корочѣ воеводой, а въ показанномъ городѣ Корочѣ у показаннаго дѣла за ссорами съ тамошними обывателями быть мнѣ невозможно того ради: въ ономъ городѣ и уѣздѣ живутъ въ бѣгахъ бѣглые мои крестьяне; также съ братомъ моимъ двоюроднымъ Аѳанасьемъ Кологривовымъ у тамошнихъ обывателей сосѣдскія деревенскія ссоры и канцелярскія дѣла, за что я и за брата своего съ ними ссорился». Столь вѣскія обстоятельства заставляютъ вновь назначеннаго воеводу просить избавить его отъ воеводства въ Корочѣ, «а ежели надлежитъ — повелѣно бъ мнѣ быть въ прежде опредѣленномъ, въ которомъ я былъ невступно одинъ годъ, въ городѣ Старомъ Осколѣ или въ которомъ Ваше Императорское Величество укажетъ». И ходатайство это было удовлетворено: Кологривовъ возвратился въ Старый Осколъ[4]). Такъ хлопоты и вѣроятная помощь столичныхъ друзей помогали устраиваться по своему желанію. Рѣже,

[1]) Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 56—68.
[2]) Герольдм. конторы, кн. 98, л. 113.
[3]) Герольдм. конторы, кн. 206, л. 255.
[4]) Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 302—303.

но все же наблюдались примѣры, когда воеводскія мѣста добывались покровительствомъ областного начальства. Въ 1741 году Рязанская провинціальная канцелярія прислала въ сенатъ слѣдующее донесеніе: «Въ прошломъ 1740 году велѣно въ той провинціи быть при воеводѣ въ товарищахъ отставному поручику Емельяну Язвинцеву, который съ пріѣзда своего въ оную провинцію обращается всегда боленъ и за тѣмъ во исправленіи всякихъ дѣлъ чинится остановка, а въ той провинціи имѣетъ быть изъ шляхетства секретарь Иванъ Алсуфьевъ, который въ товарищахъ при воеводѣ быть достоинъ». Провинціальныя власти просили о замѣнѣ Язвинцева Алсуфьевымъ, и ихъ ходатайство было удовлетворено[1]).

Есть еще одно обстоятельство, которое не могло не оставаться безъ вліянія на степень добровольности службы по областному управленію и на степень заманчивости полученія воеводскаго мѣста. Въ предыдущей главѣ мнѣ приходилось указывать на случаи уклоненія отъ назначеній по областному управленію подъ предлогомъ старости, болѣзни и долгаго отсутствія изъ дому. Я думаю, что случаи, когда назначеніе получалъ человѣкъ, пожилой и утомленный жизнью, не были особенно рѣдкими; въ этомъ убѣждаютъ наблюденія надъ возрастомъ провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ. За время отъ 1727 года до конца 40-хъ годовъ я имѣю въ своемъ распоряженіи данныя о возрастѣ 98 провинціальныхъ воеводъ, 27 воеводскихъ товарищей и 234 городовыхъ воеводъ и кандидатовъ на воеводскія должности т.-е. всего 359 человѣкъ, составляющихъ, приблизительно, 25—30% полнаго числа лицъ, занимавшихъ второстепенныя должности по областному управленію. Каковы эти данныя, показываетъ приводимая здѣсь табличка[2]).

Возрастъ.	Число провинц. воеводъ и ихъ товарищей.	%	Число городовыхъ воеводъ.	%
Свыше 70	2	1,6%	—	—
60—70	12	9,6%	76	32,4%
50—60	75	60, %	106	45,3%
40—50	31	24,8%	46	19,8%
30—40	4	3,2%	6	2,5%
неизвѣстно	1	0,8%	—	—

Изъ нея видно, что до $^3/_4$ назначеній по обѣимъ категоріямъ приходятся на возрастъ между 50 и 70 годами, когда человѣкъ уже не можетъ не

---

[1]) Сен. Архивъ, III, 535—536.

[2]) Сенатскій Архивъ, VII, 636—811; сб. Р. И. О, CVI, 430—485, 577; Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 1—18; аналогичную картину открываютъ назначенія 1732 г., Герольдм. конторы, кн. 128, лл. 171—177, 261—276, 289—290, 325—342, 419—420, 440—442, 547—555, кн. 129;

чувствовать жизненнаго утомленія. Я долженъ, впрочемъ, добавить, что для нѣкоторыхъ лицъ возрастъ занятія воеводской должности долженъ быть еще повышенъ, такъ какъ относительно ихъ мы имѣемъ только точныя данныя о ихъ возрастѣ въ моментъ отставки отъ военной службы съ указаніемъ, что позднѣе они были назначены воеводами.

Почти къ такимъ же выводамъ приводитъ изученіе вѣдомости о воеводахъ», обрѣтающихся въ провинціяхъ и городахъ» въ 1745 году[1]); въ этой вѣдомости 185 именъ; по возрасту воеводы распредѣляются такъ:

Лѣта.	Число воеводъ.	%
Выше 70	1	0,5
60—70	23	12,4
50—60	66	35,5
40—50	60	32,3
30—40	27	15,1
20—30	6	3,2
неизвѣстны	2	1,1

Здѣсь средній возрастъ воеводъ нѣсколько ниже, но все же — половина воеводъ старше 50 лѣтъ, а изъ второй половины $^2/_3$ приходятся на возрастъ отъ 40 до 50 лѣтъ. Относительно лицъ моложе 40 лѣтъ почти всегда имѣются указанія, что они ранены, уволены отъ службы по болѣзни, слабы зрѣніемъ, неправильнаго сложенія и т. п. По условіямъ своей предыдущей службы всѣ воеводы 1745 года — бывшіе офицеры, служившіе на дѣйствительной военной службѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и уволенные отъ нея за неспособностью къ ея продолженію.

Принимая во вниманіе сравнительно преклонные годы, когда служилый человѣкъ XVIII вѣка могъ достигнуть воеводской должности, долгую и утомительную военную службу, которую онъ проходилъ ранѣе, и короткій отдыхъ, отдѣлявшій обѣ службы, но выпадавшій далеко не на долю каждаго, мы будемъ, думается мнѣ, въ правѣ предположить, что перспектива дальнѣйшаго отдыха и свободной жизни на старости лѣтъ въ своихъ вотчинахъ привлекала очень многихъ, дѣлая въ ихъ глазахъ всякое новое назначеніе на службу нежелательнымъ. Тяга въ деревню должна была быть противовѣсомъ стремленію устроиться на службѣ.

[1]) «Вѣдомость о обрѣтающихся нынѣ въ провинціяхъ и въ городѣхъ воеводахъ съ показаніемъ ихъ лѣтъ службы и за какими кто неспособностями отставлены, тако-жъ съ котораго году въ тѣхъ провинціяхъ и городахъ обрѣтаются». 1745 г. документъ этотъ относится какъ разъ къ тому моменту, когда былъ отмѣненъ законъ въ 1730 о срокахъ воеводскихъ полномочій. Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 228; схожая съ этой вѣдомость находится тамъ же въ дѣлѣ 230.

Манифестъ 31 декабря 1736 года, — первая ступень къ освобожденію дворянства отъ обязательной службы, — и начавшійся развиваться во второй четверти вѣка обычай записывать молодыхъ людей на службу чуть ли не со дня рожденія, чтобы какъ можно скорѣе получить право выйти въ отставку, должны были бы, кажется, повліять на омоложеніе воеводскаго состава въ третьей четверти столѣтія. Омоложеніе, дѣйствительно, происходитъ, но далеко не въ такой степени, какъ этого можно было бы ожидать. Въ первую половину 1762 года были представлены 124 кандидата на должности воеводъ и ихъ товарищей; выше 60 лѣтъ имѣли четверо, выше 50 — 21, выше 40 — 52, выше 30 — 35; ниже 30 — 12; такимъ образомъ, воеводскимъ возрастомъ по этимъ даннымъ, является по преимуществу 40—50 лѣтъ, при очень значительномъ пропорціональномъ увеличеніи воеводъ въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ[1]). Къ такимъ же приблизительно выводамъ приводитъ и наблюденіе надъ возрастомъ воеводъ, назначавшихся въ началѣ 70-хъ годовъ[2]). Приведемъ еще данныя о личномъ составѣ Клинской администраціи въ 1779 г. въ послѣдніе годы передъ образованіемъ новой Московской губерніи, когда составъ должностныхъ лицъ въ уѣздныхъ городахъ уже успѣлъ нѣсколько измѣниться подъ вліяніемъ частичныхъ нововведеній, заимствованныхъ изъ учрежденія для управленія губерніями. Воеводѣ, коллежскому асессору Коростелеву, было 59 лѣтъ, казначею (новая должность), секундъ-маіору Языкову, — 55 лѣтъ, воеводскому товарищу, титулярному совѣтнику Милюкову, — 38 лѣтъ, «присланнымъ для экстраординарныхъ дѣлъ» поручику Севастьянову — 50 лѣтъ, прапорщику Всеволоцкому — 42 года[3]). Эти данныя не противорѣчатъ сдѣланнымъ выше наблюденіямъ. Можетъ возникнуть вопросъ, почему омоложеніе состава было сравнительно невеликимъ; отвѣтъ на него можетъ быть, по моему мнѣнію, таковъ: до того времени, когда стали сказываться результаты закона 1736 года и ранней записи на службу, отставка отъ военной службы наступала поздно и была отдѣлена отъ воеводства сравнительно небольшимъ періодомъ времени[4]). Позднѣе уволь-

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 506, 507, 508. Тѣ же картины въ 1761 г., кн. 501.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 584, 589.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 2.

[4]) О возрастѣ увольняемыхъ въ отставку военныхъ могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. Съ 1733 по 1738 г. изъ Преображенскаго полка были уволены къ статскимъ дѣламъ 131 человѣкъ, изъ Измайловскаго 142, изъ Коннаго 95 чел. Возрастъ увольняемыхъ распредѣляется слѣд. образомъ:

лѣта:	Преображ. п.	Измайлов. п.	Конный п.
выше 60	5	—	3
50—60	26	11	31
40—50	29	56	32
30—40	35	54	24
20—30	33	21	4
ниже 20	3	—	—

Наибольшее число уволено въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ (230 изъ 368, т.-е. 62, 5% Герольдм. конт., кн. 206, лл. 372—391.

няютъ въ болѣе молодыхъ годахъ. Безчисленныя и всегда почти удоле творяемыя прошенія о полной отставкѣ, подававшіяся до изданія манифеста 18 февраля 1762 года, показываютъ, что число увольняемыхъ до достиженія 30 лѣтъ было очень велико[1]; между тѣмъ, возрастъ назначенія въ воеводы не понизился далѣе пятаго десятка; очевидно удлинилось и, притомъ, значительно, время, протекавшее между отставкой отъ военной службы и полученіемъ воеводскаго мѣста.

Нѣкоторое омоложеніе воеводскаго состава должно было увеличить число возможныхъ кандидатовъ и при этомъ изъ числа людей энергичныхъ и не уставшихъ; но такое возможное увеличеніе продолжало имѣть противовѣсъ: хорошо извѣстно, какъ сильно увеличилась тяга дворянъ въ свои имѣнія послѣ изданія манифеста 18-го февраля. Наконецъ, раскрѣпощенное дворянство вступило въ золотой вѣкъ своей исторіи, тѣсно связанный съ привольной и беззаботной жизнью въ деревнѣ и это вотчинное приволье должно было отклонять многихъ отъ заманчивой въ другое время службы по назначенію отъ правительства.

Вопросъ о степени добровольности и заманчивости службы въ должности воеводы можетъ быть въ конечномъ итогѣ разрѣшенъ такимъ образомъ: пока дворянская служба продолжала носить характеръ повинности, на воеводство могли попадать люди, которые предпочли бы отдыхать и жить въ своихъ деревняхъ; постепенное развитіе дворянской вольности должно было отвлекать отъ чиновной службы всѣхъ тѣхъ, которымъ достаточное состояніе позволяло эту вольность осуществить, но за всѣмъ этимъ оставался еще очень большой запасъ людей, всегда готовыхъ предложить свои услуги для службы по мѣстному управленію, и для этого запаса, навѣрно превышавшаго число открывавшихся вакансій, полученіе мѣста воеводы или воеводскаго товарища, хотя бы въ самомъ скромномъ уголкѣ, всегда оставалось самой желанной перспективой.

Мы уже знаемъ, что правительство Анны и Елизаветы принимало особыя мѣры, чтобы имѣть въ своемъ непосредственномъ распоряженіи извѣстное количество кандидатовъ на гражданскія должности, и установило для этой цѣли особый комплектъ въ 120 человѣкъ, погодно жившихъ въ обѣихъ столицахъ[2]; кромѣ этихъ лицъ, другія, искавшія назначеній, пріѣзжали въ столицы и лично хлопотали о своихъ дѣлахъ. Но наличныхъ, бывшихъ подъ рукой, кандидатовъ, которыхъ можно было послать куда угодно, не хватало, и правительству очень часто приходилось назначать на должности по областному управленію дворянъ, ожидавшихъ назначеній по своимъ имѣніямъ. Можно заранѣе сказать, что вопросъ объ извѣстномъ соотвѣтствіи между мѣстомъ жительства и ожиданія, съ одной стороны,

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 506: въ ней много примѣровъ, относящихся къ январю и февралю 1762 г.; тоже самое и позднѣе: кн. 585, лл. 751—755 (1771 г.).

[2]) П. С. З., VIII, № 5840, X, № 7858; Курмышской воевод. канц. оп. 4, вяз. 3, д. 349. л. 175.

и мѣстомъ назначенія, съ другой, долженъ былъ въ той или другой формѣ предстать передъ администраторами XVIII вѣка. Здравый смыслъ подсказывалъ, что на воеводства по южной границѣ было удобнѣе назначать изъ помѣщиковъ Бѣлогородской или Воронежской губерніи, а въ сѣверное поморье посылать изъ Галицкой или Вологодской провинціи. Если происходило иное, если куда-нибудь въ нижнее Поволжье отправляли Псковскаго помѣщика, а Смоленскаго шляхтича назначали въ Вятку, то на увѣдомленіе о назначеніи, на сборы и путешествіе къ мѣсту службы уходило слишкомъ много времени, и административная машина, безъ того непростая, усложнялась еще болѣе. Воеводы, хотя и назначаемые напередъ за нѣсколько мѣсяцевъ до срока вступленія въ должность, опаздывали, не пріѣзжали во-время, подобно недавно упомянутому Кологривову, и нарушали, такимъ образомъ, расчеты правительства и закономѣрный ходъ службы. Сама жизнь подсказывала необходимость соразмѣрять мѣсто назначенія съ разстояніемъ, отдѣлявшимъ его отъ постояннаго мѣста жительства назначаемаго, и опредѣлять на воеводства людей, владѣвшихъ землями въ близкихъ сравнительно мѣстностяхъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Просматривая данныя о службѣ тѣхъ 359 воеводъ и воеводскихъ товарищей второй четверти столѣтія, возрастъ которыхъ намъ извѣстенъ, приходится отмѣчать довольно любопытное явленіе: 114 изъ нихъ, т.-е. немногимъ менѣе трети, получили воеводство надъ уѣздомъ смежнымъ съ тѣмъ, гдѣ была расположена ихъ недвижимость и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, такая, въ которой они сами имѣли пребываніе; если же къ этимъ присоединить другихъ, получившихъ должность не въ сосѣднихъ уѣздахъ, но все же поблизости, то приведенная выше цифра еще увеличится[1]). Если логически развивать высказанную сейчасъ мысль о томъ, что правительству было выгоднѣе и удобнѣе назначать на мѣста по областному управленію дворянъ, помѣстья которыхъ лежали сравнительно неподалеку отъ мѣста ихъ будущей службы, то слѣдуетъ признать, что самымъ удобнымъ было бы назначать на воеводскія мѣста изъ дворянъ той провинціи или уѣзда, гдѣ открывалась должностная вакансія. Такія, однако, явленія не должны были имѣть мѣсто, потому что этому мѣшали нѣкоторыя формальныя препятствія. Еще Соборное Уложеніе стѣсняло нѣсколько гражданскія права какъ воеводъ, такъ и приказныхъ людей въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ они служили, запрещая имъ брать «на кого служилыя кабалы въ тѣхъ же городѣхъ»[2]). Въ самомъ концѣ суроваго царствованія Анны Ивановны, 23 іюня 1740 года, правительство еще разъ выступило съ ограниченіемъ правъ мѣстныхъ правителей, на этотъ разъ даже съ болѣе широкими. Новый законъ былъ снабженъ интересной мотивировкой, позволяющей объяснить себѣ весь смыслъ какъ этого, такъ и предшествующихъ законовъ, стѣснявшихъ права лицъ, служившихъ по областному управленію. Указъ 1740 года начи-

[1]) Сенатскій Архивъ, VII, 636—811; Сбор. Р. И. О., CVI, 430. 485, 557; Герольдм. конторы, кн. 206, л.л. 1—18.

[2]) Ул., XX, 58.

нается съ указанія на то, что «губернаторы, воеводы и прочіе судьи, такожъ секретари и канцелярскіе служители, въ противность Уложенія деревни и земли и прочія недвижимыя имѣнія на свои и постороннихъ надежныхъ имъ людей, такожъ и женъ и дѣтей своихъ имена покупаютъ и въ закладъ берутъ у такихъ дворянъ и другихъ чиновъ людей, которые сами и ихъ всѣ имѣнія въ полной ихъ командѣ имѣются». Между тѣмъ, продавцы и закладывающіе, какъ оказывается, поступаютъ не по своей волѣ. Многочисленныя челобитія показываютъ, что правители всѣхъ ранговъ, «отымая у нихъ имѣній приметками и нападками своими держали ихъ безвинно многія времена за крѣпкими караулами, а иныхъ въ тюрьмахъ вмѣстѣ съ ворами и разбойниками, и для того принуждены свои деревни за малую цѣну, а иные и безденежно отдавать». Законодатели усмотрѣли, конечно, дѣйствительную причину зла: мѣстныя власти искони пользовались своимъ положеніемъ въ своихъ интересахъ, угнетая и прижимая населеніе. Чтобы положить предѣлъ злоупотребленіямъ при пріобрѣтеніи земель, законъ 1740 года запрещалъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ, каковъ бы ни былъ ихъ рангъ, «гдѣ кто изъ нихъ къ дѣламъ опредѣлены у дворянъ и другихъ чиновъ людей, которые въ тѣхъ же мѣстахъ испомѣщены, деревень, земель, людей и крестьянъ покупать и подъ закладъ брать», какъ на свои имена, такъ и на имя родственниковъ и постороннихъ лицъ[1]). Если бы порядокъ, подтвержденный закономъ 23 іюня 1740 года, дѣйствовалъ правильно, то, несомнѣнно, мѣстные помѣщики не должны были назначаться правителями въ свои уѣзды и провинціи: уже владѣя землей въ мѣстности, полученной въ управленіе, было гораздо легче округлить и увеличить свои земли: разбирай, кто можетъ, когда куплены новые участки — во время воеводства, до него, или послѣ смѣны. На самомъ дѣлѣ, законъ 1740 года оказалъ мало вліянія на дѣйствительную жизнь и не провелъ того радикальнаго отдѣленія правителя отъ ввѣреннаго ему края, какое онъ предусматривалъ. Во всякомъ случаѣ, и до его изданія и послѣ, само правительство нерѣдко назначало провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Разсказывая въ предыдущей главѣ исторію смѣны воеводъ въ городѣ Клину, я нѣсколько разъ отмѣчалъ, что воеводами состояли мѣстные помѣщики: такими, напримѣръ, несомнѣнно, были воеводы 20-хъ и 30-хъ годовъ Иванъ Пустобояровъ и Глѣбъ Радищевъ[2]); когда нужно было временно поручить кому-нибудь исправленіе воеводской должности, Московская губернская канцелярія также выдвигала кандидатуру мѣстныхъ помѣщиковъ[3]). То, что мы видѣли подъ Москвою, наблюдалось и въ другихъ мѣстностяхъ, даже такихъ, которыя жили обособленной жизнью: такъ, среди Бѣльскихъ воеводъ встрѣ-

---

[1]) П. С. З., XI, № 8145.

[2]) Клинской воев. канц., оп. 9; вяз. 1, указъ 1730 г. № 85, вяз. 2, указъ 1732 г., № 38. Другой примѣръ: герольдм. конт., кн. 506, л. 385.

[3]) Клинск. воев., канц., оп. 9, вяз. 2, указъ 1734 г. № 193. Другой примѣръ: Моск. губ. канц., вяз. 1673, д. 5.

чается мѣстный шляхтичъ Потемкинъ[1]); въ числѣ Тарскихъ воеводъ — мѣстный Сибирскій сынъ боярскій Дмитрій Рукинъ[2]). Добавимъ, наконецъ, что уже изъ извѣстныхъ намъ 359 воеводъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ 34 человѣка воеводствовали въ томъ самомъ уѣздѣ, гдѣ находились ихъ имѣнія или же владѣли землею въ уѣздѣ главнаго города ввѣренной имъ провинціи. Правда, это, можетъ-быть, все исключенія, но исключенія довольно частыя.

Очень незадолго до указа 23 іюня 1740 года былъ изданъ другой, который санкціонировалъ начала, косвенно противорѣчившія духу указа 1740 года. Я имѣю въ виду указъ 19 іюля 1737 года, даровавшій губернаторамъ право замѣщать временно, «до указу», мѣста провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ по своему усмотрѣнію[3]). Губернаторъ могъ, конечно, назначить только дворянина своей губерніи; изъ тѣхъ же соображеній удобства, о какихъ я говорилъ выше, назначали людей близкихъ къ вакантному мѣсту по своему жительству. Тѣ изъ нихъ, которымъ удавалось быть утвержденными въ должности, въ свою очередь, становились проводниками связи между мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ и мѣстной администраціей. Такъ среди противорѣчиваго законодательства Анны Ивановны сохранялась эта связь; когда-то отрицаемая московскимъ законодательствомъ, она успѣла было получить признаніе въ эпоху учрежденія Петровскихъ ландратовъ, которыхъ выбирало мѣстное дворянство[4]), а дворянскія тенденціи, свившія себѣ прочное гнѣздо при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, стали постепенно устранять и тѣ немногія формальныя препятствія, которыя еще мѣшали ея укрѣпленію: на смѣну указу 1740 года, который, впрочемъ, какъ я уже говорилъ, не получилъ, видимо, полнаго практическаго значенія, явился указъ 27 января 1766 года, разрѣшившій губернаторамъ въ порученныхъ имъ губерніяхъ «по имѣющейся къ нимъ Е. И. В. довѣренности двора и деревни покупать»[5]). Хотя этотъ законъ и относится только къ высшей ступени областной администраціи, престижъ которой «наставленіе» 1764 года такъ возвысило, однако онъ ясно указываетъ на стремленіе снять съ областной администраціи тѣ немногія ограниченія, которыя она еще продолжала испытывать.

Связь между мѣстной администраціей и мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ, въ Елизаветинское и Екатерининское время даетъ себя чувствовать еще и иными способами. Правительство начинаетъ прислушиваться къ голосу мѣстныхъ людей въ дѣлѣ назначенія и смѣнѣ воеводъ. В. О. Ключевскій въ своемъ курсѣ русской исторіи упоминаетъ объ указѣ 1761 года, предоставлявшемъ помѣщикамъ выбирать «изъ

---

[1]) Бѣльской воев. канц., оп. 5, вяз. 2, д. 20/23.

[2]) Дѣла сената, кн. 20/236.

[3]) П. С. З., X, № 7328.

[4]) *Богословскій*, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ Великомъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1909, № 3, 75 и слѣд.

[5]) П. С. З., XVII, № 12554.

своей среды въ города воеводъ, которые бы имѣли деревни вблизи тѣхъ городовъ»[1]). Мнѣ не удалось найти подлиннаго текста этого указа; во всякомъ случаѣ, какъ общее правило, такой порядокъ не утвердился, потому что и въ послѣдующіе годы въ герольдмейстерской конторѣ кандидатовъ представляли совершенно такъ же, какъ и до 1761 года; однако, есть косвенныя указанія, что именно съ этого времени участіе мѣстнаго общества въ замѣщеніи воеводскихъ мѣстъ, дѣйствительно расширяется. Въ декабрѣ 1761 года Порховскіе дворяне, въ количествѣ 38 человѣкъ, подали императрицѣ челобитье слѣдующаго содержанія: «Во ономъ городѣ Порховѣ находился воеводой титулярный совѣтникъ Румянцовъ, который чинилъ многіе въ дѣлахъ непорядки, отъ которыхъ дѣлъ онъ нѣсколько разъ подъ слѣдствіемъ былъ. Да и нынѣ же по непорядочнымъ же въ его дѣлахъ поступкамъ слѣдуется онъ Румянцовъ въ Новгородской губернской канцеляріи, котораго мы нынѣ и впредь въ городѣ Порховѣ воеводой быть не желаемъ», а желаемъ быть, продолжаютъ далѣе Порховскіе дворяне, «присланнаго на мѣсто его Румянцова править воеводскую должность» отставного титулярнаго совѣтника Колемина, «который уже по смѣнамъ въ городѣ Порховѣ воеводъ нынѣ третій наѣздъ по управленію той воеводской должности имѣетъ». Эта просьба, къ которой примкнула мѣстная посадская община, была удовлетворена[2]). Когда, около того же времени, въ сенатъ поступила жалоба Смоленской шляхты на Бѣльскаго воеводу князя Гагарина, съ просьбой его смѣнить, то и этой просьбы сенатъ не отвергъ, а передалъ дѣло Смоленскому губернатору съ предписаніемъ разслѣдовать его и «репортовать»[3]).

---

[1]) *Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, IV, 447, М. 1910.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 506, лл. 337—348.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 506, лл. 492—493; единичныя явленія, доказывающія вліяніе мѣстныхъ дворянъ на назначеніе и смѣну представителей мѣстной администраціи замѣчаются и въ болѣе раннее время: такъ напримѣръ, въ 1729 г. воевода Владимірской провинціи назначилъ по жалобамъ Гороховецкихъ дворянъ слѣдствіе надъ Гороховецкой воеводской канцеляріей. (Горох. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 22); напомню о приведенномъ въ предыдущей главѣ случаѣ, относящемся къ 1737 г., когда Пензенскіе дворяне воспрепятствовали назначенію нежелательнаго для нихъ кандидата въ воеводскіе товарищи. Въ іюнѣ 1731 г. умеръ Верейскій воевода Агапъ Ларіоновъ; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ на его мѣсто былъ опредѣленъ мѣстный помѣщикъ Плишкинъ. Немедленно, вслѣдъ за этимъ, въ первыхъ числахъ августа, архимандритъ Чудова монастыря съ братіею, въ качествѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, возбудили ходатайство о его смѣщеніи вслѣдствіе его давнишней недружбы къ нимъ. Одновременно группа мѣстныхъ землевладѣльцевъ подала просьбу о назначеніи вмѣсто Плишкина другого мѣстнаго помѣщика — Панкратьева. Подъ прошеніемъ подписались Преображенскаго полка солдатъ Озеровъ, стряпчій Чудова монастыря, приказный княгини Корходиновой и другія лица, представлявшіе, повидимому, крупныхъ Верейскихъ вотчинниковъ. Герольдм. конторы, кн. 93, лл. 76—77. Съ другой стороны, въ 60-хъ годахъ можно привести случаи, когда правительство прислушивается къ желаніямъ не только дворянъ помѣщиковъ, но и иныхъ, болѣе скромныхъ слоевъ населенія: въ 1762 г. Сокольскіе однодворцы просили объ опредѣленіи къ нимъ въ управители прапорщика Вельяминова и ихъ ходатайство было удовлетворено. Герольдм. конторы, кн. 506, л. 385.

Связи и отношенія, соединявшія провинціальныя и уѣздныя власти съ мѣстнымъ дворянствомъ, въ теченіе всего изучаемаго періода, не были, можетъ-быть, значительными, но отмѣченныхъ ихъ слѣдовъ достаточно, чтобы сдѣлать понятными стремленія дворянскихъ наказовъ, поданныхъ въ комиссію 1767 года. Въ дворянскихъ наказахъ и, притомъ, въ огромномъ большинствѣ ихъ мы находимъ одну основную мысль: мѣстное дворянство должно участвовать въ управленіи посредствомъ выборныхъ органовъ. Наказы даютъ этимъ органамъ очень различныя наименованія, они то называютъ ихъ «становыми опекунами»[1], то «судьями», земскими или дворянскими[2], то «начальниками»[3], «предводителями»[4] и даже «прокурорами»[5], а нѣкоторые, вдохновляясь прошлымъ и вспоминая время, когда на самомъ дѣлѣ существовали выборныя дворянскія должности, предлагаютъ возстановить давно забытыхъ ландратовъ, ландрихтеровъ и земскихъ дистриктныхъ комиссаровъ[6]. Нѣкоторые наказы мечтаютъ объ учрежденіи цѣлой системы дворянскихъ учрежденій и вводятъ подчиненныхъ судьямъ, опекунамъ, предводителямъ и т. п. комиссаровъ, власть которыхъ должна распространяться на одинъ или нѣсколько становъ[7]; другіе просятъ о разрѣшеніи замѣщать по выбору должность воеводскаго товарища[8]. Компетенція всѣхъ должностей, составляющихъ предметъ дворянскихъ мечтаній, чрезвычайно разнообразна, сложна и далеко не одинакова въ различныхъ наказахъ; но изъ этой мозаики можно безъ особаго напряженія составить общую картину: дворянство стремится получить въ свои руки всѣ дѣла, касающіяся дворянскаго сословія, судъ сословный, судъ надъ крестьянами и мѣстную полицію во всемъ ея объемѣ до сыска и поимки воровъ и разбойниковъ включительно. Сообразно этому, власть коронной администраціи, уѣзда и даже провинціи должна существенно уменьшиться и сузиться: воеводы въ городахъ остаются для исполненія по

---

[1] Псковскій наказъ, Сб. Р. И. О., XIV, 376—381; Ржевскій, XIV, 281; Путивльскій, LXVIII, 587—588.

[2] Зубцовскій наказъ, Сб. Р. И. О., XIV, 318—321, Судиславскій, IV, 279—287; Епифанскій, VIII, 446—454, Курскій, LXVIII, 534—539; Дмитровскій, VIII, 501—2, Ряжскій, LXVIII, 389, Пошехонскій, IV, 422.

[3] Клинскій наказъ, Сб. Р. И. О., IV, 255—265. Торопецко-Холмскій, XIV, 405.

[4] Михайловскій наказъ, Сб. Р. И. О., IV, 271—277; Ростовскій, IV, 355.

[5] Перемышльско-Воротынскій наказъ, Сб. Р. И. О., IV, 436—437.

[6] Мценскій наказъ, Сб. Р. И. О., LXVIII, 617—619; Боровскій, IV, 237—241; Шлиссельбургскій, XIV, 246, Пусторжевскій, XIV, 303; Парѳеньевскій, XIV, 486, (Становой камериръ); Галицкій, XIV, 494, Симбирскій, LXVIII, 9; Нижнеломовскій, LXVIII, 428.

[7] Ярославскій наказъ, Сб. Р. И. О., IV, 304—305; Серпуховскій, IV, 359—360, Алексинскій, VIII, 536, Тульскій, IV, 402.

[8] Бѣлевскій наказъ, Сб. Р. И. О., LXVIII, 611, Болховскій, LXVIII, 494—496. Переславско-Залѣсскій, VIII, 497, Ростовскій, IV, 355; Вяземскій предлагаетъ выбрать двухъ депутатовъ отъ дворянства вмѣсто воеводскаго товарища, XIV, 434—444.

посылаемымъ указамъ, для сбора государственныхъ податей, для суда по «криминальнымъ» дѣламъ всякаго рода, для апелляціи на рѣшенія выборныхъ дворянскихъ судей; за воеводской канцеляріей также сохраняется обязанность по утвержденію купчихъ крѣпостей на землю, и рекрутскій наборъ[1]). Есть, впрочемъ, и такіе наказы, которые стремятся къ сосредоточенію всей мѣстной власти въ рукахъ дворянства и къ превращенію всей администраціи въ дворянскую выборную: таковы, напримѣръ, наказы Козельскій, Судиславскій, Коломенскій, Бѣжецкій, Тульскій, Каширскій, Одоевскій, Серпейскій, Мещовскій, Дѣдиловскій, Крапивенскій, Вологодскій, Ахтырскій, Керенскій, Карачевскій, Рыльскій[2]).

Конечно, все то, что говорилось въ дворянскихъ наказахъ, было не чѣмъ инымъ, какъ благими пожеланіями, но эти пожеланія интересны, потому что они являются симптомами того, что идея связи между мѣстнымъ дворянствомъ и мѣстной администраціей успѣла въ 60-хъ годахъ стать на твердыя основанія и сдѣлаться достояніемъ всего дворянскаго сословія. Здѣсь не мѣсто подробно изслѣдовать вопросъ о практическомъ осуществленіи этихъ мечтаній; достаточно вспомнить, что учрежденіе о губерніяхъ и жалованная грамота императрицы Екатерины II осуществили многія изъ дворянскихъ грезъ, высказанныхъ въ наказахъ 1767 года. Отмѣтимъ еще, что въ послѣдній періодъ существованія изучаемыхъ областныхъ учрежденій, въ годы между созывомъ коммиссіи и областной реформой 1775 года можно было наблюдать еще новыя явленія, свидѣтельствующія, что и на практикѣ связь между дворянствомъ и мѣстной администраціей становилась все тѣснѣе; вотъ примѣръ: въ 1772—73 годахъ Галицкимъ провинціальнымъ воеводой и предводителемъ дворянства Галицкаго уѣзда былъ одинъ и тотъ же полковникъ князь Вадбольскій[3]).

Такъ проявлялась и росла связь между провинціальной и уѣздной администраціей и мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ. Связь эта возникла не въ изучаемую эпоху. Ея корней слѣдуетъ искать еще въ до-Петровское время. Исторія реформы даетъ ясныя указанія на то, что мѣстные дворяне имѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ близкое отношеніе къ второстепенному областному управленію и что царствованію Петра не чужда была идея замѣщенія нѣкоторыхъ должностей выборными дворянами. Попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы въ 1702 и 1713 годахъ, когда мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ былъ предоставленъ выборъ воеводскихъ товарищей и ландратовъ; выборный харак-

---

[1]) Зубцовскій наказъ, Сб. Р. И. О., XIV, 318—321, Костромской, IV, 249—250, Ярославскій, IV, 307—308, Углицкій, VIII, 468, Сумскій, LXVIII, 274; Болховскій, LXVIII, 492—502.

[2]) Сб. Р. И. О., IV, 266—271, 282, 283, 329—331, 383, 410; VIII, 484—486, 488, 513, 517, 522, 558; XIV, 460; LXVIII, 113, 437, 528, 625.

[3]) Галицкой провинц. канц., оп. 3. вяз. 16, д. 933.

теръ имѣла и должность комиссаровъ отъ земли, введенная въ 1722 году[1]). Не даромъ дворянскіе прожектеры 60-хъ годовъ, мечтая о выборныхъ дворянскихъ должностяхъ, воскрешали давно забытыя названія ландратовъ и земскихъ комиссаровъ. Областной строй, введенный въ 1727 году, въ основѣ своей былъ бюрократическимъ, не зналъ выборнаго начала и не давалъ дворянамъ обязательнаго участія въ мѣстномъ управленіи. Однако, общій ходъ исторіи дворянства, быстро ведшій это сословіе къ освобожденію отъ службы — повинности и къ завоеванію соціальнаго и политическаго господства, не могъ не сказаться и на областныхъ учрежденіяхъ, и второстепенная областная администрація стала принимать нѣкоторыя черты, дававшія ей мѣстный дворянскій характеръ. Впрочемъ, областныя учрежденія 1727 года не видѣли расцвѣта наблюдаемаго явленія: золотое время дворянскаго господства въ областной администраціи началось со времени введенія въ дѣйствіе Екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ.

Въ свое время нами былъ поставленъ вопросъ о служебной подготовкѣ высшей губернской администраціи. По всей справедливости, этотъ вопросъ слѣдуетъ поставить относительно провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ. Само собою разумѣется, что о какой-нибудь спеціальной подготовкѣ рѣчь можетъ итти еще менѣе, чѣмъ когда дѣло касалось губернаторовъ. Вопросъ сводится къ тому практическому служебному опыту, который пріобрѣтался на военной службѣ или въ годы, отдѣлявшіе эту службу отъ воеводства. Какъ мы видѣли сейчасъ, говоря о возрастѣ воеводъ, дѣло въ различные моменты изучаемаго времени обстояло неодинаково. Въ первую половину вѣка, при существованіи службы подневольной, военную службу начинали, какъ и ранѣе, въ XVII столѣтіи, съ 15 лѣтъ[2]), служили долго, и первыя стадіи этой службы будущихъ воеводъ мало отличались отъ службы будущихъ губернаторовъ; только послѣдніе быстрѣе шли вверхъ, а первые застывали въ оберъ-офицерскихъ и низшихъ штабъ-офицерскихъ чинахъ. Отъ военной службы увольняли поздно, зато опредѣленные къ статскимъ дѣламъ сравнительно не долго дожидались назначенія на должность. Для воеводъ этого времени существовалъ, такимъ образомъ, только опытъ, пріобрѣтенный военной службой, и будущимъ второстепеннымъ администраторамъ онъ давалъ не болѣе того, что онъ давалъ высшимъ: онъ пріучалъ къ власти, къ командованію, заставлялъ смотрѣть на населеніе провинціи и уѣзда какъ на батальонъ или эскадронъ,

---

[1]) *Богословскій*, Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія, Журн. М. Н. П., 1903, № 9, 49, 78; его же, Областная реформа, 404—423.

[2]) Смотры недорослямъ и первоначальное опредѣленіе ихъ на службу происходило въ Сенатѣ по представленіямъ герольдм. конторы. Сб. Р. И. О., CIV, 132—134, 136—137, 192—193, 361, 389—393, 447, 525; CVI, 33, 40, 71, 97, 111, 129, 154—156, 170—177, 179—180, 184—186, 203, 222, 251, 285, 338—339, 359, 401, 578, 610; CVIII, 1, 3, 41, 138, 413; CXI, 50, 67, 101, 245, 538; CXIV, 79, 142 (1730—1735 гг.); Герольдмейстерской конторы, кн. 85 (1728 г.); кн. 137 (1732—38 гг.), кн. 505, 506 (1761 г.).

и только. Достаточнымъ этого, конечно, признать нельзя; наилучше подготовленными были, конечно, тѣ, которые, будучи на военной службѣ, получали различныя временныя порученія административнаго характера, что особенно часто бывало при Петрѣ.

Во вторую половину изучаемаго времени, по мѣрѣ измѣненій въ условіяхъ дворянской службы, мѣнялся и характеръ получаемаго на службѣ практическаго опыта. Службу военную стали кончать ранѣ, потому что начинали ее въ колыбели, а потомъ ее стали прекращать еще ранѣе, потому что наступила желанная вольность; при такихъ измѣненіяхъ и значеніе получаемаго на военной службѣ опыта уменьшилось. Назначеніе на воеводство наступало много позднѣе; долгій промежутокъ между той и другой службой для нѣкоторыхъ наполнялся различными служебными командировками или гражданской службой иного характера. Для такихъ лицъ этотъ промежутокъ приносилъ извѣстный навыкъ, который нельзя не признать лучшимъ, для того времени, средствомъ подготовки къ воеводству; другіе проводили его, живя въ своихъ имѣніяхъ и дожидаясь воеводства въ бездѣятельномъ отдыхѣ: такія лица могли приносить съ собою на воеводство только свои вотчинныя привычки.

Среди людей XVIII вѣка есть одинъ, который самъ позаботился о томъ, чтобы описать потомкамъ самого себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще дворянина средней руки Елизаветинскаго и Екатерининскаго времени. Это — Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ, Каширскій помѣщикъ, родившійся въ 1738 году и окончившій свою долгую жизнь въ 1833 году. Отецъ Болотова былъ офицеромъ Измайловскаго полка съ его основанія, потомъ командиромъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, до самой своей смерти[1]). Самъ Андрей Тимоѳеевичъ былъ записанъ въ тотъ же полкъ и въ 50-хъ годахъ долженъ былъ вступить на дѣйствительную службу офицеромъ. Прослуживъ въ теченіе всей семилѣтней войны, Болотовъ затѣмъ, одинъ изъ первыхъ, воспользовался манифестомъ о вольности дворянства и вышелъ въ отставку[2]). По мѣстному управленію онъ служилъ много позднѣе, въ качествѣ дворцоваго управителя, принявъ эту должность при особыхъ и нетипичныхъ для интересующаго насъ времени обстоятельствахъ[3]). Дальнѣйшую его жизнь и дѣятельность намъ сейчасъ приходится оставить въ сторонѣ, но годы его ранней молодости типичны для начала служебной дѣятельности дворянина третьей четверти XVIII столѣтія; сначала онъ живетъ барчукомъ при родителяхъ, скитаясь по градамъ и весямъ, куда судьба и военное начальство переводило Архангелогородскій полкъ; потерявъ отца и мать, онъ живетъ до 17 лѣтъ самостоятельно въ своемъ сельцѣ Дворяниновѣ и только въ 1755 году фактически поступаетъ въ полкъ[4]). Затѣмъ

[1]) *Болотовъ*, записки I, 25—32.

[2]) *Болотовъ*, записки II, 255—258.

[3]) *Болотовъ*, записки III, 363—379.

[4]) *Болотовъ*, записки I, 130—260.

слѣдуетъ кратковременная, сравнительно, военная служба и послѣ нея переѣздъ на житье въ деревню; то, что было съ Болотовымъ, происходило, въ общемъ, съ большинствомъ средней руки молодыхъ дворянъ того времени, вотъ почему молодые годы А. Т. Болотова можно приводить, какъ примѣръ первыхъ служебныхъ шаговъ молодого дворянина средняго достатка и положенія. Однако, хотя Болотова далеко нельзя считать богачомъ, было много дворянъ бѣднѣе его. И XVIII столѣтіе знало дворянскій пролетаріатъ, знало отсталыя нерадивыя дворянскія семьи, не заботившіяся о томъ, чтобы какъ-нибудь устроить службу своихъ сыновей. Что герой Фонвизина не былъ вымышленнымъ типомъ, когда вольность дворянства была уже совершившимся фактомъ, видно изъ слѣдующаго эпизода. Въ началѣ 1772 года «многія дворянскія дѣти, жительствующія въ Пронскомъ уѣздѣ, собрався къ мѣстному предводителю дворянства, объявили, что они въ службу Е. И. В. вступить хотя и усердно желаютъ, но по неимуществу своему не въ состояніи идти и явиться гдѣ надлежитъ». Освѣдомленный объ этомъ фактѣ, сенатъ, «чтобъ, съ одной стороны, сохранить по данной вольности дворянству указной порядокъ, а съ другой стороны, подать онымъ недорослямъ въ разсужденіи ихъ неимущества помощь къ способному вступленію въ службу Е. И. В.», приказалъ губернаторамъ отобрать челобитья отъ всѣхъ могущихъ оказаться въ различныхъ мѣстностяхъ страны подобныхъ недорослей и отправить ихъ въ полки по указаніямъ военной коллегіи. Вотъ какъ исполнялся приведенный сейчасъ указъ сената въ Галицкой провинціи. Первоначально казалось, что всѣхъ недорослей, желающихъ вступить на службу, но не знающихъ, какъ за это приняться, въ этомъ уѣздѣ 17 человѣкъ; скоро, однако, выяснилось, что 14 изъ нихъ уже ушли сами, кто въ Москву, кто въ Петербургъ, добывать себѣ мѣста; число недорослей, подлежавшихъ отправкѣ, упало до 3. Въ августѣ 1772 года эти трое были сданы солдату Галицкой провинціальной канцеляріи Зоту Тихонову, который получилъ предписаніе проводить ихъ въ Москву и «представить оныхъ недорослей» тамошнему генералъ-губернатору кн. М. Н. Волконскому «для распредѣленія въ военную службу». Солдатъ Тихоновъ получилъ прогоны на одну подводу и три рубля «на пропитаніе оныхъ недорослей». Каждый изъ нихъ, какъ видно изъ расходной записной книжки Тихонова, получилъ кормовыя деньги по слѣдующему расчету: отъ Галича до Костромы 30 копеекъ, отъ Костромы до Ярославля — 15 коп., отъ Ярославля до Ростова — 15 коп., отъ Ростова до Переяславля — 20 коп., отъ Переяславля до «Троицы Сергія» — 10 коп. и отъ Троицы до Москвы — 10 коп.[1]). Въ такой тяжелой обстановкѣ начинали службу даже въ сравнительно болѣе культурное Екатерининское время люди, изъ которыхъ потомъ могли выйти начальники и администраторы, и такое начало едва ли могло способствовать укрѣпленію въ нихъ чувства собственнаго достоинства и уваженія къ ближнему и подчиненному.

[1]) **Галицкой провинц. канц., оп. 16, вяз. 16, д. 933.**

Лучшей подготовкой къ занятію должностей по областному управленію были службы и порученія, даваемыя или еще на военной службѣ, или въ періодъ времени между оставленіемъ военной службы и назначеніемъ на воеводство. Примѣровъ можно было бы привести множество[1]); ограничимся двумя — однимъ для начала, однимъ для конца изучаемаго времени. Вотъ данныя о службѣ маіора Тимоѳея Грибоѣдова, назначеннаго въ 1733 году воеводой въ Вязьму: съ 1700 по 1704 годъ онъ служилъ въ «регулярствѣ»; въ 1704 году отъ адмирала Головина отосланъ въ Смоленскъ для описи лѣсовъ; въ 1710 году былъ въ Бѣлой «для смотрѣнія и понужденія стругового дѣла» и для отправки провіанта въ Ригу и плавалъ на стругахъ по Двинѣ. Съ 1713 по 1715 годъ былъ въ Вязьмѣ комендантомъ; съ 1715 по 1719 годъ находился на Котлинѣ, у строенія домовъ; съ 1722 по 1733 годъ былъ не у дѣлъ[2]). А вотъ краткая служебная біографія Клинскаго воеводы конца 70-хъ годовъ, маіора Коростелева. Онъ родился около 1720 года; въ 1730 году вступилъ въ службу въ армейскіе полки солдатомъ, участвовалъ во всѣхъ войнахъ Аннинскаго и Елизаветинскаго царствованій; дослужившись до чина премьеръ-маіора, онъ въ 1761 году получилъ мѣсто казначея главной экспедиціи для передѣла мѣдной монеты «и состоялъ по самое ея уничтоженіе, а потомъ тѣмъ же казначейскимъ званіемъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую монетную экспедицію и такъ въ оныхъ экспедиціяхъ у приходу и расходу денежной казны находился 12 лѣтъ и черезъ его руки денежной казны приходу и расходу произошло болѣе 30 милліоновъ рублей, и во всемъ томъ сочтенъ и квитанціи имѣетъ». Въ январѣ 1775 года Коростелевъ былъ назначенъ Клинскимъ воеводой[3]).

Такъ готовились къ своей службѣ будущіе воеводы; мы можемъ сказать, что ихъ жизненная подготовка была, во всякомъ случаѣ, не лучше той, которую получали будущіе губернаторы; но и такую подготовку получали далеко не всѣ, кому потомъ приходилось управлять провинціями и уѣздами имперіи.

Вопросъ о матеріальной обезпеченности воеводъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о матеріальной обезпеченности губернаторовъ. И въ этомъ отношеніи воеводы второй четверти XVIII вѣка существенно отличаются отъ воеводъ его третьей четверти. Матеріальная обезпеченность, помимо службы, имѣетъ несомнѣнное значеніе для безкорыстія и независимости въ служебныхъ дѣлахъ, но только, конечно, въ томъ случаѣ, если службу можно продолжать или прекратить по своей волѣ. Въ началѣ изучаемой эпохи этого не было. Обязаны были служить и богатые и бѣдные. Обратимся въ послѣдній разъ къ тѣмъ 359 воеводамъ[4]), о которыхъ мы имѣемъ

---

[1]) Дѣла Герольдм. конторы — вездѣ; Сенатскій Архивъ, VII, 636—811.

[2]) Сб. Р. И. О., CVI, стр. 485.

[3]) Клинской, воев. канц. оп. 8, вяз. 6, д. 2.

[4]) Сенатскій Архивъ, VII, 636—811; Сб. Р. И. О., CVI, 430, 485, 557; Герольдм. конторы, кн. 206, лл. 1—18, состояніе обозначено у иныхъ лицъ во дворахъ, у иныхъ въ душахъ; основываясь на данныхъ Петровскихъ переписей конца царство-

служебно-біографическія данныя, и мы наглядно убѣдимся въ истинѣ только что сказаннаго.

Число душъ.	Провинц. воеводы и ихъ товарищи.	Городовые воеводы.	% всего числа.
0	3	10	3,3
1—10	8	51	16,4
11—50	40	94	37,3
51—100	26	48	20,6
101—500	38	30	18,9
501—1000	5	1	1,7
Выше 2000	—	1	—
Неизвѣстно	3	—	—

Приведенная таблица показываетъ, что степень обезпеченія бывала очень разнообразной; однако, очень состоятельныхъ людей мало: воеводскія должности занимали люди средняго достатка; болѣе $^1/_3$ падаетъ на обладателей отъ 10 до 50 душъ. Если взять состоянія до 100 душъ, то они займутъ до $^3/_4$. Видно, что самыя должности какъ бы созданы для средняго провинціальнаго дворянства. Отмѣтимъ еще маленькій процентъ вовсе не имущихъ воеводъ и, наконецъ, то, что провинціальные воеводы какъ-будто немного богаче своихъ городовыхъ собратьевъ. Съ данными приведенной сейчасъ таблицы опять близко сходятся данныя о матеріальномъ обезпеченіи воеводъ 1745 года. Я привожу ихъ въ такой же таблицѣ[1]).

Число душъ.	Воеводы городовые и провинціальные.	%
0	2	1,0
1—10	6	3,2
11—50	64	34,6
51—100	57	31,2
101—500	47	25,4
501—1000	5	2,6
1000—2000	2	1,0
Свыше 2000	1	0,5
Неизвѣстно	1	0,5

ванія, и полагаю отъ 3 до 4 душъ муж. пола во дворѣ. *Ключковъ*, Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ, 420—421. Спб. 1911. Аналогичныя картины: Герольдм. конторы, кн. 128 и 129 (1732 г.)

[1]) Гос. Архивъ, разр. XVI, дѣло 228.

Указъ о дворянской вольности долженъ былъ бы, казалось, оказать особенное вліяніе на зажиточное дворянство; именно тѣ, которые не нуждались въ службѣ, которые обладали хорошимъ крѣпостнымъ и земельнымъ состояніемъ, должны были скорѣе и охотнѣе бросать службу и селиться въ имѣніяхъ, ища приволья или стремясь эксплуатировать свои богатства. Впрочемъ, наблюденія надъ состояніемъ лицъ, назначаемыхъ на воеводство въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, не позволяютъ съ полной увѣренностью настаивать на такомъ предположеніи: и среди воеводъ этого времени попадаются люди съ состояніемъ въ нѣсколько сотъ душъ[1]). Несомнѣнно, что честолюбіе, желаніе властвовать и вмѣстѣ съ тѣмъ покормиться на службѣ продолжало оказывать свое вліяніе и въ это время.

Итакъ, какіе же общіе выводы можно сдѣлать о личномъ составѣ провинціальной и уѣздной администраціи? Для занятія воеводскихъ должностей всегда находилось достаточно лицъ, но никоимъ образомъ нельзя сказать, чтобы при назначеніи производился отборъ лучшихъ кандидатовъ: вначалѣ попадали въ воеводы и такія лица, которыя, можетъ-быть, не особенно стремились ими быть, потомъ искали служебныхъ успѣховъ тѣ, кого привлекала почему-либо служба. Подготовка, вообще, была проблематической; въ лучшемъ случаѣ, она была не лучше той, которую получали высшіе губернскіе чины; въ большинствѣ случаевъ, ея не было почти вовсе. Наконецъ, провинціальная и уѣздная администрація, вообще дворянская, постепенно пріобрѣтала черты, придавшія ей характеръ мѣстно-дворянскій, и такимъ образомъ корпоративные интересы могли получать въ глазахъ воеводъ одностороннее и не подобающее имъ мѣсто. Малая культурность общества того времени могла только подчеркнуть отрицательныя стороны отмѣченныхъ сейчасъ явленій.

Люди малокультурные, мало подготовленные, иногда карьерные честолюбцы, иногда заботившіеся, прежде всего, о своихъ интересахъ, становились во главѣ мѣстнаго управленія. Изслѣдованіе наказа 1728 года показало намъ, какъ велики были права, которыми они располагали по отношенію къ населенію; тотъ же наказъ, а также факты, приведенные мною въ предыдущей главѣ, убѣждаютъ, что центральное правительство стремилось связать ихъ отвѣтственностью и держать ихъ у себя въ повиновеніи. Правители—губернаторы и воеводы—были властителями надъ населеніемъ и безотвѣтными людьми передъ правительствомъ. Такое положеніе создавалъ имъ законъ; такое положеніе осуществлялось и на практикѣ: отсюда вытекали и неизбѣжныя послѣдствія: низкопоклонство и угодливость передъ высшими, высокомѣріе къ низшимъ было обычною чертою большинства администраторовъ XVIII вѣка.

[1]) Вотъ, напр., какими состояніями владѣли лица (всего 61), представленныя на воеводскія должности въ первые мѣсяцы 1762 г.: 12 не владѣли душами; 4 владѣли отъ 1 до 10 душъ; 22 — отъ 10 до 50, 11 — отъ 50 до 100; 9 отъ 100 до 500 и 2 выше 500; и здѣсь большинство падаетъ на состоянія отъ 10 до 50 душъ. Герольдм. конторы, кн. 506, лл. 418—420, 488—490, 496, 722, 747. Та же картина: кн. 501.

Раболѣпство передъ сильными, передъ «случайными» людьми, которыми такъ богато XVIII столѣтіе, было тогда широко распространенной болѣзнью русскаго общества. Строго ограничиваясь лицами, служившими по областной администраціи, вспомнимъ, что Московскій губернаторъ кн. Б. Г. Юсуповъ не только пальцемъ не шевельнулъ, чтобъ помочь своей несчастной сестрѣ, княжнѣ Прасковьѣ, но тщательно старался заставить забыть о своемъ родствѣ съ опальной черницей. Знаменитый Неплюевъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ XVIII вѣка, игралъ болѣе чѣмъ темную роль въ вопіющемъ процессѣ Волынскаго и его товарищей[1]). «Кланяйся низко, подымешься высоко», говаривалъ Московскій, а потомъ Малороссійскій генералъ-губернаторъ Аннинскаго времени, князь Иванъ Ѳедоровичъ Барятинскій[2]). Возможно, что это только анекдотъ, но онъ хорошо передаетъ житейскую философію русскихъ людей XVIII вѣка. Низкопоклонство и привычка жить по завѣту «съ сильнымъ не борись», выражалась и въ самыхъ мелкихъ фактахъ; вотъ одинъ изъ нихъ: первый Петербургскій воевода, онъ же вице-президентъ вотчинной коллегіи, Ѳедосей Мануковъ, постарался самъ себя отвести отъ ничтожнаго дѣла о безпаспортномъ человѣкѣ сильнаго въ тотъ моментъ графа П. И. Мусина-Пушкина, котораго самъ графъ выгналъ изъ своего дома «для того, что по имѣющимся гр. Мусина-Пушкина въ вотчинной коллегіи дѣламъ по силѣ присланнаго изъ правительствующаго сената въ ту коллегію указа присутствовать ему не велѣно»[3]).

Робость и угодливость властей передъ сильными міра была хорошо извѣстна и самимъ тѣмъ, кто пользовался этими свойствами областныхъ правителей, и законодатели XVIII вѣка, готовые, каждый въ отдѣльности, нарушить законъ въ своемъ интересѣ, не скупились на упреки губернаторамъ и воеводамъ, которые на знатныхъ людяхъ «взыскивать не смѣютъ, боясь ихъ»[4]). А чтобы видѣть, какъ старались угодить большимъ людямъ мѣстныя власти, достаточно познакомиться съ распоряженіями, которыя дѣлало Московское губернское начальство для проѣзда Миниха въ армію въ 1738 года: его путешествіе со свитой и штабомъ на 100 подводахъ напоминало шествіе Ея Величества; я думаю, окрестные обыватели, на которыхъ всею тяжестью ложилась подводная повинность, не видѣли большой разницы между путешествіями императрицы и ея фельдмаршала[5]).

Зная такое положеніе дѣла, люди, чувствовавшіе свою силу, или даже просто смѣльчаки и нахалы, имѣвшіе связи въ столицѣ, позволяли себѣ съ полнымъ пренебреженіемъ относиться къ областной администраціи. Такіе случаи можно отмѣтить въ самомъ концѣ изучаемаго времени и

---

[1]) *Корсаковъ.* А. П. Волынскій. Древняя и Новая Россія; 1877, т. III, 224—243.

[2]) *Prince P. Dolgoroukov*, Memoires I, 74.

[3]) С.-Петербургской воев. канц., вяз. 2, кн. 1.

[4]) П. С. З., X, № 7494.

[5]) Клинск. воев. канц., оп. 9, вяз. 5, указъ 1735 г., № 71.

даже по отношенію къ очень сильнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Такъ, въ 1770 году сенатъ долженъ былъ издать общее постановленіе о соблюденіи должнаго почтенія къ присутственнымъ мѣстамъ. Поводомъ къ этому была жалоба слободско-украинскаго губернатора Щербинина на жившаго въ Изюмской провинціи близъ городка Балаклеи отставного генералъ-маіора Мейера, который «какъ къ нему Щербинину, такъ и въ губернскую и Изюмскую провинціальную канцеляріи посылаетъ сообщенія, промеморіи и извѣстія, а, напротивъ, насылаемыхъ къ нему указовъ не только не принимаетъ, но еще и отсылаетъ обратно съ непристойнымъ выраженіемъ». Сенатъ разъяснялъ, что Мейеръ своимъ образомъ дѣйствій оскорблялъ само правительство [1]).

Страхъ передъ знатными «персонами» направлялъ значительную часть дѣятельности губернаторовъ и воеводъ, но это былъ страхъ именно передъ лицами; онъ не распространялся на совокупность этихъ персонъ, составлявшую правительство. До Бога высоко, а до царя далеко; далеко, и до орудій царской власти; въ губерніи, въ провинціи, въ уѣздѣ правитель, какъ бы онъ ни назывался, самъ чувствовалъ себя царемъ и Богомъ и не стѣснялся интересъ общаго дѣла приносить въ жертву своему собственному, несмотря ни на какія бумажныя устрашенія и принужденія, приходившія изъ столицы. Полная безотвѣтственность по отношенію къ тѣмъ, которыми онъ призванъ былъ управлять, увеличивала еще болѣе чувство безнаказанности и свободы, съ которымъ большинство губернаторовъ и воеводъ смотрѣли на ввѣренныя имъ области. На этой почвѣ и возникали легендарныя безобразія и злоупотребленія, которыми такъ прославилась областная администрація XVIII вѣка даже среди современниковъ.

По существу, злоупотребленія администраціи XVIII вѣка не были, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ злоупотребленія воеводъ XVII столѣтія, но ея внѣшній европеизированный обликъ, съ одной стороны, и перерывъ традицій стараго времени, положившій конецъ московской патріархальности — съ другой, придалъ служебнымъ преступленіямъ губернаторовъ и воеводъ послѣпетровскаго времени еще болѣе мрачный и отталкивающій характеръ, чѣмъ тотъ, который имѣла столь же преступная дѣятельность ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Злоупотребленія областныхъ правителей были болѣзнью, которую хорошо сознавали современники. Ни одно изъ часто смѣнявшихся правительствъ между Петромъ I и Екатериной II не уступало мѣста другому, не обратившись къ областной администраціи съ призывомъ честно относиться къ своей службѣ и не издавъ указовъ, долженствовавшихъ устранить дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ казнокрадовъ, лихоимцевъ и взяточниковъ. Еще верховный тайный совѣтъ, проводя областную реформу 1727 года, постановилъ «внести въ указъ публичный, ежели которые воеводы въ дѣлахъ будутъ поступать непорядочно и для лихоимства челобитчиковъ станутъ безъ рѣшенія во-

---

., XIX, № 13402.

лочить и на таковыхъ попрежнему бить челомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ способно»[1]). Назначая въ 1736 году статскаго совѣтника Шемякина воеводою въ Уфу, кабинетъ подымалъ вопросъ о назначеніи ему достаточнаго жалованья, «чтобъ онъ, будучи тамъ, содержать себя въ состояніи былъ, а чтобъ онъ поступалъ по указамъ и ко взяткамъ и подаркамъ не касался, въ томъ ему накрѣпко подтвердить подъ жестокимъ наказаніемъ»[2]). Екатерина II, вступивъ на престолъ, издала цѣлый манифестъ противъ лихоимства. «Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло. Ищетъ ли кто мѣста — платитъ, защищается ли кто отъ клеветы, — обороняется деньгами, клевещетъ ли на кого кто, — всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротиву того, многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ и мздоимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ правильный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Сильное, однако, наше на Бога упованіе, и природное наше великодушіе не лишаетъ насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна скверное лакомство и лихоимство. Не отчаиваемся, чтобъ каждый, вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, отринулъ отъ себя прежнихъ поступокъ, ежели онъ ими зараженъ былъ». Если же «милосердное увѣщаніе» не поможетъ, «то вѣдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла законамъ сами за правило примемъ повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста»[3]). Въ «наставленіи губернаторамъ», изданномъ около двухъ лѣтъ спустя, Екатерина выражаетъ надежду, что ея вѣрноподданные не будутъ больше брать взятокъ и «не прикоснутся къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ»[4]). Все это краснорѣчіе не оказало, однако, никакого дѣйствія. Еще два года спустя, въ указѣ, оповѣщавшемъ населенію о наказаніяхъ за злоупотребленія областныхъ правителей, императрица объявляла, упоминая о манифестѣ 18-го іюля, что, «къ чрезмѣрному ея сожалѣнію, открылося, что и послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздоимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ поврежденіи нашего интереса; а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися и ихъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., LXIII, 186.
[2]) Сб. Р. И. О., CXIV, 113—114.
[3]) П. С. З., XVI, № 11630.
[4]) П. С. З., XVI, № 12137, п. 5.

въ то же зло завели»[1]). Что говорило правительство, то думало, а когда случай представлялся, и высказывало общество. «Не бойся суда, а бойся судьи», говорилъ въ уложенной комиссіи Ростовскій депутатъ Языковъ, когда обсуждались мѣры, какія можно было предпринять противъ всеобщаго лихоимства и взяточничества[2]).

Злоупотребленія областныхъ властей XVIII вѣка безчисленны, неисчерпаемы. Привести всѣ факты, сюда относящіеся, значило бы исписать нѣсколько фоліантовъ. Не задаваясь такой цѣлью, я постараюсь съ помощію приводимыхъ ниже примѣровъ охарактеризовать только главнѣйшіе виды служебныхъ преступленій мѣстныхъ правителей.

Казнокрадство было самымъ распространеннымъ изъ подобныхъ преступленій. Достояніе казны, достояніе по существу національное, казалось чѣмъ-то, чего никто не оберегалъ, и что каждый могъ взять себѣ. Казнокрадство проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ 30-хъ годахъ возникло огромное дѣло по обвиненію Смоленскаго вице-губернатора, князя Козловскаго въ незаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ при сдачѣ подрядовъ[3]). Въ началѣ царствованія Екатерины II Калужскій провинціальный воевода Мясоѣдовъ, его товарищъ Юровъ вмѣстѣ съ провинціальнымъ секретаремъ Тороповымъ и нѣкоторыми чинами канцеляріи при сдачѣ подряда на Кіевскій кирасирскій полкъ допустили цѣлый рядъ преступленій, «согласившись вымышленно съ купцомъ Калужскимъ Чуриковымъ и несравненно выше настоящихъ торговыхъ цѣнъ, единственно для бездѣльныхъ себѣ взятковъ, забывъ страхъ, честь, совѣсть и присягу», не допустили къ торгамъ на подрядъ никого кромѣ Чурикова. Помимо ущерба, нанесеннаго казнѣ, означенныя лица получили отъ Чурикова изрядныя взятки: воевода — 500 рублей, товарищъ воеводскій — 300 рублей, секретарь — 150 рублей; полученію взятокъ предшествовала торговля, такъ какъ воевода и подчиненные его сначала запрашивали чуть ли не вдвое[4]). Въ 20-хъ годахъ Нижегородскій вице-губернаторъ Ржевскій обвинялся доносителями въ различныхъ злоупотребленіяхъ при отдачѣ откуповъ[5]). Алатырскій провинціальный воевода Шишкинъ обвинялся въ 1746 и 1747 гг. въ томъ, что онъ беретъ взятки при пріемѣ рекрутовъ, возитъ съ казеннаго завода бревна себѣ на дрова и отпускаетъ изъ тюрьмы воровъ[6]). Сибирскій губернаторъ Сухаревъ, правившій въ первой половинѣ 40-хъ годовъ, «новонабранныхъ рекрутъ завсегда содержалъ въ тяжелой и чрезвычайной земляной работѣ»[7]). Во взяткахъ при рекрутскихъ наборахъ обвиняли и воеводъ Екатерининскаго времени[8]).

[1]) П. С. З., XVII, № 12781.

[2]) Сб. Р. И. О., XIV, 44, 83—86.

[3]) Дѣла Сената, кн. 88/304—90/306.

[4]) П. С. З., XVI, № 11879.

[5]) Дѣла Сената, кн. 14/230.

[6]) Дѣла Сената, кн. 53/269, лл. 1—15.

[7]) Дѣла Сената, кн. 40/256, лл. 6—17.

[8]) *Грибовскій*, Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Екатерины II, № 27.

Казенныя регаліи также бывали предметомъ своекорыстныхъ дѣйствій областныхъ администраторовъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ Костромской воевода Перфильевъ «съ товарищи вымысломъ своимъ во весь Костромской уѣздъ соль отпускать опредѣлилъ, требуя платежныя описи, исчисляя по онымъ, сколько въ переписи душъ состоитъ, столько, числомъ по 2 фунта на мѣсяцъ, человѣку». Дѣло было передъ самой второй ревизіей, и число наличныхъ душъ успѣло значительно превысить число душъ ревизскихъ; соли нехватало, а между тѣмъ обрѣтающійся у сбору подушныхъ денегъ маіоръ Шишковъ «изъ Костромы въ Ярославскій уѣздъ въ село Иловну непрестанно кулями соль пересылаетъ, и съ двора его, Шишкова, въ томъ селѣ Иловнѣ чинится продажа въ уѣздѣ гораздо свыше указной цѣны». Дѣло объяснялось тѣмъ, что воевода, оставляя безъ соли Костромской уѣздъ и продавая соль тайно въ Ярославскомъ уѣздѣ, «вышеобъявленный вымыселъ въ той соляной продажѣ учинилъ знатно для своей и подчиненныхъ своихъ корысти»[1]). Какъ извѣстно, малороссы, принявшіе подданство Москвы въ XVII столѣтіи, сохранили свои мѣстныя права, изъ которыхъ едва ли не самымъ цѣннымъ и дорогимъ было право свободно курить вино. Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ правительство особенно зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы вина не курили великороссы, для которыхъ было величайшимъ преступленіемъ то, что было правомъ для ихъ сосѣдей. И вотъ, оказывается, что тѣ самые, которые должны были пресѣкать зло, были ему причастны: въ 1766 году правившій въ Бѣлгородской губерніи губернаторскую должность д. с. с. кн. Шаховской, его товарищъ, а также нѣкоторые городовые воеводы Бѣлгородской губерніи были осуждены за то, что не только не искореняли тайнаго куренія вина, но даже изъ корыстныхъ видовъ чуть ли не покровительствовали корчемству[2]).

Не одни подряды, откупа и казенныя регаліи служили предметомъ губернаторскихъ и воеводскихъ злоупотребленій; наиболѣе смѣлые не стѣснялись прямо-таки присваивать казенное недвижимое имущество — землю и угодья. Въ 1737 году правительство издало грозный указъ, направленный противъ воеводъ и секретарей, которые своимъ попустительствомъ разрѣшаютъ въ имѣніяхъ, конфискованныхъ за долги, доимки и штрафы, жить ихъ прежнимъ владѣльцамъ, или же сами пользуются отписными деревнями, «раздѣля оныя по себѣ» и заставляя «отписныхъ людей и крестьянъ всякія работы работать на себя, такъ, какъ собственныхъ своихъ, и берутъ съ нихъ хлѣбъ, живность и прочее[3])». Закончу однимъ случаемъ изъ жизни южной окраины имперіи. Въ 1736 году Вольновскій воевода, поручикъ Григорій Сагаревъ взялъ себѣ съ государевой Вольновской пасѣки 30 ульевъ, а пасѣчника, который не хотѣлъ отдавать ульевъ, воевода «въ городъ Вольный и въ хоромъ призывалъ и говорилъ ему, чтобъ онъ, пасѣчникъ, никому про такіе взятые

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 39/255, лл. 5—6.

[2]) П. С. З., XVII, № 12781. *Соловьевъ*, к

[3]) П. С. З., X, № 7372.

ульи не сказывалъ, и давалъ ему за то денегъ 10 копѣекъ; токмо оный пасѣчникъ оныхъ денегъ не взялъ, а люди его воеводскіе его пасѣчника стращали, какъ ульи брали въ пасѣкѣ: ежели ты де ульевъ не дашь, то тебѣ быть битымъ, воевода бо тяжелъ»[1]). Такъ и переѣхали государевы ульи на воеводскую пасѣку.

Обкрадывая съ легкимъ сердцемъ казну, правители XVIII вѣка не останавливались передъ нарушеніемъ интереса частныхъ лицъ. Мы уже видѣли сейчасъ, что казнокрадство было часто связано со взяточничествомъ. Взяточничество и лихоимство — такая же хроническая болѣзнь вѣка, какъ и казнокрадство. Брали взятки, вымогали, притѣсняли всѣхъ отъ послѣдняго крестьянина и не стѣснялись двориниомъ-помѣщикомъ. Своими вымогательствами надъ крестьянами отличался одинъ изъ первыхъ Гдовскихъ воеводъ капитанъ Жегловъ. Въ мартѣ 1729 года канцелярскій разсыльщикъ Бычковъ захватилъ крестьянъ бригадира Маврина и привезъ ихъ къ воеводѣ, который держалъ ихъ подъ карауломъ 3 дня и взялъ за освобожденіе съ одного рубль, съ другого 3 рубля, 11 алтынъ, 2 деньги; подъячій съ приписью также воспользовался этимъ случаемъ и получилъ 8 алтынъ. И другихъ помѣщичьихъ крестьянъ сгонялъ воевода на свою работу, а за сопротивленіе раздѣвалъ голыми и билъ батожьемъ. Разъ по жалобѣ одного помѣщика, онъ захватилъ крестьянскую «женку», принадлежавшую его сосѣду, и, «угождая» первому, присудилъ отдать ее ему. А пока эта женка находилась подъ арестомъ, воевода, желая, чтобъ она подтвердила то, что отъ нея требовалось по дѣлу, «призвавъ къ себѣ въ домъ, билъ плетью своими руками и по щекамъ билъ же, и за груди держалъ и поваля на землю топтунками топталъ, и принуждалъ на работу свою — прясть». Въ маѣ 1729 года въ архіерейскую деревню Самуйлиново пріѣхалъ человѣкъ откупщицы Пензиной съ виномъ и «поставилъ бочку въ байнѣ, и какъ тое байня затопили, оной человѣкъ, вынявъ вонъ бочку», поставилъ ее на улицѣ. Шедшій мимо крестьянинъ опрокинулъ бочку; произошла ссора, послѣ чего, однако, обѣ стороны помирились при свидѣтеляхъ, при чемъ агентъ откупщицы получилъ рубль да кружку вина. Несмотря на это, воевода «по согласію» съ откупщицей, т.-е. за взятку, арестовалъ крестьянина, опрокинувшаго бочку, и за освобожденіе его потребовалъ новыхъ денежныхъ приношеній[2]). Около того же времени Калужскій провинціальный воевода Бестужевъ и его товарищи Ханыковъ и Кирикрѣйскій у Калужскихъ посадскихъ «забрали къ себѣ безъ указу денежной казны, сперва будто подъ образомъ займа, въ которыхъ давали своей руки письма, а потомъ, изодравъ оныя, дали другія росписки, будто брали тѣ деньги въ зачетъ своего жалованья». Бестужевъ обвинялся еще въ томъ, что онъ нарочно не сводилъ постоевъ съ посадскихъ дворовъ, а самихъ посадскихъ держалъ подъ карауломъ, освобождая ихъ «изо взятковъ», и, наконецъ, въ томъ, что не платилъ ямщикамъ денегъ

[1]) Вольновской воев. канц. (въ дѣлахъ Богодуховскаго уѣзднаго суда) оп. 1, вязка 2, дѣло 34.

[2]) Гдовской воев. канц.. оп. 4, вязка 1, д. 47.

за подводы, а почтовыми лошадьми пользовался для своихъ цѣлей[1]). Не лучше былъ и другой современникъ — статскій совѣтникъ и Ярославскій провинціальный воевода Ѳедоръ Леонтьевичъ Вельяминовъ-Зерновъ. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Артеміемъ Кривцовскимъ онъ по полугоду держалъ подъ арестомъ крупныхъ Ярославскихъ купцовъ «своевольно, желая себѣ мзды»; при этомъ имъ у иныхъ удавалось «вымучивать» до 600 рублей. Вымучивалъ онъ деньги даже со своихъ сослуживцевъ: такъ, состоявшій при кружечныхъ дворахъ у сборовъ маіоръ Архаровъ вмѣстѣ съ нижними чинами своей команды должны были заплатить 200 рублей изъ своего скуднаго жалованья, котораго безъ взятки имъ не давали вовсе[2]). За полвѣка дѣйствія изучаемыхъ областныхъ учрежденій не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ этикѣ службы. Въ 1751 году между А. Т. Болотовымъ и однимъ изъ его сосѣдей возникла тяжба въ Каширской воеводской канцеляріи, и авторъ знаменитыхъ мемуаровъ со свойственнымъ ему откровеннымъ простодушіемъ говорилъ, какъ соперникъ его «работалъ въ Каширѣ и старался кутить и юрить симъ дѣломъ. Не только воевода, но и всѣ подъячіе были ему друзья и братья. Всѣхъ онъ закупилъ и задобрилъ, и всѣ держали его сторону». Когда самъ Болотовъ съ матерью явились просить о своемъ дѣлѣ, тотъ принялъ ихъ «весьма гордо и несговорчиво», и только «нѣкоторые подарки сдѣлали его благосклоннѣйшимъ»[3]). Извѣстный уже намъ Сибирскій губернаторъ Сухаревъ сажалъ на цѣпь тѣхъ, которые не хотѣли давать ему взятокъ[4]). Въ 1761 году товарищъ Орловскаго провинціальнаго воеводы Еловицынъ вымучилъ съ Мценскаго купца Москвитиньева «лихоимственно денегъ 100 рублевъ», но, будучи и тѣмъ недоволенъ, по случаю болѣзни Орловскаго воеводы присутствуя одинъ, захватя, держалъ, по словамъ Москвитиньева, его какъ злодѣя, закованнаго въ желѣза, четыре мѣсяца въ великомъ утѣсненіи и вымогалъ еще во взятокъ денегъ»[5]). Незадолго до этого Смоленскій шляхтичъ Потемкинъ, имѣя дѣло въ губернской канцеляріи, долженъ былъ заплатить мѣстному губернатору Аршеневскому 25 червонныхъ, 70 рублевиковъ, лошадь въ сорокъ рублевъ, сѣна 440 пудовъ, прокурору Волынскому — 2 лошади въ 120 рублевъ, секретарю Ефиму Мордвинову — 10 рублевъ и дѣвку, канцеляристу Комлеву — 20 рублевъ да малаго». За то чтобы уплатить жалованье пограничнымъ комиссарамъ тотъ же Аршеневскій черезъ ординарца своего Смоленскаго шляхтича Чижа взялъ 20 рублей, «а Чижъ за докладъ о томъ губернатору — одинъ рубль». Жутко читать, какъ брали въ Смоленской губернской канцеляріи при Аршеневскомъ! Слѣдственное дѣло о немъ такъ и пестритъ фразами въ родѣ слѣдующей: «коллежскому совѣтнику Лебедеву, на котораго показалъ за переводчика

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 23/239, л. 11.

[2]) Дѣла Сената, кн. 16/232, лл. 25—32.

[3]) *Болотовъ*, Записки, I, 166, 167.

[4]) Дѣла Сената 40/256, лл. 16—17.

[5]) *Грибовскій*, Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора, № 53.

Вонлярскій, дано 20 рублей, а онъ объявляетъ, что тотъ Вонлярскій принесъ женѣ его на именины въ бумагѣ деньги, а сколько — не помнитъ; на прокурора Николая Волынскаго показано, что дано ему 20 рублевъ, а онъ въ допросѣ показалъ, деньги получилъ, а сколько — не помнитъ»[1]). Люди того времени даже не всегда чувствовали, что, беря взятки, они совершаютъ что-то противозаконное: когда на Хотмышскаго воеводу прапорщика Рештейнера въ 1776 году былъ наложенъ за взятки денежный штрафъ, тотъ отвѣтилъ, чтобы ему «сначала уплатили пріостановленное жалованье, а пока онъ жалованья не получитъ, то оныхъ денегъ ему платить нечѣмъ»[2]).

Чѣмъ слабѣе, чѣмъ безотвѣтнѣе были люди, тѣмъ, конечно, болѣе они подвергались вымогательствамъ. Въ этомъ отношеніи классическимъ примѣромъ остается та система управленія, которую знаменитый А. П. Волынскій примѣнялъ къ Казанскимъ инородцамъ. Въ челобитной, поданной въ 1731 году на имя императрицы, ясашные инородцы Казанскаго и Свіяжскаго уѣздовъ писали: «въ прошломъ 703 году въ лѣтнее время сотенъ ихъ сотники сбирали съ нихъ сверхъ положенныхъ по указу подушныхъ денегъ по 3, по 4 и по $5^1/_2$ копѣекъ со всякой мужеска полу души, а куды тѣ деньги дѣвали, о томъ имъ сотники не объявили». Допрошенные сотники показали, что собранные такимъ образомъ 2050 руб. 71 коп. были переданы на губернаторскій дворъ и вручены «человѣку» Волынскаго, знаменитому впослѣдствіи его предателю Василью Васильеву Кубанцу, «за то, чтобъ имъ ясашникамъ не быть въ работѣ корабельныхъ лѣсовъ». Въ 1729 году съ Алатской и Галецкой дорогъ было выслано, конечно принудительно, 1977 подводъ «для возки сѣна и дровъ про губернаторскій обиходъ». Въ полтора года съ инородцевъ было собрано поборовъ на губернатора до 14000 рублей. Извѣстно, что Волынскій самъ покаялся въ своемъ лихоимствѣ и вымогательствѣ. Но примѣръ губернатора, конечно, не оставался безъ подражаній. Въ 1730 году, писали въ своей челобитной черемисы Алатской дороги, «Казанскій житель черемисскій толмачъ Назаръ Захаровъ присылалъ къ нимъ невѣдомо какихъ людей, безъ указу, которые пріѣхавъ назывались драгунами, и будто даны имъ были указы сыскивать прописныхъ и причислявать въ подушный окладъ и брать за нихъ штрафъ». Эти люди «въ два пріѣзда сыскали 324 человѣка и доправили якобы штрафныхъ денегъ 1801 рублей и о пріемѣ оныхъ денегъ квитанціи никакой не дали». Дѣйствительно прописныхъ привозили въ Казань, гдѣ толмачъ Назаровъ «содержалъ ихъ невѣдомо чего ради въ домѣ своемъ запертыхъ въ подпольѣ подъ карауломъ двѣ недѣли». Въ другой разъ, тотъ же Захаровъ, захвативъ 47 черемисъ Алатской дороги, «мучилъ ихъ и гладомъ

---

[1]) *Грибовскій*, Матеріалы, № 24, № 25.

[2]) Хотмышской и Карповской воев. канц. (въ дѣлахъ Грайворонскаго у. суда), оп. 12, дѣло 32.

и хладомъ» мѣсяцъ, вымучилъ по 5 рублей съ человѣка и, кромѣ того, взыскалъ съ нихъ подушныя[1]).

Казнокрадство и взяточничество въ самыхъ простыхъ, хотя и разнообразныхъ ихъ формахъ были привычнымъ и обыкновеннымъ явленіемъ. Но они нерѣдко соединялись съ превышеніемъ власти, происходившимъ отъ увлеченія этой властью, которое поражало умы малокультурныхъ людей, сразу переходившихъ изъ подчиненныхъ армейскихъ офицеровъ или изъ почти безправныхъ въ рукахъ герольдмейстерской конторы и сената кандидатовъ на гражданскія должности, въ роль правителей, облеченныхъ широкой властью. Превышеніе власти стояло очень часто въ тѣсной связи съ казнокрадствомъ; чтобъ красть, превышали свои полномочія; привычные казнокрады и въ другихъ отношеніяхъ не стѣснялись предѣлами, какіе законъ ставилъ ихъ дѣятельности. Помянутый выше Смоленскій вице-губернаторъ князь Козловскій, беря взятки и обкрадывая казну на подрядахъ, дошелъ до убійства[2]); обращая въ свою пользу отписныя земли, воеводы, о которыхъ грозно упоминаетъ Аннинскій указъ, не только присваивали себѣ то, что было собственностью государства, но и значительно превышали данную имъ власть[3]). Доносы, которые заставили отдать подъ судъ Сибирскаго губернатора Сухарева, содержатъ также и обвиненія его въ превышеніи власти: свое жалованье онъ бралъ «не получая о томъ, откуда надлежитъ, указу и безъ ассигнацій»; женивъ своего сына на дочери Тобольскаго посадскаго человѣка, Сухаревъ отца своей невѣстки «изъ посадскихъ опредѣлилъ въ дворяне и изъ подушнаго окладу выключилъ и по опредѣленію его во дворянство послалъ его, Евсевьева, присовокуплять богатства въ слободы комиссаромъ»; по словамъ доносителей, Сухаревъ «розыски и безвинныя пытки производилъ безъ опредѣленій»; несмотря на то, что по указамъ изъ сената было запрещено губернаторамъ опредѣлять канцелярскихъ служителей въ должность секретарей, онъ замѣстилъ эту должность своею властью, да еще назначилъ человѣка подозрительнаго, «вѣдомаго вора» и т. д.[4]). Въ 1734 году сенатъ долженъ былъ особымъ указомъ запретить мѣстнымъ властямъ самовольно брать въ губернскія и воеводскія канцеляріи служителей полицейскихъ конторъ; поводомъ къ этому былъ самовольный захватъ Калужскимъ воеводой подъячаго полицейской конторы и содержаніе его

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 21/237, д. № 1, л. 1, 2, л. 21; д. № 5; кн. 22/238, лл. 55—58. *Д. А. Корсаковъ*, А. П. Волынскій, Древняя и Новая Россія, 1877, т. 2, стр. 29. Другіе примѣры взяточничества и лихоимства областныхъ правителей: П. С. З., XVII, № 12781; Сб. Р. И. О., CXIV, Герольдм. конт., кн. 93, лл. 305—311. Валуйской воев. канц., оп. 3, в. 1, д. 47.

[2]) Дѣла Сената, кн. 88/304.

[3]) П. С. З., X, № 7372.

[4]) Дѣла Сената, кн. 40/256, лл. 5—17, 165—175; факты пожалованія Сибирскими губернскими властями мѣстныхъ обывателей въ Сибирскіе дворяне, вызвали даже особый указъ, и категорически запрещавшій такія пожалованія. П. С. З., XII, № 9256 (1746 г.).

«въ желѣзахъ»[1]). Въ 1759 году находившійся подъ слѣдствіемъ по приказу изъ тайной канцеляріи и даже подъ домашнимъ арестомъ Устюжскій провинціальный воевода Брылкинъ явился въ канцелярію въ неурочное время и, увидѣвъ тамъ заступившаго его мѣсто воеводскаго товарища Богданова, спросилъ его, «для чего онъ такъ поздно въ канцеляріи находится, и хотя на то ему объявлено было, что онъ присутствуетъ по секретному дѣлу, которое касается до него, воеводы, и для того вышелъ бы вонъ и до указу изъ дома не выѣзжалъ, токмо онъ, воевода, не токмо того не послушалъ, но еще у копіиста писанный допросъ взялъ къ себѣ и положилъ въ карманъ и всѣмъ въ канцеляріи служителямъ отдалъ приказъ, дабы его, Богданова, ни въ чемъ не слушать»[2]). Въ 1764 году Чухломскій воевода, капитанъ Хлѣбниковъ, обвиненный провинціальнымъ начальствомъ «въ неисправленіи своей должности, въ отлучкѣ безъ позволенія изъ города и въ похищеніи денежной казны», въ свою очередь обвинилъ провинціальнаго Галицкаго воеводу, своего начальника, въ томъ, что послѣдній, «будучи съ нимъ въ компаніи въ постороннемъ домѣ, браня его Хлѣбникова, билъ, самовольно безъ всякаго основанія отрѣшилъ его отъ должности» и конфисковалъ его имущество»[3]).

Превышеніе власти наблюдалось особенно часто, когда въ дѣлѣ замѣшаны были личные интересы правителей или ихъ близкихъ людей и родственниковъ, или же когда они сводили съ кѣмъ-нибудь свои личные счеты; тутъ доходило и до настоящаго опьянѣнія властью и до худшаго изъ злоупотребленій — злоупотребленія властью судебной. Костромской помѣщикъ капитанъ Пелепьевъ жаловался въ 1728 году на Любимскаго воеводу Бѣседнова, что тотъ, по имѣющимся у него въ Любимской канцеляріи дѣламъ, «воровствомъ своимъ для взятковъ своихъ воровскихъ мучитъ и держитъ его на цѣпи и все дѣлаетъ ему въ обиду и въ разореніе и суды производитъ не по формѣ». Цѣпь, на которой сидѣлъ дворянинъ и офицеръ, фигурировала потомъ въ качествѣ вещественнаго доказательства въ Костромской провинціальной канцеляріи, разслѣдовавшей это дѣло[4]). Желая устроить свои собственныя дѣла, воеводы доходили иногда до простого грабежа. 7 мая 1735 года въ Бѣлгородской губернской канцеляріи билъ челомъ Вольновскаго Троицкаго монастыря игуменъ Иларіонъ съ братіею на Вольновскаго воеводу Сагарева, обвиняя его въ захватѣ и присвоеніи монастырской пасѣки (воевода этотъ имѣлъ особую наклонность къ пасѣкамъ); тотъ же Сагаревъ, желая угодить своимъ родственникамъ, мѣстнымъ Вольновскимъ землевладѣльцамъ, составлялъ для нихъ подложныя крѣпости на людей, принадлежавшихъ совсѣмъ другимъ лицамъ[5]). Около 1730 года

---

[1]) П. С. З., IX, № 6655.

[2]) Сенатскій Архивъ, XIV, 141.

[3]) *Грибовскій*, Матеріалы, № 59; другой примѣръ тамъ же № 16.

[4]) Любимской воев. канц., оп. 1, вяз. 1, д. 19, л. 1.

[5]) Вольновской воев. канц. (въ дѣлахъ Богодуховскаго у. суда) оп. 1, вяз. 1, д. № 20 и 37.

въ сенатѣ разбиралось дѣло о подложной купчей на землю въ Калужскомъ уѣздѣ, при чемъ выяснилось, что тогдашній Калужскій воевода, князь Вяземскій приневоливалъ продавца и, чтобы заставить его подписать купчую, «держалъ его шесть недѣль на цѣпи, гдѣ тотъ и умре»[1]). 19 августа 1735 года изъ кабинета послано было Московскому генералъ-губернатору С. А. Салтыкову письмо слѣдующаго содержанія: «Е. И. В. извѣстно учинилось, что въ Переяславской провинціальной канцеляріи по имѣющемуся въ умышленномъ смертномъ убійствѣ Троицы-Сергіева монастыря крестьянина помѣщикомъ Петромъ Зезевитовымъ и въ привозѣ того тѣла къ дядѣ его Ѳедору Зезевитову слѣдствіе и розыски не такъ производятся, какъ Е. И. В. указы повелѣваютъ»; «изъ оныхъ Ѳедоръ Зезевитовъ понаровкою воеводы Алексѣя Зуева и секретаря Алексѣя Ѳедорова по второмъ розыскѣ въ тотъ же день свобожёнъ на квартеру». Салтыкову предписывалось разслѣдовать это дѣло, и если окажется нужнымъ, то и самого воеводу держать подъ крѣпкимъ арестомъ до указу[2]).

Нигдѣ, можетъ-быть, не выступаетъ такъ ярко картина превышенія власти какъ въ докладѣ сената императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ составленномъ въ 1748 году и излагающемъ противозаконные поступки Бѣлгородскаго вице-губернатора Пасseка, совершенно не желавшаго знать своего начальника губернатора и распоряжавшагося въ губерніи какъ ему было угодно. Пассекъ 1) «въ состоящихъ по канцеляріи журналахъ тѣхъ чиселъ, когда общее присутствіе имѣлъ, многихъ резолюцій и протоколовъ, не объявивъ никакого голосу въ противность 1714 года апрѣля 4 дня указу и генеральнаго регламента 6 главы, не подписалъ; 2) по полученнымъ почтамъ Ея Величества изъ сената и изъ разныхъ коллегій указы въ противность генеральнаго регламента 16 главы распечатываетъ; 3) въ городы Бѣлгородской провинціи якобы для взысканія доимокъ и смотренія канцелярскихъ дѣлъ въ противность губернаторскаго наказу 50 пункта отъѣзжалъ; 4) не дождавъ общаго собранія въ противность же регламентовъ генеральнаго 3 и 5 главъ адмиралтейского 3-го артикула и имяннаго 1733 году декабря 8 дня, и многихъ къ тому слѣдующихъ указовъ вступалъ въ произвожденіе секретныхъ важныхъ дѣлъ, и какъ по тѣмъ секретнымъ, такъ и по другимъ производимымъ дѣламъ въ томъ числѣ и объ отпускѣ денежной казны учиненные опредѣленія, не оставя къ подпискѣ губернатору мѣста, подписывалъ одинъ; 5) къ Новооскольскому воеводѣ о принадлежащемъ до губернской канцеляріи дѣлѣ посылалъ отъ себя ордеръ; 6) въ учиненныхъ въ общемъ присутствіи по разнымъ дѣламъ журналахъ за скрѣпою губернатора и секретарей, не объявя въ общемъ присутствіи приписывалъ, и подъячимъ приписывать приказывалъ; 7) во опредѣленіяхъ, учиненныхъ въ силѣ общаго губернской канцеляріи разсужденія по подпискѣ губернаторомъ и по скрѣпѣ секретаремъ, не объявя въ общемъ

[1]) Дѣла Сената. кн. 23/239, л. 1132.
[2]) Сб. Р. И. О., CXI, 314.

присутствіи приказанія, выносилъ на сторону своею рукою, чего въ общемъ присутствіи не приговорено; 8) въ противность же состоящагося въ 1720 году мая 24 дня указа давалъ на почтовыя подводы подорожныя за одною своею рукою и партикулярною печатью; 9) въ противность же генеральнаго регламента и состоявшихся высочайшихъ указовъ въ присутствіи необычайно на губернатора кричалъ и тѣмъ крикомъ слушаніе по дѣламъ пресѣкъ; 10) общаго жъ и его вице-губернатора присутствія разныхъ мѣсяцовъ и числъ журналы по скрѣпѣ губернаторомъ и губернаторскимъ товарищемъ онъ, вице-губернаторъ, скрѣпою продолжалъ и, взявъ тѣ журналы къ себѣ въ домъ державъ многое время, въ канцелярію прислалъ и въ тѣхъ журналахъ своею рукою многія приписки и выноски чинилъ, которыхъ въ разсужденіи не было; 11) многихъ канцелярскихъ служителей и дву съ приписью подъячихъ и иныхъ въ канцеляріи безъ опредѣленій, собою, а другихъ захватя къ себѣ въ домъ, билъ батоги и палками; 12) у посланныхъ по челобитчикову дѣлу инструкцію, взявъ отвѣтчиковъ по силѣ формы о судѣ въ губернскую канцелярію, къ суду объявить не велѣлъ; 13) въ разныя числа сего 1748 году многихъ канцелярскихъ служителей захватя къ себѣ въ домъ, билъ батоги и кошками; 14) учиненныя по разнымъ дѣламъ опредѣленія не оставя къ подпискѣ губернатору мѣста, подписываетъ одинъ и по онымъ за одною своею рукою указы отправляетъ безъ записки у прокурорскихъ дѣлъ; 15) пріѣхавъ въ канцелярію прежде губернатора, товарища и прокурора, безъ вѣдома губернаторскаго и безъ опредѣленія, въ противность 1742 году о не отрѣшеніи отъ дѣлъ секретарей указа, секретаря Акима Ѳедорова арестовалъ и снявъ шпагу, отобравъ ево черниллицу и стулъ, отдалъ подчасы; 16) въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ обывателямъ приказалъ за рукою губернатора и товарища инструкцій не слушать и не исполнять, что оные обыватели и чинятъ»[1]).

А вотъ подвиги Одоевскаго воеводы 40-хъ годовъ Побѣдинскаго, въ нихъ встрѣчаются и казнокрадство, и взяточничество и превышеніе власти. Мѣстныхъ однодворцевъ онъ держалъ при себѣ, заставляя пасти свой скотъ, караулить канцелярію и тюрьму, «а опредѣленные къ тому караулу деньщики и отставные солдаты токмо имѣются за онымъ воеводою въ уѣздѣ за псовою охотою и въ собственныхъ его посылкахъ». Въ воеводской канцеляріи распоряжались посаженные имъ туда бѣглецъ, жившій на Дону, и разстрига-дьяконъ: съ ними вмѣстѣ воевода слушалъ и рѣшалъ дѣла на дому. Съ каждаго плательщика подушныхъ бралъ онъ взятки, «не отпуская», съ великимъ истязаніемъ. Иконописца, обокравшаго церковь, конокрадовъ, нарушителей карантинныхъ правилъ воевода отпускалъ на волю, также «изъ немалыхъ взятковъ», и въ то же время облегчалъ побѣги воровъ и

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 169, ч. 6. Превысить свою власть не прочь были даже лучшіе губернаторы Екатерининскаго времени; *Соловьевъ*, кн. VI т. XXVII, 287—288.

разбойниковъ[1]). Дѣянія Одоевскаго воеводы не выходятъ изъ предѣловъ обычныхъ воеводскихъ злоупотребленій, но областные правители нерѣдко приходили въ опьяненіе отъ своей власти, и тогда ихъ поступки пріобрѣтали иной размахъ.

Примѣровъ опьянѣнія властью, доводившихъ областныхъ правителей до самодурства, можно было бы привести много; я ограничусь однимъ, который на мой взглядъ является типичнымъ. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ въ городѣ Каширѣ былъ воеводою подполковникъ Яковъ Павловичъ Баскаковъ; хотя Баскаковъ и давно служилъ по мѣстному управленію[2]), но нравъ его оставался крутымъ и тяжелымъ, и Баскаковъ совершенно не зналъ удержу въ гнѣвѣ. Батожьемъ онъ билъ даже челобитчиковъ, если они осмѣливались съ нимъ не соглашаться[3]). На всю канцелярію воеводскую наводилъ онъ трепетъ; не боялся его только подъячій съ приписью Степанъ Ѳедоровъ Емельяновъ, всю жизнь прожившій въ Каширской воеводской канцеляріи и «примѣрно», по позднѣйшему показанію самого Баскакова, знавшій дѣла. Емельяновъ пересидѣлъ въ Каширѣ почти цѣлый десятокъ воеводъ и надѣялся пересидѣть и Баскакова. Помимо увѣренности въ своей службѣ и знаніяхъ у него были и очень хорошія по тому времени связи: Емельяновъ былъ женатъ на родной сестрѣ секретаря тайной канцеляріи Хрущова. О взаимныхъ отношеніяхъ между воеводой и подъячимъ, до послѣдняго случая, можетъ дать понятіе слѣдующій эпизодъ. Воевода рѣшилъ сослать состоявшаго при канцеляріи капрала; подъячій сталъ возражать. Тогда воевода «въ горячности» схватилъ лежавшую близъ него тетрадку и съ силой бросилъ ее на столъ подъячаго, громко крикнувъ ему: «перестань мнѣ перечить». Емельяновъ подошелъ къ воеводскому столу и спокойно сказалъ: «По именному указу 1735 года не дозволяется не токмо воеводамъ, но даже наипослѣднимъ служителямъ въ дѣлахъ непорядочнымъ образомъ поступать и непристойные поступки и побои чинить, но все должно быть содержано по правамъ, всѣ должны быть другъ съ другомъ въ единеніи и въ службѣ между собою чинить всякое вспоможеніе общимъ, вѣрнымъ и прилежнымъ трудолюбіемъ»[4]). Окончательная ссора воеводы и подъячаго съ при-

---

[1]) Моск. губ. канц., вяз. 1706, д. 38, л. 2, 29—33.

[2]) Въ 1728 г. онъ былъ назначенъ на должность Тотемскаго воеводы, Сб. Р. И. О., LXIII, стран. 429, и слѣд. Герольдм. конт., кн. 98.

[3]) И это также было болѣзнью вѣка: въ 1767 году Хлыновскій депутатъ Карякинъ предлагалъ большой комиссіи внести въ будущее уложеніе постановленіе, «чтобъ присутствующіе во время присутствія въ судебныхъ мѣстахъ, не только отъ скверной брани и дерзновенія своеручныхъ дракъ, но и отъ празднословія постороннихъ разговоровъ воздержались и чтобъ они никого изъ приходящихъ въ судъ, не имѣя законной вины, палками, батожьемъ бить отнюдь не дерзали». За битье присутствующихъ кого-нибудь въ правительственномъ учрежденіи предлагалось назначить штрафъ въ 500 рублей и «отрѣшa отъ всѣхъ дѣлъ, къ дѣламъ болѣе не опредѣлять». Сб. Р. И. О., XIV, 103.

[4]) Это, вѣроятно, сенатскій указъ 1 сентября 1735 г. «о порядочномъ производствѣ дѣлъ въ канцеляріи». П. С. З., IX, № 6799.

писью произошла изъ-за сына Емельянова, Андрея, который вмѣстѣ съ братомъ служилъ подъ начальствомъ отца въ Каширской воеводской канцеляріи. Лѣтомъ 1738 года воевода заставилъ Андрея Емельянова вырвать нѣсколько листовъ изъ приходо-расходной книги, и переписавъ, вставить въ нее новые съ цифрами, болѣе удобными и выгодными для воеводы. Старшій Емельяновъ вступился въ дѣло и требовалъ отъ воеводы, чтобы тотъ возвратилъ Андрею Емельянову вырванные листы, которые, не будучи уничтоженными, могли послужить уликой противъ Андрея, въ сущности, въ дѣлѣ неповиннаго. Воевода отказалъ; тогда Емельяновъ снова прочелъ ему нравоученіе: «По именному указу 1735 года, буде кто изъ правителей и воеводъ станетъ въ противность указовъ поступать или кто одинъ безъ общаго совѣта высшихъ или нижнихъ своихъ членовъ, что по своей волѣ чинить будетъ, то о таковыхъ представлять въ сенатъ, и съ ними будетъ поступлено безъ всякія пощады».

Развязка произошла, однако, по другой причинѣ. Андрей Емельяновъ влюбился въ крѣпостную фаворитку Баскакова и собрался за нее свататься. На почвѣ давнишней злобы противъ всей семьи Емельяновыхъ и на почвѣ ревности разыгрались послѣднія сцены. 13-го октября воевода, продержавъ Андрея Емельянова цѣлую ночь въ канцеляріи, жестоко избилъ его, такъ что, пролежавъ нѣсколько часовъ замертво, молодой приказный «едва въ чувство пришелъ», и «голосъ имѣлъ слабый». Затѣмъ пять человѣкъ канцелярскихъ солдатъ были посланы за старикомъ Емельяновымъ, его женою и вторымъ сыномъ. Сначала Баскаковъ избилъ мать своего соперника; онъ билъ ее «ругательски, немилостиво», таскалъ по всему дому, выволокъ на крыльцо и столкнулъ внизъ по лѣстницѣ. По осмотру пострадавшей старухи, у нея была «лѣвая нога перешиблена, спина и бока биты синево-багрово, правый глазъ подшибленъ, лѣвая щека, носъ и верхняя губа разбиты, оцараплены и въ крови». Покончивъ со старухой, Баскаковъ принялся за своего главнаго врага, заставилъ четырехъ солдатъ его держать, взялъ «фузею» и принялся «дуломъ, прикладомъ и цволиной» наносить ему удары по чему попало. Сведя счеты съ подъячимъ, онъ приказалъ его вынести замертво на дворъ и бросить около крыльца. Потомъ, видя, что тотъ въ чувство не приходитъ, Баскаковъ велѣлъ перенести его въ канцелярію на носилкахъ, «на которыхъ навозъ носятъ», и положить тамъ подъ караулъ, не пуская къ нему никого. Сначала изъ запертой канцеляріи слышались стоны, а ночью «за два часа до свѣта» Степанъ Емельяновъ «умре». Такъ выместилъ своему врагу самодуръ воевода[1]).

Большимъ врагомъ и искусителемъ людей XVIII вѣка былъ «Ивашка Хмѣльницкій»; пьянство или, какъ тогда говорили, «шумство», иногда

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 1638, лл. 537—626; Дѣло Баскакова послужило матеріаломъ для замѣтки *И. С. Бѣляева*: «Бытовые очерки прошлаго. Воеводская горячность», помѣщенной въ Историческомъ вѣстникѣ (1906, № 9, стран. 869—883.) Этой замѣткой, въ которой, какъ и въ указанной выше книгѣ сената, нѣтъ конца процесса Баскакова, я воспользовался для изложенія ссоры Баскакова съ Емельяновымъ и убійства подъячаго воеводой.

заставляло ихъ безобразничать не менѣе, чѣмъ самодурство или злоба. Бывшій Бѣлевскій воевода Данило Шеншинъ въ 1744 году въ бытность тамъ (т.-е. въ Бѣлевѣ) Е. И. В. камеръ-фурьера Нестерова и жены его, «будучи въ компаніи, въ шумствѣ чинилъ непристойные поступки», въ которыхъ не только онаго Нестерова жену и другихъ дамскихъ персонъ словами обидѣлъ, но и на бывшихъ съ нимъ въ компаніи мужчинъ «находя чинилъ задоръ». Началось съ пустяковъ. Шеншинъ плясалъ, «снявъ съ себя порукъ, присѣдаючи, со свистомъ и, приступая къ женѣ Нестерова, ругался и звалъ ее плясать, называя себя великимъ волокитою»: потомъ, напиваясь больше, воевода сталъ называть Бѣлевскихъ дворянъ «канальями и б...ми дѣтьми и противъ женскихъ персонъ всякія неучтивства употреблялъ», отчего «женскія персоны» даже вышли въ другую комнату. Наконецъ, воевода совсѣмъ напился, и скандалъ перенесенъ былъ на улицу. Всѣхъ присутствовавшихъ на пирушкѣ Шеншинъ «понудился многолюдствомъ бить и въ такомъ азартѣ всѣхъ гражданъ черезъ колокольный у церкви въ набатъ бой потревожилъ и въ дракѣ многихъ переранили». Особенно досталось ни въ чемъ неповинному родственнику Нестерова, подпоручику Возницыну, который даже и среди пирующихъ не былъ, а только выбѣжалъ на звуки набата: Шеншинъ и его свита, поймавъ его на улицѣ, «смертно били, шпагу изломали, шляпу и порукъ (парикъ) сорвали, а потомъ отослалъ его Шеншинъ въ тюрьму, гдѣ содержатся злодѣи». Главнымъ пособникомъ Шеншина въ этомъ скандалѣ былъ его свойственникъ изъ однодворцевъ Архипъ Горбатовъ, положенный въ подушный окладъ, котораго Шеншинъ «собою, безъ указу» опредѣлилъ въ Бѣлевъ, какъ сказано въ дѣлѣ, «полицеймейстеромъ». Безобразія Шеншина, о которыхъ было циркулярно сообщено во всѣ областныя учрежденія, даже заставили сенатъ вновь подтвердить, чтобы «всѣ воеводы такихъ своевольствъ не чинили подъ тяжелымъ штрафомъ, и въ томъ за ними губернаторы наикрѣпчайше смотрѣніе имѣли бъ»[1]). Вотъ еще одинъ примѣръ драки и безобразія отъ «шумства», относящійся къ позднему Екатерининскому времени. 24 ноября 1767 года города Вольнаго штатной команды подпоручикъ Кондратій Смарыжинъ съ женою Өедосьею Демьяновной были званы «правящимъ въ Вольномъ воеводскую должность» ротмистромъ Михаиломъ Пилюгинымъ «въ домъ государевъ, гдѣ живутъ воеводы», къ обѣду, «и какъ по окончаніи стола встали, то бывшая въ томъ же городѣ воеводша Марья Пилюгина ударила ее, Смарыжину, въ лицо и тѣмъ ударомъ разбила носъ до крови, а потомъ стоящій близъ означеннаго ротмистра Пилюгина Вольновской канцеляріи канцеляристъ Степанъ Пахомовъ, просхоча, училъ мужа ея Смарыжина въ лицо жъ бить и разбилъ носъ до крови и между тѣмъ учинилась великая драка и бой», въ которой кромѣ воеводши и канцеляриста приняли участіе самъ Пилюгинъ и атаманъ слободы Писаревки Дмитрій Соколовскій. Смарыжина били кулачьемъ до того, что его даже нельзя было привезти къ осмотру въ Бѣлгородскую

---

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 633; Дмитровской воев. канц., вязка 14, дѣло 109.

губернскую канцелярію. Къ избіенію прибавилось издѣвательство: приказные Вольновской канцеляріи подъ предводительствомъ начавшаго драку Пахомова, «ругаясь ими Смарыжинами, надѣвъ ограбленную съ нея подпоручицы мантиль на Вольновскаго откупщика Данилу Есипова, водили его Есипова по канцеляріи и по городу Вольному»[1]).

Мнѣ кажется, что объясненіе безчисленныхъ случаевъ губернаторскихъ и воеводскихъ злоупотребленій, которыми можно было бы безконечно удлинить изложеніе, пришлось бы почти всегда сводить къ отмѣченнымъ выше причинамъ. Я думаю, однако, что интереснѣе попытаться отвѣтить на другой вопросъ: получали ли когда-нибудь областные правители какое-нибудь возмездіе за совершаемые ими противозаконные поступки? Заставить губернатора или воеводу поплатиться за причиненное зло, получить удовлетвореніе за насиліе или обиду было дѣломъ не легкимъ: надо было для этого оказаться сильнѣе притѣснителей и насильниковъ. Когда же это могло случиться? Во-первыхъ, тогда, когда верховная власть сама обращала почему-либо свое вниманіе на ненормальныя явленія въ провинціи; но это могло быть только въ исключительныхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, когда злоупотребленіями бывали затронуты интересы сильныхъ лицъ, которыя могли возбудить дѣло въ столицѣ и довести его до благополучнаго конца. Въ-третьихъ, дѣлу могли помочь связи, благодаря которымъ можно было заставить выслушать жалобу, которая иначе пропала бы среди бумажнаго моря. Наконецъ, существовало обычное орудіе слабыхъ — доносъ; это средство и пускалось, кажется, чаще всего въ ходъ.

Случаевъ непосредственнаго вмѣшательства верховной власти въ злоупотребленія областныхъ властей я не знаю. Примѣромъ вмѣшательства сильныхъ лицъ можетъ служить жалоба генералъ-прокурора, князя Никиты Юрьевича Трубецкого, на поборы съ его Рязанскихъ вотчинъ, благодаря которой возникло въ 1741 году дѣло противъ Рязанскаго воеводы Чебышова[2]); изъ менѣе извѣстныхъ лицъ упомяну о лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанѣ Нащокинѣ, принесшемъ въ 1742 году жалобу императрицѣ на злоупотребленія Костромского воеводы Перфильева, разорительно отражавшіяся на его Костромскихъ вотчинахъ. Нащокинъ добился назначенія слѣдствія[3]). Нѣсколько позже полковникъ Толстой, находившійся во время второй ревизіи въ Пензенской провинціи, поднялъ знаменитое дѣло противъ прославившагося своими безобразіями Пензенскаго воеводы Жукова[4]). Къ возбужденію слѣдствія приводили иногда коллективныя жалобы мѣстныхъ дворянъ; въ этомъ, можетъ-быть, сказывалось возраставшее значеніе дворянскихъ корпорацій: такъ, напримѣръ, въ одномъ только 1731 году на своихъ воеводъ принесли жалобы

---

[1]) Хотмыжской и Карповской воев. канцеляріи (въ дѣлахъ Грайворонскаго уѣзднаго суда) оп. 5, вязка 1, л. 406.

[2]) Дѣла Сената, 38/254, л. 8.

[3]) Дѣла Сената, кн. 39/255, лл. 1—137.

[4]) Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1888 г., № 1.

въ столицу помѣщики Зарайскаго, Курскаго и Суджанскаго уѣзда, обвиняя ихъ «во взяткахъ и непорядочныхъ по сбору подушныхъ поступкахъ»[1]). Какъ могли помочь дѣлу личныя связи, можетъ дать понятіе продолженіе уже извѣстной намъ исторіи убійства подьячаго Емельянова воеводой Баскаковымъ. Баскаковъ послѣ убійства сейчасъ же собрался въ Москву улаживать дѣло и сдалъ должность своему замѣстителю, состоявшему при подушномъ сборѣ подпоручику Денису Челищеву. Дѣти Емельянова на другой день подали Челищеву челобитную объ осмотрѣ тѣла убитаго отца, а также объ освидѣтельствованіи изувѣченныхъ и избитыхъ невольнаго виновника всей исторіи Андрея Емельянова и его матери. Недовольные его отношеніемъ и усмотря въ его дѣйствіяхъ желаніе обѣлить воеводу, сыновья Емельянова, положивъ на телѣгу тѣло отца, полетѣли въ Москву; за ними вслѣдъ поѣхалъ Баскаковъ. Воевода просилъ совѣта и наставленія у зятя, — суднаго приказа асессора Чебышова, который, однако, его ничѣмъ не обнадежилъ; Емельяновы же, помимо офиціальныхъ шаговъ въ сенатской конторѣ, отправились къ своему дядѣ, секретарю тайной канцеляріи, а тотъ ихъ челобитную отъ себя уже отправилъ къ Андрею Ивановичу Ушакову. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія и 13 ноября 1738 года, ровно мѣсяцъ послѣ убійства Емельянова, послѣдовалъ указъ императрицы — Баскакова «къ надлежащему изслѣдованію и по указамъ рѣшенію отослать въ Санктъ-Петербургскую губернскую канцелярію и объявить той канцеляріи, чтобы касающееся до него дѣло изслѣдовано и рѣшено было въ непродолжительномъ времени безъ всякой поманки. Чего ради при томъ дѣлѣ присутствовать изъ сенаторовъ одной персонѣ». Одновременно за убійцей былъ посланъ офицеръ Измайловскаго полка, пріѣздъ котораго въ Каширу положилъ конецъ воеводству Баскакова. Приведемъ еще одинъ примѣръ нѣсколько иного характера, относящійся къ значительно болѣе позднему и уже иному времени. Въ 1775 году Гдовскій помѣщикъ, отставной секундъ-майоръ Быковъ, обиженный воеводой, премьеръ-майоромъ Калиновскимъ, изругавшимъ его и ударившимъ по щекѣ въ воеводской канцеляріи во время присутствія, принесъ жалобу губернатору Сиверсу, который немедленно распорядился назначить надъ Калиновскимъ слѣдствіе[2]).

Доносъ, какъ я уже сказалъ, былъ болѣе употребительнымъ средствомъ борьбы съ обидами и насиліями правителей. Мнѣ не разъ приходилось выше говорить о злоупотребленіяхъ Сибирскаго губернатора Сухарева. Его процессъ, продолжавшійся долгіе годы, былъ созданъ послѣдовательными доносами обиженныхъ имъ Оренбургской команды географа Шишкова, канцеляриста Лебедева и майора Кенемана[3]). Другой крупный воеводскій процессъ Елизаветинскаго времени, процессъ Сим-

---

[1]) Герольдмейстерской конторы, кн. 93, лл. 303, 305, 340.

[2]) Дѣла Сената, кн. 1638, лл. 537—626. *Быляевъ*. Воеводская горячность. Истор. вѣстн., 1906 г., № 9, 869—883. Гдов. воев. канц., оп. 4, вяз. 10, д. 792.

[3]) Дѣла Сената 40/256, лл. 6—17, 165—175, 185—186.

бирскаго воеводы Ходырева, также начался съ доноса одной изъ жертвъ воеводскаго произвола и беззаконія — провинціальнаго секретаря Манахтина[1]). Здѣсь число примѣровъ можно бы увеличить по желанію.

Однако, поднять дѣло было лишь первымъ шагомъ; если онъ былъ удаченъ, то, обычно, приводилъ къ назначенію слѣдствія. Но и это еще не служило гарантіей, что правда восторжествуетъ и что грабители, взяточники или обидчики понесутъ заслуженную кару. Бывали случаи, что слѣдствіе тянулось такъ долго, что оно теряло всякій смыслъ и потому должно было окончиться ничѣмъ. Губернаторъ Сухаревъ, напримѣръ, умеръ послѣ десятилѣтняго слѣдствія, которое послѣ того велѣно было прекратить[2]). Умеръ, не дождавшись правосудія, и упомянутый сейчасъ Ходыревъ[3]). Затянуть дѣло было однимъ изъ средствъ обороны обвиняемыхъ правителей, и если и они, въ свою очередь, имѣли какія-нибудь заручки и связи, то этого, обычно, удавалось достигнуть. Можно, вообще, сказать, что наказанія постигали виновныхъ рѣдко, что заслуженную кару несли, быть-можетъ, двое, трое изъ каждой сотни грабившихъ правителей. Но что же это было за наказаніе? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать различно, смотря по времени и по царствованію. Въ годы послѣ смерти Петра, когда еще были живы традиціи его времени, и въ суровое царствованіе Анны, наказанія отличались наибольшей строгостью; дворянскія тенденціи царствованія Елизаветы значительно смягчали наказанія, которымъ подвергались признанные виновными правители-дворяне. Екатерина, какъ видно изъ губернаторскихъ и воеводскихъ процессовъ 60-хъ годовъ, пыталась было строже относиться къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ правителей, но снисходительность къ дворянству, отличавшая ея царствованіе не въ меньшей степени, чѣмъ царствованіе ея предшественницы, быстро свела ея усилія на нѣтъ.

Смертная казнь преступнаго правителя, явленіе, нѣсколько разъ наблюдаемое при Петрѣ, примѣнялась и въ царствованіе Анны Ивановны. Въ 1737 или 1738 году былъ казненъ Переяславскій (Залѣсскаго) провинціальный воевода Зуевъ, повидимому, за преступленія, раскрытіе которыхъ началось со слѣдствія по пристрастнымъ дѣйствіямъ Зуева въ дѣлѣ объ убійствѣ троицкаго крестьянина двориниомъ Зезевитовымъ[4]). Немного спустя послѣ «экзекуціи» Зуева послѣдовала и экзекуція хорошо намъ извѣстнаго Баскакова. Его дѣло закончено было въ 6 дней: уже 19 ноября 1738 года послѣдовало утвержденіе смертнаго приговора кабинетъ-министрами Остерманомъ, Черкасскимъ и Волынскимъ[5]). Казни

---

[1]) Процессъ начался въ 1747 и окончился въ 1758 г.; Дѣла Сената, кн. 103/319, лл. 1—9; кн. 104/320.

[2]) Дѣла Сената, кн. 40/256, лл. 1369—1375.

[3]) Дѣла Сената, кн. 104/320, лл. 851—866.

[4]) Сб. Р. И. О., CXI, 314; Моск. губ. канц., кн. 60, л. 392 (протоколы за сент. 1738).

[5]) Сб. Р. И. О., CXXX, 507—509.

рѣшено было придать устрашающе нравоучительный характеръ, совершивъ ее на мѣстѣ преступленія, въ Каширѣ. Осужденный былъ отправленъ изъ Петербургской губернской канцеляріи, при которой онъ содержался, подъ крѣпкимъ конвоемъ въ Каширу, куда былъ привезенъ 21-го декабря «во всякомъ благополучіи, въ обѣденный благовѣстъ», и «тотчасъ въ воеводской канцеляріи при новомъ воеводѣ и подушнаго сбора при офицерѣ объявлена ему, Баскакову, смертная казнь и по объявленіи для покаянія и приготовленія къ смертной казни былъ посаженъ на три дня подъ крѣпкій караулъ въ удобное уединенное мѣсто, и допущенъ былъ всегда къ нему священникъ». На слѣдующій день о казни было «тамошнимъ обывателямъ публиковано», а 24-го Баскаковъ «при собраніи многаго народа» сложилъ свою голову. Семья Емельянова должна была получить 500 рублей[1]). Смертный приговоръ надъ воеводой можно отмѣтить и въ правленіе Анны Леопольдовны: 28 апрѣля 1741 года, за участіе въ безпорядкахъ по поводу переселенія однодворцевъ въ ландмилицкіе полки, былъ приговоренъ къ смерти Демшинскій воевода Спицынъ[2]). Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ наказывались, повидимому, не злоупотребленія воеводы, а сопротивленіе власти. Бывали, впрочемъ, случаи, что даже и въ это жестокое время смертные приговоры смягчались: такъ, въ 1740 году бывшему Усердскому воеводѣ Свитину за «убійство наемной работницы, черкашенки, вдовы Прасковьи», происшедшее, «какъ видно, безъ умысла, отъ одного только жестокосердія», смертная казнь была замѣнена сначала наказаніемъ кнутомъ и ссылкой въ Оренбургъ, а потомъ, по резолюціи регента Бирона, дѣло ограничилось только кнутомъ[3]). Дѣтямъ убитой присуждено было пятьдесятъ рублей. Въ правленіе Анны Леопольдовны смягченіе наказанія выпало также на долю взяточника, лихоимца и казнокрада Уфимскаго воеводы Шемякина: онъ былъ даже вовсе прощенъ, и «отпущенъ въ домъ»: приказано было лишь «доправить съ него по надлежащей цѣнѣ за башкирскіе пожитки и лошади и деньги и хлѣбъ, чему надлежало быть въ казнѣ, а онъ забралъ себѣ»[4]). Я привелъ здѣсь примѣры наиболѣе суровыхъ наказаній; болѣе обычными были денежные штрафы и отрѣшеніе отъ должности. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить наказаніе, постигшее Тарскаго воеводу, Сибирскаго сына боярскаго Рукина. Мелкій грабитель и взяточникъ, бравшій съ мѣстныхъ русскихъ жителей и съ инородцевъ взятки въ 2—4 рубля къ празднику, отнимавшій у нихъ коней, удерживавшій жалованье служилымъ людямъ, Рукинъ наказанъ былъ только отрѣшеніемъ отъ должности и обязательствомъ возмѣстить награбленное[5]). Наконецъ, мы знаемъ, что и при Аннѣ правители, безусловно виновные,

---

[1]) Моск. губ. канц., вязка 1661, дѣло 80, л.л. 18—19.

[2]) Сенатскій Архивъ, III, 300.

[3]) Сенатскій Архивъ, II, 55, 186; другіе случаи наказанія кнутомъ: Сенатскій Архивъ, II, 208, 345.

[4]) Сенатскій Архивъ, II, 323.

[5]) Дѣла Сената, кн. 20/236.

получали прощеніе: такъ было съ Волынскимъ, который, принеся повинную въ беззаконіяхъ, которыя онъ чинилъ надъ инородцами въ бытность свою Казанскимъ губернаторомъ, былъ прощенъ императрицей[1]).

Елизавета фактически отмѣнила смертную казнь; это отражалось и на судьбѣ областныхъ правителей, осужденныхъ за злоупотребленія въ ея царствованіе. О смертныхъ казняхъ воеводъ нѣтъ и помину, хотя, правда, и нѣтъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ воеводами. Наступило царствованіе мягкое и милосердное, особенно по отношенію къ дворянамъ. Никогда, кажется, не умѣли такъ ловко затягивать судебные процессы, какъ въ правленіе дщери Петровой. Достаточно сказать, что три самыхъ крупныхъ дѣла по злоупотребленіямъ областной администраціи, возникшія въ это царствованіе, или не были окончены, или, тянувшись цѣлыми десятилѣтіями, привели къ самымъ ничтожнымъ результатамъ. О губернаторѣ Сухаревѣ разслѣдовали съ 1744 года, а въ 1754 году дѣло прекратили за смертію его и главныхъ доносчиковъ. Въ 1748 году началось дѣло по обвиненію Пензенскаго провинціальнаго воеводы Жукова во взяткахъ, казнокрадствѣ и превышеніи власти и тому подобныхъ, привычныхъ для тогдашняго правителя преступленіяхъ. Жуковъ былъ крупный и ловкій мошенникъ; онъ сумѣлъ затянуть дѣло до самаго конца царствованія, и его уже прекратили за давностью при Екатеринѣ II. Слѣдствіе о Ходыревѣ возникло въ 1747 году; въ 1758 году, послѣ многочисленныхъ и сложныхъ перипетій, сенатъ призналъ бывшаго Симбирскаго воеводу виновнымъ во всѣхъ беззаконіяхъ, какія ему приписывались, «за что за все онъ, Ходыревъ, ежели бы понынѣ былъ живъ, яко преступникъ высочайшихъ Е. И. В. указовъ и присяжной своей должности, подлежалъ смертной казни»; но такъ какъ онъ умеръ, то дѣло ограничилось конфискаціей его имущества[2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда процессъ доводился до конца своевременно и благополучно, наказанія бывали мягкія и умѣренныя — чаще всего, пониженіе рангомъ, запрещеніе опредѣлять къ дѣламъ, денежныя взысканія и, наконецъ, выговоры. Въ 1743 году провинціальный воевода Переславля Рязанскаго Чебышовъ и провинціальный секретарь, изъ дворянъ титулярный совѣтникъ Олсуфьевъ, были обвинены въ томъ, что снарядили подъ проѣзжавшее персидское посольство 1513 лишнихъ подводъ, за отпускъ которыхъ домой брали взятки; кромѣ того, они брали взятки при поставкѣ фуража на армейскіе полки и, наконецъ, получили съ Рязанскаго архіерейскаго дома Чебышовъ 40 рублей, а Олсуфьевъ 20 рублей, за то, что обѣщали зачесть за рекрутовъ архіерейскихъ служителей, взятыхъ въ военную службу «за небытіе у присяги». За всѣ эти преступленія у Чебышова и Олсуфьева было отписано недвижимое имѣніе, а самихъ ихъ повелѣно было «понизя по одному рангу, ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и дать имъ пашпорты, въ которыхъ напи-

[1]) Дѣла Сената, кн. 22/238, л. 239.

[2]) Дѣла Сената, кн. 40/256, лл. 1369—1374, 1379—1382; кн. 104/320, лл. 851—866. Гос. Арх. разр. XVI, д. 169, ч. VI. Чт. Об. Ист. и Др., 1888, кн. I, 33, 34.

сать, что они за то свое преступленіе чинами унижены»[1]). Въ 1753 году Кольскій воевода, коллежскій асессоръ Левъ Нечаевъ, «обрѣтающихся въ Колѣ при заготовленіи лѣсовъ» повѣренныхъ крупныхъ Архангельскихъ фирмъ взявъ силою изъ квартиры ихъ въ канцелярію подъ караулъ, «якобы за учиненную ему, Нечаеву, обиду, безъ челобитья и безъ приказной записки билъ батожьемъ». За это Нечаевъ, въ силу 11 статьи XXII главы Уложенія, долженъ былъ заплатить увѣчье и безчестье, наказаніе же ему опредѣлено было такое: «хотя за то его дерзновеніе, въ силу онаго жъ Уложенія XXII главы, 11 пункта, надлежало ему учинить наказаніе кнутомъ, но вмѣсто того лишить его, Нечаева, всѣхъ чиновъ и къ дѣламъ впредь никуда не опредѣлять»; наказаніе велѣно было прописать въ паспортѣ[2]). Енисейскій провинціальный воевода, коллежскій асессоръ Петръ Мировичъ, «приходилъ въ канцелярію безъ шпаги и безъ мундира въ одной шубѣ и колпакѣ и сидѣлъ за столомъ, гдѣ имѣется зерцало»; приходившіе изъ столицы указы онъ распечатывалъ и читалъ тоже въ колпакѣ, несмотря на предупрежденія секретаря и канцеляристовъ, «что то указамъ противно», а присланнаго для понужденія при сборѣ подушной доимки солдата Преображенскаго полка Галахова «выбранилъ въ канцеляріи матерно». Въ 1746 году за «показанные его непорядки, яко то за афронтъ судебнаго мѣста и за брань» сенатъ опредѣлилъ взыскать съ него 550 рублей штрафа, «дабы и другіе, смотря на то, такъ не поступали»[3]). Припомнимъ еще разъ Бѣлевскаго воеводу Шеншина, въ пьяномъ видѣ устроившаго на улицахъ ввѣреннаго ему города цѣлую баталію: за совершонное имъ Шеншинъ «подлежалъ не малому штрафу, однако Ея Императорское Величество ту его вину всемилостивѣйше отпустили», ограничившись указомъ «впредь такія самовольства воеводамъ чинить запретить подъ тяжкимъ штрафомъ»[4]). Власть, осуждающая виновнаго, признаетъ, что онъ подлежитъ болѣе суровому наказанію, но сама это наказаніе понижаетъ; это обычное явленіе Елизаветинскаго царствованія, когда дѣло касается преступника-дворянина, явленіе, свидѣтельствующее о растущемъ вліяніи дворянскаго сословія на общественныя дѣла и государственное управленіе. Съ воцареніемъ Екатерины II оно становится едва ли еще не замѣтнѣе.

Екатерина 60-хъ годовъ — авторъ наказа, еще не искушенная опытомъ правленія государыня, мечтающая реформировать русское общество. Издавъ манифестъ 18-го іюля противъ лихоимцевъ и убѣдившись почти тотчасъ, что приводимые въ этомъ манифестѣ принципы попираются самымъ безцеремоннымъ образомъ, императрица старается явить наглядный примѣръ строгости, справедливости и правосудія, учреждаетъ слѣдствія, настаиваетъ на болѣе энергичномъ веденіи дѣла; предписываетъ, какъ въ дѣлѣ Мясоѣдова, генералъ-прокурору «посту-

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 38/254, л. 245.
[2]) П. С. З., XIV, № 10332.
[3]) П. С. З., XII, № 9335.
[4]) Дмитровск. воев. канц., вяз. 14, д. 109.

нать по силѣ своей инструкціи»[1]); всенародно возвѣщаетъ о совершонныхъ преступленіяхъ и постановленныхъ приговорахъ, но приговоры эти поражаютъ своей мягкостью; читая ихъ, невольно думаешь иногда, не недоразумѣніе ли здѣсь, или даже не насмѣшка ли надъ правосудіемъ. Въ 1762 году за неправильное рѣшеніе земельнаго дѣла Устюжскій провинціальный воевода Брылкинъ и его товарищъ были присуждены къ денежному штрафу въ 550 рублей, а секретарь, за измѣненіе редакціи официальной бумаги по этому дѣлу, былъ лишенъ секретарскаго званія и чиновъ[2]). Когда проворовался и былъ уличенъ во взяткахъ и въ казнокрадствѣ Калужскій провинціальный воевода Мясоѣдовъ со своими товарищами, императрица, признавая, что «неизбѣжно таковые по законамъ сущіе преступники подлежатъ смертной казни», тѣмъ не менѣе, «изъ единаго врожденнаго человѣколюбія отъ столь поносной казни», ихъ освободила, и по высочайшей резолюціи Мясоѣдовъ и его товарищъ Юровъ были лишены чиновъ и сосланы въ свои деревни, секретарь Тороповъ написанъ вѣчно въ копіисты и отосланъ въ отдаленный городъ, и только самый скромный по своему соціальному положенію канцеляристъ Панфутьевъ былъ высѣченъ плетьми и отправленъ въ солдаты въ отдаленный гарнизонъ на вѣчныя времена[3]). Въ 1764 году Бѣлгородской губерніи города Валуекъ бывшій воевода, коллежскій асессоръ Клементьевъ и канцеляристъ Бочаровъ, «презря свою должность и присягу, оказались явными преступниками, не довольно за что бъ другое, но и за приводъ въ вѣрности Е. И. В. къ присягѣ брали взятки». За это воеводу лишили чиновъ, съ запрещеніемъ опредѣлять его къ дѣламъ, а канцеляриста повелѣно было лишить чиновъ, и если онъ дворянинъ, то его не ссылать, а если не дворянинъ, то сослать на поселеніе[4]). Въ это самое время въ той же Бѣлгородской губерніи работала подъ начальствомъ гвардіи майора Е. А. Щербинина большая комиссія, разслѣдовавшая дѣло о незаконномъ куреніи вина и взяточничествѣ должностныхъ лицъ. Это было то, именно, дѣло, въ приговорѣ по которому, утвержденномъ 11 ноября 1766 года, находились лирическія восклицанія о забвеніи незадолго передъ тѣмъ изданнаго манифеста 1762 года и о сожалѣніи императрицы, что «послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздоимствовали въ утѣсненіе многимъ». По этому дѣлу осуждено было 37 человѣкъ, въ томъ числѣ Бѣлгородскіе губернаторъ, вице-губернаторъ, губернаторскій товарищъ, нѣсколько прокуроровъ, нѣсколько воеводъ и приказныхъ. Наказанія всѣхъ этихъ лицъ довольно схожи; но они всѣ типичны для эпохи; приведу нѣсколько примѣровъ. Губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Шаховской, былъ сенатомъ присужденъ къ лишенію всѣхъ чиновъ съ запрещеніемъ опредѣлять къ дѣламъ. Екатерина отмѣнила наказаніе, «обративъ

---

1) Сб. Р. И. О., VII, 276.
2) П. С. З., XV, № 11505.
3) П. С. З., XVI, № 11869, 1763 г. іюня 30: *Грибовскій*, Матеріалы №№ 8, 13, 18.
4) П. С. З., XVI, № 12233.

его въ четырехлѣтнюю ссылку въ его деревню. Губернаторскій товарищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ и воеводы: Яблоновскій, Рыльскій и Новооскольскій, уличенные во взяткахъ, лишались чиновъ и должны были вернуть награбленное, въ двойномъ размѣрѣ. «Императрица изъ Высочайшаго милосердія» замѣнила лишеніе чиновъ отнятіемъ только одного чина у каждаго. Надо, въ общемъ, отдать справедливость Екатеринѣ: въ этомъ дѣлѣ она равномѣрно понижала наказаніе всѣмъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ, но во мнѣніяхъ сената, представленныхъ ей, можно видѣть замѣтные и въ приведенныхъ ранѣе приговорахъ, ясные слѣды стремленія наложить на дворянина наказаніе болѣе легкое, чѣмъ на человѣка нечиновнаго. Такъ, Новооскольскаго подъячаго съ приписью Царегородцева, за недонесеніе о незаконномъ куреніи вина и за принятіе взятокъ въ 1761 году на 12 рублей (Рыльскій и Яблоновскій воеводы набрали ихъ болѣе чѣмъ на 1000 рублей каждый), сенатъ предлагалъ, «яко не чиновнаго», сослать въ Сибирь на поселеніе. Императрица его совершенно простила[1]). Въ 1768 году Московскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Юшковъ, попался въ запрещенной карточной игрѣ вмѣстѣ съ другими лицами, среди которыхъ были лучшіе представители Московскаго общества. Судъ по этому дѣлу происходилъ въ юстицъ-коллегіи, которая признала виновными всѣхъ, кто игралъ въ запрещенныя игры. Такъ какъ судъ совершался по всей строгости законовъ, то обвиняемымъ грозили суровыя наказанія, въ видѣ денежныхъ штрафовъ и лишенія чиновъ. «Кольми паче изъ оныхъ наказанія заслуживаетъ Юшковъ», говорится въ приговорѣ, «которому не только чтобы самому въ таковыя запретительныя игры, будучи въ Москвѣ, играть не надлежало, но яко своей губерніи хозяину стараться объ искорененіи игры». Однако, игроки-дворяне отдѣлались только содержаніемъ подъ карауломъ, а губернаторъ Юшковъ былъ, кажется, принужденъ выйти въ отставку, зато непривилегированныхъ участниковъ карточной игры, иностранца Боленса и Углицкаго купца Лифанова приговорили было «бить батоги»[2]). Но нигдѣ, можетъ-быть, несоотвѣтствіе мягкаго наказанія тяжелой винѣ такъ не проглядываетъ, какъ въ знаменитомъ дѣлѣ Смоленскаго губернатора, генералъ-майора Исая Аршеневскаго, ознаменовавшемъ собою первые дни Екатерининскаго царствованія. Аршеневскій, его товарищи Лебедевъ и Суходольскій и прокуроръ Волынскій, уличенные въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ, въ казнокрадствѣ, лихоимствѣ и взяточничествѣ, были признаны приговоромъ сената отъ 3 апрѣля 1763 года, подлежащими смертной казни, но они всѣ подведены были подъ коронаціонную амнистію, данную 22-го сентября предыдущаго года, и было постановлено: «оныхъ Аршеневскаго съ товарищи отъ присужденной имъ смертной казни и изъ-подъ караула освободить» и, вмѣсто казни, лишить ихъ всѣхъ чиновъ и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять, а «показанныя на нихъ

---

[1]) П. С. З., XVII, № 12781. *Соловьевъ* кн. VI, т. XXVII, 287.

[2]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 565.

взятки возвратить тѣмъ людямъ, съ кого они получали»[1]). И императрица пошла даже далѣе. «Когда не накажешь людей», писала она генералъ-прокурору Глѣбову 20-го слѣдующаго мая, «говорятъ — послабленіе; когда же накажешь, говорятъ — строго. Пускай Аршеневскій останется до моего пріѣзда безъ чиновъ, а тогда въ сенатъ пріѣду съ вышеписанными рефлекціями да облегчу сентенцію»[2]). Во-время поданная и хорошо написанная повинная могла, кажется, и вовсе отвести грозившее наказаніе. Какъ Анна Ивановна простила покаявшагося Волынскаго, такъ Екатерина II не подвергла наказанію бывшаго Воронежскаго губернатора А. М. Пушкина, увѣрявшаго ее, что онъ чувствуетъ, «сколь несносно быть недостойнымъ рабомъ такой монархини». «Никакое въ свѣтѣ мученіе не можетъ быть подобно тому, какъ видѣть себя подъ гнѣвомъ столь милосердой императрицы». При этомъ Пушкинъ объяснялъ, что, будучи губернаторомъ въ Воронежѣ, «отъ тамошнихъ обывателей принималъ онъ подарки, не такъ, однако, великіе, какъ нынѣ показываютъ», что «сіе происходило, большею частью, въ засвидѣтельствованіе, по обычаю тамошнему, благодарности», за его, губернатора, «благопривѣтливости» и что онъ «подарковъ ради не обвинялъ справедливаго въ судахъ»[3]). Въ заключеніе, вспомнимъ еще объ одномъ дѣлѣ 60-хъ годовъ; хотя оно и не относится прямо къ изученнымъ вопросамъ, но оно подчеркиваетъ уже отмѣченныя тенденціи эпохи: правящее дворянство не хотѣло карать своихъ виновныхъ сочленовъ; реформаторски настроенная, но не твердо еще сидѣвшая на тронѣ Екатерина не смѣла налагать руку правосудія на то сословіе, члены котораго доставили ей высшую власть. За доказанное превышеніе власти и несправедливые и беззаконные поступки въ связи съ полученнымъ виннымъ подрядомъ въ Сибири генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ былъ только уволенъ отъ должности, и хотя это увольненіе сопряжено было съ запрещеніемъ давать ему новое назначеніе, онъ все таки былъ, позднѣе, Смоленскимъ и Бѣлогородскимъ губернаторомъ, а посланный имъ въ Сибирь слѣдователь Крыловъ, болѣе, чѣмъ кто-либо достойный смертной казни, отдѣлался 6-лѣтней каторгой[4]). Чтобы найти большее соотвѣтствіе между виною и наказаніемъ, надо было спуститься въ непривилегированную среду.

Я долго говорилъ о несправедливыхъ и незаконныхъ поступкахъ областныхъ правителей, о ихъ взяточничествѣ, лихоимствѣ и безобразіяхъ. Но это не значитъ, чтобъ Россія XVIII вѣка совсѣмъ не знала хорошихъ правителей. Среди жалобъ, доносовъ и просьбъ о заступни-

---

[1]) Сенатскій Архивъ, XII, 254, 277, 298, 299, 353, 355, 419. *Грибовскій,* Матеріалы, №, 24, 25.

[2]) Сб. Р. И. О., VII, 286—287.

[3]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 657.

[4]) Сб. Р. И. О., I, 215—252. Очень интересныя данныя объ А. И. Глѣбовѣ, почерпнутыя изъ случайно уцѣлѣвшей части его архива, собраны въ изданной въ 1912 году монографіи, посвященной исторіи его бывшей подмосковной: «Село Виноградово», М. 1912.

чествѣ попадаются и просьбы иного свойства. Я приведу 2—3 изъ нихъ, относящіяся къ началу и къ концу изучаемаго періода. Съ 1 января 1731 года въ Пустозерскомъ острогѣ былъ воеводой «изъ дворянъ» Яковъ Ильичъ Великопольскій; съ того же числа Соликамской или, какъ ее чаще называли, Пермской провинціей управлялъ полковникъ Григорій Овцынъ. Ихъ полномочія, согласно дѣйствовавшему въ то время закону, кончались 1 января 1733 года. Къ этому времени черносошные крестьяне Печорскаго края отправили въ сенатъ челобитную, въ которой указывали, что «отъ первостатейныхъ даже и до послѣднихъ благосклонною его резолюціей довольствуются всѣ, такожъ налогъ и обидъ къ нимъ отъ онаго воеводы никакихъ нѣтъ. Со своей стороны, Соликамскій посадъ, уѣздные старосты и крестьяне сообщали въ столицу, что полковникъ Овцынъ «управленіе дѣлъ имѣетъ безкорыстно и ко всему народу во всемъ благопотребенъ». Заключеніе обѣихъ челобитныхъ было одинаково: и Пустозерцы и Соликамцы просили, чтобы Великопольскій и Овцынъ оставались у нихъ воеводами по срокѣ, безъ перемѣны, до указу[1]). Въ 1744 году жители Вятской и Свіяжской провинцій и городовъ Ядрина и Козьмодемьянска, просили объ оставленіи у нихъ воеводъ на новые сроки, указывая, что они «никакихъ обидъ и разореній не чинятъ и дѣла отправляютъ порядочно»[2]). Приблизительно точно такъ же аттестовали въ 1762 году Порховскіе дворяне-помѣщики и Порховскіе посадскіе титулярнаго совѣтника Колемина, уже исправлявшаго у нихъ должность воеводы, прося о его утвержденіи[3]). Одобрительные отзывы о воеводахъ попадаются и въ наказахъ 1767 года: такъ, чуваши Цывильскаго уѣзда писали, что «по прибытіи въ Цывильскъ воеводы Сергѣя Милкевича возымѣли они въ дѣлахъ своихъ удовольствіе и отъ всякихъ чинимыхъ обидъ защищеніе»[4]). Характерно отношеніе правительства къ подобнаго рода прошеніямъ. Ходатайства, относящіяся къ царствованіямъ Елизаветы и Екатерины II, удовлетворялись безпрепятственно; Соликамцамъ и Пустозерцамъ отвѣтили ссылкой на законъ 20 марта 1730 года, повелѣвавшій смѣнять воеводъ черезъ 2 года а опредѣлять ихъ вновь только послѣ окончанія счетовъ, если въ теченіе года послѣ смѣны на нихъ не было жалобъ; къ этому прибавили, что въ оба города уже назначены воеводы новые. Такъ, бездушный канцелярско-бюрократическій формализмъ Анниискаго царствованія отозвался на просьбу далекой провинціи; воеводы, зарекомендовавшіе себя хорошими управителями и оцѣненные населеніемъ, были смѣнены; столь рѣдкимъ явленіемъ не воспользовались, а между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, что законъ 1730 года соблюдался далеко не точно, и тамъ, гдѣ центральная власть хотѣла, или гдѣ она того не замѣчала, воеводы

---

1) Герольдм. конторы, кн. 93, л. 100.

2) П. С. З., XII, № 8767.

3) Герольдм. конторы, кн. 506, лл. 337—339; подъ прошеніемъ дворянъ 38 подписей; подъ прошеніемъ посадскихъ — болѣе 20.

4) Сб. Р. И. О., CXV, 431—434.

сидѣли и долѣе двухъ лѣтъ. Впрочемъ, и въ 30-хъ годахъ иногда откликались на желаніе продолжить полномочія добропорядочнаго воеводы; такъ, въ 1735 году, по миновапіи двухлѣтняго срока, былъ оставленъ «до указу» на своемъ мѣстѣ провинціальный воевода Переяславля Залѣсскаго, майоръ Зуевъ, «за порядочное его исправленіе», но въ этомъ случаѣ было какое-то недоразумѣніе, и продолженіе полномочій привело, въ концѣ концовъ, воеводу на плаху. Однако, одобрительныя аттестаціи, даваемыя населеніемъ правителямъ и просьбы о продолженіи ихъ полномочій, остаются очень рѣдкими явленіями, въ сравненіи съ извѣстіями о злоупотребленіяхъ и беззаконіяхъ, и, какъ всякія исключенія, они только лучше подтверждаютъ общее правило, по которому правитель смотрѣлъ на своихъ подчиненныхъ, какъ на поле для безнаказанной эксплуатаціи, а населеніе на правителя, — какъ на насильника и обидчика.

Изслѣдователь областныхъ учрежденій, предшествовавшихъ учрежденіямъ, изучаемымъ въ настоящей работѣ, посвятилъ рядъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ страницъ доказательству того, что людямъ Петровской эпохи, призваннымъ осуществить и привести въ дѣйствіе областную реформу, задуманную царемъ-Преобразователемъ, новыя учрежденія были не по плечу. «Воспитаніе, которое получали будущіе администраторы, не прививало имъ свойствъ, необходимыхъ для управленія коллегіальнымъ порядкомъ при раздѣленіи властей». Провинціальныя власти не уживались «дружно». «Старинный взглядъ на гражданскую должность, какъ на пожалованіе для личнаго обогащенія, продолжалъ жить, несмотря на всю борьбу съ нимъ преобразователя»[1]). Основною задачей реформы 1727 года было упростить учрежденія, сдѣлать ихъ болѣе близкими и понятными для управляемыхъ. Но въ измѣненномъ областномъ строѣ люди остались тѣ же. Ихъ подготовка была недостаточной даже и для упрощенныхъ учрежденій; ихъ нравственныя качества оставались такими же низкими; отождествленіе своихъ интересовъ съ казенными, постоянное примѣненіе права сильнаго, самодурство и пьянство оставались, какъ и ранѣе, самыми обыденными, распространенными явленіями, а постепенное развитіе дворянской вольности, приводившее къ установленію связи между мѣстной администраціей и мѣстнымъ дворянствомъ, могло способствовать только большему отчужденію дворянъ-правителей отъ тяглаго населенія, имъ подчиненнаго. Личный составъ губернаторовъ, и особенно воеводъ, не способствовалъ, во всякомъ случаѣ, успѣху и популярности областныхъ учрежденій 1727 года.

---

[1]) *Богословскій*, Областная реформа, 282—294.

ГЛАВА VII.

ГУБЕРНСКІЯ, ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ И ВОЕВОДСКІЯ КАНЦЕЛЯРІИ.

Орудіемъ, которое приводило въ дѣйствіе велѣнія губернаторовъ и воеводъ, была ихъ канцелярія. Органомъ власти былъ самъ правитель; исполненіе рѣшеній и приказаній власти принадлежало канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, канцеляріи были единственнымъ орудіемъ власти губернаторовъ и воеводъ, и въ глазахъ современниковъ это обстоятельство иногда выдвигало канцелярію на первый планъ, придавало ей больше значенія и отождествляло ее съ дѣйствительнымъ органомъ власти. Выраженія: «губернская» или «провинціальная канцелярія» употреблялось часто какъ синонимъ выраженій: «губернаторъ», «воевода», «губернія», «провинція»[1]).

Взаимныя отношенія областныхъ правителей различныхъ ранговъ и ихъ канцелярій были впервые формулированы при Петрѣ, и уже въ это время сознаніе нѣкотораго юридическаго различія между тѣми и другими не было вполнѣ чуждо нашему законодательству. Генеральный регламентъ разсматриваетъ канцелярію, какъ нѣчто, состоящее при коллегіи и подчиненное ей: канцеляріи «надлежитъ все то отправлять, что отъ коллегіи опредѣлено». Приблизительно такъ же смотритъ на канцелярію и главу ея — секретаря появившійся почти одновременно съ генеральнымъ регламентомъ наказъ земскимъ дьякамъ[2]). И позднѣе правительство долгое время проводило ту точку зрѣнія, что канцелярія состоитъ «въ точной дирекціи» главы столичнаго учрежденія, начальника губерніи, провинціи и городового воеводы.

Относительно двухъ низшихъ инстанцій областного управленія такая точка зрѣнія не измѣнилась до самаго конца изучаемаго времени; нѣсколько иначе было дѣло съ губерніей. Проводя мысль о томъ, что губернская канцелярія есть органъ, всецѣло подчиненный губернатору, правительство отдѣляло самого губернатора отъ его канцеляріи. Типичнымъ проявленіемъ такого воззрѣнія на губернатора и губернскую

---

[1]) Это повелось еще съ Петровскаго времени. *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе Россіи XVIII вѣка, М. 1876 г., стран. 74.

[2]) П. С. З., VI, № 3534, гл. XXVIII.

[3]) П. С. З., VI, № 3571.

канцелярію является сенатскій указъ 19 октября 1759 года, предписывавшій однодворческимъ управителямъ «быть въ полномъ вѣдомствѣ у однихъ губернаторовъ», а губернской канцеляріи «въ вѣдомство тѣхъ управителей не вступать». Распоряженіе это было дано «въ подтвержденіе» инструкціи, данной за три года до того генералъ-лейтенанту Ушакову, отправленному въ южныя губерніи для организаціи однодворцевъ и для опредѣленія къ нимъ управителей; такимъ образомъ, указъ 1759 года опирался на другое распоряженіе, данное по особому случаю, особому экстраординарному агенту правительства. Казалось бы, что инструкція Ушакову не могла служить прецедентомъ; между тѣмъ, сенатъ, по представленію Воронежскаго губернатора Пушкина, посмотрѣлъ на дѣло именно такъ и согласился съ представленіемъ губернатора, несмотря на то, что мѣстный вицегубернаторъ и губернаторскій товарищъ спорили съ губернаторомъ, доказывая, что однодворцы на общемъ основаніи должны быть подвѣдомственны всей совокупности губернскихъ учрежденій. Думается, что вице-губернаторъ и губернаторскій товарищъ ближе стояли къ традиціонной точкѣ зрѣнія правительства, нежели губернаторъ Пушкинъ и согласившійся съ нимъ сенатъ[1]).

Окончательно вопросъ объ отношеніи губернатора къ губернской канцеляріи былъ разрѣшенъ «наставленіемъ» 1764 года. Оно нѣсколько двойственно: съ одной стороны, «губернскія канцеляріи оставляются на прежнемъ ихъ основаніи и въ точной губернаторской дирекціи состоять имѣютъ»; это — дань старинному воззрѣнію, считавшему канцелярію только орудіемъ губернатора. Съ другой стороны, наставленіе отдѣляетъ канцелярію отъ губернатора. Послѣдній «смотритъ, чтобы теченіе дѣлъ происходило съ добрымъ успѣхомъ»; онъ наблюдаетъ за дѣятельностью канцеляріи; не будучи обязанъ, «по обыкновеннымъ партикулярнымъ тяжебнымъ дѣламъ присутствовать», онъ вступается въ нихъ «въ случаѣ по онымъ медленія» и «при несогласномъ по дѣлу разсужденіи»[2]).

Однако, по существу, канцелярія все же всегда оставалась именно орудіемъ, средствомъ областного правителя при осуществленіи его власти. Орудіе это было живое, и какъ всякое сообщество живыхъ людей, оно жило особой жизнью, имѣло свой соціальный составъ и волновалось одному ему присущими интересами.

Приказная служба была всесословной съ самаго начала существованія своего. «Поповичи и простое всенародство», по выраженію Курбскаго, встрѣчались на этой службѣ съ захудалыми представителями служилаго сословія и мирно уживались вмѣстѣ съ ними въ должностяхъ дьяковъ и подьячихъ. Такъ было при старыхъ Московскихъ порядкахъ, такъ оставалось и при Петрѣ, даже послѣ введенія подушной

[1]) П. С. З., XV, № 10978.

[2]) П. С. З., XVI, № 12137, ст. 2 и 3; о взаимныхъ отношеніяхъ губернаторовъ и ихъ канцелярій см. *Дмитріева*, Исторія судебныхъ инстанцій, стран. 451—452 и *Блинова*, Губернаторы, стран. 66—69.

подати, строже, чѣмъ раньше, подчеркнувшей сословную группировку русскаго общества. Въ приказную службу въ 20-хъ годахъ было возможно поступить даже людямъ съ не вполнѣ легальнымъ положеніемъ. Въ Клинской, напримѣръ, воеводской канцеляріи, правда, на самыхъ низшихъ должностяхъ сторожей, но долгое время, служили «безъ письменнаго вида и безъ паспортовъ» Московскіе посадскіе люди[1]). Однако, въ послѣпетровское время положеніе приказнаго люда стало мѣняться. Правительство, обслуживая, съ одной стороны, интересы все болѣе и болѣе усиливающагося дворянства, не желая, съ другой, чтобы кто-нибудь изъ внесенныхъ въ подушный окладъ выходилъ изъ-подъ этого ярма, стремилось точно опредѣлить составъ приказныхъ людей съ тѣмъ, чтобы не только прекратить доступъ въ приказную службу со стороны, но и вывести изъ нея всѣхъ тяглыхъ людей, успѣвшихъ въ нее попасть; при этомъ обращалось особое вниманіе на крѣпостныхъ и на всѣхъ мелкихъ служилыхъ людей, продолжавшихъ зачисляться въ приказные. Въ 1729 году сенатъ приказалъ доставить списки приказныхъ людей всѣхъ учрежденій обѣихъ столицъ и провинцій; вмѣстѣ съ тѣмъ, «понеже являются подъячіе, кои отъ дѣлъ отбыли, а нынѣ шатаются ни у какого дѣла, а нѣкоторые нанимаются въ суды ходить», всѣмъ подъячимъ, находящимся не у дѣлъ, предписывалось явиться въ трехмѣсячный срокъ въ герольдмейстерскую контору въ Москвѣ, въ юстицъ-контору въ Петербургѣ, а въ городахъ — къ губернаторамъ и воеводамъ, записать свое имя и ждать назначенія[2]). За этимъ учетомъ приказныхъ послѣдовали мало-по-малу другія мѣры, стѣснявшія кругъ лицъ, изъ котораго могли пополняться приказные служащіе. Въ 1738 году послѣдовалъ указъ «опредѣленныхъ въ Болховѣ и Курскѣ въ ратушахъ въ писчики изъ числа тамошнихъ купецкихъ, положенныхъ въ подушный окладъ людей 4 человѣкъ», переведенныхъ затѣмъ въ составъ подъячихъ воеводскихъ канцелярій, «ежели оные подлинно изъ купечества, а не изъ приказныхъ служителей, оныхъ въ ратуши отпустить немедленно, и въ прочихъ во всѣхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ изъ ратушъ, таковыхъ отнюдь не брать, чтобы такими непорядками купечеству обидъ не происходило»[3]), или, и это, быть-можетъ, будетъ ближе къ истинѣ, чтобъ посадскіе люди не избѣгали, такимъ образомъ, тяжкаго бремени лежавшихъ на посадѣ службъ и повинностей. Въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, не безъ связи, кажется, со второй ревизіей, послѣдовала болѣе рѣшительная и болѣе широкая мѣра. Указомъ 9 іюля 1744 года повелѣвалось исключить изъ числа подьячихъ всѣхъ, кто былъ записанъ въ подушный окладъ, т.-е. посадскихъ людей и дворцовыхъ синодальныхъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ[4]).

[1]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 2, дѣло 17; о составѣ подъячихъ при Петрѣ въ 10-хъ годахъ. См. *Мрочка-Дроздовскаго*, Областное Управленіе, 91.

[2]) П. С. З., VIII, № 5399.

[3]) П. С. З., X, № 7620.

[4]) Дмитр. воев. канц., вяз. 8, д. 13, лл. 1—4; въ П. С. З. этого указа нѣтъ; П. С. З., XII, № 9147, 1745 г.: приведеніе этого указа въ исполненіе Пермской провинціальной канцеляріей.

За тяглыми людьми насталъ чередъ мелкихъ служилыхъ людей спеціальныхъ службъ. 19 февраля 1752 года Воронежской губернской и Бахмутской провинціальной канцеляріямъ было «наикрѣпчайше подтверждено» запрещеніе опредѣлять въ подъячіе мѣстныхъ казаковъ[1]). Нѣсколько позднѣе зашла рѣчь о солдатскихъ дѣтяхъ. 14 августа 1766 года послѣдовалъ указъ сената «находящихся во всѣхъ приказныхъ мѣстахъ въ штатномъ числѣ изъ солдатскихъ дѣтей канцелярскихъ служителей, опредѣленныхъ самими присутственными мѣстами, такожъ губернаторами и воеводами, оставить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они нынѣ находятся, для того, чтобы оные канцелярскіе служители, будучи изъ малолѣтства у приказныхъ дѣлъ употреблены, впредь больше полезны быть могутъ», именно у этихъ дѣлъ; но состоящихъ сверхъ штата велѣно было немедленно отправить къ «дивизіоннымъ командирамъ, а впредь опредѣлять солдатскихъ дѣтей въ канцелярскіе служители запрещалось вовсе[2]).

Устраняя изъ приказной службы всѣхъ тѣхъ, кто принадлежалъ къ другимъ сословіямъ, правительство старалось, чтобы принадлежавшіе къ ней по своему происхожденію неизмѣнно въ ней оставались. На это, напримѣръ, ясно указываетъ одно изъ постановленій указа 11 октября 1755 года, общая цѣль котораго — учетъ приказнаго люда, не разъ повторявшійся и послѣ помянутаго выше указа 1729 года: «впредь дѣтей приказныхъ, кои не изъ дворянъ, до будущаго разсмотрѣнія ни въ какую службу кромѣ приказной отнюдь никуда не опредѣлять подъ опасеніемъ штрафа»[3]).

Политика правительства была ясной и опредѣленной; но привела ли она къ намѣченной цѣли; удалось ли ему устранить изъ состава приказныхъ всѣ нежелательные для него элементы? Едва ли на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно. Еще въ 1775 году, наканунѣ Екатерининской областной реформы, сенатъ вновь предписалъ составить по губерніямъ списки приказныхъ людей, происходящихъ изъ податного населенія, и оказалось, что несмотря на всѣ издававшіеся указы, податной элементъ въ приказной службѣ искорененъ не былъ. Въ обширной Бѣлгородской губерніи подъячихъ, принадлежавшихъ по своему происхожденію къ положеннымъ въ подушный окладъ, оказалось четверо — двое въ губернской канцеляріи и двое въ Курской воеводской. Помимо податныхъ, въ составѣ приказныхъ людей въ Бѣлгородской губерніи оказались и изгоняемыя солдатскія дѣти; такъ, въ Валуйской воеводской канцеляріи былъ одинъ такой подъячій[4]). Въ концѣ изучаемаго времени среди приказныхъ попадались, хотя, вѣроятно, не часто, и дворяне. Добрынинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о молодомъ дворянинѣ Луцевинѣ, который съ 12-лѣтняго возраста проходилъ въ Рыльской воеводской

---

[1]) П. С. З., XIII, № 9941.

[2]) П. С. З., XVII, № 12723.

[3]) П. С. З., XIV, № 10473.

[4]) Бѣлгородск. губ. канц., оп. 6, вязка 4, д. 338/5645.

канцеляріи и въ Рыльскомъ магистратѣ канцелярскія должности, «испыталъ просиживать надъ бумагами цѣлыя ночи не спавши, имѣлъ чувствительное мученіе сидѣть съ пьяными приказными, былъ отъ нихъ посаженъ въ желѣза, а глупый секретарь смотрѣлъ на это съ равнодушнымъ смѣхомъ; отъ воеводы, носившаго всегда за губою табачную жвачку, былъ битъ палками за переписаніе челобитной, посылаемой отъ него къ губернатору или въ сенатъ». Въ 70-хъ годахъ Луцевинъ былъ канцеляристомъ Сѣвской консисторіи[1]). Такъ приказная служба и во второй половинѣ XVIII вѣка оставалась всесословной.

Однако, стѣснительныя мѣры, только что перечисленныя, все же не остались безъ результатовъ. Во-первыхъ, онѣ дали перевѣсъ въ составѣ приказнаго люда двумъ группамъ — наслѣдственнымъ приказнымъ и церковникамъ — единственной категоріи людей, которымъ вступленіе на приказную службу запрещено не было. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы привести въ неограниченномъ числѣ. Въ 1740 году изъ 12 канцелярскихъ служителей Дмитровской воеводской канцеляріи 8 человѣкъ происходило изъ подьяческихъ дѣтей, 2 изъ духовнаго званія, 1 изъ боярскихъ людей и 1 былъ «татарской природы»[2]). Въ Валуйской воеводской канцеляріи въ 1775 году при одномъ солдатскомъ сынѣ было 2 церковника и 13 подьяческихъ дѣтей[3]). Въ послѣдніе годы существованія Клинской воеводской канцеляріи въ 1779—1780 гг. въ ней служили одинъ захудалый дворянинъ, 4 канцелярскихъ служителя изъ духовнаго званія и 4 — изъ подьяческихъ дѣтей[4]). Во всякомъ случаѣ, желаніе людей изъ духовнаго званія поступить въ приказную службу было явленіемъ обычнымъ и не вызывало ни въ комъ удивленія. Исторія Добрынина служитъ доказательствомъ этого[5]).

Во-вторыхъ, стремленіе стѣснить приказный людъ, измѣнить его составные элементы въ угоду тяглой и сословной политикѣ, объединяло приказныхъ людей въ одно цѣлое, сплачивало ихъ въ настоящее приказное сословіе. Наказы 1767 года убѣждаютъ въ этомъ съ полной очевидностью. Жалобы и пожеланія приказныхъ людей были включены въ наказы отъ городовъ, такъ какъ правительство разсматривало приказныхъ, какъ одну изъ частей городского населенія. Но голоса приказнаго сословія звучатъ обособленно отъ голосовъ посадскихъ общинъ. Съ посадомъ ихъ не связываетъ ничего; ихъ симпатіи и желанія всѣ направлены въ сторону дворянской жизни, въ сторону первенствующаго сословія, отъ котораго они получаютъ въ отвѣтъ только презрѣніе. Несмотря на твердо установленную и вѣками пріобрѣтенную репутацію

---

[1]) Зап. *Добрынина*, Русск. Старина, 1871, т. III, 663.

[2]) Дмитровск. воев. канц., вязка 8. д. 13, лл. 5—8.

[3]) Бѣлгородск. губ. канц., оп. 6, вязка 4, дѣло 338/5645.

[4]) Клинск. воев. канц., оп. 8, вязка 6, дѣло 2, лл. 55—58.

[5]) Записки *Добрынина*, часть I, §§ 29, 30, часть II, § 31. Р. Старина, 1871, т. III и IV. Разсказъ о переходѣ изъ архіерейскаго дома на службу въ только что присоединенную Бѣлоруссію.

взяточниковъ и лихоимцевъ, приказные думаютъ очень высоко о своей чести. Не довольствуясь правомъ взыскивать безчестіе за оскорбленіе, полученное во время дѣйствительной службы, приказные просятъ, чтобы по отставкѣ за оскорбленіе ихъ взыскивались такія же суммы[1]). Высокомѣрное отношеніе дворянъ вызываетъ жалобы; особенно чувствительной представляется постойная повинность, благодаря которой офицеръ-дворянинъ можетъ на каждомъ шагу дать почувствовать свое превосходство «крапивному сѣмени», у котораго ему отведена квартира; постояльцы «располагаются въ жилыхъ покояхъ одни, а хозяева оныхъ домовъ за тѣснотою принуждены бываютъ изъ тѣхъ покоевъ выходить вонъ, и отъ того канцелярскіе служители несутъ не малую обиду и претерпѣваютъ крайнюю нужду[2]). Завѣтное, но несбыточное желаніе приказныхъ — получить не принадлежавшее имъ право владѣть крѣпостными и вернуть отнятое незадолго передъ тѣмъ право покупать хотя бы и не населенныя земли. Объ этомъ говорятъ очень многіе наказы, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается любопытная мотивировка, указывающая на пренебреженіе къ быту мелкихъ горожанъ, къ которому приближала ихъ сама жизнь и непремѣнное желаніе во что бы то ни стало быть отъ нихъ какъ можно далѣе. Такъ, Епифанскіе канцеляристы, прося о дозволеніи владѣть крестьянами и землею, указываютъ, что они «всегда бываютъ безотлучно въ канцеляріяхъ при своихъ должностяхъ, и затѣмъ ихъ жены, не имѣя никакого зазорства и стыда, принуждены скотъ къ водопою водить и прочую тягостную работу нести принуждены»[3]). При опросахъ приказнаго населенія о его происхожденіи, кто могъ, показывалъ себя принадлежащимъ къ дворянамъ[4]).

Зависть къ дворянамъ, желаніе стать къ нимъ ближе и пренебреженіе къ торговымъ людямъ и ремесленникамъ, бокъ о бокъ съ которыми они живутъ въ городѣ — вотъ общіе интересы, которые объединяли приказное сословіе, составные элементы котораго, очень различные по своему происхожденію, были сплочены правительственной политикой XVIII вѣка. Нелюбовь и презрѣніе, которое питали къ приказнымъ и дворяне и купечество, усиливали чувства солидарности среди приказнаго сословія.

Во главѣ канцеляріи стоялъ ея глава, носившій, смотря по положенію канцеляріи, названіе секретаря или подъячаго съ приписью. Онъ — правая рука и ближайшій помощникъ своего начальника, губернатора или воеводы. Съ него мы начнемъ изученіе канцелярской службы и быта. Въ свое время мы видѣли, въ какое взаимное отношеніе были поставлены секретари и подъячіе съ приписью по указамъ 1727—28 годовъ. Секретари перво-

---

[1]) Углицкій наказъ, Сб. Р. И. О., т. XCIII, 577.

[2]) Крапивенскій наказъ, Сб. Р. И. О., т. XCIII, 497; Калужскій наказъ, т. CVII, 111; Нижегородскій наказъ, т. CXXXIV, 13; Арзамасскій наказъ, т. CXXXIV, 21; Вяземскій наказъ, т. CXXXIV, 106—108.

[3]) Сб. Р. И. О., т. CVII, 14; другіе примѣры: Сб. Р. И. О., CXXXIV, 13, 21, 106—108, 293—298.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 460.

начально заняли мѣсто старинныхъ дьяковъ и сохранены были тамъ, гдѣ до Петровской реформы 1719 года существовали послѣдніе; потомъ они были возстановлены во всѣхъ провинціяхъ[1]): такимъ образомъ, съ 1728 года во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ правители канцелярій носили названіе секретарей, а во всѣхъ воеводскихъ канцеляріяхъ они сохраняли воскресшее въ 1727 году старинное Московское названіе подъячаго съ приписью. Секретарь и подъячій съ приписью отличались не только названіемъ; секретарь провинціальный и губернскій занимали 13-е и 12-е мѣсто въ табели о рангахъ; полученіе секретарскаго мѣста, съ которымъ въ то время неразрывно былъ связанъ чинъ или рангъ, открывало доступъ къ дальнѣйшему движенію по чиновной лѣстницѣ; подъячіе съ приписью были простые канцелярскіе служители, стоявшіе за предѣлами табели о рангахъ; отсюда значительная разница и въ порядкѣ замѣщенія обѣихъ должностей и въ кругѣ лицъ, получавшихъ ихъ.

И въ Московское и въ раннее Петровское время дьяковъ въ приказныхъ палатахъ бывало, обычно, по нѣскольку; то же самое видимъ мы и въ эпоху существованія первыхъ Петровскихъ губерній: только старое названіе дьяковъ уступаетъ мало-по-малу мѣсто новому иностранному термину. Такъ, въ Московской губернской канцеляріи въ 1713—17 годахъ числилось нѣсколько секретарей, въ Казанской, Рижской и Архангелогородской — по 4, въ Нижегородской, Кіевской и Азовской — по 3 [2]). Присутствіе въ губернскихъ канцеляріяхъ нѣсколькихъ равноправныхъ секретарей, вызываемое сложностью канцелярскаго дѣла и большимъ количествомъ работы, осталось въ силѣ въ послѣдніе годы Петра, послѣ второй областной реформы, мало затронувшей губернскую организацію; эта особенность сохранилась и позднѣе и была утверждена штатами 1732 года, надолго опредѣлившими служебный составъ областныхъ канцелярій. По этимъ штатамъ въ Московской губернской канцеляріи, вѣдавшей самою населенною губерніею, было положено 8 секретарей, въ Казанской — 5, въ Смоленской — 4, въ Нижегородской и Астраханской — 3 [3]). Правленіе дѣлами провинціальной канцеляріи было чаще всего сосредоточено въ рукахъ одного провинціальнаго секретаря, но бывали случаи, когда ихъ было и болѣе; такъ, въ Сѣвской и Пензенской провинціальныхъ канцеляріяхъ ихъ было по два[4]). Въ Орловской провинціи должность второго секретаря была утверждена въ 1732 году по особому ходатайству воеводъ «за умноженіемъ дѣлъ, понеже де Орловская провинція обстоитъ въ шести городѣхъ и въ дѣлѣхъ всякихъ и счетѣхъ за однимъ секретаремъ имѣется многая остановка». Ходатайствуя объ учрежденіи въ Орлѣ второй должности секретаря, Орловскія провинціальныя власти

---

[1]) П. С. З., VII, № 5039, VIII, № 5356; см. гл. I, стран. 36.

[2]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе, 86.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 298, лл. 61, 80, 903, 954; кн. 98, л. 214; Сб. Р. И. О., CXXVI, 497.

[4]) Разр. приказа, дѣла разныхъ городовъ, кн. 65, лл. 736—751, Герольдмейстерской конторы, кн. 306, л. 1292.

указывали, что два секретаря имѣются и въ сосѣднемъ провинціальномъ городѣ Сѣвскѣ и даже въ приписномъ уѣздномъ городѣ Курскѣ. На это сенатъ далъ такую отповѣдь: «по приговору правительствующаго сената декабря 22 дня 1731 года велѣно въ приписномъ городѣ Курскѣ быть двумъ секретарямъ для того, что въ томъ городѣ до 700 году и послѣ было дьяковъ и секретарей по два человѣка, другимъ не провинціальнымъ городамъ не въ образецъ, ибо тотъ городъ украинный и многолюдный»[1]). Такимъ образомъ, Курскъ сдѣлался единственнымъ исключеніемъ изъ числа уѣздныхъ городовъ XVIII вѣка; вмѣсто подъячаго съ приписью во главѣ его воеводской канцеляріи стояли цѣлыхъ два секретаря. По штатамъ 1763 года, въ губернскихъ канцеляріяхъ было учреждено по три секретарскихъ должности, въ провинціальныхъ — по двѣ[2]).

Порядокъ замѣщенія секретарскихъ должностей былъ предусмотрѣнъ еще законами Петровскаго времени, и законы эти позднѣе дополнялись и измѣнялись лишь частично въ теченіе всего изучаемаго времени. Генеральный регламентъ предписывалъ «секретарей выбирать президентамъ съ прочими члены той коллегіи достойныхъ, по нѣскольку человѣкъ, и доносить объ нихъ и изъ нихъ выбирать и чины имъ сказывать въ сенатѣ»; такимъ порядкомъ секретари отграничивались съ одной стороны отъ высшихъ должностей, замѣщеніе которыхъ было дѣломъ сената, а съ другой отъ «прочихъ канцелярныхъ и конторныхъ служителей», которые назначались и утверждались въ должности коллегіями и мѣстными учрежденіями. Такое положеніе подтверждено было указомъ о должности сената 27 апрѣля 1722 года, причемъ представленіе кандидатовъ въ должности шляхетскія было возложено на герольдмейстера[3]). Указъ 31 января 1724 года отнесъ должность секретарей именно къ такимъ, которые должны были быть замѣщены дворянами: «въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, буде же изъ подъяческаго чина, кто какое знатное дѣло покажетъ и заслужитъ», такихъ разрѣшено было производить «съ свидѣтельства сената; получившій такимъ образомъ должность и чинъ секретаря получалъ свое мѣсто въ табели о рангахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ шляхетство, «какъ и въ воинской службѣ кто въ прапорщики пожалованъ»[4]). Такое положеніе было по существу подтверждено указомъ 29-го апрѣля слѣдующаго 1726 года, гласившаго, что «покамѣстъ опредѣленные изъ шляхетства юнкеры приказнымъ дѣламъ обучатся, производить въ секретари и изъ приказныхъ людей по представленіямъ президентовъ коллегіи, губернаторовъ и воеводъ[5]).

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 127, лл. 326—363.

[2]) П. С. З., XLIV, ч. II, къ № 11991, табл. VI и II.

[3]) П. С. З., VI, № 3534, гл. XI. Фактическіе примѣры см. герольдм. конт., кн. 128, лл. 171—177, 261—276, 289—290, 325—342, 419—420, 440—442, 547—55; такіе же примѣры въ кн. 129, 138.

[4]) П. С. З., VI, № 3978, п. 6 и 7.

[5]) П. С. З., VII, № 4449.

[6]) Герольдм. конторы, кн. 127, лл. 362—363; П. С. З., VIII, 4873.

Измѣненія въ центральномъ и областномъ управленіи, наступившія послѣ Петра, не коснулись положенія секретарской должности. Существеннымъ дополненіемъ и частичнымъ измѣненіемъ законодательства о секретарской службѣ явился законъ 21—22 октября 1737 года. Сущность этого закона сводится къ слѣдующему: предписывалось составить именные списки всѣхъ секретарей и нижнихъ служителей не только въ областныхъ, но и въ центральныхъ учрежденіяхъ, «по тѣмъ вѣдомостямъ всѣхъ тѣхъ секретарей и нижнихъ служителей тѣхъ мѣстъ пересмотрѣть, и которые изъ нихъ годны, такихъ къ прежнимъ ихъ дѣламъ опредѣлить, а негодныхъ изъ штата выключить: «ибо лучше», глубокомысленно говорится дальше, «держать людей меньше на довольномъ жалованьѣ, токмо бъ достойнѣе были». Число секретарей въ губернскихъ канцеляріяхъ не должно впредь превышать того, какое существовало до 1725 года. На будущее время при замѣщеніи секретарскихъ вакансій предписывается поступать слѣдующимъ образомъ: какъ общее правило — «въ губерніи и провинціи производить изъ сенатскихъ, синодскихъ и коллежскихъ канцеляристовъ», а на мѣсто получившихъ назначеніе «брать изъ городовъ подъячихъ самыхъ лучшихъ, которые бъ впредь для произведенія въ секретари достойны были». Центральныя учрежденія получали, такимъ образомъ, значеніе разсадника и питомника кандидатовъ на приказныя должности. Впрочемъ, законъ 21-го октября признавалъ, что приказныхъ изъ столичныхъ учрежденій будетъ недостаточно для занятія всѣхъ секретарскихъ мѣстъ въ провинціи, и поэтому разрѣшалъ производство въ секретари служащихъ въ областныхъ учрежденіяхъ, но при особыхъ условіяхъ. Изъ мѣста службы даннаго лица, за «руками всѣхъ судей» должны были подаваться въ сенатъ аттестаты; «по тѣмъ аттестатамъ сенатскимъ оберъ-секретарямъ и секретарямъ нѣсколько времени ихъ свидѣтельствовать, могутъ ли они секретарскую должность править», затѣмъ надо было справляться въ прежнихъ мѣстахъ ихъ службы, «не были ль они у приходовъ и расходовъ и буде были, въ томъ сочтены ль и имѣютъ ли квитанціи и не были ль въ какомъ штрафѣ». Если испытаніе окажется въ ихъ пользу, то экзаменующіе ихъ сенатскіе оберъ-секретари и секретари, подписавъ данные имъ отъ ихъ прежняго начальства аттестаты, докладываютъ сенату о ихъ производствѣ въ желаемый чинъ и назначеніи на желаемую должность. Законъ, слѣдовательно, выяснилъ и подробно регламентировалъ «свидѣтельство» сената, о которомъ глухо говорилось въ указѣ 1724 года. Чрезвычайно интересна мотивировка закона 1737 года. Новыя, болѣе строгія правила производства въ секретари устанавливаются, потому что во всѣхъ учрежденіяхъ, какъ столичныхъ, такъ и областныхъ, «секретарей и канцелярскихъ служителей достойныхъ, что смыслъ и разсужденіе имѣютъ, мало». «Въ губерніи и провинціи въ секретари едва не всѣ такіе произведены, которые нигдѣ индѣ въ службѣ не были, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они родились, и въ тѣхъ мѣстахъ никакой интересамъ Ея Императорскаго Величества прибыли не показали, развѣ плутни». А между тѣмъ «чинъ секретарскій — весьма нужный, ибо они должны всѣ дѣла

въ своихъ рукахъ имѣть и въ дѣйство производить и вышнимъ своимъ начальникамъ для рѣшенія представлять», вслѣдствіе чего надлежало бы въ томъ чинѣ быть заслуженнымъ, умнымъ и безпорочнымъ и трудолюбивымъ людямъ, которые бы всѣ права и указы основательно знали». Дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ этому идеалу, и законодатели предлагаютъ посильныя средства къ его достиженію[1]). Иногда кажется, что законъ издается только какъ-будто для того, чтобы его искуснѣе обойти. Это именно и случилось съ закономъ 1737 года. Въ апрѣлѣ 1742 года генералъ-прокуроръ представлялъ, что съ 1737 года многіе губернаторы и воеводы, «не представляя въ сенатъ изъ городовыхъ подъячихъ къ секретарской должности, кого хотятъ опредѣляютъ, именовавъ оныхъ «за секретаря» и всю должность секретаря, которыхъ, какъ по регламенту, такъ и по оному 1737 года указу, повелѣно правительствующему сенату съ надлежащей экзаминаціи достойныхъ къ тому производить, собою поручаютъ». Указъ 3 мая 1742 года запретилъ подобное самовольное назначеніе секретарей губернаторами и воеводами въ обходъ дѣйствовавшаго закона и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнулъ, что и отрѣшать отъ должности опредѣленныхъ сенатомъ секретарей, безъ ясныхъ винъ и преступленій, «собою», безъ указа сената они не имѣютъ права[2]). Борьба сената съ нарушеніемъ закона со стороны областныхъ правителей при назначеніи секретарей продолжалась и позднѣе[3]). Самое производство попрежнему оставалось сосредоточеннымъ въ сенатѣ и въ состоявшей при немъ герольдмейстерской конторѣ, но должно было происходить по старшинству[4]). Въ герольдмейстерской же конторѣ велся и учетъ секретарей, которые почему-либо находились не у дѣлъ.

Уже изъ приведеннаго обзора законодательства по вопросу о секретаряхъ видно, что едва ли не самымъ важнымъ вопросомъ въ этой области была возможность для недворянъ получать должность секретаря, дававшую доступъ къ дворянству. Законъ 1724 года допускалъ недворянъ въ эту должность въ видѣ исключенія; законъ 1737 года, не растворяя широко дверей, все же устанавливалъ опредѣленныя правила полученія «секретарскаго чина» для приказныхъ служителей изъ недворянъ[5]). Въ концѣ царствованія Елизаветы сенатъ вновь вернулся къ этому вопросу, и какъ слѣдуетъ ожидать, принимая во вниманіе дворянскія тенденціи, обнаружи-

---

[1]) П. С. З., X, № 7410. Его подтвержденіе въ слѣдующемъ 1738 г. съ указаніемъ подробностей касательно составленія списковъ и высылки назначенныхъ лицъ въ столицы: П. С. З., X, № 7590.

[2]) П. С. З., XI, № 8550.

[3]) П. С. З., XII, № 8956: указъ 4 іюня 1744 г. воспрещающій опредѣлять къ правленію секретарской должности протоколистовъ, что дѣлается губернаторами и воеводами въ нарушеніе 11 главы ген. регламента.

[4]) П. С. З., XI, № 8516, XII, № 9177.

[5]) Фактическіе примѣры производства въ чины секретарей недворянскаго происхожденія, см. герольдм. конторы, кн. 455 (1756 г.).

вавшіяся въ это время, посмотрѣлъ на него съ сословной дворянской точки зрѣнія. Въ засѣданіи 23 января 1761 года, разсуждая о производствѣ изъ недворянъ въ секретари, сенатъ нашелъ, во-первыхъ, что законъ 1737 года не содержитъ яснаго указанія о дальнѣйшемъ движеніи секретарей - недворянъ; во-вторыхъ, что производство въ секретари приказныхъ служителей по экзамену вредитъ интересамъ тѣхъ дворянъ, которые, въ силу 36 главы генеральнаго регламента, поступали прямо на гражданскую службу, начиная ее съ обученія при коллегіяхъ въ званіи коллегіи-юнкеровъ. Послѣдніе, по мнѣнію сената, имѣли особое, преимущественное право движенія по канцелярской службѣ. Въ силу такихъ соображеній, сенатъ предполагалъ, что во всѣхъ центральныхъ учрежденіяхъ «въ надлежащіе по старшинству и достоинству чины» слѣдуетъ производить только тѣхъ дворянъ, «кои съ самыхъ нижнихъ чиновъ» проходили службу по штатской линіи; мѣста секретарей по областному управленію предназначались для отставныхъ военныхъ, а чтобы и приказный чинъ «свою линію имѣлъ», предполагалось разрѣшить производить изъ сенатскихъ и синодскихъ канцеляристовъ и коллежскихъ регистраторовъ въ провинціальные секретари, изъ сенатскихъ регистраторовъ, коллежскихъ протоколистовъ и провинціальныхъ секретарей — въ губернскіе секретари, а изъ послѣднихъ только — въ секретари коллежскіе. Такимъ образомъ, сенатъ, оставляя возможность для приказныхъ не изъ дворянъ получать мѣста секретарей по областному управленію, старался затруднить имъ доступъ къ службѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ, допуская ее лишь какъ увѣнчаніе долгой службы въ провинціи или же при отсутствіи кандидатовъ-дворянъ. Но и въ этихъ случаяхъ секретарямъ-недворянамъ запрещено было покупать деревни и пользоваться вообще дворянскими правами; присвоенныя дворянамъ права въ ихъ полномъ объемѣ они получали, только достигнувъ асессорскаго чина послѣ особой конфирмаціи государя[1]). Предположенія сената не получили, однако, дальнѣйшаго хода, а судьба или, вѣрнѣе, указъ о вольности дворянства немного улучшилъ служебныя перспективы приказныхъ изъ недворянъ. Дворянская свобода уничтожила коллегіи-юнкеровъ и выдвинула необходимость расширить доступъ недворянскаго элемента къ секретарскимъ должностямъ. 20 апрѣля 1762 года состоялось утвержденіе Петромъ III сенатскаго доклада, гласившаго, что такъ какъ вслѣдствіе указа 18-го февраля «отнынѣ въ юнкеры изъ дворянъ изъ коихъ бы въ секретари производимы были, опредѣляемо не будетъ, то не соизволитъ ли Его Величество указать» въ секретари производить «изъ приказныхъ чиновъ, кои не изъ дворянъ, а въ службѣ находятся безъ подозрѣнія, ибо многіе

---

[1]) Дѣла Сената, кн. 3253, лл. 484—489; Исторія Прав. Сената, II, 265—268; едва ли, однако, можно согласиться съ мыслью о томъ, что слѣдующій указъ 1762 г. понадобился для того, чтобы разрушить дворянскія тенденціи сената; мнѣ кажется, что онъ вызывался естественными послѣдствіями указа о вольности дворянства.

такіе остаются безъ авантажей и по достоинствамъ своимъ награжденія лишаются»[1]).

Такимъ образомъ дворянская вольность какъ-будто отвлекла дворянъ отъ приказной службы, которая и ранѣе не была популярной среди дворянства (не даромъ генеральный регламентъ поступленіе въ коллегіи-юнкеры предписывалъ «фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить»). Низшія ступени гражданской службы съ этого времени еще болѣе, чѣмъ ранѣе, сдѣлались удѣломъ приказнаго люда, и если можно сказать, демократизовались. Вѣроятно, это обстоятельство было причиной нѣкотораго упрощенія въ порядкѣ достиженія секретарскихъ должностей, проведеннаго законодательствомъ Екатерины II. Указомъ 12 января 1767 года нѣкоторыя учрежденія и должностныя лица, въ томъ числѣ губернаторы, получили право представлять въ сенатъ для назначенія въ секретари по три кандидата по ихъ выбору[2]).

Теперь можно подвести нѣкоторые итоги и оживить приведенный рядъ указовъ и законодательныхъ предположеній нѣсколькими примѣрами, взятыми изъ жизни. Должность секретарей, я говорю теперь только о губернскихъ и провинціальныхъ, почти до самаго конца изучаемаго періода времени была преимущественно дворянской, и даже для тѣхъ приказныхъ недворянъ, которые вопреки всѣмъ стѣсненіямъ добивались ея, она открывала путь къ дворянству. До закона 1737 года назначеніе на секретарскую должность приказныхъ людей мѣстныхъ учрежденій не было, кажется, особенной рѣдкостью. Сенатъ даже поступался иногда своими кандидатами, удовлетворяя просьбы, доносившіяся изъ провинціи. Такъ въ 1732 году въ секретари Арзамасской провинціи предполагалось опредѣлить сенатскаго канцеляриста, но мѣстные дворяне и посадскіе нѣсколькими послѣдовательными челобитьями просили о назначеніи на это мѣсто бывшаго Арзамасскаго подъячаго съ приписью, управлявшаго дѣлами на основаніи закона 20 марта 1727 года, и сенатъ въ концѣ концовъ уважилъ ходатайство[3]). Почти одновременно мѣсто Архангелогородскаго губернскаго секретаря было также замѣщено тамошнимъ канцеляристомъ[4]). Однако, значительная часть должностей губернскихъ и провинціальныхъ секретарей все же заполнялась, въ особенности послѣ 1737 года, канцелярскими служащими центральныхъ столичныхъ учрежденій. Вотъ случай такого назначенія, который можетъ дать понятіе и о предыдущей службѣ кандидата на секретарскую должность.

---

[1]) П. С. З., XV, № 11510. Нужно добавить, что и до обсужденія сенатомъ вопроса о производствѣ въ чины секретарей — не дворянъ, полученіе чина для дворянина, занимавшаго секретарскую должность, было дѣломъ обычнымъ и легкимъ. При ходатайствѣ о производствѣ въ чинъ ссылались на свое дворянское происхожденіе, которое являлось обстоятельствомъ, облегчавшимъ полученіе желаемаго. Герольдм. конторы, кн. 306, кн. 452, лл. 300—336; кн. 454, лл. 372—413, кн. 587.

[2]) П. С. З., XVIII, № 12815.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 128, лл. 1092—1123.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 130, лл. 921—925.

Въ 1741—1744 годахъ въ сенатѣ служилъ канцеляристъ Иванъ Никитинъ. У приказныхъ дѣлъ онъ «обрѣтался» съ 1729 года, въ 1731—33 годахъ былъ на Украйнѣ въ командѣ генералъ-майора Тараканова «безо всякаго подозрѣнія», о чемъ свидѣтельствовалъ данный ему «апшитъ»; въ 1733 по 1736 годъ онъ былъ копiистомъ въ канцеляріи сената, слѣдующіе 3 года — тамъ же подканцеляристомъ, а съ 1739 по 1741 годъ уже канцеляристомъ, при чемъ и здѣсь былъ «безъ всякаго подозрѣнія» и «порученныя ему дѣла справлялъ не лѣностно». Въ 1741 году, на точномъ основаніи закона 21 октября 1737 года, онъ подалъ прошеніе о назначеніи его секретаремъ въ Нижегородскую губернскую канцелярію, но мѣсто оказалось занятымъ; такая же неудача постигла Никитина, когда въ 1744 году онъ хлопоталъ о назначеніи его провинціальнымъ секретаремъ въ Калугу; на его счастье, Казанскій губернаторъ Загряжскій какъ разъ въ это время вошелъ въ сенатъ съ просьбой объ опредѣленіи секретаря въ подчиненную ему губернскую канцелярію, гдѣ вмѣсто положенныхъ по штату 5 секретарей, въ наличности оставалось только 2, и Никитинъ получилъ давно желаемое назначеніе[1]). Несмотря на то, что коллегіи-юнкера предназначались для замѣщенія должностей въ центральныхъ учрежденіяхъ, они иногда не пренебрегали и провинціей; такъ въ 1742 году Шацкая провинціальная канцелярія просила о назначеніи правящимъ секретарскую должность (секретарь былъ подъ слѣдствіемъ и отрѣшенъ отъ должности), «кого заблагоразсудятъ» въ сенатѣ или же «имѣющагося въ сенатѣ опредѣленнаго для обученія приказныхъ дѣлъ» юнкера Ивана Венюкова, и въ 1744 году, послѣ многихъ проволочекъ и задержекъ, не зависѣвшихъ, впрочемъ, ни отъ него самого, ни отъ сената, Венюковъ былъ назначенъ на освободившееся уже мѣсто Шацкаго провинціальнаго секретаря[2]). Далѣе, въ губернскіе и провинціальные секретари назначались бывшіе секретари, почему-либо смѣненные, находившіеся не у дѣлъ, но ничѣмъ не опороченные и не находившіеся подъ подозрѣніемъ[3]). Отмѣтимъ еще одно удовлетворенное сенатомъ въ 1763 году ходатайство Лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна; хотя оно относится къ краю, управлявшемуся особыми законами, но касается чисто русскаго служилаго человѣка и показываетъ, что въ секретари шли иногда и отставные военные: Броунъ просилъ объ опредѣленіи въ Лифляндскую губернскую канцелярію секретаремъ по россійской экспедиціи Ростовскаго пѣхотнаго полка секундъ-майора Дружинина, «который въ письменныхъ дѣлахъ знающъ и службу продолжаетъ добропорядочно и состоянія весьма хорошаго», тѣмъ болѣе, что самъ Дружининъ изъ военной службы въ штатскую и въ «секретарское званіе вступить желаетъ»[4]).

Какъ же на практикѣ обстояло дѣло съ приказными служителями мѣстныхъ учрежденій, которыхъ недворянское происхожденіе и при-

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 298, лл. 60—92.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 298, лл. 44—50.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 298, л. 1.

[4]) Сенатскій Архивъ, XIII, 382—383.

вилегіи, данныя служащимъ въ столичныхъ учрежденіяхъ, стѣсняли въ полученіи секретарскихъ должностей въ губерніяхъ и провинціяхъ? И послѣ 1737 года областныя учрежденія, повидимому, обращались съ ходатайствомъ въ сенатъ о назначеніи въ секретари заслуженныхъ канцеляристовъ и подъячихъ съ приписью. Обычно, они получали отказъ, мотивированный тѣмъ, что изъ городовыхъ подъячихъ запрещено производить въ секретари[1]). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда это было необходимо нужно, и когда мѣстныя власти энергично поддерживали свои ходатайства, сенатъ допускалъ примѣненіе указаннаго въ законѣ 1737 года способа повышенія областныхъ приказныхъ и кандидаты въ секретари подвергались экзамену въ сенатѣ. Такъ, въ 1744 году, по представленію Московскаго вице-губернатора графа В. С. Салтыкова, въ сенатѣ произведенъ былъ экзаменъ протоколисту Московской губернской канцеляріи Федорову и бывшему Коломенскому подъячему съ приписью Сергѣеву, которыхъ Салтыковъ предназначалъ на должности секретарей Московской губернской канцеляріи. Экзаменъ состоялъ въ томъ, что испытуемые «учиняли выписку по доношеніямъ Астраханской губернской канцеляріи и адмиралтействъ-коллегіи и докладывали по различнымъ дѣламъ въ собраніи сената». Сенатъ призналъ экзаменъ удовлетворительнымъ и назначилъ обоихъ секретарями въ Москву[2]). Что касается самой техники назначенія, то оно, обычно, разъ навсегда происходило опредѣленнымъ способомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ генеральнымъ регламентомъ и съ позднѣйшими узаконеніями. Сенатъ предписывалъ герольдмейстерской конторѣ представить кандидатовъ, производилъ выборъ и дѣлалъ распоряженія о приводѣ назначеннаго къ присягѣ. Затѣмъ указъ о назначеніи давался на руки новому секретарю, а о состоявшемся назначеніи посылалось увѣдомленіе въ мѣсто его будущей службы, а также въ губернскую канцелярію, если дѣло касалось провинціальнаго секретаря[3]). Если назначеніе секретарей было дѣломъ сената, то сенату же принадлежало и право ихъ увольненія; объ этомъ напоминалось губернаторамъ и воеводамъ въ указѣ 3 мая 1742 года[4]).

О главѣ воеводской канцеляріи — подъячемъ съ приписью говорить приходится гораздо менѣе. Это чисто приказная должность, не имѣющая мѣста въ табели о рангахъ. Вотъ примѣръ карьеры подъячаго съ приписью. Никита Романовъ началъ службу въ Тульской провинціальной канцеляріи писцомъ въ 1739 году, въ 1743 году сталъ копіистомъ,

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 298, д. 1, л. 22, д. 7, 8, 9, лл. 116—133.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 298, д. 41, лл. 902—921, Подобный же экзаменъ для замѣщенія должности Пензенскаго провинціальнаго секретаря, 1745 г. Герольдмейстерской конторы, кн. 306, л. 1292.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 298, д. 1. лл. 1, 51—57; при производствѣ взимались лазаретныя деньги, которыя отсылались въ штатсъ-контору; аналогичные примѣры,: герольдм. конт. кн. 304.; П. С. З. IX, № 6302 (1732 г.).

[4]) П. С. З. XI, № 8550.

въ 1745 году — подканцеляристомъ, въ 1747 году — канцеляристомъ; въ этомъ году по челобитью Клинскихъ помѣщиковъ Романовъ былъ опредѣленъ Московскою губернскою канцеляріей въ Клинскую воеводскую канцелярію подъячимъ съ приписью, гдѣ и оставался до половины 50-хъ годовъ[1]). Романовъ былъ переведенъ въ Клинъ распоряженіемъ губернской канцеляріи: бо́льшаго не требовалось; таково было общее правило; и предшественники и преемники Романова, такъ же какъ его собратья въ другихъ воеводскихъ канцеляріяхъ, назначались такимъ же порядкомъ[2]). Лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ дѣло доходило до сената; такъ, въ 1741 году въ сенатъ восходило дѣло о назначеніи подъячаго съ приписью въ городъ Старицу; но въ этомъ случаѣ дѣло шло не столько о лицѣ, сколько о самой должности, такъ какъ по недоразумѣнію укоренилось мнѣніе, что въ Старицѣ подъячаго съ приписью не полагается вовсе[3]). Штаты 1763 года переименовали подъячаго съ приписью въ секретаря, давъ ему рангъ коллежскаго секретаря; они ввели эту должность въ табель о рангахъ и навсегда уничтожили старинное названіе подъячаго съ приписью[4]).

Подъячій съ приписью, опредѣляемый и смѣняемый губернскими властями, былъ, по большей части, канцелярскимъ служителемъ, завершавшимъ свою дѣятельность въ качествѣ правителя дѣлъ воеводской канцеляріи; его передвиженія изъ одной канцеляріи въ другую происходили въ предѣлахъ чисто канцелярской службы, и путь къ дальнѣйшему повышенію, преграждаемый экзаменомъ въ сенатѣ, открывался предъ нимъ далеко не часто; добавимъ еще, что дворяне на этой должности встрѣчались довольно рѣдко. Секретарь, напротивъ, по большей части, дворянинъ; должность эта, дававшая чинъ, открывала и недворянамъ, добившимся ея, хотя и тернистый, но все же возможный путь къ достиженію всѣхъ дворянскихъ правъ, а для дворянина секретарство могло быть, какъ мы видѣли въ свое время, даже однимъ изъ этаповъ къ воеводству. Обѣ должности близки, почти тождественны по своему служебному характеру, но онѣ отдѣлены крѣпкой стѣной, потому что за каждой изъ нихъ стоитъ почти замкнутый соціальный кругъ — за секретарями шляхетство или люди, еще не вполнѣ къ нему примкнувшіе, но уже выбившіеся изъ приказнаго болота; за подъячими съ приписью стоитъ именно это приказное болото, на дно котораго намъ предстоитъ теперь погрузиться.

О соціальномъ составѣ служащихъ канцеляріи говорить не приходится, ибо это значило бы повторять сказанное выше о приказномъ со-

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 5, вяз. 5, д. 53.

[2]) Сравн. Клинск. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, 8, 19: назначеніе подъячаго съ приписью Ев. Воинова въ 1744 г. Тамъ же, оп. 1, вяз. 41, д. 33 — вопросъ о назначеніи подъячаго съ приписью вмѣсто Н. Романова, переводимаго въ Москву. Назначеніе подъячаго съ приписью не входило въ компетенцію властей провинціальныхъ: см., напр., Моск. губ. канц., вяз. 1672, д. 40: назначеніе подъячаго съ приписью въ Козельскую воеводскую канцелярію въ 1742 году.

[3]) Сен. Архивъ, III, 67.

[4]) П. С. З., XLIV, часть II, къ № 11991, табл. VIII.

словіи. Обычно, во всѣхъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ служащіе распадались на канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копіистовъ[1]). Все это канцелярскіе служители въ собственномъ смыслѣ этого понятія, до сихъ поръ еще сохранившагося въ третьемъ томѣ свода законовъ; они не чиновники, они находятся ниже табели о рангахъ и не включены въ нее. Впрочемъ, генеральный регламентъ знаетъ только двѣ степени — канцеляристовъ и копіистовъ; средняя, промежуточная, была, кажется, выдвинута жизненной практикой или, вѣрнѣе, старой привычкой. До генеральнаго регламента, изданнаго въ связи съ систематической перестройкой государственныхъ учрежденій, предпринятой Петромъ въ послѣдніе годы, въ областныхъ учрежденіяхъ, т.-е. въ губернскихъ канцеляріяхъ, существовали и дѣйствовали, какъ и въ старой Москвѣ, подъячіе старшей, средней и младшей или первой, второй и третьей статей[2]), образовавшіе 3 ступени внутренней приказной іерархіи. Вѣковая привычка къ этимъ тремъ ступенямъ и заставила, надо думать, мало-по-малу ввести среднюю ступень между двумя, указанными регламентомъ. Канцеляристы, подканцеляристы и копіисты стали, такимъ образомъ, преемниками подъячихъ старшей, средней и младшей статей. Нужно, однако, добавить, что въ разговорномъ языкѣ старинный терминъ «подъячій» остался въ употребленіи надолго и сдѣлался общимъ наименованіемъ канцелярскихъ служителей безъ различія степеней канцелярской іерархіи.

Число канцелярскихъ служителей въ областныхъ учрежденіяхъ было мало устойчивымъ, и различныя попытки регламентировать его скорѣе, кажется, свидѣтельствуютъ о мысляхъ и стремленіяхъ законодателя, чѣмъ соотвѣтствуютъ жизненной практикѣ, которая ихъ постоянно видоизмѣняла. Петровскія губерніи 10-хъ годовъ и въ этомъ случаѣ являются прямыми наслѣдницами порядковъ Московскихъ приказовъ и крупныхъ провинціальныхъ приказныхъ палатъ съ ихъ очень большимъ и очень нетвердо установленнымъ штатомъ. Въ 1717 году въ слѣдующихъ 8 губернскихъ канцеляріяхъ находимъ такое количество подъячихъ[3]):

Статьи.	Москов. губ.	Петерб. губ.	Рижская губ.	Кіев. губ.	Архангело-гор. губ.	Азовск. губ.	Казанск. губ.	Нижег. губ.
Старшая	89.	44.	38.	23.	31.	27.	73.	22.
Средняя	85.	46.	19.	28.	37.	20.	89.	22.
Младшая	252.	85.	53.	68.	248.	64.	244.	54.

---

[1]) Промежуточныя низшія, однако, чиновныя должности, учрежденныя въ коллегіяхъ и помянутыя въ гл. XXVIII генеральнаго регламента — должности нотаріусовъ, переводчиковъ, актуаріусовъ и регистраторовъ въ областныхъ учрежденіяхъ встрѣчались только изрѣдка и далеко не въ полномъ ихъ составѣ. См. напр. выше, на стран. 133, упоминаніе объ актуаріи въ Коломенской воеводской канцеляріи.

[2]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе; 87 и слѣд.

[3]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе, 88; о количествѣ подъячихъ въ областныхъ учрежденіяхъ XVII вѣка, см. *Чичерина*, Областныя учрежденія, стран. 101.

Общіе штаты губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, изданные въ 1726 году, произвели цѣлую революцію въ указанномъ сейчасъ порядкѣ, устанавливая единообразный составъ изъ 1 секретаря, 4 канцеляристовъ и 8 копіистовъ на каждую губернскую канцелярію, за исключеніемъ Сибирской, гдѣ канцелярскихъ чиновъ полагалось противъ другихъ канцелярій вдвое, а для каждой провинціи — столь же однообразный составъ изъ 1 секретаря, 3 канцеляристовъ и 6 копіистовъ[1]). Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы дѣло, у котораго въ Московской, напримѣръ, канцеляріи приставлено было въ 1717 году 425 человѣкъ, могло 9 лѣтъ спустя успѣшно исполняться десятью-двѣнадцатью служащими; дѣло, по всей вѣроятности, шло о внесеніи въ штатъ тѣхъ, которые получали опредѣленное жалованье, и не получая, какъ общее правило, чиновъ, все же считались какъ бы на государственной службѣ, а также объ отдѣленіи ихъ отъ сверхштатныхъ, жалованья не получавшихъ и кормившихся «акциденціями». Преобразованія 1727 года опять измѣнили и составъ канцелярій и порядокъ службы въ нихъ; рѣшеніе возвратиться къ порядку, существовавшему до 1700 года, и платить жалованье только тѣмъ, кто получалъ его въ допетровское время, должно было еще сузить количество лицъ, получавшихъ такое жалованье; канцеляріи стали еще болѣе наполняться лицами, питавшимися добровольными приношеніями; а разъ дѣло обстояло такъ, то не было болѣе нужды настаивать на уменьшеніи количества служащихъ. Число приказныхъ служителей въ каждой канцеляріи стало опредѣляться количествомъ дѣлъ, количествомъ требованій на приказныя рабочія руки и потеряло всякое однообразіе.

Признаніе вновь водворившихся условій приказной службы, съ одной стороны, и желаніе внести хоть какой-нибудь внѣшній порядокъ въ канцелярскіе штаты и были, вѣроятно, причинами, вызвавшими къ жизни канцелярскіе штаты 1732 года, установившіе свой особый штатъ для каждой почти областной канцеляріи. Сравнимъ составъ нѣсколькихъ областныхъ канцелярій по штатамъ 1732 года. Штаты канцелярій губернскихъ были далеко не одинаковы: въ самой большой изъ губернскихъ канцелярій, — Московской, — дѣла были расписаны по 8 экспедиціямъ; 4 изъ нихъ были предназначены спеціально для общихъ губернскихъ дѣлъ и состояли каждая изъ 1 секретаря, 3 канцеляристовъ, 3 подканцеляристовъ и 12 копіистовъ; другія 4 экспедиціи были предназначены для «поступившихъ вновь дѣлъ», для окончанія дѣлъ переписи, для «положенія въ подушный окладъ вновь явльшихся» и для всѣхъ военныхъ и военнохозяйственныхъ дѣлъ; каждая изъ этихъ экспедицій состояла изъ секретаря, 2 канцеляристовъ, 2 подканцеляристовъ и 8 копіистовъ[2]). Рядомъ съ этимъ штатомъ въ 128 человѣкъ, очень незначительнымъ кажется штатъ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ канцелярій, напримѣръ Астраханской. Въ ней было 8 канцеляристовъ, 3 подканцеляриста и 6 копіистовъ; кромѣ того — 1 крѣпостныхъ

[1]) П. С. З., XLIV, кн. Штатовъ, отд. 4-е, къ № 4866.

[2]) Сб. Р. И. О., CXXVI, 497.

дѣлъ надсмотрщикъ и 4 городовыхъ дворянина, прикомандированныхъ для несенія приказной службы[1]). Казалось бы, что штатъ канцеляріи губернской долженъ быть непремѣнно болѣе штата канцеляріи провинціальной; на дѣлѣ это было далеко не такъ; сравненіе только что приведеннаго Астраханскаго штата со штатомъ Шацкой провинціальной канцеляріи поможетъ въ этомъ убѣдиться. Въ Шацкой провинціальной канцеляріи, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщика, было 14 канцеляристовъ, 2 подканцеляриста и 21 копіистъ[2]). Штатъ двухъ провинціальныхъ канцелярій также не одинаковъ; въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе очень большого штата Шацкой канцеляріи съ очень маленькимъ составомъ Юрьевопольской: въ послѣдней было всего 3 канцеляриста, 1 подканцеляристъ и 4 копіиста[3]). Сопоставимъ теперь двѣ-три воеводскихъ канцеляріи: въ Клину по штатамъ 1732 года полагалось: 3 канцеляриста, 2 подканцеляриста, 6 копіистовъ[4]); въ Кинешмѣ 2 канцеляриста, 2 подканцеляриста и 6 копіистовъ[5]), т.-е. на одного человѣка меньше, несмотря на то, что Кинешемскій уѣздъ былъ больше Клинскаго и дѣлъ въ канцеляріи должно было быть тоже больше; въ сосѣднемъ съ Клиномъ Дмитровѣ было 5 канцеляристовъ, 3 подканцеляриста и 8 копіистовъ[6]); въ маленькомъ Боровскѣ было 4 канцеляриста, 2 подканцеляриста и 6 копіистовъ, т.-е. цѣлыхъ 12 человѣкъ[4]). Даже число разсыльщиковъ не было одинаковымъ въ различныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ равнаго значенія; такъ, въ городахъ, составлявшихъ непосредственно Московскую провинцію, число разсыльщиковъ колебалось отъ 10 (Звенигородъ) до 30 (Коломна); промежуточная норма была 14 (Верея, Боровскъ), 16 (Руза, Клинъ, Волоколамскъ), 20 (Можайскъ, Серпуховъ); въ провинціи губернскаго города Бѣлгорода число ихъ по городамъ было отъ 10 до 40, и точно такъ же города одинаковаго значенія имѣли различное число разсыльщиковъ: такъ, въ Болховцѣ и Полатовѣ ихъ было по 10, въ Мирропольѣ — 12, въ Карповѣ, Хотмыжскѣ, Нежегольскѣ — 16 и т. д.[7]).

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 936—940. Въ особомъ положеніи долго находилась канцелярія мѣстнаго управленія въ Петербургѣ. По штату 1725 г. при Петербургскомъ генералъ-губернаторѣ положены были: 1 секретарь, 4 канцеляриста и 6 писарей, затѣмъ, по новому воинскому штату число это было уменьшено и до 1 канцеляриста и 2 писарей. Въ 1732 и 1733 гг. генералъ-губернаторъ Минихъ жаловался на такое положеніе дѣла; по его ходатайству, подчиненная ему канцелярія была отдѣлена отъ канцеляріи гарнизонной и въ ней разрѣшено было «до предбудущаго опредѣленія быть секретарю и канцелярскимъ служителямъ». Имъ даже было разрѣшено платить жалованье въ размѣрѣ 100 рублей въ годъ на всю канцелярію. (П. С. З., IX, № 6502; Герольдм. конторы, кн. 127, лл. 344—461.) Въ октябрѣ 1740 г. были утверждены постоянные штаты Петербургской губернской канцеляріи. Сен. Архивъ, II, 51.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 300, л. 245.

[3]) Разр. прик. Дѣла разныхъ городовъ, кн. 73, лл. 72—99.

[4]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д. 37; оп. 5, вяз. 6, д. 65/261.

[5]) Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 548.

[6]) Дмитров. воев. канц., вяз. 8, д. 13, лл. 5—8.

[7]) П. С. З., XLIV, ч. II, кн. штатовъ, часть 2, отд. 4-е къ № 6233.

По штатамъ 1732 года областныя канцеляріи жили цѣлыхъ тридцать лѣтъ до введенія Екатерининскихъ штатовъ 1763 года. Канцелярскіе штаты 1763 года явились не сразу; имъ предшествовала долгая подготовка; о пересмотрѣ канцелярскихъ штатовъ 1732 года и о введеніи однообразнаго устройства канцеляріи думали еще при Елизаветѣ Петровнѣ[1]). Штаты 1763 года по отношенію къ приказнымъ служителямъ имѣютъ совершенно такое же значеніе, какое они имѣли для губернскихъ властей и воеводъ провинціальныхъ и городовыхъ: они собрали разсыпанную храмину, вмѣсто случайностей и безпредѣльнаго разнообразія ввели противоположный принципъ, установивъ одинаковые штаты для всѣхъ губернскихъ, всѣхъ провинціальныхъ и всѣхъ воеводскихъ канцелярій. Въ первыхъ должны были быть слѣдующіе канцелярскіе служители, кромѣ 2 секретарей: 1 протоколистъ, 1 переводчикъ, 1 регистраторъ, какъ полагалось по генеральному регламенту въ коллегіяхъ, 1 архиваріусъ, 8 канцеляристовъ, 10 подканцеляристовъ, 10 копіистовъ и по одному переводчику и ученику; въ провинціальныхъ канцеляріяхъ за 2 секретарями слѣдовали: 1 протоколистъ, 1 регистраторъ, 4 канцеляриста и по 5 подканцеляристовъ и копіистовъ; наконецъ, воеводскія канцеляріи уѣздныхъ городовъ составляли 3 канцеляриста, 4 подканцеляриста и 4 копіиста[2]); въ воеводскихъ канцеляріяхъ пригородковъ, кромѣ секретарей, было только по два человѣка каждой степени канцелярской службы.

Сверхъ опредѣленнаго штата какъ до 1763 года, такъ и послѣ него, въ каждой канцеляріи находились еще сверхштатные подъячіе, большею частью, отставные, уволенные отъ службы, но все еще продолжавшіе старую работу. Всѣ такіе приказные кормились только «акциденціями», получаемыми отъ дѣлъ; но неполученіе ими жалованья не мѣшало имъ, какъ мы увидимъ ниже, восполнять постоянно ощущавшійся недостатокъ въ штатныхъ канцеляристахъ. Кромѣ отставныхъ, при канцеляріяхъ бывали ученики, большею частью изъ подъяческихъ дѣтей, пріучавшіеся такимъ путемъ къ своей будущей дѣятельности.

При вступленіи въ канцелярскую службу дѣло, конечно, обстояло значительно проще, чѣмъ при назначеніи воеводъ. Кандидатъ обращался въ то мѣсто, гдѣ желалъ служить, и утвержденіе его не заходило выше

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 460. Въ 1755 г. въ связи съ вопросомъ о правильномъ и равномѣрномъ распредѣленіи приказныхъ силъ во всѣхъ столичныхъ и областныхъ учрежденіяхъ, сенатомъ было издано распоряженіе объ установленіи одинаковаго штата въ 30 приказныхъ служителей въ губернскихъ, 15 — въ провинціальныхъ и 10 — въ воеводскихъ канцеляріяхъ. Можно думать, сравнивая эти цифры съ количествомъ приказныхъ служителей по штатамъ 1763 г., что указъ 1755 г. послужилъ прототипомъ для штатовъ 1763 г., хотя кажется въ дѣйствіе онъ введенъ не былъ. П. С. З., XIV, № 10473.

[2]) П. С. З., XLIV, ч. 2, къ № 11991, табл. VI, VII, VIII; нѣкоторыя отличія представлялъ только штатъ Петербургской губерніи, гдѣ было по 7 канцеляристовъ и подканцеляристовъ и 10 копіистовъ.

губернской или провинціальной канцеляріи, согласно указу 28 іюня 1737 года[1]). Какъ это происходило, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1753 году въ Клинскую воеводскую канцелярію обратился съ прошеніемъ, конечно, написаннымъ на имя государыни, «города Клина, церкви Воскресенія Христова діакона Петра Симеонова сынъ его, бывшій славяно-греко-латинской академіи ученикомъ», Петръ Петровъ Зубатовъ. Въ прошеніи онъ разсказываетъ и свою біографію. Въ академію онъ былъ отправленъ по указу архіепископа Тверского и Кашинскаго въ 1749 году и учился тамъ 2 года, когда, «за приключившуюся болѣзнь, отъ академіи уволенъ въ домъ отца, гдѣ и нынѣ жительство имѣетъ и ни къ какому дѣлу не опредѣленъ». А «нынѣ» онъ, «не хотя священнаго чина въ званіе вступать», проситъ объ опредѣленіи его къ дѣламъ въ Клинскую канцелярію. Воеводское присутствіе заслушало его прошеніе и, въ виду того, что въ канцеляріи была подходящая вакансія», постановила справиться въ Тверской консисторіи, «не имѣется ли за Зубатовымъ какихъ дѣлъ», а отъ Московской губернской канцеляріи «требовать указу»[2]). Опредѣленіе къ дѣламъ означало, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, полученіе младшей приказной должности копіиста; начинали службу и иначе, писцами, занимавшимися сверхъ штата, попадая на штатную должность только послѣ болѣе или менѣе долгаго промежутка времени. Приказная карьера сама по себѣ не была ни сложной ни разнообразной: ея обычный ходъ — послѣдовательное повышеніе изъ копіистовъ въ подканцеляристы и, наконецъ, на высшую ступень канцеляристовъ. Какъ при опредѣленіи къ дѣламъ, такъ и при повышеніи и, наконецъ, при переводѣ изъ одного города въ другой, рѣшающее значеніе имѣли высшія мѣстныя власти: «въ губерніяхъ губернаторамъ, а въ городахъ провинціальныхъ воеводамъ опредѣлять къ дѣламъ въ подъячіе и въ другіе города тѣхъ губерній, гдѣ приказными служителями оскудѣніе есть», гласилъ уже извѣстный намъ указъ 28 іюня 1737 года. Въ высшихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ повышеніе по канцелярской службѣ закрѣплялось, обычно, протоколомъ[3]).

---

[1]) П. С. З., X, № 7298. Московск. гу[б. кан]ц., кн. 59, лл. 111—112.

[2]) Клинск. воев. канц., оп. 4, вяз. 8, д. № 357.

[3]) Напр. Моск. губ. канц., кн. 59, лл. 111—112; 1737 г.: производство Боро[в]скаго копіиста Шевелева въ канцеляристы той же канцеляріи, согласно ходатайству мѣстнаго воеводы; Клинск. канц., оп. 1, вяз. 41, д. № 37, 1732 г.: производство копіиста въ подканцеляристы и подканцеляристовъ въ канцеляристы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ производство изъ одного канцелярскаго званія въ другое, доходило до сената. 20 марта «по требованію и удостоинству» назначеннаго Суздальскимъ воеводой Скрипицина копіистъ этой провинці[и] былъ произведенъ сенатомъ въ канцеляристы. Сен. Архивъ, т. III, 128. Клинск. воев. канц., оп. 6, вяз. 4, д. 18: Моск. губ. канц. переводитъ канцеляриста изъ Клина въ Коломну; тамъ же оп. 4, вяз. 5, д. 84, вопросъ объ опредѣленіи Московскою губ. канц., приказнаго къ подушному сбору. Аналогичные случаи изъ практики провинціальной канцеляріи, которая повышаетъ своими опредѣленіями изъ одного канцелярскаго ранга въ другой: Переяславско-Залѣсской пров. канц., оп. 7, вяз. 15, протоколы 6 марта, 29 апрѣля, 25 ноября 1732 г.

Право увольнять отъ службы принадлежало тѣмъ же властямъ, которыя принимали въ нее канцелярскихъ служителей. Вѣроятно увольненіе не всегда происходило съ достаточнымъ основаніемъ и съ достаточнымъ обезпеченіемъ приказной службы. Въ 1768 году сенату «извѣстно учинилось, что многія присутственныя мѣста вмѣсто должной единственно престарѣлымъ отставки (приказной вольности еще не существовало) увольняютъ отъ своихъ мѣстъ и молодыхъ, къ службѣ годныхъ, а для какихъ обстоятельствъ, въ аттестатахъ не пишутъ»; 31-го мая того же года послѣдовало предписаніе «впредь состоящихъ въ штатѣ канцелярскихъ служителей, имѣющихъ лѣта непрестарѣлыя и которые еще служить могутъ, а пороковъ за ними никакихъ нѣтъ, по прошеніямъ ихъ не увольнять»[1]). Въ 1775 году сенатъ по представленію герольдмейстера долженъ былъ напомнить мѣстнымъ властямъ о томъ, чтобы увольненіе приказныхъ происходило не иначе какъ властью губернаторовъ[2]).

Для большинства приказныхъ карьера останавливалась на званіи подканцеляриста или канцеляриста. Только немногимъ удавалось вынырнуть изъ болота и перейти въ высшія сферы приказной службы, получивъ должность подъячаго съ приписью въ уѣздномъ городѣ или перейдя на службу въ Петербургскія и Московскія учрежденія, откуда открывалась заманчивая перспектива полученія секретарскаго мѣста въ провинціи или даже въ губерніи. Увѣнчаніемъ долгой приказной дѣятельности и усердной службы, дававшимъ доступъ къ дальнѣйшему движенію по службѣ, былъ также чинъ, который давался иногда заслуженному подъячему съ приписью или канцеляристу въ награду на основаніи главы 50-й генеральнаго регламента или же при увольненіи его въ отставку. Вопросъ о такой важной наградѣ, какъ награда чиномъ, разрѣшался, конечно въ герольдмейстерской конторѣ и въ сенатѣ; получившій чинъ увѣдомлялся объ этомъ указомъ и приводился къ присягѣ[3]). Такое явленіе могло быть довольно частымъ въ центральныхъ, столичныхъ учрежденіяхъ, а изъ областныхъ развѣ, можетъ-быть, въ губернскихъ канцеляріяхъ; въ остальныхъ областныхъ учрежденіяхъ превращеніе приказныхъ въ настоящихъ чиновниковъ происходило, надо думать, сравнительно рѣдко, и чѣмъ ниже былъ областной правитель, тѣмъ съ менѣе чиновной канцеляріей приходилось ему работать; впрочемъ, въ 1762 году было издано общее постановленіе, запрещавшее производить въ чины сверхштатныхъ отставныхъ подъячихъ и предписы-

---

[1]) П. С. З., XVII, № 13128.

[2]) П. С. З., XX, № 14324.

[3]) Моск. губ. канц., кн. 188, лл. 344—345; производство канцеляриста въ чинъ регистратора; Клинск. воев. канц., оп. 5, вяз. 3, д. 53 (производство подъячаго съ приписью въ чинъ регистратора), Герольдм. конторы, кн. 452, лл. 237—353; кн. 454, дѣла 23, 33, 38, 39: производство канцеляристовъ въ первый чинъ при увольненіи отъ службы.

вавшее представлять особо достойныхъ лицъ по прослуженіи ими 8 лѣтъ къ производству въ чинъ[1]).

Обязанности секретаря и подъячаго съ приписью, какъ руководителей канцеляріи, опредѣляются 29-й главой генеральнаго регламента[2]): секретарь дѣлаетъ доклады присутствію, собираетъ указы, грамоты, письма, реляціи и доноситъ о нихъ въ засѣданіи въ установленномъ порядкѣ, снабжая доклады необходимыми справками. На его попеченіи лежитъ и исполненіе дѣлъ; по важнымъ дѣламъ онъ самъ составляетъ бумаги, а «другія», какъ начальникъ канцеляріи, «между прочими канцелярскими служителями по должности каждаго раздѣляетъ». Хотя секретарь и не имѣетъ голоса въ присутствіи, но на него все же возлагается увѣдомленіе и напоминаніе начальствующимъ лицамъ о закономѣрности ихъ рѣшеній; ему, конечно, принадлежитъ и надзоръ за всѣми служащими въ канцеляріи. Эти общія обязанности секретаря осложнялись многочисленными дѣлами, въ регламентѣ не поименованными. Особенно важнымъ и отвѣтственнымъ было значеніе секретаря при смѣнѣ губернатора или воеводы, когда онъ, согласно указамъ 1733 года, долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ со своимъ бывшимъ начальникомъ въ губернскій городъ отчитываться вмѣстѣ съ нимъ за все время управленія послѣдняго[3]). И во время нахожденія у власти областные правители не могли не смотрѣть на секретаря, какъ на своего постояннаго помощника, какъ на свою правую руку.

Въ губернскихъ канцеляріяхъ было по нѣскольку секретарей, и отсутствіе одного изъ нихъ еще не очень отзывалось на дѣлѣ, но положеніе воеводы, когда почему-либо у него не было его единственнаго секретаря или подъячаго съ приписью, могло быть безвыходнымъ. Назначенный въ 1733 году въ Орелъ воевода майоръ Масловъ доносилъ сенату, что провинціальный секретарь подлежитъ высылкѣ въ Петербургъ, а его замѣститель состоитъ при счетѣ бывшаго воеводы и требовалъ о скорѣйшемъ назначеніи кого-нибудь себѣ въ помощь[4]); Тульскій провинціальный воевода Бобрищевъ-Пушкинъ просилъ въ 1738 году кабинетъ о возстановленіи въ правахъ прежняго секретаря, разжалованнаго по приговору суда въ копіисты: воевода писалъ, что за отсутствіемъ секретаря «во взысканіи недоимокъ и въ сочиненіи вѣдомостей и въ произведеніи прочихъ дѣлъ чинится медленность»[5]).

Генеральный регламентъ даетъ также нѣкоторыя директивы для распредѣленія дѣлъ между различными категоріями приказныхъ служите-

---

[1]) П. С. З., XV, № 11540; право на производство въ чинъ по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ, является предметомъ желанія многихъ наказовъ отъ приказнаго сословія, составленныхъ въ 1767 г.: примѣръ — Калужскій наказъ. Сб. Р. И. О., CVII, 109.

[2]) П. С. З., VI, № 3534.

[3]) П. С. З., VIII, № 6104, IX, №№ 6392, 6414.

[4]) Герольдмейстерск. конторы, кн. 93, л. 503.

[5]) Сб. Р. И. О., CXXIV, 332—334.

лей: нотаріусъ составляетъ протоколы и журналы засѣданій; актуаріусъ ведетъ списокъ входящихъ бумагъ, выдаетъ дѣла приказнымъ для работы на дому, «имѣетъ надзираніе и попеченіе о бумагѣ, перьяхъ, чернилахъ, сургучѣ, воскѣ, о дровахъ и свѣчахъ», исполняя сверхъ того обыкновенныя канцелярскія работы. Регистраторъ разсылаетъ заготовленныя бумаги и ведетъ имъ списокъ съ указаніемъ краткаго содержанія каждой. Актуаріусъ и регистраторъ замѣняютъ одинъ другого въ случаѣ отсутствія одного изъ нихъ. Для областныхъ учрежденій, впрочемъ, должности эти, какъ я уже говорилъ выше, большого практическаго значенія не имѣютъ; но генеральный регламентъ говоритъ также о канцеляристахъ и о копіистахъ; первые исполняютъ подъ наблюденіемъ секретаря всѣ канцелярскія дѣла; вторые, какъ показываетъ самое ихъ названіе исключительно предназначены для переписки набѣло[1]).

Наказъ 1728 года возлагаетъ на губернаторовъ и воеводъ обязанности, по возможности, систематично распредѣлять занятія между канцеляристами: «у которыхъ судныя и розыскныя дѣла или счеты, у такихъ никакого прихода не было бъ, а у которыхъ денежный пріемъ или расходъ, такимъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ не придавать»[2]). Такъ гласили законы, на основаніи которыхъ должна была строиться канцелярская служба, но жизнь измѣнила предписанія, пріобщивъ копіистовъ къ болѣе широкому кругу дѣлъ и превративъ ихъ въ помощниковъ канцеляристовъ. Однообразнаго и правильнаго раздѣленія областныхъ канцелярій на отдѣлы не существовало; большія канцеляріи, напримѣръ губернскія, дѣлились на экспедиціи[3]), но обычными подраздѣленіями всѣхъ канцелярій были, какъ и ранѣе, до Петра, столы и повытья; послѣднее названіе обнимало все, что входило въ вѣдѣніе стола, и завѣдывавшій столомъ носилъ иногда названіе повытчика[4]). Столы и повытья отличались совершенно такими же, какъ и въ допетровское время, случайными, смутными очертаніями и отсутствіемъ системы. Какъ на самомъ дѣлѣ бывали распредѣлены дѣла въ областныхъ канцеляріяхъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Возьмемъ прежде всего канцелярію губернскую: въ 1745 году въ Астрахани существовалъ такой порядокъ: 1 канцеляристъ находился у крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикомъ; къ этому основному занятію присоединялись разборъ архива, продажа гербовой бумаги и сдача отчетности за «бытность у прихода и расхода денежной казны въ 1736 году; 1 канцеляристъ находился «у сочиненія вѣдомостей, требуемыхъ окладной книгой камеръ-коллегіи», и отчитывался за бытность приходчикомъ въ 1742 году; 1 канцеляристъ съ однимъ копіистомъ занималъ должность приходчика и расходчика денежной казны на данный 1745 годъ; другихъ обязанностей на это отвѣтственное лицо уже не возлагалось;

[1]) Ген. Регламентъ, главы XXX, XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV.

[2]) П. С. З., VIII, № 5333, статья 4.

[3]) Московск. губ. канц., кн. 63, л. 90.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 300, л. 741, *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное Управленіе, 104; *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 100.

1 канцеляристъ при одномъ копіистѣ — у секретныхъ внутреннихъ дѣлъ и у исправленія должности протоколиста; 1 канцеляристъ, 1 подканцеляристъ и 1 копіистъ — у сборовъ и нарядовъ камеръ-коллегіи, у подушнаго сбора и подъ счетомъ у прихода и расхода за 1738, 1740 и 1743 годы. 1 канцеляристъ завѣдывалъ приказнымъ столомъ, провіантскими и фуражными дѣлами и мѣрами охраны отъ опасной болѣзни, т.-е. моровой язвы, во всей губерніи; кромѣ того, онъ былъ «у прокурорскихъ дѣлъ» и отчитывался за 1744 годъ; 1 канцеляристъ управлялъ военными дѣлами въ разрядномъ повытьѣ, состоялъ «у довольствія всей губерніи жалованьемъ» и несъ обязанности регистратора. Сочиненіе счетовъ за прежніе годы было ввѣрено подканцеляристу, на такое же лицо были возложены дѣла по рыбной, соляной и адмиралтейской конторамъ. Почтмейстерскія дѣла были ввѣрены причисленному къ губернской канцеляріи дворянину. Наконецъ, въ Астраханской губернской канцеляріи были особыя, ей свойственныя дѣла: сношенія съ калмыками и съ самостоятельными государствами востока; всѣми этими дѣлами самостоятельно завѣдывали 3 копіиста[1]).

Перейдемъ теперь къ провинціальнымъ канцеляріямъ. Въ Сѣвской провинціальной канцеляріи въ 1731 году существовало такое распредѣленіе дѣлъ: у прихода и расхода денежной казны — 1 канцеляристъ и 1 подканцеляристъ; у сочиненія счетныхъ выписокъ, у камерирскихъ счетовъ и у взысканія доимокъ — 1 канцеляристъ; у всѣхъ военно-хозяйственныхъ и рекрутскихъ дѣлъ — 1 канцеляристъ и 3 копіиста; у дѣлъ фортификаціонныхъ, артиллерійскихъ, а также и коммерческихъ — 1 подканцеляристъ и 2 копіиста; у таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ и у продажи гербовой бумаги — 1 канцеляристъ и 1 подканцеляристъ; у счета доимки — 1 канцеляристъ, 1 подканцеляристъ и 1 копіистъ; у крѣпостныхъ дѣлъ и у сочиненія рапортовъ въ сенатъ касающихся камеръ-коллегіи 1 канцеляристъ и 1 копіистъ; почтовое дѣло и записка паспортовъ лежали на 1 подканцеляристѣ и 1 копіистѣ; фискальскія дѣла, заповѣдные лѣса, все что, касалось конфискаціи, колодниковъ, сыска воровъ и разбойниковъ и челобитчиковыхъ дѣлъ, вѣдали 1 канцеляристъ и 3 копіиста; 1 подканцеляристъ и 1 копіистъ состояли при сочиненіи списковъ однодворцевъ, переводимыхъ въ ландмилицкіе полки, и у «отправленія разныхъ дѣлъ»; 1 канцеляристъ и 2 копіиста завѣдывали дѣлами, оставшимися отъ переписи и первой ревизіи. 2 копіиста продолжали ликвидировать дѣла упраздненныхъ камерировъ и рентмейстеровъ, наконецъ, 1 канцеляристъ, 1 подканцеляристъ и 4 копіиста исполняли самыя различныя дѣла второстепеннаго значенія, а часть ихъ завѣдывала также подушнымъ сборомъ[2]). Уже изъ обоихъ приведенныхъ примѣровъ видны случайность и неравномѣрность распредѣленія дѣлъ, и смѣшеніе всѣхъ трехъ степеней приказной іерархіи при ихъ выполненіи. Та же картина открывается при

[1] Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 936—9 0.

[2]) Разр. приказъ, Дѣла разныхъ городовъ, кн. 65, лл. 726—751.

взглядѣ на распредѣленіе дѣлъ въ Юрьево-Польской и Шацкой провинціальныхъ канцеляріяхъ (1736 и 1745 гг.). Въ первой существовалъ приказный столъ въ завѣдываніи канцеляриста, «въ повытьѣ», т.-е. подъ начальствомъ котораго были 1 копіистъ и 1 пищикъ или писецъ, стоявшій ниже канцелярскихъ служителей; это же повытье вѣдало приходъ и расходъ денежной казны; другой столъ, состоявшій изъ канцеляриста и 2 копіистовъ, вѣдалъ дѣла бывшей камерирской конторы, и 1 канцеляристъ состоялъ у юстицкихъ дѣлъ[1]). Во второй были выдѣлены: приходчикъ, слѣдственныя дѣла, надсмотръ за крѣпостными дѣлами и существовало особое отдѣленіе при сборѣ подушныхъ[2]).

Въ уѣздныхъ городахъ картина такая же. Вотъ, напримѣръ, каковъ былъ въ 30-хъ же годахъ составъ Яблоновской воеводской канцеляріи, и какъ въ ней были распредѣлены дѣла: въ приказномъ столѣ были 1 канцеляристъ и 2 копіиста, у челобитчиковыхъ дѣлъ — 1 канцеляристъ и 2 копіиста, у сбора крѣпостныхъ пошлинъ — 1 канцеляристъ и при немъ 1 писецъ, у сбора пошлинъ неокладныхъ и пошлинъ съ челобитчиковыхъ дѣлъ — 1 копіистъ; кромѣ того, 1 копіистъ завѣдывалъ нѣкоторыми дѣлами, касавшимися сборовъ подушныхъ[3]). Въ 1745 году въ Брянской воеводской канцеляріи одинъ канцеляристъ состоялъ «у протокольной записки и у отправленія дѣлъ по указамъ», 1 — съ копіистомъ у розыскныхъ дѣлъ, 1 — у вальдмейстерскихъ дѣлъ, 1 — съ подканцеляристомъ и копіистомъ при подушномъ сборѣ, 3 канцеляриста, 1 подканцеляристъ и 1 копіистъ отчитывались за прежніе годы[4]). Въ старомъ Осколѣ 1 канцеляристъ былъ у крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикомъ, 1 въ приказномъ столѣ у правленія по указамъ, 1 подканцеляристъ у адмиралтейскихъ сборовъ, 1 подканцеляристъ и 3 копіиста при подушномъ сборѣ, 1 подканцеляристъ въ таможнѣ; кромѣ того, при канцеляріи были 5 «подъяческихъ дѣтей» — 3 для письма, 2 для протокольной записки[5]). Въ Зарайскѣ 1 канцеляристъ былъ у прихода и расхода денежной казны и по необходимости у разныхъ текущихъ дѣлъ, 1 канцеляристъ состоялъ надсмотрщикомъ у крѣпостныхъ дѣлъ, одинъ отчитывался какъ бывшій приходчикъ, 3 копіиста были при подушномъ сборѣ, 1 подканцеляристъ и 1 копіистъ — при различныхъ текущихъ дѣлахъ[6]). Сколько бы мы ни приводили примѣровъ, общая картина не мѣняется.

Всѣ приведенныя данныя указываютъ на то, что при отправленіи дѣлъ различныя категоріи приказныхъ служителей не отличались суще-

[1]) Разр. приказъ, Дѣла разныхъ городовъ, кн. 73, лл. 72—99.

[2]) Разр. приказъ, Дѣла разныхъ городовъ, кн. 72, л. 678 и сл.

[3]) Разр. приказъ, Дѣла разныхъ городовъ, кн. 74, лл. 596—601.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 150—151.

[5]) Герольдм. конторы, кн. 300, л. 548.

[6]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 831, 832. Многочисленные примѣры распредѣленія дѣлъ между канцелярскими служащими (см. также герольдм. конторы, кн. 140 (1732 г.) и 141 (1748—55 г.). Другіе примѣры: герольдм. конторы, кн. 300, л. 573, (Вага) лл. 838—878 (Гороховецъ).

ственно одна отъ другой: относительно распредѣленія дѣлъ получается очень смутная картина. Первое впечатлѣніе при сравненіи распредѣленія дѣлъ въ разныхъ канцеляріяхъ — это впечатлѣніе хаоса; всматриваясь ближе, можно установить нѣкоторыя категоріи дѣлъ, которыя почти всегда выдѣлены — сюда относятся дѣла по приходу и расходу денежной казны, возлагаемыя въ виду тяжелой отвѣтственности, съ ними сопряженной, ежегодно по очереди на наличныхъ канцелярскихъ служителей[1]). Далѣе были выдѣлены надсмотръ за крѣпостными дѣлами[2]), дѣла судебныя и т. д.; къ такимъ дѣламъ надо причислить еще отдѣленіе канцеляріи по подушному сбору, которое въ провинціи и уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, до штатовъ 1763 года, стояло особо, находясь въ общемъ завѣдываніи воеводы, но подъ непосредственнымъ начальствомъ офицера при подушномъ сборѣ[3]), а въ губерніи составляло особую экспедицію губернской канцеляріи[4]). Опредѣленіе приказныхъ къ дѣламъ, выдѣлявшимся изъ другихъ канцелярскихъ занятій и сопряженнымъ съ особой отвѣтственностью, совершалось иногда при участіи самихъ приказныхъ, путемъ выбора. Вотъ примѣръ, показывающій, какъ происходили подобные выборы. Въ 1744 году крѣпостной надсмотрщикъ Яренской воеводской канцеляріи былъ «за его пьянство отставленъ». Воевода особымъ указомъ предписалъ приказнымъ избрать изъ своей среды новаго надсмотрщика и представить начальству «выборъ за руками». По представленіи этого документа, свидѣтельствовавшаго о томъ, что приказаніе воеводы было исполнено, избранный въ надсмотрщики былъ приведенъ къ присягѣ[5]). Вокругъ такихъ основныхъ подраздѣленій переплетаются въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ другія болѣе мелкія, второстепенныя дѣла, часто поручаемыя такимъ приказнымъ, которые уже имѣли въ своемъ вѣдѣніи цѣлый рядъ иныхъ дѣлъ; отсюда безконечное разнообразіе въ занятіяхъ приказныхъ людей различныхъ областныхъ канцелярій и подчасъ непосильное ихъ обремененіе дѣлами. Главнѣйшею причиною послѣдняго было недостаточное число канцелярскихъ служителей, — болѣзнь, отъ которой страдали областныя учрежденія въ теченіе всего

---

[1]) Это происходило, повидимому въ соотвѣтствіе статьямъ 23 и 34 наказа 1728 г. (П. С. З., VIII, № 5333); Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д. 4, 5, 110, 111; Лебедянской воев. канц., оп. 2, вяз. 2, дѣло 47.

[2]) Надсмотръ надъ крѣпостными дѣлами былъ выдѣленъ указомъ 23 августа 1737 г.: въ губернскихъ канцеляріяхъ крѣпостныя дѣла возлагались на одного изъ секретарей; въ провинціальныхъ канцеляріяхъ также, повидимому предполагалось учредить для этой цѣли особую секретарскую должность; въ воеводскихъ канцеляріяхъ для этого долженъ былъ назначаться надсмотрщикъ. На практикѣ, кажется, осуществлено было вполнѣ только послѣднее (П. С. З. IX, № 7354); инструкція крѣпостнымъ надсмотрщикамъ была дана 7 іюня слѣдующаго года (П. С. З., IX, № 7594).

[3]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, дѣло 9 и 49.

[4]) Моск. губ. канц., кн. 59.

[5]) Яренск. воев. канц., оп. 75, виз. 1, д. 1; аналогичные примѣры — тамъ же дѣла 5, 7, 9, 10, 14, 17, 20, 22.

изучаемаго времени и которую они, по крайней мѣрѣ отчасти, получили въ наслѣдство отъ Петровскаго царствованія[1]).

Недостатокъ приказныхъ рукъ бросается прежде всего въ глаза при сравненіи положеннаго штата съ наличнымъ числомъ работниковъ. Выше я приводилъ данныя о штатномъ составѣ нѣкоторыхъ канцелярій: въ Московской губерніи въ 1739 году вмѣсто положенныхъ по штату 8 секретарей, 20 канцеляристовъ, 20 подканцеляристовъ и 80 копіистовъ налицо оказывалось «за разобраніемъ въ разныя команды» секретарей — 5, канцеляристовъ — 7, подканцеляристовъ — 7, копіистовъ — 14 и разныхъ сверхштатныхъ служителей — 32, т.-е. всего 65 человѣкъ вмѣсто 128[2]). Въ 1732 году въ Клинской воеводской канцеляріи были налицо 1 подъячій съ приписью, 2 канцеляриста и третій, состоявшій при подушномъ сборѣ, и 1 копіистъ, т.-е. всего 5 человѣкъ, вмѣсто положенныхъ 12, а въ 1761 году всѣхъ приказныхъ было только четыре человѣка[3]). Въ Кинешмѣ въ 1754 году, кромѣ подъячаго съ приписью, были — 2 канцеляриста, 1 подканцеляристъ и 2 копіиста, всего 6 человѣкъ вмѣсто штатныхъ 11[4]). Въ Дмитровѣ въ 1744 году было 6 штатныхъ приказныхъ изъ числа 16[5]). Въ Трубчевской канцеляріи въ 1745 году налицо было 13 служащихъ, а въ отлучкѣ 6, т.-е. одна треть; почти такую же картину представляла въ это время и Новосильская канцелярія[6]). Малочисленность приказныхъ иногда прямо поражаетъ. Такъ, въ 1732 году въ Кіевѣ въ губернской канцеляріи и въ приписанныхъ къ нему городахъ Нѣжинѣ, Полтавѣ и Черниговѣ было 28 великорусскихъ подъячихъ, которымъ помогали 1 отставной и 12 подъяческихъ дѣтей[7]). Въ 1745 году въ Лухѣ вся канцелярія, включая подъячаго съ приписью, состояла изъ 5 человѣкъ, въ Гдовѣ — изъ 1 канцеляриста и отставныхъ капрала и 2 солдатъ, занимавшихся у подушнаго сбора, въ Петровскѣ — изъ 3 канцеляристовъ и 1 копіиста[8]). Въ 1732 году въ Изборскѣ приказныхъ не было вовсе[9]).

Жалобы на недостаточное количество приказныхъ представляютъ обычное явленіе втеченіе всего изучаемаго времени, онѣ несутся со всѣхъ

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій.* Областное Управленіе, 91, 92. *Богословскій,* Областная реформа, 272, 274. Недостатокъ былъ замѣтенъ и въ послѣдніе годы существованія Петровскихъ учрежденій, напр. въ Галицк. пров. канц., въ 1726 г.: Галицкой пров. канц. оп. 4, вяз. 24.

[2]) Сб. Р. И. О., CXXVI, 497.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 5, вяз. 6, д. 65/261; оп. 6, вяз. 4, д. 18/33.

[4]) Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 548.

[5]) Дмитровск. воев. канц., вяз. 8. д. 13, лл. 5—8.

[6]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 24—37, 38—47.

[7]) Герольдм. конторы, кн. 127, л. 684.

[8]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 195, 271, 362.

[9]) Герольдм. конторы, кн. 127, лл. 237—238; другіе аналогичные примѣры малолюдства канцелярскихъ служителей см. герольдм. конторы, кн. 460, лл. 439—444: Смоленская губ.: Дорогобужск., Вяземск., Рославльская, Бѣльская воев. канц.; лл. 416—437 — Воронежская губ. канц.; лл. 488—539, 564—587 — различныя канцеляріи Сибири; лл. 589—594 — Нижегородская губернская и подвѣдомственныя ей пров. и воев. канцеляріи.

концовъ страны, сливаются въ общій стонъ объ оскудѣніи канцелярской службы и доходятъ иногда до борьбы за подъячихъ. Фактическіе примѣры подтвердятъ сказанное. Въ 1727 и 1728 годахъ, когда оставшіеся за штатомъ секретари упраздненныхъ Петровскихъ учрежденій собрались въ столицѣ, герольдмейстерская контора уже констатировала, что свободныхъ отъ службы секретарей было очень немного[1]). И позднѣе число «секретарей не у дѣлъ» исчислялось не болѣе какъ единицами, такъ что свободныхъ кандидатовъ на высшія приказныя должности въ распоряженіи герольдмейстера оказывалось неизмѣримо менѣе, чѣмъ кандидатовъ на воеводскія должности[2]). Въ 1728 году Кашинскій воевода жаловался на своего начальника, Углицкаго провинціальнаго воеводу, отнимавшаго у него подъячихъ и оставлявшаго его безъ нужныхъ ему приказныхъ рукъ[3]). Въ 1731 году Бѣлогородская губернская канцелярія, нуждаясь въ приказныхъ, отправила въ Орелъ особаго посланнаго, прапорщика Кондырева, которому, предвидя сопротивленіе мѣстныхъ властей, предписано было забрать канцеляристовъ «мимо воеводы»; губернская канцелярія такъ нуждалась въ приказныхъ, что, составляя списокъ лицъ, подлежавшихъ «отдачѣ» изъ Орловской провинціальной канцеляріи, не провѣряя внесла въ него малолѣтнихъ[4]). Почти одновременно въ Калужской провинціи произошелъ слѣдующій инцидентъ. Вмѣстѣ съ только что смѣнившимся Лихвинскимъ воеводой долженъ былъ ѣхать въ Москву «къ счету» съ разными документами одинъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. При проѣздѣ черезъ Калугу провинціальный воевода захватилъ подъячаго, взялъ къ себѣ въ канцелярію и держалъ многое время подъ карауломъ, «а изъ той канцеляріи оный отосланъ на штапный дворъ къ дѣламъ»; такимъ способомъ его думали, вѣроятно, совсѣмъ закрѣпить въ Калугѣ. Между тѣмъ, «вѣдомости», относившіяся до смѣны воеводъ въ Лихвинѣ, оставались при злополучномъ подъячемъ, и бывшему Лихвинскому воеводѣ безъ него въ сенатъ «подать было нечего»[5]). Въ тотъ же годъ Казанская губернская канцелярія вступила въ ожесточенную борьбу съ Казанской лѣсной конторой, откуда приказано было взять сверхштатныхъ подъячихъ; борьба окончилась только послѣ вторичнаго предписанія изъ сената — «взять подъячихъ въ губернскую канцелярію, несмотря ни на какія отговорки, а въ лѣсной конторѣ исправляться опредѣленными по штату» подъячими[6]). Въ 1732 году Клинская воеводская канцелярія въ тщетныхъ усиліяхъ довести число приказныхъ до скромной цифры, положенной по только что выработанному штату, девять разъ въ теченіе года обращалась въ Московскую губернскую канцелярію съ просьбой прислать недостающихъ подъячихъ, но всѣ ея ходатайства были без-

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 128, л. 421.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 453, л. 276 (1756 г.).

[3]) Кашинск. воев. канц., оп. 7, вяз. 15, указы 1728 г., № 1 и 2.

[4]) Орловск. пров. канц., оп. 7, вяз. 1, дѣло 3317.

[5]) Герольдм. конторы, кн. 128, л. 781.

[6]) Сб. Р. И. О., CIV, 257, 258.

результатны[1]). Въ 1733 году Торопецкій воевода Елагинъ объяснялъ присланному слѣдователю неисправность въ дѣлахъ своей канцеляріи отсутствіемъ приказныхъ силъ, «которыхъ у него всѣхъ канцеляристовъ два, копіистовъ два жъ человѣка[2]). 4 года спустя Сибирская губернія доносила въ сенатъ, что она поставлена въ невозможность составить требуемыя сенатомъ вѣдомости о рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ съ 1719 года за неимѣніемъ для того работниковъ[3]). Въ 1734 году послѣ смѣны воеводы въ Олонцѣ, когда 2 подъячихъ должны были ѣхать въ Новгородъ къ счету вмѣстѣ со старымъ воеводой, преемникъ послѣдняго протестовалъ, указывая, что ему воеводскую должность «исправлять безъ подъячихъ никакъ не возможно»[4]). Въ 1738 году Московской губернской канцеляріей былъ составленъ протоколъ слѣдующаго содержанія: «понеже въ этой канцеляріи служителей, за разобраніемъ въ разныя команды обрѣтается малое число и въ правленіи Ея Императорскаго Величества дѣлъ чинится остановка, того ради», предписывалось, «въ оную канцелярію для опредѣленія къ дѣламъ взять изъ Коломны — 1 подканцеляриста, 3 копіистовъ, изъ Боровска—1 подканцеляриста, изъ Вереи— 1 копіиста»; для «взятія» назначенныхъ къ командированію въ Москву было рѣшено послать нарочныхъ и велѣть посланнымъ «оныхъ служителей взять изъ воеводскихъ канцелярій того жъ числа неотмѣнно, а въ указахъ къ воеводамъ написать, чтобъ имъ отдали не отымаясь никакими отговорками подъ штрафомъ не отмѣнно»[5]). Въ 1739 году вслѣдствіе жалобы вице-губернатора князя Юсупова, кабинетъ и сенатъ приказали возвратить въ Московскую губернскую канцелярію, по возможности, всѣхъ 95 канцелярскихъ служащихъ, которыхъ недоставало въ ней изъ числа 128 положенныхъ по штату[6]). Въ 1744 году по указу сената были отосланы въ Петербургскую воеводскую канцелярію для опредѣленія къ дѣламъ 10 человѣкъ школьниковъ гарнизонной школы. Военная коллегія потребовала ихъ возвращенія, но сенатъ отказалъ, указывая на крайній недостатокъ подъячихъ во всѣхъ областныхъ учрежденіяхъ и «дабы за такимъ недостаткомъ во исправленіи Ея Императорскаго Величества дѣлъ остановки и упущенія быть не могло»[7]). Годы шли, а положеніе не измѣнялось. Въ 1745 году возникъ изъ-за подъячаго цѣлый конфликтъ между Казанской губернской и Симбирской провинціальной канцеляріями; первая отняла у второй одного канцеляриста; Симбирская канцелярія пожаловалась на свое начальство въ сенатъ[8]), одновременно Псковская провинціальная канцелярія жаловалась на недостатокъ подъя-

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 6, вяз. 6, д. 65/261.
[2]) Сб. Р. И. О., CVI, 5.
[3]) Журналы Сената за 1737 г. II, 106.
[4]) Олонецкой воев. канц., оп. 1, вяз. 1, д. 5.
[5]) Моск. губ. канц., кн. 60, л. 262.
[6]) Сб. Р. И. О., CXXVI, 482, 483, 497.
[7]) П. С. З., XII, № 8965.
[8]) П. С. З., XII, № 9150.

чихъ[1]). 12 іюля 1752 года состоявшій въ Клину при подушномъ сборѣ подпоручикъ Зоринъ донесъ Клинской воеводской канцеляріи, что находившійся подъ его начальствомъ у сбора подушныхъ подканцеляристъ умеръ, и требовалъ замѣщенія открывшейся вакансіи. Клинская канцелярія 5 дней спустя отправила донесеніе къ губернскому начальству, прося о командированіи канцеляриста изъ Москвы, «чтобы при ономъ подушномъ сборѣ въ письменныхъ дѣлахъ не учинить какой остановки, а въ Клинской воеводской канцеляріи имѣется служителей приказныхъ весьма малое число, и за тѣмъ къ подушному сбору опредѣлить некого». Клинскій воевода повторялъ свое донесеніе 30 іюля, 3, 13, и 24 августа и 16 сентября, но и на послѣднее губернскія власти не отозвались[2]). Въ 1756 году та же губернская канцелярія оскудѣла секретарями и потребовала высылки изъ Клина подьячаго съ приписью для исправленія должности губернскаго секретаря, предложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ «къ правленію съ приписью подъячаго должности изъ имѣющихся въ той Клинской канцеляріи канцеляристовъ, достойнаго выбравъ, къ произведенію представить въ губернію». Оказалось, что въ Клину имѣлись только два канцеляриста, изъ которыхъ одинъ былъ всецѣло занятъ дѣлами подушнаго сбора[3]). 5 лѣтъ спустя положеніе въ Клинской канцеляріи оказывалось не лучшимъ. Служившій въ ней канцеляристъ Голенищевъ просилъ губернскую канцелярію о переводѣ его въ Коломну; просьба его была исполнена, но съ уходомъ его въ Клинской канцеляріи оставалось всего 4 человѣка; изъ нихъ канцеляристовъ было 2: одинъ — у прихода и расхода денежной казны, другой — оказывался «старъ и дряхлъ и затѣмъ не токмо къ содержанію прихода и расхода, и къ отправленію текущихъ по оной канцеляріи дѣлъ не весьма надеженъ». При такомъ безлюдіи Клинская канцелярія ставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы взамѣнъ Голенищева былъ переведенъ изъ Коломны «достойный» канцеляристъ. Но Коломенская канцелярія, столь же сильно нуждавшаяся въ канцелярскихъ работникахъ, ибо въ ней при громадной территоріи уѣзда и при значительномъ населеніи города было только 7 человѣкъ, обманула Клинскую канцелярію, прислaвъ вмѣсто Голенищева канцеляриста Лукина, «у коего лѣвая нога неисцѣльною болѣзнью повреждена, отчего и ходитъ онъ на поддѣланной деревяшкѣ съ превеликою нуждою и не столько въ здоровьѣ, но почти ежевременно въ тяжкой оттого болѣзни находится»; и къ самымъ дѣламъ Лукинъ оказался, по мнѣнію Клинской канцеляріи, неспособенъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончился споръ между двумя канцеляріями, но Клинская не приняла Лукина и отправила его обратно съ настоятельнымъ

[1]) Герольдм. конторы, кн. 306, л. 217. Въ Псковѣ недостатокъ приказныхъ былъ хроническимъ явленіемъ: въ 1741 году воевода Давыдовъ отказывался за неимѣніемъ свободныхъ рукъ составлять вѣдомости о подушной доимкѣ за 1725—1735 годы Сенатскій Архивъ, III, 239.

[2]) Клинск. воев. канц., оп. 4, вязка 5, дѣло 84.

[3]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вязка 41, дѣла 33, 37.

требованіемъ непремѣнно прислать ей «достойнаго» канцеляриста[1]). Въ 1761 году въ Астраханской губернской канцеляріи всѣ наличные приказные уже перебывали у прихода и расхода денегъ, — всѣ были подъ счетомъ, и назначать было больше некого[2]). Когда въ концѣ 50-хъ годовъ въ Петербургѣ былъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ дѣйствовавшихъ канцелярскихъ штатовъ и областныя канцеляріи были запрошены о томъ, какое число приказныхъ должностей соотвѣтствовало бы количеству работы, всѣ мѣстныя учрежденія единодушно требовали значительнаго увеличенія своего состава и указывали на полную недостаточность имѣющихся подъячихъ[3]). Почти наканунѣ изданія учрежденія о губерніяхъ, 19 мая 1775 года герольдмейстеръ князь Щербатовъ докладывалъ сенату, «что въ приказныхъ служителяхъ во многихъ мѣстахъ есть недостатокъ[4]).

Я привелъ примѣры малолюдства канцелярій всѣхъ степеней областного управленія, находившихся въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Но малолюдствомъ страдали не только учрежденія, завѣдовавшія мѣстнымъ управленіемъ. Малолюдство было болѣзнью всѣхъ канцелярій. Въ 1739 году сенатская контора въ Москвѣ отказывалась командировать вызываемаго въ сенатъ своего секретаря Голубцова, «понеже по сенатской конторѣ исправленіемъ положены на него нужнѣйшія дѣла, и ежели его отъ той конторы отъ дѣлъ отлучить, то въ произвожденіи дѣлъ будетъ крайняя остановка»[5]). Ревизіонъ-коллегія еще въ концѣ 20-хъ годовъ требовала для усиленія состава своей канцеляріи 1 секретаря, 13 канцеляристовъ и 26 копіистовъ, «понеже оная коллегія и безъ присылки изъ губерній и провинцій счетовъ за неудовольствіемъ служителей не малую имѣетъ нужду», а если, какъ предполагалось, въ нее будутъ поступать на ревизію документы изъ другихъ учрежденій, въ томъ числѣ «по одной камеръ-коллегіи сборовъ слишкомъ 6000 счетовъ» за одинъ 1726 годъ «то ни по которой мѣрѣ наличными служителями исправиться невозможно». Сенатъ приказалъ командировать въ ревизіонъ-коллегію изъ каждой губерніи по два приказныхъ, а изъ каждой провинціи по одному[6]). Въ 1732 году въ различныхъ петербургскихъ учрежденіяхъ требовалось болѣе сотни подъячихъ, которыхъ и старались набрать въ Москвѣ и по городамъ Новгородской губерніи[7]). Такъ недостаточность штата центральныхъ учрежденій вызывала уменьшеніе и безъ того недостаточныхъ силъ учрежденій мѣстныхъ. Ходатайство

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 6, вяз. 4, д. 18/33.

[2]) П. С. З., XV, № 11200.

[3]) Примѣры: герольдм. конторы, кн. 460, лл. 208—215, преполагаемый штатъ Астраханской губернской канцеляріи (см. ниже); лл. 620—622, наличный составъ и потребности Вятской провинціи.

[4]) П. С. З., XX, № 14324.

[5]) Дѣла сената, кн. 32/248, л. 9.

[6]) П. С. З., VIII, № 5487.

[7]) Герольдм. конторы, кн. 127, лл. 406, 437—438, 481, 712—719, 726.

ревизіонъ-коллегіи было 25 лѣтъ позднѣе повторено юстицъ-коллегіей; послѣдняя въ 1754 году просила сенатъ, «чтобы за крайнимъ той коллегіи въ приказныхъ служителяхъ недостаткомъ повелѣно было о высылкѣ въ эту коллегію 15 канцелярскихъ служителей». Сенатъ распорядился, чтобы герольдмейстерская контора, разсмотрѣвъ, гдѣ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ имѣется достаточное число приказныхъ служителей, предоставила губернаторамъ и воеводамъ выбрать нужное количество людей и отправить ихъ въ юстицъ-коллегію[1]). Одною изъ причинъ, почему въ 50-хъ годахъ возникъ вопросъ о пересмотрѣ канцелярскихъ штатовъ, было желаніе правительства снабдить столичныя и областныя канцеляріи достаточнымъ количествомъ людей, «полагая самое умѣренное число, только въ чемъ нужда къ управленію состоитъ»[2]).

Уже изъ приведенныхъ сейчасъ мѣропріятій сената видно, что правительство отлично видѣло канцелярское безлюдіе; правда, мѣропріятія эти, сводившіяся къ пополненію центральныхъ учрежденій въ ущербъ мѣстнымъ, были настоящимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, но было бы несправедливымъ думать, что этимъ ограничивались заботы правительства объ усиленіи приказныхъ силъ. Правительство пыталось вести борьбу съ общей болѣзнью всѣхъ канцелярій, вводя возможно строгій учетъ канцелярскихъ служителей по всей имперіи и пытаясь порою производить ихъ уравнительное распредѣленіе. Подобно учету дворянъ, учетъ приказныхъ былъ также возложенъ на герольдмейстерскую контору, а перераспредѣленіе ихъ — на губернаторовъ. Указомъ 17 апрѣля 1729 года сенатъ приказалъ прислать именные списки всѣхъ подъячихъ столичныхъ и провинціальныхъ учрежденій, а также ихъ сыновей; тѣмъ, которые не у дѣлъ, приказано было записываться въ Москвѣ въ герольдмейстерской конторѣ, въ Петербургѣ — въ юстицъ-конторѣ, въ другихъ городахъ — у губернаторовъ и воеводъ въ трехмѣсячный срокъ съ угрозою въ противномъ случаѣ отдачи въ солдаты[3]). Мы, впрочемъ, уже знаемъ, что свободная приказная наличность оказывалась небольшой. Указъ 28 іюня 1737 года предписывалъ послать изъ герольдмейстерской конторы указы, велѣть всѣхъ наличныхъ и отсутствующихъ секретарей, съ приписью подъячихъ, «такожъ канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копіистовъ и ихъ дѣтей, не опредѣленныхъ въ какую-либо службу, переписать и о нихъ и о дѣтяхъ ихъ разсмотрѣть губернаторамъ и воеводамъ» съ правомъ перевода подъячихъ изъ такихъ канцелярій, гдѣ было ихъ достаточно, въ другія, гдѣ въ нихъ ощущалась особая нужда[4]). Указъ 21 октября того же года, подробно изложенный выше, своимъ категорическимъ повелѣніемъ составить списки и пересмотрѣть всѣхъ годныхъ къ службѣ приказныхъ, въ сущности, только дополнялъ и развивалъ предыдущій

---

[1]) П. С. З., XIV, № 10194.
[2]) П. С. З., XIV, № 10473.
[3]) П. С. З., VIII, № 5399.
[4]) П. С. З., X, № 7298.

указъ[1]). Въ 1746 году сенатъ, «слушавъ экстрактъ о недостаткѣ канцелярскихъ служителей», приказалъ подтвердить накрѣпчайшими указами, чтобъ губернскія канцеляріи, замѣтивъ недостатокъ канцелярскихъ служителей, разыскивали уклоняющихся отъ службы, а о наличныхъ приказныхъ силахъ сообщали бы въ герольдмейстерскую контору. За уклоняющимися приказными должны были слѣдить и ревизоры второй ревизіи[2]). Въ 1755 году опять встрѣчаемъ заботы правительства о пересмотрѣ и уравненіи приказныхъ; предполагалось въ виду сочиненія новыхъ штатовъ предоставить областнымъ властямъ «разсмотрѣть и разобрать» всѣхъ канцелярскихъ служителей, распредѣливъ ихъ поровну между канцеляріями одинаковыхъ степеней областного управленія[3]). Въ 1769 году послѣдовало новое предписаніе доставлять въ герольдмейстерскую контору въ положенные сроки вѣдомости о канцелярскихъ служителяхъ, какъ состоящихъ на службѣ, такъ и отставныхъ[4]).

Принимая во вниманіе огромное число подъячихъ, которые въ 10-хъ годахъ находились въ губернскихъ канцеляріяхъ, постоянныя жалобы на недостатокъ приказныхъ силъ кажутся на первый взглядъ неожиданными и странными, но это, именно, только на первый взглядъ; допросъ источниковъ вскрываетъ причины такого недостатка и объясняетъ его вполнѣ. Недостатокъ приказныхъ сталъ ясно ощущаться еще при проведеніи областной реформы 1719 года и тогда уже успѣли сказаться нѣкоторыя обстоятельства, которыми и позднѣе обусловливался постоянный недостатокъ канцелярскихъ силъ. Нужду въ приказныхъ испытывали и центральныя и областныя учрежденія; первыя уже тогда оттягивали къ себѣ лучшія силы мѣстныхъ канцелярій, заставляя областныя власти вести подчасъ ожесточенную борьбу изъ-за подъячихъ[5]). Областная реформа 1727 года, преслѣдуя цѣли удешевленія и упрощенія областной администраціи, всѣ свои усилія направила на начальниковъ, оставивъ безъ вниманія приказный людъ; уничтоживъ во имя намѣченныхъ принциповъ камерировъ, рентмейстеровъ, асессоровъ, комиссаровъ, она въ сущности не уничтожила дѣлъ, которыя должны были вести упраздненные ею органы мѣстнаго управленія, а потому не могла сократить канцелярскаго труда; единственнымъ измѣненіемъ было только то, что всѣ отдѣльныя канцеляріи, существовавшія въ 1719—1727 годахъ въ провинціяхъ, слились въ одной общей канцеляріи «воеводскаго правленія», въ которой приходчики и расходчики продолжали дѣлать дѣло канцелярій камерировъ и рентмейстеровъ, а состоявшіе при подушномъ сборѣ — дѣло канцеляріи прежняго земскаго комиссара; въ губернскихъ канцеляріяхъ измѣненій было еще меньше. Потребность въ канцелярскомъ трудѣ не только не уменьшилась при новыхъ обла-

---

[1]) П. С. З., X, № 7410.

[2]) П. С. З., XII, № 9272.

[3]) П. С. З., XIV, № 10473.

[4]) П. С. З., XVIII, № 13368.

[5]) *Богословскій*, Областная реформа, 272—274.

стныхъ учрежденіяхъ, она даже стала постепенно увеличиваться. Наказъ 1728 года усилилъ и усложнилъ воеводскую и губернаторскую отчетность, а это не могло не отозваться на занятіяхъ канцелярій. Каждая воеводская смѣна влекла за собой поѣздку секретаря и подьячаго съ приписью, а иногда и другихъ приказныхъ въ губернію и даже въ столицу; а такая поѣздка могла затянуться на мѣсяцы и даже на годы; чтобы выполнять всѣ требованія по отчетности, чтобы составлять всѣ безчисленныя вѣдомости, отмѣненныя, какъ ненужныя въ 1775 году[1]), надо было потратить не мало долгаго, упорнаго и непроизводительнаго труда; припомнимъ, наконецъ, какъ много приходилось областнымъ канцеляріямъ отписываться по вопросамъ о доимкахъ, которыя правительство съ такой настойчивостью выколачивало въ особенности въ 30-хъ годахъ.

Трудъ областныхъ канцелярій росъ, а между тѣмъ столичныя учрежденія, какъ я указывалъ уже, приводя жалобы на малолюдство, попрежнему постоянно требовали притока свѣжихъ приказныхъ силъ изъ провинціи. Вотъ почему Московскія губернскія власти, которыя послѣ введенія учрежденій 1719 года доносили, «что при губернскихъ всякихъ дѣлахъ быть всесовершенно некому, ибо добрые и заобыкновенные подьячіе всѣ разобраны въ разныя коллегіи и команды»[2]), съ такимъ же основаніемъ доносили и 20 лѣтъ спустя, что въ Московской губернской канцеляріи «канцелярскихъ служителей за разобраніемъ въ разныя команды обрѣтается малое число и въ правленіи дѣлъ чинится остановка»[3]). А когда въ столицѣ признавали необходимымъ создать новое учрежденіе, то для наполненія его канцеляріи прибѣгали къ тому же излюбленному и испытанному средству. Какъ много людей бывало нужно для подобныхъ цѣлей, можно судить по тому, что въ учрежденной въ 1733 году генеральной счетной комиссіи работало 5 секретарей и 88 подьячихъ[4]).

Временныя командировки отвлекали отъ обычной работы не меньшее число приказныхъ силъ, нежели переводъ ихъ въ учрежденія столичныя. Такъ по указу 1729 года для усиленія состава ревизіонъ-коллегіи должны были быть отправлены по два подьячихъ изъ каждой губернской и по одному изъ каждой провинціальной канцеляріи. Въ 1731 году вздумали было командировать на штабные дворы, для счета подушныхъ денегъ, вмѣсто солдатъ, какъ это требовалось полковничьей инструкціей 1724 года, подьячихъ съ перемѣною погодно. Для этой цѣли понадобилось бы ежегодно брать изъ канцелярій до 1500 человѣкъ. Такой расходъ былъ непосильнымъ; уже на слѣдующій годъ областныя канцеляріи обратились въ сенатъ съ жалобами, что за малолюдствомъ въ иныхъ канцеляріяхъ «не токмо отдать, но и выбирать некому»; въ концѣ концовъ пришлось волей неволей возвратиться къ старому порядку

---

[1]) П. С. З., XX, № 14832; см. выше стран. 192, 193.
[2]) *Богословскій*, Областная реформа, 273.
[3]) Моск. губ. канц., кн. 60, л. 262.
[4]) П. С. З., IX, № 6863.

считать деньги при помощи солдатъ[1]). Особенно много приходилось откомандировывать канцелярскихъ служителей во время второй ревизіи, въ 40-хъ годахъ; ткаъ напримѣръ, изъ Бѣльской канцеляріи въ ревизію было отправлено 5 канцелярскихъ служителей изъ 12; въ Трубчевскѣ — 3 изъ 18[2]). Даже командировки обычныя, кратковременныя — и тѣ отвлекали приказныхъ отъ занятій и уменьшали канцелярскія силы; а такихъ командировокъ было также не мало: то осмотръ дорогъ или казенныхъ зданій, то освидѣтельствованіе укрывавшагося въ своей усадьбѣ офицера, не желавшаго ѣхать на службу, то экстренная поѣздка въ губернію[3]).

Не надо также забывать еще одного обстоятельства: наказъ 1728 года запрещалъ опредѣлять къ дѣламъ такихъ приказныхъ людей, «кто были у прихода да у расхода и имѣли въ своихъ рукахъ казну», прежде чѣмъ они не дадутъ отчета въ своей дѣятельности[4]). Отсюда получалось, что въ канцеляріяхъ, вѣчно нуждавшихся въ людяхъ, постоянно бывали опытные канцеляристы, которымъ временно нельзя было дать отвѣтственнаго дѣла и которые очень часто бывали долго заняты почти исключительно своимъ «счетомъ».

Въ числѣ причинъ, обусловливавшихъ недостатокъ приказныхъ рукъ, надо упомянуть и о правительственной политикѣ, ставившей себѣ цѣлью удалить изъ приказнаго сословія, съ одной стороны, дворянъ, съ другой — всѣхъ внесенныхъ въ подушный окладъ. Въ отвѣтъ на одинъ изъ указовъ объ отчисленіи отъ канцеляріи всѣхъ обязанныхъ платить подушную подать, Пермская провинціальная канцелярія осмѣлилась представить, что въ случаѣ проведенія этой мѣры въ жизнь можетъ произойти замедленіе въ теченіи дѣлъ. Но сенатъ настоялъ на исполненіи указа, предписавъ выслать въ Пермскую канцелярію взамѣнъ увольняемыхъ необходимое число подъячихъ изъ Казанской губернской канцеляріи, которая сама едва ли страдала отъ ихъ избытка[5]).

Наконецъ, есть указанія, что были такіе канцеляристы, которые «отбывали канцелярской службы», не были «ни у какого дѣла», нанимались въ суды ходить или, «имѣя деревни, праздно въ нихъ проживали»[6]). Правительство неоднократно ополчалось на такихъ приказныхъ нѣтчиковъ, предписывало разыскивать ихъ и насильно опредѣлять въ канцелярію, полагая, что въ государствѣ, гдѣ всякое сословіе имѣетъ свои повинности, приказный людъ не имѣетъ никакихъ основаній уклоняться отъ своего канцелярскаго тягла.

Оглядываясь назадъ на явленія, которыми объясняется хроническій недостатокъ приказныхъ людей въ XVIII вѣкѣ, нельзя не признать, что правительство, устранявшее изъ приказнаго сословія нежелательные

---

[1]) П. С. З., VIII, №№ 5697, 6224, 6228.

[2]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 22—23, 31—32.

[3]) Клинск. воев. канц., оп. 3, вяз. 10, д. 45/343; оп. 10, вяз. 5, д. 1736 г. № 36.

[4]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 34.

[5]) П. С. З., XII, № 9147.

[6]) П. С. З., VII, № 5399 (1729 г.); X, № 7216 (1737 г.); XII, № 9147 (1746 г.).

для него элементы и черпавшее для столичныхъ нуждъ лучшія приказныя силы провинціи, должно нести долю вины въ обремененіи областныхъ канцелярій работой, въ неумѣніи ихъ справиться съ лежавшими на нихъ обязанностями. Общая болѣзнь такъ и не исчезла; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ жалобы на недостатокъ приказныхъ, которыя слышатся въ нѣкоторыхъ городскихъ наказахъ 1767 года[1]), и заявленіе о недостаткѣ приказныхъ служителей, сдѣланное герольдмейстеромъ княземъ Щербатовымъ въ 1775 году[2]).

При изслѣдованіи того, какъ выполнялись работы по канцеляріи, нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія: были работы для канцеляріи, которыя совершались неприказными людьми; сюда относятся, напримѣръ, работы переплетныя, которыя предпринимались въ большихъ канцеляріяхъ, напримѣръ въ Московской и въ Петербургской. Въ Москвѣ переплетомъ книгъ для губернской канцеляріи занималось Кремлевское духовенство[3]).

---

[1]) Сб. Р. И. О., XCIII, 148 (Коломенскій наказъ), 458—59 (Кашинскій); CVII, 53—54, (Бѣжецкій); впрочемъ, въ наказахъ 1767 года встрѣчаются, хотя только въ видѣ исключеній, указанія на «великое число» приказныхъ; такъ было напримѣръ въ Пензѣ. Сб. Р. И. О., CVII, 477—479.

[2]) П. С. З., XX, № 14324.

[3]) О солидности переплетныхъ работъ въ столичныхъ канцеляріяхъ свидѣтельствуетъ прекрасный видъ ихъ въ настоящее время; въ большинствѣ провинціальныхъ учрежденій документы не переплетались. Объ отдачѣ подряда на переплетъ книгъ, объ условіяхъ этой работы и о цѣнахъ на нихъ даетъ понятіе приводимый ниже документъ, вскрывающій любопытную бытовую картину.

По указу Его Императорскаго Величества въ Московской губернаменской канцеляріи, слушавъ учиненной выписки по доношенію церкви Ризъ Положенія Богородицы, что въ Верху, дьякона Ивана Митрофанова, въ которой показано, по опредѣленію де губернаменской канцеляріи велѣно ему оной канцеляріи подлинные протоколы переплетать въ книги помѣсячно, цѣною за каждый мѣсяцъ по 50 коп.; которые и переплеталъ; а съ прошлаго 739 г. переплетено имъ Митрофановымъ протоколовъ того года съ іюля по ноябрь мѣсяцъ, за которые и деньги ему выданы сполна; да того-жъ 739 г. съ генваря по оный же ноябрь мѣсяцъ переплеталъ онъ той же канцеляріи 10 книгъ журналовъ сверхъ договорной своей цѣны, а денегъ за оные журналы не получалъ и требовалъ, чтобъ отъ переплету тѣхъ подлинныхъ протоколовъ впредь выдавать ему по 60 коп., тако-жъ и за оные журналы, которые имъ переплетены и впредь будетъ переплетать, — прибавить по 20 коп. за журналъ, и о томъ указъ учинить. А по справкѣ въ губернаменской канцеляріи апрѣля 14 дня прошлаго 739 г. по опредѣленію оной канцеляріи означенному дьякону Ивану Митрофанову за переплетъ 738 г. съ августа по генварь, а съ генваря по ноябрь мѣсяцы 739 г., — всего за 11 книгъ, по договору его выдано ему отъ расходу губернаменской канцеляріи по 50 коп. за книгу, а за переплетъ журналовъ, которыхъ имъ переплетено съ декабря мѣсяца 738 г. по ноябрь мѣсяцъ 739 г., итого за 11 книгъ, денегъ ему Митрофанову въ выдачѣ не было. А сего 1741 года, генваря 24 дня, въ Московской губернаменской канцеляріи явились для переплету оной канцеляріи протоколовъ и журналовъ переплетчики и сказали, а именно: 1) церкви Іоанна Списателя Лѣствицы, что подъ Колоколами, дьячекъ Вавила Алексѣевъ, ежели-де указомъ повелѣно будетъ оной канцеляріи подлинные протоколы переплетать и покрывать опойчатою кожею съ напрыскомъ, а корень обдѣлать золотомъ по голландски съ над-

Разсматривая канцелярскую службу въ той же послѣдовательности, какъ и службу воеводскую, я долженъ коснуться вопроса объ отпускахъ канцелярскихъ служителей и вопроса объ ихъ вознагражденіи. Отсутствіе «вольности» канцелярской службы, уже неоднократно отмѣченное, и малочисленность подъячіхъ, отъ которой страдали почти всѣ изучаемыя учрежденія, едва ли могли особенно облегчить полученіе отпусковъ, тѣмъ болѣе, что полученіе отпусковъ приказными людьми не было ихъ правомъ, предусмотрѣннымъ закономъ, какъ это было у лицъ, состоявшихъ въ чинахъ, а стояло въ зависимости отъ разрѣшенія мѣстнаго непосредственнаго начальника. Порядокъ полученія отпуска былъ обычно такой: заинтересованное лицо подавало прошеніе, а постановленіе объ увольненіи, заносилось въ журналъ губернскаго или воеводскаго присутствія[1]).

Вопросъ о жалованіи, получаемомъ канцелярскими служителями, былъ въ началѣ изслѣдуемой эпохи разрѣшенъ указомъ 20 марта 1727 года. Содержаніе его уже намъ извѣстно: въ видахъ экономіи, которыми проникнуты всѣ мѣропріятія 1727—1728 годовъ, денежное жалованье сохранялось только «дьякамъ, что нынѣ секретари», и подъячимъ, бывшимъ у такихъ дѣлъ, за исполненіе которыхъ платилось жалованье до 1700 года. Указъ 20-го марта воскресилъ порядки XVII вѣка. Каковы же были эти

писаніемъ литеръ по краямъ кружевомъ золотымъ, а застежки сдѣлать мѣдныя; а журналы въ палитуры — корень покрыть кожею, а палитуры бумагою, — то отъ переплету означенныхъ протокольныхъ книгъ за каждый мѣсяцъ возьметъ онъ по 70 коп. а отъ журнала каждаго-жъ мѣсяца по 20 коп.; 2) Московской типографіи переплетчикъ Матвѣй Васильевъ сынъ Познанской; ежели де повелѣно будетъ оные протоколы переплетать такимъ же манеромъ, какъ въ сказкѣ Вавилы Алексѣева показано, то-де возьметъ онъ отъ переплету протоколовъ каждаго мѣсяца по 67 коп.; отъ журнала по 17 коп., итого отъ протоколовъ и журналовъ каждаго мѣсяца по 84 коп.; 3) означенный дьячекъ Иванъ Митрофановъ, — что-де отъ переплету протоколовъ и журналовъ по сказкѣ онаго дьячка Вавилы Алексѣева — возьметъ онъ отъ каждаго мѣсяцу отъ протоколовъ по 60 коп., а за журналъ по 16 коп. — итого по 76 коп. за мѣсяцъ; и того-жъ числа оные переплетчики дьячекъ Вавила Алексѣевъ, Матвѣй Познанскій сказали, что-де за переплетъ тѣхъ протоколовъ и журналовъ по означенной дьякона Ивана Митрофанова цѣнѣ и меньше они не возьмутъ и впредь торговаться не будутъ. Того ради приказали: по вышеозначенному торгу переплетчиковъ, которые сказками показали, что дьяконъ Иванъ Митрофановъ за переплетъ протоколовъ и журналовъ возьметъ по 76 коп. за мѣсяцъ, а меньше того не возьметъ, а прочіе показали, что по той цѣнѣ и ниже не возьмутъ же и торговаться не будутъ, — оные протоколы переплетать ему дьякону добрымъ мастерствомъ, своимъ товаромъ; а за тотъ переплетъ выдавать ему по означенной цѣнѣ по 76 коп. за мѣсяцъ, и буде за переплетенные имъ сверхъ прежняго договору журналы, за которые мѣсяцы дачи денегъ ему не было, то за оные и впредь по переплетѣ за каждый мѣсяцъ по вышеозначенной цѣнѣ какъ за протоколы, такъ и за журналы о выдачѣ денегъ къ расходу дать указъ, которыя велѣть выдавать по переплетѣ тѣхъ протоколовъ и журналовъ, по сообщаемымъ къ расходу отъ протоколиста вѣдѣніямъ изъ положенной суммы на канцелярской расходъ, записывая въ расходъ списками.

Моск. губ. канцеляріи, кн. 64, лл. 82—83.

[1]) Примѣръ: Клинск. воев. канц., оп. 7, вяз. 4, д. 82.

порядки, и въ какой степени указъ 1727 года измѣнялъ условія, установившіяся при Петрѣ? Примѣры, приводимые Чичеринымъ, ярко рисуютъ постановку дѣла до Петра. Около 1650 года въ Новгородской приказной палатѣ на 25 подъячихъ, получавшихъ жалованье, существовало шестнадцать различныхъ окладовъ отъ 30 рублей до 1 р. въ годъ; во второй половинѣ столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ получали жалованье 15 подъячихъ при 10 окладахъ: самый крупный окладъ былъ 30, послѣдній — 6 рублей; въ Переяславлѣ Рязанскомъ введены были для подъячихъ оклады въ 10, 7 и 5 рублей[1]). Каждая приказная палата и съѣзжая изба имѣли свои порядки; въ каждой денежное вознагражденіе уплачивалось не всѣмъ подъячимъ и размѣры его устанавливались мѣстными приказными обычаями и привычками. Въ первыя полтора десятилѣтія XVIII вѣка дѣло измѣнилось мало; въ этомъ убѣждаютъ фактическіе примѣры распредѣленія канцелярскихъ окладовъ въ различныхъ канцеляріяхъ этого времени[2]). Новый принципъ уплаты равномѣрнаго жалованья и притомъ, повидимому, всѣмъ штатнымъ служителямъ, былъ проведенъ штатами областныхъ учрежденій 28 января 1715 года, сохранившими свою силу по отношенію къ приказнымъ и послѣ 1719 года. Штаты 1715 года устанавливали денежное жалованье дьякамъ (секретарямъ) 120 рублей и 60 четвертей хлѣба; тремъ категоріямъ подъячихъ — старымъ, среднимъ и молодымъ, устанавливались также опредѣленные оклады денежные и хлѣбные — нѣсколько бóльшіе въ губернскихъ, нѣсколько меньшіе въ ландратскихъ канцеляріяхъ[3]).

Смыслъ закона 1715 года заключался въ томъ, что на мѣсто разнообразія, обычая, а слѣдовательно, и произвола, устанавливалось единообразіе и принципъ вознаграждаемости всякаго канцелярскаго труда; изслѣдованіе второй областной реформы Петра Великаго хорошо показало, что этотъ принципъ, какъ и многіе другіе, проводимые преобразователемъ въ послѣдніе годы царствованія, не выдержали столкновенія съ дѣйствительностью и законодателямъ 1727 года не оставалось ничего дѣлать, какъ признать несостоятельность замысловъ великаго царя; это обстоятельство, равно какъ и введеніе канцелярскихъ штатовъ 1726 года, сузившихъ кругъ штатныхъ, т.-е. получавшихъ жалованіе подъячихъ, уменьшаетъ вину авторовъ закона 20 марта 1727 года, при дѣйствіи котораго денежное жалованье опять перестало быть равномѣрнымъ и стало получаться только нѣкоторыми штатными служащими канцелярій по самымъ разнообразнымъ нормамъ окладовъ. Въ дѣлѣ вознагражденія за канцелярскую службу снова водворились отсутствіе однообразія и произволъ, сохранившіеся и при штатахъ 1732 года. Столичные оклады были одни, въ провинціи за тотъ же трудъ платили

---

[1]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія XVII вѣка, 102—103.

[2]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областное управленіе XVIII вѣка, 94.

[3]) П. С. З., XLIV, ч. II, книга Штатовъ, отд. 4-е, къ № 2879; *Мрочекъ-Дроздовскій*. Областное Управленіе, 94, 95.

иначе и дешевле. Въ Москвѣ, напримѣръ, секретари получали по штатамъ 30-хъ годовъ 150 рублей, канцеляристы — 80 рублей, подканцеляристы и копіисты, по 30 рублей въ годъ. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ канцеляристамъ платили 31 рубль, въ Клину и въ городахъ Бѣлгородской губерніи—18 рублей въ годъ; оклады мелкимъ чинамъ при канцеляріяхъ, напримѣръ какимъ-нибудь сторожамъ и солдатамъ, въ маленькихъ городкахъ не превышалъ 6—7 рублей въ годъ[1]). Принципъ однообразнаго вознагражденія всѣхъ штатныхъ служащихъ во всѣхъ областныхъ канцеляріяхъ былъ окончательно возстановленъ только канцелярскими штатами 1763 года, установившими слѣдующіе оклады служащихъ въ канцеляріяхъ и состоящихъ при нихъ[2]):

	губерніи С.-Петер.	проч. губ.	провинц.	уѣздн. гор.	пригородки.
Секретарь	375 р.	300 р.	225 р.	200 р.	200 р.
Протоколистъ	225 »	200 »	150 »	—	—
Переводчикъ.	225 »	—	—	—	—
Регистраторъ	200 »	150 »	130 »	—	—
Архиваріусъ	200 »	150 »	— »	—	—
Канцеляристъ	150 »	130 »	100 »	60 »	60 »
Подканцеляристъ . .	130 »	100 »	60 »	40 »	40 »
Копіистъ	100 »	60 »	40 »	30 »	30 »
Переплетчикъ	25 »	25 »	25 »	—	—
Ученикъ	—	18 »	—	—	—
Сторожъ	18 »	18 »	18 »	—	18 »
Палачъ	—	12 »	18 »	—	—

Несмотря на несомнѣнный шагъ впередъ, какимъ были штаты 1763 года въ вопросѣ о вознагражденіи канцелярскихъ служителей, поло-

---

[1]) Клинской воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д. 9, 49, 57, 90, 92; Переяславско-Залѣсской пров. канц., оп. 7, вяз. 15; Старооскольской воев. канцеляріи, оп. 30, вяз. 1, д. 2.

[2]) П. С. З., XLIV, ч. II, книга Штатовъ, отд. 4-е къ — № 11991, табл. VI, VII, VIII. Для сравненія денежныхъ окладовъ, данныхъ служащимъ въ канцеляріяхъ по штатамъ 1763 года съ пожеланіями самихъ областныхъ учрежденій въ этой области я привожу полностью проектъ штата Астраханскихъ губернскихъ учрежденій, выработанный въ Астраханской канцеляріи въ 50-хъ годахъ. Помѣщенные въ немъ оклады губернатора, вице-губернатора и губернаторскихъ товарищей не слишкомъ отличаются отъ новыхъ окладовъ этихъ должностей: окладъ губернаторскаго товарищества даже меньше (см. выше стран. 187), просимые оклады секретарей и старшихъ служащихъ также не слишкомъ превосходятъ оклады 1763 г.

Статъ Астраханской губернской канцеляріи присутствующимъ секретарямъ и приказнымъ тако-жъ и другимъ служителямъ.

По разсужденіи быть надлежитъ для извѣстнаго Астраханской губерніи пограничнаго и отъ внутреннихъ Россійскихъ городовъ отдаленнаго мѣста и во всемъ по дороговизнѣ:

женіе, созданное ими, видимо, не признавалось удовлетворительнымъ со стороны приказныхъ. Во-первыхъ, при дѣйствовавшихъ въ 60-хъ го-

	Число людей.	Жалованье.
Губернаторъ ранга ген.-поручика	1 ч.	— 2160 р.
Вице-губернаторъ ранга бригадирскаго	1 »	— 840 »
или: 2 губернаторскіе товарища, жалованье вице-губернаторское на двое	2 »	по 420 »
Прокуроръ подполковничьяго ранга	1 »	— 360 »
При немъ: Канцеляристъ	1 »	— 120 »
При немъ: Подканцеляристъ	1 »	— 90 »
При немъ: Копеистовъ	3 »	по 40 »
Въ губерн. канцеляріи протоколистъ	1 »	— 240 »
При немъ: Канцеляристъ	1 »	— 120 »
При немъ: Подканцеляристъ	1 »	— 90 »
При немъ: Копеистовъ	4 »	по 40 »
Регистраторъ по его и актуаріуса должностямъ и у содержанія архива	1 »	— 200 »
При немъ: Канцеляристъ	1 »	— 120 »
При немъ: Подканцеляристъ	1 »	— 90 »
При немъ: Копеистовъ	4 »	по 40 »
При немъ: Вахмейстеръ	1 »	— 36 »
При немъ: Сторожей	3 »	по 12 »

Хотя въ губерніяхъ протоколиста и регистратора въ силѣ генеральнаго регламента и указовъ (кромѣ коллегій) и не положено, но понеже здѣсь по пограничности мѣста и по множеству интересныхъ дѣлъ, а особливо регистратору для порядочнаго по его и актуаріуса должностямъ письменнныхъ дѣлъ, какъ публичныхъ такъ и секретныхъ и архивы содержанія, совершенно быть имъ въ здѣшней губерніи на показанномъ въ семъ штатѣ жалованіи надлежитъ.

По экспедиціямъ секретарскимъ письменныя дѣла и при нихъ служители:

Въ 1-й: Иностранные или заграничные, такожъ калмыцкіе и татарскіе, какъ секретные такъ и публичные:

	Число людей.	Жалованье.
Ассесоръ или секретарь	1 ч.	— 400 р.
Канцеляристовъ	2 »	по 180 »
Подканцеляристовъ	2 »	по 120 »
Копеистовъ	6 »	по 60 »

Для переводовъ и посылокъ за казенными дѣлами въ разныя заграничныя, яко-то: въ Персію, въ Крымъ, на Кубань и въ Горскія жилища, тако жъ и въ Калмыцкіе улусы и въ другія мѣста:

Переводчиковъ турецкаго, персидскаго и татарскаго языковъ	2	по 180 р.
Учениковъ: Турецкаго	3 »	30 »
Учениковъ: Персидскаго	2 »	20 »
Учениковъ: Татарскаго	2 »	15 »
Толмачей	6 »	20 »
Калмыцкаго переводчиковъ	2	по 180 р.
Учениковъ:	1 —	30 »
Учениковъ:	1 —	20 »
Учениковъ:	1 —	15 »

дахъ землемѣрахъ, канцеляристы, подканцеляристы и копіисты получали жалованье по окладамъ губернскихъ канцелярій, а это не могло нравиться

Толмачей	4 по 20 р.
Армянскаго переводчикъ	1 — 100 »
Учениковъ:	1 — 20 »
	1 — 15 »
Толмачей	2 по 20 »
На содержаніе вышеписанныхъ учениковъ въ школѣ и учителямъ на жалованье	500 р.
Для предосторожности отъ опасной болѣзни и случающихся прочихъ нуждъ лѣкарь	1 — 180 »
Деньщикъ	1

Во второй военныя дѣла:

1-е по военной сухопутной и морской коллегіямъ; 2-е по главному комисаріату; 3-е по канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи; 4-е по провіантской канцеляріи; 5-е по оружейной канцеляріи по всемъ по здѣшнему пограничному мѣсту полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ и нерегулярныхъ командъ требованія и довольствія и разсмотрѣ ія фергеровъ и кригсрехтовъ и тому подобному:

	Сколько людей.	Жалованье.
Секретарь	1 —	260 р.
Канцеляристовъ	2 по	120 »
Подканцеляристовъ	3 по	90 »
Копеистовъ	8 по	30 »
У приходу и расходу подушнаго сбору комиссаръ	1 —	200 »
Канцеляристъ	1 —	120 »
Подканцеляристъ	1 —	90 »
Копеистовъ	2 по	30 »
Для розсылокъ при томъ подушномъ сборѣ изъ отставныхъ сержантъ	1 —	20 »
Капралъ	1 —	15 »
Рядовыхъ	12 по	10 »

Въ третьей приходъ и расходъ денежной казны такожъ казенныхъ разныхъ вещей товаровъ и тому подобнаго и въ томъ у исправленія и свидѣтельства счетовъ и у сборовъ также по камеръ-коллегіи и статсъ-канторѣ и взысканія доимокъ:

		Число людей.	Жалованье.
Секретарь у исправленія письменнныхъ дѣлъ, яко-то по нарядомъ		1 ч. —	300 р.
Камериръ при сочиненіи и свидѣтельствѣ счетовъ		1 » —	200 »
Казначей у смотрѣнія надъ денежною казною и прочимъ въ приходѣ и расходѣ		1 » —	100 »
Канцеляристовъ		3 » по	120 »
Въ томъ числѣ:	у нарядовъ	1	
	у приходу и расходу	1	
	у счетовъ	1	
При нихъ:	подканцеляристовъ	3 » по	90 »
	копеистовъ	10 » по	40 »

приказнымъ воеводскихъ канцелярій; отклики такого недовольства слышатся въ наказахъ приказныхъ людей нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ,

При счетѣ денежной казны и протчаго счечиковъ какъ къ серебряной, такъ и къ мѣдной монетѣ къ каждымъ 10 тысячамъ по одному человѣку, въ силѣ состоявшагося въ 731 году именного указу изъ купецкихъ людей за выборомъ всего купечества, ибо изъ здѣшнихъ приказныхъ служителей, что они опредѣлены въ подъячіе почти всѣ изъ солдатскихъ дѣтей и по житью неисправны, опредѣлить некого.

Въ четвертой внутреннее губернское правленіе:

1) по Святѣйшему Синоду; 2) по Правительствующему Сенату; 3) по Юстицъ- и Вотчинной коллегіи; 4) по Комерцъ-коллегіи и магистрату, 5) по Мануфактуръ- и Бергъ - коллегіямъ; 6) по Кабинету Ея И.В-ва и придворныхъ разныхъ канцелярій и конторъ; 7) по Межевой и строенія дорогъ канцеляріямъ; 8) Судныя и розыскныя; 9) всякія случающіяся по разнымъ исправленіямъ, яко по разряду, дѣла.

Секретарь	1 ч. — 260 р.
Канцеляристовъ	3 » по 120 »
Въ томъ числѣ при крѣпостныхъ дѣлахъ надсмотрщикъ.	1
Подканцеляристовъ	5 » по 90 »
Копеистовъ	12 » по 30 »
Заплечныхъ мастеровъ	2 » по 10 »

На канцелярской расходъ, яко-то на бумагу, чернила, сургучъ, свѣчи, дрова, на починку окончинъ, половъ, для содержанія колодниковъ, желѣзъ и кандаловъ и на прочее исправленіе, также и на прогоны посылаемымъ изъ доходовъ статсъ-конторы, хотя по прежнему росписанію Правительствующаго Сената положено держать въ каждый годъ по 300 руб., да на починку канцелярій губернаторскихъ воеводскихъ дворовъ и прочаго 200 руб., на прогоны посылаемымъ по 500 руб., токмо онаго числа весьма недостаточно.

А надлежитъ какъ на тѣ канцелярскіе расходы, такъ и сверхъ онаго случающимся подъ арестомъ колодникамъ, коихъ по указамъ въ міръ пускать не велѣно, для милостыни, на пропитаніе ихъ прибавить въ каждый годъ еще по 300 руб., а всего въ годъ употреблять по 600 рублевъ.

На починку канцелярій, губернаторскаго оберъ-комендантскаго дворовъ и прочаго казеннаго строенія прибавить же къ 200 рублямъ еще 300 руб., — всего въ годъ по 500 рублевъ.

На прогоны посылаемымъ курьерамъ 1000 руб.

Въ пятой соляныя дѣла какъ текущія, такъ и прошлыхъ лѣтъ слѣдствія и счеты на жалованье Соляной конторы.

Секретарь	1 ч. — 260 р.
Канцеляристовъ	2 » по 120 »
Подканцеляристовъ.	2 » по 90 »
Копеистовъ	4 » по 30 »
На расходъ при тѣхъ соляныхъ дѣлахъ, яко-то на покупку бумаги и прочаго	70 »

Оную экспедицію съ показаннымъ въ штатѣ числомъ секретаря и приказныхъ служителей на такомъ жалованьѣ и на канцелярской расходъ суммою какъ въ штатѣ прописано совершенно имѣть надлежитъ для слѣдующихъ обстоятельствъ: когда здѣсь соляное комисарство особливымъ правленіемъ состояло, а потомъ отмѣнилось, и дѣла по тому комисарству велѣно исправлять Астраханской губернской канцеляріи, по которымъ оказалось какъ правленія того бывшаго здѣсь соляного комисарства, такъ и по принятіи отъ онаго въ вѣдомство губернской канцеляріи

добивающихся уравненія въ окладахъ съ канцеляристами, состоящими при землемѣрахъ, или жалующихся въ общей формѣ на недостаточное обезпеченіе[1]). Во-вторыхъ, вызывало заботы положеніе отставныхъ и остававшихся за штатомъ «на своемъ только пропитаніи»; это пропитаніе часто было недостаточнымъ и побуждало приказныхъ просить объ установленіи пенсій за канцелярскую службу[2]). Въ предѣлахъ изучаемой эпохи такія пожеланія не вышли, впрочемъ, изъ области теоріи.

Порядокъ выдачи жалованья ничѣмъ не отличался отъ порядка, существовавшаго для высшихъ областныхъ властей; канцеляристамъ, пожалуй, чаще, чѣмъ воеводамъ или офицерамъ при подушномъ сборѣ приходилось буквально выклянчивать давно заслуженное жалованье, которое, тѣмъ не менѣе, имъ удавалось получить только послѣ неоднократныхъ прошеній и долгихъ хлопотъ и притомъ назадъ за нѣсколько

запущенныя прошлыхъ лѣтъ слѣдствія и другія дѣла къ совершенному окончанію не приведены, и часъ отъ часу оныя пріумножаются, а въ силѣ указовъ требуютъ оныя скораго окончанія, но за недостаткомъ въ губернской канцеляріи канцелярскихъ служителей и безъ особливаго секретаря никакого въ томъ успѣха не происходитъ по чему слѣдственно, какъ при справленіи тѣхъ якоже и текущихъ дѣлъ особливому секретарю съ канцелярскими служительми на жалованье и положенною на расходъ при тѣхъ дѣлахъ суммою быть.

Сверхъ вышеписаннаго быть надлежитъ для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ и въ посылки въ разныя мѣста за границу казенныхъ нуждъ городовыхъ дворянъ		10 ч. по	43 р. 75 коп.
Въ здѣшнемъ казачьемъ конномъ полку для пограничности мѣста и крайней нужды, яко-то ради всегдашнихъ посылокъ употребленія къ содержанію почтовыхъ станцій и въ разъѣздѣ около имѣющихся здѣсь соляныхъ озеръ, чтобъ потаеннаго съ тѣхъ озеръ соли вывозу и кражи не было, также и на форпосты и на заставы, въ чемъ самая и необходимая нужда зависитъ,—подлежитъ быть казаковъ .		1000 ч. по	14 руб.
При нихъ:	Полковникъ.	1 ч. —	245 руб.
	Сотниковъ по числу ихъ . . .	10 » по	30 »
	Хорунжихъ	10 » по	25 »
	Урядниковъ.	20 » по	18 »
	Капраловъ	40 » по	15 »
	Итого	1081 » —	15775 »

Татарскихъ мурзъ	30 ч. по	26 р. 50 коп.	= 795 р.
Табунныхъ головъ	20 » по	13 » 25 »	= 265 »
Сотниковъ	23 » по	6 » 62$^{1}/_{2}$ к.	= 152 » 37$^{1}/_{2}$ к.
Итого	73 »		= 1212 » 37$^{1}/_{2}$ »

Герольдм. конторы, кн. 460, лл. 208—215.

[1]) Сб. Р. И. О., XCIII, 148, 458, CVII; 53; CXXXIV, 12.

[2]) Сб. Р. И. О., XCIII, 240, 476, 576; CVII, 108, 556; CXXXIV, 15, 16.

мѣсяцевъ и даже полгода[1]); такое положеніе вещей не могло не вызывать недовольства, которое также слышится въ наказахъ приказныхъ людей, поданныхъ въ большую комиссію; такъ Бѣжецкіе канцеляристы «нижайше просятъ о произведеніи положеннаго по штату канцелярскимъ служителямъ жалованья по прошествіи каждой трети, не ожидая отъ статсъ-конторы и отъ другихъ командъ ассигнацій, ибо канцелярскіе служители отъ невыдачи жалованныхъ заслуженныхъ денегъ претерпѣваютъ голодъ и всякую нужду»[2]).

О формахъ канцелярскаго дѣлопроизводства и о томъ значеніи, какое могли имѣть нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ журналы, протоколы, росписные списки, мнѣ уже приходилось говорить при изученіи губернаторской и воеводской службы. Съ нѣкоторыми видами того же дѣлопроизводства придется ближе ознакомиться, изслѣдуя предметы непосредственнаго вѣдѣнія областныхъ властей, изучая ихъ административную, судебную и финансово-хозяйственную дѣятельность. Я не считаю, поэтому, нужнымъ останавливаться подробно на видахъ и формахъ канцелярскаго производства XVIII вѣка, тѣмъ болѣе, что это въ значительной степени уже исполнено однимъ изъ изслѣдователей областного управленія Петровскаго времени. Я ограничусь только нѣкоторыми общими замѣчаніями о канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, касающимися его преемственной связи съ дѣлопроизводствомъ XVII вѣка, и его дальнѣйшаго развитія послѣ Петра. Московская эпоха, создавшая свою стойкую и сильную приказную бюрократію, уже успѣла выработать опредѣленныя формы дѣлопроизводства. Такъ память, отписка, грамота, челобитья въ ихъ различныхъ видахъ были совершенно ясными понятіями для людей Московскаго времени. Формы, выработанныя въ XVI—XVII вѣкахъ, устойчиво сохранялись въ первые годы XVIII вѣка; исчерпывающій обзоръ ихъ мы и находимъ въ трудѣ, посвященномъ первымъ Петровскимъ губерніямъ[3]). Всѣ эти формы, давно въѣвшіяся въ приказную русскую жизнь, цѣликомъ перешли и въ послѣпетровскую эпоху; реформа не коснулась ихъ по существу и только взамѣнъ нѣкоторыхъ русскихъ терминовъ ввела новые, иностранные — такъ, напримѣръ, старая русская «память» уступила мѣсто «промеморіи». Но Петровскія реформы, особенно реформы послѣдняго десятилѣтія жизни царя, отозвались на канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ иначе: попытка создать изъ Россіи регулярное государство по образцамъ, выработаннымъ въ западной Европѣ, создала нѣкоторыя новыя формы дѣлопроизводства, дополнила и осложнила его. Такія дополненія можно прослѣдить по двумъ направленіямъ. Прежде всего, при Петрѣ былъ установленъ правильный порядокъ регистраціи дѣятельности правительственныхъ учрежденій, котораго допетровская

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д. 9, 49, 57, 90, 92, 93; оп. 7, вяз. 4, д. 82; оп. 3, вяз. 10, д. 10; оп. 6, вяз. 3, д. 13, 14, 15. Старооскольской воеводской канц., 30, вяз. 1. д. 2.

[2]) Сб. Р. И. О., CVII, 54.

[3]) *Мрочекъ-Дроздовскій.* Областное управленіе XVIII в., гл. IV, стран. 103—140.

Русь не успѣла выработать. Регистрація коснулась какъ дѣятельности самихъ правительственныхъ чиновниковъ, такъ и тѣхъ дѣлъ, которыя они были призваны разрѣшать. Для первой это выражалось въ видѣ постановленій — протоколовъ и въ видѣ повседневной записи разсужденій, получившихъ названіе журналовъ; регистрація самихъ дѣлъ выразилась въ веденіи различнаго рода реестровъ, записныхъ книгъ и т. п. Общій уставъ канцелярской службы — генеральный регламентъ — съ мелочной подробностью останавливается на этихъ новыхъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ въ Россіи формахъ дѣлопроизводства[1]). Формы эти должны были быть введены во всѣхъ учрежденіяхъ имперіи отъ высшихъ центральныхъ до низшихъ мѣстныхъ.

Въ теченіе всей своей правительственной и реформаторской дѣятельности Петръ стремился установить усовершенствованныя и строгія формы всякаго рода отчетности. Этимъ опредѣляется вторая оригинальная черта, которой характеризуются новыя формы канцелярскаго дѣлопроизводства. И эта тенденція Петра одинаково приложима и къ центральнымъ и къ мѣстнымъ учрежденіямъ. По отношенію къ послѣднимъ она ясно видна въ инструкціяхъ новымъ областнымъ властямъ, изданныхъ въ 1719 году. Наказы воеводамъ, камерирамъ и рентмейстерамъ если не вводили вновь, то во всякомъ случаѣ устанавливали болѣе сложныя и для всѣхъ одинаковыя формы такой отчетности, предписывая заводить повсюду различнаго рода книги приходныя и расходныя, книги отписямъ, книги смѣтныя, окладныя и т. п. и дѣлая обязательными опредѣленныя формы отчетныхъ рапортовъ, подъ тяжестью которыхъ позднѣе, какъ мы видѣли, запутались мѣстныя власти[2]). Въ тѣхъ отрасляхъ дѣятельности правительства, по которымъ еще Московская эпоха выработала болѣе сложныя формы дѣлопроизводства, мѣры Петра не только его не упростили, но скорѣе еще осложнили; это съ полнымъ основаніемъ можно сказать о всей судебной сферѣ, какъ она, напримѣръ, рисуется по проекту инструкціи надворнымъ судамъ 1722 года[3]).

Генеральный регламентъ остался дѣйствующимъ уставомъ гражданской службы въ теченіе всего XVIII вѣка; остались, слѣдовательно, въ силѣ и введенныя имъ формы канцелярскаго дѣлопроизводства. Уничтоженіе Петровскихъ областныхъ учрежденій вовсе не отразилось на дѣлопроизводствѣ ихъ преемниковъ; во-первыхъ, введенныя Петромъ формы дѣлопроизводства были обязательны для всѣхъ учрежденій, а не только для областныхъ; во-вторыхъ, онѣ совсѣмъ не противорѣчили тѣмъ тенденціямъ, которыя преслѣдовали реформаторы 1727 года, стремившіеся къ еще большей, можетъ-быть, чѣмъ прежде регламентаціи дѣятельности

---

[1]) Ген. Регл., гл. XXX, XXXII, XXXIII, XLIII. (П. С. З., VI, № 3534).

[2]) Воеводскій наказъ 1719 г., §§ 23, 25, 26, 36; наказъ камерирамъ, §§ 3, 5, 9, 11, 13, 14, 15, 16; наказъ рентмейстерамъ, § 2, 3; наказъ земскому комиссару § 5. 14, 15. (П. С. З., V, №№ 3294, 3295, 3296, 3304).

[3]) *Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго, приложеніе I.

мѣстныхъ властей и еще болѣе строгой ихъ отчетности. Бумажная канцелярщина, заведенная Петромъ при его попыткѣ создать регулярное полицейское государство, изо всѣхъ его реформъ кажется намъ и наименѣе интересной и наименѣе симпатичной и не очень необходимой; но для его ближайшихъ преемниковъ и разрушителей его начинаній, канцелярское дѣлопроизводство было именно тѣмъ, что подлежало особенно бережному сохраненію; вотъ почему наказъ 1728 года, такъ далеко стоящій по своему духу отъ наказовъ Петровскихъ, заимствовалъ изъ нихъ и сохранилъ всѣ многочисленныя введенныя ими формы канцелярскаго дѣлопроизводства[1]).

Канцелярское дѣлопроизводство послѣпетровскаго времени удержало всѣ тѣ черты, которыя оно пріобрѣло въ эпоху реформъ. Старинныя формы, выработанныя въ Московскихъ приказахъ, сохранились полностью, вновь утерявъ только нѣкоторыя традиціонныя русскія названія; соединившись съ новыми формами, заимствованными Петромъ изъ Швеціи и Германіи, онѣ расцвѣли пышнымъ цвѣткомъ канцелярской волокиты и формализма, отъ котораго, кажется, и теперь еще не могутъ освободиться государственныя учрежденія имперіи. Создававшаяся при Петрѣ канцелярщина за исключеніемъ развѣ только финансовой отчетности[2]) пришлась по плечу и по вкусу русскимъ людямъ XVIII вѣка, и скоро еще недавно чуждые русскому духу термины въ родѣ протоколовъ, реестровъ, рапортовъ сдѣлались близкими и привычными и стали мало-по-малу вытѣснять тѣ изъ старинныхъ русскихъ названій, которыя пощажены были при Петрѣ.

Приказные люди составляли особую группу русскихъ гражданъ; ихъ состояніе между другими группами русскаго населенія и ихъ отношеніе къ послѣднимъ можно опредѣлить такъ: отъ своихъ отстали, къ чужимъ не пристали; происходя все-таки, широко говоря, «изъ простого всенародства», они всей своей дѣятельностью, всей своей жизнью тянулись къ чинамъ, а черезъ чины къ дворянству. Стремленіе приказныхъ къ дворянству, поддерживаемое тѣмъ, что нѣкоторое количество дворянъ находилось всегда въ верхнихъ слояхъ приказной службы, поддерживаемое самою службой и ея внѣшней обстановкой, подкрѣпляемое обязательно носимымъ нѣмецкимъ платьемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ парикомъ и шпагой, встрѣчало со стороны настоящаго благороднаго шляхества

---

[1]) Наказъ 1728 года §§ 20—22, 37. (П. С. З., VIII, № 5333). Характерныя справки и подробности объ офиціальномъ дѣлопроизводствѣ XVIII вѣка изложены въ «запискѣ о сношеніяхъ присутственныхъ мѣстъ», составленной въ концѣ столѣтія и найденной среди бумагъ кн. Безбородко. Госуд. Архивъ, разр. XVI, д. 170.

[2]) На трудность усвоенія новой финансовой отчетности указываетъ слѣдующее характерное свидѣтельство, относящееся къ 20-мъ годамъ: «понеже до сего времени всѣ приказы могли бы навыкнуть по обычаю прочихъ народовъ, како сочинять доппію скрыптуру, т.-е. щотныя двойныя книги», однако, практика счетного дѣла «воистину не можетъ служити въ прямое изъясненіе и основаніе и дабы каждаго званія счетъ были способны и легки, то имѣютъ быть сочинены инымъ образомъ». Госуд. Архивъ, разр. IX, дѣла кабинета, ч. II, д. 93, л. 629.

дружный отпоръ и ничѣмъ не прикрываемое презрѣніе къ крапивному сѣмени. Въ эпоху наибольшаго политическаго усиленія дворянства при Елизаветѣ презрѣніе къ приказному люду нашло себѣ, какъ я указывалъ выше, выраженіе въ особомъ подтвержденіи дворянскихъ правъ людей, выслужившихъ эти права приказной службой. Съ другой стороны, всѣми силами стараясь приблизиться къ дворянству, приказные съ такой же энергіей отдалялись отъ тѣхъ группъ, къ которымъ они стояли ближе всего по своему происхожденію и по условіямъ быта; не будучи въ состояніи построить мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ шляхетскаго сословія, они въ то же самое время всячески заботились объ углубленіи рва между ними и посадомъ, крестьянствомъ, и низшимъ духовенствомъ, встрѣчая въ отвѣтъ ненависть этихъ слоевъ населенія, не менѣе искреннюю и сильную, чѣмъ дворянское презрѣніе. Если все русское общество XVIII вѣка было обществомъ неустойчивымъ, переходнымъ, то приказное сословіе было таковымъ по преимуществу. Оторвавшіеся отъ родного берега, не имѣя силъ причалить къ желанной пристани, они колебались на житейскомъ морѣ, преслѣдуемые пренебреженіемъ однихъ и недоброжелательствомъ другихъ. Если вспомнить еще, что приказные были въ общемъ очень малочисленной группой, что они были обременены непосильной и при этомъ подневольной работой — работой, плохо, а иногда и совсѣмъ не вознаграждаемой, то мы должны будемъ признать, что многаго требовать отъ этихъ людей и нельзя. Да и въ самомъ дѣлѣ какія отношенія къ своей службѣ, къ общему дѣлу, къ людямъ, съ которыми сталкивала ихъ служба, могли существовать у приказныхъ людей, когда и высшіе областные правители, воеводы, даже губернаторы, прирожденные члены благороднаго шляхетства, такъ часто оказывались не на высотѣ своего положенія? Къ высказанному сейчасъ прибавимъ еще одно соображеніе. Налетъ европейской цивилизаціи, лишь съ внѣшней стороны измѣнившій обликъ русскаго дворянина, къ тому же измѣнившій его далеко не въ лучшую сторону, еще одностороннѣе чувствовался на приказномъ; оставаясь чисто внѣшнимъ, вліяніе запада въ приказномъ быту было еще поверхностнѣе и вносило въ него лишь отдѣльныя черты, нарушавшія все еще живой старомосковскій его укладъ и извращавшія его своеобразную патріархальность.

А между приказной жизнью XVIII вѣка и жизнью предшествующаго столѣтія много общаго; часто забываешь, что на рубежѣ того и другого лежитъ Петровское царствованіе: настолько приказные временъ Анны и Елизаветы по своему существу близки къ подъячимъ царствованій Михаила и Алексѣя. И теперь, какъ и въ старыя времена, власть секретаря или подъячаго съ приписью бывала всеобъемлющей и такой секретарь или подъячій надувался спѣсью, воображалъ о себѣ чрезвычайно много и давалъ другимъ чувствовать свое превосходство. Въ 40-хъ годахъ дворянство Шацкой провинціи жаловалось на провинціальнаго секретаря Валуева, который «по имѣющимся ихъ дѣламъ волочитъ и убыточитъ

напрасно и никакого рѣшенія для своей корысти и лакомства не чинить, а въ отлученіи ихъ изъ деревень крестьянамъ нападками своими многія обиды показываетъ; также и по словеснымъ ихъ о производеніи дѣлъ прошеніямъ никакой резолюціи не получаютъ и однимъ де словомъ сказать, что за своею великою спѣсью и говорить не хочетъ»[1]). Какъ и ранѣе, при отсутствіи правильнаго распредѣленія дѣлъ, отдѣльные канцеляристы вели порученныя имъ дѣла такъ, что только они одни знали ключъ къ нимъ, и безъ нихъ никто не могъ разобраться въ дѣлопроизводствѣ, которое они, быть-можетъ, запутывали не вполнѣ безсознательно. Въ началѣ 30-хъ годовъ изъ Казанской губернской канцеляріи былъ взятъ къ дѣламъ въ Москву въ дворцовую конюшенную комиссію канцеляристъ Мурзинъ. Нѣсколько времени спустя изъ Казани стали поступать слезныя просьбы отпустить Мурзина хотя бы на время «со срокомъ», потому что даже его помощники не могли разобраться въ оставшихся послѣ него приходо-расходныхъ книгахъ, столпахъ, вѣдомостяхъ и дѣлахъ и разыскать въ нихъ документы, относившіеся къ бытности Мурзина въ должности приходчика[2]). Въ 1737 году Каширская воеводская канцелярія донесла губернскому начальству, что въ 1719—1722 годахъ «имѣлся при судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ повытчикомъ Зотъ Поповъ, и безъ него де Попова въ Каширской канцеляріи ни одного дѣла не отыскано; къ тому жъ де онъ, Поповъ, былъ у пріему по челобитчиковымъ дѣламъ пошлинъ приходчикомъ и тѣхъ книгъ не сыскано жъ и за неотысканіемъ тѣхъ дѣлъ и книгъ и за неимѣніемъ онаго Попова въ Каширѣ въ сочиненіи вѣдомостей учинилась остановка». Пришлось Зоту Попову, служившему въ то время въ сыскномъ приказѣ, отправляться распутывать дѣла въ Каширѣ[3]).

Несмотря на категорическія предписанія генеральнаго регламента «о нехожденіи ни за кѣмъ въ домы», такое хожденіе, облегчавшее возможность обойти служебныя обязанности или даже ихъ нарушить, было обычаемъ, распространеннымъ повсюду, и стараніе нѣкоторыхъ ретивыхъ воеводъ заставить соблюдать XVIII главу регламента, отбирая особыя подписки отъ подъячихъ, были, надо думать, безрезультатными[4]). Пьянство и брань, которыми грѣшили и начальники областей, составляли, конечно, обычное явленіе канцелярской жизни, несмотря на строгое запрещеніе генеральнаго регламента. На пьянство подъячихъ приходилось жаловаться даже тогда, когда имъ поручалось особое отвѣтственное дѣло, напримѣръ, по какому-нибудь слѣдствію[5]). Въ 40-хъ годахъ Клинскій воевода Побѣдинскій просилъ о смѣнѣ подъячаго съ приписью Герасимова, потому что тотъ «отъ немалаго пьянства въ дѣлахъ является весьма неисправенъ и въ пьянствѣ чинитъ неистовства», что особенно

---

[1]) Герольдм. конторы, кн. 298, л. 37.
[2]) Дѣла сената, кн. 229/13, лл. 971—972.
[3]) Моск. губ. канц., кн. 59, л. 231.
[4]) Кинешемск. пров. канц., оп. 45, вяз. 1, д. 2390.
[5]) Дѣла сената, кн. 32/254, лл. 77—78.

чувствуется во время служебныхъ поѣздокъ воеводы по уѣзду[1]). А вотъ еще картина съ натуры изъ жизни далекаго сѣвера. 10 января 1729 года канцеляристъ Великоустюжской провинціальной канцеляріи Михайло Нуромскій, «придя въ оную канцелярію пьянскимъ обычаемъ и будучи въ своемъ повытьѣ при дѣлахъ, бранилъ матерною бранью канцеляристовъ Ивана Якимова, Василья Панова, подканцеляриста Ивана Воронина и называлъ ихъ ворами». Въ тотъ же день «у Николаевской церкви во время вечерняго пѣнія» Нуромскій «говорилъ во весь слухъ, что де секретарь Акишевъ воръ, такожъ и воевода воръ же»; все это говорилось такъ, что «о крикѣ его священникъ вонъ выслалъ»[2]). Это былъ, правда, кажется, выдающійся случай, повлекшій за собою сначала наказаніе на мѣстѣ: 11-го января «Нуромскій при собраніи подьячихъ битъ въ канцеляріи батожьемъ» на точномъ основаніи главы LV генеральнаго регламента, а за брань воеводы и секретаря отправленъ даже въ Архангелогородскую губернскую канцелярію для дальнѣйшаго слѣдствія; но приходится ли удивляться поступкамъ Нуромскаго, когда нарушенія предписаній генеральнаго регламента о пристойномъ поведеніи въ присутственныхъ мѣстахъ были въ то время возможны даже въ столицѣ въ коллегіяхъ, въ стѣнахъ которыхъ раздавалась такая же брань, какъ и въ Великоустюжскомъ захолустьѣ, и гдѣ недовольные коллежскими порядками называли ворами не секретаря и не воеводу, а сановныхъ членовъ и самого президента коллегіи Плещеева[3])! Пьянство и брань были постояннымъ явленіемъ не только въ самой канцеляріи; они окружали ее тѣснымъ кольцомъ; бранились не только сами подьячіе, но бранили и ихъ и такъ какъ у пьянаго на языкѣ бываетъ то, что у трезваго на умѣ, то брань и ссоры особенно легко вспыхивали на кружечныхъ дворахъ и вблизи ихъ. Въ 1737 году Клинской канцеляріи солдатъ зашелъ на кружечный дворъ «якобы за припасами и не знамо съ какого умыслу изъ ямщиковъ одинъ», говорилъ солдатъ въ своемъ донесеніи, подставя ногу, отъ котораго запинанья едва онъ не упалъ, а Клинскаго яму ямщикъ Андреянъ Ѳедотовъ сталъ его бранить и поносить всякими неподобными словами и подъ видомъ лукавства свисталъ и говорилъ скаредныя слова, которыя въ семъ доношеніи и писать не надлежитъ, а потомъ поносилъ Клинской канцеляріи подьячихъ и служителей всячески»[4]). Наконецъ, ссоры и брань приводили къ доносамъ, и доносы, исходившіе изъ подьяческихъ сферъ, можно найти въ хроникѣ любой канцеляріи того времени.

Въ свое время я подробно останавливался на злоупотребленіяхъ, которыми такъ богата исторія губернаторскаго и воеводскаго управленія. Tel maître, tel valet, гласитъ французская пословица, и пришлось бы удивляться, если приказная жизнь представляла менѣе случаевъ своекорыст-

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 1, д. 8/19.

[2]) Великоустюжской провинц. канц., оп. 2, вяз. 1, д. 2, л. 1. (Въ дѣлахъ Вологодской провинціальной канцеляріи).

[3]) Дѣла сената, кн. 30/30, д. 10, лл. 428—431.

[4]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, д. 20.

наго нарушенія закона, преступленій по должности, превышенія власти въ цѣляхъ наживы и т. п. За немногими отдѣльными исключеніями, ихъ совершали всѣ, начиная отъ высшаго чина областной канцеляріи, губернскаго секретаря, до послѣдняго копіиста воеводской канцеляріи глухого пригородка; совершали какъ привычное дѣло по примѣру служащихъ въ канцеляріи сената, коллегій и другихъ высшихъ столичныхъ учрежденій. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться; злоупотребленія приказныхъ не такъ рѣзко противорѣчили закону, какъ поступки областныхъ правителей, потому что самъ законъ, признавая недостаточность вознагражденія канцелярскихъ служителей, допускалъ полученіе денегъ и подарковъ со стороны лицъ, имѣвшихъ дѣло съ подъячими. Такое дополнительное вознагражденіе, получаемое отъ частныхъ лицъ, носило спеціальное, генеральнымъ регламентомъ введенное названіе «акциденцій», и хотя Петръ, узаконяя акциденціи, и обѣщалъ издать особливый регламентъ о нихъ[1]), обѣщаніе это, быть-можетъ, за трудностью его выполненія осталось мертвой буквой, и руководящимъ началомъ въ этомъ деликатномъ вопросѣ остался обычай, направляемый повсюду сохраняющимъ свою силу закономъ о спросѣ и предложеніи. «Акциденціи» — иностранный терминъ, которымъ законодатель цѣломудренно скрылъ исконное русское понятіе «взятки», — принимались всегда въ соображеніе при хлопотахъ о мѣстѣ и при назначеніяхъ; принимались онѣ во вниманіе и тогда, когда хотѣли покарать провинившагося или неугоднаго канцелярскаго служителя: небезызвѣстный намъ Сибирскій губернаторъ Сухаревъ велѣлъ передать одному изъ секретарей своей канцеляріи Карташеву, потомъ на него донесшему, чтобъ онъ «о противныхъ указамъ произведеніяхъ дѣлъ не представлялъ, а паче же въ протоколъ о томъ записывать не дерзалъ, а ежели впредь то чинить станетъ, то де сыскана будетъ ему дорога для какого-нибудь слѣдствія въ такое мѣсто, откуда во многіе годы возвратиться не можетъ и безъ полученія тамъ акциденцій съ голоду помретъ»[2]). Привычка къ акциденціямъ, а часто и невозможность безъ нихъ обойтись, — это касается въ особенности многочисленныхъ заштатныхъ и отставныхъ приказныхъ, которыми, «за разобраніемъ» штатныхъ служителей, наполнены были всѣ канцеляріи XVIII вѣка, — влекла къ выманиванію даровъ, иначе сказать къ попрошайничеству, другой болѣзни старо-русской приказной жизни. Въ самомъ концѣ изучаемаго времени, когда вводились новыя Екатерининскія учрежденія, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, Добрынинъ, самъ приказный дѣятель, разсказываетъ о томъ, какъ служащіе уже снятаго и уничтоженнаго таможеннаго кордона, отдѣлявшаго старыя имперскія земли отъ присоединенныхъ вновь по первому раздѣлу Польши, «кланялись намъ мимо ѣдущимъ и подставляли руки, чтобъ мы имъ что-нибудь бросили». «По выполненіи сего обряда» спутникъ Добрынина, приказный изъ дворянъ Луцевинъ, послужившій въ нѣсколькихъ област-

[1]) Генеральный регламентъ, гл., XXXIX. (П. С. З. VI, № 3534).

[2]) Дѣла сената, кн. 40/256, лл. 165—175.

ныхъ канцеляріяхъ, замѣтилъ, «что и въ воеводскихъ канцеляріяхъ сторожамъ также бросаютъ», и затѣмъ добавилъ: «я, будучи въ Рыльскомъ магистратѣ, при дѣлахъ никогда не прашивалъ, меня за это любили и дарили и называли добрымъ и честнымъ малымъ»[1]).

Акциденція сама по себѣ не есть еще явленіе, прямо нарушающее законъ; въ основѣ своей акциденція есть доходъ за трудъ или даръ, получаемый за трудъ по должности и узаконенный какъ вспомогательное средство вознагражденія. Но граница между даромъ, приношеніемъ, добровольно предлагаемымъ и добровольно принимаемымъ, и взяткой, исходящей изъ требованія съ одной стороны и необходимости для другой стороны сдѣлать подарокъ, чтобы добиться того, что по закону можно было бы получить безвозмездно, представляется очень шаткой, въ особенности для культурнаго уровня людей того времени. Чувствовали эту шаткость и законодатели XVIII вѣка; вотъ почему среди указовъ и распоряженій послѣпетровской эпохи мы встрѣчаемъ нѣсколько очень интересныхъ попытокъ, имѣющихъ цѣлью или предусмотрѣть особенно щекотливые моменты и способы полученія такихъ акциденцій. съ которыми не могла мириться даже эластичная совѣсть людей XVIII столѣтія, или прямо призвать канцелярскихъ служащихъ къ честному исполненію ихъ обязанностей.

Въ 1737 году сенатъ, узнавъ, что «въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и провинціяхъ положенные на адмиралтейство сборы отданы на откупъ подьячимъ», что было запрещено прежними указами, приказалъ: «въ губерніи и провинціи послать указы, чтобы приказнымъ людямъ, обрѣтающимся у дѣлъ, отнюдь никому ничего на откупы не отдавали, а кто нынѣ изъ таковыхъ какіе откупы содержатъ, тѣхъ отрѣшить, а ежели на оныхъ имѣется доимка, велѣть взыскать немедленно безо всякаго упущенія», а буде что упустится, то взыскано будетъ на губернаторахъ и воеводахъ, а впредь о тѣхъ откупахъ и о подрядахъ поступать по указамъ»[2]). Начало Екатерининскаго царствованія, ознаменованное цѣлымъ рядомъ бумажныхъ мѣръ, направленныхъ къ оздоровленію нравственной атмосферы правительственныхъ учрежденій, не прошло безслѣдно и въ отношеніи приказнаго люда. Прежде всего широковѣщательный манифестъ противъ взяточничества во всѣхъ его видахъ, изданный императрицею въ первые дни по восшествіи на престолъ и разобранный нами въ связи съ вопросомъ о злоупотребленіяхъ областныхъ правителей, относился равнымъ образомъ и къ подчиненнымъ этимъ правителямъ приказнымъ[3]); затѣмъ явились и болѣе спеціальныя мѣры: 14 мая 1766 года «по слѣдствію» въ сенатѣ оказалось, что «обрѣтающіеся въ присутственныхъ мѣстахъ нижніе канцелярскіе служители пишутъ разныхъ чиновъ людямъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, челобитныя, въ которыхъ явились весьма

---

[1]) Р. Старина 1871 г. т. III, стран. 672.

[2]) Журналы Сената за 1737 годъ, I, 155.

[3]) П. С. З., XVI, № 11630.

противныя выраженія, могущія произвесть въ простомъ народѣ, а паче въ крестьянахъ развратныя истолкованія, а отъ того неудобныя слѣдствія»; въ виду этого сенатъ запретилъ приказнымъ писать челобитныя безъ позволенія секретарей[1]). Изложенный сейчасъ указъ кромѣ матеріальныхъ проступковъ могъ имѣть въ виду и другое: его можно поставить въ связь съ усиліемъ крестьянской неволи, которымъ характеризуются 60-е годы XVIII вѣка, но другой указъ того же 1766 года, говорящій объ отношеніи приказныхъ людей къ ихъ обязанностямъ, уже всецѣло исходитъ изъ стремленія оздоровить приказную атмосферу. Поводомъ къ его появленію послужилъ слѣдующій инцидентъ, заключающійся собственно не въ незаконномъ принятіи акциденціи, а въ проступкѣ секретаря противъ своего воеводы. Въ 1764 году въ сенатъ изъ Звенигородской воеводской канцеляріи поступило доношеніе и послужной списокъ воеводы, капитана Хомякова; въ припискѣ къ послѣднему значилось, будто Хомяковъ «за болѣзнью быть воеводою не желаетъ и къ статской службѣ неспособенъ и къ произвожденію чина недостоинъ». При разслѣдованіи возникновенія этой неожиданной приписки оказалось, что ее сдѣлалъ уже послѣ подписанія бумаги воеводой подъячій съ приписью (или, по терминологіи штатовъ 1763 года, — секретарь) Протопоповъ изъ мести воеводѣ за сдѣланное послѣднимъ въ ревизіонъ-коллегію представленіе о нерадѣніи Протопопова къ дѣламъ. Случай этотъ привелъ къ изданію общаго указа, предписывавшаго, «чтобъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ отъ вымысловъ и вредительныхъ сочиненій удерживались, а врученное дѣло каждый съ ревностью и радѣніемъ отправлялъ»[2]).

Указы 1766 года переводятъ насъ отъ вопроса объ акциденціяхъ къ болѣе широкому вопросу о злоупотребленіяхъ подъячихъ вообще. Отвѣтъ на подобный вопросъ уже намѣчается изъ предшествующаго изложенія. Злоупотребленія канцелярскихъ служителей не могутъ отличаться тѣмъ подчасъ стихійнымъ размахомъ, какой иногда бывалъ присущъ проступкамъ областныхъ правителей; это понятно, потому что въ рукахъ тѣхъ была власть, которой не было у канцеляристовъ. Почти во всѣхъ эксцессахъ губернаторовъ и воеводъ чувствуется преувеличенное сознаніе своей власти; самая надежда на безнаказанность исходитъ изъ ложнаго представленія о своей силѣ. Канцелярскій дѣятель, даже высшій, напримѣръ секретарь или подъячій съ приписью не имѣлъ такой силы и не имѣлъ такого сознанія. Онъ былъ подчиненнымъ лицомъ, всегда зависѣвшимъ отъ своего начальства, и, преслѣдуя свои личныя цѣли, связанныя съ нарушеніемъ или обходомъ закона, онъ долженъ былъ опираться не на власть, а на хитрость и изворотливость, пускать въ ходъ

[1]) П. С. З., XVII, № 12648.

[2]) П. С. З., XVII, № 12714; при этомъ приказнымъ предписывалось въ точности соблюдать указъ 20 января 1724 года, предписывавшій какъ членамъ коллегій о своей должности, такъ и канцелярскимъ служащимъ о содержаніи всякихъ дѣлъ и писемъ, «выписавъ изъ генеральнаго регламента, читать». П. С. З., VI, № 4422.

не силу, а искусство, дѣйствовать не въ явѣ, а въ тайнѣ. Это обстоятельство налагаетъ на злоупотребленія канцеляристовъ нѣсколько иной отпечатокъ, нежели на злоупотребленія правителей. Если приказный человѣкъ ведетъ борьбу въ сферѣ чисто служебныхъ отношеній, ему часто приходится бороться съ людьми болѣе сильными, чѣмъ онъ; тогда онъ волей-неволей долженъ прибѣгать къ средствамъ, подобнымъ изобрѣтенному Звенигородскимъ секретаремъ Протопоповымъ, или же обратиться къ доносу. Доносы, и притомъ доносы ложные, которые единственно можно отнести къ сферѣ злоупотребленій, были явленіемъ, очень распространеннымъ въ приказныхъ кругахъ. Если канцелярскій служитель преслѣдуетъ свои собственные противозаконные интересы онъ и тутъ не можетъ прибѣгать къ открытому насилію, какъ какой-нибудь воевода; ему остается путь вымогательства или казнокрадства, и въ этой области сказалась вся хитрость и изобрѣтательность мелкихъ приниженныхъ, но крючковатыхъ и знающихъ всѣ извивы законодательства и приказнаго дѣлопроизводства людей. Вымогали и крали казну всѣ—и секретари, захватывавшіе обманомъ земли, налагавшіе подушный окладъ по своему произволу, и освобождавшіе отъ него, прятавшіе дѣла подъ сукно, бравшіе взятки, чтобъ провести правое и неправое дѣло;[1]) брали и подъячіе всѣхъ ранговъ, въ родѣ, напримѣръ, Нижегородскихъ, взимавшихъ двойные оклады со скитскихъ раскольниковъ, похищавшихъ или уничтожавшихъ непріятныя имъ дѣла, кравшихъ казенныя деньги и т. п.[2]).

Разсказами о злоупотребленіяхъ приказныхъ можно наполнить цѣлыя книги, но это были бы книги съ очень монотоннымъ содержаніемъ, одинаково относящимся и къ XVII и къ XIX столѣтіямъ, хорошо извѣстнымъ не изъ однихъ историческихъ изслѣдованій и повѣствовавшимъ о томъ, что еще не такъ давно было живымъ явленіемъ. Лишь рѣдко, сравнительно, злоупотребленія канцелярскихъ служителей выходили изъ рамокъ приказнаго крючкотворства, обмана сильныхъ и издѣвательства надъ слабыми. Приведу одинъ случай; хотя и въ немъ сущность дѣла — вымогательство денегъ у беззащитныхъ людей, но отъ него все же вѣетъ Волжскимъ просторомъ, среди котораго онъ имѣлъ мѣсто; въ 1727 году даже не канцеляристъ, а разсыльщикъ Нижегородской губернской канцеляріи Максимъ Ивановъ, «будучи на заставѣ на Волгѣ-рѣкѣ, назывался подъячимъ и остановилъ 4 струга, шедшихъ мимо заставы тайно, на которыхъ стругахъ были работные люди безъ записей, и оный Ивановъ, не остановя тѣхъ струговъ, пропустилъ, а вмѣсто указанныхъ денегъ и штрафа съ тѣхъ хозяевъ взялъ воровски денегъ 5 рублей и тѣ деньги, не объявя, удержалъ у себя[3]).

[1]) Дѣла сената, кн. 26/242, 23/239: дѣло Калужскаго провинціальнаго секретаря Назара Протопопова; Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 5, д. 73: утайка дѣлъ подъячими съ приписью; возникло по доносу канцеляриста; оп. 3. вяз. 12, д. 55/482: вымогательство подъячаго съ прописью при сборѣ драгунскихъ лошадей.

[2]) Дѣла сената, кн. 14/230, лл. 27—28, 595—601.

[3]) Дѣла сената, кн. 14/230, л. 24.

Говоря о злоупотребленіяхъ приказнаго люда, надо поставить и вопросъ о томъ возмездіи, которое они, обычно, получали. Я подходилъ уже къ этому вопросу, говоря о наказаніяхъ за воеводскія злоупотребленія, и указалъ тогда на ясно замѣтную тенденцію заставлять мелкую сошку расплачиваться за содѣянные грѣхи дороже, чѣмъ отвѣтственныхъ правителей изъ дворянъ. Нужно сказать, что вообще приказные люди, если заходило дѣло о ихъ наказаніи, разсматривались, какъ люди низшаго порядка, какъ люди непривилегированные; это прежде всего замѣтно въ наказаніяхъ за служебные проступки. Уже генеральный регламентъ предусматриваетъ возможность тяжелой кары за невѣжливое отношеніе къ правительственному учрежденію и его дѣйствіямъ, «чтобъ никто ругательными словами коллегіи касатися не дерзалъ»; виновные въ этомъ «на тѣлѣ и лишеніемъ чести и имѣнія наказаны быть имѣютъ»[1]). Что это могло относиться и къ подъячимъ канцелярій, видно изъ приведеннаго выше случая съ канцеляристомъ Нуромскимъ, битымъ батожьемъ при собраніи подъячихъ за то, что бранилъ своихъ начальниковъ и товарищей. Инцидентъ Нуромскаго относится къ царствованію Петра II. Точно такіе же случаи можно наблюдать и въ позднее Екатерининское время. Намъ уже извѣстенъ проступокъ Звенигородскаго секретаря Протопопова. За самовольную приписку въ бумагѣ, направленной противъ мѣстнаго воеводы, Протопопова, по мнѣнію разбиравшей дѣло Московской губернской канцеляріи, надлежало «отрѣшить отъ дѣлъ, высѣчь плетьми нещадно и, написавъ въ солдаты для опредѣленія въ Сибирскій корпусъ въ отдаленные полки, отослать въ военную контору». Это «мнѣніе» сенатъ превратилъ въ приговоръ[2]). Незадолго до этого, въ 1762 году, за аналогичный служебный проступокъ, хотя не направленный противъ начальства, но противъ интересовъ частныхъ лицъ, а именно за добавленія къ бумагѣ по земельному дѣлу послѣ подписанія ея, Великоустюжскій провинціальный секретарь Оловяшкинъ долженъ былъ уплатить денежный штрафъ, былъ лишенъ секретарскаго званія и написанъ до выслуги въ канцеляристы съ отобраніемъ у него чиновъ[3]).

И за обыкновенные проступки по службѣ, за нерадивость, за уклоненіе отъ обязанностей, за медленность или неправильность въ составленіи бумагъ и т. п. съ канцеляристами не особенно церемонились; ихъ наказывали сурово и не считались съ чувствомъ человѣческаго достоинства, такъ, по крайней мѣрѣ, какъ понимаемъ его мы; обычными наказаніями было битье батогами или плетьми, практикуемое на мѣстѣ или же въ губернской канцеляріи, куда для этого отсылался провинившійся, а иногда и заключеніе въ оковы, т.-е. точь въ точь то, что практиковалось въ старое Московское время. Вотъ одинъ случай, иллюстрирующій сказанное. Копіистъ Галицкой провинціальной канцеляріи

---

[1]) Генеральный Регламентъ, гл. LV. (П. С. З., VI, № 3534).

[2]) П. С. З., XVII, № 12714.

[3]) П. С. З., XV, № 11505.

Ильинъ, занимавшійся въ приказномъ столѣ, давно уже былъ замѣченъ, какъ лѣнивый и нерадивый служащій: «данныя ему дѣла онъ писалъ весьма медленно и во время присутствія со своего мѣста часто выходилъ, стоялъ праздно на крыльцѣ, шатался по другимъ камерамъ». За такое отношеніе къ своему дѣлу Ильинъ былъ призванъ 5 іюня 1773 года «передъ присутствіе, и за ослушаніе и за лѣность штрафовать приказано палками». Ильинъ, испугавшись грозившаго ему наказанія, «кричалъ необычайно и, вырвавшись у солдатъ, бѣжалъ». Поймали его уже за городомъ; опять привели, но уже скованнымъ «передъ присутствіе», которое, причтя къ прежнимъ прегрѣшеніямъ еще побѣгъ, постановило высѣчь Ильина на сей разъ плетьми, прибавивъ въ объясненіе приговора классическую старо-русскую мотивировку, — «дабы впредь другимъ такъ чинить повадно не было»[1]).

Переходя къ наказаніямъ за злоупотребленія болѣе общаго характера, я долженъ прежде всего напомнить примѣры, приведенные въ предыдущей главѣ, ясно показывающіе, что за одинаковую вину приказный человѣкъ терпѣлъ больше, чѣмъ его начальникъ. Къ извѣстнымъ намъ фактамъ можно присоединить нѣсколько новыхъ. Одинъ изъ самыхъ большихъ и нахальныхъ взяточниковъ Елизаветинскаго времени, Симбирскій воевода Ходыревъ, былъ уличенъ въ томъ, что бралъ взятки съ рекрутовъ, за взятки освобождалъ воровъ отъ слѣдствія, бралъ поборы и взятки съ населенія, вымогая ихъ угрозами, «держивалъ въ тюрьмахъ болѣе 600 человѣкъ колодниковъ и бралъ съ нихъ взятки жъ, а кто не дастъ, о таковыхъ долго времени дѣлъ не рѣшалъ»; сыскивалъ разныхъ иновѣрцевъ и инородцевъ и держалъ ихъ въ цѣпяхъ изъ-за взятокъ, самовольно передѣлывалъ официальныя бумаги послѣ ихъ подписи и скрѣпы, отъ товарища своего майора Микулина голоса по дѣламъ не принималъ, совершалъ всякія кражи и злоупотребленія по дѣлу охраны заповѣдныхъ лѣсовъ и т. д. За всѣ эти преступленія Ходыревъ, по мнѣнію судившаго его сената, былъ достоинъ смертной казни, но Ходыревъ умеръ до приговора; если бы онъ остался живъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что приговоръ о немъ былъ бы, по обычаю, принятому при Елизаветѣ, смягченъ, и Ходыревъ отдѣлался бы ссылкой и конфискаціей имущества. Между тѣмъ, мелкіе канцеляристы, денщики, разсыльщики, бывшіе въ сущности только орудіями, при помощи которыхъ Ходыревъ осуществлялъ свои преступные замыслы, были высѣчены — одни кнутомъ, другіе плетьми и сосланы, — главные участники въ Сибирь на каторгу въ Колывано-Воскресенскіе заводы, другіе, менѣе видные — въ Сибирскія областныя учрежденія на службу[2]). Въ концѣ 20-хъ годовъ въ Калугѣ возникло довольно запутанное и довольно грязное дѣло. Сущность его заключалась въ томъ, что подлогомъ проданъ былъ участокъ земли,

---

[1]) Галицк. пров. канц., оп. 9, вяз. д. 70; другіе подобные примѣры: Велико-устюжской провинціальной канцеляріи, оп. 2, вяз. 1, д. 2, л. 1; Клинск. воев. канц. оп. 9, вяз. 2, ук. 30 дек. 1734 года.

[2]) Дѣла сената, кн. 104/320, лл. 851—866.

при чемъ мѣстный провинціальный воевода князь Вяземскій вмѣстѣ съ секретаремъ принудили потерпѣвшее лицо узаконить неправильную сдѣлку, и чтобъ добиться этого, держали его 6 недѣль «на цѣпи, гдѣ и умре». Поднятое наслѣдниками невольнаго узника дѣло осложнилось нѣсколькими другими: оказалось, что секретарь Протопоповъ вмѣстѣ съ посланнымъ для взысканія доимочныхъ рекрутовъ подполковникомъ Овцынымъ бралъ съ доимочныхъ рекрутовъ взятки, а на племянника Овцына, разсорившагося съ дядей, наложилъ по уговору съ послѣднимъ неправильный штрафъ въ 89 рублей, «якобы за невзысканныхъ рекрутовъ». Вмѣстѣ съ преемникомъ Вяземскаго, воеводой Бестужевымъ, Протопоповъ переводилъ Калужскихъ ремесленниковъ изъ купцовъ въ крестьяне. Каково же было возмездіе всѣхъ ихъ? Бестужевъ, кажется, остался совершенно невредимъ, Вяземскій отдѣлался штрафомъ въ 100 рублей за «неправильное произведеніе», изложеннаго выше дѣла, Протопоповъ за все имъ совершонное заплатилъ 200 рублей; гораздо больше пострадалъ подъячій Поповъ, главный помощникъ Протопопова, въ частности пособлявшій ему совершить неправильную купчую: сенатъ, куда восходило это дѣло, повелѣлъ «учинить ему наказаніе, бить плетьми» и опредѣлить въ писари въ воинскую часть; другого подъячаго, вся вина котораго заключалась въ неправильномъ исполненіи приказаній воеводы, вслѣдствіе чего послѣдній могъ свалить на него часть своей вины, предписано было бить батогами, съ допущеніемъ, однако, попрежнему къ канцелярскимъ дѣламъ въ Калугѣ[1]). Такимъ образомъ, въ изложенномъ дѣлѣ понесенное наказаніе было обратно пропорціонально занимаемому положенію, и это, кажется, было общимъ правиломъ. Устюжскій секретарь Оловяшкинъ кромѣ штрафа понесъ тѣлесное наказаніе и былъ пониженъ рангомъ, а мѣстный воевода и его товарищъ, съ вѣдома которыхъ, какъ видно изъ документовъ, секретарь совершилъ свой проступокъ, отдѣлались только денежнымъ штрафомъ[2]).

Правило, по которому, чѣмъ ниже стоитъ человѣкъ въ служебной и соціальной іерархіи, тѣмъ суровѣе его отвѣтственность, не можетъ не вызвать удивленія. Но въ примѣненіи къ приказнымъ людямъ XVIII вѣка она объясняется довольно легко. Суровое отношеніе ко всѣмъ подданнымъ безъ изъятія, ко всѣмъ жителямъ государства, несшимъ свое тягло, свою повинность, было старой традиціей русскаго государства. Реформа Петра не измѣнила положенія вещей, а дальнѣйшая исторія XVIII вѣка сложилась далеко неодинаково для различныхъ русскихъ сословій. Для дворянства это былъ путь къ вольности, дарованной Петромъ III, для крестьянства—путь къ самому тяжкому періоду крѣпостной неволи. Для промежуточныхъ группъ прежній историческій путь менѣе уклонялся въ сторону; ихъ удѣльный вѣсъ былъ меньше, съ ними мало считались; немногочисленное приказное сословіе заняло и здѣсь особое

[1]) Дѣла Сената кн. 23/239, лл. 1132—1135.
[2]) П. С. З., XV, № 11505.

положеніе. Несмотря на тенденцію приказныхъ стать ближе къ дворянамъ, и дворяне и правительство продолжали считать ихъ непривилегированной группой, а ея малочисленность и обычныя непріятности, которыя приказные доставляли, когда съ ними имѣли дѣло, заставляли разсматривали ихъ только какъ необходимое зло; съ ними не церемонились и ихъ не жалѣли, когда сводили съ ними счеты. Впрочемъ, суровыя наказанія не помогали; приказное зло было все же необходимымъ зломъ; безъ приказныхъ обойтись было нельзя, а условія существованія и дѣятельности приказныхъ не мѣнялись; оттого, никакое батожье, никакія плети не достигали того, чтобъ другимъ не повадно было брать взятки и обкрадывать казну, и приказное сословіе со всѣми описанными сейчасъ пороками пережило и Екатерининскую реформу. Надо сказать также, что надежда на безнаказанность, побуждавшая дѣлать многія нарушенія закона, не была тщетной, и, конечно, въ канцеляріяхъ совершалось гораздо болѣе беззаконій, чѣмъ всѣ тѣ, которыя нашли себѣ какое бы то ни было отраженіе въ письменныхъ памятникахъ изучаемой эпохи.

При всѣхъ канцеляріяхъ состояли особыя лица, общее назначеніе которыхъ было приводить въ исполненіе постановленія областныхъ властей. Это были команды разсыльщиковъ и особыя военныя команды очень различнаго состава и численности. О разсыльщикахъ и чинахъ отдѣльныхъ военныхъ командъ уже приходилось говорить кое-гдѣ, тѣмъ болѣе, что очень многое въ ихъ дѣятельности и организаціи носитъ черты близости съ охарактеризованнымъ выше общимъ канцелярскимъ бытомъ; мнѣ остается теперь освѣтить нѣкоторыя относящіяся сюда подробности. Организація, данная разсыльщикамъ въ связи съ областной реформой преемниковъ Петра, уже извѣстна; назначеніе ихъ ясно изъ самаго названія: это нижніе служители, предназначенные не для письменныхъ работъ, а для посылокъ или конвоированія отправляемыхъ съ порученіями канцеляристовъ; впрочемъ, иногда и самимъ разсыльщикамъ давались порученія не особенно отвѣтственнаго, но все же самостоятельнаго характера, напримѣръ, надзоръ за мостами, дорогами и т. п.[1]). Отставные солдаты, желавшіе поступить въ разсыльщики, могли подавать прошеніе въ то учрежденіе, въ которомъ они хотѣли служить. Въ этомъ случаѣ послѣднія входили съ представленіемъ въ губернскія

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 2, вяз. 41, д. №№ 62, 89; до 30-хъ годовъ службу розсыльщиковъ несли иногда бывшіе служилые люди, положенные Петромъ въ подушный окладъ: на это указываетъ слѣдующее извѣстіе: «Для содержанія при Зарайской канцеляріи карауловъ при прежнихъ воеводахъ служили Зарайскіе солдаты, которые прежъ сего были стрѣльцы и пушкари и воротники и затинщики, безъ жалованья, а въ 737 году по указу изъ Московской губернской канцеляріи отставлены для того, что въ подушномъ окладѣ, и велѣно вмѣсто ихъ быть при канцеляріи отставнымъ драгунамъ и солдатамъ, которые имѣютъ отъ службы полные пашпорты и опредѣлить бы имъ земляное жалованье». Росписной списокъ по Зарайску, Герольдмейстерской конторы, кн. 300, л. 833.

канцелярiи, которыя и утверждали разсыльщиковъ, подобно тому, какъ они это дѣлали съ приказными[1]). Но губернское начальство и само могло опредѣлить разсыльщика въ подвѣдомственную ему канцелярiю, не спрашивая мнѣнiя воеводы[2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ, согласно указамъ начала 30-хъ годовъ, невозможно было отвести земель, они получали небольшое денежное жалованье: такъ въ 50-хъ годахъ Клинскимъ разсыльщикамъ уплачивалось по 75 съ четвертью копеекъ въ мѣсяцъ[3]).

На ряду съ разсыльщиками при губернскихъ провинцiальныхъ и городовыхъ канцелярiяхъ состояли особыя военныя команды. Первоначально это были, вѣроятнѣе всего, особые отдѣлы разсыльщичьихъ командъ, организованные послѣ увеличенiя числа разсыльщиковъ въ 1736 году съ 5458 до 8232 и находившiеся подъ начальствомъ офицеровъ при подушномъ сборѣ; но на ряду съ отрядами разсыльщиковъ бывали и такiя команды, которыя состояли изъ солдатъ дѣйствительной службы, командированныхъ отъ полковъ; онѣ также состояли подъ начальствомъ офицеровъ при подушномъ сборѣ[4]). Насколько можно судить, особыя команды существовали не вездѣ; въ нѣкоторыхъ мелкихъ уѣздныхъ городахъ ихъ, можетъ-быть, не было вовсе, такъ какъ ихъ дѣло могла управить небольшая команда разсыльщиковъ; въ другихъ они составляли маленькую отдѣльную команду: въ Клину, напримѣръ, было 2 капрала и 8 солдатъ[5]). Въ 1745 году въ такихъ командахъ было: въ Трубчевскѣ — 11 чел.; въ Бѣлой — 10 чел., въ Козельскѣ — 11 чел., въ Саранскѣ — 22 чел., въ Гдовѣ — 3 чел., въ Пронскѣ — 12 чел., въ Слободскомъ — 14 чел., въ Суджѣ — 3 чел., въ Вагѣ — 13 чел., въ Торжкѣ — 11 чел., въ Зарайскѣ — 9 чел., въ Сызрани — 11 чел.; вездѣ команды, какъ и въ Клину, состояли изъ 1 или 2 унтеръ-офицеровъ, остальные были рядовые[6]). Въ болѣе крупныхъ центрахъ эти команды существовали съ самаго начала отдѣльно отъ разсыльщичьихъ командъ: онѣ подчинены были непосредственно офицерамъ при подушномъ сборѣ; такъ, въ Шацкѣ, въ 1731 году при подушномъ сборѣ числились 1 капралъ и 32 солдата, а въ 1742 году — вахмистръ, 2 сержанта, 1 каптенармусъ, 3 подпрапорщика, 5 капраловъ, 13 драгунъ и 19 солдатъ, всего 44 человѣка[7]). На обязанности всѣхъ военныхъ командъ лежало взысканiе подушныхъ и понужденiе къ уплатѣ этого сбора; на нихъ же возлагались и отвѣтственныя порученiя по от-

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, 1736 г., д. № 37.

[2]) Клинск. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, указъ 12 мая 1732 года.

[3]) П. С. З., VIII, № 5801; IX, № 6466; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, д 62.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 8, д. 32/83, 1744 г.; Дмитров. воев. канц., вяз. 4, д. 2, 5.

[5]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, д. 6; оп. 6, вяз. 9, д. 46/342.

[6]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 22—23, 31—32, 65, 267, 271, 331, 380—82, 568, 573—74, 793, 833, 907—908.

[7]) Разр. приказъ, дѣла разн. городовъ, кн. 72, лл. 655—656, 678.

возу собранныхъ денегъ по назначенію[1]). Опредѣлялись они изъ солдатъ, получившихъ увольненіе изъ армейскихъ частей или командированныхъ изъ этихъ частей временно и распредѣлялись по провинціальнымъ и уѣзднымъ городамъ распоряженіями губернскихъ канцелярій[2]). Въ нѣкоторыхъ городахъ появлялись какимъ-то образомъ особыя военныя команды «при канцеляріи», стоявшія отдѣльно и отъ командъ при подушномъ сборѣ и отъ разсыльщиковъ: такъ было въ 40-хъ годахъ въ Брянскѣ, въ Слободскомъ, въ Старомъ Осколѣ[3]). Въ мѣстностяхъ пограничныхъ команды имѣли чисто военное значеніе и бывали болѣе многочисленными, независимо отъ ранга канцеляріи, при которой онѣ состояли. Въ Самарѣ, еще близкой къ не вполнѣ покореннымъ степямъ въ 1731 году были, напримѣръ, 2 роты солдатъ, командированныхъ изъ полковъ Астраханскаго гарнизона въ составѣ 4 офицеровъ и 227 унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ и, кромѣ того, 48 «дворянъ» и 37 казаковъ[4]); въ Шацкѣ въ 1745 году числилось 26 «канонеровъ»[5]). Въ Саратовѣ въ 1738 году числилась одна рота пѣхоты численностью въ 85 человѣкъ и 63 казака[6]). Въ Уфимской провинціи въ началѣ 40-хъ годовъ подъ

---

[1]) Приводимая здѣсь инструкція отчетливо рисуетъ это послѣднее назначеніе чиновъ военныхъ командъ.

ИНСТРУКЦІЯ.

Изъ Каргопольской воеводской канцеляріи Шлютенбургскаго гарнизоннаго баталіона капралу Тимоѳею Куроптеву.

1) Ѣхать тебѣ съ нижепоказанными счетчики, а именно онаго Шлютенбургскаго баталіона съ солдаты съ Алексѣемъ Хлусовымъ, Аѳанасьемъ Рюмитиновымъ, Кексгольмскаго баталіона — Семеномъ Курцовымъ, Никитою Абрамовымъ, Андремъ Базановымъ — прошлаго 728 году сентябрьской трети съ собранными подушными деньгами на Бѣлоозеро.

2) Пріѣхавъ на Бѣлоозеро, явиться къ господину капитану и Бѣлозерской провинціи воеводѣ князю Вяземскому и надлежащую денежную казну за печатьми господина Каргопольскаго маіора и воеводы Култашева и земскихъ комиссаровъ и вышеописанныхъ счетчиковъ объявить, и посланныя о той казнѣ доношенія и при нихъ вѣдомости подать.

3) Ѣдучи въ пути по тракту до Бѣлаозера денежную казну имѣть тебѣ въ крѣпкомъ смотрѣніи, отъ пожарнаго времени и отъ воровскихъ людей беречь, а счетчикамъ велѣть имѣть ружье набитое и часовому стоять при казнѣ всегда съ ружьемъ, а на дворы казны не ставить.

4) Будучи путемъ, обывателямъ обидъ и разоренія не чинить и излишнихъ чрезъ указанныхъ 4 подводъ за прогонныя деньги не брать и за счетчики смотрѣть того накрѣпко, а прогоннымъ деньгамъ учинить записную тетрадь, кому что дано будетъ и за сколько верстъ; а какъ оная денежная казна въ указныя мѣста отдана будетъ, требовать квитанціи и привезть съ собою въ реченную Каргопольскую воеводскую канцелярію.

5) А ежели что несмотрѣніемъ вашимъ учинится, то взыщется на васъ со истязаніемъ штрафа по уставу и по военному артикулу. — Генваря 28 дня 1729 году.

Каргоп. воев. канц., оп. 3, вяз. 3, д. 33/304, л. 96а.

[2]) Московской губ. канц., кн. 59, лл. 54—55.

[3]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 151, 380—382, 556—567.

[4]) Разр. приказъ, дѣла разн. городовъ, кн. 66, лл. 873—897.

[5]) Герольдм. конторы, кн. 300, лл. 247—248.

[6]) Дѣла сената, кн. 11/142, лл. 8—9.

начальствомъ мѣстнаго воеводы находился отрядъ въ двѣ тысячи слишкомъ человѣкъ[1]).

Въ губернскихъ центрахъ обычно существовали болѣе значительныя воинскія команды, имѣвшія еще другое значеніе; о немъ ясно и подробно говоритъ одно донесеніе Бѣлгородской губернской канцеляріи, относящееся къ началу 60-хъ годовъ. Воинскія команды эти носили названіе гарнизонныхъ полковъ или батальоновъ и употреблялись «для порядочнаго карауловъ содержанія и для вспоможенія городовымъ воеводамъ». Къ караульной службѣ въ губернскомъ центрѣ и командировкамъ въ случаѣ необходимости въ распоряженіи второстепенныхъ областныхъ властей прибавлялись другія экстренныя обязанности: сопровожденіе въ видѣ конвоя транспортовъ денежной казны и колодниковъ, перегоняемыхъ изъ города въ городъ или отправляемыхъ по секретнымъ дѣламъ въ столицы, командировки для понужденія во взысканіи всякаго рода сборовъ и доимки, т.-е., попросту говоря, выколачиваніе податей изъ населенія[2]).

Подобные гарнизонные полки, которые, такимъ образомъ, составляли особыя мѣстныя войска, въ отличіе отъ армейскихъ частей, были подчинены губернаторамъ; такъ было установлено еще въ эпоху ихъ возникновенія при Петрѣ; на это указываетъ Петровскій воинскій уставъ, и объ этомъ ясно говоритъ воеводскій наказъ 1728 года[3]). Однако причудливая и безсистемная практика XVIII вѣка нерѣдко выводила гарнизонные полки изъ подчиненія губернаторамъ и, по капризу или произволу отдѣльныхъ лицъ подчиняла ихъ командующимъ арміей и другимъ чисто военнымъ властямъ. Именно о такомъ ненормальномъ положеніи вещей и говорилось въ только что помянутомъ донесеніи Бѣлгородской губернской канцеляріи въ сенатъ. Въ 1749 году Бѣлогородскій гарнизонный полкъ былъ отчисленъ отъ Бѣлгородскаго губернатора, вслѣдствіе чего вся караульная служба и всѣ командировки изъ губернской канцеляріи пришли въ полную дезорганизацію: приходилось прибѣгать къ состоявшимъ при канцеляріи немногочисленнымъ разсыльщикамъ, «которые и старые и дряхлые, почему на нихъ въ содержаніи карауловъ и въ посылкахъ положиться никакъ невозможно». Бѣлгородскій губернаторъ ходатайствовалъ о возвращеніи гарнизоннаго полка подъ его начальство; ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и 25 октября 1761 года сенатъ предписалъ, чтобъ всѣ гарнизонные полки оставались всегда въ вѣдѣніи губернаторовъ[4]). Хотя штатная численность гарнизонныхъ командъ должна была быть всегда одинаковой, однако чрезмѣрное

---

[1]) Дѣла сената, кн. 11/142, лл. 120—122.

[2]) П. С. З., XV, № 11347: Полнаго однообразія въ организаціи гарнизонныхъ частей кажется не существовало; въ частности, напр. въ Москвѣ службу мѣстныхъ войскъ въ 20 и 30-хъ гг. несъ л.-гв. Московскій баталіонъ и Московскій драгунскій эскадронъ. Моск. губ. канц., вяз. 1653, д. 91.

[3]) Воинскій уставъ 1716 г. гл. 59, ст. 3. (П. С. З., V, № 3006); наказъ 1728 г., статья 5. (П. С. З., VIII, № 5333).

[4]) П. С. З., XV, № 11347.

выкомандированіе могло привести ее въ очень плачевное состояніе; тогда подымались просьбы объ усиленіи ея армейскими частями: такъ было, напримѣръ, въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ въ Казани, гдѣ всѣ гарнизонныя войска были отправлены въ уѣзды для обереганія отъ волновавшихся инородцевъ, и караулъ въ городѣ «содержался съ нуждою»[1]).

Екатерининскіе штаты 1763 года и въ организаціи военныхъ командъ, подчиненныхъ гражданскимъ властямъ имѣли то же значеніе, какое они имѣли относительно другихъ должностей по мѣстному управленію; они внесли въ нее извѣстную систему и однообразіе, установили ихъ численность, обезпечили ихъ денежное вознагражденіе и, наконецъ, слили воедино до тѣхъ поръ отдѣльно существовавшихъ разсыльщиковъ и другія военныя команды. «Штатъ сколько для случающихся въ городахъ посылокъ, отправленія въ разныя мѣста денежной казны, въ поимкѣ въ случаѣ нужномъ воровъ и разбойниковъ и для разныхъ карауловъ и осмотровъ, какимъ чинамъ быть надлежитъ» видѣнъ изъ слѣдующей таблицы[2]):

Званіе чиновъ.	Число людей въ канцеляріяхъ.				Жалованья одному	
	губерн.	провинц.	воевод.	пригор.	р.	к.
Капитанъ	1	—	—	—	247	36 1/4
Поручикъ	1	1	—	—	151	78 2/4
Подпоручикъ. . .	1	—	1	—	126	36 1/8
Сержантъ	3	2	1	1	15	—
Каптенармусъ . .	1	—	—	—	12	—
Капраловъ. . . .	6	4	2	1	11	—
Солдатъ	116	48	24	12	7	50
Барабанщиковъ .	2	1	1	—	7	50
Фельдшеръ. . . .	1	1	—	—	7	50
Итого . .	132				1541	2 2/3
		57			600	
			29		350	
				14	116	

1) Сенатскій Архивъ, II, 38.

2) П. С. З., XI, IV, ч. II, отд. 4-е къ № 11991, табл. IX; сверхъ окладного жалованья командамъ полагалось, конечно, обмундированіе, провіантъ и крупа въ натурѣ, отпускаемыя изъ канцелярій, при которыхъ числилась команда, на сумму 3 р. 88 1/8 коп. каждому нижнему чину; команды по штатамъ 1763 г. исполняли также всѣ порученія по сбору подушныхъ, потому что подушный сборъ въ это время былъ полностью возложенъ на воеводъ. Офицерами этихъ командъ назначались отставные офицеры армейскихъ полковъ «съ таковымъ однако разсмотрѣніемъ, чтобы опредѣляемы были къ тому способные и безпорочно служащіе люди». П. С. З., XVI, № 12077.

Сравнивая штаты 1763 года съ гарнизонными губернскими полками, съ одной стороны, и съ малочисленными командами разсыльщиковъ, учрежденными въ 1732 году[1]), съ другой, нетрудно убѣдиться, что они учреждали въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ и въ пригородкахъ команды, по численности близкія къ прежнимъ командамъ разсыльщиковъ и, слѣдовательно, меньшія по численности, чѣмъ команды разсыльщиковъ и солдатъ при подушномъ сборѣ, вмѣстѣ взятыя; въ губернскихъ городахъ они также уменьшали численность воинскихъ командъ, находившихся въ распоряженіи гражданскихъ властей.

Такая экономія не могла не сказаться очень опредѣленными послѣдствіями: въ частяхъ городскихъ наказовъ 1767 года, составленныхъ приказными служащими, попадаются жалобы на малочисленность людей въ командахъ и недостаточное количество денегъ, отпускаемыхъ на провіантъ съ просьбами объ увеличеніи того и другого[2]); когда же военныхъ командъ на самомъ дѣлѣ нехватало, тогда власти 60-хъ и 70-хъ годовъ не стѣснялись обременять чисто военными обязанностями мирныхъ и непривычныхъ къ солдатскому дѣлу гражданъ. Въ 1775 году разбойники ограбили Флорищеву пустынь; въ погоню за ними Гороховецкій воевода отправилъ подъ командой начальника уѣздной воинской команды, сержанта не только всѣхъ, находившихся въ наличности солдатъ, но и 14 человѣкъ обывателей, къ которымъ самъ сержантъ своей властью прибавилъ еще 10 человѣкъ монастырскихъ и работныхъ людей[3]).

Когда нижніе воинскіе чины въ составѣ командъ поступали въ подчиненіе гражданскимъ властямъ, послѣднія получали надъ ними дисциплинарную власть и пользовались ею довольно свободно, при чемъ мѣстныя подчиненныя учрежденія, т.-е. провинціальныя воеводскія канцеляріи, своей властью налагали на солдатъ и унтеръ-офицеровъ очень суровыя наказанія, даже не доводя объ этомъ до свѣдѣнія губернскихъ учрежденій. Въ началѣ 60-хъ годовъ Суздальская провинціальная канцелярія «Московскаго драгунскаго эскадрона драгуна Мыльникова за побѣгъ и за сказываніе ложно слова и дѣла» предписала наказать кнутомъ, вырѣзать ноздри и сослала въ Нерчинскъ; совершенно такое же наказаніе наложила Арзамасская провинціальная канцелярія на солдата Навагинскаго полка Калинина. Противъ подобнаго положенія дѣла возвысила голосъ военная коллегія, полагавшая, что всякое наказаніе на воинскихъ чиновъ, хотя бы и вполнѣ заслуженное, должно налагаться военными властями, съ чѣмъ согласился и сенатъ, наказавшій обѣ канцеляріи даже штрафомъ, въ 100 рублей каждую[4]). Не знаю, насколько мѣстныя гражданскія власти исполняли указъ сената объ обязательной отсылкѣ провинившихся нижнихъ воинскихъ чиновъ для суда и исполненія наказанія въ ближай-

[1]) П. С. З., XVIII, ч. II, отд. 4-е къ № 6233.

[2]) Сб. Р. И. О., XCIII, 460 (Каширскій наказъ); CVII, 147 (Михайловскій наказъ).

[3]) Гороховец. воев. канц., оп. 2, вяз. 10, д. 29, лл. 1—2.

[4]) П. С. З., XV, № 11455. (1762 г. марта 7.)

шія воинскія части; возможно, что такъ и поступали, когда вина и ожидаемое наказаніе были значительны; но битье батогами и даже разжалованіе попрежнему совершалось по постановленіямъ гражданскихъ властей. 13 марта 1779 года въ Клинской воеводской канцеляріи было сдѣлано постановленіе слѣдующаго содержанія: Клинской воинской штатной команды капралъ Сергѣй Петровъ, который «многократно, а паче во время своего караула въ канцеляріи присмотрѣнъ въ пребезмѣрномъ безпорядкѣ и пьянствѣ», за что ужъ былъ «неоднократно наказанъ батожьемъ при собраніи команды», былъ уличенъ въ полученіи взятокъ съ плательщиковъ подушныхъ денегъ и въ томъ, что одного изъ нихъ, не желавшаго подчиниться его требованіямъ, ударилъ по щекѣ. За это постановлено было Петрова, «лишивъ капральскаго чина, учинить ему наказаніе палками и написать вѣчно въ солдаты и на часы ставить его съ прочими солдатами на ряду и то, воздерживая отъ пьянства и непотребства, въ безопасныхъ мѣстахъ»[1]). И это постановленіе никѣмъ не было ни опротестовано, ни отмѣнено.

Поступая подъ начальство гражданскихъ властей, воинскіе чины получали отъ нихъ и скудное свое жалованье, и тотъ провіантъ натурой, который долженъ былъ служить дополненіемъ къ жалованью. Именно на такой порядокъ указываютъ штаты 1763 года; но порядокъ этотъ не былъ новшествомъ; съ незначительными различіями онъ практиковался и ранѣе. Гарнизонные полки получали довольствіе отъ губернскихъ властей, команды подушнаго сбора—отъ провинціальныхъ и городовыхъ, при чемъ жалованье уплачивалось имъ изъ мѣстныхъ подушныхъ сборовъ; само собою разумѣется, что заинтересованнымъ лицамъ представлялось самимъ бить челомъ о выдачѣ давно заслуженнаго жалованья[2]). Что касается полученія провіанта, то оно до 1763 года происходило не по разъ навсегда установленной цѣнѣ, а по справочнымъ цѣнамъ, о которыхъ воеводы запрашивали мѣстныхъ посадскихъ выборныхъ[3]).

Заканчивая обзоръ организаціи службы въ канцеляріяхъ областного управленія, я долженъ еще добавить, что непремѣнной принадлежностью каждой изъ нихъ былъ заплечный мастеръ, котораго, впрочемъ, Екатерининскіе штаты сохранили только въ канцеляріяхъ губернскихъ и провинціальныхъ, а также нѣсколько сторожей, которые, кромѣ охраны внутреннихъ помѣщеній, иногда предназначались также «для предсмотру караулу и рогатокъ» вокругъ канцеляріи, «такожде и для всякихъ непотребствъ»[4]).

Общія историческія условія, а также сознательная политика правительства XVIII вѣка обособляли приказное сословіе отъ другихъ группъ русскаго населенія. Приказное сословіе было не многочисленнымъ и

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 50.

[2]) Клинск. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 32/83. Дмитр. воев. канц., вяз. 4-я, д. 2, 5.

[3]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, 1737 г. д. 6; вяз. 5, 1739 г. д. 28.

[4]) Разр. приказъ, дѣла разн. городовъ, кн. 73, лл. 72—79.

очень малокультурнымъ даже по условіямъ того времени; оно было бѣдно, трудъ его плохо вознаграждался, самостоятельности и чувства собственнаго достоинства искать въ немъ не приходится. Этого достаточно, чтобы признать его положеніе неудовлетворительнымъ. А между тѣмъ приказные наполняли канцеляріи, являвшіяся необходимымъ орудіемъ управленія вообще и областного въ частности. Не боясь парадоксальности, можно было бы сказать, что канцеляріи — это сословный органъ приказныхъ людей. Но можно ли считать этотъ органъ, его устройство и его службу удовлетворительнымъ, если такъ плохо обставлена та соціальная среда, которая его олицетворяетъ и оживляетъ? Отвѣтъ, я думаю, долженъ быть отрицательнымъ. По существу дѣла преобразовательная дѣятельность Петра отразилась на приказномъ бытѣ меньше, чѣмъ на какой-либо другой сторонѣ русской жизни, но внѣшній европеизмъ и бюрократическая сторона административныхъ реформъ послѣдняго десятилѣтія царствованія Петра оставили замѣтный слѣдъ на канцелярской жизни послѣдующей эпохи: они увеличили канцелярскую формалистику и волокиту, нарушили прежнюю патріархальность и усилили ставшую замѣтной еще при Петрѣ недостаточность приказныхъ силъ въ размножившихся административныхъ учрежденіяхъ.

ГЛАВА VIII.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНЫХЪ ВЛАСТЕЙ.

Указы 1727 года сосредоточили въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ широкій кругъ власти и наказъ 1728 года, какъ я старался показать въ свое время, довольно ярко отразилъ въ себѣ эту полноту власти. Однако, какъ ни подробенъ наказъ самъ по себѣ, онъ заключаетъ только предначертанія и не предусматриваетъ всѣхъ случаевъ и способовъ, какими власть губернаторовъ и воеводъ можетъ осуществляться на дѣлѣ. Задачею дальнѣйшаго изложенія является характеристика фактическаго круга дѣятельности областныхъ властей въ сферѣ административной, судебной и финансовой, при чемъ въ отдѣльныхъ вопросахъ отмѣчается сфера компетенціи, іерархическія отношенія между тремя ступенями областного управленія, а также такія черты, которыя отличаютъ дѣятельныя областныя учрежденія XVIII столѣтія отъ учрежденій, имъ предшествовавшихъ.

Впрочемъ, теперь же, въ самомъ началѣ, я долженъ выдѣлить должность Московскаго генералъ-губернатора. Въ XVIII столѣтіи должность эта носила совершенно особый характеръ ока государева въ старой столицѣ. Всѣ дѣла и донесенія текущаго характера шли черезъ губернское начальство. На долю генералъ-губернатора выпадало разрѣшеніе дѣлъ экстраординарныхъ. Содержаніе донесеній генералъ-губернатора отражаетъ хронику Московскихъ событій, которыя могли интересовать высшія сферы Петербурга. И это приходится говорить не только о времени С. А. Салтыкова, сообщавшаго своей двоюродной сестрѣ, императрицѣ Аннѣ, всѣ Московскія происшествія и сплетни, писавшаго ей о частныхъ дѣлахъ ненавистныхъ ей Долгорукихъ, о постройкѣ надгробнаго памятника царевны Прасковьи Ивановны, или о томъ, какъ Московскіе генералы напивались въ дни офиціальныхъ торжествъ. Совершенно такой же характеръ носятъ и сообщенія генералъ-губернаторовъ Екатерининскаго времени гр. П. С. Салтыкова и кн. М. Н. Волконскаго. Одинъ подробно пишетъ о похищеніи дочери статскаго совѣтника Лакостова и о другихъ семейныхъ дѣлахъ видныхъ Московскихъ обывателей, о молебствіяхъ по случаю побѣдъ, о разборкѣ стѣны Бѣлаго города; второй говоритъ о своихъ болѣзняхъ. Сравнительно съ 30-ми годами мѣняется нѣсколько лишь тонъ доне-

сеній и патріархальная фамиліарность С. А. Салтыкова смѣняется болѣе офиціальнымъ тономъ[1]).

Кругъ административной дѣятельности, предоставленный губернаторамъ и воеводамъ наказомъ 1728 года, дополняемымъ наказами и узаконеніями болѣе частнаго характера, отличался значительной широтой; дѣйствительная жизненная практика расширяла его еще болѣе. Онъ составлялся изъ обязанностей и дѣйствій, которыя можно считать обыкновенными, и изъ обязанностей и дѣйствій, обычно органамъ внутренняго управленія не присвоенныхъ; къ послѣднимъ я отношу дѣятельность областныхъ властей, касающуюся военныхъ дѣлъ и внѣшнихъ сношеній; съ нея я и начну свой обзоръ.

Послѣ учрежденія провинцій, въ Петровское время, сохранившееся значеніе губернаторовъ, какъ органовъ военно-хозяйственнаго управленія, было одной изъ причинъ, почему провинція, которая въ теоріи была совершенно самостоятельной, осталась въ нѣкоторомъ іерархическомъ подчиненіи губерніи[2]). Военное значеніе губерніи сохранилось и послѣ 1727 года; оно выражалось двоякимъ образомъ — губернскія учрежденія попрежнему обязаны были подъ наблюденіемъ военной коллегіи снабжать армію всякими запасами, мертвыми и живыми, провіантомъ, военной аммуниціей, лошадьми и рекрутами; начальники губерній командовали гарнизонными силами, а въ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностяхъ держали въ своихъ рукахъ и командованіе полевыми войсками. «Провіантскіе магазейны поручены въ вѣдомство губернаторовъ и вице-губернаторовъ»; поэтому послѣдніе должны заботиться о сборѣ провіанта, объ исправномъ состояніи магазиновъ, о чемъ обязаны своевременно рапортовать высшимъ военнымъ властямъ[3]). Забота о провіантѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ и въ наказѣ Кіевскому губернатору, отмѣчающемъ особенное положеніе пограничнаго начальника края[4]). Когда въ 1750 году учредили особыхъ комиссаровъ для заготовленія провіанта марширующимъ войскомъ, участіе въ выборѣ и назначеніи такихъ комиссаровъ получили губернскія власти, причемъ, за неимѣніемъ годныхъ людей, губернаторамъ и даже воеводамъ пришлось назначать комиссаровъ изъ отставныхъ дворянъ[5]).

Предписаніямъ закона совершенно соотвѣтствовала повседневная практика губернскихъ учрежденій. Московская губернская канцелярія, напримѣръ, ведетъ чрезвычайно оживленныя и частныя сношенія какъ съ расположенными въ ней полками, такъ и съ высшими военными учрежденіями, касательно вопросовъ снабженія арміи, исполняетъ

---

[1]) Гос. Архивъ, разр. XVI, дѣла 555, 557, 562.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа Петра Великаго, 77; *Блинова*, Губернаторы, 94—98; объ этихъ обязанностяхъ въ допетровское время, см. у *Чичерина*, Областныя учрежденія, 114—123.

[3]) П. С. З., VIII, № 5904, (Инструкція ген.-кригсъ-комиссаріату); X, № 7537.

[4]) П. С. З., X. № 7161; см. гл. II.

[5]) П. С. З., XIII, № 9732.

разнообразныя порученія военной коллегіи и ея Московской конторы, совершаетъ рядъ распорядительныхъ дѣйствій, заготовляетъ провіантъ, выдаетъ его разнымъ командамъ и рекрутамъ и т. д.; изъ дѣлъ ясно видно, что, какъ и при Петрѣ Великомъ, губернское управленіе имѣло значеніе хозяйственнаго отдѣленія окружного штаба, окружного интендантскаго, артиллерійскаго и инженернаго управленій[1]).

Обязанности губернскихъ властей по набору рекрутовъ и по военно-конской повинности регламентировались очень часто и очень подробно. Наборъ людей и лошадей для арміи былъ обычнымъ явленіемъ; съ 1727 по 1757 годъ было до 15 рекрутскихъ наборовъ, почти всегда сопровождавшихся сборомъ лошадей. Обязанности областныхъ властей — какъ губернаторовъ, такъ и воеводъ — подробно излагались въ указахъ и манифестахъ, возвѣщавшихъ о предстоящемъ наборѣ. Губернаторы завѣдывали наборами иногда «обще» съ посылавшимися для этой цѣли офицерами; въ другихъ случаяхъ, наборъ всецѣло возлагался на губернскія власти; главною обязанностью высшей мѣстной администраціи было смотрѣть, чтобъ отъ присланныхъ изъ столицы офицеровъ и отъ губернаторскихъ подчиненныхъ, которымъ поручалось фактически произвести наборъ, «непорядковъ и народныхъ отягощеній и взятковъ не было». Губернаторъ долженъ былъ принимать жалобы на неправильности и беззаконія, допущенныя при наборѣ, при чемъ указы неизмѣнно повторяли, что если губернаторъ на такія жалобы не обратитъ вниманія или, больше того, будетъ замѣченъ въ попустительствѣ, онъ «причтенъ будетъ съ тѣми преступниками, которые то дѣйствительно учинили». О всѣхъ замѣченныхъ нарушеніяхъ закона губернаторамъ предписывалось доносить сенату и военной коллегіи, которые со своей стороны «должны чинить слѣдствія и рѣшенія немедленно, не упуская никому». Наблюдая за правильностью набора при его производствѣ, высшія мѣстныя власти передавали собранныхъ людей и лошадей военнымъ властямъ, завѣдывали ихъ отсылкой, наблюдали за довольствіемъ рекрутскихъ командъ, проходившихъ черезъ ихъ губерніи, разыскивали рекрутовъ недобранныхъ и бѣжавшихъ съ дороги. Указы Анны и Елизаветы рисуютъ роль мѣстныхъ властей при сборѣ рекрутовъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, съ очень лишь немногими и незначительными варіантами. Содержаніе періодически повторявшихся отдѣльныхъ указовъ вошло цѣликомъ и въ «генеральное учрежденіе о сборѣ рекрутовъ», изданное первый разъ въ 1757 году и вторично, въ нѣсколько переработанномъ видѣ, въ 1766 году[2]).

---

[1]) Моск. губ. канц., вязка 1653; книги 59—232. Вотъ примѣръ дѣйствій Московской губернской канцеляріи по части военнаго хозяйства: «1777 года, мая 1 дня, Московскій губернаторъ и кавалеръ гр. Остерманъ приказалъ для пастбищъ закупаемыхъ для артиллеріи лошадей отвесть по близости Москвы пастбищныя мѣста. И того жъ числа Московская губернская канцелярія приказала во исполненіе Его Сіятельства повелѣнія для пастбищъ объявленныхъ лошадей отвесть дворцовую Гжельскую волость». Кн. 195, л. 16.

[2]) П. С. З., IX, № 6637, 7046, 7049, 7138; X, № 7177, 7378, 7474; XI, № 8306, 8320, 8465, 8703; XII, № 9249, 9366; XIV, № 10326, 10407, 10613, 10732, 10736, 10738, 10775, 10786. (Генер. учр. 1757 г.); XVII, № 12748. (Генер. учр. 1766 г.)

Если губернаторамъ грозила кара за допущеніе неправильностей при сборѣ рекрутовъ, то не менѣе строгой отвѣтственности они подвергались за упущенія, приводившія къ неполному сбору рекрутовъ, къ запущенію рекрутской доимки; и по этой части введена была строгая бумажная отчетность[1]), а за недоимки въ людяхъ и за неотдачу ихъ въ армію въ указанный срокъ грозилъ штрафъ, опредѣляемый въ 1730 году въ 10 рублей за каждаго несобраннаго рекрута, «а съ секретарей и подъячихъ противъ того жъ»[2]). Точно также взимался штрафъ за упущенія въ исполненіи военно-конской повинности. Журналы засѣданій Московскаго губернскаго присутствія и здѣсь подтверждаютъ, что губернскія власти, дѣйствительно, непрерывно занимались дѣлами о рекрутахъ, о конскихъ сборахъ, потому что даже при отсутствіи въ данный моментъ самаго набора должны были собирать доимку, пересылать людей и лошадей въ армію, отписываться отъ требованій военной коллегіи и полевыхъ войскъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ рекруты были добраго качества[3]).

О правахъ губернскихъ властей по командованію надъ гарнизонными полками мнѣ пришлось говорить въ предыдущей главѣ: это было общимъ правиломъ. Скорѣе исключеніемъ чѣмъ правиломъ было, если начальникъ губерніи былъ также и командующимъ полевыми войсками: такіе факты можно наблюдать иногда въ Малороссіи и въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ начальствовали, по большей части, генералъ-губернаторы, и въ южныхъ пограничныхъ губерніяхъ; такъ, среди донесеній Астраханскаго губернатора къ верховной власти и въ высшія учрежденія встрѣчаются не только донесенія о состояніи гарнизонныхъ полковъ, но и подробныя донесенія о состояніи и передвиженіи полевыхъ войскъ, расположенныхъ въ губерніи[4]).

Военный элементъ въ пограничныхъ губерніяхъ давалъ себя чувствовать еще и другими способами. При учрежденіи Новороссійской губерніи въ 1764 году канцелярія ея, «яко населяемой болѣе военными людьми», была съ самаго начала раздѣлена на два особыхъ департамента — военный, подъ управленіемъ генералъ-майора, подчиненный чрезъ «главнаго командира» военной коллегіи, и земскій, подчиненный такимъ же образомъ сенату. Упомяну еще, что гражданскимъ властямъ поручался надзоръ за плѣнными непріятелями[5]).

Въ 60-хъ годахъ были болѣе или менѣе урегулированы отношенія между губернаторами и независимыми отъ нихъ начальниками военныхъ

---

[1]) П. С. З., IX, № 6502 (1733 г.); напоминаніе объ этомъ 1740 г.: Сб. Р. И. О., CXXXVIII, стран. 11., П. С. З. XIX, № 13937 (16 янв. 1773 г.)

[2]) П. С. З., VIII, № 5605. Журн. Сената за 1737 г. I, 267.

[3]) Моск. губ. канц., книги 59—232; в. 1662, дѣло 52; в. 1663, д. 20; Архангелогородского губ. магистрата, картонъ 1, до 5.

[4]) Герольдм. конторы, кн. 459, л. 745; Гос. Архивъ, раз. XVI, д. 151.

[5]) Моск. губ. канц., кн. 61, л. 120: плѣнные турки, интернированные въ Гороховцѣ, находятся подъ вѣдѣніемъ Моск. губ. канцеляріи.

силъ, расположенныхъ въ ихъ губерніи: если послѣдніе выше чиномъ, чѣмъ губернаторъ, то послѣдній обязанъ доносить имъ о всѣхъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ губерніи, «а при нападеніи непріятельскомъ совѣтуетъ и распоряжается губернаторъ обще съ главнымъ военнымъ начальникомъ»; со своей стороны военные начальники обязаны «чинить вспоможеніе» губернаторамъ къ установленію тишины и сохраненію губерніи».[1])

Воеводы, какъ провинціальные, такъ и городовые, имѣли гораздо меньше отношенія къ военнымъ дѣламъ, нежели губернаторы. Военныхъ командъ, за исключеніемъ уже извѣстныхъ намъ небольшихъ полицейскихъ отрядовъ для сбора подушныхъ и для служебныхъ посылокъ, въ ихъ распоряженіи, обычно, не было. Однако, и на нихъ лежали извѣстныя обязанности военно-хозяйственнаго характера, касавшіяся сбора провіанта, рекрутовъ и лошадей въ предѣлахъ управляемой ими территоріи: такъ напримѣръ, городовые воеводы должны были наблюдать за введеннымъ въ 1737 году особымъ экстреннымъ сборомъ хлѣба для арміи[2]), но ихъ дѣятельность по этому сбору находилась подъ прямымъ контролемъ и наблюденіемъ губернаторовъ. Обязанности по части сбора рекрутовъ и лошадей, лежавшія на губернаторахъ, распространялись и на подчиненныхъ имъ воеводъ провинціальныхъ и городовыхъ; въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ они должны были дѣлать то же, что дѣлали и губернаторы, но губернаторы оставались главными посредниками между лицами, производившими наборъ, и арміей; на губернаторовъ указы возлагаютъ первенствующую роль и главную отвѣтственность въ дѣлѣ набора: воеводы здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было прямые подчиненные губернаторовъ, исполнители ихъ приказаній, не имѣющіе самостоятельнаго значенія.

Были и еще дѣла, въ которыхъ сказывалось нѣкоторое военное значеніе воеводъ, но это скорѣе отзвукъ минувшаго, чѣмъ реальное и практическое дѣло. Въ 1731 году Каргопольскій воевода доносилъ въ «главную артиллерію», что, «оный городъ Каргополь имѣлся при Онегѣ рѣкѣ древянный, четвероугольный, стѣны рубленыя, крыты тесомъ, на немъ по описи прошлаго года имѣлось 9 башенъ, а мѣрою тотъ городъ 440 саженъ». Городъ сгорѣлъ 18 мая 1731 года, но отъ пожара «уцѣлѣла каменная палата съ погребомъ, въ которой хранились пушекъ чугунныхъ безъ станковъ — 6, у одной дуло оторвало, ружье, фузеи ржавыя, у которыхъ замки плохи, перержавѣли и переломаны — 86, затинныхъ староманерныхъ пищалей въ ложахъ — 2, безъ ложъ — 3, 4 знамени, дроби 4 пуда 2 фунта, пороху 60 пудовъ, свинцу 131 пудъ 26 фунтовъ, ядеръ чугунныхъ разнаго вѣсу — 217. Вышеописанная артиллерія подъ вѣдѣніемъ Каргопольской канцеляріи, а цѣловальниковъ при той артиллеріи и припасахъ напредь сего не имѣлось, и нынѣ не имѣется»[3]).

---

[1]) Наставленіе губернаторамъ 1764 г. П. С. З., XVI, № 12137, ст. 10.

[2]) П. С. З., ст. X, № 7573.

[3]) Каргопольск. воев. канц., оп. 3, вяз. 2, д. 287/22.

Воевода сѣвернаго захолустья продолжалъ хранить никуда негодную военную амуницію, напоминавшую то время, когда Каргополь рисковалъ подвергнуться нападенію шведовъ изъ Финляндіи и отчитывался за нее передъ высшими военными властями. И въ другихъ городахъ, въ особенности въ Бѣлгородской и Воронежской губерніяхъ, на воеводъ возлагалось храненіе слѣдовъ давно минувшаго военнаго значенія бывшихъ крѣпостей. Въ этомъ наглядно убѣждаютъ расписные списки того времени[1]).

Въ нѣсколько особомъ положеніи были мѣстности пограничныя, гдѣ военное дѣло не было воспоминаніемъ о прошломъ, а было живымъ дѣломъ, вытекавшимъ изъ условій мѣстной жизни. Въ Сибири, въ Оренбургской губерніи, на всемъ югѣ Европейской Россіи и вдоль Польской границы провинціальные и городовые воеводы очень часто имѣли существенное военное значеніе; они охраняли не бутафорскіе запасы, какъ въ Каргополѣ, а завѣдывали настоящими военными складами — такъ было, напримѣръ, въ Сѣвскѣ и Брянскѣ[2]). Иногда они проявляли и активную военную дѣятельность. Окраинная Бахмутская провинціальная канцелярія въ 30-хъ годахъ напоминала воеводскія управленія Польской и Сѣверской украйны конца XVI вѣка: довольно большіе казачьи отряды, находившіеся въ распоряженіи Бахмутскаго воеводы, совершали разъѣзды далеко въ степь, охраняя хутора и заимки селившихся тамъ «Бахмутской провинціи и Слободскихъ полковъ обывателей», наблюдали за передвиженіями татаръ, освобождали изъ плѣна солеваровъ, степныхъ промышленниковъ и слишкомъ отважныхъ колонистовъ[3]). Дѣятельность Бахмутскихъ воеводъ, живо напоминающая оборону южныхъ границъ Московскаго государства, даетъ возможность судить и о дѣятельности окраинныхъ воеводскихъ управленій по азіатскимъ границамъ.

Оживленная военная дѣятельность нѣкоторыхъ провинціальныхъ и городовыхъ канцелярій не колеблетъ однако общаго правила, которое можно коротко формулировать такъ: губернскія учрежденія имѣли постоянное военное значеніе и несли опредѣленныя военныя обязанности; учрежденія провинціальныя и городовыя имѣли такое значеніе лишь въ исключительныхъ случаяхъ; обычно же ихъ роль въ военныхъ дѣлахъ была лишена всякой самостоятельности и сводилась къ исполненію нѣкоторыхъ порученій подъ контролемъ губернаторовъ, а иногда и центральныхъ военныхъ властей.

Если при анализѣ военной дѣятельности мѣстныхъ властей приходилось на первый планъ ставить различія между губернаторами и воеводами, а на второй — особыя условія дѣятельности пограничныхъ пра-

---

[1]) Разр. приказъ, дѣла разн. городовъ, кн. 27, л. 546—568; денежнаго стола, кн. 170, л. 1 и слѣд.; герольдм. конт., кн. 300. См. также описаніе остатковъ укрѣпленій г. Шацка: Истор. Вѣстникъ, 1883 г., № 7, 114—119.

[2]) Разр. приказъ, дѣла разн. городовъ, кн. 65, л. 726—751; герольдм. конторы, кн. 300, л. 141—161.

[3]) Бахмутской провинціальной канцеляріи, оп. 1, вяз. 1, д. 2.

вителей, то наоборотъ, именно пограничное положеніе имѣетъ рѣшающее значеніе въ правѣ и возможности для губернатора и воеводы вести сношенія съ иноземными странами. Право начальниковъ пограничныхъ областей вести сношенія съ сосѣдними землями составляло традицію Московскаго времени, происшедшую отъ требованій центральнаго правительства, чтобы окраинныя власти были освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ сосѣднихъ, по большей части, враждебныхъ государствахъ, и сообщали бы добытыя свѣдѣнія въ Москву[1]). Такое положеніе дѣла было необходимостью въ то время, когда дипломатическаго представительства не существовало; Московскія традиціи сохранялись и въ XVIII вѣкѣ именно тамъ, гдѣ начальникъ пограничной области какъ бы замѣнялъ дипломатическаго агента въ смежномъ государствѣ. Такъ какъ во всѣхъ пограничныхъ западныхъ странахъ дипломатическая служба со времени Петра была организована на твердыхъ началахъ, то остатковъ дипломатической службы губернаторовъ слѣдуетъ искать не на западной границѣ Россіи, а на югѣ и въ Азіи, гдѣ сосѣдними государствами были Турція, Крымъ, Персія, Грузія, Китай, въ которыхъ представители русскаго государя бывали далеко не постоянно. Такимъ образомъ, внѣшнія сношенія составляли особенность службы губернаторовъ Кіевскаго, Бѣлогородскаго, Воронежскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго и Иркутскаго. Каковы были эти внѣшнія сношенія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Среди донесеній Астраханскаго губернатора Брылкина въ 40-хъ и 50-хъ годахъ видное мѣсто занимаютъ всякаго рода извѣстія о сосѣднихъ странахъ; Донскіе атаманы сообщаютъ ему о Крымскихъ дѣлахъ, поскольку отголоски тамошнихъ событій доходятъ до Дона; среди сообщеній донскихъ атамановъ встрѣчаются и подлинныя татарскія письма отъ тайныхъ агентовъ, которые вербовались въ Крыму среди мѣстныхъ, иногда очень вліятельныхъ жителей; губернаторъ велъ также оживленную переписку съ русскимъ резидентомъ въ Персіи, находившимся въ Гиляни, еще недавно бывшей подъ русскимъ владычествомъ а также съ доброжелателями Россіи въ Грузіи. Важнымъ подспорьемъ для собиранія свѣдѣній о сосѣднихъ странахъ были разспросы проѣзжавшихъ черезъ Астрахань купцовъ, преимущественно персидскихъ; разспросы эти касались не только торговыхъ дѣлъ; этимъ путемъ старались вывѣдать о придворныхъ интригахъ, о политическихъ событіяхъ, волновавшихъ Тегеранъ, другіе города Персіи и Тифлисъ; наконецъ, изъ донесеній видно, что въ рукахъ Астраханскаго губернатора находились нити организованнаго шпіонства въ Персіи и на Кавказѣ. За исключеніемъ разспросовъ, производившихся въ самой Астрахани, большая часть всей дипломатической переписки Астраханскаго губернатора написана шифромъ[2]). Цѣль всѣхъ сношеній съ зарубежными странами — троякая: во-первыхъ, быть освѣдомленнымъ о томъ, что дѣлается въ Персіи, на

---

[1]) *Чичеринъ*. Областныя учрежденія XVII вѣка, 111—114.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 599; то же самое видно изъ донесеній Астраханскихъ губернаторовъ въ военную коллегію. Сб. Р. И. О., LXIII, стран. 28.

Кавказѣ, въ Крыму и въ Средней Азіи, и своевременно извѣщать обо всемъ центральное правительство, дабы быть наготовѣ въ случаѣ какихъ-либо серіозныхъ осложненій; во-вторыхъ, привлекать и поддерживать симпатіи къ Россіи среди неподвластныхъ ей инородцевъ и создавать и расширять агентуру для извѣстій; въ-третьихъ, обезпечивать интересы торговли, хотя вопросы, связанные съ дальнѣйшимъ ея развитіемъ, не стоятъ на первомъ планѣ. Совершенно аналогичными являются донесенія Кіевскихъ губернаторовъ; здѣсь, конечно, преобладаютъ извѣстія о Крымѣ и Турціи, слухи о событіяхъ, волнующихъ оба государства, донесенія объ эпидеміяхъ въ турецкихъ владѣніяхъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ Кіевскіе губернаторы не пренебрегаютъ и слухами, доходящими до нихъ изъ польскихъ владѣній; однако, польскія извѣстія далеко не такъ важны и интересны, какъ извѣстія изъ мусульманскихъ земель[1]). Въ донесеніяхъ Казанскихъ губернаторовъ видное мѣсто занимаютъ донесенія о калмыцкихъ дѣлахъ[2]). Смоленскіе губернаторы сообщаютъ о пограничныхъ набѣгахъ польскихъ помѣщиковъ, «насильно забирающихъ россійскихъ крестьянъ», и принимаютъ мѣры, къ тому чтобы польскіе набѣги «достойно отвращать»[3]).

Является вопросъ, вели ли внѣшнія сношенія провинціальныя и городовыя власти пограничныхъ мѣстностей? На этотъ вопросъ можно, мнѣ кажется, отвѣтить такъ. Самостоятельныхъ правъ они не имѣли, но фактически между ними и жителями, а иногда и начальниками сосѣднихъ областей, могли существовать нѣкоторыя сношенія, которыя можно назвать «текущими»; такъ, Кизлярскій воевода имѣлъ среди окрестныхъ Кавказскихъ племенъ свою агентуру извѣстій, но собранныя свѣдѣнія онъ сообщалъ не прямо въ Петербургъ, а только своему прямому начальнику, Астраханскому губернатору, отъ котораго получалъ, вѣроятно, и директивы[4]). Съ другой стороны, воеводы Псковской и Великолуцкой провинцій, городовые воеводы Островскіе, Бѣльскіе, Рославльскіе и т. д. не могли не вести сношеній съ сосѣдними польскими воеводами и старостами по дѣламъ безпрестанныхъ побѣговъ русскихъ крестьянъ за литовскій рубежъ и по дѣламъ контрабанды[5]); но все это, конечно, не были дипломатическія сношенія въ настоящемъ смыслѣ.

---

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 63.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 57.

[3]) Журналы Сената за 1737 г., т. I, стран. 231.

[4]) Госуд. Арх., разр. XVI. д. 599.

[5]) Сб. Р. И. О., т. CIV, 516, CVIII, 350 (дѣло о злоупотребленіяхъ Великолуцкихъ воеводъ); П. С. З. XI, № 8664: указъ пограничнымъ воеводамъ, чтобы не было побѣговъ въ Литву (1728 г.); П. С. З. IX, № 6982: Новгородскій и Смоленскій губернаторы и Псковскій и Великолуцкій воеводы должны имѣть особый надзоръ, чтобъ землевладѣльцы не ѣздили самовольно на поиски бѣглыхъ (1736 г.); П. С. З., IX, № 7117: указъ о пріемѣ особыми комиссарами, подчиненными Псковскому воеводѣ и губернаторамъ Новгородскому и Смоленскому, а въ Бѣлгородской и Кіевской губерніяхъ — самимъ губернаторамъ и воеводамъ жалобъ на обиды со стороны поляковъ и свѣдѣній о крестьянахъ, убѣгающихъ за рубежъ; П. С. З., XIV

Перехожу къ обычному кругу дѣйствій губернаторовъ и воеводъ въ области администраціи. Объѣзды ввѣренной управленію мѣстности, несомнѣнно, являются однимъ изъ лучшихъ способовъ ознакомиться съ ея нуждами. Законодательство XVIII вѣка предписываетъ такіе объѣзды только губернаторамъ, умалчивая о низшихъ инстанціяхъ. Наказъ 1728 года говоритъ о губернаторскихъ объѣздахъ глухо, наставленіе 1764 года устанавливаетъ для объѣздовъ и трехлѣтніе сроки[1]). Едва ли, однако, эти предписанія исполнялись особенно усердно; дѣлопроизводство провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій не даетъ, во всякомъ случаѣ, основаній считать губернаторскіе объѣзды частымъ явленіемъ.

Приводъ къ присягѣ новому государю и распубликованіе правительственныхъ распоряженій во ввѣренной имъ области было постоянной обязанностью всѣхъ мѣстныхъ властей. Вотъ, напримѣръ, какъ происходилъ приводъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II въ Клинской воеводской канцеляріи: присяга производилась съ 7 іюля по 4 августа 1762 года по особымъ присяжнымъ спискамъ, во главѣ которыхъ стоялъ весь персоналъ самой канцеляріи отъ воеводы до заплечнаго мастера и сторожей; далѣе слѣдовали дворяне, которыхъ, впрочемъ, оказалось очень немного (указъ о вольности дворянства еще не успѣлъ оказать своего дѣйствія), за дворянами заносились въ списки и люди податныхъ сословій; характерно, между прочимъ, что присягали и крѣпостные и дворовые; грамотные расписывались сами, за неграмотныхъ расписывались другіе[2]).

О всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, предназначенныхъ для общаго свѣдѣнія, центральная власть сообщала не всегда одинаковымъ порядкомъ: иногда это дѣлалось іерархическимъ путемъ черезъ губерніи, какъ это было предписано наказомъ 1728 года[3]); иногда, особенно позднѣе, послѣ того какъ самъ сенатъ указомъ 26 іюня 1730 года призналъ неудобство такой разсылки и разрѣшилъ разсылать указы въ нѣкоторыя провинціи[4]), указъ или манифестъ непосредственно сообщался не только губернаторамъ, но и всѣмъ воеводамъ, провинціальнымъ и городовымъ. Указъ 26 іюня 1730 года долженъ былъ вызвать и дальнѣйшія измѣненія въ порядкѣ сношеній областныхъ учрежденій между собою и съ высшими учрежденіями: 26-го декабря того же года сенатъ приказалъ, «въ какой силѣ въ провинціи и въ городы будутъ посыланы указы, о томъ

№ 10635: подъ вѣдѣніемъ Смоленскаго губернатора учреждаются двѣ пограничныхъ комиссіи для той же цѣли (1756 г.); П. С. З., XIII, № 10031: Смоленская губернская и Псковская провинціальныя канцеляріи должны содержать въ исправности форпосты на Польской границѣ (1752 г). Журналы Сената за 1737 г. I, 231: предписанія объ оборонѣ польской границы. Дѣла сената, кн. 146/362: дѣло о контрабандной торговлѣ Торопецкихъ купцовъ съ Литовскими городами П. С. З., IX, № 6982: Торопецкая воеводская канцелярія имѣетъ особый надзоръ за контрабандой (1733 г).

[1]) П. С. З., VIII, № 5333 ст. 50; XVI, № 12137, ст. 14.

[2]) Клинск. воев. канц., оп. 6, вяз. 9, д. 46/342.

[3]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 20.

[4]) П. С. З., VIII, № 5585.

для вѣдома посылать (копіи) и въ губернскія канцеляріи, тако жъ и объ исполненіи по тѣмъ указамъ рапортовать городовымъ воеводамъ въ провинціи, а провинціальнымъ въ губернскія канцеляріи»[1]). При увѣдомленіи областныхъ властей о распоряженіяхъ правительства не дѣлалось различія между распоряженіями и узаконеніями, имѣющими значеніе для цѣлаго края и имѣющими въ виду одну какую-нибудь группу лицъ или даже единичныя личности. Вотъ почему въ дѣлахъ глухихъ воеводскихъ канцелярій можно встрѣтить самые неожиданные указы,— напримѣръ, о пожалованіи М. Л. Воронцова или А. Г. Разумовскаго въ рейхсъ-графы или о повышеніи чиномъ какого-нибудь военнаго генерала. То, что не могло имѣть интереса для населенія, докладывалось въ «присудствіи», заносилось въ журналъ, а затѣмъ погружалось въ канцелярскую «архиву», едва ли сдѣлавшись извѣстнымъ за стѣнами даннаго учрежденія. Но относительно такихъ указовъ, которые имѣли значеніе для всего населенія, или такихъ, относительно которыхъ издавалось спеціальное распоряженіе ознакомить съ ними народъ, принимались особыя мѣры. Въ свое время я указывалъ, какъ было оповѣщено населеніе о совершившейся областной реформѣ 1727 года. Получивъ въ 1744 году высочайшій манифестъ объ обрученіи великаго князя Петра Θеодоровича съ великой княжной Екатериной Алексѣевной, Дмитровскій воевода распорядился «присланный указъ въ городѣ Дмитровѣ и въ уѣздѣ публиковать въ пристойныхъ мѣстахъ печатными листами»[2]), посредствомъ раздачи такихъ листовъ или прибивки ихъ на видномъ мѣстѣ на торжкахъ-ярмаркахъ въ праздничные дни. Объ указахъ о наборѣ рекрутовъ и лошадей для арміи населеніе увѣдомлялось слѣдующимъ образомъ: въ городахъ расклеивались печатныя объявленія, въ уѣздъ посылались изъ канцеляріи нарочные, которые должны были сообщить о содержаніи указовъ вотчинникамъ, ихъ управителямъ или сельскимъ выборнымъ; кромѣ того, священники должны были читать указы о наборѣ въ церквахъ «по вся воскресные и праздничные дни до окончанія набора»; наконецъ, указъ долженъ былъ быть прочитанъ на ярмаркахъ[3]). Такимъ же точно образомъ населеніе было извѣщено о третьей ревизіи[4]). Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ въ народѣ распространялись даже болѣе значительные по объему документы: въ Каргопольскомъ, напримѣръ, уѣздѣ по всѣмъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ было разослано въ свое время 649 экземпляровъ «Правды воли монаршей»[5]).

Какъ я уже имѣлъ случай сказать, разбирая наказъ 1728 года, государственная полиція не входила въ кругъ вѣдомства областныхъ властей; въ этой сферѣ онѣ были, по большей части, только исполнителями велѣній

---

[1]) П. С. З., VIII; № 5662.

[2]) Дмитровск. воев. канц., вяз. 2, д. 159; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 7, книга записная входящимъ указамъ.

[3]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 7, книга записная входящимъ указамъ.

[4]) П. С. З., XV, № 11364.

[5]) Каргопольск. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 284/20.

тайной канцеляріи. Разбирательство по важнѣйшимъ и наиболѣе частымъ государственнымъ преступленіямъ, начинавшимся съ пресловутаго «слова и дѣла», было сосредоточено цѣликомъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ: городовыя и провинціальныя учрежденія производили лишь первыя дознанія и допросы, послѣ чего должны были отсылать обвиняемыхъ въ столицу; при этомъ, если «слово и дѣло» было сказано ложно да еще, какъ это бывало особенно часто, въ пьяномъ видѣ, то-есть когда, иначе сказать, было очевидно, что никакого преступленія и не было совершено «и по слѣдствію никакой важности секрету подлежащей» не оказывалось, областныя власти имѣли право на основаніи особаго указа 1730 года прекратить дѣло, «учинивъ» неосторожному или не въ мѣру любящему выпить человѣку «пристойное наказаніе» батогами или плетьми съ возвращеніемъ его къ прежнимъ занятіямъ[1]).

Не особенно отличались отъ описаннаго сейчасъ порядка и отношенія губернскихъ канцелярій къ канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, до 1763 года. И губернская канцелярія въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ тайной канцеляріи, была послушнымъ орудіемъ послѣдней: на основаніи указа 1730 года она поступала совершенно такъ же, какъ и подчиненныя ей провинціальныя и воеводскія канцеляріи[2]); по другимъ, не подходившимъ подъ этотъ указъ, но все же незначительнымъ дѣламъ, ей поручались нѣкоторыя исполнительныя функціи; нижеслѣдующій примѣръ разъяснитъ сказанное. 30 мая 1739 года Московская губернская канцелярія «доношеніемъ» въ Московскую тайную контору «показала», что въ одной бумагѣ, присланной изъ Малоярославецкой воеводской канцеляріи, «явилась въ титулѣ Ея Императорскаго Величества нѣкоторая неисправность». Тайная контора предписала губернской канцеляріи допросить воеводу, подписавшаго бумагу. Воевода Ѳеодоръ Бокастовъ, арестованный по предписанію губернскаго начальства у себя въ воеводской канцеляріи, на допросѣ показалъ, что «означенная неисправность опискою подъяческою, а его Бокастова неусмотрѣніемъ, а тое копію по листамъ закрѣпилъ онъ Бокастовъ не прочтя, простотой, повѣря справѣ канцеляриста Дениса Климонтова». Результатомъ показаній воеводы былъ арестъ писца, писавшаго бумагу, и канцеляриста Климонтова, ея скрѣпившаго, и отправленіе ихъ въ Москву въ губернскую канцелярію. Когда послѣдняя донесла обо всемъ въ тайную контору, та велѣла Бокастова освободить, «а при свободѣ сказать еще указомъ

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5528 ст. 1 и 4. Фактическіе примѣры: Сѣвск. пров. канц., оп. 12, вяз. 1, д. 187. Кинешемск. воев. канц. оп. 7, в. 2, д. 454; Дмитровской воев. канц. вяз. 3, д. 354; Клинск. воев. канц. оп. 6, вяз. 3, д. 3,82. Отдѣленіе мелкихъ преступленій противъ Величества отъ наиболѣе важныхъ съ удержаніемъ только вторыхъ въ непосредственномъ вѣдѣніи канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ замѣчается и позднѣе; въ этомъ убѣждаетъ сохранившійся проектъ закона о порядкѣ суда по государственнымъ преступленіямъ. *Веретенниковъ*. Изъ исторіи тайной канцеляріи 1731—1762 г., Харьковъ 1911 г., стран. 62—67.

[2]) Моск. Губ. Канц., кн. 60, лл. 49—50, кн. 59, протоколъ 8 окт. 1837 г.

Ея Императорскаго Величества съ подпискою, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, что онъ впредь за собою и за приказными людьми въ письмѣ титула Ея Императорскаго Величества имѣлъ крѣпкое смотрѣніе»; писца и канцеляриста велѣно было разспросить «обстоятельно, съ очисткою и тѣ разспросы за ихъ руками прислать въ тайную контору немедленно»[1]). Тайная контора главенствуетъ надъ губернской канцеляріей, посылая ей указы; а та пишетъ ей доношенія, являясь ея исполнительнымъ органомъ.

Съ 1763 года, по уничтоженіи канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ, мѣсто ея занимаютъ учрежденныя при сенатѣ и Московской его конторѣ «тайныя экспедиціи», и, такимъ образомъ, вѣдомство бывшей тайной канцеляріи сливается съ вѣдомствомъ сената.

Говоря объ отношеніи областныхъ учрежденій къ государственной полиціи, нельзя умолчать объ одномъ экстренномъ порученіи, возложенномъ въ 40-хъ годахъ на областныя власти: я говорю о предпринятомъ при Елизаветѣ изъятіи изъ дѣлопроизводства указовъ времени Анны Леопольдовны, такъ называемыхъ дѣлъ «съ извѣстнымъ титуломъ». Нѣкоторыя воеводскія канцеляріи отнеслись къ этому порученію съ особымъ рвеніемъ. Такъ изъ Дмитровской воеводской канцеляріи, изъ церквей, и монастырей Дмитровскаго уѣзда и даже изъ частныхъ вотчинъ было отправлено въ сенатъ болѣе 200 документовъ[2]).

Въ области полиціи общей едва ли не важнѣйшею обязанностью областныхъ правителей было обезпеченіе общественной безопасности; вмѣстѣ съ тѣмъ, по реальнымъ условіямъ того времени, эту обязанность слѣдуетъ считать въ числѣ самыхъ трудныхъ. Уже наказъ 1728 года обращаетъ особенное вниманіе на эту сторону дѣятельности губернаторовъ и воеводъ[3]); напираетъ на нее и Екатерининское наставленіе губернаторамъ[4]). И это не было случайностью: отсутствіе общественной безопасности, грабежи и разбои были однимъ изъ величайшихъ золъ, отъ которыхъ Россія страдала и до и послѣ реформы Петра. Грабили непрерывно и повсюду; вотъ нѣсколько примѣровъ: въ 1727—1728 годахъ весь Бѣлозерскій край былъ наводненъ ворами и разбойниками; мѣстныя сельскія власти дѣлали, что могли, стараясь ловить разбойниковъ; пойманныхъ передавали въ Бѣлозерскую провинціальную канцелярію, гдѣ ихъ подвергали обычнымъ допросамъ и пыткамъ[5]). Въ тѣ же годы «въ Пензенской провинціи и въ другихъ тамошнихъ низовыхъ уѣздахъ явились воры и разбойники, которые, ѣздя многолюдствомъ съ огненнымъ ружьемъ, многія села

---

[1]) Моск. Губ. канц., вяз. 1661, д. 13.

[2]) Дмитр. воев. канц., вяз. 5, д. 159.

[3]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 15; объ общественной безопасности въ XVII вѣкѣ и объ обязанностяхъ воеводъ по борьбѣ съ разбоями, см. *Чичерина*, Областныя учрежденія, 184—187. Объ обязанностяхъ губернскихъ властей касательно общей полиціи, см. также *Блинова*, Губернаторы, 98—111.

[4]) П. С. З., ст. XVI, № 12137, ст. 9, 16, 17.

[5]) Бѣлозерск. пров. канц., оп. 20, в. 2, д. 7; оп. 21, в. 1, д. 3/16.

и деревни жгутъ и разоряютъ, а помѣщиковъ и крестьянъ мучатъ и до смерти побиваютъ, а пожитки ихъ и скотъ грабятъ». Указывался и центръ грабежей въ Пензенскомъ краѣ — ясачное село Торуево-Нарышкино, гдѣ собралось до 5000 человѣкъ, преимущественно, бѣглыхъ крестьянъ[1]). Нѣсколько лѣтъ спустя «въ кабинетѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно учинилось», что «въ Лиговой на приморскихъ дворахъ являются разбойники», при чемъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ никакой отъ нихъ защиты[2]) — разбои производились, слѣдовательно, у самыхъ воротъ новой столицы; одновременно жалобы на разбои доносились изъ Олонецкаго края[3]), а въ Кинешемскомъ уѣздѣ на берегу излюбленной разбойниками Волги, въ вотчинѣ поручика Бестужева-Рюмина, крестьяне «міромъ» рѣшили арестовать и выдать властямъ мѣстныхъ священника и дьячка, «корившихся» участіемъ въ воровствахъ и разбояхъ, «вышедъ на монастырь» послѣ обѣдни и такимъ образомъ выдавшихъ одинъ другого[4]). Столь же мало безопасны были и мѣстности близъ старой столицы: въ 40-хъ годахъ обрѣтавшійся въ Дмитровѣ у подушнаго сбора прапорщикъ Степанъ Батюшковъ, мѣстный помѣщикъ, жаловался на то, что бѣглый рекрутъ вотчины его сосѣда, «собрався съ жителями Калязинской Никольской слободы, грабятъ окрестныя села и даже похваляются его Батюшкова убить»[5]). Въ Елизаветинскую эпоху разбои не только уменьшились, но скорѣе увеличились; выколачиваніе недоимокъ въ 30-хъ годахъ, рекрутскіе наборы для турецкой войны при Аннѣ, вторая ревизія, развивавшаяся все далѣе и далѣе крѣпостная зависимость выводили большое количество крестьянъ и другихъ плательщиковъ подушной подати изъ устойчиваго осѣдлаго состоянія и заставляли ихъ въ бѣгствѣ искать спасенія отъ увеличивавшихся тягостей.

Ниже я привожу разсказъ о похожденіяхъ большой воровской шайки въ среднемъ Поволжьѣ и въ Суздальскомъ краѣ; онъ нѣсколько, быть-можетъ, длиненъ и однообразенъ, но зато этотъ разсказъ, почерпнутый изъ допроса поймапнаго члена шайки, краснорѣчиво рисуетъ, съ одной стороны, отчаянное положеніе бѣглыхъ рекрутовъ, солдатъ и крестьянъ, которымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только промышлять разбоями, а съ другой — не менѣе отчаянное положеніе не только помѣщиковъ, но и сельскаго духовенства и самихъ крестьянъ, остававшихся совершенно безъ защиты передъ разбойниками. Въ 1744 году разбойниками были ограблены вотчины камергера князя Хованскаго и генералъ-майора Шереметева въ Суздальскомъ и Юрьево-Польскомъ уѣздахъ. Одинъ изъ пойманныхъ разбойниковъ, бѣглый рекрутъ Василій Ѳедоровъ далъ слѣдующія безыскусственныя, но яркія показанія: «отъ роду ему 27 лѣтъ, крестьянинъ онъ былъ Нижегородскаго уѣзду, господъ

[1]) Сб. Р. И. О. LXXIX, 506.

[2]) Сб. Р. И. О. CVIII, 425 (1734 годъ).

[3]) Олонецк. воев. канц., оп. 1, вяз. 2, дѣло 14.

[4]) Кинешемск. воев. канц., оп. 6, в. 1, д. 255, л. 1—2.

[5]) Дмитр. воев. канц., вяз. 2, д. 170.

бароновъ Строгановыхъ деревни Монастырской, и тому съ 5 лѣтъ отданъ въ Нижегородской губернской канцеляріи въ рекрутные солдаты и въ вѣрной службѣ присягалъ, военной экзерциціи деревяннымъ ружьемъ обучался и съ того города съ такими жъ набранными рекруты высланъ въ Бѣлгородъ. И въ Нижегородскомъ уѣздѣ, прошедъ село Вязовку, въ незнаемой деревнѣ бѣжалъ и сошедъ жилъ на Сибирскихъ мѣдныхъ заводахъ. И въ прошломъ 744 году весною съ тѣхъ заводовъ его Ѳедорова и прочихъ бурлаковъ сослали, и онъ пошелъ на рѣку Усту и сошелся съ бурлаками Григорьемъ Котельницкимъ и пошли на рѣку Волгу и зашли въ деревню Фокину къ крестьянину Макару, чей сынъ не знаетъ, и въ то жъ время пришли къ нему жъ Макару бурлаки Ѳедотъ Тупенковъ, Григорій Маненькой, Василій Воробьевъ, Степанъ Коза, Василій Матушкинъ, Степанъ Шмаковъ, Иванъ Кнутъ, всего 9 человѣкъ, и, согласясь, пошли потому жъ на рѣку Волгу для разбоевъ».

«И будучи промежъ деревень Подожгина и Андреянова въ раменномъ лѣсу, нашли они воровъ 13 человѣкъ: Матвѣя Соколова, Аѳанасья, Семена Чернаго, Гаврила, Якова Судомойкина, Пуреховской волости Ѳедора Кошкодаева, села Ландеха Ѳедора Толстова, Хохломской волости Петра Семенова, Корельской волости Ивана, а другихъ какъ зовутъ и отколь, не знаетъ, и стало ихъ въ собраніи 22 человѣка, изъ которыхъ выбрали въ атаманы Матвѣя Соколова, въ есаулы Матвѣя Чернаго и пошли Бѣлогородской волости въ деревню Желѣзову и въ той деревнѣ отняли у незнаемыхъ двухъ крестьянъ двѣ винтовки, въ деревнѣ Лисиной у крестьянина Михайла Степанова фузею, у крестьянина жъ Ивана Шкуры пороху 6 зарядовъ и по подводу Ѳедора Толстова пришли въ село Кромы и разбили въ домѣ помѣщиковѣ приказчика, а разбоемъ взяли деньги и пожитки и, притомъ спрашивая еще денегъ и пожитковъ, приказчикову жену били плетьми. Да въ томъ же селѣ разбили попа, какъ его зовутъ, не знаетъ, а разбоемъ взяли только одни пожитки и, спрашивая у того попа денегъ, есаулъ Черный билъ его плетью. Изъ того села пришли въ село Катунки въ лѣсъ; тогда изъ товарищей ихъ Ѳедоръ Кошкодаевъ самъ-пятъ отъ нихъ отстали. А онъ Василій съ достальными по подводу есаула Семена Чернаго разбили въ незнаемомъ селѣ помѣщика, а разбоемъ взяли деньги и пожитки и серебряную посуду. И потомъ переѣхали на нагорную сторону рѣки Волги и разбили въ селѣ Никольскомъ попа и брали деньги и пожитки и, притомъ спрашивая еще денегъ и пожитковъ, оный Черной билъ дѣвку кулакомъ. И изъ того села пошли въ Ландеховскую волость и по подводу Ѳедора Толстова въ незнаемой деревнѣ разбили два двора крестьянскихъ и брали деньги и пожитки и ружья и пришли на рѣку Волгу и выше села Крестовъ отняли у рыбаковъ лодку, въ которой наѣхали на пловущій внизъ рѣки Волги на бревенной плотъ, на которомъ былъ села Катунокъ крестьянинъ Игнатій, чей сынъ, не упомнитъ, и по злобѣ такой, что онъ за ними гонялъ въ погоню, бивъ плетьми, отрѣзали ему ухо. И пріѣхавъ на Татарское Колѣно нашли на нихъ команды розыскныхъ дѣлъ солдатъ восемь человѣкъ и учинили съ ними бой и съ обѣихъ

сторонъ была изъ ружей стрѣльба, и какъ они разбойники ихъ солдатъ осилили и загнали въ рѣку Волгу, и притомъ изъ товарищей ихъ Гаврило Маненькой рѣченныхъ солдатъ кололъ рогатиной и отняли у нихъ 5 ружей со штыками, 5 палашей съ лядунки. И съ того Татарскаго Колѣна пошли къ селу Ландеху и, остановясь въ лѣсу, ограбили проѣзжихъ людей двухъ человѣкъ, у коихъ взяли деньги и пожитки. И пришедъ въ село Беклемишево, у крестьянъ пили пиво, которое брали изъ-подъ неволи и напився пьяные, вышедъ на улицу, стрѣляли изъ ружей, въ которой стрѣльбѣ убили изъ нихъ крестьянина одного человѣка до смерти, и послѣ того изъ товарищей ихъ Иванъ Соколовъ захворалъ и пошелъ въ домъ свой въ городъ Балахну; тогда для провожанія его съ ними пошли Ѳедотъ Тупенокъ, Нестеръ, Аѳанасій, и егда они Тупенокъ, Нестеръ, Аѳанасій возвратились, тогда объ немъ Соколовѣ извинились, что убили его до смерти и сняли съ него денегъ 60 рублевъ. И по подводу изъ нихъ разбойниковъ Ѳедора Толстова пошли въ деревню Симаково и разбили тамъ незнаемаго крестьянина, а разбоемъ взяли деньги и пожитки и притомъ, спрашивая еще денегъ и пожитковъ, хозяина жгли огнемъ и разбивъ пришли въ незнаемую жъ деревню и заставили крестьянина изъ-подъ неволи медъ изъ улья лазить и тотъ медъ ѣли и пили пиво. И будучи въ раменномъ лѣсу, Ѳедоръ Толстой написалъ письмо въ село Верхній Ландехъ къ крестьянину Гаврилѣ Наумову, чтобъ онъ выслалъ къ нимъ вина да денегъ 30 рублей, по которому письму принесли крестьяне 3 человѣка вина полъ-ведра и, выпивъ то вино, пошли мимо того села Ландеха, и въ то время изъ того села учинилась за ними погоня, и изъ нихъ Семенъ Черной зажегъ у крестьянина баню».

«И пришли Бѣлогородской волости въ деревню Букашеву къ крестьянину Ивану Хазу и пили вино, и товарищъ ихъ Котельницкой рѣченную деревню зажегъ, а они у того крестьянина забравъ пожитки пошли въ деревню Осиповку. Тогда попались встрѣчу идущіе въ село Пестяки цѣловальники 3 человѣка, какъ ихъ зовутъ, не знаетъ, у которыхъ взяли грабежемъ 2 перстня серебряные, да въ то жъ время ограбили ѣдущаго изъ села Катунокъ серебряка, а грабежомъ взяли только имѣющія при немъ пожитки. И будучи близъ мельницы Симачихи Ѳедотъ Тупенокъ завылъ по-волчьи, на который его голосъ пришли къ нимъ Сибирякъ Осипъ Полетаевъ, Степанъ Крутоженка, Иванъ Бѣлой, Иванъ Черной, Ѳедоръ Кошкодаевъ, Логинъ Ивановъ, а другихъ, какъ зовутъ и отколь — не знаетъ, и всего ихъ стало 39 человѣкъ. Пошли подъ Калушкину пустынь и на дорогѣ нашли они еще на воровскую станицу на 7 человѣкъ, въ томъ числѣ Григорій Малина, Семенъ Кривой, Кондратій Хохломской, Григорій Большой, Григорій Маненькой, бѣглый солдатъ Петръ, и всего ихъ собралось 46 человѣкъ, изъ которыхъ выбрали въ атаманы Осипа Полетаева, въ есаулы Ивана Шарона, въ старосты Ивана Кнута, въ деньщики его Василья, въ огневщики Степана Крутоженку, Михайла Поляну и пошли въ село Пестяки и часа за 3 до ночи въ то село пришли и атаманъ развелъ изъ нихъ для караулу 15 человѣкъ, а онъ Василій съ нимъ ата-

маномъ и съ достальными товарищи пошли на помѣщиковъ дворъ и по крестьянскимъ дворамъ; тогда Пестяковскіе крестьяне, собрався, до разбою ихъ не допускали и съ ними дрались и съ обѣихъ сторонъ была изъ ружей стрѣльба и изъ нихъ разбойниковъ крестьяне 2 человѣкъ пострѣлили, а они изъ тѣхъ крестьянъ сколько побили и поранили — неизвѣстно; и какъ они ихъ крестьянъ осилили, въ помѣщиковомъ домѣ въ горницахъ и въ амбарахъ взяли денегъ въ 3 мѣшкахъ съ 400 рублей, а у крестьянъ брали товарищи его многіе пожитки и деньги, а что чего порознь, не упомнитъ, и взявъ съ крестьянскаго двора 2 лошадей съ телѣгами и взятыя деньги и пожитки и раненыхъ товарищей положа на телѣгу пошли въ раменной лѣсъ и подлѣ помѣщикова двора зажгли одинъ крестьянскій дворъ и пріѣхавъ раненыхъ товарищей своихъ въ томъ лѣсу сложа оставили, а взятыя деньги и пожитки поклали въ сумы, а лошадей съ телѣги оставили въ томъ лѣсу, а сами пошли за Калушкину пустынь, взятыя деньги и пожитки раздѣлили. И пошли на Татарское Колѣно и изъ нихъ 10 человѣкъ пошли невѣдомо куда и они взяли съ идущихъ струговъ 3 лодки, поѣхали Сокольской волости въ село Воскресенское и разбили домъ помѣщиковъ и въ немъ приказчика, какъ зовутъ, не знаетъ, потому что онъ тогда былъ у крестьянина Волкова на дворѣ для разбою жъ; и того приказчика и домашнихъ товарищи били ль и мучили, того не слыхалъ; а у крестьянина Волкова въ небытность его взяли денегъ одинъ мѣшокъ съ пятикопѣешниками и денежками и сыпали по улицѣ и спрашивая еще денегъ жену его Волкова жгли огнемъ, а что у него Волкова пожитковъ взяли, не извѣстенъ, для того что взятыя у приказчика деньги и пожитки, шлафоры, балахоны и серебряную посуду и что ни было, положили обще съ его Волковыми пожитки жъ; и взявъ приказчика съ женою, посадили въ коляску и повезли къ оставшимъ своимъ лодкамъ, дабы за ними погони не было; и по пріѣздѣ, посадя приказчика съ собою въ тѣ оставшія лодки и жену его оставили на берегу и отъѣхавъ версты съ 2 на низъ Волги, его приказчика высадили на берегъ, а сами отплывъ версты съ 4, приставъ къ берегу, взятыя деньги и пожитки раздѣлили по себѣ и потомъ разошлись всѣ врознь»[1]).

Нападенія разбойниковъ на Волгѣ и погони за ними были явленіемъ чуть ли не обыденнымъ; на великой русской рѣкѣ часто слышались не только ружейные выстрѣлы, но и пушечные залпы, при чемъ не всегда можно было отличить настоящихъ разбойниковъ отъ людей, вооруженныхъ для своей защиты[2]). Грабили не одни крестьяне, бѣглые солдаты, рекруты, тюремные сидѣльцы и разные бурлаки, грабили и представители господствующаго сословія. Пушкинскій Дубровскій — не романтическій вымыселъ великаго поэта; это отголосокъ дѣйствительной жизни, все различіе котораго отъ его оригиналовъ заключается въ томъ, что Дуб-

[1]) Дѣла Сената, кн. 120/336, д. 4, лл. 9—13.

[2]) П. С. З., XIV, № 10171; XIV, № 10571: шайка разбойниковъ въ 80 человѣкъ при 6 пушкахъ хозяйничаетъ по Окѣ, Волгѣ, между Муромомъ, Нижнимъ и Казанью и разбиваетъ высланную противъ нихъ команду.

ровскій разбойничалъ изъ благородной мести, а большинство дворянъ-разбойниковъ XVIII вѣка грабили изъ корыстныхъ цѣлей или пьянаго безобразія. Извѣстны легендарные подвиги внуковъ Петровскаго генералъ-полицеймейстера, графовъ Девіеровъ, наполнявшихъ ужасомъ Воронежскую и Бѣлгородскую губерніи[1]). Но разбои Девіеровъ были, дѣйствительно, исключительнымъ явленіемъ, чаще встрѣчались дворянскіе разбойники болѣе мелкаго характера, въ родѣ слѣдующихъ. Въ 1743 году въ Московскомъ сыскномъ приказѣ «Донского монастыря слуга Зацѣпляевъ съ товарищи въ разспросѣ съ пытки показали: собрався на квартирѣ л.-гв. Семеновскаго полка у солдата Роднева, лейбъ-компаніи гренадеръ Тѣлеснинъ да онъ жъ Зацѣпляевъ съ товарищи, всего десять человѣкъ, ѣздили за Калужскія ворота въ два дома ко вдовѣ Алмащиковой, да къ купецкому человѣку Купреянову для разбою, гдѣ бы достать денегъ и серебра»[2]). Генералъ-полицеймейстеръ Татищевъ доносилъ Елизаветѣ Петровнѣ, что въ Москвѣ генералъ-майоръ Шепелевъ въ противность указамъ учинилъ слѣдующее: дворянина Вострякова, зазвавъ къ себѣ въ домъ и державъ въ чѣпи 3 дня и бивъ плетьми, вымучилъ у него крѣпость на землю его въ Чернскомъ уѣздѣ, а у Московскаго купца Киседьникова отнялъ въ Китаѣ-городѣ близъ рядовъ лошадь съ уборомъ, да денегъ 1000 рублей[3]). Если такія дѣла были мыслимы въ столицѣ, то понятно, что могло происходить въ провинціи. Въ концѣ 40-хъ годовъ Рязанскіе помѣщики, братья Ракитины, подпоручикъ, сержантъ и каптенармусъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, находясь дома въ отпуску, нападали на сосѣднія селенія, наѣзжая на нихъ во главѣ цѣлыхъ отрядовъ своихъ дворовыхъ и крестьянъ; явившись въ домъ Зарайскаго подъячаго съ приписью, избили находившагося тамъ откупщика питейныхъ сборовъ Рюмина плетьми, дубинами и «топтунками», таскали за волосы «ругательски, смертельнымъ боемъ»; они же ограбили ѣхавшаго изъ Москвы въ Рязань Преображенскаго полка капитанъ-поручика князя Щетинина, избили его жену, тещу и бывшихъ съ нимъ людей, завезли къ себѣ «аки бы въ полонъ и говорили женѣ и тещѣ всякія грубыя слова и насмѣхаясь низкими до земли поклонами, аки бы прося о своихъ поступкахъ прощенія». Щетинины, которыхъ Ракитины отпустили на слѣдующій день «истрезвяся», сами признавались, что отдѣлались дешево, только потому что подпоручикъ Измайловскаго полка Ракитинъ узналъ капитанъ-поручика Преображенскаго полка князя Щетинина[4]). Къ такимъ же грабежамъ и разбоямъ приводили сосѣдскія ссоры и распри. Лѣтъ десять спустя послѣ безобразій Ракитиныхъ разыгралась ссора между Владимирскими помѣщиками, титулярнымъ совѣтникомъ и подполковникомъ Зубовыми съ одной стороны, и ротмистромъ л.-гв. коннаго полка Анненковымъ — съ другой, во время которой первые совершили разбойническій наѣздъ на своего

---

[1]) Pr. P. Dolgoroukov. Mémoires, I, 273–274.
[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 169, ч. 2.
[3]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 555.
[4]) Гос. Арх., разр. XXII, д. 36.

врага, разстрѣляли иконы, ограбили пожитки и увезли самого Анненкова въ плѣнъ; а этотъ послѣдній, напавъ на Зубовыхъ, отнялъ у нихъ хлѣбъ и сѣно и даже убилъ нѣсколькихъ крестьянъ[1]).

Время шло, а разбои всякаго рода не уменьшались, несмотря на то, что центральное правительство и сама верховная власть обращали особенное вниманіе на эту серіозную болѣзнь страны[2]). Дворянскіе наказы 1767 года изобилуютъ жалобами на отсутствіе безопасности въ уѣздахъ и требованіями устранить вопіющее зло[3]). Это зло чувствовалось всѣми и всюду, но ни труды комиссіи, ни позднѣйшія мѣры правительства не искоренили повсемѣстнаго воровства и разбоевъ. Въ концѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ шайки воровъ и разбойниковъ попрежнему бродили по Нижегородскому краю, грабя крестьянъ и помѣщиковъ[4]). Въ 1773 году изъ села Грязовца были доставлены въ Вологду пойманные разбойники; изъ дѣла, возникшаго по этому поводу, выяснилось, что цѣлыя партіи воровъ разгуливали по южной части Вологодскаго уѣзда; въ слѣдующемъ году Вологодскій помѣщикъ флота капитанъ Арсеньевъ доносилъ, что «августа противъ 30-го числа 1774 года, пришедъ къ нему невѣдомые люди въ ночное время человѣкъ до 15 въ сѣнныя двери и вошедъ въ горницу и имѣющіяся разныя у меня пожитки, какъ мужское, такъ и женское платье и посуду разграбили и унесли и сожгли крѣпости, долговыя письма и данныя отъ канцеляріи крестьянамъ письма», всего у Арсеньева было похищено на 365 рублей[5]). Въ 1775 году разбойники разграбили Флорищеву пустынь[6]). Примѣровъ грабежей и разбоевъ можно было бы приводить безъ счету, такъ много ихъ было какъ послѣ Петра такъ и въ первую половину царствованія Екатерины II[7]).

Конецъ изучаемой эпохи не видѣлъ водворенія безопасности по градамъ и весямъ обширной имперіи, и уже это одно свидѣтельствуетъ, что средствъ, предпринимаемыхъ противъ этого зла, было недостаточно для его искорененія. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ и какими средствами участвовала областная власть въ борьбѣ съ разбоями; это въ особенности интересно для оцѣнки ея административной дѣятельности вообще,

---

[1]) Сен. Арх., XIV, 43—49.

[2]) Въ этомъ убѣждаютъ донесенія по дѣламъ сыска разбойниковъ въ кабинетѣ императрицы Елизаветы. Гос. Арх., разр., XXII, д. 7.

[3]) Сб. Р. И. О., IV, 459—478 (Кашинъ); VIII, 498 (Переясл.-Залѣсск.); VIII, 551, (Владиміръ) XIV, 254, 260, 328, 332, 339, 351, 354 (Новгородскія пятины): XIV, 265 (Опочка); XIV, 294—303 (Ржева-Пустая) XIV, 376—381, (Псковъ); XIV, 489 (Галичъ); LXVIII. 13—14 (Пенза); LXVIII 37 (Свіяжскъ); LXVIII, 417—418 (Козловъ); LXVIII, 468—471, (Ефремовъ); LXVIII, 572—573, (Валуйки).

[4]) Ардатов. у. суда, оп. 2, вяз. 3, д. 44.

[5]) Грязовец. у. суда, оп. 13, дд. 2/25; 4/74 (подобнаго рода дѣла переданы были въ Грязовецкій уѣздн. судъ, учрежденный въ 1780 г. изъ Вологодской пров. канцеляріи).

[6]) Гороховец. воев. канц. оп. 2, вяз. 10, дѣло 29.

[7]) Фактическіе примѣры отсутствія общественной безопасности см. у *Соловьева*, IV, т. XX, 1442; V, т. XXIII, 789, 822, 1178.

потому что въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, областные правители могли проявить инициативу и энергію.

Еще ранѣе наступленія интересующаго насъ полувѣка русской исторіи правительство выработало три способа борьбы съ ворами и разбойниками; это было привлеченіе къ этой борьбѣ принудительными, конечно, мѣрами самого нуждавшагося въ безопасности населенія, помѣщиковъ и крестьянъ; понужденіе мѣстныхъ властей активно искоренять разбои имѣвшимися въ ихъ распоряженіи небольшими военными отрядами и, наконецъ, посылка отдѣльныхъ военныхъ командъ подъ начальствомъ сыщиковъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ воеводъ. Чтобы выяснить себѣ особенности этой борьбы и степень участія въ ней областныхъ властей, слѣдуетъ прежде всего понять ея характеръ. Противъ кого велась борьба? Уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ можно видѣть, что большинство воровъ и разбойниковъ были всякаго рода бѣглые, т.-е. люди, выброшенные изъ общественнаго уклада и принужденные силою брать то, въ чемъ имъ отказывало исключившее ихъ изъ своей среды общество; меньшинство были худшіе представители господствующаго сословія, сознательно пользовавшіеся силой въ своихъ корыстныхъ интересахъ. Борьба съ этими послѣдними затруднялась тѣмъ, что почти всегда у дворянъ-разбойниковъ находились покровители; областныя власти, задаренныя грабителями или боясь ихъ, оставались очень часто инертными зрителями совершаемыхъ безобразій[1]); бывали случаи, что воеводы не могли или не смѣли справиться съ простымъ самоуправствомъ, въ родѣ порубки лѣса, захвата луга и т. п.[2]); кромѣ того, и постепенно развивавшееся въ теченіе XVIII вѣка дворянское могущество, матеріальное и политическое, было, при отсутствіи большого культурнаго прогресса, препятствіемъ по пути къ прекращенію дворянскихъ разбоевъ. Еще менѣе благопріятными были общія условія для борьбы съ протестомъ низшихъ классовъ. Я говорилъ, что къ Елизаветинскому времени число разбойническихъ шаекъ какъ-будто еще увеличилось. Рекрутскіе наборы во время семилѣтней войны и турецкой войны 1768—1774 годовъ и дальнѣйшее развитіе крѣпостного права при Елизаветѣ и Екатеринѣ II — достаточно важныя причины, почему число бѣглыхъ всякаго рода и званія, изъ которыхъ вербовались шайки воровъ, не могло уменьшиться. Борьба съ разбоями была лишь однимъ изъ видовъ борьбы съ бѣглыми, которую правительство упорно вело съ XVI вѣка до реформы 19-го февраля[3]). Полной побѣды оно не одержало до самаго конца, потому что нельзя было осилить бѣдствія, пока не были устранены причины, его порождавшія.

Но были и другія, болѣе частныя причины, вліявшія на тотъ же неуспѣхъ. Бороться съ разбоями должно было само населеніе; оно при-

---

1) *Грибовскій*, Матеріалы, № 10.

2) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 53.

3) Объ этой борьбѣ см. мою статью: «Изъ исторіи передвиженій населенія въ XVIII вѣкѣ». Чтенія Об. Ист. и Др. Р. 1908, кн. 1.

зывалось къ этому указами, за исполненіемъ которыхъ должны были смотрѣть мѣстныя власти. Содержаніе этихъ указовъ, исходившихъ отъ центральныхъ и отъ самихъ областныхъ властей, было очень однообразно: «помѣщики и вотчинники, а въ небытность ихъ, приказчики и старосты и выборные и дворцовыхъ и синодальнаго вѣдомства управители, старосты и выборные жъ», должны были «накрѣпко смотрѣть, дабы нигдѣ въ селахъ ихъ и деревняхъ воровъ и разбойниковъ, тако жъ бѣглыхъ солдатъ и драгунъ и рекрутъ и ничьихъ бѣглыхъ же людей и крестьянъ не было», а если таковые оказывались, то предписывалось доносить о нихъ губернаторамъ и воеводамъ и помогать ихъ ловить[1]). Дѣйствительно, можно указать случаи, когда населеніе, выведенное изъ терпѣнія разбойниками, выдавало ихъ начальству; но разбойники были все же ближе этому населенію, чѣмъ начальство; если разбойники обращали преимущественное вниманіе на помѣщиковъ и щадили крестьянъ, то они часто были друзьями послѣднихъ; даже разбойники, подобные тому, показанія котораго я привелъ, не жалѣвшіе и своего брата крестьянина, терроризуя населеніе, заставляли его помогать себѣ. Наконецъ, почти всѣ разбойники имѣли свою агентуру, которая извѣщала ихъ о предпринимаемыхъ противъ нихъ мѣрахъ и облегчала имъ путь къ спасенію. Первый способъ борьбы сулилъ мало успѣха; и какъ бы ни былъ энергиченъ губернаторъ или воевода, но этимъ способомъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не достигалъ цѣли.

Немногаго онъ достигалъ и ведя активную борьбу съ разбойниками. Указовъ, понуждавшихъ воеводъ къ искорененію разбоевъ и разбойниковъ, къ поимкѣ бѣглыхъ солдатъ и крѣпостныхъ, издавалось также не мало, объ этомъ же говорила и воеводская инструкція 1728 года[2]); и эти указы исходили изъ разныхъ источниковъ, начиная отъ верховной власти до старшихъ мѣстныхъ властей; они призывали ихъ самихъ сыскивать «разбойническія компаніи», содѣйствовать посланнымъ для этого спеціальнымъ отрядамъ, устанавливали различные болѣе короткіе и усовершенствованные способы слѣдствія и суда надъ пойманными разбойниками и бѣглыми[3]). Но на помощь населенія въ борьбѣ съ разбойниками власти не могли положиться, а своихъ вооруженныхъ силъ у нихъ было мало; я не говорю уже о воеводахъ съ ихъ маленькими командами для разсылокъ и для сбора подушныхъ, но что могъ сдѣлать даже губернаторъ со своимъ гарнизоннымъ полкомъ, если разбойниками была полна вся его губернія?

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5335; указъ этотъ относится къ 1728 году; аналогичные указы 70-хъ гг. — см. Ардатов. у. суда, оп. 2, в. 3, д. 44, л. 1—2; Галицк. пров. канц., оп. 6, вяз. 2, д. 44, л. 2.

[2]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 15

[3]) П. С. З., VIII, № 5495 (1730 г.); 2 (1732 г.); 6060 (1732 г.); 6189 (1732 г.); X, № 7845 (1739 г.); XI. № 8031 (1740 г.); XVI, № 11760 (1763 г.); Сб. Р. И. Об. CVIII, стран. 434 (1734 г.); т. CXI, стран. 187 (1735 г.); Клин. воев. канц., оп. 9. вяз., 1, указъ 1728 № 131 (о принятіи отъ полковъ пойманныхъ воровъ), Гдовск. воев. канц., оп. 2, вяз. 2, д. 54; в. 9, д. 428. Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз, 41—50 оп. 6, вяз. 3, д. 3/82.

И здѣсь энергія губернаторовъ и воеводъ, если таковая даже и была налицо, сталкивалась съ ихъ фактическимъ безсиліемъ. Это понимало и само центральное правительство, которое неоднократно прибѣгало къ третьему способу борьбы съ разбоями, посылая отдѣльныя военныя команды, дѣйствовавшія независимо отъ губернаторовъ и воеводъ и имъ не подчиненныя. Такія команды посылались еще при Петрѣ въ 1719 году и въ 1724 году; отдѣльныя команды были вновь посланы въ 1728 году и вторично въ 1744 году и снова въ 1756 году[1]); съ этого времени до 1762 года въ каждой губерніи дѣйствуетъ независимо отъ губернатора главный сыщикъ со своей военной командой; въ 1762 году сыщики отзываются, и искорененіе воровъ и разбойниковъ опять возлагается на губернаторовъ и воеводъ[2]). Впослѣдствіи мнѣ придется подробно изслѣдовать взаимныя отношенія губернаторовъ и воеводъ, съ одной стороны, сыщиковъ и ихъ командъ — съ другой; что же касается результатовъ дѣятельности тѣхъ и другихъ, то жалобы наказовъ 1767 года и не прекращавшіеся въ 70-хъ годахъ разбои ясно показываютъ, что борьба съ разбоями какъ обычныхъ органовъ областного управленія, такъ и экстренныхъ органовъ, учреждавшихся для этой цѣли правительствомъ, оказывалась совершенно безуспѣшной. Всѣ областные правители отъ губернаторовъ до городовыхъ воеводъ оказывались здѣсь равно неудачливыми, потому что разница въ средствахъ тѣхъ и другихъ была совершенно ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ народнымъ бѣдствіемъ, съ которымъ всѣ они должны были бороться.

Кромѣ разбойниковъ существовало множество бѣглыхъ, смирныхъ, робкихъ людей, не нападавшихъ, но прятавшихся и уклонявшихся. Поимка такихъ людей и передача ихъ прежнимъ владѣльцамъ являются постоянной обязанностью и дѣйствительно постояннымъ занятіемъ всѣхъ областныхъ властей безъ различія ранговъ[3]).

Къ борьбѣ съ разбойниками и ворами, къ борьбѣ съ бѣглыми, какого бы вида и названія они ни были, примыкаетъ другая отрасль дѣятельности областныхъ правителей, состоявшая въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы каждый житель управляемой ими области обязательно принадлежалъ къ опредѣленной и закономъ установленной сословной группѣ. Борьба съ вольными гулящими людьми, борьба со всѣми уклоняющимися отъ подушнаго оклада началась съ самаго момента введенія подушной подати въ 1724 году. Эта борьба, возложенная на областныхъ правителей, была позднѣе регламентирована указами 21 сентября 1736 года и 9 сентября 1737 года и, наконецъ, манифестомъ 26 ноября того же года, повелѣвавшимъ губернаторамъ и провинціальнымъ воеводамъ, «явльшихся между разночинцами всякаго званія дворцовыхъ, синодальныхъ

---

[1]) Сб. Р. И. О., т. LXXIX, стран. 506; П. С. З., XII, № 9026, XIV, № 10650.

[2]) П. С. З., XV, № 11573, XVI. № 11672.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 1, в. 41, д. 2, 20, 34, 76, 80, 84; Гдов. в. к. оп. 2, вяз. 2, д. 54. вяз. 9, д. 428. Моск. губ. канц., книги 59—232. Воеводскій наказъ 1728 г., П. С. З., VIII, № 7333, ст. 47.

и монастырскихъ крестьянъ и помѣщиковыхъ людей и крестьянъ, не положенныхъ въ подушный окладъ», въ службу не брать, какъ это предписывали предыдущіе указы, но переписывать ихъ особо и затѣмъ возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ[1]). Разумѣется, ни этотъ манифестъ, ни всякія другія законодательныя мѣры не уничтожили уклонявшихся отъ подушнаго оклада и вольныхъ гулящихъ людей. Какъ это хорошо извѣстно и какъ я уже неоднократно имѣлъ случай указывать, реальныя условія жизни низшихъ классовъ населенія были таковы, что стремленіе къ уклоненію отъ тяготы крѣпостной зависимости, подушной подати и рекрутской повинности не могло быть искоренено законодательными мѣрами; наконецъ, могли быть и такіе единичные случаи, когда люди противъ своей воли оказывались въ числѣ неплательщиковъ подушной подати и сами добровольно искали записки въ окладъ. Характерно, что манифестъ 1737 года обязанность записывать въ подушный окладъ возлагаетъ только на губернаторовъ и на провинціальныхъ воеводъ; на самомъ же дѣлѣ записывали и городовые воеводы. Нижеслѣдующій случай иллюстрируетъ эти функціи воеводъ, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какими невольными неплательщиками подушныхъ приходилось имѣть дѣло административной практикѣ. 21 февраля 1761 года Каргопольскому воеводѣ Кочеткову подала прошеніе жена сержанта Мавра Щербакова. Кормясь своею работою въ различныхъ мѣстахъ, она «прижила блудно съ невѣдомымъ человѣкомъ» сына Петра, которому въ данный моментъ было 8 лѣтъ. Годъ спустя послѣ рожденія ребенка она вышла замужъ за сержанта Щербакова, который, однако, въ 1760 году «сшелъ въ Санктпетербургъ для пропитанья», бросивъ ее съ сыномъ. Съ уходомъ мужа для Щербаковой начались бѣдствія; съ сыномъ, никуда не записаннымъ, ее никто ни въ Каргопольскомъ ни въ Олонецкомъ уѣздахъ не держалъ, вслѣдствіе чего, говоритъ далѣе въ своемъ прошеніи Щербакова, «нынѣ пришла я въ Каргополь и онаго сына моего являю при семъ доношеніи и прошу объ учиненіи въ причисленіе сына моего Петра, куда по указамъ Ея Императорскаго Величества слѣдственно». Воевода допросилъ Щербакову и освидѣтельствовалъ ея сына; 28-го февраля въ журналѣ воеводской канцеляріи записано: «приказали прижитаго блудно Петра за малолѣтствомъ отдать на воспитаніе въ вотчину Каргопольскаго Спасова монастыря (мать его была крестьянкой этой вотчины) съ такимъ обязательствомъ, чтобы его Петра при будущей ревизіи къ положенію въ подушный окладъ объявить неотмѣнно»[2]).

Удостовѣреніемъ личности, доказательствомъ того, что данное лицо дѣйствительно принадлежитъ къ опредѣленной группѣ населенія, служилъ паспортъ; человѣкъ безъ паспорта считался бѣглымъ, подвергался допросу, имѣвшему цѣлью установить его истинное званіе и возвратить его въ нормальныя условія службы государству и исполненія сословныхъ повинностей. Выдача паспортовъ была постоянной обязанностью област-

[1]) П. С. З., т. IX, № 7064 т. X, №№ 7366, 7438.

[2]) Каргоп. воев. канц. оп. 3, вяз. 43, д. 383/764.

ного правителя; правда, дворянинъ жилъ, большею частью, по документу, выданному изъ того учрежденія, гдѣ онъ служилъ; посадскій получалъ паспортъ изъ ратуши или магистрата; но крѣпостной и дворовый человѣкъ могъ получить паспортъ отъ своего помѣщика только для проживанія въ предѣлахъ не далѣе 30 верстъ отъ «двора». Въ каждомъ случаѣ болѣе далекаго передвиженія сельскій тяглецъ долженъ былъ запастись особымъ видомъ, который при Петрѣ выдавали ему земскій комиссаръ и полковникъ изъ штабнаго двора, а потомъ съ 1727 года губернаторы и воеводы[1]). Въ особыхъ случаяхъ губернаторъ, воевода, даже воевода пригорода выдавали паспорта и лицамъ изъ другихъ группъ населенія: такъ въ 1756 году у двухъ братьевъ, купцовъ изъ Брянска, торговавшихъ въ Псковскомъ краѣ, былъ одинъ общій паспортъ; гдѣ-то на дорогѣ на нихъ напали разбойники, одного изъ нихъ убили и паспортъ похитили. Оставшійся въ живыхъ билъ челомъ въ Гдовской воеводской канцеляріи о выдачѣ ему паспорта на годъ «для сбору долговыхъ денегъ». Это ходатайство было удовлетворено[2]). Заграничныя поѣздки были въ XVIII вѣкѣ дѣломъ не легкимъ и не частымъ; однако, въ интересахъ торговли, по доношенію коммерцъ-коллегіи сенатъ въ 1737 году разрѣшилъ отъѣзжающимъ за рубежъ русскимъ людямъ, если на нихъ нѣтъ доимокъ и челобитій въ долгахъ и если товары, которые они везутъ, явлены въ таможнѣ, выдавать паспорты «тѣхъ городовъ губернаторамъ и провинціальнымъ воеводамъ безъ всякой остановки»[3]). На городовыхъ воеводъ это право не распространялось. Разрѣшеніе это могло касаться, конечно, только областей по западной границѣ; для внутреннихъ областей оно имѣло мало значенія.

Пойманные бѣглые составляли едва ли не самое большое число арестантовъ или, какъ тогда говорили, «колодниковъ», постоянно, а иногда и въ большомъ количествѣ содержавшихся при областныхъ канцеляріяхъ всѣхъ органовъ; надзоръ за тюрьмами, лежавшій, конечно, на мѣстной власти, осуществлялся посредствомъ сторожей и командъ разсыльщиковъ; содержаніе колодниковъ, выпускаемыхъ подъ конвоемъ для собиранія милостыни, не стоило ничего; но пересылка ихъ изъ одного города въ другой, неизбѣжная при тогдашней судебной волокитѣ и при необходимости постоянно водворять бѣглыхъ на ихъ мѣста жительства, — пересылать по этапу, какъ сказали бы въ наше время, — была предметомъ постоянныхъ заботъ губернаторовъ и воеводъ: надо было нарядить конвой,

[1]) П. С. З., VII №№ 4533, 4534, 4827. Для записи выданныхъ паспортовъ существовали въ каждой канцеляріи особыя книги и за записку каждаго паспорта бралась пошлина въ размѣрѣ 4 коп.: примѣры: Клинск. воев. канц. оп. 1, вяз. 1—40; Болхов. воев. канц., оп. 3, вяз. 1; Алатырск. пров. канц. оп. 2, в. 1 и слѣд. Моск. губ. канц., кн. 259—273. Этого рода документы можно найти въ дѣлахъ всѣхъ областныхъ учрежденій.

[2]) Гдовск. воев. канц. оп. 4, вяз. 3, дѣло 286.

[3]) П. С. З., X, № 7457.

а если нужно, и подводы, уплатить за нихъ по установленной таксѣ и все это облечь въ должную канцелярскую форму[1]).

На обязанности областныхъ властей лежало также производство столь частыхъ въ XVIII вѣкѣ публичныхъ наказаній; о томъ, какіе порядки существовали при подобныхъ наказаніяхъ, можно судить по указу, изданному Екатериной II въ 1768 году: для держанія присужденныхъ къ наказанію «ловятся насильно изъ зрителей подлые разнаго состоянія люди, не только солдатами и десятскими но и палачами, не дѣлая иногда отличія и самаго честнаго состоянія людямъ, хотя и подлымъ». Запрещая подобные поступки, Екатерина предписываетъ «употреблять къ сей должности подобныхъ наказываемому преступниковъ и осужденныхъ колодниковъ»[2]).

Борьба съ корчемствомъ, незаконнымъ куреніемъ и продажей вина, составлявшаго предметъ государственной регаліи, въ теченіе всего изучаемаго времени, было также постоянной обязанностью областныхъ правителей. Насколько большое значеніе придавало правительство искорененію злоупотребленій въ питейномъ дѣлѣ, видно изъ того, что съ 1751 года это дѣло было передано въ руки особыхъ учрежденій — корчемной канцеляріи и корчемныхъ конторъ[3]). Корчемной канцеляріи, учрежденной въ Москвѣ и находившейся въ вѣдѣніи Камеръ-коллегіи были подчинены губернскія корчемныя конторы, которыя должны были «представлять ей о корчемныхъ дѣлахъ и резолюціи требовать». Губернскія корчемныя конторы въ свою очередь состояли въ вѣдомствѣ губернскихъ властей и вмѣстѣ съ послѣдними разсматривали дѣла о корчемствѣ. Въ провинціяхъ и уѣздахъ борьба съ корчемствомъ по прежнему лежала на воеводахъ, которые «въ сумнительствахъ» переносили дѣла въ общее присутствіе корчемныхъ конторъ и губернскихъ властей. Высшей инстанціей по корчемнымъ дѣламъ была Московская корчемная канцелярія. Такимъ образомъ, для искорененія корчемства была создана особая система учрежденій, частью дѣйствовавшихъ въ связи съ общимъ областнымъ управленіемъ, частью отъ него не зависимыхъ[4]). О самостоятельныхъ ихъ дѣйствіяхъ мнѣ придется, такъ же какъ и о командахъ для сыску воровъ и разбойниковъ, говорить особо. Во всякомъ случаѣ губернаторы съ воеводами не оставались безъ участія въ борьбѣ государства съ корчемствомъ, не только до появленія спеціальныхъ учрежденій, но и во все время ихъ существованія. Сошлюсь въ подтвержденіе на указы 21 сентября и 25 декабря 1751 года[5]), предписывавшіе губернаторамъ и воеводамъ слѣдить за корчемствомъ и доносить обо всемъ въ сенатъ и камеръ-коллегію, на указъ 1754 года, строго напоминающій

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 41; протоколы № 11, 12, 30, 52; Моск. губ. канц., кн. 59—232.

[2]) П. С. З., XVIII. № 13108; Дѣла сената, кн. 120/336, л. 27.

[3]) П. С. З., XIII, №№ 9741, 9806, 9815, 9838, 9907.

[4]) П. С. З. XIII, № 9838.

[5]) П. С. З. XIII, № 9697, ук. 15 дек. 1749 г.

губернаторамъ и воеводамъ о наблюденіи, чтобы корчемства нигдѣ не было. наконецъ, на указъ 1760 года, устанавливающій донесенія по корчемнымъ дѣламъ въ сенатъ и корчемную канцелярію по третямъ года[1]). Центральное правительство постоянно адресуетъ свои приказанія въ губерніи, а эти послѣднія, въ свою очередь, сообщаютъ ихъ въ подвѣдомственныя учрежденія; провинціальныя и воеводскія канцеляріи постоянно заняты перепиской по корчемному дѣлу, «репортуютъ», разыскиваютъ подозрѣваемыхъ въ корчемствѣ людей, судятъ ихъ, отсылаютъ ихъ по требованіямъ, получаютъ новые указы и т. д.[2]). Случается имъ также предпринимать и дѣйствія. 1 марта 1745 года Клинскій таможенныхъ сборовъ откупщикъ донесъ, что имъ обнаружено незаконное куреніе вина въ Клинскомъ уѣздѣ. Воевода распорядился отправить подъячаго съ приписью въ сопровожденіи состоявшихъ при канцеляріи солдатъ и самаго откупщика за розыскомъ винокуренныхъ кубовъ, которые и были найдены въ лѣсу въ оврагѣ: куреніемъ вина занималось сельское духовенство вмѣстѣ съ крестьянами; началось судебное дѣло[3]). Вино курили всѣ — и духовенство, какъ въ описанномъ случаѣ, и крестьяне, и дворяне; занимались этимъ дѣломъ даже отставные военные, жившіе на «пропитаніи» въ монастыряхъ: такъ въ томъ же 1745 году Кирило-Бѣлозерскій питейный сборщикъ донесъ въ Бѣлозерскую провинціальную канцелярію, что корчемствомъ занимается присланный на «пропитаніе» въ Кириловскій монастырь отставной подпоручикъ Воробьевъ. У послѣдняго, дѣйствительно, вынимаютъ корчемное вино, и его арестовываютъ; но вскорѣ онъ, впрочемъ, получаетъ свободу «для праздника Пасхи»[4]).

Пожары и до сихъ поръ составляютъ бѣдствіе деревянной Россіи; не трудно себѣ представить, какъ велики были опустошенія огня въ XVIII столѣтіи. Не даромъ на эту сторону обращалъ особенное вниманіе и наказъ 1728 года, въ 39-й статьѣ котораго находимъ цѣлый пожарный уставъ, выработанный обычаемъ и практикой еще допетровскаго времени[5]). Другихъ мѣръ для предупрежденія пожаровъ, кромѣ осторожнаго обращенія съ огнемъ, осмотра печей, запасанія кадей съ водой «для лучшаго охраненія въ лѣтнее время» и другихъ подобныхъ средствъ, перечисляемыхъ въ наказѣ, не знали; иныхъ орудій для тушенія пожаровъ, кромѣ крюковъ, вилъ, лѣстницъ, топоровъ и ведеръ, пользоваться которыми должны были сами обыватели, отстаивая дома, не знали также; пожаръ былъ Божіей волей; удачное тушеніе было Божіей помощью; всѣ эти явленія вмѣстѣ были зломъ привычнымъ, поражавшимъ на каждомъ

---

[1]) П. С. З. XIII, №№ 9899, 9928; XIV, №№ 10298, XV, № 11030.

[2]) Сѣвск. пров. канц. оп. 17, вяз. 1, дѣла 570, 571, 604 Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 50, журналы и протоколы за 1779 г.; Моск. губ. канц., книги 59—232; вяз. 1715 дѣла 5 и 46; вяз. 1724, д. 23.

[3]) Клинск. воев. канц. оп. 3, вяз. 8, д. 56, 63.

[4]) Бѣлозер. провинц. канц., оп. 2, вяз. 2, д. 60.

[5]) Срав. *Чичерина*, Областныя учрежденія, стран. 183.

шагу, исцѣленія отъ котораго не знали ни жители ни правительственные органы, низшіе, и высшіе; вотъ, вѣроятно, почему, при несомнѣнныхъ заботахъ губернаторовъ и воеводъ о пожарномъ дѣлѣ, мы такъ мало встрѣчаемъ слѣдовъ этихъ заботъ какъ въ дѣлопроизводствѣ областныхъ учрежденій, такъ и среди общихъ правительственныхъ распоряженій. Особыми указами регламентировалась лишь отстройка городовъ послѣ постигшаго ихъ пожара. Къ этой области относится и одинъ любопытный указъ Елизаветинскаго времени, возлагающій на областныхъ правителей особыя заботы по исполненію помянутыхъ сейчасъ спеціальныхъ указовъ: «впредь губернаторамъ и воеводамъ съ товарищи накрѣпко смотрѣть и наблюдать, чтобы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ежели (отъ чего Боже сохрани) пожаръ учинится, вновь строились, какъ по указамъ велѣно неотмѣнно, и до своевольнаго строенія, какъ прежде было, отнюдь не допускать»[1]).

Въ наказѣ 1728 года перечисляются нѣкоторыя мѣры городского благоустройства и полиціи нравовъ; сюда относятся устройство карауловъ, соблюденіе элементарной чистоты въ городѣ, наблюденіе за чистотою въ мясныхъ лавкахъ, за правильностью мѣръ и вѣсовъ, за подозрительными домами[2]); но исполненіе этихъ мѣръ возлагалось въ значительной мѣрѣ на самихъ жителей и на ратуши и магистраты; губернаторамъ и воеводамъ принадлежалъ главнымъ образомъ надзоръ за ихъ выполненіемъ. Изъ дѣлъ Московской губернской канцеляріи можно видѣть, что въ большихъ городахъ такой надзоръ дѣйствительно осуществлялся; въ какой мѣрѣ онъ осуществлялся въ провинціальныхъ и маленькихъ уѣздныхъ городахъ, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ рогаточные караулы, починка и содержаніе мостовыхъ въ городѣ и постойная повинность очень тяготили населеніе посадовъ: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ городскіе наказы 1767 года[3]).

Среди полицейскихъ обязанностей областныхъ властей есть одна, стоящая совершенно особнякомъ — это контроль за тѣмъ, чтобы всѣ жители исповѣдывались и причащались св. таинъ «безъ всякаго отъ таковаго душеспасительнаго долга избѣжанія», и посѣщали бы въ праздники церковныя службы. Распоряженія объ обязательной исповѣди подъ угрозой денежнаго штрафа издавались еще въ XVII столѣтіи, они

---

[1]) П. С. З., XIV, № 10324; Губернскія учрежденія руководятъ дѣятельностью подчиненныхъ имъ воеводскихъ канцелярій послѣ каждаго большаго пожара въ подвѣдомственномъ послѣднимъ городѣ: примѣромъ могутъ служить распоряженія Московской губернской канцеляріи послѣ Коломенскаго пожара 1737 года. Чтенія Об. Ист. и Древ. Росс. 1896 г., кн. 3.

[2]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 40—46; П. С. З., XII, № 9380: губернаторы и воеводы должны слѣдить, чтобы въ партикулярныхъ и вольныхъ домахъ не было игры на деньги (1747 г.); интересно сопоставить съ этимъ поведеніе Московскаго губернатора Юшкова (см. выше, стран. 225).

[3]) Сб. Р. И. О. т. XCIII, стран. 120 (Москва); т. CVII, стран. 92, (Лихвинъ); CXV, стран. 30 (Козельскъ).

повторялись Петромъ, Анной и Елизаветой[1]), и относились въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ областнымъ правителямъ. Если послѣдніе не слишкомъ ревностно пеклись объ ихъ исполненіи, имъ объ этомъ напоминало мѣстное духовенство, не дѣлая различія между соціальнымъ положеніемъ виновныхъ. Такъ, въ 1744 году управитель Волоколамскаго духовнаго правленія попъ Герасимъ Константиновъ отправилъ Клинскому воеводѣ промеморію съ напоминаніемъ о необходимости взыскать штрафъ съ Клинской помѣщицы, дворянской дочери дѣвицы Телѣгиной, 37 лѣтъ, которая у исповѣди и св. причастія въ нынѣшнемъ во всемъ году не была», и воевода распорядился «ко взысканію показаннаго штрафа послать съ повѣстнымъ письмомъ, въ которомъ написать, дабы означенная дворянская дочь для платежа въ Клинскую канцелярію явилась немедленно[2]). Въ 1762 году Тверская духовная консисторія напоминаетъ Клинскому воеводѣ объ обязательномъ взысканіи не только штрафовъ за уклоненіе отъ исповѣди, но и накопившихся недоимокъ согласно вѣдомостямъ, составленнымъ мѣстными священниками; штрафы и недоимки дѣйствительно взыскиваются, и вырученныя суммы — 5 рублей 30 копеекъ записываются на приходъ «у подушнаго сбора». Въ 1765 году Воронежская духовная консисторія сильно обезпокоилась о недостаточномъ посѣщеніи церковныхъ службъ и о томъ, что во время богослуженій идетъ пьянство и чинятся безобразія, несмотря на соотвѣтственные указы Петра Великаго. Духовныя власти не замедлили поставить объ этомъ въ извѣстность власти гражданскія, которыя со своей стороны приняли мѣры къ тому, чтобы напомнить населенію о правильномъ посѣщеніи церковныхъ службъ[4]). На областныя же власти возлагалась тяжелая обязанность имѣть всякія сношенія съ раскольниками до уговоровъ готовившихся къ самосожженію включительно[5]).

Покончивъ съ полицейской дѣятельностью областныхъ властей, перехожу къ ихъ обязанностямъ по обезпеченію народнаго благосостоянія:

[1]) П. С. З., т. III, № 1612, т. V, №№ 2991, 3169; т. VI, № 3718, 3732, 3914, 3963 п. 24; т. VII, №№ 4575, 4648, 4688; VIII, № 5496; X, №№ 7226, 7665; XI, №№ 8204; XIV, № 10838; ук. Анны 7 іюля 1737 г. (Клин. воев. канц., оп. 3, в. 8, д. 48; въ П. С. З., нѣтъ): ук. Елизаветы 2 ноябр. 1761 г. (Клинск. в. к., оп. 6. вяз. 2, д. 25).

[2]) Клин. воев. канц. оп. 3, вяз. 8, д. 48, лл. 1—2. Г-жа Телѣгина, видимо, была вообще не въ ладахъ съ духовенствомъ. Пять лѣтъ спустя, въ 1750 году, она сама жаловалась Клинскому воеводѣ, что Іосифовскаго монастыря протопопъ Семіонъ вмѣстѣ съ нѣсколькими приказными «выломали ея ворота и вошедъ въ ея домъ бранили ее и ругали всякими скаредными словами и похвалялисъ ее бить» и выгнавъ ее изъ дома похитили у нея разный домашній скарбъ. (Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 53).

[3]) Клин. воев. канц. оп. 6, вяз. 2, л. 25, другіе примѣры: 30—60-хъ годовъ, оп. 7, вяз. 3, д. 69; вяз. 12, д. 5, л. 2; Дмитровск. в. к. в. 15, д. 1; Березовск. воев. канц., в. 1; Каргоп. в. к., оп. 1, вяз. 1.

[4]) Острогожск. пров. канц. (въ дѣлахъ Богучарск. у. суда), оп. 2, в. 29, дѣло 2833.

[5]) Грибовскій, матеріалы, № 127; П. С. З., IX, № 6780.

разборъ наказа 1728 года уже показалъ, какъ мало заботились объ этой сторонѣ дѣла творцы преобразованій 1727—28 годовъ, и какой шагъ назадъ представляетъ инструкція, составленная ими, сравнительно съ инструкціями Петровскаго времени. Понятно, что и обращаясь къ практикѣ, мы найдемъ очень немного слѣдовъ дѣятельности областныхъ учрежденій, направленной къ охранѣ и развитію благосостоянія населенія.

Въ современномъ государствѣ цѣлесообразное устройство и правильное дѣйствіе почтовыхъ учрежденій считается немаловажнымъ средствомъ для подъема мѣстной культурной жизни. Въ Россіи XVIII вѣка почта едва начинала служить для культурныхъ надобностей населенія; ея состояніе еще недалеко ушло отъ того, въ которомъ она находилась въ Московскомъ государствѣ, когда почта должна была только служить для надобностей правительства[1]). Руководство почтовымъ дѣломъ принадлежало особымъ органамъ — генералъ-почтъ-директору, и почтовой канцеляріи, организація почтовой гоньбы была ввѣрена ямской канцеляріи; мѣстныя власти прямого отношенія къ почтѣ сначала почти не имѣли и могли ею пользоваться только для пересылки своей офиціальной корресподенціи, причемъ порядокъ этой пересылки былъ строго регламентированъ и всякое измѣненіе въ немъ могло происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія сената. Въ 1732 году Сѣвская провинціальная канцелярія испросила разрѣшенія у сената пересылать свои пакеты въ Москву и Петербургъ отдѣльно, ординарной почтой, безъ прогоновъ, не дожидаясь Кіевской и Глуховской почтъ[2]). Общее отношеніе областныхъ учрежденій къ почтовому дѣлу было очерчено еще Петровской инструкціей генералъ-почтъ-директору, изданной въ 1732 году. Губернаторы и только что введенные тогда провинціальные воеводы получили право выдавать подорожныя за своими руками; затѣмъ они должны были «чинить почтовымъ отправленіямъ родѣтельное вспоможеніе» и оберегать почтальоновъ отъ насилій и обидъ въ пути. Этимъ отношенія губернаторовъ и воеводъ къ почтѣ исчерпывались[3]). Въ 1735 году послѣдовалъ сенатскій указъ, предписывавшій посылаемыя изъ губерній, провинцій и городовъ доношенія и отписки на почту «принимать съ записками и посылать, куда надлежитъ, съ надлежащими реестрами, а между почтъ почтарямъ никакихъ писемъ самимъ не принимать, чего ямской канцеляріи и почтовой конторѣ велѣть смотрѣть накрѣпко»[4]). Послѣдній указъ ставилъ всѣ областныя учрежденія какъ бы даже подъ какой-то контроль ямской канцеляріи и почтовой конторы. Въ концѣ изучаемой эпохи мы видимъ, однако, обратное явленіе: 30 декабря 1769 года послѣдовала передача губернаторамъ и воеводамъ общаго надзора за почтой въ управляемыхъ ими областяхъ наряду съ ямской канцеляріей.

---

[1]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 180—182; *Гурляндъ*, Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ. Ярославль 1900 г.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 6059.

[3]) П. С. З., т. VI. № 4073, ст. 4, 7.

[4]) П. С. З., т. IX, № 6712.

Вслѣдствіе этого указа нѣкоторые воеводы обратили, кажется, особое вниманіе на состояніе дорогъ въ своихъ областяхъ[1]). Это заставляетъ насъ подойти къ одной изъ постоянныхъ обязанностей какъ губернаторовъ, такъ и воеводъ къ надзору за исправнымъ состояніемъ большихъ дорогъ.

И въ этомъ дѣлѣ положеніе областного правителя XVIII столѣтія мало чѣмъ отличается отъ его предшественника XVII столѣтія. «Устройство дорогъ не составляло предмета постояннаго попеченія воеводъ», но «поправка дорогъ, по которымъ отправлялись казенные припасы, лежала на мѣстныхъ жителяхъ, и воеводы вмѣшивались въ это только въ особенныхъ случаяхъ, по предписанію правительства»[2]). Такъ характеризуется отношеніе Московскихъ воеводъ къ дорожному дѣлу. Отличіе въ положеніи ихъ преемниковъ заключалось въ томъ, что надзоръ за исправнымъ состояніемъ дорогъ, конечно только такихъ, которыя имѣли государственное значеніе, составлялъ предметъ постояннаго попеченія губернаторовъ и воеводъ[3]). Однако, до 60-хъ годовъ не видно, чтобъ дорожное дѣло сильно заботило какъ правительство, такъ и областныя власти, хотя отъ времени до времени издавались распоряженія о починкѣ различныхъ дорогъ, о разстояніи новыхъ верстовыхъ столбовъ и т. д.[4]). Только при Екатеринѣ II содержанію дорогъ стали придавать нѣсколько больше значенія. Наставленіе губернаторамъ 1764 года предписываетъ губернаторамъ прилагать «всерачительное свое стараніе о приведеніи въ доброе и безопасное состояніе большихъ проѣзжихъ» и даже «самыхъ проселочныхъ дорогъ», дабы «путешествующіе безпрепятственно желанный путь во всякое время продолжать могли». Въ первый, можетъ-быть, разъ дороги разсматриваются въ наставленіи 1764 года какъ культурное орудіе, такъ какъ ихъ исправное состояніе приводится въ связь съ усиленной борьбой противъ воровъ и разбойниковъ[5]).

Описывая порядокъ службы областныхъ правителей, я уже указывалъ, что надзоръ за дорогами, обычно, былъ удѣломъ младшихъ членовъ присутствія, т.-е. губернаторскихъ и воеводскихъ товарищей. Надзоръ этотъ заключался въ объѣздахъ дорогъ и въ принужденіи мѣстнаго населенія чинить ихъ, такъ какъ самая дорожная повинность попрежнему лежала на обывателяхъ; въ иныхъ случаяхъ ѣздилъ не воеводскій товарищъ, а посылались какіе-нибудь низшіе агенты. Такъ, напримѣръ,

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 13400; фактическое отраженіе этого указа: Гдов. воев. канц., оп. 12, вяз. 2, д. 65. Та же точка зрѣнія проводится и въ учрежденіи почтъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, изданномъ 23 ноября 1772 года: П. С. З., т. XIX, № 13911.

[2]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, стран. 180.

[3]) П. С. З., т. XV, № 11248 (1761 г.); общее руководство дорожнымъ дѣламъ было возложено указомъ 18 февраля 1761 года на особую канцелярію строенія государственныхъ дорогъ. П. С. З., т. XVI, № 12053.

[4]) Переяслав. пров. канц., оп. 8, вяз. 3, д. 66/206, (1732 г.).

[5]) П. С. З., т. XVI № 12137, ст. 15 и 16.

въ Клину для этой цѣли посылались разсыльщики[1]); изъ Бѣлозерской канцеляріи посылались подчасъ особые офицеры, вслѣдъ за которыми совершалъ свой объѣздъ и воеводскій товарищъ[2]). Губернскія власти имѣли непосредственный надзоръ за дорогами въ предѣлахъ области, прямо подчиненной губернатору. Въ концѣ существованія старой Московской губерніи всѣ дороги въ предѣлахъ непосредственнаго вѣдѣнія губернской канцеляріи были подъ наблюденіемъ особыхъ офицеровъ, состоявшихъ при губернской канцеляріи, а въ этой канцеляріи существовала особая экспедиція объ исправленіи дорогъ и мостовъ[3]). Въ остальныхъ мѣстностяхъ они имѣли значеніе власти, контролирующей воеводъ провинціальныхъ и городовыхъ.

Предметомъ совершенно особаго попеченія была Петербургско-Московская дорога, путь, соединявшій обѣ столицы. Въ 1741 году по представленіи камеръ-коллегіи содержаніе Петербургско-Московской дороги было «поручено въ полное правленіе» губернаторамъ и воеводамъ, которые для этого должны были опредѣлить особыхъ комиссаровъ; воеводы провинцій и уѣздовъ, лежащихъ вдоль дороги, расписываютъ дистанціи по 50 верстъ и приписываютъ къ каждой по нѣскольку деревень, освобождая ихъ отъ другихъ повинностей, «а для осмотра той дороги вѣдомства губернскаго въ дистанціи посылать нарочныхъ офицеровъ или изъ дворянъ; а провинціальнымъ и городовымъ воеводамъ вѣдомства своего ѣздить самимъ или посылать товарищей, а ежели за комиссарами усмотрятъ какую неисправность, то къ тому ихъ накрѣпко понуждать, а неисправныхъ штрафовать по указамъ». Верховное наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ дороги и за губернаторами и воеводами должна была имѣть камеръ-коллегія[4]). Вмѣстѣ съ дорогой должны были быть въ ис-

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41.

[2]) Бѣлозерск. пров. канц., оп. 20, в. 2, д. 70.

[3]) Моск. губ. канц.: кн. 190, л. 386, 387: вотъ подробности этого распредѣленія дорогъ: «въ 1777 г., марта — дня въ присутствіи г-на ген.-поручика Московскаго губернатора и кавалера графа Остерманъ, Московская губернская канцелярія, имѣя разсужденіе, что имѣющіяся въ Московскомъ уѣздѣ большія дороги, а по нимъ мосты въ смотрѣніе и во исправленіе поручены находящимся при сей Губернской канцеляріи оберъ-офицерамъ, изъ коихъ нѣкоторые изъ Губернской канцеляріи выбыли; слѣдственно, оныя ихъ должности остаться могутъ безъ исполненія; а какъ нынѣ наступаетъ вешнее время, то, дабы по онымъ дорогамъ какой въ проѣздѣ неисправности послѣдовать не могло, и для того приказали: состоящія въ Московскомъ уѣздѣ большія дороги препоручить нынѣ въ смотрѣніе находящимся въ губерніи оберъ-офицерамъ, а именно: Троицкую, Стромынскую, Володимерскую, Носовижскую, Касимовскую — капитану Елистратову; Коломенскую, Каширскую, Серпуховскую, Калужскую — прапорщику Соколову; Боровскую, Можайскую, Звенигородскую, Воскресенскую, Тверскую — поручику Звѣреву; С.-Петербургскую, Дмитровскую, Хомутовскую—капитану Воейкову: и велѣть имъ по тѣмъ дорогамъ смотрѣніе имѣть, чтобъ по онымъ въ проѣздѣ, а равно и по мостамъ никакой остановки быть не могло и если какія неисправности усмотрѣно будутъ, то имъ, ни мало медля, губерніи репортовать».

[4]) П. С. З., XI, № 8398; напоминанія и подтвержденія: П. С. З., XV, № 11163 (1760 г.), 11287 (1761 г.), 11520 (1762 г.).

правномъ состояніи и расположенные вдоль ея деревянные дворцы, приготовленные по всѣмъ станціямъ дороги для довольно частыхъ въ XVIII вѣкѣ «шествій Ихъ Величествъ» изъ одной столицы въ другую. О состояніи Петербургско-Московской дороги мѣстныя власти дѣйствительно пеклись: въ 1738—1740 годахъ въ предѣлахъ одного только Клинскаго уѣзда на починкѣ ея работало ежегодно въ среднемъ до 300 человѣкъ рабочихъ конныхъ и пѣшихъ[1]). Не только проѣздъ царственныхъ лицъ, но и путешествіе всякихъ лицъ съ положеніемъ вызывало особыя заботы. Въ 1744 году въ Москву собирался пріѣхать шведскій посланникъ; увѣдомленныя объ этомъ губернскія власти немедленно разослали указы всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ канцеляріямъ, лежавшимъ по дорогѣ, съ приказаніемъ осмотрѣть дорогу и дворцы по ней «и имѣть чистоту, въ которыхъ дворцахъ оный посолъ стать пожелаетъ[2])». Въ 1777 году контролировать городовыхъ воеводъ и осматривать дворцы ѣздилъ Московскій губернаторскій товарищъ съ правящимъ архитекторскую должность[3]). Не только упущеніе въ содержаніи этой важнѣйшей въ государствѣ дороги, но и задержка рапорта о ея состояніи влекла для низшаго областного правителя опасность взысканія: въ томъ же 1744 году Московская губернская канцелярія положила на Дмитровскаго воеводу и мѣстнаго подьячаго съ приписью штрафъ въ 10 рублей «за неприсылку по посланнымъ изъ губерніи сего 744 году октября 19, 31, ноября 2, 4 чиселъ и по прежде посланнымъ указамъ о состояніи С.-Петербургской дороги и объ осмотрѣ дворцовъ рапортовъ»[4]). Если губернское и вообще высшее начальство взыскивало на своихъ подчиненныхъ, то эти подчиненные въ свою очередь карали за неисправность дороги мѣстныхъ жителей, обязанныхъ чинить ее. 1 мая 1736 года Клинскій воевода Сурминъ распорядился, вслѣдствіе донесенія «опредѣленнаго къ Е. И. В. свѣтлицамъ л.-гв. Московскаго баталіона солдата Ѳомы Журавлева», отправить нарочнаго въ село Завидово «у стараго дворца попорченный рундукъ и площадь осмотрѣть и описать, а того села старосту для подлиннаго слѣдствія взять въ Клинъ». Приказаніе было въ точности исполнено, несмотря на то, что рундукъ «оказался весь въ цѣлости» и только площадь около дворца «взрыта скотомъ и попорчена»[5]).

И въ заботахъ о народномъ здравіи, о санитарномъ дѣлѣ областныя власти оставались въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ онѣ были въ XVII столѣтіи. Медицинской помощи не существовало; всѣ мѣры, принимаемыя противъ болѣзней, сводились къ мѣрамъ карантиннымъ. Мѣры эти изложены въ статьѣ 30-й наказа 1728 года и по существу своему онѣ мало чѣмъ отличаются отъ аналогичныхъ предписаній до-Петровскаго правитель-

1) Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 13.
2) Дмитр. воев. канц., вяз. 2, д. 160.
3) Моск. губ. канц., кн. 194, л. 540—541.
4) Дмитр. воев. канц., вяз. 2, д. 267.
5) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 2, д. 1736 г., № 36.

ства[1]): оцѣпить городъ или селеніе, гдѣ объявилась зараза, вывести больныхъ изъ ихъ домовъ и прекратить всякое общеніе между больными и здоровыми; дома и пожитки заболѣвшихъ жечь; если зараза вспыхнетъ въ сосѣдней губерніи, провинціи или уѣздѣ, то «учинить заставы крѣпкія и строго слѣдить, чтобъ никто, подъ страхомъ смертной казни не проѣзжалъ чрезъ нихъ, а главное — обо всемъ репортовать «по вся недѣли» и ближайшему начальству въ іерархическомъ порядкѣ и въ сенатъ; причемъ, если репортовать приходится изъ зараженнаго мѣста — то писать «переписывая трижды». То же самое хотя, можетъ-быть, въ болѣе мягкой формѣ, областныя власти должны были дѣлать и при эпизоотіяхъ[2]). Слѣдуетъ еще добавить, что наставленіе 1764 года разсматриваетъ моровую язву, какъ одно изъ «чрезвычайныхъ приключеній», при которомъ губернаторъ получаетъ особыя полномочія съ цѣлію успѣшной борьбы противъ эпидеміи[3]). Дѣйствительность не расходилась съ законодательными предначертаніями; наказы и мѣры, практически принимаемыя губернаторами и воеводами, заключались въ одномъ только оцѣпленіи и въ стараніяхъ, чтобы оцѣпленіе не было прорвано; для эпидемій это особенно замѣтно во время знаменитой чумы 1771 года, когда не только изъ самой Москвы, но и изъ городовъ, хотя бы немного затронутыхъ болѣзнью, жителямъ запрещали выѣзжать даже по неотложнымъ и важнымъ дѣламъ, а каковы бывали практическіе результаты подобныхъ мѣръ, можно судить по Московскимъ событіямъ этого года, нашедшимъ себѣ отголосокъ и въ провинціи[4]).

Исторія школьнаго дѣла послѣ Петра есть не что иное, какъ исторія постепеннаго крушенія сдѣланныхъ имъ попытокъ насадить начатки общаго образованія въ Россіи. Объ этомъ краснорѣчиво повѣствуетъ постепенное захирѣніе цыфирныхъ школъ и, наконецъ, прекращеніе ихъ самостоятельнаго существованія въ 1744 году[5]). Впрочемъ, и до этого момента губернаторы и воеводы не имѣли отношенія къ школьному дѣлу: школы цыфирныя были въ вѣдѣніи адмиралтейской коллегіи[6]), гарнизон-

[1]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 38; подтвержденія: П. С. З., XII, № 9269 (1746 г.), 9433 (1747 г.). *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 182—183; Акты Историческіе V, № 161, Акты Арх. Эксп. IV, № 206, П. С. З., I—III, № 184, 838, 1650, 1738.

[2]) Сѣвск. пров. канц. оп. 16, вяз. 1, д. 517.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 12137, ст. 9.

[4]) П. С. З., XIX, №№ 13556, 13662, 13696, 13906; Переяславск. пров. канц., оп. 30, вяз. 1, дѣла 69—76, 78. Клин. в. к., оп. 7, в. 16, д. 130—134, 139; в. 17, д. 11, 12, 17, 20—22; *Дубасовъ*, Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи «Историческій вѣстникъ», 1883 г., № 7, стран. 114—119. Практическія мѣры противъ скотскихъ падежей: см. Клинск. воев. канц., оп. 1, в. 41, протоколы, №№ 19 и 98; Гдов. воев. канц., оп. 4, вяз. 2, д. 212.

[5]) П. С. З., XII, № 9054 (соединеніе цыфирныхъ школъ съ гарнизонными): объ исторіи школъ послѣ Петра см. *Милюкова*, Очерки по исторіи русской культуры, т. II, 276—309, и *Рождественскаго*, Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія Россіи въ XVIII и XIX столѣтіи, СПб. 1912 г., стран. 139—145.

[6]) П. С. З., VIII, № 5788 (1731 г.).

ныя—въ вѣдѣніи военнаго начальства, духовныя—въ вѣдѣніи начальства епархіальнаго. Лишь однпъ разъ встрѣтился мнѣ случай, когда провинціальный воевода, смѣняясь, передалъ своему преемнику цыфирную школу съ учителемъ[1]). Обязанности губернаторовъ и воеводъ по отношенію къ народному образованію сводились лишь къ опредѣленію солдатскихъ и приказныхъ людей въ гарнизонныя школы, къ полученію рапортовъ отъ учителей этихъ школъ объ обученіи только дѣтей приказнаго люда и къ крѣпкому смотрѣнію чтобъ оные учители праздно безъ дѣла не были и напрасно жалованья не получали[2]).» Совершенно одинокимъ явленіемъ были мечты нѣкоторыхъ областныхъ администраторовъ, въ родѣ Казанскаго губернатора князя Голицына, «о добромъ содержаніи школы и объ учрежденіи порядковъ объ обращеніи иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру» съ помощью школы[3]).

Попеченія «о способахъ къ торгу», «о рукодѣліяхъ и мануфактурахъ» на губернаторовъ и воеводъ наказомъ 1728 года возложено не было; то, что дѣлалось въ этой области, исходило отъ сената, камеръ-коллегіи и другихъ центральныхъ учрежденій и шло мимо областныхъ властей; имъ оставался только общій надзоръ за торговлей и веденіемъ ея посадскимъ населеніемъ.

Была, однако, одна область, имѣвшая отношеніе къ народному благосостоянію, по которой дѣло губернаторовъ и воеводъ было нѣсколько сложнѣе: это была обязанность сообщать свѣдѣнія объ урожаяхъ. Первый указъ, говорящій о такой обязанности, относится къ 1736 году: «впредь губернаторамъ и воеводамъ, въ которыхъ городахъ и уѣздахъ каковы будутъ хлѣбы урожаемъ, по вся годы репортовать въ сенатъ заблаговременно»[4]). Распоряженіе это, если можетъ быть и не всегда аккуратно, все же исполнялось до самаго введенія новыхъ Екатерининскихъ учрежденій[5]).

Подобнаго рода распоряженіе можетъ стоять въ связи съ двоякаго рода заботами правительства; съ одной стороны, степень урожая нужно было знать для цѣлей винокуренія, такъ какъ въ зависимости отъ качества урожая устанавливались правила куренія вина; съ другой стороны, здѣсь можно видѣть нѣкоторый отголосокъ правительственныхъ заботъ о продовольствіи голодающихъ, ибо и въ XVIII вѣкѣ Россія не мало страдала отъ періодическаго бѣдствія русской деревни,— голода. Въ сильный голодъ 1734 и 1735 годовъ, поразившій центральныя области страны, губернаторамъ и воеводамъ предписывалось смотрѣть накрѣпко, чтобы помѣщики

---

[1]) Разр. прик. дѣла разн. городовъ, кн. 73, л. 72—99: росписной списокъ по Юрьеву-Польскому 1736 г.

[2]) П. С. З., IX, № 6767 (1735 г.), XII, № 9054 (1744 г.).

[3]) Сб. Р. И. О., CXX, 49.

[4]) П. С. З., IX, № 6859.

[5]) Острогож. пров. канц. (въ дѣлахъ Богучар. у. суда), оп. 2, в. 28, д. 2777; Въ этомъ убѣждають и губернаторскія донесенія верховной власти, см. напр. донесенія Петербургскаго губернатора Ушакова (1765—1773 г.) Гос. Архивъ, разр. XVI, д. 486.

кормили своихъ крестьянъ хлѣбомъ и снабжали ихъ сѣменами, «дабы земля праздна не лежала»; отпускъ крестьянъ и дворовыхъ для прошенія милостыни не допускался, и слѣдить за этимъ опять-таки должны были мѣстныя власти. Для прокормленія голодающихъ Московской и Нижегородской губерній была въ 1735 году произведена закупка хлѣба «по разсмотрѣнію» губернаторовъ съ товарищи; для этой цѣли подверглись описи всѣ наличные хлѣбные запасы частныхъ владѣльцевъ; закупленный хлѣбъ предложено было раздавать неимущимъ помѣщикамъ, которые крестьянъ своихъ пропитать не могутъ, — взаймы, съ роспискою, а самимъ голоднымъ крестьянамъ, которые несмотря на всѣ запрещенія, «ходя по міру, гладъ претерпѣваютъ» давать въ милостыню, записывая такія дачи[1]). За описью хлѣба и за его раздачей должны были слѣдить губернаторы и воеводы. Въ 1749—50 гг., когда неурожай вновь поразилъ большую часть имперіи, и въ 1754 году, когда пострадала Воронежская губернія, были повторены мѣры 1734 года[2]). Въ 1770 году, во время голода въ Смоленской губерніи мѣстнымъ властямъ было предписано завести запасные хлѣбные магазины, которые должны были находиться подъ вѣдѣніемъ губернской канцеляріи[3]).

Подводя итогъ обязанностямъ мѣстныхъ властей по части народнаго благосостоянія, слѣдуетъ сказать, что въ общемъ онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому, что говорилось по этой части въ наказѣ 1728 года и что слѣдовательно имѣлось въ виду при проведеніи преобразованій 1727 года. Сравнительно сложныя и высокія задачи, которыя ставилъ своимъ областнымъ учрежденіямъ Петръ, уступили мѣсто другимъ вѣяніямъ, и новыя учрежденія, не мудрствуя лукаво, воскресили практику учрежденій XVII вѣка, опекавшихъ населеніе, подчасъ довольно властно, но не преслѣдовавшихъ цѣлей подъема его благосостоянія и ускоренія его культурнаго развитія. Инертность областныхъ учрежденій изучаемаго времени, нарушаемая только въ моменты голода, когда вопросъ о помощи народному населенію становился вопросомъ быть или не быть всему государству, была одинаково присуща всѣмъ мѣстнымъ установленіямъ и властямъ — губернскимъ, провинціальнымъ и городовымъ; іерархическое начало сказывалось въ дѣлѣ контроля, понужденія, но въ смыслѣ большихъ или меньшихъ правъ и обязанностей и дѣятельности въ дѣлѣ культурной помощи населенію его не замѣтно вовсе.

Русское государство XVIII вѣка еще было государствомъ со строго опредѣленными сословными повинностями. Слѣдить на мѣстахъ за исполненіемъ этихъ сословныхъ повинностей должны были, конечно, областныя власти. Съ этою стороною ихъ административныхъ обязанностей намъ и предстоитъ теперь познакомиться.

[1]) П. С. З., IX, №№ 6569, 6570, 6653, 6682, изъ дѣлъ областныхъ учрежденій видно, что указы 1734—1735 гг. приводились дѣйствительно въ исполненіе. Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, указы 1734 года.

[2]) П. С. З., XIII, № 9590, 9615, 9709; XIV, № 10299.

[3]) П. С. З., XIX, № 13491.

Дворянская обязательная служба продолжалась большую часть полувѣка отъ 1727 до 1775 года; но дворянская служба вообще не прекратилась и послѣ манифеста о вольности 1762 года, не прекратился и учетъ дворянъ кандидатовъ на гражданскія должности, равно какъ и контроль за военными, уволенными въ отпускъ; такимъ образомъ, за все время существованія учрежденій 1727 года губернаторы и воеводы были мѣстными агентами того учрежденія, которое сдѣлалось въ XVIII столѣтіи преемникомъ разряднаго приказа[1]), т.-е. герольдмейстерской конторы, а также въ извѣстной степени и агентами военныхъ властей. Съ относящимися сюда функціями областныхъ учрежденій намъ уже приходилось встрѣчаться при характеристикѣ условій губернаторской и воеводской службы, въ частности при изслѣдованіи вопроса о назначеніи на должности и о кандидатахъ на нихъ. Надо вспомнить, что въ 1737 году губернаторы получили даже временно право замѣщать вакантныя должности воеводъ въ предѣлахъ своей губерніи[2]); еще гораздо болѣе значенія имѣетъ указъ 7 мая 1739 года, по которому герольдмейстерская контора должна была сообщать не только въ губерніи, но и въ провинціи вѣдомости «объ отставныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, кои по разсмотрѣніи сената назначены къ дѣламъ и отпущены въ домы», «дабы объ нихъ губернаторы и провинціальные воеводы свѣдомы были и когда объ опредѣленіи кого къ дѣламъ указы получать, скорѣе сыскать ихъ могли[3])». Губернскія и провинціальныя власти получили, такимъ образомъ, значеніе фактическихъ поставщиковъ гражданскихъ служащихъ для герольдмейстерской конторы. Это и было такъ въ дѣйствительности: сошлюсь, въ видѣ примѣра на распоряженіе герольдмейстерской конторы, относящееся къ 1749 году, о высылкѣ офицеровъ къ винокуреннымъ дѣламъ въ Астраханскую губернію[4]). Уже указъ 1739 года даетъ понятіе о различномъ значеніи, какое въ этомъ дѣлѣ имѣли отдѣльныя ступени областной іерархіи: учетъ возложенъ былъ только на губерніи и провинціи; въ дѣйствительности, въ роли тѣхъ и другихъ была существенная разница: списки дворянъ герольдмейстерская контора сообщала, повидимому, только въ губернскія канцеляріи[5]); а послѣднія уже своимъ распоряженіемъ сообщали такія свѣдѣнія въ низшія областныя учрежденія, которыя — провинціальныя и городовыя одинаково — вели списки жившихъ въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ дворянъ[6]). Губерніямъ же поручала

[1]) О обязанностяхъ воеводъ XVII вѣка по дѣламъ разряднаго приказа, — см. *Чичерина*, Областныя учрежденія, 123—129.

[2]) П. С. З., IX, № 7328; частичныя подтвержденія: 1755 г. — П. С. З., XIV, № 10385; 1760 г. — П. С. З., XV, № 11043; 1771 г. — П. С. З., XIX, № 13690.

[3]) П. С. З., X, № 7799.

[4]) Моск. губ. канц., вяз. 1706, д. 121.

[5]) Герольд. конт., кн. 206, л. 1031 — 1089: списокъ дворянъ Московской губерніи, посланный въ Московскую губернскую канцелярію вслѣдствіе указа 1739 года.

[6]) Примѣръ такого списка: Брянск. в. к., оп. 1. в. 1. д.; Дмитр. в. к., в. 2, д. 242, Моск. губ. канц., вяз. 1706, л. 121.

герольдмейстерская контора и всякія единовременныя и экстренныя мѣры по учету и по смотрамъ дворянъ. Только однѣмъ губернскимъ канцеляріямъ поручались, напримѣръ, смотры дворянъ отставныхъ. Подчиненныя имъ учрежденія исполняли только порученія, имѣвшія подготовительный характеръ къ смотрамъ: посылали разсыльщиковъ по имѣніямъ отбирать отъ дворянъ сказки съ обязательствомъ явиться къ опредѣленному сроку въ губернскій городъ, производили освидѣтельствованіе больныхъ и негодныхъ къ службѣ[1]). Такимъ образомъ, губернскія канцеляріи имѣли значеніе важнѣйшаго органа герольдмейстера на мѣстахъ — главнаго посредствующаго звена между столичной конторой и жившими въ своихъ имѣніяхъ дворянами; остальныя областныя учрежденія несли менѣе видную службу, причемъ положеніе провинціальныхъ канцелярій было какъ бы двойственнымъ: законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ дѣлѣ учета по указу 1739 года ставилъ ихъ наравнѣ съ губернскими, а жизненная практика, повидимому, приближала ихъ къ городовымъ канцеляріямъ, не имѣвшимъ вовсе самостоятельнаго значенія въ дѣлахъ дворянской службы.

Было бы, однако, ошибкой думать, что воеводскія канцеляріи не имѣли прямого отношенія къ дворянской службѣ; наоборотъ, существовалъ цѣлый рядъ дѣлъ и порученій, которыя герольдмейстерская контора, а иногда губерніи, возлагали на провинціальныя и воеводскія канцеляріи и которыя сама губернская канцелярія исполняла по указаніямъ герольдмейстера на территоріи непосредственно ей подчиненной: это были порученія, по большей части, индивидуальнаго характера, имѣвшія въ виду не цѣлую корпорацію губерніи, провинціи или уѣзда, а отдѣльныхъ представителей дворянскаго сословія, до которыхъ правительству было какое-нибудь дѣло: порученія эти касались и лицъ, находившихся на военной службѣ, и лицъ гражданскихъ и недорослей. Такія порученія проводились иногда спеціальными указами, иныя изъ нихъ имѣли текущій характеръ: такъ, когда началась семилѣтняя война, губернаторы и воеводы провинціальные и городовые получили приказаніе всѣхъ «отпущенныхъ на рекреацію военной службы всякаго званія чиновъ людей безъ изъятія и не взирая ни на какія уваженія и причины сыскавъ выслать къ полкамъ, какъ наискорѣе»; въ виду того, что многимъ очень не хотѣлось итти на войну, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовалъ другой указъ, предписывавшій сказывавшихся больными офицеровъ осматривать на мѣстахъ воеводскимъ товарищамъ, признанныхъ здоровыми отправлять немедленно въ Петербургъ, а дѣйствительно больныхъ подвергать освидѣтельствованію ежемѣсячно[2]). Подобнаго рода осмотры, высылки изъ имѣній къ служебнымъ обязанностямъ вхо-

[1]) Моск. губ. канц., кн. 62, л. 501. Переяславской пров. канц., оп. 8, вяз. 5, дѣла 123/301, 126/312.

[2]) П. С. З., XV, №№ 10898, 10920; фактическій примѣръ предписанія о высылкѣ, относящагося къ этому времени. Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, прот. № 61.

дили въ составъ текущей обязанности губернаторовъ и воеводъ по части дворянской службы. О высылкѣ на службу вновь назначенныхъ воеводъ, мирно отдыхавшихъ въ своихъ вотчинахъ, я уже говорилъ, описывая процессъ назначенія воеводъ и вступленія ихъ въ должность. Точно такимъ же образомъ происходила высылка къ службѣ у подушнаго сбора и высылка къ счету по прежней воеводской должности[1]). Сыскъ и высылка могли имѣть и другія основанія: приходилось высылать недорослей, достигшихъ или даже перешедшихъ служебный возрастъ, на смотръ по требованію герольдмейстерской конторы[2]); приходилось высылать офицеровъ, загостившихся въ отпуску, и лицъ, которыхъ требовали въ столицу по самымъ различнымъ дѣламъ; нужно добавить, что подобнаго рода высылки не всегда были дѣломъ легкимъ: сказавшись больнымъ, просрочившій отпускъ офицеръ, тѣмъ не менѣе, укрывался отъ посланныхъ за нимъ, приказывалъ сказать, что онъ уже выѣхалъ, а по отъѣздѣ посланныхъ оказывался опять у себя дома[3]). Уклоненіе отъ исполненія требованій о выѣздѣ было обычнымъ дѣломъ, и въ журналахъ воеводскихъ присутствій очень часто приходится отмѣчать такіе случаи[4]). Происходили на этой почвѣ и куріозы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ иногда плохо была освѣдомлена герольдмейстерская контора о мѣстѣ жительства состоявшихъ въ ея вѣдѣніи дворянъ, а мѣстныя власти о составѣ дворянъ-помѣщиковъ подвѣдомственной имъ территоріи. Въ 1747 году Дмитровскій воевода получилъ черезъ губернскую канцелярію приказаніе выслать въ герольдмейстерскую контору подпоручика князя Хованскаго, жившаго въ сельцѣ Семерлинѣ. Когда въ это село пріѣхали посланные за Хованскимъ разсыльщики, они узнали, что «оная вотчина имѣется нынѣ за княземъ И. М. Оболенскимъ, тому нынѣ восьмой годъ — досталась по продажѣ отъ онаго Хованскаго, а гдѣ нынѣ оный князь Хованскій, про то въ вотчинѣ не знаютъ, а домъ его въ Москвѣ за Тверскими воротами, въ Бѣломъ городѣ». Около того же времени не могли разыскать поручика Дм. Чистаго; арестованный и приведенный въ Дмитровъ къ воеводѣ староста его имѣнія объяснилъ, что помѣщикъ его, «будучи въ Москвѣ, назадъ нынѣ недѣль съ пять, въ домѣ своемъ умре, который домъ его былъ въ Москвѣ, за Яузою, на Вшивой Горкѣ»[5]).

Осмотры и освидѣтельствованія мѣстнымъ властямъ приходилось назначать и производить въ различныхъ случаяхъ. Ѣдетъ дворянинъ въ столицу на службу и заболѣваетъ въ пути; мѣстный воевода обязанъ

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 2, ук. 1734 № 144; вяз. 3, указъ 1736 г., № 193; оп. 10, вяз. 3, д. 1736 г. № 36, вяз. 4, 1739 г. д. № 16.

[2]) Примѣры: Галицк. пров. канц., оп. 3, вяз. 16, д. № 933; Переяславской пров. канц., оп. 8, вяз. 1, д. 19/134. Клин. воев. к. оп. 1, вяз. 41—50; Сапожков. в. к., оп. 1, в. 3, д. 84.

[3]) Примѣръ: Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, прот. № 107.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41—50; Дмитр. в. к., вяз. 9, д. 47; Брянск. воев. канц., оп. 7, вяз. 2, д. 23.

[5]) Дмитр. воев. канц., вяз. 13, д. №№ 3 и 9.

освидѣтельствовать его и донести по начальству. Такіе случаи особенно часто, конечно, наблюдались по Петербургско-Московской дорогѣ. Въ 1740 году молодой дворянинъ Петръ Веревкинъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Петербургъ для опредѣленія въ кадетскій корпусъ. Въ дорогѣ онъ заболѣлъ въ Клину, слегъ на квартирѣ ямщика и о болѣзни своей далъ знать мѣстному воеводѣ. Освидѣтельствованіе его было произведено по приказанію послѣдняго состоящимъ у подушнаго сбора офицеромъ и двумя мѣстными дворянами, нашедшими, что онъ «весьма боленъ признатно горячкою»; о происшедшемъ было донесено въ сенатъ[1]); въ 1747 году въ томъ же Клину заболѣлъ офицеръ Преображенскаго полка, князь Морткинъ; было произведено такое же освидѣтельствованіе, и донесеніе послано въ полкъ[2]).

Кромѣ такихъ случайныхъ освидѣтельствованій на всѣхъ областныхъ властяхъ лежало періодическое освидѣтельствованіе недорослей, возложенное на нихъ закономъ. Въ дополненіе къ извѣстному указу 31 декабря 1736 года, ограничившему дворянскую службу 25 годами, именной указъ 9 февраля слѣдующаго 1737 года предписалъ всѣмъ недорослямъ отъ 7 лѣтъ, «нынѣ явиться и записаться у герольдмейстера въ Петербургѣ, а въ Москвѣ и въ губерніяхъ у губернаторовъ, объявляя лѣта и чему кто учился»; обязательство записки установилось и на будущее время вмѣстѣ съ обязательствомъ вторичной явки въ 12 лѣтъ для удостовѣренія, что они обучены читать и писать, и, наконецъ, окончательной явки на службу въ возрастѣ 16 лѣтъ[3]). По новому дополнительному указу 19 февраля того же года слѣдить за тѣмъ, чтобы недоросли дѣйствительно обучались отъ 7 до 16 лѣтъ, должны были губернаторы и воеводы[4]). Фактическая обстановка подобныхъ смотровъ рисуется изъ слѣдующаго документа: 20 августа 1756 года Клинскій помѣщикъ, отставной сержантъ Алексѣй Петровъ Благовъ заявилъ въ воеводскую канцелярію, что «у него имѣется сынъ Александръ и обучается россійской грамотѣ, отъ роду ему нынѣ 7 лѣтъ». Благовъ просилъ, чтобы сыну его былъ учиненъ первый смотръ, и дано въ этомъ смотрѣ свидѣтельство. Воевода приказалъ Благову помянутаго сына своего Александра въ Клинскую воеводскую канцелярію «представить на первый смотръ, и ежели онъ, недоросль Александръ, по усмотрѣнію явится не свыше указанныхъ лѣтъ, того ради его Александра для обученія россійской грамотѣ твердо читать и чисто писать до двѣнадцатилѣтняго возраста отдать оному отцу его»[5]). Если смотръ убѣждалъ въ неудовлетворительности обученія

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 6, д. 7.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 10, д. 45/343; другіе примѣры: вяз. 11, д. 367/70, 409/112; оп. 1, вяз. 41, прот. № 61.

[3]) П. С. З., X, № 7171; подтвержденіе: П. С. З., XI; № 8344 (1742); ст. XII, № 9465 (1747 г.).

[4]) П. С. З., X, № 7182.

[5]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, прот. № 83; примѣръ общаго смотра недорослей: Сен. Арх. III, 79—81.

или если обучать было некому, то губернская канцелярія могла отсылать недорослей въ гарнизонную школу[1]). Таковы были обязанности губернаторовъ и воеводъ, касавшіяся дворянской службы: сложностью онѣ не отличались, но при большомъ значеніи службы дворянъ и при многочисленности дворянъ въ нѣкоторыхъ, особенно въ центральныхъ областяхъ, ихъ нельзя отнести къ числу маловажныхъ.

По отношенію къ служилому дворянству губернаторы и воеводы были мѣстными агентами центральнаго правительства: по отношенію къ владѣльческимъ крестьянамъ они были представителями правительства, какъ бы аккредитованными при помѣщикѣ, владѣльцѣ крѣпостныхъ душъ: они помогали ему осуществлять его власть, а въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ впрочемъ, случаяхъ должны были мѣшать его злоупотребленіямъ. Впрочемъ къ области административной дѣятельности губернаторовъ и воеводъ относятся почти исключительно мѣры перваго рода: защита крѣпостныхъ, поскольку она входила въ компетенцію областныхъ властей, относится, главнымъ образомъ, къ ихъ судебной дѣятельности.

На губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ лежала прежде всего обязанность регистрировать закономѣрныя передвиженія и отлучки крѣпостныхъ людей: для этого должна была служить записка паспортовъ, въ особыя книги, имѣвшіяся въ каждой канцеляріи, за что взималась небольшая пошлина. О запискѣ этой я уже говорилъ выше. Затѣмъ областныя учрежденія регистрировали куплю-продажу крестьянъ и дворовыхъ[2]). Вмѣстѣ съ регистраціей купли-продажи областнымъ учрежденіямъ принадлежала также регистрація отпуска на волю[3]) и, наоборотъ, запись «въ услуженіе», т.-е. отдача въ крѣпостные лицъ, имѣвшихъ личную свободу, что было если не обыденнымъ, то все же живымъ явленіемъ до изданія указа 6 апрѣля 1775 года[4]), запретившаго свободнымъ людямъ записываться въ крѣпостные.

Едва ли не самыми обычными и чаще всего повторявшимися дѣйствіями областныхъ властей, касавшимися владѣльческихъ крестьянъ, были мѣры къ водворенію на мѣсто бѣглыхъ, живущихъ по незаконному виду, просрочившихъ паспортъ и т. д. Московская губернская канцелярія была прямо таки завалена дѣлами подобнаго рода: часто съ ними сталкивались и низшія областныя учрежденія. Обыкновенно бѣглый или безпаспортный съ мѣста поимки препровождался въ ту мѣстность гдѣ, по его словамъ, онъ былъ приписанъ. Здѣсь производилось слѣдствіе «о природѣ его и что онъ при прошедшей ревизіи въ подушномъ окладѣ написанъ ли и, буде паче чаянія окажется не написаннымъ», дѣлалось распоряженіе о внесеніи его въ этотъ окладъ, чтобы онъ

[1] Моск. губ. канц., кн. 59, журналъ 5 октября 1737 года.

[2] Примѣры: Моск. губ. канц., книга 188, л. 372, другіе примѣры см. протоколы Моск. губ. канцеляріи (кн. 59—232 и другихъ областныхъ учрежденій

[3]) Примѣры: Моск. губ. канц., кн. 59—232

[4] Примѣры: записи въ крѣпостные: Моск. губ. канц., кн. 59—232, 413—438; Клин. в. к., оп. 6, вяз. 8, д. 16/312; указъ 1775 г.: П. С. З. XX, № 14294.

праздно не шатался. Отъ помѣщика, которому принадлежалъ бѣглый или безпаспортный, требовалось подтвержденіе владѣльческихъ его правъ въ видѣ «сказки съ крѣпкимъ подтвержденіемъ», даваемой самимъ владѣльцемъ или его приказчикомъ[1]). Всѣ описанныя дѣйствія совершались областными канцеляріями всѣхъ трехъ степеней; различіе могло быть только въ количествѣ дѣлъ, которыя возникали тѣмъ чаще, чѣмъ городъ былъ крупнѣе, чѣмъ ближе онъ лежалъ къ большимъ торговымъ путямъ и чѣмъ больше было въ окрестностяхъ его дворянскихъ имѣній.

Наконецъ, областныя власти должны были принимать участіе въ подавленіи періодическихъ вспышекъ крестьянскаго недовольства; усмирить бунтъ, въ особенности если онъ разливался широкой волной и охватывалъ большую территорію, областныя власти своими силами не могли; не только жалкія команды разсыльщиковъ и солдатъ при подушномъ сборѣ, но и гарнизонные полки, состоявшіе при губернаторскихъ канцеляріяхъ, не были въ состояніи справиться съ большимъ бунтомъ[2]). Обычно въ такихъ случаяхъ власть центральная или власть губернская обращалась къ полевымъ войскамъ, а низшимъ мѣстнымъ учрежденіямъ предписывалось оказывать всяческую помощь посланнымъ командамъ; отъ этихъ командъ воеводскія канцеляріи получали побитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ непріятелей для назначенія надъ ними слѣдствія[3]).

По отношенію къ крестьянамъ дворцовымъ, обязанности общихъ областныхъ властей, съ юридической стороны очень сходныя съ тѣмъ, что мы видѣли касательно крестьянъ владѣльческихъ, осложнялись тѣмъ, что надъ дворцовыми вотчинами сохраняла свою власть главная дворцовая канцелярія. На практикѣ это могло служить даже къ пользѣ крестьянъ, потому что сильная и вліятельная дворцовая канцелярія принимала иногда сторону дворцовыхъ крестьянъ въ ихъ недоразумѣніяхъ и спорахъ съ общими властями. Въ 1749 году крестьяне Ярополческой волости Владимірскаго уѣзда пожаловались на притѣсненія Гороховецкаго воеводы Чигагова; главная дворцовая канцелярія не только приняла ихъ жалобу, но дѣятельно поддерживала ихъ въ теченіе всего судебнаго процесса, который они затѣяли противъ воеводы[4]).

Населеніе городовъ, посадская община, къ которой по существу примыкаетъ свободное, незакрѣпощенное крестьянство — сельская община, преимущественно сѣверная, представлялись для губернатора и воеводы-дворянина чѣмъ-то низшимъ, «подлымъ», на что можно было смотрѣть свысока и съ чѣмъ можно было не церемониться. Однако, эта

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59—232; Клин. воев. канц., оп. 1, в. 41—50; отдѣльные примѣры: вяз. 41, протоколы №№ 2, 20, 34, 76, 80.

[2]) Примѣръ: Моск. губ. канц., кн. 188, л. 401.

[3]) Фактическіе примѣры: *Соловьевъ*, V, т. XXI, 259, 260; т. XXIII, 687—690; VI, т. XXIX, 1020—1025. *Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I: помѣщичьи крестьяне, гл. XIII, посессіонные крестьяне, гл. II; т. II: крестьяне церковныхъ вотчинъ, гл. III, приписные къ горнымъ заводамъ, гл. III и VI.

[4]) Моск. губ. канц., вяз. 1706, д. 61.

низшая и чуждая среда не была средою вполнѣ безправной. Она имѣла нѣкоторыя права; въ случаѣ слишкомъ явнаго злоупотребленія или слишкомъ сильнаго гнета посадъ могъ найти средство защиты. Власть мѣстнаго администратора, знавшая на практикѣ очень мало преградъ, легче всего могла ихъ встрѣтить въ отношеніяхъ къ посаду.

Юридически отношенія воеводы къ посаду опредѣлялись статьей 11-ой наказа 1728 года. Губернаторы и воеводы должны «понуждать» ратуши, если бурмистры «въ дѣлахъ будутъ чинить продолженіе и волокиту»; — губернаторы, равно какъ и воеводы представляютъ апелляціонную инстанцію по отношенію къ суду ратушъ (и замѣнившихъ ихъ магистратовъ); губернаторы и воеводы принимаютъ жалобы на бурмистровъ: въ свою очередь «кто и бурмистрамъ учинитъ обиду, въ томъ, по прошенію ихъ», они должны «судъ и оборону давать и купечество отъ всякихъ постороннихъ обидъ и нападковъ охранять и въ томъ бурмистрамъ вспомогать». Это — отношенія контроля, содѣйствія и охраны.

Наблюденія надъ фактами убѣждаютъ въ томъ, что такія отношенія не были чужды практикѣ. Ратуши и позднѣе магистраты доносятъ воеводамъ о производствѣ выборовъ, о составѣ посадскаго управленія, о составѣ лицъ, выбранныхъ для исполненія той или иной посадской службы[1]). Администрація дѣйствуетъ совмѣстно съ посадскими учрежденіями въ вопросѣ о наборѣ рекрутовъ съ городского населенія, въ дѣлахъ, касающихся сдачи подрядовъ, организаціи откуповъ[2]). Въ случаѣ какого-нибудь замѣшательства въ дѣйствіяхъ городовыхъ магистратовъ, главное управленіе по посадскимъ дѣламъ — главный магистратъ — обращается къ содѣйствію мѣстной администраціи и съ напоминаніемъ о ея обязанностяхъ контроля и наблюденія: такъ напримѣръ, когда до главнаго магистрата дошло дѣло о дракѣ Кинешемскаго бургомистра съ мѣстнымъ купцомъ, магистратъ далъ указъ Кинешемскому воеводѣ, предписывая ему помочь разслѣдовать ссору, и увѣдомляя, что подробное слѣдствіе по дѣлу возложено имъ на Ярославскій магистратъ; указъ заканчивается общимъ внушеніемъ слѣдить за скорѣйшимъ изготовленіемъ въ Кинешемской ратушѣ всякихъ вѣдомостей и отчетныхъ документовъ и принимать мѣры понужденія противъ всякихъ замедленій[3]).

Контроль и наблюденіе губернаторовъ и воеводъ за посадскимъ населеніемъ осуществлялось еще и инымъ способомъ: посадскіе были плательщиками подушной подати, и потому надзору подлежало и ихъ переселеніе изъ одного города въ другой; губернаторскія и воеводскія канцеляріи производили приписку новыхъ лицъ въ купечество, наблюдали

[1]) Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 10, д. 102; Кинешемск. воев. канц. оп. 6, вяз. 1, д. 244; Каргопольск. воев. канц. оп. 3, вяз. 6, д. 47/324, вяз. 33, д. 274/590.

[2]) Архангелогородск. губ. магистрата, картонъ 1, д. 5, картонъ 2, д. 107, 108, картонъ 3, д. 194, 219.

[3]) Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 583.

за тѣмъ, чтобы въ случаѣ временнаго переѣзда подушный окладъ исправно уплачивался по мѣсту приписки, наконецъ, водворяли на мѣсто жительства тѣхъ посадскихъ, которые проживали по неправильно составленнымъ документамъ, выѣзжали съ постояннаго мѣста жительства безъ должнаго разрѣшенія или уклонялись отъ какой нибудь посадской службы дома[1]).

Такими должны были быть нормальныя отношенія между областными властями и посадомъ; но мы хорошо знаемъ тенденціи губернаторовъ и воеводъ злоупотреблять и безъ того большой властью, имъ данной. Правительство понимало это и старалось уберечь посадъ отъ возможности слишкомъ тяжелаго административнаго гнета. Въ именномъ указѣ о службѣ купцовъ по разнымъ должностямъ, изданномъ въ 1731 году, губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ управителямъ предписывалось «до выборовъ ничѣмъ и никакъ не касаться и приметокъ не чинить и собою выбранныхъ не перемѣнять и другихъ выбирать не принуждать, но кого купечество удостоятъ, тѣмъ и быть»[2]). Въ 1737 году послѣдовало новое напоминаніе губернаторамъ и воеводамъ въ томъ же духѣ[3]). Въ 1739 году Саратовской воеводской канцеляріи было послано напоминаніе не вступаться въ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію ратушъ, и во всемъ поступать по наказу 1728 года[4]). Въ 1741 году послѣдовалъ именной указъ «о непричиненіи обидъ и притѣсненій купцамъ въ провозѣ товара на мостахъ, перевозахъ и при взятіи пошлинъ[5]), читая который можно легко себѣ представить, какъ много торговый людъ страдалъ отъ притѣсненій администраціи. Въ то же время мѣстнымъ властямъ запрещалось располагать по своему усмотрѣнію посадскими и опредѣлять ихъ въ подьячіе, «чтобы такими непорядками купечеству обидъ не происходило»[6]). Очень возможно, что подобныя мѣры принимались потому, что воеводы и губернаторы не достаточно охраняли и уважали права посада. Начать хотя бы съ того тона, который нѣкоторые воеводы усвоили себѣ по отношенію къ посаду съ самаго момента введенія учрежденій 1727 года и подчиненія посада администраціи. Первый Каргопольскій воевода, майоръ Култашевъ, потребовалъ, чтобы ему была доставлена полная опись всего дѣлопроизводства мѣстнаго магистрата, списокъ подьячихъ этого учрежденія, подробный отчетъ по присылаемымъ указамъ, «все ль отправлено и зачѣмъ чего не отправлено», а «челобитчиковы дѣла судныя и разыскныя всѣ ль по указамъ и регламентамъ вершены, а которые не вершены, — зачѣмъ». Все это приказано было прислать въ скорости, безсрочно «понеже по силѣ Е. И. В. указовъ, въ городѣхъ градскимъ жителямъ судомъ и расправою велѣно быть вѣдомымъ у воеводъ по прежнему»[7]). Новый воевода присваи-

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59—232.

[2]) П. С. З., VIII, № 5794, ст. 11.

[3]) П. С. З., X, № 7207 (Именной указъ о запрещеніи губернаторамъ и воеводамъ вступать въ отданнныя на ратуши сборы), ст. 1, 11, 22.

[4]) П. С. З., X, № 7877.

[5]) П. С. З., XI, № 8457.

[6]) П. С. З., X, № 7620 (1738 г.).

[7]) Каргоп. воев. канц., оп. 1, вяз. 1, д. 9, лл. 60—62.

валъ себѣ полную власть надъ посадомъ и, видимо, не ожидалъ себѣ отпора; отъ такого представленія о своей власти недалеко и до дѣйствительныхъ злоупотребленій. О томъ, какъ распоряжались воеводы съ представителями посада, съ которыми имѣли соприкосновеніе по службѣ, можно видѣть изъ прошенія, поданнаго въ 1761 году въ Бѣлгородскій губернскій магистратъ выборнымъ Чугуевскаго кружечнаго двора Пашкинымъ и ларечнымъ Петровымъ. «Выбраны мы именованные въ Чугуевской кружечной дворъ для пріему и отдачи вина и новоположенныхъ денегъ сборщиками, почему при ономъ и находимся. А нынѣ Чугуевской воевода Акимъ Мальцовъ незнаемо для чего, какъ видно по однѣмъ нападкамъ, отлуча отъ должности насъ обоихъ, одного съ денежною казною, а другаго для истребованія онаго вина выслалъ въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію, гдѣ и находимся; и, между прочимъ, въ данной намъ инструкціи включено, чтобъ оное вино принять и везти подъ нашимъ смотрѣніемъ, которое должно ставить подрядчикамъ, отколь указомъ повелѣно будетъ привезть, его коштомъ, а намъ принимать въ Чугуевѣ наличное, отъ чего мы имѣемъ немалое опасеніе, дабы въ провозѣ тому вину какой утраты не послѣдовало и отъ того по бѣдности нашей не понести напрасныхъ убытковъ и не прійти въ крайнее состояніе и разореніе»[1]).

Конечно, посадъ былъ не вполнѣ безправенъ: магистратъ губернскій и магистратъ главный со времени возстановленія ихъ при Елизаветѣ могли оказать защиту не въ мѣру тѣснимымъ посадскимъ; и Чугуевскіе ларечные шли по наиболѣе правильному и вѣрному пути обороны отъ воеводскихъ притѣсненій. Въ 1757 году главный магистратъ запретилъ Старорусскому воеводѣ держать «напрасно подъ карауломъ и такъ безпорядочно съ обнаженными шпагами, яко злодѣевъ», членовъ Старорусскаго магистрата, несмотря на то даже, что они провинились по какимъ-то фискальнымъ дѣламъ[2]). Можно привести и другіе способы защиты посадскихъ людей: крупные представители купечества не боялись затѣвать процессы даже съ губернаторами[3]), иные прибѣгали къ болѣе простымъ средствамъ и дерзали вступать съ представителями администраціи въ рукопашную[4]). Отношенія администраціи къ посаду слагались различными путями: тамъ, гдѣ у обѣихъ сторонъ хватало умѣнія и такта, чтобы мирно дѣлать свое дѣло бокъ о бокъ одна съ другой, могли установиться ровныя и выгодныя для тѣхъ и другихъ отношенія; въ противномъ случаѣ открывалось неизмѣримое поле для произвола, гдѣ побѣдителемъ оставался тотъ, кто въ данный моментъ оказывался сильнѣе. Что эти отношенія не были на практикѣ нормальными, доказываютъ многочисленныя жалобы горожанъ въ наказахъ, поданныхъ въ комиссію 1767 года. Стремленіе получить исключительно въ свои

[1]) **Бѣлгородской губернской канцеляріи, оп. 3, вяз. 1, д. 38, л. 1.**

[2]) **Старорусскаго город. магистрата, оп. 1, вяз. 1, дѣло 1, л. 16.**

[3]) Дѣла сената, кн. 154/370.

[4]) *Грибовскій*, Матеріалы для исторіи высшаго суда, № 138. Примѣры борьбы посадовъ противъ угнетеній областныхъ властей у *Соловьева*, VI, т. XXVII, 289—290.

руки городскую полицію и судъ надъ купечествомъ, съ тѣмъ, чтобы воеводы не имѣли никакого отношенія къ тому и другому, можно считать всеобщимъ[1]). Очень похоже на отношеніе воеводъ къ посаду должны были складываться и отношенія ихъ къ земскимъ мірамъ русскаго сѣвера, все еще сохранявшимъ потухавшія искры своей самобытности: выборы земскихъ старостъ подлежали вѣдѣнію и утвержденію воеводъ[2]); какъ и въ отношеніи городскихъ жителей не въ мѣру ретивый воевода могъ оказывать на земскіе міры давленіе въ самой разнообразной формѣ: тотъ же неугомонный Култашевъ, дававшій «указы» Каргопольскимъ бурмистрамъ, сочинялъ и инструкціи земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ[3]).

Очень мало опредѣленными были отношенія губернской и воеводской администраціи къ духовенству. Наказъ подходилъ къ нимъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, статья 13-я устанавливала подчиненіе вотчинъ духовныхъ учрежденій губернаторамъ и воеводамъ. Со стороны сильныхъ и вліятельныхъ представителей духовенства это съ самаго начала, какъ мы имѣли случай убѣдиться, разсматривалось, какъ вторженіе въ чужую и притомъ привилегированную область[4]); во-вторыхъ, отношеній къ духовенству касались статьи 18-я и 19-я, устанавливавшія содѣйствіе свѣтскихъ областныхъ властей духовному начальству въ дѣлѣ искорененія ересей и недопущенія иновѣрной пропаганды[5]); тотъ же

---

[1] О передачѣ полиціи въ вѣдѣніе магистратовъ просятъ наказы городовъ — Коломны Сб. Р. И. О., т. XCIII, 142, Костромы, 167, Серпухова, 203, Алексина, 306, Кадуя, 327, Рузы, 373, Звенигорода, 487, Епифани, т. CVII, 5, Лихвина, 92, Калуги, 98, Кинешмы, 125, 126, Гороховца, 176, Опочки, 279, Порхова, 285, Великихъ-Лукъ 340, Чебоксаръ, 587, Галича, т. CXXIII, 397, Каргополя 421; о передачѣ суда въ руки купцовъ просятъ наказы Дмитровскій, т. XCIII, 95, Московскій, 127, Костромской 163—164; Звенигородскій, 483, Нерехтскій, 515, Волоколамскій, т. CVII, 72, Холмогорскій, т. CXXIII, 472.

[2]) Каргопол. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 6/263, вяз. 2, д. 17/277, 20/280. Эта функція принадлежала воеводамъ и въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ закрѣпощенной Россіи, гдѣ оставались пережитки древней волостной организаціи: такъ Гдовскіе воеводы наблюдали за тѣмъ, какъ крестьяне разныхъ вотчинъ 14 губъ Гдовскаго и бывшаго Кобыльскаго уѣздовъ выбирали своихъ губныхъ сотскихъ. Эти остатки старины сохранялись еще въ 1772 году; выборы производились отъ губъ: Гдовской, Рудницкой, Кушельской, Черемской, Купенской, Поленской, Наровской, Каменской, Вѣтвѣницкой, Кобыльской, Ремецкой, Гвоздинской и Моцкаго и Маслогостицкаго полугубій. (Гдов. воев. канц., оп. 12, вяз. 3, д. 72).

[3]) Каргоп. воев. канц., оп. 3, вяз. 1, д. 11/263, л. 23—24. Объ отношеніяхъ администраціи къ посаду см. также *Блинова*, Губернаторы, 77—79.

[4]) См. выше, стран. 94 и 95.

[5]) П. С. З., VIII, № 5333 (ст. 13: Синодскаго вѣдомства о вотчинахъ и управителяхъ, ст. 18: о развратникахъ въ вѣрѣ и ст. 19: о обрѣзающихъ въ магометанство и о крещающихъ въ иновѣрство. На Казанскаго губернатора и подчиненныхъ ему воеводъ указомъ 19 ноября 1742 г. была возложена особая обязанность слѣдить за совращеніями православныхъ въ магометанство. (П. С. З., XI, № 5664). Совмѣстной дѣятельностью духовныхъ и свѣтскихъ властей разбирались и дѣла объ оскорбленіи святыни, которыя, вѣроятно, подводились подъ дѣйствіе указанныхъ сейчасъ статей наказа; примѣры:Užд. пров. канц., оп. 2, вяз. 5, д. 265.

принципъ содѣйствія духовенству устанавливали и указы объ обязательной исповѣди. Такова была формальная сторона; на сторону фактическую большое вліяніе оказывали рангъ и положеніе духовныхъ лицъ, съ которыми губернаторамъ и воеводамъ приходилось имѣть дѣло: низшее сельское и городское духовенство было слабо въ соціальномъ отношеніи; можно сказать болѣе, оно было безправно; поэтому съ нимъ не церемонились, несмотря на неподсудность его свѣтской администраціи, и воевода, напримѣръ, не стѣснялся держать подъ арестомъ приходскаго священника, котораго обвиняли въ прикосновенности къ разбоямъ, но о которомъ даже не начато было слѣдствія[1]).

Но духовенство высшее не боялось областныхъ правителей и умѣло съ ними говорить рѣшительно и твердо. Въ ноябрѣ 1765 года въ Кинешемской воеводской канцеляріи разыгрался слѣдующій инцидентъ; я излагаю его въ версіи воеводы, коллежскаго асессора Никитина: «Сего ноября въ 18 день, по выходѣ моемъ изъ присутствія, т.-е. пополудни во 2-мъ часу, въ бытность мою въ воеводскомъ домѣ, гдѣ жительство имѣю, пришедъ ко мнѣ города Кинешмы церкви Казанскія Пресвятыя Богородицы дьячекъ Иванъ Ивановъ сынъ Поповъ — онъ же и Заворохинъ, и сперва бывъ допущенъ по докладу, просилъ словесно, якобы его въ Кинешемскомъ питейномъ домѣ билъ компанейщикъ Иванъ Тупицынъ: и просилъ учинить съ нимъ удовольствіе; по которому его прошенію посланъ былъ отъ меня унтеръ-офицеръ, и возвратясь словесно меня репортовалъ, что помянутаго Тупицына въ питейномъ домѣ не изошелъ; а потомъ въ самой скорости вышеописанный же Поповъ вторично ко мнѣ прибѣжалъ и безъ докладу своевольствомъ вошедъ въ покой и двери настежъ непристойнымъ образомъ растворилъ, и приступая ко мнѣ къ грудямъ азартно объявлялъ, что его Попова якобы незнаемо чьи крестьяне били напрасно; почему я объявилъ, чтобъ онъ на тѣхъ людей, кто его преобидѣлъ, просилъ по командѣ, гдѣ надлежитъ, письменно; но онъ Поповъ, нимало пріемля въ совѣсть, съ великою азартностью и весьма неучтиво предо мною кричалъ и употреблялъ непристойныя и вредительныя чести моей слова, которыхъ и упоминать здѣсь невозможно; а потомъ съ немалымъ принужденіемъ вышедъ изъ сѣней, ругалъ меня непристойными жъ словами, при томъ же и замахивался меня троекратно бить, и выбѣжавъ предъ покои, при народномъ сидѣніи, непорядочные поступки чинилъ и замахивался жъ бить, но, какъ увидя то, жена моя закричала прилучившимся въ покояхъ у меня Кинешемской воеводской канцеляріи секретарю Андрею Тулупову да подпоручику Ивану Кабанову, дабы они отъ него Попова меня оборонили и намѣренію его воспрепятствовали; почему предписанные секретарь Тулуповъ и подпоручикъ Кабановъ, выбѣжавъ изъ покоевъ и ему Попову того его злаго намѣренія дѣйствомъ учинить не допустили, и егда бъ не черезъ нихъ я могъ себѣ получить защищеніе, то бъ всеконечно оный

[1]) Кинешем. воев. канц., оп. 6, вяз. 1, д. 255.

Поповъ по такому своему намѣренію учинить могъ мнѣ злодѣйство. И за всѣ тѣ непорядочно чинимые и наглые поступки велѣлъ я взять его Попова въ Кинешемскую воеводскую канцелярію подъ караулъ, который и содержится». Воевода предлагалъ своей канцеляріи поступить съ дьячкомъ Поповымъ «по указамъ», «а о безчестіи моемъ и жены моей», заканчивалъ воевода, «на онаго Попова буду бить челомъ, гдѣ надлежитъ, дабы таковые подобные люди не могли главнаго командира преобидѣть и не учинили бъ какого впредь злодѣйства». Однако, дьячекъ не растерялся и пожаловался своему прямому начальству, Суздальскому епископу Геннадію, излагая происшедшее нѣсколько иначе: по его словамъ, «онъ, дьячекъ, вторично къ воеводѣ пришелъ для просьбы на бившихъ его крестьянъ, а оный де воевода не точію по оной его просьбѣ какое ему удовольствіе или защищеніе учинилъ, но, взявъ его дьячка за воротъ, вывелъ въ сѣни, билъ всячески съ женою своею и прилучившимися у него въ домѣ подпоручикомъ Иваномъ Никитинымъ да секретаремъ Андреемъ Тулуповымъ, и не удовольствуясь де тѣмъ, вытащивъ его изъ сѣней обще съ женою своею и таща, кричали находящимся при оной Кинешемской канцеляріи сержанту и прочимъ солдатамъ: тащите его въ канцелярію и бейте и прикуйте на стѣнную чепь, причемъ до самой канцеляріи, шедъ за нимъ дьячкомъ, билъ же; и какъ де повели его дьячка на лѣстницу, то оный же воевода пнулъ его ногою въ тайные уды, отъ котораго де удара и поврежденія оныхъ удъ едва живъ находится». Владыка приказалъ послать въ Кинешемскую воеводскую канцелярію указъ съ приказаніемъ, «если подлинно предписанный дьячекъ Иванъ Ивановъ безъ вѣдома духовной команды взятъ и въ оной Кинешемской воеводской канцеляріи безъ подлежащихъ по указамъ и государственнымъ узаконеніямъ до него, яко состоящаго въ вѣдомствѣ духовной команды, — дѣлъ и касательства въ содержаніи и прикованъ на стѣнной чепи обрѣтается, то его дьячка, спустя съ той чепи, изъ оной канцеляріи немедленно свободить; а чего для и по каковымъ именно дѣламъ и винословіямъ оный дьячекъ Ивановъ, яко не подъ аппеляціей той воеводской канцеляріи состоящій, во оную канцелярію былъ взятъ и содержанъ на стѣнной чепи, и о томъ въ консисторію изъ оной воеводской канцеляріи прислать извѣстіе со всякимъ обстоятельствомъ въ указный по регламенту срокъ неотмѣнно»[1]).

Въ данномъ случаѣ архіерей заступился за своего подчиненнаго обиженнаго по его мнѣнію, воеводой, но соперничество и даже вражда свѣтскаго правителя съ высшими представителями духовенства могла возникнуть и безъ этого; особенно, повидимому, легко такая вражда вспыхивала въ глухихъ уголкахъ имперіи. Въ 60-хъ годахъ до сената и синода доходило дѣло о совершенно произвольномъ отлученіи отъ церкви, наложенномъ Сибирскимъ митрополитомъ Павломъ на Тарскаго воеводу Бабановскаго[2]). Бывали случаи, что представители церкви позволяли

---

[1]) Кинешемской воев. канц., оп. 15, вяз. 1, д. 933, л. 1—2, 13—14.

[2]) *Грибовскій.* Матеріалы по исторіи высшаго суда. № 3.

себѣ поступки, свидѣтельствовавшіе объ очень своеобразныхъ нравственныхъ ихъ качествахъ и о томъ, какъ низко авторитетъ свѣтской власти стоялъ въ ихъ глазахъ. 9 декабря 1744 года, доносилъ въ сенатъ Вятскій провинціальный воевода Писаревъ, ѣхалъ онъ въ четвертомъ часу ночи изъ квартиры своей въ Вятскую провинціальную канцелярію для свидѣтельства и подписанія бумагъ, но на дорогѣ напали на него «Вятскаго архіерея служители и школьники многолюдствомъ съ дубьемъ и хотѣли его воеводу бить, изъ которыхъ онъ, поймавъ двухъ человѣкъ, привезши, объявилъ въ провинціальной канцеляріи». Здѣсь задержанные были допрошены, а затѣмъ, въ пятомъ часу ночи произошло слѣдующее. Вятскій архіерей Варлаамъ съ архимандритомъ Успенскаго Трифонова монастыря Іоасафомъ Потемкинымъ «и со многолюдствомъ служителей своихъ, пріѣхавъ въ провинціальную канцелярію, гдѣ зерцало и присутствіе имѣется, и его воеводу Писарева при засѣданіи, пренебрегая и нарушая права государственныя, бранилъ скаредною бранью и ударилъ его при томъ же стоящемъ зерцалѣ и въ присутствіи правою рукою по лѣвой щекѣ, при свидѣтеляхъ». Со своей стороны прислалъ донесеніе и архіерей. Онъ указывалъ, что сынъ воеводы, подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Левъ Писаревъ, будучи въ Вяткѣ, «чинилъ не малые непорядочные поступки. Въ томъ числѣ, во время бытности въ домѣ архіерея оный Л. Писаревъ подносилъ за здоровье вѣрныхъ слугъ Ея Императорскаго Величества, отъ котораго онъ, архіерей, пукалъ съ обычайнымъ поздравленіемъ и выпилъ, и пѣвчіе пѣли многолѣтіе, а когда оный Л. Писаревъ за то жъ здоровье взялъ съ напиткомъ пукалъ» и просилъ архіерея позволить пѣвчимъ пѣть еще, то молодой гвардеецъ приказалъ пѣвчимъ пѣть вѣчную память. Впрочемъ, на другой день воевода съ сыномъ пріѣхали къ архіерею извиняться, и инцидентъ былъ, казалось, улаженъ. Еще черезъ день, въ злополучное 9-го декабря, воевода позвалъ архіерея обѣдать; архіерей привезъ съ собою своего казначея, желая, по его словамъ, помирить послѣдняго съ воеводой. Вмѣстѣ съ казначеемъ взяты были «и студентовъ», т.-е. семинаристовъ, «человѣкъ съ десять». Воевода хотѣлъ задержать казначея, но тотъ убѣжалъ, послѣ чего воевода, вмѣстѣ съ сыномъ, по словамъ архіерея, пьяные, отправились разыскивать бѣжавшаго казначея и, на пути не найдя того, кого имъ было нужно, схватили двухъ служащихъ семинаріи и консисторскаго казначея, привезли ихъ сначала на воеводской дворъ, избили, а потомъ, въ пятомъ часу ночи повезли пытать въ канцелярію. Архіерей, увѣдомленный о происходившемъ, поѣхалъ выручать своихъ; въ своемъ донесеніи онъ признавалъ, что, явившись въ канцелярію, въ отвѣтъ «на неучтивыя слова» воеводы онъ его «яко непокорнаго и пренебрегающаго честь пастырскою своею рукою по ланитѣ дерзнуть понудился». Этимъ, однако, подвиги архіерея не ограничились. Нѣсколько дней спустя молодой Писаревъ отправился изъ Вятки на службу. Архіерей, желая его «яко убійцу», т.-е. избившаго консисторскаго казначея, задержать «и представить въ команду, куда слѣдуетъ, для слѣдствія по сему дѣлу», взялъ съ собою опять архиманд-

рита Іоасафа и десять служителей и отправился въ погоню за воеводскимъ сыномъ и провожавшимъ его воеводою. Произошла битва, въ которой воевода, имѣвшій при себѣ большой конвой, одолѣлъ, людей архіерейскихъ били, «а Левъ Писаревъ его, архіерея, зашибъ по рукамъ». Получивъ оба донесенія, сенатъ, опираясь на 106 статью X главы Уложенія и на 55 главу генеральнаго регламента требовалъ, въ Петербургъ для слѣдствія и воеводу и архіерея. За послѣдняго, однако, вступился синодъ, потребовавшій, чтобы воевода былъ присланъ къ отвѣту въ высшее учрежденіе русской церкви; несмотря на то, что поведеніе архіерея было совершенно невозможнымъ, онъ все же нашелъ заступниковъ въ высшемъ духовномъ учрежденіи, и престижъ свѣтской власти, кажется, возстановленъ не былъ[1]).

Мнѣ остается коснуться отношеній и обязанностей губернаторовъ и воеводъ еще къ одной группѣ населенія имперіи — къ инородцамъ. Особой сложностью они не отличались. Съ инородцевъ замиренныхъ, давно вошедшихъ въ составъ жителей имперіи, но все еще платившихъ не обычныя подати, а особую дань — ясакъ, губернаторы и воеводы должны были эту дань принимать, управляя ими на общихъ основаніяхъ[2]). Поступки Волынскаго съ Казанскими инородцами могутъ служить лучшимъ примѣромъ того, во что вырождались отношенія къ инородцамъ со стороны даже лучшихъ администраторовъ XVIII вѣка.

Инородцы, еще не получившіе своего опредѣленнаго мѣста въ составѣ жителей имперіи, разсматривались какъ вещи, которыя можно обратить въ полную собственность. По указу 20 января 1738 года, областныя власти получили право записывать инородцевъ въ холопство, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы такіе холопы не оставались жить среди своихъ соплеменниковъ, а перевозились въ другія области страны. Этотъ законъ особенно часто примѣнялся къ Башкирцамъ, и поэтому Уфимская провинціальная канцелярія занимаетъ едва ли не первое мѣсто по числу записей инородцевъ въ холопство. Происхожденіе подобныхъ холоповъ очень различное; большею частью, это молодежь, часто дѣти обоего пола, захваченные въ плѣнъ во время частыхъ карательныхъ экспедицій въ Башкирію, которыхъ захватившіе ихъ казаки, солдаты и офицеры брали себѣ или продавали иногда за самую ничтожную цѣну всѣмъ, кому была охота ихъ купить; такъ, напримѣръ, приказчикъ Демидова купилъ у отставного драгуна двухъ взрослыхъ башкирскихъ дѣвокъ за 4 рубля. Ограниченій въ правѣ владѣнія такими холопами инородцами, видимо, не было, и среди лицъ, обращавшихся къ мѣстной власти для записи и порученія «владѣльнаго указу», можно было встрѣтить людей не только дворянскаго происхожденія,

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 169, ч. II. *Соловьевъ*, V, т. XXI, 264; т. XXII, 327. Аналогичные случаи недоразумѣній между духовными и свѣтскими властями и жалобъ ихъ другъ на друга, *Соловьевъ*, V, т. XXII, 327—330, т. XXIII, 615—616.

[2]) П. С. З., VIII, № 5481, XI, № 8785.

но и мѣстныхъ замиренныхъ инородцевъ-богачей, лѣкарей-нѣмцевъ, купцовъ и т. п.[1]).

Таковы обязанности, которыя лежали на губернской и воеводской администраціи по отношенію къ различнымъ соціальнымъ группамъ, и тѣ фактическія условія, въ которыхъ онѣ проявлялись. Различныя ступени управленія мало чѣмъ разнились одна отъ другой въ этой области. Въ своей совокупности эти обязанности должны были занимать видное мѣсто среди занятій областныхъ правителей; практика должна была скорѣе осложнять, чѣмъ упрощать ихъ, ибо именно въ этой области было болѣе всего столкновеній живыхъ интересовъ, а слѣдовательно, борьбы, видоизмѣнявшей нормы закона, создававшей новые, иногда неожиданные случаи и образы ихъ примѣненія.

На губернаторахъ и воеводахъ лежали извѣстныя обязанности къ казеннымъ имуществамъ, предусматриваемыя законодательствомъ XVIII вѣка. Раздача дикихъ полей была обычнымъ дѣломъ воеводъ южной окраины Московскаго государства, съ того самаго момента, когда оно повело энергическую колонизацію черноземныхъ степей. Въ XVIII вѣкѣ эта дѣятельность, успѣвшая стать привычной, сохраняется только какъ воспоминаніе и какъ злоупотребленіе. Центральное правительство беретъ дѣло заселенія пустыхъ земель въ свои руки, а раздача дикихъ полей и порожнихъ земель рѣшительно запрещается указомъ 29 іюля 1731 года; пять лѣтъ спустя слѣдуетъ подтвержденіе его касательно закамскихъ земель съ предписаніемъ земли, розданныя ранѣе, а также, если «въ городахъ воеводы собою чинили дачи» — отписать въ казну[2]). Беря въ свои руки дѣло заселенія пустыхъ земель правительство предписывало совершать особыя съемки земель, годныхъ для колонизаціи; такъ въ 1737 году Царицынскому коменданту «даны были въ распоряженіе геодезисты для съемки мѣстностей отъ Волги по Сарпѣ, къ Дону, по рѣкѣ Хопру и отъ верховья Хопра паки до Саратова». Сенатъ тѣмъ временемъ долженъ былъ собрать обстоятельныя свѣдѣнія о составѣ будущихъ колонистовъ[3]). Въ это же самое время правительство выступаетъ съ обширнымъ планомъ колонизаціи заволжскихъ и закамскихъ мѣстностей Казанской губерніи: здѣсь колонизаціонная дѣятельность во второй четверти XVIII вѣка получаетъ наибольшее развитіе. Впрочемъ, исполненіе этого важнаго порученія возложено было на особую «надежную персону», губернаторамъ же и воеводамъ отведена была чисто служебная роль: они должны были принимать заявленія отъ отставныхъ воинскихъ чиновъ, предназначенныхъ для заселенія закамской линіи, провѣрять законность ихъ

[1]) Д. Сената, кн. 11/142, л. 127—129 (1743 г.; записано 10 чел. съ января по іюль); л. 159—160. (январь 1744 г.: записано 4 человѣка); л. 174—176 (февраль 1744 г. — записано 6 человѣкъ); въ теченіе 1742 г. записано всего 78 чел. тамъ же л. 12—18). Такія же записи, кн. 12/143, лл. 1463—1470. Указа 20 января 1738 года въ П. С. З. нѣтъ.

[2]) П. С. З., VIII, № 5810; IX, № 6919.

[3]) П. С. З., X, № 7249.

паспортовъ и направлять ихъ въ мѣста поселенія, снабжая пропускными письмами[1]). И въ дальнѣйшемъ ходѣ заселенія Закамья въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Казанскія губернскія власти и подчиненные имъ воеводы остаются на второмъ планѣ: первое мѣсто занимаютъ «надежныя персоны» — экстренные агенты правительственной власти, представители ярко развившейся въ XVIII вѣкѣ системы особыхъ порученій[2]).

Подобное же подчиненное положеніе занимаютъ и постоянныя мѣстныя власти юга, когда тамъ, въ третьей четверти вѣка, развивается новая колонизаціонная дѣятельность правительства, привлекающая сюда переселенцевъ преимущественно иностраннаго происхожденія. Высшее руководство разселеніемъ иностранныхъ колонистовъ было сосредоточено въ рукахъ особаго центральнаго учрежденія — канцеляріи опекунства иностранныхъ; губернаторамъ лишь предоставлялось на ряду съ упомянутой канцеляріей принимать заявленія отъ желающихъ переселиться; право, если не принимать въ разсчетъ Потемкина, платоническое, потому что выходцы и «вызыватели» колонистовъ предпочитали направлять свои ходатайства въ столицу и имѣть дѣло съ державшей въ своихъ рукахъ всѣ нити «канцеляріей опекунства». Разъ колонисты были водворены на мѣстахъ, мѣстныя власти должны были имъ «чинить всѣ вспоможенія», но «начальники во внутреннихъ ихъ распорядкахъ никакого участія» не имѣли: колоніи по отношенію къ губернаторамъ и воеводамъ оставались государствомъ въ государствѣ[3]), а когда обстоятельства заставили учредить въ поселенческихъ округахъ представителей власти государственной «для лучшаго наблюденія общественнаго порядка, для разбирательства случающихся отъ поселенцевъ просьбъ и для рѣшенія принадлежащихъ сельскимъ начальникамъ дѣлъ», то прибѣгли опять къ назначенію особыхъ агентовъ изъ отставныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ а въ Саратовѣ рядомъ съ воеводской канцеляріей учредили особую контору концеляріи опекунства иностранныхъ[4]).

Заботы о заповѣдныхъ лѣсахъ перешли на губернаторовъ и воеводъ съ уничтоженіемъ Петровской должности вальдмейстеровъ; онѣ изложены были въ указѣ 14 августа 1727 года, который поручалъ за лѣсами засѣчными и корабельными смотрѣть воеводамъ, каждому въ своемъ уѣздѣ и провинціи и губернатору въ цѣлой губерніи. Общій надзоръ за этимъ дѣломъ принадлежалъ адмиралтейской коллегіи[5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ количество заповѣднаго лѣса было велико, въ помощь воеводѣ мѣстное дворянство избирало изъ своей среды особыхъ завѣдую-

---

[1]) П. С. З., X, № 7136.

[2]) Д. Сената, кн. 12/109, 13/110.

[3]) П. С. З., XVII, №№ 11880, § 2, § 5 (манифестъ о дозволеніи иностранцамъ въѣзжать въ Россію); № 11881, § 5 инструкція канцеляріи опекунства иностранныхъ); оба документа отъ 22 іюля 1763 г.

[4]) П. С. З., XVII, № 12630 (28 апр. 1766 г.) XX, № 14902, (15 апр. 1775 г.). Подробнѣе объ этомъ у *Писаревскаго*, Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. М. 1909, стран. 195—197.

[5]) П. С. З., VII, № 5139.

щихъ заповѣдными лѣсами: такой порядокъ существовалъ, напримѣръ, въ Брянскѣ[1]). Въ другихъ мѣстахъ такой надзоръ поручался выборнымъ отъ населенія сотскимъ: такъ обстояло дѣло въ 60-хъ годахъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ[2]).

И горное дѣло составляло наслѣдіе Петра; обязанности губернаторовъ и воеводъ въ этой области устанавливались утвержденнымъ кабинетомъ 30 октября 1736 года представленіемъ генералъ-бергъ-директора и указомъ 3 марта 1739 года: роль областныхъ властей въ этомъ дѣлѣ была чисто подчиненная: на нихъ возлагалось описаніе управляемыхъ ими мѣстностей для разысканія, «гдѣ рудныя признаки являются», они должны были принимать заявленія о находкѣ руды и немедленно сообщать о всѣхъ такихъ находкахъ въ генералъ-бергъ-директоріумъ[3]).

Въ составъ земель, составлявшихъ достояніе казны поступали земли конфискуемыя; конфискація была обычнымъ явленіемъ въ XVIII вѣкѣ; я уже указывалъ въ свое время, что незаконное пользованіе конфискованными землями составляло, видимо, распространенный способъ злоупотребленій областныхъ властей. Вотъ, вѣроятно, почему статья 7-я инструкціи канцеляріи конфискаціи, по которой всѣ губернаторы и воеводы принимали въ свое вѣдѣніе конфискованныя земли, была отмѣнена, и въ 1737 году конфискованныя имѣнія рѣшено было приписывать къ ближнимъ дворцовымъ и прочимъ казеннымъ слободамъ и ясашнымъ волостямъ[4]).

Надзоръ за подчиненными и дисциплинарная власть надъ ними всегда входили въ кругъ административныхъ обязанностей губернаторовъ и воеводъ: при этомъ, конечно, чѣмъ шире былъ кругъ вѣдомства, тѣмъ болѣе встрѣчалось случаевъ примѣнить такую власть; передъ губернаторомъ лежало болѣе широкое поле дѣйствія, нежели передъ воеводами провинціальными, а тѣмъ болѣе городовыми. Случаевъ, относящихся сюда, очень много, и разнообразіе ихъ безконечно; я ограничусь нѣсколькими примѣрами. Губернская канцелярія принимаетъ жалобы на дѣйствія всѣхъ своихъ подчиненныхъ: дьячекъ села Синькова, Дмитровскаго уѣзда, жалуется на то, что воевода беретъ съ него взятки и тѣснитъ его въ земельной тяжбѣ: губернская канцелярія принимаетъ прошеніе дьячка и опредѣляетъ произвести дознаніе[5]); приходитъ другая жалоба на неправильности въ сборѣ подушныхъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, и здѣсь дѣлается распоряженіе Коломенской воеводской канцеляріи разыскать виновныхъ и взыскать съ кого слѣдуетъ[6]). Если нужно, губернское на-

[1]) Брянск. воев. канц., оп. 7, вяз. 2, д. 43.

[2]) П. З. З., XVIII, № 12876

[3]) П. С. З., IX, № 7086, X, № 7766: и ранѣе отношенія эти выражались въ видѣ содѣйствія изысканію рудъ: см. П. С. З., VIII, № 5278, указъ Курскому воеводѣ содѣйствовать лицу, заявившему, что онъ знаетъ мѣсторожденіе металловъ.

[4]) П. С. З., VIII, № 5347, X, №№ 7372, 7470.

[5]) Моск. губ. канц., кн. 60, л. 57—66.

[6]) Моск. губ. канц., кн. 60.

чальство посылаетъ нарочнаго агента. Калужскаго провинціальнаго воеводу заподозрѣли въ роспускѣ по домамъ поповскихъ и церковническихъ дѣтей, опредѣленныхъ въ службу, при чемъ онъ и одинъ изъ канцеляристовъ брали взятки по 10, по 5 и по 3 рубля, а всего на сумму 509 рублей, за обѣщаніе освободить поповичей отъ военной службы. Губернскія власти поручили разслѣдовать это дѣло мѣстному дворянину-помѣщику изъ состоящихъ на учетѣ герольдмейстерской конторы, снабдивъ его особой инструкціей и обязавъ обо всемъ рапортовать въ губернскую канцелярію[1]). Крестьяне дворцовой Даниловской слободы Ярославскаго уѣзда жалуются на обиды Любимскаго воеводы и его подьячаго съ приписью, о чемъ доводится до свѣдѣнія Московской сенатской конторы. Послѣдняя даетъ указъ до слѣдствія губернской канцеляріи, а та отъ себя поручаетъ его Костромской провинціальной канцеляріи[2]).

Калужскій дьячекъ донесъ, что Калужскіе купцы Кашинъ и Богуновъ ѣздятъ «мимо заставъ», т.-е. ведутъ торговлю контрабандой, съ вѣдома мѣстнаго воеводы; губернская канцелярія немедленно поручаетъ разслѣдовать дѣло Калужскому воеводскому товарищу[3]). Если нужно, то налагается и дисциплинарное взысканіе. Углицкій провинціальный воевода, вручая Моложскому посадскому человѣку Накладову «присланный Ея Императорскаго Величества указъ изъ Московской губернской канцеляріи», бросилъ ему его въ руки, «отъ котораго бросанья указъ упалъ на полъ». Накладовъ, злившійся на воеводу, донесъ въ тайную контору, которая увѣдомила о случившемся губернскую канцелярію; послѣдняя наложила на рѣзкаго въ движеніяхъ воеводу штрафъ въ 50 рублей[4]).

Если дѣло, за которымъ слѣдитъ губернская канцелярія или по которому ее «понуждаютъ» власти высшія, тянется и не исполняется достаточно скоро и исправно, то она посылаетъ напоминанія, угрожаетъ всякими взысканіями: на указъ объ исправномъ сборѣ подушныхъ Суздальская провинціальная канцелярія донесла въ 1739 году, что «по состоянію провинціи» всѣхъ подушныхъ денегъ взыскать невозможно; губернская канцелярія отвѣчаетъ суровой отповѣдью «взыскивать безъ упущенія, по силѣ указовъ», со всѣхъ тѣхъ, съ кого взыскивать надлежитъ[5]). Наставленіе губернаторамъ 1764 года даетъ имъ право «нерадивыхъ о должности своей или порочныхъ людей понуждать и исправлять разными въ законахъ изображенными образы, а въ случаѣ безнадежнаго исправленія имѣетъ власть отрѣшить отъ мѣста»[6]).

То, что губернская канцелярія дѣлаетъ въ большомъ масштабѣ, то учрежденія, ей подчиненныя, дѣлаютъ въ предѣлахъ своего вѣдомства:

[1]) М. губ. Канц., кн. 60, л. 37—40; аналогичный примѣръ: Вольновск. в. к. (въ дѣлахъ Хотмыжской воев. канц.), оп. 5, вяз. 1, л. 406.

[2]) М. губ. канц., кн. 62.

[3]) М. губ. канц., кн. 62.

[4]) М. губ. канц., кн. 59, л. 136—137.

[5]) Моск. губ. канц., кн. 62, л. 444.

[6]) П. С. З., т. XVI, № 12137, ст. 4.

принимаютъ жалобы, взыскиваютъ, напоминаютъ, ведутъ слѣдствіе[1]), и если высшія центральныя учрежденія иной разъ оказываютъ сильное давленіе на учрежденія губернскія, то давленіе это передается далѣе внизъ, губернія давитъ на провинцію, провинція на городового воеводу, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, на подвластныхъ ему канцеляристовъ, копіистовъ и разсыльщиковъ.

Кромѣ постояннаго круга обязанностей на областныя власти падали еще обязанности экстренныя, вызываемыя какъ распоряженіями правительства, такъ и обстоятельствами случайными. Среди первой категоріи одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимали дѣйствія губернаторовъ и воеводъ при «шествіи» Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ одной столицы въ другую. Выше я уже указывалъ, въ какой мѣрѣ шествія Ихъ Императорскихъ Величествъ вызывали хлопоты и заботы объ исправномъ состояніи дороги между обѣими столицами. Но этимъ дѣло не ограничивалось: подымалось на ноги все населеніе, и городское и деревенское, такъ какъ оно должно было доставлять подводы для всего двора, переселявшагося вслѣдъ за государемъ. На областныхъ правителяхъ лежалъ нарядъ подводъ съ уѣзда; городскія подводы снаряжали ратуши и магистраты[2]), и губернаторамъ и воеводамъ въ этой области принадлежалъ только надзоръ. Вотъ что пришлось дѣлать воеводамъ по Петербургско-Московской дорогѣ въ 1754 году, когда ожидалось «шествіе» императрицы Елизаветы Петровны изъ Москвы въ Петербургъ. Въ февралѣ сенатъ разсылалъ указы, повелѣвавшіе приготовить «на каждомъ яму» (то-есть въ Москвѣ, Клину, Твери, Торжкѣ, Вышнемъ Волочкѣ, Хотиловѣ, Зимнегорьѣ, Крестцахъ, Бронницахъ, Новгородѣ, Чудовѣ и Тоснѣ) по 300 подводъ для перевозки вещей императрицы и придворнаго имущества. Росписаніе, по которому должны были быть приготовлены подводы «для отправленія Ея Императорскаго Величества гардеробу и протчаго», было составлено такимъ образомъ, что въ Клину, напримѣръ, должны были быть 100 подводъ съ Клинскаго уѣзда, 100 подводъ съ Московскаго уѣзда и по 50 подводъ изъ городовъ Вереи и Боровска. Въ Клинъ «для понужденія» воеводы былъ присланъ изъ столицы особый чиновникъ, асессоръ Языковъ, съ которымъ мѣстный воевода долженъ былъ сноситься «репортами»; для завѣдыванія уѣздными подводами былъ отряженъ Клинскій офицеръ при подушномъ сборѣ поручикъ Молодовъ. Самъ воевода встрѣчалъ подводы, пріѣзжавшія изъ Клинскаго и Московскаго уѣздовъ, осматривалъ ихъ, провѣрялъ ихъ число. Для смотрѣнія за подводами, чтобы лошади были въ исправности и подводы никуда не отлучались, наряжались особыя военныя команды: на каждый ямъ по 1 офицеру, 1 унтеръ-офицеру и 11 солдатъ. Приготовленія тянулись съ февраля по

---

[1]) Примѣры: Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 12, д. 55/482; оп. 10, в. 5, д. 33; Гдов. воев. канц., оп. 4, вяз. 1, д. 47; Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 571.

[2]) Объ этой службѣ посадскаго населенія см. *А. А. Кизеветтера*, Посадская община въ XVIII вѣкѣ, стран. 364—365.

апрѣль, и можно смѣло утверждать, что въ эти мѣсяцы заботы о шествіи поглотили у воеводы и его канцеляріи почти все служебное и неслужебное время. Я описалъ то, что дѣлалось въ одномъ городѣ Клину; совершенно то же дѣлалось въ Твери, Торжкѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ, черезъ уѣзды которыхъ проходила Петербургско-Московская дорога. Но не слѣдуетъ думать, что «шествіемъ» были заняты одни только власти губерній, провинцій и городовъ, лежавшихъ по самой дорогѣ между столицами; подводы должны были поставить еще слѣдующіе города и уѣзды: Серпуховъ, Коломна, Верея, Боровскъ, Дмитровъ, Кашинъ, Угличъ, Клинъ, Переяславль-Залѣсскій, Старица, Тверь, Торжокъ, Волоколамскъ, Ржева-Володимерова, Погорѣлое Городище, Осташковская слобода, Руса, Устюжна, Порховъ, Тихвинъ, Новгородъ, Псковъ, Ладога, Петербургъ съ пригородами — т.-е. почти вся Петербургская и Новгородская и добрая половина Московской губерніи[1]). Бывали случаи, что районъ, захватываемый хлопотами по шествію Ея Императорскаго Величества, былъ еще шире: въ 1766 году, когда ожидалось шествіе Екатерины II въ Москву, подводы на Петербургско-Московскую дорогу приказано было выставить отъ города Алатыря[2]). Наконецъ, «шествія» бывали сопряжены съ совершенно неожиданными и едва ли легко исполнимыми приказаніями: въ 1744 году, когда приводились въ исполненіе мѣропріятія, подобныя описаннымъ, всѣ власти вдоль Петербургско-Московской дороги получили повелѣніе удалять съ дороги въ дальнія села и слободы больныхъ оспою и корью[3]).

Періодическія шествія государей изъ одной столицы въ другую доставляли губернаторамъ и воеводамъ безъ различія ранга много хлопотъ, доставляли ихъ, хотя, вѣроятно въ меньшей степени и другія экстренныя порученія, на нихъ возлагаемыя. Къ такимъ порученіямъ вели, напримѣръ, указы объ избраніи депутатовъ въ періодически собираемыя законодательныя комиссіи. При выборахъ въ комиссіи 20-хъ и 30-хъ годовъ губернскія и провинціальныя канцеляріи должны были организовать выборы депутатовъ. Въ 1729 году указъ, возложившій на губернаторовъ и воеводъ руководство выборами, «согласясь обще съ дворянами», предписывалъ имъ «съ тѣми людьми къ Москвѣ быть самимъ», «чтобы могли сами отвѣтствовать», если они выберутъ къ тому дѣлу неспособныхъ людей[4]). Въ 1754 году, напримѣръ, всѣ губернскія канцеляріи должны были сочинять пункты «по матеріямъ, которыя по состоянію тѣхъ губерній въ пользѣ общенародной быть могутъ». Эти бюрократическіе матеріалы

---

[1]) Клинск. в. к. оп. 5. вяз. 1, д. 1; такія же мѣры принимались и при другихъ «шествіяхъ:» Сб. Р. И. О., LXXIX, 605 (1727 г.) Клин. воев. канц. оп. 9, вяз. 2 (1732 г.); Дмитр. в. к.. вяз. 2, д. 269, 291 (1744 г.: на каждый ямъ требовалось выставить по 400 подводъ); Клинской в. к., оп. 6, вяз. 1, д. 58, 59, 60. (1762 г.).

[2]) Алатырской пров. канц., оп. 1, д. 4.

[3]) П. С. З., XII, № 8849.

[4]) П. С. З., VIII, № 5412; *Латкинъ.* Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи, Спб. 1887 г., стран. 47—53.

для дѣятельности будущей комиссіи должны быть направлены въ сенатъ[1]). О томъ, какъ исполнялся этотъ указъ въ нѣкоторыхъ областныхъ канцеляріяхъ имперіи, можно судить по слѣдующему эпизоду изъ дѣятельности Московскихъ губернскихъ властей. 1767 года, марта 7 дня, Московская губернская канцелярія сдѣлала слѣдующее постановленіе: «По силѣ учиненнаго сего 1767 года, февраля 6 дня, въ Московской губернской канцеляріи опредѣленія велѣно: въ силу прежде посланныхъ въ 1754 году указовъ, при которыхъ разосланы планы къ сочиненію новаго Уложенія къ пользѣ народной по матеріямъ пункты учиня во всякой исправности, прислать въ Московскую губернскую канцелярію въ скорости». Вотъ какіе отвѣты получились, между прочимъ, на это запоздалое напоминаніе. Костромская провинція сообщила, что «по учиненному въ той канцеляріи опредѣленію той провинціи въ городовыя канцеляріи посланными указами велѣно, сочиня, прислать въ провинцію въ скорости, а изъ оныхъ сочиня генеральныя, обще съ провинціальнымъ вѣдомствомъ отослать въ губернію; но тѣхъ пунктовъ изъ городовыхъ канцелярій въ провинцію не прислано, да и по провинціи исполненія не значится и упущено бывшими тогда въ провинціи присутствующими воеводою коллежскимъ асессоромъ Бородавкинымъ, воеводскимъ товарищемъ Ватазинымъ и секретаремъ Ларіоновымъ, а нынѣ вышеписаннаго исполненія той провинціи за множествомъ текущихъ интересныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ въ недѣлю исполнить и тѣхъ пунктовъ изъ приписныхъ ко оной провинціи воеводскихъ канцелярій собрать невозможно». Боровская канцелярія отвѣтила, что ей «сочинить нечего, ибо по состоянію города и малоимѣнію дѣлъ, къ пополненію пунктовъ ничего не состоитъ, а общенародной пользѣ могутъ представить выбираемые депутаты». Верейская, — что въ 1754 году изъ губерніи планы при указѣ въ присылкѣ имѣются, и что «справясь будетъ отвѣтствовано немедленно»; Дмитровская и Волоколамская, — «что по состоянію городовъ Дмитрова и Волоколамска чтобъ къ пользѣ общенародной, по обстоятельству нынѣшняго времени обычаевъ и нравовъ, имѣетъ оная канцелярія, яко подчиненное мѣсто, остаться на томъ основаніи, какое отъ главныхъ командъ положено будетъ». Получивъ такіе неожиданные отвѣты по дѣлу, начатому за тринадцать лѣтъ до того, Московская губернская канцелярія распорядилась отвѣтить Костромской провинціальной канцеляріи, что «ея объясненія къ принятію за справедливое не предвидится, потому что въ той провинціальной канцеляріи статскій совѣтникъ г-нъ воевода Малыгинъ съ 764 года и товарищъ его Бардаковъ съ 765 года въ присутствіи имѣются и по вступленіи изъ настольныхъ реестровъ всѣмъ присылаемымъ указамъ, кои рѣшены и по которымъ исполненія не учинены, предвидѣть имъ было можно; но они, видя, что по вышеписанному указу чрезъ долго прошедшее время не исполнено, и сами ко исполненію усердія не приложили и совсѣмъ забвенію предали,

[1]) П. С. З., XIV, № 10283.

а особливо находящійся во оной канцеляріи секретарь Донской, кой при дѣлахъ болѣе 6 лѣтъ находится, и слѣдственно было ему по должности своего званія обо всемъ присутствующимъ напоминать, но оное имъ Донскимъ оставлено жъ; а впредь той канцеляріи недѣльныхъ такихъ представленіевъ, подъ опасеніемъ штрафа, присылкою удержаться, а въ силу преждепосланныхъ изъ губерніи въ 754 году, при которыхъ разосланы планы къ сочиненію новаго уложенія, тако жъ и подтвердительнаго сего 1767 года указовъ, реченные по матеріямъ къ пользѣ народной на основаніи указовъ пункты, собравъ изъ приписныхъ воеводскихъ канцелярій, прислать въ самой скорости». Въ Боровскую постановлено было написать, что «отрекательства», заключающіяся въ донесеніи Боровской канцеляріи, послѣдней «и представлять не надлежало; а предвидится, что въ томъ представленіи вышеписанное изъяснено по неразумѣнію силы присланнаго изъ губернской канцеляріи указа, Боровской канцеляріи слѣдуетъ у себя съ производящихъ дѣлъ сочинить по матеріямъ пункты, и со всѣхъ прежнихъ гласящихъ указовъ списавъ копіи и приложа реестры, немедленно прислать». Точно такъ же неудовлетворительными были признаны и отзывы другихъ помянутыхъ выше воеводскихъ канцелярій, вслѣдствіе чего на всѣхъ воеводъ, ихъ товарищей и секретарей былъ наложенъ штрафъ по 25 рублей на каждаго. Такъ наканунѣ открытія большой Екатерининской комиссіи все еще не были ликвидированы дѣла первой Елизаветинской комиссіи[1]). При выборахъ во вторую Елизаветинскую комиссію, которые должны были происходить осенью 1761 года, губернаторы и воеводы должны были послать всѣмъ дворянамъ уѣзда личный дворянскій списокъ и копію указа о выборахъ «объявить, чтобы они сами, произвольно назнача время», произвели выборъ депутата. О выборѣ административныя учрежденія должны были быть увѣдомлены немедленно; выбранныхъ депутатовъ губернаторы и воеводы должны были выслать въ Петербургъ къ 1 января 1762 года; никакого вмѣшательства въ выборы не допускалось. Роль областной администраціи въ дѣлѣ выборовъ депутатовъ отъ купечества, совершавшихся подъ руководствомъ магистратовъ, была такой же[2]).

При выборахъ въ Екатерининскую комиссію въ 1767 году, первенствующее значеніе должно было принадлежать губернаторамъ: на нихъ лежало распубликованіе манифеста, назначеніе срока съѣздовъ и дней выборовъ; тамъ происходило дѣло и въ дѣйствительности[3]). При выборахъ они должны были присутствовать лично или посылать своего представителя; тѣ губернаторы, которые во время занятій комиссіи будутъ въ столицѣ, должны присутствовать въ комиссіи, «и всякій изъ нихъ пришлетъ или привезетъ имъ усмотрѣнныя нужды и недостатки той губерніи, которая подъ его смотрѣніемъ». О воеводахъ въ обрядѣ выборовъ ничего не говорится, но на съѣздахъ дворянъ въ уѣздныхъ городахъ именно они

[1]) Моск. губ. канц., кн. 125, лл. 386—387.
[2]) П. С. З., XV, №№ 11335, 11378.
[3]) Соликамской воев. (бывш. прав.) канц., оп. 19, вяз. 1.

должны были являться тѣми представителями губернаторовъ, о которыхъ говорилъ обрядъ[1]). Во всякомъ случаѣ въ уѣздныхъ городахъ съѣзды дворянъ происходили въ помѣщеніяхъ воеводскихъ канцелярій и въ домахъ воеводъ; пріѣзжая въ уѣздный городъ, дворяне являлись воеводамъ, но, тѣмъ не менѣе, признаковъ какого-нибудь давленія на выборы незамѣтно[2]). Фактически въ Петербургѣ, однако, всѣ функціи, возложенныя обрядомъ на губернатора, несъ генералъ-полицеймейстеръ. Губернскія учрежденія въ новой столицѣ все еще, значитъ, не могли пріобрѣсти полнаго права гражданства. Въ Москвѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ выборами, въ предѣлахъ, назначенныхъ «обрядомъ», руководили губернаторы[3]).

Въ 1761 году появился указъ о 3-ей ревизіи; въ противоположность двумъ первымъ ревизіямъ, производство третьей было возложено на губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, «а нарочныхъ ревизоровъ, говорится въ указѣ, не посылать, «дабы всѣ» вѣрноподданные Ея Императорскаго Величества отъ излишняго безпокойства сколько можно избавлены были. Сказки о ревизскихъ душахъ, составленныя по утвержденной формѣ, всѣ помянутыя канцеляріи должны были принимать при платежѣ подушныхъ за первую половину слѣдующаго 1762 года: только по минованіи этого срока, губернаторамъ и воеводамъ разрѣшалось посылать отъ себя нарочныхъ по деревнямъ и селамъ для отобранія сказокъ отъ просрочившихъ или уклонявшихся. Послѣ того какъ сказки будутъ собраны, «воеводамъ каждому о своемъ городѣ и уѣздѣ сочиня именныя и перечневыя о каждомъ званіи вѣдомости, отослать въ губернскія канцеляріи, а губернскимъ канцеляріямъ, изъ оныхъ сочиня генеральныя вѣдомости, прислать краткіе перечневые списки въ сенатъ въ декабрѣ 1762 года». Указъ заканчивался призывомъ не брать взятокъ и не чинить волокиты и притѣсненій и обычными угрозами нарушителямъ закона[4]). Для производства ревизіи на мѣстахъ было, такимъ образомъ, назначено первое полугодіе 1762 года. Однако, на практикѣ дѣло затянулось и шло далеко не гладко; несмотря на угрозы и предупрежденія, «областныя власти чинили подателямъ сказокъ приметки затрудненія и тягости». На время, въ 1762 году, дѣло ревизіи даже вовсе было прервано[5]). Еще въ февралѣ 1763 года сказки не были собраны; для запоздавшихъ были

---

[1]) П. С. З., XVII, № 12801. *Латкинъ*, Законодательныя комиссіи, стран. 187—191.

[2]) Гдов. воев. канц., оп. 12, вяз. 2, д. 38; Сб. Р. И. О. т. IV, стран. 25—29.

[3]) Сб. Р. И. Об. т. IV, стран. 8—25. Въ торжествахъ открытія комиссіи 30 іюля 1767 губернскія учрежденія участія не принимали; въ этотъ день присутствіе въ губернской канцеляріи шло своимъ порядкомъ; въ журналѣ этого дня указано лишь, что губернаторъ т. с. Юшковъ и одинъ изъ его товарищей гвардіи капитанъ Майковъ были «въ комиссіи новосочиняемаго уложенія». Майковъ присутствовалъ въ комиссіи и въ ближайшіе затѣмъ дни. Моск. губ. канц., кн. 128, лл. 611—615 кн. 129.

[4]) П. С. З., XV, № 11364.

[5]) П. С. З., XVI, № 11632.

сдѣланы кое-какія облегченія, съ новыми угрозами, если «кто бъ ни былъ коснется взяткамъ или акциденціи, въ чемъ бы оное ни состояло и ниже чѣмъ съѣстнымъ и подъ какимъ бы то претекстомъ или видомъ не было, то съ таковымъ поступить яко съ сущимъ преступникомъ указовъ»[1]). Въ апрѣлѣ 1764 года конечнымъ срокомъ подачи сказокъ назначалось 1 января 1765 года[2]); въ 1766 году послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы подлинныя сказки, подобно тому, какъ это было при второй ревизіи, оставлялись при губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, а въ камеръ-коллегію отсылались бы копіи этихъ сказокъ[3]). Ревизія не была вполнѣ закончена и въ слѣдующемъ 1767 году, когда послѣдовалъ указъ, назначавшій за неподачу сказокъ штрафъ въ 5 копеекъ съ души[4]).

Первые шаги Каргопольской воеводской канцеляріи въ дѣлѣ производства третьей ревизіи могутъ дать понятіе о томъ, какъ шла ревизія въ провинціальномъ захолустьѣ, и съ какими препятствіями приходилось встрѣчаться мѣстнымъ властямъ на практикѣ. Указъ о ревизіи и печатные образцы сказокъ были получены въ Каргополѣ въ началѣ января 1762 года. Воевода немедленно распорядился увѣдомить объ этомъ мѣстный магистратъ и разослать нарочныхъ для сообщенія по волостямъ содержанія указа и образцовъ сказокъ; всего въ уѣздъ посланы были 4 человѣка, каждому дано было по 2 экземпляра указа, по 2 экземпляра образцовъ сказокъ и инструкція, гласившая слѣдующее: «По прибытіи въ тѣ волости и вотчины сыскать выборныхъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ со крестьяны, посланные указы и сказкамъ формы имъ объявить и оные подлинные въ большихъ волостяхъ и вотчинахъ, а въ прочихъ, списавъ точныя копіи, роздать имъ съ росписками, въ которыхъ бы было написано, чтобъ они по силѣ того указу и формы каждый въ своей волости и вотчинѣ о числѣ душъ сказки безъ всякой утайки сочинили и въ Каргопольской воеводской канцеляріи подали въ указанный срокъ неотмѣнно, подъ опасаніемъ за неподачу тѣхъ сказокъ въ срокъ и за утайку штрафованія по указамъ». По раздачѣ «въ вышеписанныхъ мѣстахъ тѣхъ указовъ и формъ и съ нихъ копій», посланные должны были «вышепредписанныя по исполненіи росписки и подписки подать въ Каргопольской воеводской канцеляріи при репортѣ неукоснительно».

Въ февралѣ посланные возвратились, исполнивъ порученіе и привезя требуемыя росписки сотскихъ и старостъ, а уже въ мартѣ изъ Новгородской губернской канцеляріи пришелъ указъ съ напоминаніемъ, чтобы требуемыя въ губернскую канцелярію свѣдѣнія были доставлены не позднѣе августа. Обезпокоенная, можетъ-быть, этимъ, Каргопольская канцелярія, послала 2-го апрѣля въ Каргопольскій магистратъ и во

[1]) П. С. З., XVI, № 11755.

[2]) П. С. З., XVI, № 12141.

[3]) П. С. З., XVII, № 12677.

[4]) П. С. З., XVIII, № 12953. О производствѣ 3-й ревизіи см. *Дэна*, Населеніе Россіи по V ревизіи, М. 1902. т. I, стран. 87—99.

всѣ станы и волости напоминаніе о скорѣйшемъ доставленіи сказокъ, «понеже подачѣ означеннымъ сказкамъ время осталось малое». Между тѣмъ, кое-какія сказки начали поступать; но отъ этого воеводская канцелярія пришла въ новое недоумѣніе; она должна была доставить въ губернію «именныя и перечневыя о каждомъ званіи вѣдомости; но именныя вѣдомости какимъ образомъ сочинить, Каргопольская воеводская канцелярія знанія не имѣетъ, ибо тѣмъ именнымъ вѣдомостямъ формы въ Каргопольскую воеводскую канцелярію не прислано, а безъ этой вѣдомости реченная воеводская канцелярія и сочинять имѣетъ опасеніе, дабы, если оная сочинится не по формѣ, напраснаго въ томъ времени продолженія, а въ прочихъ по оной канцеляріи дѣлахъ, за крайнимъ умаленіемъ приказныхъ служителей, и вящшей остановки послѣдовать не могло». Каргопольскій воевода отправилъ ходатайство въ губернію о присылкѣ формъ такихъ сказокъ, 30-го апрѣля; онъ повторялъ его, 4-го и 24-го іюля, 8-го августа и 4-го сентября, но отвѣта такъ и не дождался. Въ концѣ августа въ канцелярію поступили сказки о населеніи самаго города Каргополя; воевода приказалъ сказки эти въ канцелярію принять «и оныя повытчику осмотрѣть, повѣрить, исправно ль оныя и въ силу ль указу и формы сочинены». Принятыя сказки стали вмѣстѣ съ другими дожидаться, когда придутъ образцы именныхъ и перечневыхъ вѣдомостей.

Отмѣчу еще одно затрудненіе, имѣвшее мѣсто при началѣ третьей ревизіи: когда еще не были упразднены офицеры при подушномъ сборѣ, подлинныя переписныя книги второй ревизіи хранились въ дѣлопроизводствѣ подушнаго сбора, т.-е. въ вѣдѣніи офицера при этомъ сборѣ. Козельская воеводская канцелярія возбудила вопросъ о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе воеводы, такъ какъ онѣ были безпрестанно нужны для различныхъ справокъ. Козельскій офицеръ при подушномъ сборѣ, «опасаясь» проявить иниціативу, донесъ о ходатайствѣ воеводы генералъ-кригсъ-комиссару Глѣбову, въ результатѣ чего получился указъ сената помянутыя книги попрежнему хранить при подушномъ сборѣ. Разрѣшено лишь было общее и воеводы и офицера при подушномъ сборѣ «смотрѣніе этихъ книгъ». Въ Каргополѣ офицеръ при подушномъ сборѣ просилъ по этому случаю усиленія состава своей канцеляріи, состоявшей только изъ одного человѣка, а воевода, жаловавшійся на малолюдство приказныхъ, конечно, затруднялся исполнить его просьбу[1]). Такъ возможныя «приметки» воеводъ, уклоненія, и замедленія самого населенія, недостаточная обдуманность мѣропріятій правительства и боязнь мѣстныхъ властей проявить иниціативу и, наконецъ, подчиненіе представителей областной власти разнымъ лицамъ — все способствовало тому, что ревизія, въ теоріи задуманная безъ безпокойства обывателю, на самомъ дѣлѣ была для него бременемъ и въ то же время прибавляла много чисто

---

[1]) Каргопольской воев. канц., оп. 3, вяз. 44, д. 393/817, лл. 8, 9, 10—53, 59, 61—99, 101, 102, 105, 106, 107, 110, 111, 143.

техническаго бумажнаго дѣла областнымъ учрежденіямъ, нерѣдко ставя ихъ начальниковъ въ затруднительное, если не безвыходное положеніе.

Въ началѣ 70-хъ годовъ вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ, причинившій не мало заботъ русскимъ губернаторамъ и воеводамъ. Разсматривая дѣятельность ихъ въ ея нормальномъ видѣ, я не имѣю, конечно, въ виду говорить здѣсь о тѣхъ областяхъ, гдѣ возстаніе частью вовсе смело областныя власти, частью перевело ихъ на военное положеніе. Но и тамъ, гдѣ наружно было все мирно, куда возстаніе не распространилось, и тамъ движеніе Пугачева доставило лишнія дѣла мѣстнымъ администраторамъ. Въ іюлѣ 1774 года былъ изданъ секретный указъ, предписывавшій, 1) «чтобы всѣ воеводы о доходящихъ до нихъ о злодѣѣ Пугачевѣ извѣстіяхъ доносили сенату съ нарочными того жъ дня»; 2) чтобы денежную казну свозили въ случаѣ опасности въ Петербургъ или «куда удобно будетъ»; 3) «чтобъ обще съ дворянскими предводителями сперва пристойно и секретно совѣтовали о принятіи предосторожности на случай, если бъ то отъ бѣгущаго и укрывающаго, то отчаянно бросающаго злодѣя оказалось гдѣ-либо опасно»; въ случаѣ, если бы опасность приблизилась, мѣстныя власти должны были приступить къ дѣйствительной организаціи обороны при помощи дворянъ, которые должны «согласиться изъ самихъ себя и изъ своихъ дворовыхъ служителей составить нѣкоторые корпусы; въ городахъ должны быть организованы ополченія изъ посадскихъ». Вотъ какія рѣшенія приняты были по прочтеніи приведеннаго сейчасъ указа Клинскимъ воеводскимъ присутствіемъ, въ составѣ воеводы и его товарища: «въ случаѣ, если о злодѣѣ Пугачевѣ или о партіяхъ его дойдетъ и будетъ какое извѣстіе, то объ ономъ тотчасъ въ сенатъ съ нарочнымъ репортовать»; имѣющуюся въ Клинской канцеляріи налицо денежную казну «за безопаснымъ конвоемъ» отправить въ Москву; «а паче, въ случаѣ отъ онаго злодѣя какой-либо опасности, призвавъ въ Клинскую канцелярію здѣшняго Клинскаго уѣзду благороднаго дворянства предводителя гвардіи ротмистра г-на Наумова и всѣхъ живущихъ дворянъ и имѣвъ съ нимъ разсужденіе», для организаціи «во охраненіе и обороненіе всего общества и къ лучшей тишинѣ и покойствію корпуса» и «вооружа оный огненнымъ оружіемъ и давъ тесаки или шпаги, содержать оный къ защищенію въ готовности». Жительствующимъ въ Клину ямщикамъ было рѣшено въ случаѣ опасности, «призвавъ изъ нихъ лучшихъ людей, подтвердить секретно, чтобъ и они имѣли къ оборонѣ отъ того злодѣя прилежное стараніе и всякое вспомоществованіе и было бъ у нихъ орудіе, у кого какое сыскаться можетъ»; кромѣ того, штатному прапорщику было рѣшено наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ воинская команда навсегда была въ готовности и огненное у нихъ орудіе и къ тому снаряды во всякой чистотѣ и исправности. Въ исполненіе принятаго рѣшенія прапорщикъ Всеволоцкій отправился объѣзжать Клинскихъ дворянъ, созывая ихъ въ уѣздный городъ на совѣщаніе объ организаціи проектированнаго ополченія. 4-го августа совѣщаніе дѣйствительно состоялось, и Клинскіе дворяне постановили «на первый случай дать со 100 душъ по человѣку, каждаго на верховой

лошади съ ружьемъ, съ тесакомъ и съ прочимъ приборомъ». Сверхъ того въ случаѣ нужды дворяне изъявили готовность вступить въ ополченіе; объ отпускѣ пороха и свинца за дворянскій коштъ было рѣшено сдѣлать особое представленіе[1]). Распоряженіе и дѣйствія Клинскаго воеводы не были исключительнымъ явленіемъ. Совершенно такія явленія происходили въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ Пугачевъ не былъ, но гдѣ его ожидало испуганное воображеніе областныхъ властей и самихъ обывателей. Такъ въ городахъ Калужской провинціи, кромѣ съѣздовъ дворянъ, собирались также съѣзды посадскихъ людей, на которыхъ обсуждался вопросъ объ образованіи ополченія изъ посадскихъ въ соотвѣтствіе дворянскому корпусу, какъ это и требовалось іюльскимъ указомъ 1774 года. Въ Мещовскомъ уѣздѣ ополченіе достигло цифры въ 222 человѣка. Въ мѣстностяхъ, расположенныхъ ближе къ возстанію, были приняты частью по повелѣнію свыше, частью по инціативѣ мѣстныхъ властей еще другія экстренныя мѣры. Владимірская, напримѣръ, провинціальная канцелярія, узнавъ о приближеніи шаекъ мятежниковъ къ Арзамасу, распорядилась, чтобъ всѣ дворяне ѣхали въ городъ Владиміръ, а граждане «находились бы ко оборонѣ въ готовности, изъ города отнюдь никто безъ дозволенія своихъ командъ не отлучался и всякій имѣлъ при себѣ, какое у него сыскаться можетъ, орудіе»[2]). Чѣмъ ближе были скопища Пугачева, тѣмъ растеряннѣе были мѣстныя власти; это очень замѣтно было въ Шацкой провинціи, частично охваченной возстаніемъ. Не имѣя достаточныхъ военныхъ силъ, напуганные крестьянскими волненіями и разгромомъ усадебъ, провинціальныя власти были безсильны что-либо предпринять, а нѣкоторые городовые воеводы даже бѣжали съ мѣстъ службы. Такъ Темниковскій воевода, надворный совѣтникъ Нѣловъ, выгнавъ изъ города всѣхъ спасавшихся въ немъ дворянъ, самъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, съ секретаремъ и съ инвалидной командой поѣхалъ по Московской дорогѣ, при чемъ, когда этотъ отрядъ проходилъ мимо Шацка, воевода ѣхалъ впереди съ обнаженной саблей, а барабанщикъ билъ тревогу и походъ[3]).

Растерянность, впрочемъ, замѣтна и далеко отъ театра войны. Весною 1773 года Галицкій уѣздъ посѣтили разбойничьи шайки, грабившія крестьянъ и помѣщиковъ. Напуганныя разыгравшейся Пугачевщиной, Галицкія провинціальныя власти, не будучи въ состояніи мобилизовать военной команды, охранявшей матеріалы, свезенные для постройки сгорѣвшаго незадолго передъ тѣмъ Галича, посылаютъ за помощью къ Любимскому воеводѣ, хотя городъ Любимъ и другой провинціи и даже другой губерніи. Не довольствуясь этимъ, они подымаютъ на ноги все населеніе «тутошнихъ гг. дворянъ сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 7, д. 22, д. 59.

[2]) *Малининъ*, Отголоски Пугачевщины въ Мещовскомъ уѣздѣ. Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи, вып. XXI, стран. 12—26.

[3]) *Дубасовъ*, Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. Историческій вѣстникъ, 1883 г. № 7, стран. 119—135.

съ сотенными людьми и со всякимъ оружіемъ, какое у него прилучится — винтовками, пищалями, бердышами, рогатинами, дубинами, цѣпами, косами, острыми кольями, которыми въ тѣхъ злодѣевъ бросать можно издали». Вооруженные такимъ способомъ, крестьяне должны, кромѣ того, набирать для бросанія мелкіе каменья и взять съ собою собакъ и при помощи послѣднихъ отъ «жила до жила» развѣдывать, «гдѣ оные воровскіе люди имѣются и какими мѣстами ходятъ»[1]).

По усмиреніи бунта дѣятельная работа выпала на долю губернаторовъ губерній, бывшихъ театромъ возстанія — Оренбургской, Казанской и Нижегородской: они должны были слѣдить за правильнымъ расходованіемъ суммъ, дарованныхъ въ помощь пострадавшимъ, и за опекою надъ сиротами, лишившимися родителей во время возстанія[2]).

Таковы важнѣйшія изъ экстренныхъ обязанностей губернаторовъ и воеводъ: кромѣ этихъ были и другія, на которыя нельзя было необращать должнаго вниманія; сюда относятся напримѣръ, обязанности по отношенію къ императорскому двору: при Аннѣ областныя власти должны были принимать мѣры къ ловлѣ разныхъ рѣдкихъ звѣрей и птицъ, до которыхъ была такой охотницей мрачная и скучавшая государыня[3]); воеводы городовъ, лежавшихъ по пути между Петербургомъ и Волжскимъ бассейномъ, получили предписаніе содѣйствовать доставленію въ столицу разныхъ припасовъ, даставляемыхъ съ низовья Волги — рыбы, винограда и фруктовъ[4]). Губернаторы и воеводы обязаны были слѣдить за исполненіемъ указовъ, запрещавшихъ ношеніе богатаго платья[5]), а въ 60-хъ годахъ имъ поручалось «имѣть стараніе къ размноженію земляныхъ яблокъ»[6]).

Независимо отъ всѣхъ доселѣ перечисленныхъ дѣлъ областные правители имѣли еще различныя обязанности, вытекавшія изъ особенныхъ мѣстныхъ условій. Перечислить всѣ такія обязанности нѣтъ возможности. Я упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ примѣровъ. Пограничныя съ Балтійскимъ краемъ власти заботились о розыскѣ крестьянъ, уходившихъ изъ русскихъ областей, и для этой цѣли содержали въ Эстляндіи и Лифляндіи особыхъ сыщиковъ[7]). Въ иныхъ мѣстахъ на губернаторовъ и воеводъ возлагались обязанности по соляной продажѣ, обычно выдѣленныя въ особую администрацію; причины соединенія были, по большей части, экономическія[8]). Въ вѣдѣніе губернаторовъ и воеводъ поступали учреждаемыя при Екатеринѣ II конторы

[1]) Галиц. пров. канц., оп. 6, вяз. 2, д. 44.
[2]) П. С. З., XX, № 14333.
[3]) Сб. Р. И. О., CXXX, 30.
[4]) Новоладожской воев. канц. оп. 8, вяз. 31 (указы 1727 г.).
[5]) П. С. З., XI, № 8680.
[6]) Сен. Архивъ, т. XIII, стран. 49.
[7]) Гдов. воев. канц., оп. 2, вяз. 6 д. 274, 302,
[8]) П. С. З., XVI, № 12148 (Самара, 1764 г.) XVII, № 12549 (Сибирь 1767 г.).

ассигнаціоннаго банка[1]). Бѣлгородскому губернатору поручалось производить описаніе прежней Бѣлгородской пограничной черты[2]); Астраханскій вѣдалъ мѣстное адмиралтейство[3]). Власти тѣхъ губерній, провинцій и уѣздовъ, гдѣ въ монастыряхъ жили «на пропитаніи» офицеры и нижніе чины, получили въ 1763 году приказаніе подвергать ихъ осмотру, такъ какъ Екатерина нашла, что между ними есть годные къ службѣ[4]).

Что же представляла изъ себя административная дѣятельность русскихъ областныхъ властей XVIII вѣка и какіе выводы даетъ возможность сдѣлать ея изученіе? Областныя учрежденія проводятъ въ жизнь и поддерживаютъ то, что предписывается сверху, отъ центральнаго правительства, и препятствуютъ всему, что запрещено послѣднимъ; они являются агентами примитивной и эгоистической власти, которая заботится о себѣ, о томъ кругѣ лицъ, которыя ее составляютъ, но которой чужды мысли объ общемъ благѣ всего народа: областныя учрежденія 1727—1775 годовъ оставались все время вѣрны духу, заложенному въ нихъ ихъ творцами и такъ ярко отразившемуся въ ихъ уставной грамотѣ —наказѣ 1728 года: это прямые преемники областныхъ учрежденій Московскаго царства, которые ничего не имѣютъ общаго съ учрежденіями Петра Великаго или, вѣрнѣе, съ тѣми учрежденіями, которыя хотѣлъ создать преобразователь въ послѣдніе годы своего царствованія.

Элементарная полицейская дѣятельность, много обязанностей по сословному тяглу различныхъ группъ жителей имперіи и мало заботъ о процвѣтаніи подвластной территоріи и ея обитателей: вотъ что характеризуетъ областную администрацію съ внѣшней стороны; съ внутренней— ее характеризуетъ полное подчиненіе высшей власти, полное отсутствіе иниціативы, боязнь проявить ее даже тамъ, гдѣ это необходимо, гдѣ это диктуютъ и интересы власти и интересы порученнаго ей дѣла, и, наконецъ, безсиліе, нерѣдко обнаруживаемое въ самые критическіе, въ самые нужные моменты: припомнимъ условія дѣятельности областной администраціи по борьбѣ съ разбоями.

Въ отношеніи къ центральнымъ учрежденіямъ можно замѣтить и другую черту. Областныя учрежденія по одной только административной сторонѣ своей дѣятельности подчинены чуть ли не всѣмъ столичнымъ учрежденіямъ; не говоря уже о сенатѣ, кабинетѣ, верховномъ тайномъ совѣтѣ, на страницахъ этой главы пришлось перечислить чуть ли не всѣ тогдашнія коллегіи и центральныя канцеляріи. Каждая изъ нихъ приказываетъ, требуетъ, запрещаетъ, опекаетъ. Въ отношеніи ко всѣмъ областныя учрежденія являются органами подчиненными, обязанными безъ разсужденія творить волю приказывающаго, и невольно, подумавъ объ этомъ, вспоминаются слова Смоленскаго губернатора А. Б. Бутур-

---

[1]) П. С. З., XIV, № 13833.
[2]) П. С. З., VIII, № 5236.
[3]) П. С. З., XI, № 8670.
[4]) П. С. З., XVI, № 11825.

лина, что «отъ всѣхъ разныхъ и ежечасныхъ повелѣній и нужнѣйшія дѣла изъ рукъ выходятъ»[1]).

Подчиненіе чуть ли не всѣмъ столичнымъ учрежденіямъ одновременно имѣло и еще другое послѣдствіе: оно на практикѣ затемняло принципъ іерархическаго подчиненія, проведенный въ 1727 году въ отношеніяхъ между провинціальными и губернскими канцеляріями: губернія, конечно, и на практикѣ занимаетъ всегда первенствующее мѣсто, но она далеко не всегда является непремѣннымъ посредникомъ между центромъ и низшими областными учрежденіями, въ особенности послѣ того, какъ указомъ 1730 года были введены прямыя сношенія между сенатомъ и всѣми воеводскими и провинціальными канцеляріями[2]). Смутность іерархическаго начала сказывается и въ участіи различныхъ ступеней областного управленія въ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣлъ, имъ поручаемыхъ: въ иныхъ случаяхъ іерархическій принципъ усматривается ясно, въ иныхъ случаяхъ всѣ три ступени имѣютъ равное значеніе. Наконецъ, въ дѣлѣ надзора областныхъ властей за дворянской службой наблюдаются такіе факты, которые указываютъ на новыя вѣянія и теченія, ведущія къ установленію двухъ степеней областного управленія вмѣсто трехъ: городовой воевода по своимъ административнымъ правамъ приближается къ провинціальному, а губерніи въ Екатерининское время, значительно болѣе многочисленныя, чѣмъ при Петрѣ, постепенно пріобрѣтаютъ то самое значеніе, которое въ планѣ областной реформы 1719 года должны были получить провинціи.

---

[1]) Сб. Р. И. О., CXXX, 610—112.
[2]) П. С. З., VIII, № 5585.

ГЛАВА IX.

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ КАКЪ ОРГАНЪ СУДА.

Настоящая глава не имѣетъ цѣли подробно изслѣдовать состояніе русскаго суда въ послѣ-Петровское время. Это спеціальная задача, въ высшей степени серіозная по свойству затрогиваемаго ею вопроса. Въ самыхъ общихъ чертахъ она давно намѣчена въ русской юридической литературѣ[1]), но ея всестороннее выполненіе все еще остается дѣломъ будущаго и ждетъ изслѣдователей-спеціалистовъ. Я не имѣю въ виду изучать исторіи правовыхъ нормъ, устанавливавшихъ жизнь и дѣятельность русскихъ судовъ отъ Петра до учрежденія о губерніяхъ. Моя задача гораздо уже; въ соотвѣтствіе общимъ задачамъ предпринятаго изслѣдованія мнѣ хотѣлось бы выяснить, какъ справлялись со своими судебными обязанностями областныя учрежденія XVIII столѣтія, и какова была фактическая обстановка мѣстнаго суда въ то время. Строго говоря, въ глазахъ авторовъ наказа 1728 года судебная дѣятельность составляла одно цѣлое съ дѣятельностью административной: судъ — только придатокъ администраціи, и такая точка зрѣнія, освященная всѣмъ долгимъ прошлымъ русскаго суда и управленія, была свойственна и большинству русскихъ людей изучаемаго времени. Если взглянуть ихъ глазами, то судебную дѣятельность областныхъ учрежденій слѣдовало бы разсматривать въ неразрывной связи съ тѣми ихъ обязанностями, обзоръ которыхъ составляетъ содержаніе предыдущей главы; только важность предмета и неоспоримо укоренившееся въ наше время воззрѣніе о необходимости отдѣленія суда отъ администраціи заставляетъ и при ихъ изученіи раздѣлять эти двѣ отрасли дѣятельности областныхъ правителей XVIII вѣка.

Къ судебной дѣятельности я отношу прежде всего, конечно, судъ вообще со всѣми сопровождающими его подготовительными и распорядительными дѣйствіями; но къ чисто судебной сферѣ примыкаетъ еще другая, и въ настоящее время принадлежащая органамъ юстиціи, и въ XVIII вѣкѣ, одинаково съ судомъ, лежавшая на обязанности областныхъ учрежденій — это дѣятельность ихъ какъ нотаріальныхъ конторъ, въ связи съ которой протекали нѣкоторыя дѣйствія, относимыя къ области охранительнаго судебнаго производства, напримѣръ, отказъ земель, вводъ во владѣніе и т. п.; въ этой сферѣ органомъ, надзирающимъ за дѣйствіями

[1]) *Дмитріевъ.* Исторія судебныхъ инстанцій, гл. V и VI.

губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, была не юстицъ-коллегія, а коллегія вотчинная. Наконецъ, до грандіознаго предпріятія второй половины вѣка по размежеванію земель и до появленія особыхъ межевыхъ учрежденій, областныя власти завѣдывали и отдѣльными межеваніями земель, подобно тому какъ они вѣдали ихъ и въ до-Петровское время.

Если судебная дѣятельность не выдѣлялась въ XVIII столѣтіи въ особую отрасль занятій мѣстныхъ установленій, а разсматривалась, какъ часть административной дѣятельности, то однимъ изъ результатовъ такой господствовавшей точки зрѣнія было смѣшеніе судебныхъ занятій съ административными и отсутствіе различія между дѣлами судебными и всякими другими канцелярскими дѣлами. Судъ XVIII вѣка, велся ли онъ по «формѣ» 1728 года или же ближе къ правиламъ розыскного процесса, выработаннымъ въ допетровское время, былъ мало похожъ на судъ современный; значеніе въ немъ имѣли только судья и его канцелярія. Гарантіи правильности судебнаго производства, современнымъ судомъ обезпечиваемыя, не могли имѣть мѣста тогда, когда на судъ смотрѣли какъ на обыкновенное дѣло управленія, не отличая по существу дѣла судебнаго отъ полицейскаго распоряженія или иного какого-нибудь административнаго дѣйствія губернатора или воеводы. Наконецъ, судьями были люди, которые въ то же время были и администраторами. Отсюда полное отсутствіе необходимости назначать особыя судебныя засѣданія, въ особые дни, въ особой обстановкѣ. Судебныя засѣданія того времени ничѣмъ не отличались отъ засѣданій губернскаго или воеводскаго присутствія по дѣламъ административнымъ или хозяйственно-финансовымъ: вотъ почему судебныя дѣла разбирались въ тѣхъ же «присутствіяхъ», въ какихъ проходила вся служебная дѣятельность губернаторовъ и воеводъ. Канцеляріи подготовляли дѣла, которыя слушались и разрѣшались вперемежку съ другими, составлявшими программу даннаго дня[1]). Раздѣлялись дѣла, да и то не всегда и не вездѣ, когда они передавались въ архивъ; здѣсь бумаги распорядительнаго характера отдѣлялись отъ дѣлъ челобитчиковыхъ, отъ дѣлъ по убійствамъ и разбоямъ, отъ земельныхъ отказовъ и т. п.

При неразмежеванности судебныхъ и другихъ занятій областныхъ правителей въ XVIII вѣкѣ, принимая еще во вниманіе, что сами они лишь очень неясно проводили границу между судебной сферой и всѣмъ тѣмъ, что въ нее не входило, — а это обстоятельство не можетъ не затруднять изслѣдователя, — стоитъ извѣстнаго труда мысленно выдѣлить судебныя занятія областныхъ учрежденій и рѣшить вопросъ, какое мѣсто занимали они среди всей массы дѣлъ, на нихъ лежавшихъ; думается,

---

[1]) См. журналы и протоколы Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41—50; протоколы Моск. губ. канц., кн. 59—232. Наставленіе губернаторовъ 1764 г. допускало разбирательство нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ безъ присутствія губернатора, который «за многими положенными на него дѣлами, не можетъ по обыкновеннымъ партикулярнымъ тяжбамъ присутствовать». П. С. З., т. XVI, № 12137, ст. 2.

однако, что всѣ дѣйствія губернаторовъ и воеводъ, соотвѣтствующія дѣятельности современныхъ судебныхъ учрежденій занимали значительное и замѣтное мѣсто въ ихъ повседневной дѣятельности.

Переходя къ характеристикѣ судебной сферы дѣятельности губернаторовъ и воеводъ, надо, прежде всего, установить, какова была область компетенціи всѣхъ трехъ ступеней областныхъ учрежденій. Я уже говорилъ объ этомъ въ общихъ чертахъ при разборѣ содержанія наказа 1728 года; остается повторить сказанное, привести нѣкоторыя опущенныя подробности и точнѣе формулировать опредѣленіе судебной компетенціи губернаторскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій.

Всѣ три степени областной іерархіи были первой инстанціей по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ[1]), главнымъ видомъ которыхъ были дѣла татиныя, убивственныя и разбойныя; всѣмъ имъ принадлежало право полицейскаго суда: «когда по улицамъ и переулкамъ гуляющіе и слоняющіеся люди пьяные кричатъ и пѣсни пѣть будутъ и ночью въ неуказанные часы ходить и шататься будутъ, въ которыхъ бываетъ много бѣглыхъ солдатъ и прочихъ воровъ и бываетъ отъ нихъ воровство и смертное убивство и живутъ больше на кабакахъ и въ торговыхъ баняхъ, на рынкахъ, въ харчевняхъ и въ вольныхъ домахъ и въ шинкахъ, такихъ людей велѣно ловить и, разспрашивая, чинить имъ указъ, кто чему надлежитъ». Наконецъ, губернаторы и воеводы всѣ имѣли право суда по карантиннымъ преступленіямъ[2]). Во всѣхъ перечисленныхъ дѣлахъ губернаторы и воеводы судили всякаго, независимо отъ его сословнаго происхожденія за тѣмъ, однако, довольно существеннымъ, исключеніемъ, что офицеры и солдаты гвардіи, находившіеся на дѣйствительной службѣ, по всѣмъ истцовымъ и розыскнымъ дѣламъ были вѣдомы съ 1727 года въ юстицъ-коллегіи[3]). Однако, право утверждать смертные приговоры принадлежало только губернской власти: воеводы должны были представлять ихъ на аппробацію губернаторовъ[4]). Изъ этого было только одно исключеніе: смертная казнь за нарушеніе карантина приводилась въ исполненіе воеводами безъ аппробаціи губернскаго начальства, за новымъ, впрочемъ, исключеніемъ: если преступникъ былъ дворяниномъ, то о немъ доносилось по начальству и предписывалось «ожидать указа»: это было обязательно и для воеводы и для губернатора.

---

[1]) Наказъ не употребляетъ терминовъ — гражданскія и уголовныя и, такимъ образомъ, приходится устанавливать ихъ примѣнительно къ общему смыслу различныхъ статей наказа.

[2]) Въ относящейся къ этимъ послѣднимъ 38 статьѣ наказа говорится въ началѣ только о губерніяхъ и провинціяхъ, но далѣе говорится уже и о прочихъ городахъ; я думаю, что этимъ устанавливаются равныя права въ карантинномъ судѣ всѣхъ воеводъ, какъ провинціальныхъ, такъ и городовыхъ.

[3]) П. С. З., т. VII, № 5146; до 172 они находились въ юрисдикціи Преображенскаго приказа.

[4]) Это было прямымъ наслѣдіемъ Петровскихъ судебныхъ учрежденій: нижніе суды представляли смертные приговоры на утвержденіе надворныхъ судовъ. *Богословскій*, Областная реформа, 215. См. также гл. III настоящаго изслѣдованія, стран. 97, 98.

Судъ гражданскій, равно какъ и судъ по мелкимъ дѣламъ — мы бы сказали, можетъ-быть, судъ мировой, хотя это выраженіе здѣсь будетъ не совсѣмъ точнымъ, — также принадлежалъ всѣмъ тремъ ступенямъ областного управленія, но съ нѣкоторыми ограниченіями сословнаго характера. Судъ между купечествомъ въ первой инстанціи принадлежалъ ратушамъ, позднѣе магистратамъ, т.-е. былъ сословнымъ[1]) судъ надъ дворцовыми крестьянами принадлежалъ дворцовой канцеляріи; крестьяне вотчинъ духовныхъ учрежденій были вѣдомы ихъ управителями и приказчиками «въ крестьянскихъ собственныхъ ссорахъ, т.-е. въ брани, въ бою, въ займахъ между собою» — этими словами яснѣе всего опредѣляется гражданскій и мировой, выражаясь языкомъ нашего времени, характеръ суда, частично изъятаго изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ. Въ наказѣ ничего не сказано о владѣльческихъ крестьянахъ, но, конечно, ихъ мелкія тяжбы и дѣла разнаго рода вѣдались и разбирались вотчиннымъ судомъ. Отъ подсудности губернаторамъ и воеводамъ было изъято духовенство[2]). Что касается преступленій государственныхъ, то относительно ихъ я долженъ повторить сказанное въ предыдущей главѣ о полицейской власти губернаторовъ и воеводъ въ этой области: и тѣ, и другіе совершали подготовительныя дѣйствія, имѣли право прекращать безъ суда дѣла, въ которыхъ не было состава преступленія, подвергая, впрочемъ, замѣшанныхъ въ дѣло наказанію, и исполняли различныя порученія единственнаго учрежденія имперіи, до 1763 года безраздѣльно вѣдавшаго государственныя преступленія, — тайной канцеляріи и ея преемницы, — канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Областныя учрежденія всѣхъ трехъ степеней были апелляціонной инстанціей на судъ ратушъ: «ежели въ ратушѣ какое дѣло будетъ рѣшено неправо — то на бурмистровъ челобитныя принимать и неправо вершеныя дѣла для разсмотрѣнія брать и вершить по Уложенію и указамъ, въ губерніяхъ губернаторамъ, а въ городахъ воеводамъ[3]). На неправильныя рѣшенія воеводъ, провинціальныхъ и городовыхъ, была только одна апелляціонная инстанція — губернская власть; въ этой сферѣ, какъ я въ свое время уже указывалъ, три ступени областныхъ учрежденій сводились къ двумъ: 1) воеводамъ и 2) губернаторамъ; провинціальные воеводы имѣли право лишь «въ дальности отъ губернатора» принимать жалобы на «продолжительное нерѣшеніе дѣла городовымъ

---

[1]) Это былъ именно судъ сословный, а не спеціальный видъ торговаго трибунала; въ качествѣ торговаго суда выступали и общія областныя учрежденія; такъ имъ принадлежало производство дѣлъ по протесту векселей. Примѣръ: Вольновской воев. канц., (въ дѣл. Богодухов. у. суда), оп. 27, вяз. 1.

[2]) Такой порядокъ вещей существовалъ постоянно и ранѣе, см. *Чичерина*, Областныя учрежденія, 154. Наказъ 1728 г., П. С. З., VIII, № 5333, ст. 9, 10, 12, 13, 15; 16, 19, 38, 47.

[3]) Наказъ, ст. 10; о провинціальныхъ воеводахъ здѣсь не говорится ничего, но разъ право принимать жалобы принадлежало городовымъ воеводамъ, то оно, конечно, принадлежало и высшей ступени — провинціальной власти. Здѣсь, очевидно, редакціонный промахъ наказа.

воеводою» и принуждать его къ исполненію его прямыхъ обязанностей. Третьей апелляціонной инстанціей была юстицъ-коллегія, четвертой и послѣдней — сенатъ[1]).

Таковъ былъ общій порядокъ, но изъ него были очень важныя исключенія, вытекавшія изъ особенностей управленія обѣихъ столицъ и нѣкоторыхъ окраинныхъ областей. Особенности эти, поскольку онѣ касаются управленія вообще, уже очерчены въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія. Въ нашей исторической литературѣ уже отмѣчено, что юстицъ-коллегія до учрежденія въ Петербургѣ надворнаго суда была для новой столицы трибуналомъ первой инстанціи, подобно тому, какъ различные приказы были такой же первой судебной инстанціей для Москвы XVII вѣка[2]). Такой же порядокъ водворился и послѣ мимолетнаго существованія надворныхъ судовъ, хотя онъ нарушался, вѣроятно, тѣмъ, что фактически въ судебной дѣятельности принимало участіе управленіе Петербургскаго генералъ-губернатора. Устойчиваго и твердо опредѣленнаго порядка въ новой столицѣ, значеніе которой, поколебленное при Петрѣ II, было вновь упрочено съ возвращеніемъ въ нее императрицы Анны, не существовало; это было замѣчено очень скоро, и правившіе при Аннѣ наслѣдники Петровскаго бюрократизма постарались исправить дѣло. Юстицъ-коллегія сама подняла вопросъ объ измѣненіи существовавшаго порядка суда. Она оказалась слишкомъ обремененною дѣлами и въ 1735 году возбудила вопросъ объ учрежденіи для розыскныхъ и судныхъ дѣлъ особаго нижняго суда, для котораго юстицъ-коллегія была бы только апелляціонной инстанціей. Сенатъ, однако, съ этимъ не согласился и проектировалъ «для скорѣйшаго розыскныхъ дѣлъ исправленія опредѣлить особливую контору, которой быть подъ апелляціей юстицъ-коллегіи, такъ, какъ въ Москвѣ сыскной приказъ подъ апелляціей той же коллегіи состоитъ, и въ той конторѣ быть одному совѣтнику и двумъ человѣкамъ асессорамъ, а суднымъ дѣламъ быть въ той коллегіи попрежнему»[3]). Кабинетъ, однако, еще измѣнилъ первоначальный проектъ, и 23 октября 1735 года въ Петербургѣ, учреждена была особая воеводская канцелярія только для судныхъ и розыскныхъ дѣлъ[4]). Инструкція Петербургскому воеводѣ была издана два года спустя, 20 іюля 1737 года; она устанавливала точное взаимное отношеніе новаго учрежденія и юстицъ-коллегіи; подобно тому, какъ это было установлено для другихъ областей страны, юстицъ-коллегія была апелляціонной инстанціей для Петербургской воеводской канцеляріи; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, напримѣръ по отношенію

[1]) Наказъ, ст. 9 и 11; объ апелляціи и о постепенномъ ея отграниченіи отъ частной жалобы. — См. *Дмитріева*, Исторія судебныхъ инстанцій, изд. 2-ое 565—571; сенатъ и юстицъ-коллегія, какъ инстанціи апелляціонныя, получили начало при Петрѣ. См. *Богословскаго*, Областная реформа 173—184.

[2]) *Богословскій*, Областная реформа 183.

[3]) П. С. З., IX, № 6827.

[4]) П. С. З., IX, № 6794.

къ купечеству, судебныя права Петербургской канцеляріи не отличались отъ такихъ же правъ остальныхъ областныхъ учрежденій[1]). Въ 1738 году Петербургская воеводская канцелярія была переименована въ губернскую канцелярію[2]), и съ этого времени столичный судъ потерялъ черты обособленности.

Гораздо больше особенностей, и притомъ гораздо долѣе сохранявшихся, было въ другой столицѣ, Москвѣ. Въ первые дни царствованія Анны было констатировано, что въ Московской губернской канцеляріи отъ стариннаго земскаго приказа и недолго существовавшаго надворнаго суда лежатъ безъ движенія 21388 невершенныхъ, т.-е. не рѣшенныхъ и не законченныхъ дѣлъ, «кромѣ вновь входящихъ». «А понежѣ нынѣ на Москвѣ Ея Императорскаго Величества резиденція и губернія Московская противъ другихъ губерній весьма превосходитъ, ктому же какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, которые деревни имѣютъ въ другихъ губерніяхъ, большая часть живетъ въ Москвѣ и за тѣмъ въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ Московской губернской канцеляріи исправиться никакъ невозможно, и челобитчики долговременно волочатся», сенатъ предложилъ учинить въ Москвѣ два приказа — во-первыхъ, судный приказъ, «въ которомъ всякаго чина людямъ, которые обрѣтаться будутъ на Москвѣ, судъ давать и рѣшеніе чинить», и, во-вторыхъ сыскной приказъ, «въ которомъ быть татинымъ, разбойнымъ и убивственнымъ дѣламъ». Въ Москвѣ, слѣдовательно, учреждены были два особыхъ судебныхъ мѣста, изъ которыхъ одно вѣдало важнѣйшія уголовныя дѣла, а другое — дѣла челобитчиковы, т.-е. дѣла гражданскія и мелкія уголовныя. Апелляціонной инстанціей надъ обоими приказами была юстицъ-коллегія[3]).

Такъ въ моментъ, когда реакція противъ Петровскихъ реформъ еще не уступила мѣста новымъ теченіямъ, для Москвы воскресили цѣликомъ обломокъ приказнаго строя стараго времени. Съ 1730 года въ Московской губерніи создался такой порядокъ: губернская канцелярія осталась второй инстанціей для всѣхъ провинціальныхъ и городовыхъ канцелярій губерніи и перестала быть судомъ первой инстанціи для Москвы и для территоріи, непосредственно ей подвѣдомственной, т.-е. для Московскаго уѣзда: здѣсь ее замѣнили судный и сыскной приказы.

Указы 1730 года не предусмотрѣли, однако, всѣхъ возможныхъ случаевъ судебной практики. Статья 10-я воеводскаго наказа устанавливала право апелляціи отъ ратушскаго суда къ воеводамъ и губернаторамъ, а указы объ учрежденіи суднаго и сыскного приказовъ ничего объ этомъ судѣ не говорили. Поэтому Московская губернская канцелярія доносила въ сенатъ, «что дѣла поступающія къ ней въ силу статьи 10-й воеводскаго наказа она «брать опасна», боясь, не противорѣчитъ ли это

---

[1]) П. С. З., IX, № 7333.

[2]) П. С. З., IX, № 7579; *Барановъ*, Опись Высочайшихъ указовъ, хранящихся въ Сенатск. Архивѣ, II, 542.

[3]) П. С. З., VIII, №№ 5521 (выс. утв. докладъ Сената); 5597 (именной указъ); вкратцѣ объ этомъ у *Дмитріева*, Исторія судебныхъ инстанцій, 459—460.

указамъ 1730 года; со своей стороны и судный приказъ доносилъ, что губернская канцелярія пересылаетъ ему «взятыхъ изъ ратуши неправо вершенныхъ дѣлъ не малое число, а на неправое рѣшеніе Московской ратуши разсмотрѣніе чинить ли, того въ указѣ о состояніи суднаго приказа не упомянуто». Пришлось сенату разъяснять указы 1730 года; первое разъясненіе отъ 4 декабря 1730 года не помогло; понадобилось второе, которое и было дано указомъ 17 марта 1732 года: значеніе Московской губернской канцеляріи, какъ апелляціонной инстанціи по отношенію къ суду ратуши, было сохранено, «а въ судный приказъ по челобитчиковымъ дѣламъ не волочить и челобитенъ на нихъ не принимать, а татиными и разбойными и убивственными дѣлами Московскому купечеству быть вѣдомымъ въ сыскномъ приказѣ»[1]). Но и этимъ не окончились затрудненія Московскихъ судебныхъ мѣстъ на первыхъ порахъ ихъ существованія; они, видимо, не находили себѣ признанія среди другихъ областныхъ учрежденій, вѣдавшихъ одновременно и судъ и администрацію. Всѣмъ учрежденіямъ имперіи приказано было оказывать помощь агентамъ сыскного приказа при арестѣ оговоренныхъ; несмотря на это, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ областяхъ имперіи «не токмо посылаемымъ изъ того приказа вспоможенія не чинятъ, но и посланныхъ бьютъ». «Того ради» сенатъ 12 іюля 1732 года приказалъ «сыскному приказу посылать воеводамъ указы объ исполненіи его предписаній до трехъ разъ, а если и по третьему указу не послѣдуетъ исполненія, то сыскной приказъ доноситъ въ сенатъ, и непослушные воеводы подвергаются штрафу. Въ Московскую, однако, губернскую канцелярію указовъ сыскной приказъ посылать не смѣлъ, а долженъ былъ «о чемъ надлежитъ требовать»[2]). Особенный судъ въ Москвѣ существовалъ въ теченіе царствованій Анны и Елизаветы; въ 1763 году сыскной приказъ былъ уничтоженъ, и его обязанности перешли опять къ губернской канцеляріи, точнѣе—къ ея розыскной экспедиціи[3]); судный же приказъ благополучно сохранился до учрежденія новой Московской губерніи по Екатерининскому учрежденію въ 1782 году[4]), несмотря на многія неудобства, которыя отъ этого проистекали, и на все-таки неполное разграниченіе компетенціи воеводской канцеляріи съ ея розыскной экспедиціей и компетенціи суднаго приказа. Очень характерны жалобы, которыя слышатся въ наказѣ юстицъ-коллегіи, поданномъ въ комиссію 1767 года: «по случающимся въ Московскомъ уѣздѣ между крестьянъ и прочихъ людей

[1]) П. С. З., VIII, № 5992; 7 мая 1732 года было приказано дѣла неоконченныя отослать обратно въ ратушу. Сб. Р. И. О., т. CIV, стран. 256.

[2]) П. С. З., VIII, №№ 5641, 6125; прореканія между сыскнымъ приказомъ и Новгородской губ. канцеляріей по поводу пересылки колодниковъ въ 1733 г.: П. С. З., IX, № 6318.

[3]) П. С. З., XVI. № 11989, п. 20; о дѣятельности сыскного приказа см. Описаніе документовъ сыскного приказа сост. *Сѣвернымъ* и *Голубевымъ*. Описаніе Докум. и Бумагъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, т. II; и т. IV, стран. 106—135; о дѣятельности замѣнившей его розыскной экспедиціи, тамъ же, т. IV, стран. 136—192.

[4]) П. С. З., XVI, № 11989, п. 7, 8, 10, 11; XXI, № 15530, п. 11.

ссорамъ, въ порубкѣ лѣса, въ отъемѣ лошадей и въ прочемъ — какъ судный приказъ (специально предназначенный для челобитчиковыхъ дѣлъ), такъ и Московская губернская канцелярія за силою 730 года указу (несмотря на то, что къ ея розыскной экспедиціи перешли функціи сыскного приказа) челобитенъ не принимаютъ и въ судъ не вступаютъ, да и юстицъ-коллегія за тѣмъ указомъ, гдѣ таковые суды производить, опредѣлить не можетъ». Отъ такого порядка «по Московскому уѣзду обиженные люди несутъ въ причиняемыхъ имъ убыткахъ тягость, а обидящіе корыстуются безъ отмщенія, но точнаго на то закона нѣтъ»[1]).

Изъ мѣстностей окраинныхъ отмѣтимъ Уфимскую провинцію: здѣсь, съ момента превращенія ея въ самостоятельную административную единицу, управленіе провинціальнаго воеводы стало вѣдать судъ между русскими людьми, т.-е. судъ общій, совершенно независимо отъ Казанскаго губернатора, и, такимъ образомъ, провинція, наказомъ 1728 года ограниченная въ судебныхъ правахъ, пріобрѣла значеніе, равное губернской канцеляріи, а слѣдовательно, и права инстанціи апелляціонной[2]).

Общій характеръ русскаго судопроизводства въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра Великаго, можно считать выясненнымъ[3]): это постепенное вытѣсненіе «суда по формѣ», введеннаго Петромъ въ 1723 году, вновь воскрешимъ стариннымъ розыскомъ. Судъ по формѣ, по мысли законодателя, долженъ былъ служить для всѣхъ судебныхъ дѣлъ — «и не надлежитъ различать (какъ прежде было) одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ», — за исключеніемъ лишь очень немногихъ преступленій государственныхъ, «кромѣ сихъ дѣлъ: измѣны, злодѣйства или словъ противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію и бунтъ». Судебная практика, старая привычка, а, можетъ-быть, и реакціонное отношеніе ко всему, созданному Петромъ, въ первое время послѣ его кончины выдвинули вновь старые судебные порядки, отмѣненные преобразователемъ. «Судъ по формѣ», введенный за два года до смерти Петра, не успѣлъ стать судомъ привычнымъ да Петръ и самъ сохранилъ лазейку, оставивъ розыскъ для преступленій государственныхъ; эта лазейка и отрицательное отношеніе къ реформамъ со стороны правительства 1725—1730 годовъ дали возможность розыску быстро завоевать себѣ прочное положеніе. Очень характерно, что уже указомъ 1725 года сенатъ выключилъ изъ суда по формѣ всѣ уголовныя дѣла, разъяснивъ, что къ злодѣйствамъ, которыя по указу о формѣ суда надлежало попрежнему вѣдать розыскомъ, относятся убійства, разбои и татьбы[4]). Наказъ 1728 года, рисуя основныя черты судебной дѣятельности губернаторовъ и воеводъ,

---

[1]) Сб. Р. И. О., XVIII, 155—173, § 1.

[2]) П. С. З., VIII, №№ 5316, 5318, 6174; Сб. Р. И. О., т. LXXXIV, стран. 175.

[3]) *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 540—546; *Владимірскій—Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 4, стран. 666.

[4]) П. С. З., VII, №№ 4344, Указъ о формѣ суда, ст. 5; № 4713.

нигдѣ не упоминаетъ о судѣ по формѣ и, наоборотъ, напираетъ на розыскъ: «во всѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ губернаторамъ и воеводамъ поступать по уложенію и по указамъ»[1]); послѣднія слова очень характерны: источникомъ суда, законодательнымъ сводомъ остается то самое уложеніе, которое дало особенное развитіе слѣдственному процессу, розыску. «Судъ по формѣ», дѣйствующій уставъ судопроизводства, не названъ, а скрытъ подъ общимъ терминомъ «указы». Вотъ исходный моментъ длительнаго процесса постепеннаго паденія суда по формѣ 1723 года; онъ сталъ хирѣть со смерти своего основателя, какъ хирѣли и исчезали и многія другія его начинанія; онъ вытѣснялся розыскнымъ процессомъ и извращался самъ въ себѣ; послѣднее обстоятельство видно изъ одного указа, изданнаго сенатомъ въ 1731 году; начавъ съ упоминанія о быломъ процвѣтаніи стариннаго русскаго «суда», къ которому такъ близокъ былъ «судъ по формѣ», сенатъ продолжаетъ: теперь же «не точію въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, — и въ самыхъ нижнихъ судахъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городахъ воеводы и въ ратушахъ бурмистры спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ»; указъ рисуетъ всѣ неудобства такого порядка вещей: «много случается, одна какая рѣчь всю силу по тому дѣлу содержитъ, а легко можетъ учиниться, что секретарь или подъячій ту сильную рѣчь или содержаніе какого указа пропуститъ»; и хотя за это секретарь или подъячій по регламенту жестокому истязанію подлежитъ, а въ томъ едва обличить ихъ можно ли, потому что приговоръ пишется отъ всего учрежденія, и подкупленный одной стороною приказный можетъ сослаться на весь составъ суда[2]). Судъ по формѣ въ извѣстныхъ случаяхъ допускалъ производство суда въ отсутствіи сторонъ, хотя и ограничивалъ эти случаи довольно строго: но и этого достаточно было, чтобы «бездѣльные ябедники», о существованіи которыхъ указъ о формѣ суда знаетъ отлично, возвели исключеніе въ правило.

Изученіе многочисленныхъ судебныхъ дѣлъ, сохранившихся въ составѣ дѣлопроизводства областныхъ учрежденій XVIII вѣка, приводитъ къ неоспоримому выводу, что судебная практика вполнѣ соотвѣтствовала тому, что извѣстно намъ изъ изученія законодательства XVIII вѣка: въ судебной дѣятельности губернаторовъ и воеводъ примѣнялся и розыскъ и судъ по формѣ, и отношеніе между ними совершенно опредѣленное: всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла съ самаго начала изучаемой эпохи ведутся розыскомъ; къ основному кругу дѣлъ, судимыхъ розыскомъ, т.-е. къ дѣламъ татинымъ, убійственнымъ и разбойнымъ, примыкаютъ мало-по-малу и другія; судъ по формѣ, можетъ-быть, судебной практикой искаженный, все же сохраняется до Екатерининскаго времени для всѣхъ дѣлъ, считавшихся маловажными. Такъ розыскнымъ порядкомъ ведутся, напримѣръ, довольно часто встрѣчающіяся дѣла «о прижитіи блудно младенцевъ», даже если это прижитіе не влекло за собою убійства ребенка; розыски-

---

[1]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. ,

[2]) П. С. З., VIII, № 5689.

ваются» и крестьяне и дворовые, преданные суду по жалобѣ ихъ хозяевъ, помѣщиковъ; 8 марта 1779 года Клинская воеводская канцелярія судила двороваго человѣка вотчинника Квашнина, Степана Михайлова. Въ Казанскую, 22 октября предыдущаго года, Михайловъ, старикъ 75 лѣтъ, въ пьяномъ видѣ ударилъ ножомъ другого двороваго Квашнина — Львова и видимо испугавшись, бѣжалъ, но, конечно, сейчасъ же былъ пойманъ. Съ 23-го ноября онъ содержался подъ карауломъ въ Клинской тюрьмѣ, куда былъ присланъ своимъ помѣщикомъ вмѣстѣ съ жалобой на его «непотребства». Здѣсь старика подвергли допросамъ, на которыхъ онъ показывалъ одно и то же, что Львова онъ ударилъ, не помнитъ какъ, и что ссоръ съ нимъ ранѣе никакихъ не имѣлъ. Приговоръ по дѣлу гласилъ слѣдующее: Михайлову «за учиненное имъ въ пьянствѣ непотребство и побѣгъ», на основаніи указа 1754 года, мая 13, «по старости его лѣтъ и слабости его здоровья и по неимѣнію въ Клину заплечнаго мастера, въ страхъ, чтобъ другимъ такъ чинить неповадно было, учинить ему нещадное наказаніе плетьми и отдать попрежнему въ вотчину съ роспиской»[1]). Точно такъ же розыскомъ велись дѣла о всякаго рода пойманныхъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людяхъ. 1 августа 1760 года староста Клинскаго яма поймалъ четырехъ человѣкъ «невѣдомо какого чина», въ данный моментъ никакого преступленія не совершившихъ; ихъ немедленно представили въ Клинскую канцелярію, у нихъ отобраны были фальшивые паспорты, и начался надъ ними розыскъ: розыскивали и судили ихъ какъ бѣглыхъ людей, не имѣющихъ законнаго вида на жительство. Двое оказались бѣглыми крестьянами изъ приписныхъ къ Пермскимъ заводамъ Демидова, одинъ былъ черносошный крестьянинъ Вятской провинціи, послѣдній былъ бѣглый рекрутъ. Пристроившись какъ-то къ каравану, везшему желѣзо съ Урала въ Петербургъ, они пробирались въ столицу, но въ Твери не удержались, ограбили домъ своего господина Григорія Акинѳіевича Демидова и бѣжали съ каравана, направляясь къ Москвѣ. Въ тюрьмѣ одинъ изъ арестованныхъ сказалъ за собою «государево слово»; но оно оказалось ложнымъ; за это, по существовавшимъ правиламъ, онъ былъ наказанъ кнутомъ. Допросы, сопровождаемые въ нѣкоторыхъ случаяхъ пыткой, наведеніе справокъ, допросъ видѣтелей, конечно только тѣхъ, которые видѣли ихъ въ Клину и знали обстоятельства ихъ поимки, заняли нѣсколько мѣсяцевъ. Приговоръ состоялся 1-го марта: двое были наказаны плетьми, одинъ кнутомъ; рекрута, «не чиня наказанія для учиненія съ нимъ по воинскимъ артикуламъ», постановлено было отослать въ Москву военной коллегіи въ контору; послѣ наказанія Демидовскіе крестьяне должны были быть переданы приказчику Демидова, а Вятскій черносошный крестьянинъ «для отдачи на прежнее жилище» подлежалъ отсылкѣ въ Вятскую провинціальную канцелярію «по тракту отъ города до города»[2]).

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 1, вяз. 50, протоколъ 8 марта 1779 г.; П. С. З., т. XIV, № 10233.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 6, вяз. 3, д. 3/82.

Я приведу еще одно дѣло о судѣ надъ бѣглыми; по существу оно мало оригинально: въ основѣ его простой побѣгъ и обычные проступки противъ власти и интересовъ помѣщика, но оно даетъ типичную картину розыскного процесса о крестьянахъ, даетъ ясное представленіе о смыслѣ и примѣненіи помянутаго выше указа 13 мая 1754 года и ярко рисуетъ обычную одиссею бѣглыхъ. Въ приговорѣ по этому дѣлу, кромѣ того, ясно видно различіе въ примѣненіи розыска и суда по формѣ: дѣло о бѣглыхъ ведется розыскнымъ порядкомъ; искать убытковъ съ лицъ, укрывавшихъ бѣглецовъ, ихъ хозяину-помѣщику предоставляется судомъ по формѣ. Такъ какъ дѣло происходило въ 1779 году, то, слѣдовательно, въ гражданскихъ процессахъ этого времени судъ на основаніи закона 1723 года еще примѣнялся, по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ, гдѣ не введено было учрежденіе о губерніяхъ. Искать момента окончательнаго исчезновенія суда по формѣ приходится, слѣдовательно, въ эпоху дѣйствія Екатерининскихъ учрежденій. Изложенныя сейчасъ соображенія заставляютъ меня изложить это дѣло подробно. 22 марта 1779 года Клинская воеводская канцелярія слушала дѣло, возникшее по прошенію мѣстнаго помѣщика, л.-гв. ротмистра И. Г. Наумова о двухъ его крѣпостныхъ крестьянахъ. Одинъ изъ нихъ, Миронъ Козминъ, «будучи съ 1772 года въ бѣгахъ, пойманъ и въ Дмитровской канцеляріи допрашиванъ, но точію гдѣ и у кого онъ жительство имѣлъ, о томъ точно въ допросѣ своемъ не показалъ и держателей своихъ, закрывая ихъ въ томъ, утаилъ; равно жъ другой крѣпостной его крестьянинъ Филимонъ Емельяновъ, который будучи въ вотчинѣ его старостою, чинилъ не только по приказаніямъ его ослушаніе, но изъ собственныхъ его денегъ, также и хлѣба, дѣлалъ немалое похищеніе и крестьянамъ его чинилъ немалое жъ притѣсненіе и разореніе своими худыми поступками и прочія всякія непотребства и пьянство, коего онъ и объявилъ при томъ челобитьѣ; а Козминъ, при присылкѣ изъ Дмитровской канцеляріи, содержится въ здѣшней Клинской канцеляріи». Помѣщикъ Наумовъ просилъ, «чтобъ онаго крестьянина Емельянова принявъ, коего, а равно и содержащагося въ здѣшней канцеляріи крестьянина жъ Козмина — сколько, гдѣ и у кого онъ въ бѣгахъ жительство имѣлъ, допросить съ пристрастіемъ; и по допросѣ, учиня имъ въ страхъ, чтобъ другимъ такъ чинить не повадно было, наказаніе плетьми и отдать ихъ ему попрежнему да и съ дѣла дать копію и о всемъ учинить по законамъ. И по резолюціи Клинской канцеляріи, означенные крестьяне въ присутствіи оной допрашиваны и показали: первый — Мирономъ его зовутъ, Козминъ сынъ, отъ роду ему 30 лѣтъ, крѣпостной онъ крестьянинъ Клинскаго уѣзду, вотчины показаннаго л.-гв. ротмистра Ивана Григорьева сына Наумова, села Михайловскаго, гдѣ по нынѣшней минувшей третьей ревизіи и въ подушномъ окладѣ написанъ; а прошлаго 1772 года, въ августѣ мѣсяцѣ, а котораго числа, сказать не знаетъ, изъ онаго села бѣжалъ и пришелъ Вяземскаго уѣзду вотчины княгини Прасковьи Петровой дочери Шаховской въ деревню Кужнино, къ дядѣ своему крестьянину Василью Алексѣеву въ домъ, но точію онъ его, за неимѣніемъ

у него паспорта и никакого письменнаго вида, держать въ домѣ не сталъ и со двора имъ тогда сосланъ; но онъ Козминъ, пошедъ и переходя по разнымъ въ томъ Вяземскомъ уѣздѣ селеніямъ, жилъ, гдѣ ночь, гдѣ день, съ полгода и пропитаніе имѣлъ мірскимъ подаяніемъ, ходя по міру, милостынею; а потомъ изъ того уѣзда пришелъ въ Дмитровскій уѣздъ въ деревню Грешнево, въ которой жительствуютъ крестьяне князя Сергѣя Александровича Меншикова и другихъ помѣщиковъ, а чьихъ именно — не знаетъ, и жилъ въ домѣ у крестьянъ онаго Меншикова; а большею частью во время всего своего побѣга жилъ и пристанище себѣ имѣлъ того жъ Дмитровскаго уѣзда помѣщицы Марьи Васильевой дочери Докучаевой деревни Маркова у крестьянина Петра Михайлова подъ укрывательствомъ его, и что онъ, Козминъ, бѣглый, о томъ точно онъ, Михайловъ, зналъ и увѣрялъ прочихъ объ немъ, что онъ, Козьминъ, не бѣглый, почему болѣе предписанныхъ селеній жительми и держанъ онъ былъ; и во время житія у показанныхъ держателей работалъ всякую крестьянскую, а болѣе топоромъ плотничную работу, паспорта жъ и никакого письменнаго вида у себя онъ не имѣлъ и сказывалъ онъ о себѣ болѣе — экономическимъ крестьяниномъ; прошлаго жъ 1778 году декабря въ послѣднихъ числахъ вышеписанной деревни Марковой приказчикомъ взятъ и приведенъ онъ въ Дмитровскую воеводскую канцелярію, откуда онъ присланъ сюда за карауломъ». Второй отданный подъ судъ крестьянинъ показалъ на допросахъ слѣдующее: «Филимономъ его зовутъ, Емельяновъ сынъ, отъ роду ему 60 лѣтъ, крѣпостной онъ крестьянинъ вотчины означеннаго жъ гвардіи ротмистра Ивана Григорьева, сына Наумова, и по волѣ онаго господина своего находился онъ въ вотчинѣ его Ряжскаго уѣзду въ селѣ Ново-Никольскомъ старостою; и въ ту его бытность той же вотчины приказчикъ Илья Матвѣевъ господскимъ деньгамъ и хлѣбу чинилъ похищеніе, тожъ и крестьяномъ его притѣсненіе и разореніе, хотя онъ нѣкоторое и зналъ, но боясь его, господину своему о томъ не доносилъ, а самъ онъ съ нимъ таковаго воровства не чинилъ и съ нимъ въ согласіи не былъ, а на него не доносилъ простотою своею, а паче, не зная точно доказать о чинимомъ имъ воровствѣ, которое производимо имъ было скрытно, и боясь отъ него себѣ наказанія и при томъ за дальностью жительства отъ господина своего; пьянъ же онъ хотя и бывалъ и то временно, въ чемъ онъ и принесъ извиненіе». Разобравъ дѣло, воевода, основываясь на статьѣ 48-й XXI главы Уложенія и на прошеніи Наумова, постановилъ такой приговоръ: «крѣпостнымъ его крестьянамъ Мирону Козмину за побѣгъ, а Филимону Емельянову — за знаніе и недоносъ господину своему про чинимое похищеніе господскихъ денегъ и хлѣба приказчикомъ, равно жъ и за пьянство, въ чемъ онъ Емельяновъ самъ допросомъ извинился, учинить имъ (въ страхъ, чтобъ другимъ такъ дѣлать было неповадно) наказаніе нещадно плетьми и по наказаніи, по неотпирательству ихъ крестьянства, отдать въ вотчину реченнаго господина ихъ, попрежнему, съ роспискою, впредь если въ здѣшнюю канцелярію потребны будутъ съ поставкою; съ держателями жъ крестьянина Козмина

въ бѣгахъ, — какъ въ допросѣ значитъ, что они не здѣшняго уѣзда, — на основаніи состоявшихся 1723 года о судѣ формы и въ пополненіе онаго 1725 года указовъ, просителю Наумова, буде онъ самъ въ силу онаго жъ 1754 года указу о взысканіи пожилыхъ денегъ на нихъ бить челомъ и искать пожелаетъ, то между собою съ кѣмъ и гдѣ надлежитъ вѣдаться имъ судомъ»[1]).

Судъ по формѣ примѣнялся еще въ 1779 году, но изученіе дѣлъ показываетъ, что судъ этотъ былъ живымъ явленіемъ въ практикѣ областныхъ учрежденій и въ теченіе всего изучаемаго полувѣка. Челобитныя, которыми потерпѣвшіе «являли» о случившемся въ воеводскую канцелярію или которыми вчинялся искъ, составлялись по правиламъ указа 1723 года и сообщались противной сторонѣ; на основаніи того же указа назначался и день суда. Такимъ порядкомъ разбирались дѣла самаго различнаго характера; вотъ ихъ примѣрное перечисленіе — порубка лѣса, безчинство ямщика въ фартинной стойкѣ, гдѣ онъ похвалялся «бить смертью» цѣловальника, денежный искъ за задавленную корову, насильственный увозъ крѣпостной дѣвки приказчикомъ сосѣдней вотчины, земельныя тяжбы, кража хлѣба изъ амбара, похищеніе однимъ помѣщикомъ у другого дегтя или сѣна на пустоши, побои, нарушеніе межи и т. п.[2]). Я привелъ примѣры, взятые изъ дѣлъ Клинской воеводской канцеляріи; но тѣ же порядки были въ ходу и въ другихъ областныхъ учрежденіяхъ; судомъ по формѣ Бѣльская воеводская канцелярія разбираетъ жалобу шляхтича Куницкаго на своего родственника въ просрочкѣ закладной; такимъ же образомъ разбирается дѣло по жалобѣ капрала и писца той же канцеляріи на одного мѣстнаго помѣщика, который избилъ ихъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей[3]). Въ Яренскѣ судомъ по формѣ кабацкій цѣловальникъ ищетъ съ мѣстнаго крестьянина за бой и безчестіе[4]). Въ 1728 году землевладѣлецъ Любимскаго уѣзда,

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 50; протоколъ 23 марта 1779 года; другіе типичные примѣры дѣлъ, судимыхъ розыскнымъ порядкомъ: Клин. воев. канц., оп. 6, вяз. 3, д. 9 87 (бѣглые рекруты); 10,88 (прижитіе блудно младенца); Дмитр. воев. канц., в. 3, д. 403 (убійство), д. 358, (бунтъ крестьянъ); Кинешемск. воев. канц., оп. 7, в. 2, д. 462 (участіе въ разбоѣ); Кашинск. воев. канц., оп. 7; Карповской воев. канц. (въ дѣлахъ Грайворонскаго у. суда) оп. 1, д. 66, 67, 68; Яренской воев. канц. (въ дѣлахъ Сольвычегодскаго у. суда), оп. 1, вяз. 1 и 2.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 53 (1751—1759 гг.) Дмитров. в. к., вяз., 3, д. 400.

[3]) Бѣльск. воев. канц., оп. 4, в. 81, д. 7116, 7117.

[4]) Яренск. воев. канц. (въ дѣлахъ Сольвычегод. у. суда), оп. 2, в. 1, д. 25: въ этомъ дѣлѣ интересно, что мировая послѣдовала послѣ суда; это спеціально оговаривается въ приговорѣ, который я привожу полностью.

«По указу Его И. В. Яренская канцелярія воеводскаго правленія слушавъ вышеписанной изъ дѣла и изъ указовъ выписки, приговорила: съ вышеписанныхъ крестьянъ съ истца, винной продажи съ цѣловальника Трофима Жданова, соотвѣтчика Василья Бызова, по поданному ихъ мировому челобитью противъ исковой челобитной по соборному уложенью 10-й главы 124-й статьи и по состоявшимся указамъ сыску съ 3 рублевъ за бой и за безчестье онаго истца Жданова и жены его

капитанъ Исленьевъ подалъ жалобу на мѣстнаго воеводу, капитана Бесѣднова, обвиняя его въ томъ, что по дѣламъ Исленьева, имѣющимся въ Любимской воеводской канцеляріи, «воевода воровствомъ своимъ для взятковъ своихъ мучитъ и держитъ его на цѣпи и все дѣлаетъ ему, Исленьеву, въ обиду и разореніе и суды производитъ не по формѣ по наговору воровъ подъячихъ Ивана Конина и Петра Аристова». Исленьевъ прибавлялъ, что и «другіе многіе Любимскіе жители принимаютъ отъ Бесѣднова напрасное разореніе и убытки». Дѣло разбиралось въ 1729 году въ Костромской провинціальной канцеляріи и разбиралось судомъ по формѣ[1]), точно такъ же, какъ судомъ по формѣ разбиралось, начавшееся въ 1749 году дѣло по жалобѣ крестьянъ дворцовой Ярополческой волости, на притѣснявшаго ихъ Гороховецкаго воеводу[2]), или же дѣло о побояхъ и увѣчьи, нанесенныхъ въ домѣ Вольновскаго воеводы мѣстному штатной команды офицеру, возникшее въ 1767 году[3]). Приведенный перечень, конечно, не полонъ, ибо разнообразіе дѣлъ, которыя могли бы сюда подойти, безконечно; оно показываетъ, что судомъ по формѣ разбирались дѣла гражданскія и дѣла мелкія вообще, которыя въ настоящее время разбираются судомъ мировымъ. Можно, кажется, идти даже нѣсколько далѣе и утверждать, что остатки «суда по формѣ» примѣнялись даже въ дѣлахъ уголовныхъ; по крайней мѣрѣ, челобитныя по дѣламъ о разбояхъ составлялись на основаніи указа 1723 года; судебная практика, вытѣсняя Петровскій судъ, все-таки сохраняла не мѣшавшіе ей его обломки.

Въ какихъ случаяхъ судебное дѣло переходило во вторую инстанцію? На этотъ вопросъ данъ уже обстоятельный отвѣтъ изслѣдователемъ Петровскихъ судебныхъ учрежденій: при Петрѣ дѣло восходило въ высшую инстанцію въ ревизіонномъ порядкѣ на утвержденіе, по жалобамъ сторонъ, по инціативѣ судьи, затруднявшагося произнести рѣшеніе, и, наконецъ, по инціативѣ высшей власти вслѣдствіе недовѣрія къ низшему трибуналу[4]). Уничтожены были надворные суды, ихъ замѣнили другія учрежденія, но условія переноса дѣлъ остались приблизительно тѣми же.

Авдотьи и работника его Луки Пинегина противъ ихъ окладовъ съ 8-ми рублевъ, итого съ 11 рублевъ, по гривнѣ съ рубля — 1 рубль 10 коп., да съ суда и пересуда 22 коп., мировыхъ съ истца и съ отвѣтчика по гривнѣ съ человѣка 20 коп., всего рубль 52 коп., взять съ нихъ сполна для того, что оные Ждановъ и Бызовъ помирились послѣ суда, и для того съ нихъ оныя съ сыску пошлины и судныя деньги, также и мировыя по силѣ оныхъ указовъ и взять и записать въ приходъ, а ихъ свободить въ домы ихъ по прежнему. 728 году ноября 2 дня. Записать въ книгу. Ларіонъ Витязевъ. По сему приговору со означенныхъ истца Трофима Жданова, съ отвѣтчика Василья Бызова помянутое число денегъ 1 руб. 52 коп. приняты и въ приходъ записаны. Ноября 2 дня 1728 году въ пріемѣ у счетчика Григорья Захарова. Вышеписанныя деньги 1 руб. 52 коп. счетчикъ Григорій Захаровъ принялъ и росписался».

[1]) Любимской воев. канц., оп. 1, вяз. 1, д. 19.

[2]) Моск. губ. канц., вяз. 1706, д. 61.

[3]) Вольнов. воев. канц., (въ дѣлахъ Хотьмыш. в. к.) оп. 5, в. 1, л. 406.

[4]) *Богословскій*, Областная реформа, 214—218.

Губернскія канцеляріи получили право утверждать смертные приговоры, и имъ же принадлежало утвержденіе приговоровъ о ссылкѣ на каторгу, произносимыхъ воеводскими и провинціальными канцеляріями. Это требовалось статьей 9 наказа 1728 года и, конечно, соблюдалось, потому что неисполненіе такого требованія было сопряжено со слишкомъ опасными послѣдствіями для нарушавшихъ его: смертные приговоры представляли на утвержденіе не только городовыя, но и провинціальныя канцеляріи, а если онѣ не точно исполняли законъ, то сенатъ сурово призывалъ ихъ къ порядку[1]).

Въ 40-хъ годахъ дѣло измѣнилось. Извѣстенъ обѣтъ Елизаветы, данный во время переворота 25 ноября 1741 года, не казнить никого смертью. Обѣтъ этотъ былъ оформленъ въ 1744 году. Вслѣдствіе именного указа, даннаго сенату, чтобы колодникамъ «не чинили натуральной и политической смерти» безъ доклада Ея Величеству, сенатомъ былъ выработанъ постоянный порядокъ пересмотра смертныхъ приговоровъ. Было приказано изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, губерній, провинцій и командъ доставить свѣдѣнія о приговоренныхъ въ сенатъ и, «учиня изъ нихъ экстрактъ, при доношеніи подать» государынѣ. Этого порядка предписывалось держаться и впредь[2]). Таково было движеніе приговоровъ въ ревизіонномъ порядкѣ.

Далѣе, губернія была чисто апелляціонной инстанціей, разбиравшей дѣла по жалобѣ сторонъ на «неправое рѣшеніе» низшей инстанціи. Непосредственные результаты подобной жалобы могли быть различные; во-первыхъ, пересмотръ дѣла по существу могъ быть совершонъ самой губернской канцеляріей; вотъ два примѣра, относящіеся къ сентябрю мѣсяцу 1738 года: на Московскую ратушу была принесена жалоба на несправедливое рѣшеніе гражданскаго дѣла между купцами; оно было перерѣшено губернской канцеляріей; былъ постановленъ другой приговоръ, а съ виновниковъ прежняго, признаннаго несправедливымъ, приговора, бургомистра Капустина и бурмистра Кисельникова, предписано взыскать штрафа 500 рублей; помѣщикъ Кутузовъ жаловался на не-

---

[1]) Примѣры: Моск. Губ. Канц., кн. 62, лл. 738—741: утвержденіе смертнаго приговора, произнесеннаго Муромской воеводской канцеляріей надъ крестьяниномъ за убійство и побѣгъ; Вологодской пров. канц., оп. 2, в. 1, д. 1: Архангелогородская губернская канцелярія утверждаетъ смертный приговоръ за мужеубійство по дѣлу, начатому въ Вологодской пров. канц.; Грибовскій, матеріалы, № 96: Владимірская пров. канц. представляетъ смертный приговоръ прямо въ сенатъ, минуя Моск. губ. канц. Въ 1738 г. для только-что учрежденной Петербургской губ. канцеляріи былъ установленъ именно такой порядокъ: она должна была представлять смертные приговоры въ Сенатъ: П. С. З.; X, № 7659.

[2]) Сенатскій Архивъ, т. VI, стран. 62, П. С. З., XII № 8944. Отмѣтимъ, что при учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта на него была возложена ревизія всѣхъ смертныхъ приговоровъ. 31 декабря 1727 года ревизія эта передана была сенату; такимъ образомъ положеніе дѣла до изданія наказа 1728 г. носило черты внѣшняго сходства съ тѣмъ, которое установилось въ 40-хъ годахъ. *Филиппов*, Исторія сената въ правленіе в. т. совѣта, 114 и, слѣд., 469—470.

порядочное произведеніе Рязанскимъ провинціальнымъ воеводой; дѣла о поджогѣ его имѣнія губернская канцелярія взяла дѣло себѣ для пересмотра, а самого Кутузова и его вотчины изъяла изъ вѣдѣнія Рязанскаго воеводы, опасаясь его недружбы и передала въ вѣдѣніе Коломенскаго воеводы[1]). «Недружба» воеводы, въ вѣдѣніи котораго находилось судебное дѣло, обжалованная въ губернскую канцелярію и офиціально признанная послѣдней, нерѣдко приводила къ другому направленію дѣла; губернская канцелярія не пересматривала его сама, а передавала дѣло на разсмотрѣніе другой воеводской или провинціальной канцеляріи, высшей или равной по рангу той, на которую принесена жалоба, предписывая представить въ губернію ея рѣшеніе въ ревизіонномъ порядкѣ. Переяславская провинціальная канцелярія разбираетъ земельную тяжбу: одна сторона недовольна и жалуется въ Москву; губернская канцелярія передаетъ дѣло въ сосѣднюю провинціальную канцелярію, Юрьево-Польскую, которая разборъ его начинаетъ сначала[2]). Такого рода переносъ дѣлъ по недружбѣ совершался на основаніи Петровскихъ указовъ 1720 и 1724 годовъ[3]), и для этого не требовалось, чтобы приговоръ по дѣлу уже былъ произнесенъ. Нижеслѣдующій примѣръ можетъ подробно ознакомить съ ходомъ дѣла въ случаяхъ переноса по недружбѣ. Въ 1737 году «повѣренный», т.-е. домашній стряпчій изъ дворовыхъ тогда уже опальнаго «бывшаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», князя М. В. Долгорукова, подалъ въ Московскую губернскую канцелярію челобитную такого содержанія: «въ нынѣшнемъ 1737 году л.-гв. Семеновскаго полку поручикъ Петръ Ивановъ сынъ Цезыревъ билъ челомъ въ Верейской воеводской канцеляріи на прикащика изъ крестьянъ Верейскаго жъ уѣзду вотчины господина его, полусельца Крюкова, будто бъ въ насильномъ владѣніи, якобы грабежемъ, во взятьѣ рогатой скотины у крестьянъ другой половины того жъ сельца Крюкова, которую вотчину и крестьянъ по завѣщанію и духовной умершаго стряпчаго Григорія Никитина сына Чаплина, душеприказчикъ его дворянинъ Дмитрій Филипповъ сынъ Чебуковъ договорился продать господину его и по договору своему нѣсколько уже и денегъ въ задатокъ изъ дому господина его принялъ и тѣми крестьяны владѣть позволилъ. И по тому его, Цезырева, неправому недѣльному челобитью Верейской воевода поручикъ Остафьевъ, вѣдая прежнюю ссору и за то злобствуя, оной господина его вотчины людемъ и крестьяномъ чинитъ многія обиды напрасно». Обиды эти дѣйствительно и многочисленны и разнообразны. Воевода, взявъ «помянутаго сельца Крюкова крестьянъ въ Верейскую воеводскую канцелярію, на которыхъ челобитья не имѣется, держалъ въ тюрьмѣ напрасно. И какъ для освѣдомства и хожденія за онымъ дѣломъ присланъ былъ въ городъ Верею Боровской господина его вотчины села

---

[1]) Моск. Губ. Канц., кн. 60.

[2]) Моск. Губ. Канц., кн. 62, лл. 374—376.

[3]) П. С. З., т. VI, № 3577 (1720 г. 4 мая); указъ 3 ноября 1724 г. (въ П. С. З. нѣтъ) Моск. губ. канц., кн. 59, лл. 102—105.

Боболей съ деревнями приказчикъ Левъ Кіевской, и онъ воевода, взявъ онаго приказчика и посадивъ въ тюрьму, держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ не по силѣ онаго челобитья и дѣла и въ такомъ утѣсненіи, что и видѣться его ни съ кѣмъ не допускалъ. Да онъ же воевода Астафьевъ по неправому жъ и недѣльному Верейскаго помѣщика недоросля князя Андрея Михайлова сына Шихматова, — будто въ завладѣніи земель 5 пустошей, да 8 полупустошей — челобитью», явно держитъ сторону Шихматова вслѣдствіе чего «люди Шихматова вотчины господина его объявленнаго полусельца Крюкова людемъ и крестьянамъ, собравшися многолюдствомъ съ дубьемъ и съ рогатинами, не токмо быдто бъ на спорныхъ, но и на кортомныхъ и на наемныхъ земляхъ своимъ озорничествомъ и наглостью бьютъ и увѣчатъ смертнымъ боемъ и лошадей отнимаютъ, а сѣно косить и хлѣбъ подлинно господина его крестьянъ жать не допускаютъ и грозятъ впредь смертно жъ бить о которыхъ обидахъ и объ отнятыхъ лошадяхъ вышепоказанной же господина его вотчины отъ крестьянъ Верейской воеводской канцеляріи явочное челобитье прошедшаго іюля 20-го дня для записки подавано; но токмо онъ, воевода, по вышеобъявленному къ розыскному дѣлу, злобствуя и мстя господину его, а ему князю Шихматову дружа и норовя и того ради онаго явочнаго челобитья не принявъ и не записавъ, но согласясь той же Верейской воеводской канцеляріи съ подъячимъ Иваномъ Ефимовымъ, который ему князю Шихматову имѣется въ ближнемъ свойствѣ, чинилъ обиды жъ немалыя — напрасно жъ». Въ нынѣшнемъ году въ лѣтнее рабочее время воевода «посылалъ двоекратно въ вотчину господина его во оное полусельцо Крюково по наказомъ посылки для забранія крестьянъ будто къ произведенію суда, чего по плакату и указомъ въ такое работнее время и чинить не повелѣно. И прошедшаго жъ августа 22 дня сего жъ 1737 года его же князя Шихматова люди и крестьяне, умысля и собравшися жъ съ многолюдствомъ и съ дубьемъ и съ жердьми и съ рогатины онаго полусельца Крюкова господина его крестьянъ захватя, знатно по его жъ князя Шихматова приказу, безъ указу и безъ градскихъ и окольныхъ постороннихъ людей, но своевольствомъ, перебили и переувѣчили смертнымъ боемъ, и изъ тѣхъ битыхъ же двухъ человѣкъ и съ собою увезли безвинно. И какъ при челобитьѣ привезены были для осмотру и описи бою и ранъ оные битые господина его крестьяне, и тогда оный воевода и показанный подъячій, не принявъ же отъ крестьянъ господина о запискѣ на оныхъ господина его крестьянахъ бою и ранъ — челобитья, но прежде о томъ дали знать ему, князю Шихматову; и потомъ, какъ онъ, князь Шихматовъ, усмотря свою неправость, а людей своихъ явную вину и озорничество, и оныхъ господина его самовольствомъ взятыхъ крестьянъ привезъ и отнятыхъ лошадей для объявленія тогда привелъ до оной же воеводской канцеляріи; и онъ воевода, прежде принявъ его князя Шихматова о приводѣ прошенія, а потомъ уже на другой день принялъ челобитье и отъ крестьянъ господина его, о запискѣ боя и ранъ, и тѣхъ господина его крестьянъ по неправому его князя Шихматова приводу, оный воевода, не взирая на состояв-

шійся о правосудіи прошлаго 1730 года іюля 1 дня именной указъ, и донынѣ содержитъ въ тюрьмѣ подъ карауломъ безвинно; а поверстнаго сроку для освидѣтельства съ господиномъ его и о бытіи по тому дѣлу отъ господина его повѣренному кому въ судѣ, и въ томъ для требованія отъ господина его вѣрющей челобитной и крѣпостей не токмо по сказкамъ, но и по многимъ прошеніямъ, по силѣ указу не даетъ и челобитья не принимаетъ».

Налицо цѣлый рядъ несправедливостей, допущенныхъ Верейскимъ воеводой по нѣсколькимъ дѣламъ князя М. В. Долгорукова. Указывая на явную недружбу воеводы, повѣренный князя просилъ, «дабы, за показаннымъ на онаго воеводу и подъячаго подозрѣніемъ, вышепоказанныя дѣла изъ Верейской воеводской канцеляріи для праваго произведенія и указнаго рѣшенія послать въ городъ Боровскъ «въ канцелярію воеводскаго правленія и впредь по имѣющимся дѣламъ оныхъ господина его вотчинъ сельца Крюкова и сельца Головина людей и крестьянъ судомъ и расправою вѣдать во оной Боровской воеводской канцеляріи для того, что оные городы Верея и Боровскъ не въ дальномъ разстояніи». Ознакомившись съ прошеніемъ стряпчаго князя Долгорукова, Московское губернское присутствіе сдѣлало слѣдующее постановленіе: «въ Верею къ воеводѣ Остафьеву послать Ея Императорскаго Величества указъ — велѣть по вышеписанному князя Долгорукова служителя его челобитью, имѣющіяся въ Верейской воеводской канцеляріи дѣла и содержащихся по тѣмъ дѣламъ колодниковъ, за подозрѣніемъ на него воеводы Остафьева и подъячихъ, по силѣ вышеписанныхъ указовъ, изъ Вереи отослать въ Боровскъ въ воеводскую канцелярію немедленно, и по отсылкѣ въ губернію репортовать; а впредь вотчины его князя Долгорукова крестьянъ ему Верейскому воеводѣ судомъ и расправою и никакими дѣлами, кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ и сборовъ, ни въ чемъ не вѣдать и посылокъ за ними не чинить, подъ штрафомъ, а вѣдать тѣхъ крестьянъ въ Боровску въ воеводской канцеляріи; а въ Боровскъ къ воеводѣ послать указъ же велѣть по присылкѣ въ Боровскъ изъ Вереи вышеписанныхъ дѣлъ и колодниковъ по тѣмъ дѣламъ разсмотрѣть, а ежели чего не дослѣдовано, то, изслѣдовавъ и учиня изъ того экстрактъ съ подписаніемъ приличныхъ указовъ и воеводскаго мнѣнія, къ разсмотрѣнію прислать въ губернію немедленно»[1]). Губернская канцелярія безпрекословно принимаетъ жалобу «на недружбу», передаетъ дѣло по сосѣдству «за недальностью разстоянія» и затѣмъ требуетъ, чтобы по разрѣшеніи всѣхъ дѣлъ Долгорукова рѣшеніе Боровской воеводской канцеляріи было представлено ей въ ревизіонномъ порядкѣ на окончательное утвержденіе.

Можно отмѣтить еще одну черту, присущую подобнаго рода переносамъ дѣлъ: дѣло по недружбѣ могло быть перенесено по постановленію

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59, л. 102—105, протоколъ 7 окт. 1737 г.; аналогичные случаи: кн. 59, протоколъ 23 окт.; Вольновск. воев. канц. (въ дѣлахъ Богодуховск. уѣзднаго суда) оп. 1, вязка 1, дѣло 120.

губернской власти изъ городовой канцеляріи въ провинціальную[1]): въ этомъ послѣднемъ случаѣ провинціальная канцелярія фактически какъ бы пріобрѣтала по отношенію къ канцеляріи воеводской характеръ высшей инстанціи, по законамъ ей никогда не принадлежавшій.

Губернская канцелярія въ качествѣ высшей судебной инстанціи обладала еще однимъ правомъ, вытекавшимъ, надо думать, изъ общераспространеннаго убѣжденія, что причиною неправильныхъ рѣшеній суда бываютъ не невольныя ошибки судей, а чаще всего ихъ злоупотребленія: это право карать судью низшей инстанціи за его несправедливое рѣшеніе; напомню помянутый выше штрафъ, наложенный Московской губернской канцеляріей на Московскаго бургомистра и его товарища[2]); соотвѣтственно этому и юстицъ-коллегія обладала такимъ же правомъ по отношенію къ губернскимъ канцеляріямъ: постановленіе 1764 года уполномочиваетъ ее налагать на губернскія канцеляріи штрафы за неправое рѣшеніе, о губернаторѣ же коллегія «представляетъ сенату»[3]); характерно, однако, что недружба не каралась вовсе: изложенное сейчасъ дѣло князя Долгорукова съ Верейскимъ воеводою наглядно это показываетъ: здѣсь, вѣроятно, имѣло значеніе то соображеніе, что недружба, выражающаяся въ томъ, что судья преслѣдуетъ одну изъ сторонъ, подразумѣваетъ также недружбу, злобу и незакономѣрные поступки самой этой стороны, когда-нибудь совершонные по отношенію къ теперешнему судьѣ.

Кромѣ активной недружбы несправедливыя и враждебныя дѣйствія низшаго судьи могли выражаться въ искусственной затяжкѣ дѣла, въ задержкѣ его производства или, какъ тогда говорили, въ «волокитѣ»; въ такихъ случаяхъ губернская канцелярія, какъ высшая инстанція, имѣла право понуждать неисправный судъ. Понужденіе уже входило въ сферу судебнаго надзора; право понужденія принадлежало не только губернскому суду, но, какъ мы знаемъ, имъ пользовались и провинціальныя канцеляріи; имъ могъ воспользоваться и губернаторъ по отношенію къ своей канцеляріи, когда, напримѣръ, принималъ дѣло въ свое личное вѣдѣніе или, по отношенію къ низшимъ учрежденіямъ, когда наблюдалъ за слѣдствіемъ, ведшимся провинціальной или воеводской канцеляріей[4]).

Бывалъ ли на практикѣ въ послѣпетровское время переносъ судебнаго дѣла въ высшую инстанцію по иниціативѣ самого низшаго суда? Петровскій указъ, предписывавшій въ трудныхъ дѣлахъ «описываться» въ высшую инстанцію[5]), отмѣненъ не былъ, и, слѣдовательно, случаи пред-

---

[1]) М. Г. К., кн. 59, лл. 109, 110, протоколъ 7 окт. 1737.

[2]) Кара судьи за рѣшеніе, признанное неправымъ, — всецѣло пережитокъ XVII столѣтія. — См. *Чичерина*, Областныя учрежденія XVII в., 139.

[3]) П. С. З., XVI, № 12137, ст. 2.

[4]) Моск. Губ. Канц., кн. 188, л. 417; Галиц. пров. канц., оп. 9, вяз. 2, д. 74.

[5]) П. С. З., № 3435.

ставленія въ губернскую канцелярію изъ низшей инстанціи экстракта изъ дѣла съ вопросомъ, какъ поступить, должны были наблюдаться на практикѣ. Можно, кажется, утверждать и больше. Даже рѣшивъ какое-нибудь необычное, трудное и отвѣтственное судебное дѣло низшая инстанція затруднялась приводить въ исполненіе свой приговоръ и представляла его въ ревизіонномъ порядкѣ въ губернскую канцелярію, распространительно толкуя статью 16-ю наказа 1728 года, предписывавшую представлять на утвержденіе только приговоры смертные и о ссылкѣ на каторгу. Вотъ случай такого рода. 4 ноября 1766 года сотскій сельца Ковалева, вотчины поручика Сумарокова, Логинова стана, Костромского уѣзда, Агаѳонъ Сидоровъ представилъ «доставленное по объявленіи сотни его десятскаго», крестьянина вотчины помѣщика Ильи Андреевича Головцына, мертвое тѣло крестьянки Ѳедосьи Степановой. Тѣло было найдено въ подпольѣ скотной избы въ усадьбѣ помѣщицы вдовы Головцыной. Допрошенная въ Костромской провинціальной канцеляріи Головцына показала, что «пришедшая минувшаго октября 24-го дня въ усадьбу по ея приказу крестьянка Ѳедосья Степанова мяла ленъ въ банѣ съ недѣлю, и октября 31-го дня, идучи она, Головцына, съ гумна въ домъ свой, усмотрѣла, что оная женка Ѳедосья, идучи изъ бани, несла подъ полою льну, которую она остановя спрашивала, для чего она тотъ ленъ несетъ и куда, на что та ей объявила, что тотъ ленъ она украла и несетъ схоронить въ солому». Тогда Головцына, отобравъ ленъ, послала Ѳедосью «доминать оставшій ленъ съ тѣмъ, чтобъ ее за то наказать послѣ, а потомъ, она жъ, женка, повстрѣчавшись съ ней, Головцыной, не поклонилась». За все это помѣщица «озлобилась», по ея словамъ, на свою крѣпостную и «того жъ дня призвала ее въ свою горницу и сѣкла сама, также и по приказанію ея приданая ея женка Афросинья, плетьми и сверхъ того била кнутовищемъ по головѣ и по всему тѣлу, причемъ тое женку держала за волосы дворовая ея дѣвка Алена Миронова, послѣ которыхъ побоевъ, та женка Ѳедосья отведена была въ скотную избу, гдѣ она въ то же время и умре, о чемъ она, Головцына, увѣдавъ, ходила сама въ ту скотную избу, гдѣ, будучи одна, тѣло взявъ, снесла въ подполье, гдѣ оное и вынято». Дворовые на допросѣ показали то же самое, добавивъ, впрочемъ, характерную подробность, свидѣтельствующую объ истинныхъ причинахъ злобы помѣщицы; по ихъ словамъ, избивая Ѳедосью, она допытывалась у нея, «не жила ли она съ ея покойнымъ мужемъ». Разобравъ дѣло, Костромская провинціальная канцелярія составила, на основаніи статьи 79-й XXI главы Уложенія, новоуказной 43-й статьи, XIX главы воинскаго артикула и статьи 10-й воеводскаго наказа 1728 г., слѣдующій приговоръ: за убійство и сокрытіе тѣла «помѣстье ея, яко то движимое и недвижимое имѣніе, отобравъ, отдать по законному наслѣдству сыну ея, а самое, за неимѣніемъ точнаго узаконенія (убійство крѣпостной убійствомъ не считалось), надлежитъ послать въ женскій монастырь на покаяніе вѣчно. А болѣе о томъ Костромская провинціальная канцелярія въ силѣ губернаторской и воеводской инструкціи 16-го

пункта въ главное разсмотрѣніе и въ точную конфирмацію Московской губернской канцеляріи представляетъ»[1]).

Я не встрѣчалъ примѣровъ переноса судебнаго дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую по инціативѣ высшей власти, но само собой разумѣется, что такого рода переносы, опирающіеся не на велѣніе закона, а на самый фактъ власти, были вполнѣ возможны; можно, во всякомъ случаѣ, привести примѣры дѣлъ, возбуждавшихся и шедшихъ своимъ особымъ ходомъ помимо всѣхъ областныхъ судебныхъ инстанцій — воеводскихъ и губернскихъ канцелярій: такъ, главнокомандующій Москвы генералъ Левашевъ, приказавъ въ 1746 году арестовать прапорщика Выборгскаго пѣхотнаго полка Ржевскаго по подозрѣнію въ подлогахъ при совершеніи займа, допрашивалъ его и его людей въ Московской сенатской конторѣ и отослалъ ихъ для слѣдствія въ юстицъ-коллегію[2]). Здѣсь, кажется, нарушены были всѣ обычные порядки судопроизводства.

Въ апелляціонномъ порядкѣ, а равно въ отдѣльныхъ случаяхъ, для ревизіи, какъ это было, напримѣръ, со смертными приговорами послѣ 1744 года, дѣла переходили выше въ третью и четвертую инстанціи — юстицъ-коллегію и сенатъ. Вмѣстѣ съ этимъ юстицъ-коллегія была второю инстанціей для дѣлъ, начатыхъ въ губернскихъ канцеляріяхъ; что же касается сената, то въ особыхъ случаяхъ онъ бралъ судебныя дѣла въ свое вѣдѣніе, минуя обычный порядокъ — такъ было, напримѣръ, съ нѣкоторыми дѣлами о крестьянскихъ бунтахъ и съ преступленіями по должности областныхъ властей[3]). Нерѣдко сенатъ, взявъ въ свое вѣдѣніе самое дѣло, предписывалъ производить слѣдствіе мѣстнымъ учрежденіямъ; въ этомъ случаѣ слѣдствіе до отсылки въ сенатъ должно было быть утверждено губернской властью[4]). Впрочемъ, переходя въ высшія инстанціи, дѣла уже выходили изъ сферы областного суда и переходили въ центральныя учрежденія[5]).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ особенностяхъ судебной дѣятельности областныхъ учрежденій, чтобы получить возможно полное понятіе о томъ, какъ творился судъ въ русской провинціи XVIII вѣка. Мы знаемъ, каковы были злоупотребленія и губернаторовъ, и воеводъ, и приказныхъ имъ подчиненныхъ. Корысть, желаніе нажиться, злоба, месть, недружба всякаго рода сказывались и въ судебныхъ дѣлахъ не менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ областныхъ властей и ихъ канцелярій. Мы только

---

[1]) Моск. Губ. Канц., вязка 1873.

[2]) Гос. Архивъ, разр. XXII, дѣло 24.

[3]) Дмитровск. в. канц., в. 3, дѣло 358.

[4]) П. С. З., XIII. № 9685; то же наблюдалось и въ XVII столѣтіи, см. *Чичерина*. Областныя учрежденія, 140.

[5]) О судебныхъ функціяхъ сената, см. *Филиппова*, Исторія сената въ правленіе в. т. совѣта, 463—480 и Исторію Правительствующаго Сената т. I, стран. 466—475, 636—640, т. II, стран. 216—310, 623—674, *Грибовскаго*, Высшій судъ, 102—122, 199—283; *Богословскаго*, Областная реформа, 173—176; о судебныхъ функціяхъ юстицъ-коллегіи см. *Вицына*, Краткій очеркъ управленія, стран. 89—90 и *Богословскаго*, Областная реформа, 182—184.

что видѣли, что позволяли себѣ такіе судьи, какъ Бесѣдновъ въ Любимѣ или Астафьевъ въ Вереѣ. Подобныхъ судей тогда было много. «Бойся судьи»—было живымъ правиломъ, понятнымъ каждому[1]), злоупотребленія царили вездѣ; боязнь суда неправаго и немилостиваго, сохранившаяся до нашихъ дней, если и ведетъ свое начало отъ до-Петровскаго времени, то, во всякомъ случаѣ, окрѣпла и утвердилась еще болѣе въ тѣ полвѣка русской исторіи, которые являются предметомъ настоящаго изслѣдованія.

Злоупотребленія, новыми безконечно однообразными примѣрами которыхъ я не хочу загромождать моего изложенія, были одною изъ грустныхъ, но характерныхъ особенностей тогдашняго суда. Ихъ обиліе, возможность на каждомъ шагу на нихъ наткнуться были, очень вѣроятно, причиною другой особенности суда XVIII вѣка. Русскій народъ, кажется, и до сихъ поръ не очень любитъ обращаться къ суду; недовѣріе къ суду, выработанное вѣками, сказывалось и въ то время, когда судебными трибуналами были губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, и это недовѣріе совершенно опредѣленнымъ образомъ отражалось на такихъ дѣлахъ, которыя тяжущіеся могли продолжать или прекращать по своей волѣ. Конечно, въ розыскномъ процессѣ обвиняемый былъ всецѣло во власти суда; разъ западня захлопнулась, попавшему въ нее оставалось или покориться судьбѣ, или же ждать, что счастіе или его дѣйствительная невиновность его выручатъ; не то было при судѣ «по формѣ»; здѣсь стороны были болѣе хозяевами въ своемъ дѣлѣ. Просматривая тяжбы, разрѣшавшіяся областными учрежденіями «судомъ по формѣ» въ его чистомъ или даже въ искаженномъ видѣ, можно убѣдиться, что болѣе половины ихъ кончалось мировой. Стороны были возбуждены одна противъ другой, и возбужденіе приводило ихъ въ судъ; писались челобитныя, назначался и срокъ суда; но когда этотъ срокъ подходилъ, сторонами овладѣвало благоразуміе; неизвѣстно еще было, какъ отнесется воевода-судья къ ихъ спору; можетъ быть онъ, можетъ-быть какой-нибудь ябедникъ-канцеляристъ попытаются и истца и отвѣтчика обратить въ дойныхъ коровъ въ цѣляхъ пополненія своего кармана. Не лучше ли найти способъ согласиться и уйти изъ-подъ власти судьи и его канцеляріи? И вотъ, въ частныхъ совѣщаніяхъ вырабатывались условія мировой, писалось «мировое челобитье», гласившее обыкновенно, что «по тому дѣлу, не ходя мы въ судъ и не дожидаясь того дѣла вершенья, поговоря о томъ межъ себя любовно, во всемъ договорились и помирились и впредь намъ по тому дѣлу другъ на друга ни о чемъ не бить челомъ и не вникать никоторыми дѣлы», уплачивались по взаимному соглашенію пошлины, и дѣло кончалось и дешевле и скорѣе.

Желаніе окончить дѣло миромъ могло явиться у сторонъ не въ самомъ началѣ дѣла: къ мысли, что мировая можетъ окончить споръ скорѣе, нежели судъ, они должны были приходить путемъ горькаго и долгаго

[1]) Сб. Р. И. О., т. XIV, стран. 44.

спыта. Медленность суда была его обычнымъ свойствомъ, но не надо думать, что эта медленность всегда происходила отъ недобросовѣстности судей. Судебная волокита въ цѣляхъ вымогательства, эксплуатаціи была злоупотребленіемъ, очень распространеннымъ именно потому, что «волочить» дѣло можно было легко, не насилуя хода судебнаго производства, а умѣло пользуясь нѣкоторыми его органическими особенностями. Въ процессахъ уголовныхъ затягивали дѣло слѣдственные порядки — многочисленные допросы, съ повторяющимися пытками, отъ которыхъ надо было дать подсудимому отдышаться, поиски и допросы свидѣтелей; наконецъ, надо принять во вниманіе, что городовой воевода былъ до 1763 года въ своемъ уѣздѣ одинъ; дѣла судебныя онъ, конечно, не считалъ самыми важными, и они задерживались безъ всякаго злого умысла, просто въ силу того, что многія другія дѣла казалось нужнымъ рѣшить скорѣе, напримѣръ, дѣла «интересныя», т.-е. финансовыя, по которымъ областные правители испытывали особенно энергичныя понужденія. 21000 слишкомъ нерѣшенныхъ судебныхъ дѣлъ, лежавшихъ въ 1730 году въ Московской губернской канцеляріи, были, можетъ-быть, самымъ высшимъ предѣломъ накопленія, но можно сказать съ увѣренностью, что извѣстное количество судебныхъ залежей встрѣчалось въ каждой канцеляріи всѣхъ трехъ ранговъ областного управленія. Въ процессѣ гражданскомъ были свои причины задержки, связанныя съ обязательной явкой обѣихъ сторонъ, назначеніемъ срока суда, вызовомъ свидѣтелей; обычно долгіе годы тянулись земельные процессы[1]). Но особенно затягивались дѣла отъ переносовъ въ высшія инстанціи; это одинаково касается и дѣлъ уголовныхъ и дѣлъ гражданскихъ, такъ какъ всякое дѣло можно было, посредствомъ жалобы на неправое рѣшеніе или даже на недружбу, перенести въ другой трибуналъ, а если дѣло проходило черезъ всѣ или хотя бы черезъ нѣкоторыя изъ существовавшихъ тогда инстанцій, то продолжительность его приходилось исчислять годами. Приведу примѣры: 4 декабря 1744 года въ Дмитровѣ, въ фартинной избѣ, т.-е. въ кабакѣ, слуга Борисоглѣбскаго Дмитровскаго монастыря Лукьянъ Вязигинъ въ пьяной дракѣ убилъ служебника того же монастыря Митусова. Началось дѣло, необходимо было допросить свидѣтелей драки — нѣсколькихъ Дмитровскихъ посадскихъ людей, которые тѣмъ временемъ попали въ какія-то посадскія службы по опредѣленію Московскаго губернскаго магистрата; надо было ихъ сыскать; дѣло дошло до главнаго магистрата, который рѣшилъ, что ихъ нечего отсылать въ Дмитровъ, а слѣдуетъ съ нихъ снять письменные допросы; послѣдніе были доставлены только въ исходѣ 1746 года; затѣмъ оказалось, что воевода, уже успѣвшій смѣниться, неправильно велъ дѣло и «не чинилъ Вязигину указныхъ розысковъ». Въ 1748 году рѣшили уже четыре года томившагося въ тюрьмѣ узника пытать «и спрашивать накрѣпко, что онъ Вязигинъ Митусову смертное убивство учинилъ не съ умыслу ль или безъ умыслу,

---

[1]) Примѣры: Переславск. пров. канц., оп. 10, вяз. 1, д. 3; оп. 12, вяз. 1, д. 3.

въ пьянствѣ, и къ тому убивству не было ль съ нимъ кого сообщниковъ и прежъ сего таковыхъ же смертныхъ убивствъ и пожоговъ не чинилъ ли и на воровствахъ и на разбояхъ съ кѣмъ не бывалъ ли и за кѣмъ такого непотребства не вѣдаетъ ли». Но Дмитровской канцеляріи понадобилось зачѣмъ-то разъясненіе губернской канцеляріи по этому поводу, дѣло еще затянулось; опредѣленіе о пыткѣ Вязигина было вновь сдѣлано въ 1750 году и только 18 августа 1752 года, т.-е. почти 8 лѣтъ спустя послѣ совершенія убійства, надъ Вязигинымъ былъ произнесенъ окончательный приговоръ — бить его кнутомъ нещадно и освободить подъ расписку десятскаго Борисоглѣбской монастырской слободы. Подкуповъ, взятокъ, искуственнаго затягиванія дѣла со стороны власти здѣсь не было[1]). Въ 1744 же году, въ томъ же Дмитровскомъ уѣздѣ произошелъ бунтъ въ вотчинѣ Пѣсношскаго монастыря. Въ слѣдствіи участвовала Дмитровская канцелярія и особая коммиссія. Въ 1745 году по окончаніи дѣятельности этой послѣдней 27 человѣкъ крестьянъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности, были заключены въ Дмитровскую тюрьму до рѣшенія дѣла сенатомъ, куда оно перешло, минуя обычныя инстанціи, въ виду приданнаго ему важнаго значенія. Въ 1752 году сенатъ приказалъ освободить обвиняемыхъ на поруки до того времени, «впредь когда будутъ потребны». Дѣло для нихъ, въ общемъ, кончилось благополучно, вѣроятно, потому, что сенатъ о нихъ забылъ, но все же крестьяне Пѣсношскаго монастыря 19 лѣтъ томились подъ слѣдствіемъ, пока, наконецъ, въ 1763 году, уже при Екатеринѣ II, послѣдовалъ указъ, гласившій, что «оное все отпущается съ тѣмъ, чтобы они впредь таковыхъ противностей и ослушанія властямъ своимъ и никому отнюдь не чинили подъ опасеніемъ уже впредь неупустительнаго наказанія»[2]).

Правительство понимало весь вредъ, происходившій отъ медленности судопроизводства, и пыталось бороться съ нимъ тѣмъ обычнымъ путемъ, какимъ оно болѣе всего боролось въ то время съ различными болѣзнями государственнаго организма — т.-е. посредствомъ бумажныхъ указовъ и разнаго рода понужденій, то налегая на затяжку гражданскихъ дѣлъ, то требуя ускоренія дѣлъ уголовныхъ, по которымъ содержатся «колодники»[3]). Но все это, конечно, не могло имѣть большого практическаго значенія.

Едва ли, однако, не самымъ большимъ зломъ русскаго суда XVIII вѣка была та соціальная несправедливость, которая въ немъ царствовала. Читая судебныя дѣла того времени, не разъ спрашиваешь себя, была ли одна общая для всѣхъ правда, и, въ большинствѣ случаевъ, приходится съ грустью признать, что правды были двѣ: одна — для дворянъ,

---

[1]) Дмитров. воев. канц., вяз. 3, д. 403.

[2]) Дмитр. воев. канц., вяз. 3, д. 358.

[3]) П. С. З., X, № 7208 (20 марта 1737 г.); П. С. З., XVI, № 11750 (10 февр. 1763 г.). Дѣла сената, кн. 120/336, д. 6 и 12. Сен. Архивъ, т. VI, стран. 62, указъ 1766 г. подтверждающій всѣмъ областнымъ учрежденіямъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ; указъ не помѣщенъ въ П. С. З. *Грибовскій*, Матеріалы, 95.

привилегированнаго, господствующаго сословія, другая для всѣхъ остальныхъ жителей имперіи, непривилегированныхъ плательщиковъ подушной подати. Соборное уложеніе не дѣлаетъ разницы между обвиняемымъ дворяниномъ и недворяниномъ: формально не различаютъ ихъ и Петровскіе и даже послѣпетровскіе законы; въ наказѣ 1728 года привилегированное положеніе дворянина въ области суда сказывается лишь въ томъ, что его нельзя просто повѣсить за нарушеніе карантина, а надо «ожидать указа». Но практика въ этомъ отношеніи далеко отступала отъ законовъ. Прежде всего изученіе судебной дѣятельности областныхъ учрежденій приводитъ къ одному очень интересному выводу: областныя учрежденія фактически были для дворянъ почти только мѣстомъ суда гражданскаго. Гражданскія тяжбы, гдѣ дворяне были истцами или отвѣтчиками, безчисленны, но дѣлъ уголовныхъ, гдѣ дворяне были бы обвиняемыми, очень мало; такія дѣла, какъ изложенное выше дѣло Головцыной — рѣдкость. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Мнѣ думается, причинъ здѣсь довольно много. Многочисленные дворяне, жившіе въ столицахъ, не были судимы въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя мы изучаемъ: ибо даже въ Петербургѣ, гдѣ была учреждена губернская канцелярія по образцу другихъ канцелярій подобнаго рода, большинство дворянъ были на службѣ военной и гражданской и по старинному русскому обычаю вѣдались или тѣми учрежденіями, гдѣ служили, или же прямо юстицъ-коллегіей, какъ это было съ дворянами, служившими въ гвардіи[1]); слѣдствіе и судъ надъ гражданскими служащими по всей имперіи по обвиненію ихъ въ уголовныхъ преступленіяхъ наряжались чаще всего сенатомъ. Такимъ образомъ, можно считать за правило, что общимъ судомъ областныхъ учрежденій судимы были тѣ дворяне, которые жили въ своихъ вотчинахъ, а такихъ до указа о вольности было гораздо менѣе, чѣмъ въ последующую эпоху расцвѣта дворянскаго житья въ имѣніяхъ. Представимъ себѣ, что такой дворянинъ совершитъ преступленіе; и здѣсь еще много шансовъ, что суда все-таки не будетъ; совершонное въ предѣлахъ вотчины и вотчинной власти возможно было скрыть; низшую администрацію можно было задарить, воевода могъ оказаться пріятелемъ; въ столицѣ могли найтись знакомцы и покровители. Наличность тайныхъ, но высокихъ покровителей, подсудность по мѣсту службы и, слѣдовательно, неподвѣдомственность суду воеводъ и губернаторовъ ставили мѣстный судъ часто въ положеніе совершеннаго безсилія по отношенію къ дворянину-преступнику, даже къ такому, который уже былъ приговоренъ заочно къ какому-нибудь наказанію, и безсиліе это было тоже зломъ замѣтнымъ и распространеннымъ. Въ предыдущей главѣ я разсказывалъ о разбояхъ, которые чинили между Коломной и Переяславлемъ-Рязанскимъ братья Ракитины: они оставались совершенно неуловимыми для мѣстнаго суда, не бывшаго въ состояніи привлечь къ отвѣтственности гвардейскаго офицера, находившагося

[1]) П. С. З., т. VII, № 5146.

въ отпуску. Въ началѣ царствованія Екатерины II въ сенатѣ судили Украинскаго корпуса поручика Миткова за укрывательство отъ службы, сопротивленіе властямъ, разбои и нѣсколько убійствъ, и приговорили его къ смертной казни. Дѣло происходило въ Орловской провинціи и тамошнія власти, устраненныя отъ слѣдствія и суда, даже видимо не были въ состояніи содѣйствовать исполненію приговора и хотя бы арестовать преступника[1]).

Однако, даже въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ, случаяхъ, когда дворянинъ попадалъ подъ судъ губернатора или воеводы по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, дѣло обстояло не лучше, и въ такихъ случаяхъ существованіе двухъ правдъ сказывалось, можетъ-быть, съ особой ясностью. Возьмемъ случаи изъ времени, когда смертная казнь еще была обычной карой за убійство. Въ 1730—31 гг. Архангелогородская губернская канцелярія судила крестьянскую женку за мужеубійство, приговорила ее на точномъ основаніи 14-й статьи XXII главы Соборнаго Уложенія къ квалифицированной смертной казни — зарытію живой въ землю, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе[2]). Немного ранѣе, въ 1727 году, жившій въ Вологодской провинціи капитанъ Харюковскій въ буйствѣ убилъ совершенно ни въ чемъ неповиннаго крестьянина сосѣдней помѣщицы. По иниціативѣ послѣдней поднялось дѣло и Вологодская канцелярія приговорила: «взыскать на немъ, капитанѣ, за убитаго человѣка» штрафъ въ 50 рублей, «не розыскивая, понеже онъ рангъ имѣетъ капитанскій и о показанномъ убійствѣ запирательства не имѣлъ». Но буйный капитанъ не захотѣлъ нести и этого наказанія: онъ апеллировалъ въ Архангелогородскую губернскую канцелярію, и, кажется, добился отмѣны мягкаго приговора провинціальной канцеляріи[3]).

Въ болѣе позднее время, когда смертная казнь за обыкновенное убійство перестала примѣняться, а съ другой стороны привилегированное положеніе дворянства, упрочилось еще болѣе, убійство крѣпостныхъ наказывалось еще легче; Костромская провинціальная канцелярія предлагала отобрать у Головцыной ея имѣніе, а съ самой преступницей, какъ съ дворянкой, не знала, что сдѣлать[4]); но такое дѣло въ 60-хъ и 70-хъ годахъ могло имѣть и еще болѣе благопріятное теченіе. Въ 1775 году въ Галичѣ поручикъ Карповъ засѣкъ свою дворовую женку до смерти. По донесенію священника, отказавшагося похоронить тѣло безъ осмотра, Галицкая провинціальная канцелярія притянула Карпова къ суду. На допросѣ тотъ сознался, что билъ женку изъ своихъ рукъ за кражу одного рубля 80 копеекъ, но «умѣренно» и не съ тѣмъ чтобъ засѣчь; что послѣ наказанія она была еще жива 4 дня, «ходила и въ пищу хлѣбъ принимала». Справка о прошломъ убитой показала, что ее и ранѣе

---

[1]) Гос. Архивъ, разр. XXII, д. 36 и 58.

[2]) Вологод. пров. канцеляріи оп. 2, в. 1, д. 1.

[3]) Вологод. пров. канцеляріи оп. 2, в. 1, д. 32.

[4]) Моск. губ. канц., вяз. 1873.

наказывали за кражи; съ другой стороны, о Карповѣ, состоявшемъ начальникомъ штатной команды при Галицкой канцеляріи, отзывы были самые лучшіе. Галицкія власти приговорили въ виду того, что Карповъ «несетъ свою службу исправно и въ штрафахъ не бывалъ, то во извиненіе его и повальнаго обыска чинить не для чего, а въ наилучшее разсмотрѣніе предать Его Высокопревосходительству Архангелогородскому губернатору, генералу Головцыну». Послѣдній нашелъ дѣйствія провинціальныхъ властей неправильными и предписалъ дополнить слѣдствіе повальнымъ обыскомъ и свѣдѣніями объ обращеніи Карпова со своими людьми, «а особливо не былъ ли въ наказаніяхъ неумѣренъ, а паче еще мучителемъ», и когда опросъ сосѣдей Карпова, помѣщиковъ и духовенства, далъ о немъ опять хорошіе отзывы, губернаторъ прекратилъ дѣло. Такъ исправная служба поручика помогла ему остаться безнаказаннымъ за убійство[1]). Вотъ еще нѣсколько дѣлъ другого характера. Въ началѣ 60-хъ годовъ, жившій въ Старой Русѣ «своимъ домомъ» дворянинъ Григорій Апушкинъ, 30 лѣтъ, ограбилъ проѣзжавшаго крестьянина Суслова, отнялъ у него «денегъ 5 рублей, лошадей съ саньми, 7 тушъ свиныхъ, 2 пуда соли и калачей», угрожая при этомъ его зарѣзать. Апушкинъ сознался въ совершонномъ преступленіи, и Новгородская губернская канцелярія, судившая его, полагала «за силою главнаго сыщика инструкціи 3-го пункта, не чиня ему пытокъ, наказавъ плетьми, сослать на поселеніе въ Сибирь, дабы таковые вредные обществу люди впредь непотребство чинить не дерзали и другіе, на то смотря, отъ того удержались». Однако, по резолюціи императрицы на докладѣ сената, куда восходило это дѣло, дворянинъ Апушкинъ отдѣлался ссылкою въ Сибирь въ солдаты, безъ наказанія «въ разсужденіе, что оный Апушкинъ въ лѣтахъ еще молодъ и въ такую продерзость впалъ впервые»[2]). Недворянинъ на его мѣстѣ не избѣжалъ бы кнута и каторги: въ этомъ убѣждаютъ многочисленные процессы о разбояхъ, героями которыхъ являются крестьяне, жители посадовъ, не говоря уже объ отверженныхъ людяхъ, въ родѣ бѣглыхъ солдатъ и рекрутовъ. Въ 1745 году Бѣлозерскій помѣщикъ, С.-Петербургскаго драгунскаго полка драгунъ, Василій Кузьминъ донесъ по злобѣ на свою родственницу, обвиняя ее въ сурово каравшемся тогда нарушеніи седьмой заповѣди. Бѣлозерская канцелярія арестовала всѣхъ дворовыхъ Кузьминой, допрашивала ихъ, держала въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ виновникомъ всего дѣла, крестьяниномъ, съ которымъ, по словамъ доносителя, Кузьмина «блудно жила»; сама помѣщица даже не допрашивалась; ей посылались допросные пункты на домъ[3]). До какой вздорности могли доходить претензіи иныхъ помѣщиковъ и какъ требовательны они были вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣлахъ, возникавшихъ у нихъ съ крестьянами, видно изъ челобитной Клинскаго помѣщика, артиллеріи поручика Спиридова, поданной мѣстному воеводѣ въ 1745 году. «Сего мая 5 дня», писалъ онъ, «посыланъ былъ отъ старосты моего изъ дому

[1]) Галиц. пров. канц., оп. 9, вяз. 22, д. 74.
[2]) Сен. Архивъ, XIV, 9—10.
[3]) Бѣлозерской пров. канцеляріи, оп. 2, вяз. 2, д. 60.

моего крестьянинъ Яковъ Тимоѳеевъ на мельницу для молонія хлѣба, и за онымъ крестьяниномъ увязалась собака дворная, сука, которая отъ онаго крестьянина отстала подъ деревнею Слободою, и той деревни умышленно, невѣдомо съ какого виду, крестьяне, загнавъ собаку на задворку съ поля, убили до смерти, и при ономъ битьѣ оная сука выкидала семерыхъ щенятъ, отъ чего мнѣ нижайшему отъ оныхъ крестьянъ не малая обида и разореніе». Спиридовъ просилъ «оныхъ крестьянъ допросить и по силѣ Уложенья, какъ за показанную собаку, такъ и за щенятъ взыскать». Воевода поспѣшилъ исполнить просьбу помѣщика и началъ дѣло противъ крестьянъ[1]).

Уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ обвиняемыми являются дворяне, было немного, а тѣ, которые имѣли мѣсто, оканчивались для нихъ значительно болѣе счастливо и благополучно чѣмъ, если бы на ихъ мѣстѣ были недворяне: простая ссылка, покаяніе, а то и полное освобожденіе отъ наказанія—вотъ что постигало ихъ тогда, когда посадскаго или крестьянина приговорили бы къ плетямъ, кнуту, каторгѣ, а въ до-Елизаветинское время и къ смертной казни. И главной причиной всего этого было не послабленіе мѣстныхъ властей, не кумовство воеводы или пріятельскія отношенія съ губернаторомъ, а общее направленіе внутренней политики имперіи, дѣлавшее дворянъ не только привилегированнымъ, но дѣйствительно господствующимъ въ прямомъ смыслѣ этого слова сословіемъ: окончательное завоеваніе дворянствомъ господства въ политической и частной жизни страны быстрыми шагами пошло послѣ кончины Петра и крушенія его мечтаній сдѣлать изъ Россіи бюрократическое государство по рецептамъ западной науки. Я не говорю здѣсь о вліяніи дворянства на положеніе дѣлъ въ столицѣ, о вліяніи его на ходъ русской политической исторіи, но наблюденія надъ частной и общественной жизнью дворянъ второй и третьей четверти XVIII вѣка, въ частности надъ фактическимъ отношеніемъ между дворянами и уголовнымъ судомъ того времени, приводятъ къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что нѣкоторыя изъ личныхъ привиллегій дворянъ, дарованныхъ жалованною грамотою Екатерины II, въ родѣ, напримѣръ, избавленія отъ тѣлесныхъ наказаній, фактически устанавливались понемногу, обычаемъ, въ эпоху, послѣдовавшую за царствованіемъ Петра Великаго.

Недовѣріе къ судьямъ и суду, медленность судопроизводства, еще удлиняемая преднамѣренной волокитой, и соціальная несправедливость, лежавшая въ самой основѣ дѣятельности суда, порождали недовольство, которое можно рѣшительно назвать всеобщимъ. Оно ярко отражалось въ наказахъ 1767 года; нѣтъ, кажется, ни одного изъ нихъ, кромѣ развѣ пресловутаго наказа Юрьево-Польскаго дворянства, который бы не жаловался на судъ. Просили устранить волокиту и другія злоупотребленія, просили, чтобъ въ судѣ «присутствующіе не только отъ скверной брани и дерзновенія своеручныхъ дракъ, но и празднословія постороннихъ

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 9, д. 122/234.

разговоровъ воздержались и приходящихъ въ судъ, не имѣя законной вины, палками и батожьемъ бить отнюдь не дерзали»[1]). Недовѣріе къ судьямъ, недовольство существующими порядками заставляло каждое сословіе стремиться къ учрежденію своего отдѣльнаго сословнаго суда, гдѣ бы оно было хозяиномъ своихъ споровъ и тяжбъ; конечно, и въ этихъ желаніяхъ сказывалось общее направленіе политики отдѣльныхъ сословій въ комиссіи: дворяне хотятъ и въ судѣ главенствовать надъ всѣми; городъ хочетъ обособиться съ оборонительными цѣлями. За дворянами и горожанами идутъ и болѣе мелкія и слабыя сословныя группы: такъ однодворцы Крапивенскаго уѣзда просятъ учредить особый словесный судъ, для мелкихъ ссоръ «и къ тому опредѣлить по выбору изъ своей братіи достойныхъ и неподозрительныхъ людей»[2]). Имѣть судью «изъ своей братіи» и уйти отъ чужого и корыстнаго суда воеводы, — вотъ къ чему стремятся всѣ жители имперіи. Интересно отмѣтить, что недовольны судомъ и желаютъ его преобразованія даже высшія государственныя учрежденія. Я имѣлъ уже случай указать на нѣкоторыя замѣчанія юстицъ-коллегіи; гораздо болѣе пространно говоритъ о судебныхъ непорядкахъ и необходимости реформъ наказъ правительствующаго сената: «судъ по формѣ» искаженъ, его нужно исправить и очистить, надо учредить третейскій судъ, ускорить слѣдствіе и производство суда, а за волокиту положить штрафъ; надо уменьшить число апелляціонныхъ инстанцій; сенатъ стоитъ и за расширеніе сословнаго суда, предлагая учредить особые суды для черносошныхъ крестьянъ и для ландмилицкихъ солдатъ какіе издавна существовали для крестьянъ дворцовыхъ[3]). Судъ губернаторовъ и воеводъ, соединенный съ административной дѣятельностью, — предметъ заслуженнаго недовѣрія и недовольства, вотъ выводъ, къ которому не можетъ не привести изученіе этого суда.

По всѣмъ чисто судебнымъ дѣламъ судъ областной былъ подчиненъ, какъ мы уже знаемъ, юстицъ-коллегіи, которая была и слѣдующей судебной инстанціей и высшимъ распорядительнымъ органомъ въ сферѣ суда; но было еще другое центральное учрежденіе, которому областные правители были подчинены по дѣламъ, въ настоящее время относимымъ къ вѣдомству юстиціи: я разумѣю вотчинную коллегію, наслѣдницу помѣстнаго приказа, бывшую въ XVIII вѣкѣ центральной на всю имперію нотаріальной конторой по земельнымъ дѣламъ. Губернаторы и воеводы были мѣстными агентами вотчинной коллегіи, какъ они были мѣстными агентами герольдмейстерской конторы: вотъ еще область, гдѣ преемство учрежденій XVII вѣка чувствуется очень сильно: наслѣдники воеводъ попрежнему являются исполнителями порученій наслѣдниковъ разряднаго и помѣстнаго приказовъ. Юридическія дѣйствія, имѣвшія отношенія къ землѣ и землевладѣнію, нѣсколько измѣнили свой характеръ сравнительно съ XVII вѣкомъ: «отдѣлъ» и «отказъ» уже не вытекали теперь

---

1) Сб. Р. И. О., т. XIV, стран. 103—105.

2) Сб. Р. И. О., т. CXV, стран. 38.

3) Сб. Р. И. О., т. XLIII, 3—42, §§ 29, 31, 32, 33, 34, 47.

изъ несуществовавшаго болѣе помѣстнаго владѣнія; но «отказъ» сохранился при вводѣ во владѣніе землею, полученною въ наслѣдство; самое утвержденіе въ правѣ наслѣдованія совершала вотчинная коллегія въ Москвѣ, вводъ во владѣніе производили по ея порученію областныя учрежденія. Эти же учрежденія приводили въ исполненіе раздѣльные акты, составленные и утвержденные въ вотчинной коллегіи, вводили во владѣніе землями, пріобрѣтенными покупкою, и т. д.[1]).

Примѣры изъ практики яснѣе всего познакомятъ насъ съ этой отраслью дѣятельности губернаторовъ и воеводъ. Я изложу одинъ случай отказа земли, полученной по наслѣдству; нѣкоторые моменты этого отказа были отдѣлены одинъ отъ другого очень большимъ промежуткомъ времени; почему лицо, получившее имѣніе, не сразу довело до конца дѣло, изъ дѣла не видно, но по техникѣ этотъ случай можно считать типичнымъ. Въ августѣ 1744 года вотчинная коллегія отправила въ Дмитровскую воеводскую канцелярію указъ слѣдующаго содержанія: «прошедшаго 743 году декабря 22 дня Ея Императорскому Величеству билъ челомъ артиллеріи сержантъ Левъ Александровъ сынъ Пушкинъ: въ прошлыхъ де годѣхъ дѣда его двоюроднаго, стольника Ивана Иванова сына Пушкина не стало; а послѣ него осталось недвижимое имѣніе въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Мушкинскомъ стану, сельцо Ананово, деревня Рожнова со крестьяны; а что четвертной пашни, о томъ значить въ вотчинной коллегіи за онымъ дѣдомъ его по дачамъ; а къ тому недвижимому имѣнію по смерти дѣда его наслѣдникъ онъ; а то недвижимое имѣніе за нимъ не справлено и не отказано. И проситъ, чтобъ повелѣно было то его прошеніе въ государственную вотчинную коллегію принять и то недвижимое дѣда его имѣніе справить и для отказу того недвижимаго имѣнія, куда надлежитъ — послать указъ. А по справкѣ въ вотчинной коллегіи въ отказныхъ книгахъ отказу помѣстнаго приказу подъячаго Ѳеоктиста Климова 707 году сентября 9 дня написано: отказано стольнику Ивану Иванову сыну Пушкину Матвѣева вотчина Пушкина, чѣмъ онъ, Матвѣй, владѣлъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Мушковскомъ стану сельцо Ананово, деревня Рожнова; а въ нихъ написано пашни 79 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ со крестьяны. И сего 1744 году іюля 12 дня по Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію въ государственной вотчинной коллегіи, велѣно: 1) умершаго стольника Ивана Иванова сына Пушкина недвижимое его Дмитровское имѣніе по уложенію 157 году 17 главы по 2 и по 4 пунктамъ и по именному 1731 года марта 17 дня указу — справить за двоюроднымъ его Ивановымъ внукомъ, артиллеріи сержантомъ Львомъ Пушкинымъ, буде послѣ его Ивана жены, дѣтей сыновей и дочерей и внучатъ и внукъ родныхъ и снохъ сыновнихъ женъ, и другихъ ближнихъ и равныхъ

[1]) Наказъ 1728 г. почти не касается этой стороны дѣятельности областныхъ властей; онъ подходитъ къ ней только въ статьѣ 37, гдѣ говорится объ отводѣ земель, пожалованныхъ во временное владѣніе и о наблюденіи за такимъ владѣніемъ. Едва ли, однако, губернаторамъ и воеводамъ было много работы по примѣненію этой статьи: практика XVIII вѣка скорѣе развивала отдачу не во временное, а въ вѣчное владѣніе.

наслѣдниковъ и наслѣдницъ, кромѣ означеннаго двоюроднаго его внука Льва, никого не осталось и спору и запрещенія нѣтъ; 2) и для отказу того недвижимаго имѣнія въ Дмитровскую воеводскую канцелярію, — а для вѣдома о томъ, — въ Московскую губернскую канцелярію послать Ея Императорскаго Величества указы и отказныя книги за руками при доношеніи прислать въ вотчинную коллегію; а таковы жъ оставить въ той Дмитровской канцеляріи впредь для вѣдома; 3) а буде при отказѣ учинится отъ кого какой споръ, то онаго недвижимаго имѣнія не отказывая писать и спорное челобитье потому жъ прислать въ вотчинную жъ коллегію».

Ходъ дѣла совершенно ясенъ: по прошенію заинтересованнаго лица вотчинная коллегія, наведя справку въ своемъ архивѣ, «справляетъ» землю и сообщаетъ объ этомъ для дальнѣйшаго исполненія той власти, которой территоріально подчинено имѣніе. При этомъ выясняется и взаимное отношеніе различныхъ степеней областной власти въ подобномъ дѣлѣ: если земля расположена въ предѣлахъ уѣзда, управляемаго воеводой, то для «вѣдома» о распоряженіи вотчинной коллегіи сообщается всѣмъ старшимъ областнымъ учрежденіямъ, которымъ данная воеводская канцелярія подчинена. Получивъ приведенный сейчасъ указъ, Дмитровскій воевода распорядился: «записавъ въ книгу, отдать по повытью, а въ Дмитровскій уѣздъ въ недвижимое имѣніе умершаго стольника Ивана Иванова сына Пушкина въ сельцо Ананово да въ деревню Рожново послать по наказу добраго подъячаго, которому велѣть, не доѣзжая того имѣнія, взять съ собою понятыхъ, стороннихъ разныхъ вотчинъ людей, прикащиковъ и старостъ и выборныхъ крестьянъ, сколько человѣкъ пристойно, и при нихъ въ томъ имѣніи помѣщиковъ и крестьянскіе дворы и въ нихъ людей мужеска и женска полу по именомъ, пашню и лѣсъ и прочее угодье переписавъ, за объявленнаго артиллеріи сержанта Льва Александрова сына Пушкина, буде спору и запрещенія ни отъ кого не будетъ, отказать; чему учинить двои отказныя книги, къ которымъ руки приложить тѣмъ понятымъ самимъ, а кто писать не умѣетъ, отцемъ ихъ духовнымъ или кому вмѣсто себя руки приложить вѣрятъ; и тѣ отказныя книги при доѣздѣ тому посланному подать и самому явиться въ Дмитровской воеводской канцеляріи въ немедленномъ времени; а ежели при отказѣ учинится отъ кого какой споръ, то, онаго имѣнія не отказывая, писать и спорное челобитье потому жъ съ тѣмъ спорщикомъ объявить въ Дмитровской воеводской канцеляріи. «Добрый подъячій», исполнивъ возложенное на него порученіе, донесъ воеводѣ, что имѣніе сельцо Ананово съ деревнею онъ «отказалъ» наслѣдникамъ, «чему и учинилъ сказки, свидѣтельство и отказныя книги двойнымъ числомъ». Послѣднимъ актомъ отказа было распоряженіе: «Записавъ въ книгу, отдать въ повытье, а оныя книги засвидѣтельствовать, а ежели явятся тѣ книги учинены въ сходственность государственной вотчинной коллегіи указа, то изъ нихъ одну отослать въ государственную вотчинную коллегію при доношеніи, а другія оставить въ здѣшней канцеляріи впредь для вѣдома»[1]).

[1]) Дмитров. воев. канц., вяз. 3, д. 392.

Въ 1744 году въ вотчинную коллегію подали прошеніе землевладѣльцы Галицкаго уѣзда поручикъ Лука Дробышевскій и сестра его, жена поручика Прасковья Дунилова о полюбовномъ раздѣлѣ доставшагося имъ отъ отца ихъ недвижимаго имѣнія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ селъ и деревень. Братъ выдѣлялъ сестрѣ «къ однимъ мѣстамъ» сельцо Старое-Угожево въ Черномъ стану Галицкаго уѣзда; сельцо это коллегія должна была за ней «справить», т.-е. такъ же, какъ и въ изложенномъ передъ этимъ случаѣ, зарегистрировать родственную сдѣлку и о сдѣланной регистраціи сообщить мѣстнымъ властямъ. Въ подтвержденіе челобитной Дробышевскій былъ «допрашиванъ въ коллегіи и той своей заручной челобитной ни въ чемъ не спорилъ». Затѣмъ произведена была обычная справка въ архивѣ коллегіи о законности и безспорности владѣнія сельцомъ Угожевымъ со стороны семьи Дробышевскихъ; для окончательнаго подтвержденія имѣвшихся въ коллегіи свѣдѣній по этому вопросу было постановлено послать въ Галицкую провинціальную канцелярію указъ — «справиться въ самой канцеляріи, а въ уѣздѣ черезъ нарочнаго посланнаго тутошними и сторонними людьми дворяны и священники и церковными служительми и разныхъ вотчинъ приказчики, старосты и лучшими крестьяны, то недвижимое имѣніе не выморочное ли, за вины и недоимки не отписано ли и спору въ томъ имѣніи какого съ кѣмъ нѣтъ ли». Такимъ образомъ, здѣсь мѣстная власть должна была прежде всего дать коллегіи дополнительныя свѣдѣнія объ юридическомъ положеніи отдѣляемаго имѣнія, затѣмъ на мѣстныя власти возлагался «отказъ имѣнія» за новую владѣлицу Дунилову, т.-е. вводъ ее во владѣніе. Отказъ былъ осуществленъ совершенно такимъ же порядкомъ, какимъ былъ совершонъ изложенный выше отказъ имѣнія, полученнаго по наслѣдству. Оба акта — провѣрка законности владѣнія и отказъ, совершены были для удобства одновременно, однимъ и тѣмъ же лицомъ, Галицкимъ подканцеляристомъ, отправившимся въ село Угожево и представившимъ въ Галичъ протоколы опроса сосѣдей и ввода во владѣніе. Донесенія объ исполненіи были отправлены въ вотчинную коллегію и, «для вѣдома», въ Архангельскую губернскую канцелярію[1]). Къ изложенному добавимъ, что если при отказѣ на мѣстѣ возникалъ споръ, то отказъ не производился, а спорное челобитье представлялось въ ту канцелярію, которая вѣдала данный отказъ[2]).

Такъ областныя учрежденія были мѣстными агенствами всероссійской нотаріальной конторы по земельнымъ дѣламъ. Но областныя учрежденія и сами были нотаріальными конторами. Въ отношеніи дѣлъ земельныхъ ихъ права были очень невелики; для младшихъ степеней областного управленія они еще урѣзывались компетенціей вотчинной

[1]) Галиц. пров. канц., оп. 3, вяз. 16, д. 929; другіе примѣры различнаго рода отказовъ, тамъ же во всей 3-ей описи; Гдовск. воев. канц., оп. 5, вяз. 1, Балахнинской воеводской канцеляріи, оп. 1. вяз. 1, д. 59/23; Клинской воев. канц., оп. 1, вяз. 41, проток. 29, 43, 64.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 7.

коллегіи, такъ какъ воеводскимъ канцеляріямъ разрѣшалось совершать крѣпостные акты на суммы не свыше 100 рублей[1]), — обстоятельство, казавшееся очень неудобнымъ обывателямъ и вызвавшее единодушныя сѣтованія и жалобы наказовъ 1767 года. Однако, и кромѣ земельныхъ дѣлъ нотаріальная дѣятельность областныхъ учрежденій была очень широкой. Во всѣхъ случаяхъ, когда сдѣлка между мѣстными жителями должна была быть регистрирована и гарантирована правительственной властью, обращались въ губернскую, провинціальную или воеводскую канцелярію, смотря по тому, какая изъ нихъ вѣдала данный городъ или данную мѣстность. Купля-продажа, регистрируемая властью, простиралась не на одну только землю; ей подлежала и «крещеная собственность», дворовые и крестьяне, продаваемые безъ земли «на выводъ»; этого рода сдѣлки, при хорошо извѣстномъ теченіи крѣпостного права въ сторону отдѣленія крестьянина отъ земли, были очень частыми; особенно часто предметами ихъ бывали «женки» и «дѣвки». Крещеная собственность не только продавалась, но и закладывалась и закладъ крестьянъ и дворовыхъ людей точно такъ же свидѣтельствовался мѣстнымъ органомъ власти; затѣмъ губернаторы и воеводы совершали и операціи по залогу земельныхъ участковъ и городскихъ недвижимыхъ имуществъ съ ограниченіями, отмѣченными выше. Совершенно такимъ же образомъ регистрировали мѣстныя власти важнѣйшіе договоры личнаго найма: среди многочисленныхъ «записныхъ книгъ», служащихъ памятниками нотаріальной дѣятельности областныхъ учрежденій, встрѣчаются «книги записныя въ годы на торговыхъ сидѣльцевъ и при всякихъ промыслахъ и въ сплавныхъ путяхъ на прикащиковъ и работниковъ и домовыхъ и въ мастерствахъ на учениковъ». Наконецъ, въ книгахъ помѣчались и всякаго рода поручныя записи. Всѣ записи нотаріальнаго характера очень однообразны; краткое содержаніе сдѣлки вносилось въ соотвѣтствующую книгу и скрѣплялось подписью обѣихъ сторонъ, заключавшихъ сдѣлку, съ указаніемъ количества денегъ, взятыхъ въ качествѣ пошлины; почти всѣ сдѣлки свидѣтельствовались подписью воеводы или подписью какого-нибудь канцеляриста, дѣйствовавшаго по полномочію своего начальства[2]).

[1]) Это ограниченіе установлено было указомъ 30 апр. 1701 г., который запрещалъ писать крѣпостные акты на сумму свыше 100 рублей въ малыхъ городахъ, а писать въ Москвѣ или въ Разрядныхъ городахъ. П. С. З., т. IV, № 1850. Подъ первоначальный терминъ разрядные города были впослѣдствіи подведены города губернскіе и провинціальные, это видно изъ подтвержденія указа 30 апрѣля, относящихся 1) къ 18 іюня 1731 г. — П. С. З., т. XIII, № 5783, и 2) къ 19 іюня 1761 г.— П. С. З., XV, № 11276.

[2]) Моск. губ. канц., кн. 413—438; Архангелогородск. губ. канц., оп. 1, вяз. 1—25; Моск. губ. канцеляріи, кн. 59—232; Алатыр. пров. канц., оп. 2, вяз. 1 и слѣд.; Галицк. пров. канц., оп. 2; Переяславской пров. канц., оп. 37, вяз. 3, 4, 15, 16, 22; Гдовск. воев. канц., оп. 2, вяз. 16; Кашинск. воев. канц., оп. 14, вяз. 5; Болховской в. к. оп. 3, в. 1; Хотмыжской воев. канц. (въ дѣлахъ Грайворонскаго у. суда), оп. 3, вязка 1. Насколько можно судить, эта отрасль дѣятельности мѣстныхъ властей протекала въ довольно близкомъ соотвѣтствіи съ особой инструкціей крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикамъ, данной 8 іюня 1738 г. (П. С. З., IX, № 7594.)

О дѣятельности областныхъ учрежденій въ области межевого дѣла я уже вскользь упомянулъ, сказавъ, что мѣстныя власти производили размежеваніе въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда это требовалось, вплоть до того момента, когда правительство обратило особое вниманіе на межевое дѣло, т.-е. до 50-хъ годовъ. Впрочемъ, это были, надо думать, только отдѣльные случаи текущаго характера, ибо вся первая половина XVIII вѣка была полнымъ затишьемъ въ исторіи межеванія[1]). Каковъ былъ порядокъ межеванія въ первой половинѣ XVIII столѣтія и какое участіе принимали въ немъ областныя власти, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ 1745 году баронъ А. Г. Строгановъ предпринялъ опредѣленіе границъ своей Суздальской вотчины села Вишенокъ и ея отмежеваніе отъ сосѣднихъ имѣній. Вотчинная коллегія, заслушавъ прошеніе Строганова, послала одинъ указъ прямо въ Суздальскую провинціальную канцелярію для исполненія, а другой, одинаковаго содержанія, «для вѣдома» въ Московскую губернскую канцелярію. Въ указѣ предписывалось, «выбравъ изъ обрѣтающихся въ Суздальской провинціи отставныхъ оберъ-офицеровъ или изъ дворянъ человѣка добраго и къ межевымъ дѣламъ заобыкновеннаго», снабдить его всѣми касающимися села Вишенокъ выписями изъ писцовыхъ книгъ и особой инструкціей и, давъ ему «пристойное число приказныхъ служителей и солдатъ», отправить его для осмотра и освидѣтельствованія границъ Строгановской вотчины въ присутствіи смежныхъ владѣльцевъ или ихъ повѣренныхъ. Получивъ указъ, Суздальская провинціальная канцелярія оповѣстила всѣхъ Строгановскихъ сосѣдей о предстоящемъ межеваніи и отправила въ село Вишенки отставного маіора Сытина съ порученіемъ осмотрѣть старыя межи и границы владѣній Строгановыхъ, а если онѣ нарушены, то и возстановить ихъ. Актъ размежеванія провинціальная канцелярія препроводила въ вотчинную коллегію, а копію оставила у себя[2]). Дѣйствія областной власти съ внѣшней стороны совершенно схожи съ дѣйствіями ихъ при земельныхъ отказахъ; и тутъ и тамъ воскресаютъ въ полной неприкосновенности старинные Московскіе порядки. Объясненіе такой устойчивости едва ли можетъ представить большія затрудненія. Крушеніе многочисленныхъ попытокъ валового письма и межеванія, когда-то предпринятыхъ въ правленіе Софьи, и полное отсутствіе интереса къ размежеванію дворянскихъ земель въ кипучее царствованіе Петра надолго сняли съ очереди давно на самомъ дѣлѣ назрѣвшій вопросъ о разграниченіи частновладѣльческихъ угодій. Межеваніе было въ интересахъ правительства, потому что земельная путаница затрогивала и его дѣятельность; но оно еще болѣе было въ интересахъ дворянства, пріобрѣвшаго къ половинѣ вѣка и исключительное право владѣть землею. Именно въ чисто дворянское царствованіе Елизаветы Петровны и выдвигается на первый планъ вопросъ о генеральномъ межеваніи. Первая попытка не удалась, потому

[1]) *Германъ*, Исторія межеванія, М. 1907 г., стран. 163.

[2]) Суздальск. пров. канц., оп. 2, вяз. 8, д. 479.

что на межевщиковъ по старой памяти, какъ бывало на писцовъ Московскаго государства, кромѣ основной задачи, возложили дополнительныя порученія не меньшей, можетъ-быть, важности и на ряду съ техническимъ дѣломъ межеванія земель заставили ихъ производить ревизію правъ владѣнія; ошибку поправили уже въ царствованіе Екатерины II, но въ томъ частномъ вопросѣ, который интересуетъ насъ въ данный моментъ, т.-е. въ вопросѣ объ отношеніяхъ, которыя установились между областными властями и новыми агентами и учрежденіями, созданными спеціально для межеванія страны, Елизаветинская попытка имѣетъ, можетъ-быть, даже большее значеніе нежели успѣшное генеральное межеваніе Екатерины: отношеніе губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ управленій къ «межевщикамъ» и землемѣрамъ и межевымъ канцеляріямъ опредѣлилось еще въ 50-хъ годахъ; оно ясно выражено въ межевой инструкціи 1754 года и въ законодательныхъ распоряженіяхъ, сопровождавшихъ ее. Инструкція 1766 года въ данномъ вопросѣ почти буквально повторяетъ слова и выраженія прежней инструкціи. Отношеніе губернаторовъ и воеводъ къ мировому дѣлу есть, главнымъ образомъ, отношеніе содѣйствія и охраны. Канцеляріи всѣхъ степеней обязаны давать всякія справки и «чинить всякое вспоможеніе» землемѣрамъ. Губернаторы и воеводы должны публиковать, чтобы помѣщики не дѣлали ни малѣйшихъ препятствій межевщикамъ, а въ случаѣ ссоръ и помѣхъ въ межевомъ дѣлѣ, областныя власти всѣхъ ранговъ должны судить и наказывать «буяновъ», арестованныхъ межевщиками и препровожденныхъ въ распоряженіе мѣстной власти. Впрочемъ, и въ отношеніи низшаго населенія власти должны были слѣдить, чтобы межеваніе не отразилось на его интересахъ: инструкція 1754 года вмѣняетъ въ спеціальную обязанность воеводамъ русскаго сѣвера смотрѣть, чтобы при размежеваніи земель черносошные крестьяне «изобижены не были». Инструкція 1754 года, въ виду многочисленности задачъ межевщиковъ, налагаетъ и на губернаторовъ и воеводъ обязанности, относящіяся къ дѣлу ревизіи правъ владѣнія: немедленно по прибытіи межевщиковъ на мѣста, власти должны вручить имъ всѣ имѣющіяся у нихъ «земельныя крѣпости», а земли, при межеваніи признанныя владѣемыми незаконно и вслѣдствіе того отписанныя, поступаютъ «въ смотрѣніе воеводское».

Инструкція 1754 года, имѣя въ виду областныя учрежденія, по большей части, говоритъ о канцеляріяхъ вообще. Инструкція землемѣрамъ 1766 года, дополняя этимъ и прежнія узаконенія, совершенно точно опредѣляетъ взаимное отношеніе землемѣровъ къ общимъ областнымъ учрежденіямъ: съ губернскими и провинціальными канцеляріями они сносятся доношеніями, съ воеводскими — сообщеніями «промеморіями»; а по прибытіи на мѣста работъ землемѣры должны явиться «тѣхъ городовъ въ канцеляріяхъ»[1]).

---

[1] П. С. З., XIV, № 10237 (Меж. инстр. 1754 г.), гл. II, IX, XXIX, XXX, XXXIV; П. С. З., XIV, № 10493; П. С. З., XVII, № 12570 (инстр. землемѣрамъ 13 февр. 1766 г.), ст. 6, 120; П.С.З, XVI, № 12659 (инстр. межевымъ канцеляріямъ 15 мая 1766 г.), гл. I, XX.

Межевое дѣло доставило много заботъ губернаторамъ и воеводамъ, но начало этихъ заботъ относится не къ 60-мъ, а къ 50-мъ годамъ; чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на то, что дѣлалось въ подмосковныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ въ 1755 и 1756 годахъ, когда должна была начаться дѣятельность Елизаветинскихъ межевщиковъ: подобно воеводамъ XVII вѣка, снабжавшихъ писцовъ и переписчиковъ канцелярскими припасами и топливомъ, воеводы XVIII столѣтія должны были выдавать межевщикамъ деньги на покупку дровъ, свѣчей, бумаги и чернилъ, въ канцеляріяхъ же уплачивалось межевщикамъ ихъ жалованье, здѣсь же приводили ихъ къ присягѣ въ случаѣ производства въ чинъ[1]) — словомъ, съ половины 50-хъ годовъ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи сдѣлались распорядительными органами, долженствовавшими помогать межеванію и облегчить тяжелую задачу людей, производившихъ его.

Область юстиціи, быть-можетъ, уже, нежели область администраціи, но и въ этой болѣе узкой области мѣстныя учрежденія были подчинены нѣсколькимъ учрежденіямъ — сенату, юстицъ-коллегіи, коллегіи вотчинной, а въ самое позднее время отчасти и главной межевой канцеляріи: и здѣсь, слѣдовательно, была возможность дергать и теребить губернаторовъ и воеводъ, едва ли облегчая тѣмъ исполненіе ихъ служебныхъ обязанностей. Изъ дѣлъ, относящихся къ области юстиціи несомнѣнно самымъ важнымъ является судъ. Были ли областныя учрежденія XVIII вѣка на высотѣ тѣхъ требованій, которыя можно предъявить къ нимъ, даже учитывая разницу въ культурномъ уровнѣ нашего и того времени? Наблюденія надъ ихъ судебной дѣятельностью дали намъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отсутствіе единаго судопроизводства, широкое поле для произвола въ отправленіи суда, злоупотребленія судей, медленность теченія дѣлъ, безсиліе суда, а главное—существованіе двухъ правдъ: одной — для сильныхъ, другой — для слабыхъ, заставляли еще современниковъ бояться судей и громко выражать свое недовольство судомъ, какъ только открывалась для этого возможность.

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 41, протоколы №№ 8, 12, 27, 29, 48, 58, 63, 78, 88.

ГЛАВА X.

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ КАКЪ ОРГАНЪ ФИНАНСОВАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Областнымъ учрежденіямъ принадлежало видное участіе въ сборѣ податей; въ этомъ дѣлѣ они были дѣятельными и отвѣтственными агентами центральнаго правительства. Они въ то же время контролировали исправность сборовъ, служили мѣстными казначействами и, наконецъ, были агентами правительства по организаціи и исполненію всякаго рода подрядовъ и поставокъ. Три отмѣченныя функціи исполнялись областными учрежденіями различныхъ ранговъ не одинаковымъ образомъ; но всѣ три функціи были присущи какъ губернскимъ, такъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ.

Хотя финансовая исторія XVIII вѣка еще до сихъ поръ не разработана во всѣхъ подробностяхъ, но общій характеръ ея извѣстенъ. Какъ въ Московскомъ царствѣ, какъ при Петрѣ, такъ и при его преемникахъ, имперія, попрежнему ведшая свою старую борьбу съ мусульманскимъ югомъ, съ Рѣчью Посполитой и Швеціей, а кромѣ того, по вступленіи въ дѣйствительные члены семьи европейскихъ державъ, принимавшая обязательное участіе въ различныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, нуждалась въ большихъ средствахъ; между тѣмъ, ростъ этихъ средствъ не находился въ соотвѣтствіи съ ростомъ платежныхъ способностей населенія.

Финансовая политика преемниковъ Петра, точно такъ же, какъ и его собственная, была въ значительной мѣрѣ политикой выколачиванія податей изъ страны и, поэтому, на долю областныхъ учрежденій, служившихъ каналами, по которымъ деньги отъ плательщиковъ податей стекались въ государственную казну, должна была падать важная и отвѣтственная роль въ этомъ процессѣ, тяжеломъ для жителей и насущномъ для государства: это, какъ мы въ свое время видѣли, ясно отразилось и въ наказѣ 1728 года. Косвенно признаетъ это и инструкція губернаторамъ 1764 года, предписывающая имъ непремѣнно лично входить въ рѣшеніе всѣхъ «государственныхъ и интересныхъ дѣлъ»[1]).

Я начну съ непосредственнаго участія органовъ областного управленія въ дѣлѣ собиранія податей. Среди податей того времени первое мѣсто по своему значенію занимала, безъ всякаго сомнѣнія, подушная

[1]) П. С. З., XVI, № 12137, § 2.

подать, и это первенствующее положеніе, какъ мы хорошо знаемъ, отразилось и на организаціи областного управленія. Сборъ податей былъ слишкомъ важнымъ дѣломъ, чтобы смѣшать его съ прочими обязанностями губернаторовъ и воеводъ: для подушныхъ было сдѣлано единственное исключеніе изъ общей тенденціи объединить всю власть на мѣстахъ въ рукахъ одного правителя: временно были сохранены земскіе комиссары, а затѣмъ былъ созданъ особый органъ — офицеры при подушномъ сборѣ. Но и за всѣмъ этимъ, на общихъ областныхъ властяхъ оставалось немало непосредственнаго участія въ сборѣ подушныхъ: съ 1736 по 1764 годъ на городовыхъ воеводахъ лежала пересылка подушныхъ къ провинціальнымъ властямъ; а послѣднія, равно какъ и губернскія, должны были отсылать собранныя суммы, «смотря по способности», прямо въ полки и въ армію и въ конторы, «куда нужда позоветъ», т.-е. передавать деньги по назначенію, указываемому высшей военной властью[1]); съ 1764 года, по уничтоженіи офицеровъ при подушномъ сборѣ, и самый сборъ перешелъ къ воеводамъ. Узаконенія 60-хъ годовъ внесли не только одно это измѣненіе въ организацію завѣдыванія подушнымъ сборомъ; указы 31 января 1762 года и имѣющій еще гораздо болѣе значенія указъ 19 мая 1769 года измѣнили технику сбора, проводя правило, чтобы само населеніе привозило подать въ воеводскія канцеляріи въ точно установленные сроки, чтобы уѣзды были распредѣлены на части, которыя бы платили подать по очереди во избѣжаніе задержки въ пріемѣ денегъ; предѣлъ задержки плательщика при канцеляріи не долженъ былъ превышать шести дней. Лишь въ томъ случаѣ, если жители сами не вносили подати въ положенные для этого съ 1731 года два срока — весенній и осенній, то къ неисправнымъ плательщикамъ за ихъ счетъ посылался нарочный съ требованіемъ уплаты[2]). Такъ законодательство въ дѣлѣ сбора подушныхъ установило съ половины 30-хъ годовъ какъ бы двѣ инстанціи областныхъ учрежденій: первая, канцелярія воеводская, только участвовала въ сборѣ, а съ 1763 года собирала подушныя; вторая, канцеляріи провинціальныя и губернскія, дѣлали, конечно, то же самое на территоріи, непосредственно имъ подчиненной, а кромѣ того передавали собранныя деньги властямъ военнымъ. Въ этомъ вопросѣ провинціальныя канцеляріи заняли совершенно иное положеніе нежели то, которое досталось имъ въ удѣлъ въ сферѣ судебной: тамъ ихъ права не отличались отъ правъ воеводскихъ канцелярій; здѣсь они были уравнены съ правами канцелярій губернскихъ.

Познакомимся съ указанными сейчасъ дѣйствіями на практикѣ. Основаніемъ для сбора подушныхъ въ каждой канцеляріи была окладная книга, сначала составляемая по дистриктамъ; потомъ, съ половины 30-хъ годовъ по уѣздамъ[3]). Измѣнялась она при каждой ревизіи; на основаніи ея исчислялось то, что было «во взятьѣ», и то, что оставалось

---

[1]) П. С. З., IX; № 6872 (Выс. утв. докладъ о соединеніи ген.-кригсъ-комиссаріата съ военной коллегіей, п. 5.

[2]) П. С. З., XV, № 11429; XVIII, № 13300.

[3]) Данныя о сочиненіи окладныхъ книгъ: Сен. Архивъ, III, 143, 154, 239, 317, 322.

«въ доимкѣ»; подать поступала въ близкомъ соотвѣтствіи съ введенными съ 1732 года двумя сроками — весеннимъ и осеннимъ (январь—мартъ; сентябрь—декабрь); эти сроки, оставлявшіе совершенно свободными рабочую лѣтнюю пору, выбраны были, видимо, удачно; и на практикѣ, какъ въ годы большихъ недоимокъ, такъ и въ годы, когда платежи почему-либо поступали неправильно, лишь рѣдкіе запоздалые плательщики вносили деньги въ лѣтнее время.

Наказъ 1728 года предписывалъ городовымъ воеводамъ отсылать собранныя подушныя деньги по третямъ, согласно существовавшему въ то время порядку уплаты подушныхъ; приведенный выше указъ 1736 года не опредѣлялъ сроковъ такъ точно: онъ лишь запрещалъ городовымъ воеводамъ и состоявшимъ при нихъ офицерамъ при подушномъ сборѣ держать деньги у себя долговременно. И въ послѣдующее время не установилось, видимо, опредѣленныхъ сроковъ для отсылки подушныхъ: ихъ отправляли иногда по мѣрѣ накопленія, иногда въ соотвѣтствіе съ позднѣйшими сроками платежа, т.-е. два раза въ годъ — въ концѣ весны и въ концѣ года[1]).

Провинціальныя канцеляріи въ предѣлахъ своего непосредственнаго вѣдѣнія совершали тѣ же дѣйствія, что и канцеляріи воеводскія; кромѣ того, именно въ нихъ собирались подушныя изъ уѣздныхъ учрежденій, и провинціальныя канцеляріи, минуя губерніи, отсылали подушныя деньги непосредственно въ центральныя учрежденія[2]).

Губернская канцелярія несла непосредственныя обязанности по сбору подушныхъ, совершенно такія же, какъ только что описанныя обязанности воеводскихъ и провинціальныхъ канцелярій; и передъ ней лежала территорія, непосредственно ей подчиненная — губернскій городъ съ его уѣздомъ. Но кромѣ такихъ непосредственныхъ обязанностей, губернская канцелярія несла и другія, въ которыхъ она выступала въ качествѣ посредника между плательщиками и военнымъ вѣдомствомъ; такъ, отсылка денегъ въ учрежденія военныя была постояннымъ явленіемъ въ практикѣ губернской канцеляріи[3]). Наконецъ губернія — и въ этомъ было, кажется, единственное отличіе ея правъ отъ правъ провинціальной канцеляріи — разсылала ежегодно по всѣмъ подвѣдомственнымъ ей учрежденіямъ сочиненныя на слѣдующій годъ книги для записи поступленій подушнаго сбора[4]).

Непосредственное участіе областныхъ учрежденій въ сборѣ подушныхъ нѣсколько ослабляется долговременнымъ существованіемъ особой организаціи офицеровъ при подушномъ сборѣ, назначаемыхъ военными властями и подчиненныхъ послѣднимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и общей гражданской администраціи. Зато эта послѣдняя является исключи-

[1]) Моск. губ. канц., кн. 547—667; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1—40; Карачевской воев. канц., оп. 1, вяз. 1.

[2]) Сѣвск. пров. канц., оп. 46, вяз. 5. журналы 1760 года.

[3]) Примѣръ: Моск. Губ. Канц., кн. 59, протоколъ 13 октября.

[4]) Моск. Губ. Канц., кн. 59—232.

тельнымъ органомъ собиранія такъ называемыхъ канцелярскихъ сборовъ[1]). Подъ именемъ канцелярскихъ или оброчныхъ сборовъ было извѣстно множество мелкихъ сборовъ очень разнообразнаго характера, очень различнаго и часто давняго происхожденія; ихъ общій признакъ — незначительность почти каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Въ началѣ XVIII столѣтія, въ эпоху особенно сильнаго денежнаго голода, большинство ихъ было повышено, и введены нѣкоторые новые ихъ виды. Суммы, собираемыя изъ этого источника, поступали въ распоряженіе Ингерманландской канцеляріи — откуда и общее названіе всѣхъ мелкихъ сборовъ — «канцелярскіе», устойчиво державшееся въ офиціальномъ языкѣ въ теченіе всего XVIII вѣка. Перечислить всѣ сборы, причислявшіеся къ канцелярскимъ, нѣтъ возможности, потому что почти никогда нельзя быть увѣреннымъ, что перечислишь ихъ всѣ[2]); кромѣ того, составъ ихъ измѣнялся по отдѣльнымъ мѣстностямъ и не былъ вездѣ одинаковымъ; укажу поэтому для примѣра лишь нѣкоторые, важнѣйшіе. Къ канцелярскимъ относились прежде всего многочисленные налоги, введенные или увеличенные Петромъ, имѣвшіе характеръ налоговъ косвенныхъ: это были налоги на домовыя бани, на мосты и перевозы, на винокуренныя избы, на лавки, амбары, фабричные станки, мельницы, постоялые дворы, рыбную ловлю и т. д. Къ сборамъ съ частныхъ имуществъ присоединялись сборы, взимаемые за пользованіе казенными имуществами, напримѣръ казенными рыбными ловлями или принадлежавшими казнѣ пустошами. Перечисленные до сихъ поръ сборы носили характеръ оброка, отсюда и другое названіе, прилагаемое иногда ко всѣмъ канцелярскимъ сборамъ: ихъ въ обыденномъ языкѣ называли нерѣдко оброчными. Однако, въ составъ канцелярскихъ сборовъ входили и иные виды сборовъ — гербовый, сборъ за повышеніе въ чинахъ, сборъ съ паспортовъ, судебныя пошлины. Естественно, что составъ канцелярскихъ сборовъ не могъ быть вездѣ одинаковымъ. Въ большомъ торговомъ городѣ гербовый сборъ или сборъ съ торговыхъ помѣщеній долженъ былъ давать больше, чѣмъ отдача въ оброкъ казенныхъ пустошей. По обильнымъ рыбою рѣкамъ русскаго сѣвера и востока большое значеніе имѣлъ сборъ съ рыбныхъ ловель; въ мѣстностяхъ съ развивавшейся промышленностью, напримѣръ въ провинціяхъ Суздальской или Юрьево-Польской, первенствующее, можетъ-быть, положеніе уже тогда занимало обложеніе фабрикъ. Свободныя казенныя пустоши существовали не вездѣ; еще гораздо рѣже встрѣчались точно такъ же отдаваемые на оброкъ бортные ухожья.

Назначеніе канцелярскихъ сборовъ въ послѣпетровское время перестало быть единымъ и общимъ. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали итти на надобности военнаго вѣдомства, преемственно, можетъ-быть, отъ

[1]) О происхожденіи канцелярскихъ сборовъ, см. *Милюкова*, Государственное хозяйство, 206—210; подробности о ихъ взиманіи въ XVIII столѣтіи, см. *Чечулина*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, С.-Пб. 1906 г., 235—254.

[2]) Ихъ общее число доходило до 150. *Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 236—237.

Ингерманландской канцеляріи; такъ, напримѣръ, доходы съ клеймленія винокуренныхъ кубовъ, съ рыбныхъ ловель и съ оброчныхъ пустошей шли на адмиралтейство и на полки лейбъ-гвардіи; сборъ съ домовыхъ бань расходовали на спеціальную цѣль — «на цейхгаузное строеніе»; но значительная часть канцелярскихъ сборовъ въ интересующую насъ эпоху не имѣли спеціальнаго назначенія, «не были положены въ штатъ» и потому, какъ мы увидимъ дальше, были тѣмъ источникомъ, изъ котораго покрывались неизбѣжные расходы областныхъ учрежденій.

Исторія канцелярскихъ сборовъ въ послѣпетровское время есть исторія ихъ постепеннаго исчезновенія. Важнымъ моментомъ въ этомъ процессѣ была отмѣна внутреннихъ таможенъ въ 1754 году: вмѣстѣ съ таможнями исчезли и нѣкоторые канцелярскіе сборы, напримѣръ, съ найма извозчиковъ, съ мостовъ и перевозовъ и т. д. Къ началу 80-хъ годовъ вмѣсто прежнихъ 150 видовъ канцелярскихъ сборовъ сохранилось менѣе 100[1]).

Чрезвычайно большое число канцелярскихъ сборовъ, ихъ разнообразіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ страны, различіе между ними по способу взиманія, по количеству дохода, даваемаго ими, и по ихъ назначенію были причиною того, что и отношеніе областныхъ учрежденій и дѣйствія послѣднихъ по взиманію отдѣльныхъ канцелярскихъ сборовъ были различны. Пошлины судебныя поступали сами собой, естественнымъ образомъ, въ связи съ теченіемъ и окончаніемъ судебныхъ дѣлъ; точно такъ же просто, безъ особаго труда для канцеляріи поступали пошлины за повышеніе въ чинѣ или двухкопеечныя за записку паспортовъ. Нѣсколько болѣе труда и заботъ вызывалъ сборъ гербовый. Всѣ канцеляріи всѣхъ ранговъ были мѣстомъ продажи гербовой бумаги, но отъ нихъ требовалось нѣчто большее, чѣмъ можно было бы требовать отъ простыхъ складовъ: губернаторамъ и воеводамъ не разъ напоминалось, чтобы они слѣдили за продажей гербовой бумаги «и какъ возможно смотрѣли, дабы оный расходъ былъ со умноженіемъ и на всякія челобитчиковы дѣла ту бумагу употребляли по силѣ указовъ»[2]). Еще гораздо болѣе дѣла требовалъ отъ органовъ областного управленія такой сборъ, который приходилось отдавать въ аренду, на оброкъ или на откупъ. Въ Москвѣ существовалъ близъ Донского монастыря казенный кирпичный заводъ, составлявшій постоянную статью казеннаго дохода; въ 30-хъ годахъ онъ отданъ былъ на оброкъ извѣстному статскому совѣтнику Кирилову, а когда тотъ назначенъ былъ начальникомъ Оренбургской экспедиціи, заводъ перешелъ къ Московскому купцу Купріянову. По истеченіи срока договора съ послѣднимъ, въ 1737 году Московская губернская канцелярія произвела

[1]) *Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 237; очень рѣдкимъ явленіемъ было введеніе новыхъ мелкихъ сборовъ, вродѣ, напримѣръ, введеннаго въ 1755 г. въ Петербургѣ и Москвѣ сбора съ роженицъ на усовершенствованіе повивальнаго искусства; сборъ шелъ въ распоряженіе медицинской канцеляріи. П. С. З., XIV, № 10383.

[2]) П. С. З., IX, № 6787. Новыя правила, выработанныя вь 1740 году: Сен. Арх. II, 192—193.

осмотръ и опись завода и вызывала охочихъ людей для отдачи завода вновь на оброкъ[1]); когда нужно было получить разрѣшеніе на открытіе домовой бани, въ Москвѣ или ея уѣздѣ, обращались въ губернскую канцелярію[2]); въ этомъ же учрежденіи происходили торги по сдачѣ на откупъ Московскихъ торговыхъ бань[3]). Въ болѣе мелкихъ центрахъ областного управленія имѣло мѣсто то же самое.

Приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ дѣятельности другихъ областныхъ учрежденій. Для наглядности и чтобы не пропустить самыхъ важныхъ моментовъ въ дѣйствіяхъ областныхъ учрежденій по канцелярскимъ сборамъ, я изложу подробно одинъ-два случая, рисующихъ порядокъ отдачи этихъ сборовъ на откупъ. Вотъ, прежде всего, какъ происходила отдача на откупъ конской площадки, т.-е. единственнаго для всего уѣзда мѣста, гдѣ могла происходить торговля лошадьми. 16 ноября 1728 году «изъ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія въ Клинѣ въ торговый день въ пристойномъ мѣстѣ о конской площадкѣ выставленъ былъ публичный листъ, въ которомъ было написано: въ прошломъ 725 году отдана была конская площадка изъ Московской камерирской конторы въ городѣ Клинѣ и въ Клинскомъ уѣздѣ на откупъ бывшему задворному конюху Григорью Яковлеву сыну Полыгалову, который въ томъ 725 году умре. А послѣ его тою конскою площадкою съ того года владѣетъ жена его, Полыгалова, Дарья Ефимова, а откупныхъ денегъ на прошлый 727 и на нынѣшній 728 годы за скудостью не платитъ». «И по Его Императорскаго Величества указу и по опредѣленію Клинской канцеляріи», къ которой обязанность вѣдать отдачу конской площадки на откупъ перешла отъ камерирской конторы, «велѣно оную конскую площадку отдать инымъ охочимъ людямъ, кто пожелаетъ, на откупъ изъ наддачи. И ноября съ 16-го числа сего декабря по 6-е число для онаго откупу изъ наддачи охочихъ людей никто не явился и челобитья не приносилъ. А сего декабря 5 дня 728 года по той публикѣ бьетъ челомъ Его Императорскому Величеству Клинской житель Трифонъ Истоминъ, въ его челобитьѣ написано: Ноября 16-го дня изъ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія указомъ В. И. В. публиковано и биричемъ кликано всенародно, дабы охочіе люди явились въ Клинской канцеляріи къ торгу въ конскомъ сборѣ, которымъ владѣетъ бывшаго сборщика Григорья Полыгалова жена его Дарья Ефимова, а въ казну В. И. В. платила на годъ по 15 рублей по 6 копеекъ. А нынѣ онъ даетъ сверхъ оной владѣлицы Тебѣ Императорскому Величеству въ казну по 2 рубля по 16 алтынъ по 4 деньги на годъ, и чтобъ оной конской площадкѣ быть за нимъ, а буде кто ко оному торгу явится, и онъ Истоминъ будетъ торговаться. По указу Его Императорскаго Величества въ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія стольникъ и воевода Михайло Аѳанасьевичъ Арцыбашевъ слушавъ сего дѣла и выписки приговорилъ: оному упросителю Трифону Истомину

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59, прот. 13 окт. 1737 г.

[2]) Моск. губ. канц., кн. 62, л. 278; кн. 92, л. 218.

[3]) Моск. губ. канц., кн. 59, прот. 7 окт. 1737 г.

отдать конскую площадку изъ наддачи съ нынѣшняго 728 году, декабря съ 1 числа, впредь на 4 года по 732 годъ декабря по то жъ число, для того, что въ Клинскую канцелярію для торгу охочихъ людей, кромѣ Истомина, никого не явилось ноября съ 16-го дня сего декабря по 6-е число и сверхъ его наддачи никто больше не наддалъ. А оброку платить ему Истомину въ оной канцеляріи на годъ по 17 рублей по 56 копеекъ безъ доимки и собрать по немъ поручная запись и дать Е. И. В. указъ, а въ платежѣ оныхъ денегъ погодно взять сказка съ подкрѣпленіемъ и сей приговоръ записать въ книгу». Сказка съ подкрѣпленіемъ была взята въ тотъ же день и составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «передъ господиномъ стольникомъ и воеводою Михайломъ Аѳанасьевичемъ Арцыбашевымъ Клинской житель Трифонъ Тихоновъ сынъ Истоминъ сказалъ, что де по откупу своему за конскую площадку на каждый годъ платить онъ, Трифонъ, будетъ по 17 рублей по 56 копеекъ сполна безъ доимки по прошествіи каждаго года; а ежели онъ, Трифонъ, въ сей сказкѣ сказалъ ложно и показанныхъ денегъ по откупу своему погодно сполна платить не будетъ, и зато указалъ бы Е. И. В. тѣ откупныя деньги доправить на мнѣ, Истоминѣ, безо всякія пощады за каждый годъ вдвое со взятьемъ по указу штрафа». Сказка имѣла значеніе обязательства, и для лучшаго обезпечиванія своей исправности откупщикъ нерѣдко долженъ былъ представлять поручителя.

По совершеніи всѣхъ описанныхъ формальностей воеводская канцелярія дала своему новому контрагенту особый наказъ, которымъ онъ долженъ былъ руководиться въ своей дѣятельности. Изъ этого наказа видно, что откупщикъ становился государственнымъ агентомъ по преслѣдованію незаконной торговли лошадьми, а воеводская канцелярія помогала ему въ этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣла за нимъ самимъ. Съ русскихъ и пригонныхъ табунныхъ лошадей онъ долженъ былъ брать пошлину съ «продавцовъ и купцовъ, служилыхъ и неслужилыхъ людей и съ барышниковъ по 10 денегъ съ рубля да съ купцовъ по 10 жъ денегъ, съ лошадей явочнаго; которые люди возьмутъ у кого лошадей на время, не въ куплю, по оцѣнкѣ по 10 жъ денегъ съ рубля; и давать купцамъ на тѣ лошади съ книгъ выпись. А ежели которые люди явятся, что лошади купили и продавали и мѣняли утайкою, а къ запискѣ не приводили и пошлинъ не платили, на тѣхъ имать пошлину противъ протаможья впятеро; а протаможья по 2 рубля по 4 алтына по полъ 3 деньги». Каждая купля и продажа вносилась въ особыя записныя книги «для всякаго спору въ шерсть и въ примѣты и въ лѣты и цѣну и пошлинное взятье». Къ записи «продавцу и купцу имена писать и прикладывать руки и къ той запискѣ также велѣть кто по нихъ будетъ поручики и имъ потому жъ прикладывать руки. Если же тутошніе уѣздные и пріѣзжіе люди станутъ лошадей покупать и продавать и покупать по дворамъ, а въ книги писать и пошлины платить не станутъ и станутъ чиниться сильны и Е. И. В. указу непослушны», откупщикъ конской площадки долженъ «подавать въ Клинской канцеляріи за рукою доношеніе». Откупщикъ долженъ былъ «въ уѣздѣ, селахъ и деревняхъ выбрать» изъ уѣздныхъ сотскихъ и пятидесятскихъ особыхъ агентовъ по

конскому сбору, «чтобъ они на ослушниковъ, которые учнутъ лошадей покупать и продавать и мѣнять, а къ запискѣ приводить и пошлинъ платить не станутъ, — извѣщали и подавали сказки за руками, чтобъ отъ такихъ ослушниковъ порухи и недобору не было». Особенно же надо было слѣдить за появленіемъ въ уѣздѣ краденыхъ «государевыхъ орленыхъ лошадей». Такимъ образомъ, дѣло конской продажи разрасталось въ обширную организацію, подвѣдомственную воеводской канцеляріи. Наказъ оканчивался указаніемъ на обязанности откупщика передъ истеченіемъ срока его откупа. «Буде тебѣ послѣ сроку та площадка впредь надобна будетъ или ненадобна, принесть челобитную въ Клинской канцеляріи за полгода, чтобъ впредь тому сбору остановки не было; а буде ты той челобитной за полгода не принесешь и тому сбору съ начала того году будетъ остановка, и на тебѣ тотъ сборъ по окладу доправленъ будетъ вдвое». За нарушеніе наказа грозила не болѣе не менѣе какъ смертная казнь[1]).

Отдача на оброкъ при конкуренціи происходила совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и только что описанная отдача на откупъ[2]); при отсутствіи конкурентовъ, а также въ зависимости отъ предмета, отдаваемаго въ оброкъ, дѣло могло происходить нѣсколько проще: это видно изъ нижеслѣдующаго примѣра: въ маѣ 1736 года въ Клинскую воеводскую канцелярію поступило прошеніе вотчины Ивана Анисимовича Маслова, деревни Кононова, крестьянина Михайла Иванова такого содержанія: «По указу Ея И. В. велѣно всякія оброчныя и необрочныя статьи отдавать охочимъ людямъ изъ наддачи на откупъ на урочные годы. А сего 736 году обыскалъ онъ въ Клинскомъ уѣздѣ пустошь Фуниково, которая и понынѣ никому въ оброкъ не отдана и лежитъ въ пустѣ. И чтобъ повелѣно было по указу Ея И. В. показанную пустошь Фуниково отдать ему въ оброкъ впредь на 4 года, а оброку платить будетъ по 20 копеекъ на годъ; и чтобъ о тѣхъ пустошахъ публиковать. И по тому его доношенію изъ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія о той пустоши мая 23, 24 и 25 чиселъ публиковано троекратно. А охочихъ людей о той пустоши Фуниковой къ торгу въ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія никого не явилось. А по указу Ея И. В. велѣно всякія оброчныя статьи отдавать въ оброкъ, ежели кто пожелаетъ изъ оброку. А по справкѣ въ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія, означенная пустошь въ окладныхъ книгахъ написана съ пустошью Гравороновою». Нѣсколько дней спустя, «въ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія господинъ капитанъ Иванъ Артемьевичъ Стани-

---

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 10, вяз. 1, д. 16; сходные примѣры: оп. 19, вяз. 2, 1732 г., указъ № 60. (Отдача на откупъ десятой доли съ найму извозчиковъ) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 3, д. 30 (отдача на откупъ мостовъ). Переяслав. пров. канц., опись одна (отдѣльная), вяз. 1, д. 8/137; (отдача на откупъ моста). Тверск. пров. канц. (въ дѣлахъ палаты гражд. и уголов. суда), оп. 3. вяз. 1, д. 1 (отдача на откупъ мостовъ на Шошѣ и Тверцѣ). Сѣвск. пров. канц., оп. 35, вяз. 2.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 2, указъ 1732 г. № 61; конкурентовъ трое и пустоши остаются за тѣмъ, который даетъ болѣе другихъ.

славлевъ, слушавъ челобитья и выписки, приговорилъ вышеписанную пустошь Фуниково, которая лежала въ пустѣ изъ давнихъ лѣтъ, и по челобитью Клинскаго уѣзду вотчины Ивана Анисимова сына Маслова деревни Кононова крестьянина его Михайла Иванова, вышеписанную пустошь отдать изъ оброку на 4 года; понеже по публикамъ той пустоши никого охочихъ людей не явилось; а оброку ему за тое пустошь платить на годъ по 20 копеекъ; и въ той пустоши о владѣніи изъ Клинской канцеляріи воеводскаго правленія дать указъ; и сей приговоръ записать въ книгу. Дать оному крестьянину о владѣніи оной пустоши указъ, взявъ сказку со обязательствомъ, что платить ему за оную пустошь погодно бездоимочно». Сказка, подобная приведенной въ первомъ примѣрѣ, взята была въ тотъ же день. Дѣло здѣсь, слѣдовательно, проходитъ такія стадіи: прошеніе, публикація, постановленіе объ отдачѣ въ оброчное владѣніе и «сказка», служащая поручительствомъ. Этимъ дѣло оканчивается; дальнѣйшаго, въ родѣ, напримѣръ, наказа съ его сложными предписаніями при владѣніи пустошей, конечно, не требовалось[1]).

Когда требовалось производить сборъ съ какого-нибудь промысла, то канцелярія производила освидѣтельствованіе послѣдняго: кубы для винокуренія привозились въ городъ и свидѣтельствовались здѣсь; для освидѣтельствованія мельницъ, фабрикъ и т. п. заведеній посылались нарочные[2]).

Таковы были разнообразныя дѣйствія, которыя областныя учрежденія безъ различія ранга должны были производить въ связи со взиманіемъ разнаго рода канцелярскихъ сборовъ въ предѣлахъ своего непосредственнаго управленія; перечисленные факты — только примѣры. Если взять на себя задачу изслѣдовать пріемы взиманія всѣхъ отдѣльныхъ сборовъ, относящихся къ разбираемой категоріи, то, конечно, кругъ дѣлъ, исполняемыхъ въ этой области мѣстными учрежденіями, расширится еще болѣе. Но особенно много заботъ доставляли мелкіе канцелярскіе сборы, когда не находилось вовсе охотниковъ взять тѣ изъ нихъ, которые отдавались на откупъ, или когда откупщики оказывались неисправными: въ первомъ случаѣ, какъ бы ни былъ малъ сборъ, приходилось сдавать его на вѣру и слѣдить, чтобъ сборщики, всегда тяготившіеся всякой новой службой, выходившей за предѣлы обычныхъ, болѣе или менѣе исправно исполняли свои подневольныя обязанности[3]); во второмъ случаѣ приходилось взыскивать штрафы или искать лицъ,

[1]) Клинск. воев. канц., оп. 10, в. 3, д. 8; другіе примѣры: Клин. воев. канц., оп. 3, вяз. 10, д. 5/302, д. 6/303 (отдача пустошей); Кинешемск. в. к., оп. 8, в. 2, д. 567 (отдача рыбныхъ ловель по Волгѣ).

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 50, протоколы 1779 г.; Кинешемск. воев. канц., оп. 8, вяз. 2, д. 550; оп. 17, вяз. 1, д. 1059.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 15; см. книгу сбора съ найма подводъ десятой доли за 1754 г. и инструкцію вѣрному сборщику, собиравшему этотъ ничтожный сборъ, дававшій въ годъ около 13 руб.

давшихъ поручительство по откупщикѣ, и брать съ нихъ убытки, понесенные казной[1]).

Взносы денегъ по канцелярскимъ сборамъ откупнымъ, оброчнымъ, по сборамъ съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній принимались тѣми же областными учрежденіями обязательно при «доношеніи», составленномъ «по пунктамъ». Каждый взносъ записывался въ полагавшійся по генеральному регламенту во всякой канцеляріи настольный реестръ и въ окладную книгу, существовавшую отдѣльно для каждаго сбора, послѣ чего плательщику выдавалась квитанція. Отъ городовыхъ воеводъ сборы восходили въ провинціальныя, а изъ послѣднихъ въ губернскія канцеляріи, откуда передавались по своему назначенію. Самый порядокъ доставки бывалъ всегда одинаковъ какъ для сборовъ канцелярскихъ, такъ и для подушныхъ: канцеляристъ, состоявшій при приходѣ денежной казны «приходчикъ» или «расходчикъ», какъ его называли, смотря по тому, какая изъ двухъ функцій его имѣлась въ виду, или же офицеръ при подушномъ сборѣ, или, наконецъ, въ особыхъ случаяхъ, самъ воевода отвозили деньги подъ конвоемъ въ провинціальную или губернскую канцелярію, а иногда, и въ высшія центральныя учрежденія[2]).

Какъ я уже указывалъ выше, канцелярскіе сборы можно объединить еще однимъ признакомъ: всѣ они отличались своей незначительностью, всѣ давали сравнительно незначительный доходъ казнѣ. Въ Екатерининское время они составляли въ своей совокупности не болѣе 5—10 % всего бюджета доходовъ[3]). Вотъ нѣсколько примѣровъ, дающихъ понятіе о канцелярскихъ сборахъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Клину нѣкоторые изъ нихъ поступали въ различные годы по такимъ окладамъ[4]):

	1740 г.		1763 г.		1771 г.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1. Съ клеймленыхъ кубовъ.	29	75	59	75	—	—
2. » найма извощиковъ $^1/_{10}$ доля . .	13	$07^1/_2$	—	—	—	—
3. » оброчныхъ пустошей	163	78	178	84	190	85
4. » рыбныхъ ловель	157	87	32	18[5])	—	—
5. » конской площадки.	24	04	52	—	97	60
6. » бань	33	90	46	50	59	—
7. » мельницъ	126	17	148	65	171	13

Изъ сопоставленія цифръ за тридцать лѣтъ ясно видно, что оклады возрастали очень мало и очень медленно. Незначительность канцеляр-

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 2, д. 21.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1—41; Соликамск. (Перм.) пров. канц., оп. 2, вяз. 2, расход. книга 1729 г.; Сѣвск. пров. канц., оп. 34, вяз. 2, оп. 35, вяз. 1.

[3]) *Чечулинъ.* Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 260—262.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1, 11, 17, 24.

[5]) Эта цифра относится къ началу 50-хъ годовъ предъ отмѣною этого сбора.

скихъ сборовъ наглядно видна изъ сравненія ихъ съ другими статьями: окладъ подушныхъ по Клинскому уѣзду по первой ревизіи былъ свыше 7000 руб., по второй — 7811 руб. 15 коп., а по третьей — 9923 руб. 10 коп.[1]); питейные же сборы росли чрезвычайно быстро: въ 40-хъ годахъ они сдавались на откупъ за 450 рублей въ годъ, въ 1750—54 гг. — за 1641 руб. $51^{3}/_{4}$ коп., въ 1760—66 гг.—за 1670 руб., въ 1771—75 гг.—за 9135 руб., наконецъ, въ 1779—83 гг. — уже за 15200 руб. въ годъ[2]).

Въ Каргополѣ и Каргопольскомъ уѣздѣ въ 30-хъ годахъ оклады доходовъ были исчислены въ такихъ цифрахъ:

1. Подушные сборы	18968 р.	$49^{7}/_{8}$	к.
2. Таможенные »	1163 »	11	»
3. Кабацкіе »	7256 »	$69^{1}/_{4}$	»
4. Канцелярскіе »	1107 «	40	»

Отдѣльныя категоріи послѣднихъ должны были давать очень незначительныя суммы; въ этомъ убѣждаетъ слѣдующая таблица:

а. Конскія пошлины	97 р.	$93^{3}/_{4}$	к.
б. Постоялые дворы	1 »	$67^{1}/_{2}$	»
в. Съ найма извощиковъ $^{1}/_{10}$ доля	103 »	$66^{7}/_{8}$	»
г. Крѣпостныя пошлины	155 »	88	»
д. Судебныя пошлины	75 »	$77^{3}/_{4}$	»
е. Печатныя пошлины	14 »	7	»
ж. Рыбныя ловли	216 »	$34^{5}/_{8}$	»
з. Мельницы	26 »	$95^{3}/_{4}$	»
и. Клеймленіе винокуренныхъ кубовъ	29 »	75	»
і. Оброчныя пустоши	305 »	$93^{3}/_{4}$	»
к. Остальные сборы (перевозы, вѣсчее, пятнаніе хомутовъ, пошлина съ кожъ и т. д). . .	79 »	40[3])	»

Всѣ канцелярскіе сборы занимаютъ не болѣе 5 % общей суммы окладаемыхъ поступленій.

Та же самая картина открывается, если бросить взглядъ на поступленіе различныхъ сборовъ въ другихъ мѣстностяхъ страны: въ Московскомъ уѣздѣ, безъ города Москвы, въ 30-хъ годахъ таможенные сборы сдавались на откупъ за 3053 руб. $38^{1}/_{2}$ коп., кабацкіе — за 9046 руб. $68^{3}/_{4}$ коп., а канцелярскіе (тѣ статьи, которыя шли на откупъ) — всего за 493 руб. 14 коп.[4]). Московскій уѣздъ большой, въ немъ много торговыхъ селъ и слободъ, но вотъ два хотя и значительныхъ по территоріи,

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1, 2, 9, 24.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 11, 17, 24, 39.

[3]) Каргопольск. воев. канц., оп. 3, вяз. 7, д. 53/332.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 9, вяз. 4, указъ № 295 1737 года. Данныя о поступленіи канцелярскихъ сборовъ по Московскому уѣзду: Моск. губ. канц., кн. 716—776.

но совершенно не торговыхъ и не промышленныхъ уѣзда—Волоколамскій и Зубцовскій: въ первомъ на 1754 годъ были установлены слѣдующіе оклады: по таможеннымъ сборамъ — 1127 руб. 29 коп., по кабацкимъ — 1072 руб. 94½ коп.; а по всѣмъ канцелярскимъ — 145 руб. 01 коп.; во второмъ кабацкіе сборы ходили за 478 руб. 49½ коп., а таможенные и канцелярскіе вмѣстѣ всего за 390 руб. 39 коп.[1]).

Незначительность отдѣльныхъ статей канцелярскихъ сборовъ имѣла одно послѣдствіе, непосредственно отражавшееся на дѣятельности областныхъ учрежденій, и притомъ учрежденій низшаго ранга — воеводскихъ канцелярій: такъ какъ договоры по отдачѣ на откупъ такихъ сборовъ совершались, въ большинствѣ случаевъ, на очень незначительную сумму, то заключать ихъ могли областныя канцеляріи всѣхъ ранговъ, до воеводскихъ включительно; фактически въ этой области всѣ три степени областного управленія оказывались почти равными, и это обстоятельство увеличивало непосредственныя обязанности низшихъ областныхъ властей по взиманію канцелярскихъ сборовъ. За провинціальными и губернскими канцеляріями оставались обязанности по отсылкѣ и передачѣ сборовъ по назначенію; губернскія же канцеляріи, кромѣ того, должны были, какъ онѣ дѣлали это для подушныхъ и для всѣхъ остальныхъ сборовъ, разсылать за своею печатью во всѣ подвѣдомственныя имъ канцеляріи книги для записи поступленій.

Канцелярскіе сборы всякаго наименованія причиняли болѣе всего непосредственнаго дѣла областнымъ властямъ и давали менѣе всего дохода казнѣ. Совершенно обратное можно сказать про сборы таможенные и кабацкіе. Тѣ и другіе имѣютъ очень различное значеніе въ исторіи русскихъ финансовъ. Въ частности, что касается таможенныхъ сборовъ, для насъ въ данную минуту имѣютъ значеніе только сборы съ внутреннихъ таможенъ, отмѣненные въ 1754 году; ихъ исторія до этого времени является процессомъ ихъ постепеннаго паденія; наоборотъ, сборы кабацкіе растутъ непрерывно въ теченіе всего XVIII столѣтія и растутъ даже гораздо быстрѣе, чѣмъ подушные: съ 1724 по 1765 годъ они возросли болѣе чѣмъ втрое — съ 1.300.000 до 4.290.000 руб., а къ 1780 году давали около двѣнадцати съ половиной милліоновъ, составляя до 30% всего бюджета доходовъ, между тѣмъ внутреннія таможни въ моментъ отмѣны приносили государству менѣе милліона[2]).

Если мнѣ приходится объединять въ изложеніи столь различные источники государственнаго дохода, такъ это потому что отношеніе къ нимъ областныхъ властей было почти одинаковымъ. Прежде всего долгое время одинаковымъ было ихъ назначеніе: и тѣ и другіе со времени Петра были «положены на адмиралтейство», т.-е. должны были итти на надобности созданнаго Петромъ флота; такъ продолжалось до Екатерины II, когда въ бюджетѣ государственныхъ расходовъ можно обна-

[1]) Клин. воев. канц., оп. 4, вяз. 6, 1753 г. д. 13 и 14.

[2]) *Чечулинъ*. Очерки по истор. русск. финансовъ, 153, 207, 208, 260—261.

ружить значительныя измѣненія сравнительно съ Петровскимъ временемъ[1]). Другой общей чертой того и другого сборовъ было то, что съ самаго начала они были положены на посады, а позднѣе взимались двоякимъ образомъ: при помощи посадскихъ службъ и посредствомъ откуповъ. Отсюда уже ясно, что прямого отношенія къ обоимъ сборамъ со стороны областныхъ властей было мало; наказъ 1728 года прямо-таки предписываетъ губернаторамъ и воеводамъ «въ тѣ сборы не мѣшаться»[2]; отъ нихъ, какъ мы увидимъ далѣе, требовался главнымъ образомъ контроль. Непосредственныя обязанности областныхъ властей по кабацкимъ и таможеннымъ сборамъ сводились къ слѣдующему. Высшія областныя учрежденія вмѣстѣ съ ратушами и магистратами участвовали подъ наблюденіемъ центральныхъ учрежденій въ публикованіи условій торговъ при отдачѣ сборовъ на откупъ: кондиціи торговъ и вызовы желающимъ взять на себя откупъ разсылались изъ канцелярій губернскихъ по всѣмъ учрежденіямъ, имъ подвѣдомственнымъ[3]); затѣмъ губернскія канцеляріи могли сами заключать контракты по откупамъ до суммы въ 4000 рублей; на это ихъ уполномочивалъ второй регламентъ камеръ-коллегіи, подтверждавшій предыдущіе указы такого же содержанія[4]), а губернскія и провинціальныя канцеляріи имѣли право, «не описывая въ камеръ-коллегію со свидѣтельствомъ и по сношенію съ ближними провинціями и справливаясь о цѣнахъ хлѣбныхъ», заключать договоры н поставку вина[5]).

Всѣ областныя учрежденія, какъ низшія, такъ и высшія, когда они дѣйствовали относительно территоріи, непосредственно имъ подчиненной, должны были совершать еще рядъ распорядительныхъ дѣйствій, которыя усматриваются при изученіи повседневной ихъ практики. Они провѣряли кубы, въ которыхъ курили вино, слѣдя, чтобъ кубы не превышали дозволенной мѣры; когда новый откупщикъ получалъ сборы въ свое вѣдѣніе, то мѣстныя власти дѣлали распоряженіе о допущеніи его къ завѣдыванію откупной статьей, давали приказаніе о сдачѣ ему всѣхъ документовъ и книгъ и вводили такимъ образомъ откупщиковъ въ ихъ дѣла[6]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда сборы бывали на вѣрѣ, сборщикамъ отъ мѣстной власти давалась особая инструкція[7]). Мѣстныя власти принимали вино, сда-

---

[1]) *Чечулинъ*. Очерки по истор. русск. финансовъ, очеркъ III, 262—318.

[2]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 26.

[3]) Сб. Р. И. О., т. CXXVI, стран. 423—425; примѣры вызововъ отъ Моск. губ. канц. — см. въ дѣлахъ Моск. губ. канц., кн. 59—232; вяз. 1706, д. 5; Клинской воев. канц., оп. 9, в. 4, указъ 1737 г. № 295; оп. 4, вяз. 6, д. 13 и 14.

[4]) П. С. З., VIII, № 5789, ст. 24. На ряду съ этимъ контракты по откупамъ заключались и въ камеръ-коллегіи. Моск. губ. канц., кн. 92, л. 107.

[5]) П. С. З., VIII, № 5482; фактическіе примѣры: Моск. губ. канц., кн. 62, лл. 290—291, 852—859.

[6]) Клин. в. к., оп. 1, в. 41, прот. 1756 г. № 3 и 22; Моск. губ. канц., кн. 59, кн. 92.

[7]) Бѣлозерск. пров. канц., оп. 21, вяз. 1, д. 6/30 л. 28—39.

ваемое въ казну для продажи на кружечномъ дворѣ; вотъ примѣръ: Клинская воеводская канцелярія, получивъ заявленіе о привозѣ для мѣстнаго кружечнаго двора 13 бочекъ вина, мѣрою 525 ведеръ, поставленнаго взявшимъ подрядъ заводчикомъ, постановила «оное вино въ присутствіи при коронномъ повѣренномъ или при повѣренномъ заводчика отжечь, и если придетъ въ указанную пробу и безъ всякаго противнаго запаху, то о пріемѣ его дать указъ и по пріемѣ канцеляріи репортовать»[1]). Наконецъ, мѣстныя власти принимали отъ откупщиковъ, равно какъ и отъ сборщиковъ самые сборы, т.-е. деньги, поступавшія въ казну. Отсылка этихъ денегъ первоначально происходила обычнымъ для всѣхъ сборовъ порядкомъ, но въ 50-хъ годахъ относительно денегъ, поступавшихъ отъ продажи вина, было сдѣлано существенное измѣненіе: указомъ 18 сентября 1752 года велѣно было деньги эти посылать изъ воеводскихъ канцелярій прямо въ цалмейстерскую контору при камеръ-коллегіи, минуя высшія ступени мѣстныхъ учрежденій[2]).

Завѣдываніе соляной монополіей было сосредоточено въ главной соляной конторѣ, которая имѣла свою подвѣдомственную ей организацію въ видѣ соляныхъ конторъ и соляныхъ комиссарствъ[3]). Только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ общая администрація сливалась съ администраціей соляной и принимала на себя всѣ функціи послѣдней; но это бывало въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходила добыча соли; причиной соединенія было стремленіе удешевить управленіе и возложить на одно учрежденіе обязанности, которыя должны были нести въ одномъ городѣ два самостоятельныхъ и независимыхъ одно отъ другого учрежденія: такія явленія наблюдались нѣсколько разъ въ теченіе изучаемаго времени въ Бахмутѣ, а при Екатеринѣ II — въ Самарѣ и Сибирскихъ уѣздахъ[4]). Обычно, мѣстныя учрежденія, однако, все же служили агентствами соляной продажи: они принимали соль отъ конторъ и комиссарствъ, вели по этому поводу переписку со спеціальными учрежденіями, съ соляными заводчиками и подрядчиками и доставляли въ соляныя конторы деньги, вырученныя отъ продажи соли. При этомъ наблюдался іерархическій порядокъ, отмѣченный уже выше для большинства сборовъ: губернскія канцеляріи являлись посредниками между подвѣдомственными имъ учрежденіями, съ одной стороны, и главной соляной конторой — съ другой[5]).

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 50, прот. 15 марта 1779 г.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 13, расходн. книги 1752 г.; этого указа въ П. С. З. нѣтъ.

[3]) Подробности организаціи соляныхъ сборовъ см. *Чечулина*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 180—205.

[4]) Бахмут. пров. канц., оп. 1, вяз. 1; П. С. З., т. XVI, № 12148, т. XVII, № 12549.

[5]) Соликамск. (Перм.) пров. канц., оп. 2, вяз. 1, 2, 3, 4; Сѣвск. пров. канц., оп. 43, вяз. 5, оп. 44, вяз. 1; Клин. в. к., оп. 1, вяз. 41, прот. 1756 г. № 11, 17, 50, 61, 101. Вольнов. воев. канц., (въ дѣлахъ Богодухов. у. суда). оп. 27, вяз. 1. записная книга на продажу соли 1767—1768 гг.

Съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ вотчинъ, на мѣстную администрацію легло всею тяжестью взиманіе съ экономическихъ крестьянъ всѣхъ добавочныхъ денегъ, которыя тѣ должны были выплачивать казнѣ взамѣнъ повинностей въ пользу прежнихъ владѣльцевъ. Появилось особое дѣлопроизводство по экономическимъ сборамъ; въ каждой канцеляріи появились особыя приходныя, расходныя и доимочныя книги по сборамъ съ экономическихъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что количество сборовъ всецѣло зависѣло отъ числа экономическихъ крестьянъ въ данномъ уѣздѣ и было, поэтому, очень неравномѣрнымъ; однако, экономическіе сборы, въ иныхъ городахъ могли занимать очень замѣтное мѣсто въ бюджетѣ доходовъ воеводской канцеляріи: такъ, въ Клину они составляли отъ 11 до 13 тысячъ рублей ежегодно[1]); на югѣ, въ Вольновскомъ уѣздѣ они доходили до 500 руб., но и всѣ остальныя суммы, проходившія черезъ Вольновскую канцелярію не превосходили 800 рублей[2]). Сборныя деньги изъ всѣхъ областныхъ учрежденій направлялись непосредственно въ коллегію экономіи. Разницы въ обязанностяхъ губерніи, провинціи и уѣзда въ этомъ отношеніи не замѣтно.

Существовала еще одна область, имѣвшая близкую связь со всѣми сборами, до сихъ поръ помянутыми; въ этой области всѣ областныя учрежденія безъ различія ранговъ имѣли никогда не прекращавшіяся тяжелыя обязанности. Я разумѣю сборъ недоимокъ или, какъ говорили въ XVIII столѣтіи, сборъ «доимки».

Исторія собиранія податей въ послѣпетровское время извѣстна: страна въ первое время продолжала переживать финансовый кризисъ, въ который повергла ее реформа; позднѣе слѣды тяжелаго времени нѣсколько сглаживаются, и, приблизительно, съ воцаренія Елизаветы наступаетъ время бюджетовъ безъ дефицитовъ и поступленія податей безъ систематическаго выколачиванія, съ которымъ такъ тѣсно связано воспоминаніе о царствованіи Анны Ивановны[3]); однако, недоимки за старые годы держатся устойчиво и въ третьей четверти вѣка, когда подъ вліяніемъ расходовъ на семилѣтнюю войну бюджетное равновѣсіе снова нарушается. Дѣятельность областныхъ учрежденій по сбору недоимокъ прямо пропорціональна количеству недоимокъ: чѣмъ менѣе послѣднихъ, тѣмъ менѣе и дѣла губернаторамъ и воеводамъ; когда ихъ накапливалось много, областнымъ властямъ не было покоя. Когда говорятъ о недоимкахъ послѣпетровскаго времени, то въ голову, прежде всего, конечно, приходятъ недоимки по самой важной изъ податей — подушной; однако, и по другимъ сборамъ недоимки были очень велики. Вотъ, напримѣръ, состояніе денежныхъ поступленій въ городѣ

---

[1]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 24, 32, 39.

[2]) Вольнов. воев. канц., (въ дѣлахъ Богодух. у. суда), оп. 9, вяз. 4.

[3]) *Чечулинъ*. Очерки по исторіи русск. финансовъ, 111—152; *Богословскій*, Областная реформа, гл. V и VI: *Строевъ*, Бироновщина и кабинетъ министровъ. *Соловьевъ*, IV. т. XX, 1415—1418.

Каргополѣ съ уѣздомъ за 1731 годъ, какъ оно отразилось въ рапортѣ, адресованномъ въ Бѣлозерскую провинціальную канцелярію:

	Поступленіе. Р.	К.	Въ доимкѣ. Р.	К.
Сборы подушные (40 гривенный сборъ съ посада	875	51.	6223	60.
» кабацкіе	0	0.	2729	79.
» таможенные	0	0.	441	2.
» канцелярскіе	53	52.	435.	
» въ штатъ не положенные	36	75.	290	06.
	965	78.	10119	47[1]).

Въ слѣдующемъ 1732 году положеніе было немногимъ лучше: изъ всѣхъ сборовъ, положенныхъ на адмиралтейство, т.-е. таможенныхъ, кабацкихъ и части канцелярскихъ, было собрано 3165 руб. 40 коп., оставалось въ доимкѣ 5975 руб. 46 коп.[2]).

Недоимки по таможеннымъ, кабацкимъ и канцелярскимъ сборамъ и позднѣе держались не менѣе упорно, чѣмъ недоимки подушныхъ. Приводимая ниже таблица показываетъ количество недоимокъ по всѣмъ этимъ сборамъ, накопившимся къ 60-мъ годамъ по Костромской и Калужской провинціямъ. Въ Костромской провинціи положеніе было совсѣмъ безотраднымъ.

	Взыскать надлежало: Р.	К.	Взыскано въ 1767 г. Р.	К.	Остается въ доимкѣ. Р.	К.
Таможенныхъ	8573	35¼.	—	—	8573	35¼.
Кабацкихъ	50382	22⅜.	—	—	50382	22⅜.
Канцелярскихъ мелкихъ	271	18¼.	—	—	271	18¼.
Съ мельницъ	2569	39.	20	2¼.	2549	36¾.
» рыбныхъ ловель	297	77½.	2	73¾.	295	3¾.
» бань	656	71.	2	—	654	71.

Я опускаю многочисленные болѣе мелкіе сборы и приведу еще только итогъ: всего подлежало взыскать старыхъ недоимокъ на 65339 руб. 1⅛ коп.; поступило 1291 руб. 81 коп., оставалось не собранныхъ 64047 руб. 20⅛ коп.; очень характерно, что изъ этой громадной суммы на долю подушной подати приходилось всего 71 руб. 80 коп., изъ которыхъ поступило 8 руб. 5 коп.[3]).

---

[1]) Каргоп. воев. канц., оп. 3, вяз. 6, д. 47/324, лл. 360—364.
[2]) Каргоп. воев. канц., оп. 3, вяз. 7, д. 55/332, л. 158—208.
[3]) Моск. губ. канц., вяз. 1873.

По Калужской провинціи недоимокъ значительно меньше, но поступленіе ихъ едва ли не хуже еще чѣмъ въ Костромской.

	Состояло къ 1768 г.	Поступило въ 1768 г.	Осталось е собранныхъ.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Подушныхъ	2571 98.	23 45.	2548 43.
Остальныхъ сборовъ	6085 $53^3/_4$.	— —	6085 $53^3/_4$.

Въ 1766 году по Московской губерніи числилось недоимокъ по подушному сбору за старые годы 55624 руб. 36 коп.[1]).

Дѣйствія областныхъ властей по сбору недоимокъ не отличались ни разнообразіемъ ни сложностью: это была посылка нарочныхъ, арестъ неплательщиковъ или ихъ выборныхъ, — старостъ и сотскихъ, или экзекуція при помощи команды, располагавшейся постоемъ. Лучше всего пояснить сказанное ссылкой на факты. Въ серединѣ 40-хъ годовъ Нижегородская губернская и Балахнинская воеводская канцеляріи взыскивали недоимки, накопившіяся на крестьянахъ дворцовыхъ Дрюковской и Заузольской волостей. Сначала «о скорѣйшемъ тѣхъ денегъ взысканіи и о присылкѣ въ Балахнинскую канцелярію подтверждаемо было завсегда указами» мѣстному дворцовому управителю. Когда обнаружилось, что это средство не помогаетъ, посланъ былъ въ Дрюковскую волость капралъ Ѳаддей Бѣловъ съ солдатами, коему по данной инструкціи велѣно крестьянъ и волостного старосту, доколѣ положенныхъ денегъ всѣхъ сполна не заплатятъ, забравъ, держать подъ карауломъ». Капралъ Бѣловъ въ точности исполнялъ данную ему инструкцію, но долженъ былъ самъ признать неудачу своей миссіи; причины этой неудачи очень характерны, ибо показываютъ, какъ на самомъ дѣлѣ сложна была, казалось бы простая, его задача; дѣло въ томъ, что одновременно съ Бѣловымъ по тѣмъ же волостямъ разъѣзжали особыя команды для взысканія недобранныхъ рекрутовъ и штрафныхъ денегъ за нихъ; часть крестьянъ уже сидѣли въ Балахнѣ въ воеводской канцеляріи, правежъ шелъ по всему уѣзду, «точію за скудостью и за взысканіемъ прочихъ денегъ» капралу Бѣлову получить на этотъ разъ не пришлось ничего[2]). Арестуютъ и держатъ подъ карауломъ не одніхъ крестьянъ; когда дѣло касается посада, то не стѣсняются «и магистратскихъ членовъ, пока доимку всю заплатятъ сполна», держать подъ арестомъ, а то и скованныхъ[3]). Наконецъ, когда взысканіе недоимокъ идетъ особенно туго, издается приказаніе забирать даже самихъ помѣщиковъ[4]).

[1]) Госуд. Арх., разр. XVI, д. 564.
[2]) Дѣла сената, кн. 208/20, д. 5; аналогичные примѣры: тамъ же д. 1, 34.
[3]) Дѣла сената, кн. 16/232, л. 929—936.
[4]) Моск. губ. канц., кн. 62, л. 62, (1739 г.); вяз. 1673.

Текущія распоряженія по взысканію недоимокъ, переписка по этому тяжелому и щекотливому предмету съ подчиненными и съ непосредственнымъ начальствомъ составляли постоянный предметъ занятій какъ губернскихъ, такъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій[1]). Взыскивали не только съ плательщиковъ, но и съ неисправныхъ откупщиковъ и съ лицъ, за нихъ поручившихся. Въ началѣ 30-хъ годовъ умеръ откупщикъ Москвитинъ Степанъ Маленькій, державшій на откупу мостъ въ Клинскомъ уѣздѣ; за нимъ осталась «доимка» въ 95 руб. $51\frac{1}{4}$ коп., и чтобы взыскать ее, Клинская канцелярія разыскивала «поручиковъ» его, Москвичей, купецкихъ людей Голутвенной слободы Палетова и Папорткова, Алексѣевской слободы — Дмитріева и записного каменщика Данилова[2]).

Мы видѣли сейчасъ, что взысканіе недоимокъ не всегда шло успѣшно. Затрудненія въ этой области бывали очень разнообразны, происходили по винѣ и безъ вины областныхъ правителей и ихъ канцелярій и нерѣдко навлекали на нихъ большія непріятности. Къ 1737 году по адмиралтейскимъ сборамъ, т.-е. по таможеннымъ, кабацкимъ и части канцелярскихъ, накопилась солидная недоимка въ 1.750.000 рублей, взыскивать которую при содѣйствіи губернаторовъ и воеводъ отправлены были особые офицеры; вмѣсто содѣйствія и дружной работы получилось, однако, что-то совсѣмъ иное. Офицеры жаловались, «что слѣдствіе и взысканіе пріостановилось за тѣмъ, что мѣстныя власти приличныхъ къ слѣдствію вѣдомостей, справокъ и книгъ не токмо не даютъ, но многіе и не отвѣтствуютъ». Самое запущеніе, по мнѣнію командированныхъ офицеровъ, чуждыхъ мѣстной жизни и не знавшихъ ея условій, произошло «не отъ чего иного, какъ отъ непорядочныхъ поступковъ и слабости въ тѣхъ сборахъ провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ», которые и документы таятъ, «дабы онѣ въ ихъ сборахъ непорядки и упущенія явно не открылись». Изъ дальнѣйшихъ обвиненій, взводимыхъ, главнымъ образомъ, на провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ, видно, что, даже относя значительную долю прегрѣшеній воеводъ на счетъ ихъ злоупотребленій, приходится допустить, что въ иныхъ случаяхъ при исчисленіи недоимокъ, переходившихъ изъ года въ годъ, областныя власти, по крайней мѣрѣ низшихъ ранговъ, не знали, что имъ дѣлать; въ постоянно сочиняемыхъ вѣдомостяхъ и доношеніяхъ о доимкѣ, они невѣрно показываютъ цифры недоимокъ, не сходящіяся съ данными, имѣющимися въ распоряженіи коллегій, дѣлаютъ ошибки при включеніи въ подушный окладъ и при выключеніи изъ него путаются въ своихъ рапортахъ, ибо сложная бумажная отчетность, которая въ дѣлѣ собиранія недоимокъ чувствовалась особенно сильно, оказывалась не по плечу администраторамъ XVIII столѣтія[3]).

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59—232; Гдов. воев. канц., оп. 3, вяз. 1.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 10, вяз. 2, д. 21.

[3]) П. С. З., IX, № 7193; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 7: губ. канцелярія побуждаетъ къ сочиненію вѣдомостей о доимкѣ; это предписаніе исполняется въ двухнедѣльный срокъ.

Въ собиранiи недоимокъ непосредственныя обязанности областныхъ учрежденiй особенно часто сталкивались и перепутывались съ ихъ контролирующей и надзирающей дѣятельностью. Всѣ три ступени несутъ совершенно одинаковыя обязанности, поскольку дѣло идетъ о территорiи, управляемой ими въ первой инстанцiи, но чѣмъ выше мы восходимъ по областной iерархiи, тѣмъ становится все замѣтнѣе контроль и надзоръ въ дѣлѣ собиранiя недоимокъ. Я перехожу теперь къ разсмотрѣнiю этой стороны финансовой дѣятельности изучаемыхъ учрежденiй.

Надзоръ заключался въ томъ, что старшiе органы областного управленiя слѣдили за младшими и наблюдали, чтобъ ихъ обязанности, какъ органа финансоваго управленiя, исполнялись правильно и неуклонно, и «понуждали» ихъ къ этому, когда оказывалось нужнымъ. Контроль состоялъ въ провѣркѣ правильности дѣйствiй подвѣдомственныхъ органовъ болѣе активными средствами, большинство которыхъ, впрочемъ, не выходило изъ предѣловъ того же бумажнаго дѣлопроизводства. Посмотримъ, прежде всего, въ чемъ проявлялась надзирающая и контролирующая дѣятельность городового воеводы. Сборъ подушныхъ вѣдаетъ воевода вмѣстѣ съ офицеромъ: воевода смотритъ за дѣятельностью офицера, а офицеръ, какъ мы это видѣли въ свое время, смотритъ за воеводой; этотъ взаимный надзоръ остался въ силѣ и въ 60-хъ годахъ, когда офицеровъ замѣнили воеводскiе товарищи. По сборамъ таможеннымъ и кабацкимъ воеводы должны были наблюдать за магистратами и ратушами, требуя отъ послѣднихъ перiодическихъ рапортовъ о поступленiи положенныхъ на нихъ сборовъ; такiя обязанности возложены были на нихъ еще наказомъ 1728 года, и объ исполненiи ихъ было неоднократно повторяемо и позднѣе. Сборы, положенные на адмиралтейство, воеводы должны были «сбирая», т.-е. наблюдая за собиранiемъ, отсылать немедленно по назначенiю[1]). Строгому надзору подлежала и дѣятельность винныхъ откупщиковъ: регламентъ камеръ-коллегiи 1731 года предписываетъ «губернаторамъ и воеводамъ содержать откупщиковъ въ добромъ порядкѣ[2])», они призваны защищать ихъ отъ «утѣсненiй и обидъ», и въ то же время должны наблюдать, чтобы откупщики выполняли исправно свои обязательства. Въ таможенномъ дѣлѣ воеводы должны были слѣдить за закономѣрной и правильной дѣятельностью таможенныхъ откупщиковъ, головъ и сборщиковъ и за соблюденiемъ всѣхъ таможенныхъ уставовъ. Указъ 5 iюля 1734 года подробно регламентируетъ эту сторону дѣятельности мѣстной администрацiи[3]). Надзоръ воеводъ касался въ одинаковой степени какъ крупныхъ таможенныхъ и кабацкихъ, такъ и мелкихъ канцелярскихъ сборовъ. Приведенная мною выше инструкцiя, данная воеводской канцелярiей откупщику конской площадки, даетъ наглядное представленiе о томъ, какъ строго должна была быть

[1]) П. С. З., XI, № 8539 (1742 г. апр. 6).

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5789, ст. 21, т. VIII, № 5333, ст. 25.

[3]) П. С. З., т. IX, № 6600; его подтвержденiя 1741 и 1743 гг. - П. С. З., т. XI, №№ 8457, 8778.

регламентирована дѣятельность откупщика, и какъ тѣсенъ и энергиченъ долженъ былъ быть надзоръ воеводской власти за откупщиками. Наконецъ, воеводскимъ канцеляріямъ принадлежалъ надзоръ за крѣпостными сборами и за продажей соли[1]). Я не буду вновь распространяться о сборѣ недоимокъ: замѣчу лишь, что въ этомъ дѣлѣ каждый губернаторъ, каждый воевода долженъ былъ неослабно и неуклонно смотрѣть за дѣятельностью всѣхъ низшихъ агентовъ, разсылаемыхъ по дѣламъ доимки.

Надзоръ областныхъ властей за сборомъ податей былъ двоякаго характера: тамъ, гдѣ они наблюдали за другими учрежденіями и лицами, т.-е. за посадами, магистратами, откупщиками, вѣрными сборщиками, это былъ обыкновенный надзоръ, который могъ осуществляться дурно или хорошо, но не имѣлъ никакихъ особенностей въ существѣ дѣла; но надзоръ надъ сборомъ подушныхъ, гдѣ дѣятельность воеводъ такъ тѣсно сплеталась съ дѣятельностью офицеровъ, или надзоръ за продажей соли со стороны такихъ канцелярій, которыя должны были сами ею завѣдывать, былъ на самомъ дѣлѣ надзоромъ за собою, и въ этомъ нельзя не видѣть внутренняго противорѣчія.

Наблюдая за дѣятельностью своихъ контръ-агентовъ и своей собственной, воеводская канцелярія должна была, въ свою очередь, отчитываться передъ высшими органами областного управленія. Вотъ, напримѣръ, что̀ по наказу 1728 года городовой воевода долженъ былъ исполнять относительно подушной подати: препровождался рапортъ о поступленіяхъ ежемѣсячно въ провинціальную канцелярію, а каждую треть года вмѣстѣ съ отсылкою суммы должны были итти туда особые рапорты, болѣе подробные; съ введеніемъ двухъ сроковъ уплаты подушныхъ, вмѣсто трехъ, и рапорты эти должны были потерпѣть соотвѣтственное измѣненіе[2]). Наказъ глухо говоритъ о порядкѣ донесеній по другимъ сборамъ, но и эта неясность была исправлена указомъ 31 декабря 1735 года, предписавшимъ по всѣмъ сборамъ, кромѣ подушныхъ, «репортовать провинцію кратко помѣсячно, и по прошествіи года обстоятельно»[3]). Отдѣльныя подробности въ дѣлѣ отчетности по сборамъ регламентировались позднѣе: частныя законодательныя постановленія, сюда относящіяся, встрѣчаются до самаго конца изучаемаго времени: такъ, еще въ 1761 году были изданы подробныя правила донесеній, касающихся соли[4]).

Независимо отъ донесеній о движеніи суммъ по различнымъ статьямъ государственныхъ доходовъ, городовые воеводы должны были

---

[1]) О регламентаціи отчетности по крѣпостнымъ сборамъ, см. указъ 23 авг. 1737 г., П. С. З., т. X, № 7354; примѣры законодательныхъ распоряженій, возлагавшихъ на областныя власти надзоръ за продажей соли: П. С. З., т. VIII, № 6198, т. XII, № 9310, т. XIII, № 9908 т. XV, № 11381.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 20.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 33; т. IX, № 6855. Фактическіе примѣры такого репертованія Ростовской воеводской канцеляріи въ Переяславскую провинціальную: Переясл. пров. канц., оп. 7, вяз. 17.

[4]) П. С. З., т. XV, № 11381.

ежемѣсячно представлять въ провинціальныя канцеляріи общіе рапорты о приходѣ и расходѣ суммъ, а по прошествіи года каждому изъ нихъ предстояла задача «сочинить счеты»: «всю денежную и прочую всякую казну» воевода долженъ былъ повѣрить у расходчика прошлаго года и передать новому канцеляристу-расходчику, «а потомъ немедленно всѣмъ приходамъ и расходамъ прошлогоднимъ дѣлать счеты слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, объявить, что отъ прошлаго года денежной казны изъ доимки осталось — отдѣльно по годамъ и по каждому сбору», во-вторыхъ, что должно было поступить, согласно окладамъ, въ-третьихъ, — что дѣйствительно за годъ поступило, въ-четвертыхъ, какіе были произведены расходы, въ-пятыхъ, что должно быть въ остаткѣ и, въ-шестыхъ, «что какихъ сборовъ, какъ доимочныхъ, такъ и на настоящій годъ за взятьемъ остаются въ доимкѣ и для чего, или какихъ сборовъ, что въ приборѣ». Составивъ такую вѣдомость, воевода долженъ былъ каждую статью провѣрить и затѣмъ отправить весь счетный списокъ «купно съ приходными и расходными книгами» для свидѣтельствованія выше по начальству — по наказу 1728 года прямо губернатору, а съ 1733 года — провинціальному воеводѣ[1]).

Когда подумаешь, какъ велика была сложность финансовой отчетности городового воеводы, невольно приходятъ въ голову вопросы: исполнялись ли въ точности всѣ, хотя бы только что перечисленныя предписанія? Составлялись ли въ дѣйствительности всѣ безчисленные рапорты о поступленіи сборовъ, о движеніи суммъ? Аккуратно ли доставлялись въ губернію счетные списки?

На эти вопросы приходится отвѣчать утвердительно; всѣ эти требованія исполнялись. Другое дѣло, какъ они исполнялись: они были слишкомъ сложны, и поэтому въ нихъ должны были быть погрѣшности и фактическія упрощенія противъ сочиненныхъ въ столичныхъ канцеляріяхъ образцовъ; они могли составляться сознательно неправильно, и, зная нравственныя качества воеводъ XVIII вѣка, мы не будемъ удивляться, если къ отмѣченнымъ ранѣе видамъ злоупотребленій намъ придется прибавить новый. Но, повторяю, формально требованія финансовой отчетности исполнялись: объ этомъ слишкомъ много и слишкомъ часто напоминали всякаго рода понужденія, исходившія какъ отъ ближайшаго областного начальства, такъ и отъ столичныхъ учрежденій; можно было волею или неволею затянуть присылку рапорта или счета, но игнорировать требованія не только какой-нибудь коллегіи, но губерніи и даже провинціи значило подвергать себя риску попасть подъ денежный штрафъ или сидѣть подъ арестомъ да еще, пожалуй, «скованнымъ» въ своей канцеляріи. Изученіе дѣлопроизводства воеводскихъ канцелярій убѣждаетъ въ томъ, что у самого воеводы, точно такъ же какъ и у приказныхъ, сидѣвшихъ въ его канцеляріи, сочиненіе всякаго рода счетовъ отнимало

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 23; П. С. З., т. IX, № 6391 (Регламентъ ревизіонъ-коллегіи, гл. IV).

много времени и изводило много бумаги. Нѣкоторые изъ представляемыхъ рапортовъ и въ особенности годичные счетные списки представляютъ изъ себя объемистыя произведенія бухгалтерскаго искусства, въ которыя съ самой мелочной подробностью заносились всѣ статьи дохода и расхода и всѣ числившіяся по данной мѣстности недоимки[1]).

Наблюдающая и контролирующая дѣятельность воеводы провинціальнаго отчасти уже открывается изъ предыдущаго изложенія. Провинціальный воевода имѣлъ подъ своею непосредственною властью уѣздъ главнаго города своей провинціи: въ предѣлахъ этого уѣзда онъ совершалъ все то, что дѣлалъ всякій городовой воевода. Но здѣсь его дѣятельность и значеніе были двоякими: власть городового воеводы сливалась здѣсь со властью провинціальнаго воеводы и по отношенію къ территоріи непосредственной власти о провинціальномъ воеводѣ приходится съ особой силой указать, что онъ долженъ былъ наблюдать и контролировать самого себя. Однако, по сравненію съ городовымъ воеводой кругъ наблюденія и контроля провинціальнаго воеводы былъ гораздо обширнѣе; за исключеніемъ годовыхъ счетныхъ списковъ, и то только въ короткій промежутокъ 1728—1733 годовъ, именно провинція получала всѣ только что отмѣченныя донесенія отъ городовыхъ воеводъ и, такимъ образомъ, осуществляла надзоръ за финансовой дѣятельностью низшей ступени областного управленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ провинціальныя власти распространяли свой надзоръ и на непосредственныя дѣйствія воеводъ приписныхъ городовъ. Такъ Сѣвская провинціальная канцелярія слѣдитъ за выборомъ заречныхъ и цѣловальниковъ въ тѣхъ изъ уѣздныхъ городовъ провинціи, гдѣ сборы отданы на вѣру; ей принадлежитъ рѣшающее слово въ вопросѣ о способѣ отдачи сборовъ и т. д.[2]).

Со своей стороны и провинціальная канцелярія отчитывается передъ высшимъ начальствомъ. Я уже указывалъ, что права провинціальныхъ канцелярій въ финансовой области носили нѣсколько иной характеръ, нежели въ области суда и были ближе къ правамъ губерніи нежели къ правамъ уѣзднаго воеводскаго управленія. Правда, текущія донесенія по различнымъ сборамъ провинція доставляетъ въ губернію[3]): но по многимъ вопросамъ финансовой отчетности провинція была окончательной инстанціей, имѣвшей право непосредственнаго сношенія съ центральными учрежденіями. Такъ въ 1735 году провинціи получили предписаніе непосредственно доставлять въ юстицъ-коллегію вѣдомости и счета по нѣкоторымъ мелкимъ сборамъ, напримѣръ, по доимкѣ судебныхъ пошлинъ

---

[1]) Примѣръ очень полнаго списка см. Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 7, (за 1746 г.), вяз. 22 (за 1762 г.) вяз. 34 (за 1775); въ этомъ году мѣсячные рапорты составляются во всемъ согласно инструкціи 1728 года: тамъ же, вяз. 34.

[2]) Сѣвск. прав. канц., оп. 34, вяз. 2, оп. 35, вяз. 1.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 20, т. IX, № 6855; подтвержденіе 1760 г.: П. С. З., т. XV, № 11108. Фактич. примѣры: Моск. губ. канц., кн. 59—232.

и по крѣпостнымъ пошлинамъ[1]). Въ томъ же году регламентомъ камеръ-коллегіи провинціямъ было дано важное право пересылать счета по окончаніи года прямо въ ревизіонъ-коллегію безъ предварительнаго освидѣтельствованія ихъ губернаторами[2]). Въ 30-хъ годахъ провинціальныя канцеляріи пересылаютъ прямо въ камеръ-коллегію рапорты о поступленіи таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ[3]).

Переходя къ характеристикѣ губернской власти, какъ органа финансоваго надзора и контроля, слѣдуетъ начать съ того же, что было сказано выше о провинціальныхъ канцеляріяхъ: губернская власть была властью первой инстанціи для уѣзда губернскаго города и властью второй инстанціи, равной провинціальной, нерѣдко для очень значительной территоріи: въ этихъ предѣлахъ она несла всѣ обязанности городового и провинціальнаго управленія, какъ мы ихъ сейчасъ только что очертили, а въ смыслѣ отчетности, не выходившей за предѣлы мѣстнаго управленія, она, еще гораздо болѣе, чѣмъ провинціальная власть, должна была смотрѣть сама за собою, контролировать сама себя. Отмѣченное выше противорѣчіе выступаетъ здѣсь еще ярче. Однако, независимо отъ этого губернія въ смыслѣ финансоваго надзора и контроля имѣла также важное и самостоятельное значеніе.

Несмотря на права финансоваго надзора и контроля, данныя провинціальнымъ канцеляріямъ, губернія продолжаетъ оставаться главнымъ посредникомъ между учрежденіями мѣстными и учрежденіями центральными: въ нее, если не для дальнѣйшаго исполненія, то, по крайней мѣрѣ, «для вѣдома» поступаютъ всѣ донесенія изъ провинцій и городовъ, собираются всѣ свѣдѣнія, касающіяся обширной территоріи губерніи. Въ губернской канцеляріи даютъ финансовый отчетъ и туда привозятъ на провѣрку счеты всѣ смѣнившіеся воеводы[4]). Съ 1743 года губернскій надзоръ получаетъ особенное значеніе въ таможенномъ дѣлѣ: если будетъ обнаружено, что какой-нибудь воевода нарушаетъ таможенные уставы, то губернаторъ доноситъ объ этомъ въ сенатъ «со всѣмъ обстоятельствомъ и съ приложеніемъ своего мнѣнія, что тѣмъ воеводамъ за то учинить надлежитъ»[5]). Въ свою очередь и высшія учрежденія со своими требованіями и всякаго рода понужденіями обращаются прежде всего въ самые крупные областные центры губерніи. Можно, пожалуй, сказать что значеніе губернскихъ властей въ дѣлѣ финансоваго контроля съ теченіемъ времени скорѣе увеличивается, нежели уменьшается; инструкція губернаторамъ 1764 года, признавая губерніи «главными частями, составляющими цѣлое отечество наше» и «вѣдая въ губернаторѣ повѣреннаго государя, главу и хозяина губерніи и ея истиннаго опекуна», обращаетъ, какъ мы уже видѣли особое вниманіе этого опекуна на такъ называемыя

---

[1]) П. С. З., IX, №№ 6357, 6662.
[2]) П. С. З., IX, №№ 6391, 6633.
[3]) Переяслав. прав. канц.. оп. 7, вяз. 17.
[4]) Фактическіе примѣры: Моск. губ. канц., кн. 59—232
[5]) П. С. З., IX, № 8778.

интересныя дѣла и подчиняетъ ему всѣ состоящія въ его губерніи учрежденія «дабы онъ, получая отъ нихъ рапорты подробные о должностяхъ и порядкахъ ихъ извѣстія, точныя обо всемъ свѣдѣнія имѣть могъ»[1]).

Порядокъ финансовой отчетности губернаторовъ былъ установленъ еще указомъ 23 ноября 1734 года[2]); позднѣе отчетность эта все осложнялась. Быть можетъ, не безъ вліянія идей, проведенныхъ въ инструкціи 1764 года, обязанности начальниковъ губерній по финансовому контролю продолжаютъ расти и въ послѣднее десятилѣтіе дѣйствія учрежденій 1727 года. Подтверждается обязанность губернаторовъ присылать мѣсячные и годовые рапорты о расходахъ въ штатсъ-контору, они должны представлять новые рапорты о питейной недоимкѣ, объ экстренныхъ издержкахъ по случаю чумы въ 70-хъ годахъ, о состояніи городовъ, о казенныхъ домахъ и взысканіяхъ[3]). Такъ складывалась понемногу та подавляющая, главнымъ образомъ финансово-бумажная, отчетность, передъ которой встало втупикъ само правительство и которую оно само частично отмѣнило передъ самой реформой 1775 года[4]). Но для того чтобы имѣть малѣйшую возможность осуществить такія требованія, губернаторы, конечно, въ свою очередь, должны были усиленно требовать подробныхъ донесеній отъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій; ихъ безчисленные указы провинціальнымъ и городовымъ воеводамъ непреложно объ этомъ свидѣтельствуютъ[5]).

Наблюденія надъ практическою дѣятельностью губернскихъ канцелярій въ области финансоваго надзора и контроля убѣждаютъ въ томъ, что относящіеся сюда вопросы занимали видное мѣсто въ ихъ повседневныхъ занятіяхъ. Московская губернія ведетъ чрезвычайно оживленную и дѣятельную переписку по всѣмъ текущимъ финансовымъ дѣламъ посылаетъ указы и понужденія о высылкѣ денежной казны, напоминаетъ объ изготовленіи различныхъ счетовъ, не только въ предѣлахъ того, что извѣстно подъ именемъ «Московской провинціи», но шлетъ подчасъ суровыя предписанія куда-нибудь въ Переяславль, Суздаль, Кострому или Калугу. Губернская канцелярія слѣдитъ за правильностью собиранія всякихъ сборовъ и въ этой сферѣ нерѣдко объявляетъ выговоры и даже взысканія всѣмъ областнымъ учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ ей[6]). Очень видное мѣсто въ дѣятельности губернской канцеляріи занимаетъ ревизія и утвержденіе всякаго рода счетовъ. Повѣрка счетовъ происходитъ точно такимъ же образомъ, какъ это мы видѣли для канцеляріи провинціальной: счеты провѣряются въ соотвѣтственномъ столѣ, повытьѣ или экспедиціи губернской канцеляріи, затѣмъ составляется

[1]) П. С. З., XVI, № 12137, ст. 1, 2, 11.

[2]) П. С. З., т. IX, № 6649.

[3]) П. С. З., т. XVIII, № 12971; т. XIX, № 13685; т. XX, №№ 14261, 14281. 14282.

[4]) П. С. З., т. XX, № 14332 (см. выше, стран. 192—193).

[5]) Примѣромъ могутъ служить указы изъ Моск. губ. канц. въ Клинскую воев. канц., оп. 9, вязка 1—31.

[6]) Моск. губ. канц., кн. 59—232.

докладъ «присудствію», которое, обыкновенно, ставитъ резолюцію: «оную выписку, подписавъ на ней губернаменской канцеляріи свидѣтельство, взнесть государственной ревизіонъ-коллегіи въ контору», а воеводѣ, подавшему счетъ, сдѣлать напоминаніе о скорѣйшемъ сборѣ недоимокъ[1]). За этимъ послѣднимъ дѣломъ губернской канцеляріи приходилось слѣдить особенно усердно. Напоминанія, выговоры, предписанія сыпались дождемъ на голову провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ, потому что и само губернское начальство чувствовало надъ собой понужденіе со стороны высшаго центральнаго управленія[2]).

Органы областного управленія всѣхъ ранговъ не только собирали доходы на казну и контролировали ихъ правильное поступленіе: они были мѣстными казначействами. Изъ двухъ основныхъ обязанностей всякаго казначейства мы уже разсмотрѣли одну; мы видѣли, какіе доходы собирались губернскими, провинціальными и воеводскими канцеляріями и какимъ порядкомъ они туда поступали. Остается разсмотрѣть расходный бюджетъ областныхъ учрежденій. Главными статьями расходовъ, производимыхъ на мѣстѣ, были издержки по собиранію государственныхъ доходовъ и содержаніе самихъ учрежденій, въ составъ котораго входило и скудное содержаніе служащихъ по областному управленію. Нужно сказать, что вопросъ о правѣ и возможности для областныхъ учрежденій производить расходы, а главное—вопросъ объ источникахъ, изъ которыхъ такіе расходы можно было дѣлать, принадлежалъ въ XVIII вѣкѣ къ числу забытыхъ и больныхъ вопросовъ имперскихъ финансовъ. Вся финансовая дѣятельность великаго Петра была проникнута однимъ стремленіемъ добыть какъ можно болѣе денегъ, чтобы имѣть возможность затыкать безчисленныя финансовыя дыры и прорѣхи общегосударственнаго хозяйства; о расходахъ на мѣстное управленіе думали мало, а когда въ связи со второй областной реформой рѣшили дѣло упорядочить, оказалось, что денегъ нехватало даже на уплату жалованья областной администраціи. Погоня за дешевизной областного управленія была главной причиной преобразованій 1727 года, и не слишкомъ дальновидные творцы этихъ преобразованій, въ той же погонѣ за устраненіемъ государственнаго дефицита, совершенно не подумали о сколько-нибудь правильной организаціи расходовъ по мѣстному управленію. Послѣдствія не замедлили сказаться. Уже въ 1732 году было «усмотрѣно», что за неположеніемъ извѣстной суммы на канцелярскіе расходы и на строеніе и починку зданій расходуютъ «сколько гдѣ надобно». По исчисленіямъ штатсъ-конторы, ежегодный расходъ на указанныя сейчасъ статьи доходилъ по всей имперіи до 41 тысячи слишкомъ рублей въ годъ. Расходъ этотъ постарались урѣзать, оставивъ на нужды областныхъ учрежденій всей имперіи, кромѣ Балтійскихъ губерній и Сибири, 19895 рублей въ годъ «и тако», гласитъ извѣстившій объ этой щедрой мѣрѣ указъ, «изъ прежняго оставаться имѣетъ

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59, л. 113—114, кн. 62, лл. 306, 478; другіе примѣры: въ книгахъ 59—232.

[2]) Моск. губ. канц., 59—232.

по 21323 рубля по 45 копеекъ, которыя деньги въ другихъ часто случающихся и въ штатъ неопредѣленныхъ расходахъ спомоществовать могутъ». Указъ оканчивается канцелярски витіеватымъ и изложеннымъ такъ непонятно, какъ могли выражаться только въ XVIII столѣтіи, призывомъ всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ соблюдать экономію въ расходахъ[1]). Едва ли, однако, скромная сумма въ 20000 рублей могла покрыть всѣ расходы по мѣстному управленію. Уже въ 40-хъ годахъ расходы на мѣстное управленіе значительно превышали разрѣшенную въ 1732 году цифру. Въ 1742—46 годахъ при ежегодномъ бюджетѣ доходовъ, достигавшемъ въ среднемъ 3965000 рублей, изъ ежегодныхъ окладныхъ расходовъ на мѣстную администрацію дѣлались слѣдующія выдачи:

	Руб.	Коп.
1. Петербургской губернской канцеляріи	8693	$75^{1}/_{4}$
2. Судному приказу	1177	39
3. Сыскному приказу	808	$64^{3}/_{4}$
4. Въ остальныхъ губерніяхъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и ихъ товарищамъ и прокурорамъ.	19943	90
5. Въ губерніяхъ и провинціяхъ на строеніе и починку воеводскихъ дворовъ и прочаго казеннаго строенія	5760	
6. На канцелярскіе расходы	1033	60
7. Часовымъ мастерамъ, сторожамъ и заплечнымъ мастерамъ	2104	$30^{1}/_{2}$
8. На прогоны	4135	

Къ этимъ общимъ расходамъ присоединялись нѣкоторыя спеціальныя выдачи въ отдѣльныхъ, преимущественно окраинныхъ мѣстностяхъ.

	Руб.	Коп.
9. Въ Кіевѣ на жалованье и прочія дачи	3098	$81^{1}/_{2}$
10. » Ригѣ » » » » »	47400	$85^{1}/_{2}$
11. » Ревелѣ » » » » »	7120	5
12. » Нарвѣ » » » » »	433	23
13. » Выборгѣ на » » » »	12691	85
14. » Эзельской провинціи » » »	2805	$8^{1}/_{4}$
15. » Уфимской провинціи приказнымъ служителямъ и толмачамъ.	1047	
16. » Казанской губерніи приказнымъ служителямъ при канцеляріи поселенія отставныхъ. . . .	90	
17. » Оренбургской губерніи	22798	$5^{3}/_{4}$
Всего	141131	$52^{1}/_{2}$ [2])

[1]) П. С. З., т. VIII, № 6011. Въ томъ же году было предписано всѣ излишнія деньги, остававшіяся въ видѣ экономіи отъ мѣстныхъ штатныхъ расходовъ, отсылать въ Москву къ опредѣленному для этого ген.-лейт. Волкову: П. С. З., т. VIII, № 6096. Въ канцелярію Петербургскаго генералъ-губернатора по штату 1725 г. полагалось выдавать на канцелярскіе расходы 350 руб. въ годъ, въ концѣ 20-хъ годовъ сумма эта была сокращена до 50 рублей: П. С. З., т. IX, № 6502, герольдм. конторы, кн. 127, лл. 344—346.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 169, ч. 6.

Это всего только 3,6% бюджета доходовъ, а такъ какъ большого избытка доходовъ надъ расходами не было, то можно безъ большой погрѣшности допустить, что траты по мѣстному управленію, не считая расходовъ по собиранію податей, составляли не бо́льшую пропорцію расходнаго бюджета.

По исчисленію изслѣдователей исторіи русскихъ финансовъ, въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II на внутреннюю администрацію тратилось около 2200000 рублей въ годъ, а со введеніемъ новыхъ штатовъ правительственныхъ учрежденій, съ 1 января 1764 года расходы эти увеличились до 4500000 рублей въ годъ; впрочемъ, этими цифрами выражаются общіе расходы на всю внутреннюю администрацію; собственно же на областное управленіе тратилось значительно меньше: въ 1765 году на расходы въ губерніяхъ шло изъ штатсъ-конторы 900000 рублей, составлявшіе 4% всего расходнаго бюджета. Расходы по собиранію податей были болѣе значительны и составляли въ 1762 году 14,4% расходнаго бюджета, въ 1765 году 22,2%, а въ 70-хъ годахъ возвысились до 30%[1]).

Такъ судя по общегосударственному бюджету 60-хъ годовъ, двѣ главныхъ статьи расходовъ, производившихся мѣстными учрежденіями, были очень неравномѣрными, и на собираніе государственныхъ доходовъ тратилось гораздо болѣе, чѣмъ собственно на нужды мѣстнаго управленія. Послѣдняя статья, которая должна насъ преимущественно интересовать, занимала въ государственномъ бюджетѣ Елизаветы и Екатерины скромную долю въ 3,5—4%. Воспользуемся нѣсколькими конкретными примѣрами и посмотримъ, каковы были бюджеты доходовъ областныхъ учрежденій и что расходовали они на свои нужды.

По Московской губерніи наканунѣ Екатерининской областной реформы поступало различныхъ сборовъ на сумму 3971723 руб. 82¼ копеекъ[2]), т.-е. около $^1/_7$ части всѣхъ доходовъ, поступавшихъ въ казну.

Бѣлозерская провинціальная канцелярія за первую половину 1728 года отправила свыше 28000 рублей въ центральныя казначейства, израсходовавъ, за это время, не считая скуднаго жалованья воеводѣ, его товарищу и секретарю, 78 руб. 22½ коп. на прогоны, 60 руб. на наемъ помѣщенія для склада казеннаго хлѣба, 76 руб. 27 коп. на жалованье и прогоны геодезистамъ и 91 руб. 25 коп. на жалованье отправленному въ Петербургъ для сочиненія уложенія депутату[3]).

Бюджетъ Галицкой провинціальной канцеляріи за 1776 годъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Руб.	Коп.
Оставалось на 1 января 1771 года:		
Окладныхъ сборовъ	23473	97½
Неокладныхъ сборовъ	1660	61½
Всего	25134	59

[1]) *Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 283, 284, 286. — См. еще ***Милюкова***, Очерки по исторіи русской культуры, т. I, (изд. 3-е), 127.

[2]) Гос. Архивъ, разр. XVI, д. 569.

[3]) Бѣлозер. пров. канц., оп. 20. вяз. 1, д. 13.

Приходъ.

	Руб.	Коп.
По окладу собрать надлежало	95052	90
Въ то число собрано	93892	70
Осталось въ доимкѣ	1160	20
Неокладныхъ въ 1771 году поступило	3475	76
Подлежало сбору изъ прежней доимки	1966	84$^1/_5$
Въ то число собрано	757	18$^1/_2$
Осталось въ доимкѣ	1206	12$^3/_4$
Итого въ приходѣ	98101	49$^1/_2$
А съ остаточными	123246	8$^1/_2$

Расходъ.

	Руб.	Коп.
1. Отправлено въ Москву	54781	81
2. Пересылка этихъ суммъ	187	89
3. За боченки, рогожи, холстъ и на сочиненіе книгъ	75	88$^1/_2$
4. Жалованье инвалидамъ	222	98$^1/_4$
5. Прогоны и провіантъ рекрутамъ и ихъ конвою	142	8$^1/_2$
6. Уплата за вино поставщикамъ	12014	60
7. Обратно выдано за перебранныхъ рекрутъ	111	20
8. Пенсія маіору Львову	100	—
9. Галицкимъ купцамъ Моляхинскимъ «во образъ займа» подъ вексель, который уплатить обязать въ главномъ комиссаріатѣ	9009	84
10. Жалованье мѣстной администраціи	3070	87$^1/_2$
11. Отослано съ приходу и расходу съ купечества восьмигривенныхъ денегъ	116	—
12. «подъ пашпорты на прогонъ»	2	10
Итого въ расходѣ	79416	19$^1/_2$[1])

Къ 1 января 1772 года осталось:

Окладныхъ	42253	17$^3/_4$
Неокладныхъ	1567	76$^1/_2$
Всего въ расходѣ и въ остаткѣ	123237	12$^3/_4$

Изъ довольно внушительной суммы въ 123 слишкомъ тысячи рублей на нужды самой Галицкой канцеляріи было истрачено только 3070 рублей 87$^1/_2$ копейки или около $2^1/_2\%$[2]).

[1]) Сложеніе произведено невѣрно: должно получиться 79835 руб. 26$^3/_4$ коп.

[2]) Галицк. пров. канц., оп. 7, дѣло 30, л. 7.

Приведу теперь нѣсколько данныхъ о бюджетахъ воеводскихъ канцелярій.

Изъ 1411 рублей, поступившихъ въ 1728 году въ Новоладожскую воеводскую канцелярію, на мѣстныя нужды было израсходовано около 63 рублей[1]).

Въ 1761 году въ Дмитровѣ сборы, кромѣ подушныхъ, поступили въ такомъ количествѣ:

	Руб.	Коп.
Оставалось на 1 января 1761 года:		
Окладныхъ сборовъ	616	74
Неокладныхъ сборовъ	2040	19
Въ теченіе года поступило:		
Окладныхъ сборовъ	4477	$93^1/_2$
Неокладныхъ сборовъ	8763	$70^3/_4$
Всего	15898	$57^1/_4$

Изъ этой суммы, кромѣ жалованья мѣстнымъ служащимъ и мелкихъ канцелярскихъ расходовъ, было израсходовано еще на жалованье межевщику 366 руб. 67 коп. и на постройку моста 192 руб. 75 коп.[2]).

Въ 1765 году черезъ Соликамскую воеводскую канцелярію прошло 57 тысячъ слишкомъ рублей; на мѣстѣ была израсходована ничтожная сумма[3]).

На 1 января 1780 года въ Клину числился остатокъ въ 2301 руб. 78 коп. Въ 1780 году поступило различныхъ сборовъ 27387 руб. $37^1/_2$ коп.; къ 1 января 1781 года въ остаткѣ было 1331 руб. $82^3/_4$ коп.; всѣхъ расходовъ за годъ произведено было, слѣдовательно, на 27157 руб. $32^3/_4$ коп. Изъ этихъ денегъ на жалованье воеводѣ, его товарищу, секретарю и приказнымъ служителямъ пошло по штатамъ 1763 года — 1279 руб, сержанту, капралу и солдатамъ штатной команды — 78 руб. 89 коп., на прогоны и на мелкіе канцелярскіе расходы 210 руб. 28 коп., т.-е. всего на содержаніе личнаго состава и канцеляріи — 1568 руб. 17 коп. или 5,7% всѣхъ расходовъ[4]). Мы и здѣсь не выходимъ изъ пропорцій, выяснившихся изъ данныхъ общаго государственнаго бюджета за послѣдніе годы изучаемаго періода, когда расходы на мѣстную администрацію, несомнѣнно, возросли сравнительно со второй четвертью вѣка. Но бюджеты воеводскихъ канцелярій бывали и еще меньше: весь оборотъ Вольновской воеводской канцеляріи не превышалъ 800 рублей: на мѣстные расходы изъ этой ничтожной суммы шли только, конечно, крохи[5]).

---

[1]) Новолад. воев. канц., оп. 8, вяз. 31.

[2]) Дмитров. воев. канц., вяз. 1; въ вяз. 18, бюджетъ 1768 года.

[3]) Соликам. воев. канц., оп. 19, вяз. 1.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 39.

[5]) Вольнов. воев. канц. (въ дѣлахъ Богодух. у. суда), оп. 27, вяз. 3.

Итакъ, если исключить траты по собиранію податей, то расходы областныхъ учрежденій на свое содержаніе оказываются весьма небольшими. Не даромъ даже въ 60-хъ годахъ, послѣ введенія новыхъ штатовъ, жалобы на недостаточность суммъ на мѣстные расходы слышатся даже въ донесеніяхъ Московскихъ губернаторовъ[1]). Изъ этихъ малыхъ суммъ едва ли не наибольшее количество денегъ уходило на уплату жалованья служащимъ: какъ это послѣднее ни было ничтожно, именно оно составляло важнѣйшую статью расходовъ. Слѣдующей по размѣрамъ статьей расхода воеводскихъ канцелярій были ремонтъ и постройки, — расходъ непостоянный, колебавшійся изъ года въ годъ, но, несмотря на всяческія урѣзки и экономію, неизбѣжный; затѣмъ столь же неизбѣжными были разные канцелярскіе расходы и, наконецъ, прогоны по разнымъ командировкамъ. Вотъ списокъ расходовъ Клинской воеводской канцеляріи за второе полугодіе 1741 года, въ который внесено все, кромѣ уплаты жалованья служащимъ.

	Руб.	Коп.
1. Починка присутственныхъ мѣстъ, казенныхъ зданій (дворцовъ по Петербургско-Московской дорогѣ) и мостовъ	193	52[2])
2. Писчая бумага	29	29
3. Березовыхъ дровъ 7 саженъ по 40 коп.	2	80
4. Канцеляріи пищику Семенову за сдѣланные въ канцелярію $1^1/_2$ пуда чернилъ	—	90
5. Сальныхъ свѣчей (по 6 руб. за 1000)	8	—
6. Покупка книгъ шнуровыхъ	5	—
7. Прогоны	2	79[3])

Изъ какихъ же сборовъ производились расходы по содержанію областныхъ учрежденій? Единства государственной кассы не существовало; между тѣмъ основнымъ правиломъ было, что изъ всѣхъ сборовъ, «положенныхъ въ штатъ», т.-е. предназначенныхъ для опредѣленнаго общаго государственнаго расхода, выдачъ на мѣстѣ дѣлать не дозволялось; а когда такія выдачи становились совершенно неизбѣжными, то основной сборъ осложнялся мелкими дополнительными прибавками и въ случаѣ нужды увеличивался; такъ когда ввели въ 30-хъ годахъ офицеровъ для подушнаго сбора, то для содержанія ихъ и ихъ командъ небольшой дополнительный сборъ въ $^1/_2\%$, ранѣе существовавшій для покрытія расходовъ по сбору подушныхъ, возросъ до 2%; изъ этихъ «накладныхъ денегъ» и платили жалованье офицерамъ; позднѣе, въ 50-хъ годахъ въ отступленіе отъ правилъ изъ нихъ же дѣлались различныя другія мелкія выдачи, преиму-

[1]) Госуд. Арх., разр. XVI, д. 564.

[2]) Расходъ довольно большой, потому что возводилось новое зданіе воеводской канцеляріи; между тѣмъ за 1000 кирпичей платили 2 руб. 60 коп.

[3]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1. Аналогичные примѣры: Моск. губ. канц., кн. 491—530.

щественно межевщикамъ и другимъ экстреннымъ агентамъ правительства, командируемымъ въ провинцію[1]). То же самое было и съ другими штатными сборами — таможенными, кабацкими и нѣкоторыми канцелярскими: изъ кабацкихъ, напримѣръ, или, вѣрнѣе, изъ различныхъ накладныхъ сборовъ, мало-по-малу осложнившихъ основной питейный сборъ, уплачивались расходы по ремонту и содержанію винныхъ погребовъ, расходы по пересылкѣ вина и т. п., а позднѣе, въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ можно наблюдать случаи, когда изъ кабацкихъ сборовъ дѣлались выдачи на починку зданій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ питейному дѣлу, а также на жалованье администраціи[2]).

Основнымъ источникомъ для покрытія расходовъ по содержанію областныхъ учрежденій были тѣ изъ канцелярскихъ сборовъ, которые не были «положены въ штатъ»; это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1730 году Переяславская провинціальная канцелярія расходовала на свои нужды только канцелярскія суммы, не имѣвшія спеціальнаго назначенія[3]).

Въ 1763 году въ Клину жалованье и прогоны состоявшимъ при канцеляріи капралу и штатной командѣ, жалованье межевщикамъ, ремонтъ зданій, дрова и т. п. оплачивались изъ денегъ съ оброчныхъ пустошей, рыбныхъ ловель, конскихъ пошлинъ, бань и мельницъ[4]).

Есть указанія на то, что губернскія и провинціальныя канцеляріи устанавливали бюджетъ канцелярскихъ и хозяйственныхъ расходовъ подвѣдомственныхъ имъ воеводскихъ канцелярій; такъ Московская губернская канцелярія разрѣшила Клинской канцеляріи на 1748 годъ слѣдующіе расходы: на покупку бумаги, свѣчей, чернилъ, дровъ, сургуча «и прочаго» — 30 рублей, на прогоны 5 рублей, на починку канцеляріи 3 рубля[5]).

Нѣсколько болѣе сложнымъ является вопросъ о томъ, изъ какихъ въ точности денегъ уплачивалось жалованье воеводамъ и остальному личному составу провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій; сначала въ этомъ вопросѣ замѣтны колебанія: вспомнимъ уже отмѣченные нами два указа 1739 года изъ которыхъ одинъ предписывалъ платить жалованье гражданскимъ чинамъ изъ доимки прошлыхъ лѣтъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, а второй — относилъ это жалованье на счетъ доходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ[6]). Позднѣе на это шли тѣ же «не положенные въ штатъ» канцелярскіе сборы, а также въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ нѣкоторые неокладные сборы, т.-е., главнымъ образомъ, какъ я уже выше указывалъ, разные «новоположенные» питейные сборы; жалованье производилось по ассигновкамъ изъ штатсъ-конторы или изъ

[1]) П. С. З., IX, № 6872, ст. 5; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1—39.

[2]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 17.

[3]) Переясл. пров. канц., оп. 7, вяз. 15.

[4]) Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 17.

[5]) Клин. воев. канц., вяз. 9. (Книга доношеній о взносѣ канцелярскихъ сборовъ).

[6]) П. С. З., X, №№ 7813, 7935; см. стран. 186—187.

губернской канцеляріи, гдѣ сосредоточивались значительныя суммы этихъ сборовъ: ассигновки на жалованье служащимъ самихъ губернскихъ канцелярій составлялись ихъ «присудствіемъ»[1]).

Только со введеніемъ штатовъ 1763 года появился опредѣленный источникъ для уплаты жалованья областной администраціи: это были по преимуществу мелкіе косвенные налоги, которые должны были, по господствовавшему въ тогдашнихъ финансахъ обыкновенію, спеціально расходоваться на уплату жалованья служащимъ на государственной гражданской службѣ. Въ составъ ихъ входили:

1. Прибавочныя на пиво и медъ — по 30 копеекъ на ведро.
2. Крѣпостныя и наслѣдственныя пошлины съ земли — старая 3 копейки съ каждой четверти, «а сверхъ того при письмѣ и совершеніи крѣпостей брать съ каждой: кои до 100 рублей — по 10 копеекъ, до 1000 рублей — 50 копеекъ, отъ 1000 и больше — по одному рублю.
3. Съ явки, кто пива и полпива варить пожелаетъ, съ каждой четверти употребляемаго для варки пива — по 2 копейки.
4. Откупъ съ гостинницъ или, какъ ихъ тогда называли, «герберговъ»
5. 8 % со всѣхъ протестованныхъ векселей.
6. Пошлины со всякаго рода челобитій: съ явочныхъ по 25 копеекъ, съ исковыхъ по 3 рубля, съ апелляціонныхъ по 6 рублей.
7. Увеличенные сборы съ амбаровъ, лавокъ, кузницъ и прочихъ оброчныхъ мѣстъ, которыя подлежатъ переоброчкѣ.
8. Съ фабричныхъ становъ по 1 рублю съ каждаго, а съ такихъ фабрикъ, гдѣ становъ нѣтъ — по 1 % съ оборотнаго капитала.
9. Со всѣхъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, съ домны по 100 рублей, а съ мѣдно-плавильной печи по 5 рублей.
10. Увеличенныя пошлины съ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ: вмѣсто прежнихъ 2 копеекъ предписывалось взимать: съ годового паспорта по 10 копеекъ, съ двухгодового по 50 копеекъ, съ трехгодового по 1 рублю.
11. Пошлины съ патентовъ на чины: съ субалтернъ офицеровъ — 25 копеекъ, съ капитановъ и секундъ-маіоровъ — 1 рубль, съ премьеръ-маіоровъ и подполковниковъ — 3 рубля, съ полковниковъ — 5 рублей, съ бригадировъ 20 рублей, съ генералъ-маіоровъ — 30 рублей, съ генералъ-поручиковъ — по 40 рублей, съ генералъ-аншефовъ — 50 рублей, съ фельдмаршаловъ — 100 рублей, а съ статскихъ чиновъ въ разсужденіе, что они не по чинамъ, но по мѣсту, а слѣдственно больше своего чина жалованье получаютъ — брать противъ воинскихъ вдвое.
12. Пошлины съ дипломовъ на графство — 100 рублей, на дворянство и баронство — по 50 рублей.

---

[1]) Моск. губ. канц., кн. 59; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 39. Сб. Р. И. О. CXXXVIII, 87.

13. Пошлины съ жалуемыхъ земель и душъ — по 5 рублей съ гака (въ Балтійскомъ краѣ) и по 25 копеекъ съ души мужского пола (въ собственной Россіи).
14. Увеличенныя пошлины съ кубовъ и казановъ для куренія вина: по 40 копеекъ съ ведра; а если вино курное для своего домашняго обихода, то пошлина взимается по 25 копеекъ съ ведра.
15. Пошлины съ мельницъ — въ размѣрѣ 10% частной прибыли.
16. Доходы съ вновь учрежденной казенной монополіи на клей.
17. Прежде положенные на жалованье обрѣтающимся при подушномъ сборѣ офицеровъ 2% съ подушной подати; несмотря на упраздненіе офицеровъ при подушномъ сборѣ, эти 2% собирались попрежнему и поступали на уплату жалованья администраціи.
18. Гербовый сборъ, увеличенный вдвое[1]).

Если отдать себѣ отчетъ въ томъ, что представляли изъ себя всѣ перечисленные сейчасъ сборы, то не будетъ стоить большого труда убѣдиться, что, въ большинствѣ случаевъ, они не были совсѣмъ новыми; это нѣкоторые изъ канцелярскихъ сборовъ и ранѣе шедшіе на уплату жалованья, но теперь увеличенные, и прибавочные сборы съ вина, которые, какъ мы видѣли, въ послѣдніе годы передъ штатами 1763 года, такъ же нерѣдко уже употреблялись на уплату жалованья. Такъ какъ поступленіе сборовъ на жалованье оказалось недостаточнымъ въ первый же годъ по введеніи новыхъ штатовъ, а жалованье все-таки уплачивалось, то надо полагать, что дефицитъ, который въ 1764 году опредѣлился въ 700 тысячъ рублей, въ послѣдующіе годы пополнялся быстро возраставшими питейными сборами[2]).

Изучая составъ денежныхъ источниковъ, опредѣленныхъ въ 1763 году на уплату жалованья гражданскимъ чиновникамъ, можно притти къ выводу, что законъ 1763 года былъ болѣе точнымъ опредѣленіемъ, фиксаціей и усиленіемъ такихъ денежныхъ ресурсовъ, которые и ранѣе, въ большинствѣ случаевъ, уже предназначались для той же цѣли. Можетъ возникнуть еще одинъ вопросъ: какъ поступали съ тѣми сборами, которые разрѣшалось тратить на содержаніе областныхъ учрежденій: расходовались ли они всегда прямо на мѣстѣ, причемъ отъ высшихъ степеней областного управленія требовалось только предварительное на то разрѣшеніе, или же всѣ сборы пересылались въ губерніи, или даже въ центральныя учрежденія, которыя уже сами дѣлали ассигнованія на жалованье. Можно думать, что до штатовъ 1763 года въ практикѣ наблюдался и тотъ и другой порядокъ; но постепенно развивавшееся стремленіе

---

[1]) П. С. З., XVI, № 11988 (1763 г. дек. 15); подтвержденія пункта 17-го: П. С. З., т. XVII, № 12414 и т. XVIII, № 12929; см. также *Соловьева*, V, т. XXV, 1480—1482.

[2]) Въ 1764 г. всѣхъ сборовъ на жалованье поступило 615.041 рублей 97½ копеекъ, а по штатамъ требовалось 1.300000. *Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 260—261, 287. (Сб. Р. И. О. т. V, стран. 224).

сосредоточить источники уплаты жалованья въ одной центральной кассѣ должно было брать вверхъ: манифестъ 1763 года уже предписываетъ всѣ сборы на уплату жалованья пересылать въ штатсъ-контору, которая сама распредѣляетъ суммы, необходимыя для вознагражденія гражданскихъ чиновниковъ всей имперіи, служащихъ не только по областному, но и по центральному управленію. Значитъ, и въ этомъ вопросѣ роль областныхъ учрежденій, въ концѣ концовъ, ограничивается пересылкой денегъ въ центральныя учрежденія; на это указываетъ и денежная отчетность областныхъ учрежденій, въ которой уплата жалованья лишь очень рѣдко указывается рядомъ съ расходами хозяйственными и канцелярскими. Впрочемъ, и въ 60-хъ годахъ еще замѣтна неустойчивость взглядовъ по изложенному сейчасъ вопросу. На ряду съ стремленіемъ къ централизаціи государственной кассы, которыя уже чувствуются въ манифестѣ 15 декабря 1763 года, указъ 11 октября 1764 года, предписывавшій упраздненіе нѣкоторыхъ городовъ и сліяніе нѣкоторыхъ уѣздовъ съ сосѣдними въ цѣляхъ уравненія территоріи уѣздовъ и количества денежныхъ суммъ, поступавшихъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, мотивируетъ это между прочимъ тѣмъ, что сборъ на жалованье служащимъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ «всегда въ свое время на раздачу былъ достаточенъ»[1]). Другіе экстренные и непредвидѣнные расходы на мѣстныя нужды сверхъ тѣхъ, которые сейчасъ отмѣчены, власти разрѣшали туго и всегда съ напоминаніемъ «производить ихъ безъ излишества»[2]).

Дѣятельность областныхъ учрежденій, какъ казначействъ, совершавшихъ пріемъ и выдачу денегъ, была обставлена всѣми возможными гарантіями правильности и закономѣрности. Мы уже видѣли порядокъ взноса платежей, обставленный «прошеніями», «доношеніями», выдачей квитанцій. То же самое было и при уплатѣ денегъ: каждая выдача совершалась не иначе, какъ по опредѣленію губернаторскаго или воеводскаго присутствія, совершалась подъ росписку; квитанція въ пріемѣ требовалась и отъ того учрежденія, въ которое какая-нибудь канцелярія пересылала казенныя деньги. Наконецъ, въ болѣе позднее, по крайней мѣрѣ, время происходило освидѣтельствованіе казны и повѣрка суммъ, находившихся въ данномъ учрежденіи[3]).

Значительность суммъ, проходящихъ и пересылаемыхъ черезъ кассы областныхъ учрежденій, и, наоборотъ, крайняя ничтожность суммъ, расходуемыхъ по усмотрѣнію мѣстныхъ властей — таковы отличительные признаки всѣхъ областныхъ канцелярій, какъ мѣстныхъ казначействъ. Конечно, между канцеляріей губернской и мелкой воеводской канцеляріей какого-нибудь захолустья есть разница; но сдѣланный выводъ все-таки не колеблется: въ этомъ наглядно выражается значеніе областныхъ

[1]) П. С. З., XVI, № 12259.

[2]) П. С. З., XIII, № 9810.

[3]) Моск. губ. канц., кн. 59—232; Галицк. пров. канц., оп. 2, вяз. 48; Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 1—39. Наказъ 1728 г., П. С. З., VIII, № 5333, ст. 28, 30.

учрежденій, какъ тѣхъ каналовъ, которые приносили деньги изъ страны въ центральныя кассы.

Однако, не оказывали ли пересыльныя казначейства, какими были областныя учрежденія, вліянія на самихъ казначеевъ? Возможность ворочать большими суммами при необычайно мелочной регламентаціи отношенія къ деньгамъ и при главной задачѣ только исправно пересылать ихъ вверхъ по лѣстницѣ учрежденій не заставляла ли, воеводъ, губернаторовъ и ихъ помощниковъ разныхъ званій и ранговъ изворачиваться и изобрѣтать всякіе способы «коснуться» денегъ вопреки закону и въ обходъ его? Вопросъ этотъ разрѣшить, конечно, трудно, но онъ самъ собой приходитъ въ голову. Добавимъ еще, что единства кассы въ областныхъ учрежденіяхъ было такъ же мало замѣтно, какъ и въ центральномъ управленіи; суммы по отдѣльнымъ сборамъ хранились особо одна отъ другой, и канцеляристы, завѣдывавшіе ими, отчитывались передъ своимъ мѣстнымъ начальствомъ каждый отдѣльно.

Что всѣмъ областнымъ учрежденіямъ принадлежало право заключать договоры по различнымъ подрядамъ и поставкамъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; и въ наше время правительственныя учрежденія правомъ этимъ пользуются. Однако, между соотвѣтственными правами учрежденій современныхъ и учрежденій XVIII вѣка есть существенная разница. Въ настоящее время учрежденіе вступаетъ въ договоры, отдаетъ подряды, поставки и т. п. по дѣламъ, касающимся или его самого, или того вѣдомства, къ которому оно принадлежитъ. Областныя учрежденія XVIII вѣка были единственными общими органами мѣстнаго управленія и потому они являлись агентами если не всѣхъ, то очень многихъ вѣдомствъ и ихъ центральныхъ органовъ, коллегій: на это уполномочивалъ ихъ и наказъ 1728 года[1]). Междувѣдомственный характеръ областныхъ учрежденій, выражаясь языкомъ нашего времени, какъ нельзя лучше сказывается въ занимающей насъ сейчасъ отрасли ихъ дѣятельности. Разумѣется, и здѣсь нельзя обойтись безъ оговорокъ. Чѣмъ мельче органъ областного управленія, тѣмъ фактически тѣснѣе его дѣятельность, тѣмъ менѣе у него случаевъ и возможности выступить агентомъ по подряду, имѣющему широкій, иногда государственный интересъ. Зато крупныя областныя учрежденія несутъ многочисленныя и сложныя обязанности по части подрядовъ: Московская, напримѣръ, губернская канцелярія не только сдаетъ подряды на переплетъ канцелярскихъ книгъ, на поставку свѣчъ и сургуча, на починку Кремлевскихъ стѣнъ и т. п.[2]), но она по порученію коллегіи сдаетъ крупные подряды на поставку вина, на поставку провіанта и т. п. То же самое дѣлаетъ крупная провинціальная канцелярія: такъ, въ концѣ 20-хъ годовъ Ярославская провинціальная канцелярія должна была сдавать крупные подряды на поставку провіанта для войскъ[3]). Техника этой отрасли дѣятельности областныхъ учрежденій

[1]) П. С. З., VIII, № 5333, ст. 29.

[2]) Моск. губ. канц., кн 64, л. 82—83, кн. 191, л. 61, вяз. 1653, д. 33.

[3]) Дѣла сената, кн. 16/232, л. 597—603; П. С. З., VIII, № 5482.

была, кажется, болѣе или менѣе всегда одинаковой: — объ условіяхъ и о времени производства торга издавались заблаговременно публикаціи; затѣмъ въ назначенное время въ губернаторскомъ или воеводскомъ присутствіи происходили торги, которыми рѣшалось дѣло. Но дѣло не ограничивалось сдачей подрядовъ для надобностей различныхъ вѣдомствъ. Иногда областнымъ учрежденіямъ приходилось принимать участіе въ платежахъ и разсчетахъ по подрядамъ и поставкамъ, касавшимся совсѣмъ другихъ учрежденій и другихъ мѣстностей страны. Такъ Сѣвская провинціальная канцелярія въ 1760 году выдавала десятки тысячъ денегъ въ уплату за муку, овесъ и другіе запасы, которые надо было поставить въ Петербургѣ и другихъ городахъ по договору, заключенному въ столицѣ[1]).

Мнѣ не разъ приходилось говорить уже о томъ, что областныя учрежденія въ отдѣльныхъ отрасляхъ своей дѣятельности состояли одновременно въ подчиненіи различнымъ центральнымъ установленіямъ. Въ области финансовой разноподчиненность давала себя чувствовать особенно сильно: подушные сборы дѣлали губернаторовъ и воеводъ подвѣдомственными военной коллегіи, кабацкіе — камеръ-коллегіи, таможенные — коммерцъ-коллегіи, и тѣ и другіе вмѣстѣ, — кромѣ того, еще адмиралтейской коллегіи, такъ же какъ и канцелярскіе, поступавшіе на флотъ; судебныя пошлины находились въ вѣдѣніи юстицъ-коллегіи, соляные сборы — въ вѣдѣніи главной соляной конторы, экономическіе — въ вѣдѣніи коллегіи экономіи; расходованіе суммъ стояло въ зависимости отъ штатсъ-конторы, повѣрка книгъ и документовъ — отъ ревизіонъ-коллегіи, куда обязательно шли изъ всѣхъ канцелярій воеводскихъ, провинціальныхъ и губернскихъ окладныя приходныя и расходныя книги, реестры и всѣ прочія части финансоваго дѣлопроизводства мѣстныхъ учрежденій[2]); въ дѣлѣ подрядовъ губернаторы и воеводы могли зависѣть отъ каждаго изъ помянутыхъ сейчасъ учрежденій; наконецъ, независимо отъ всего оставался надзоръ сената, которому областныя власти были подчинены въ каждомъ шагѣ ихъ дѣятельности. Я не говорю уже о верховномъ тайномъ совѣтѣ и кабинетѣ, временно присвоявшихъ себѣ власть надъ всѣми учрежденіями имперіи. Если мы къ этому прибавимъ, что въ 1737 году всѣ коллегіи получили право налагать на губернаторовъ и воеводъ штрафы за неисправное исполненіе ихъ требованій[3]), то картина отношеній къ высшимъ установленіямъ будетъ полная.

---

[1]) Сѣвск. пров. канц., оп. 46, вяз. 5.

[2]) Образцы исполненія этой обязанности областныхъ учрежденій. — См. Клин. воев. канц., оп. 1, вяз. 3, 17, 22, 23: обычно книги возвращались изъ ревизіонъ-коллегіи въ учрежденіе, ихъ выславшее, съ такой помѣтой «сія книга (счетъ, вѣдомость) въ ревизіонъ коллегіи со щетомъ и съ документами свидѣтельствована и впредь для справки послана въ такую то канцелярію.

[3]) П. С. З., т. X, № 7240; въ 1762 г. право адмиралтейской коллегіи налагать штрафы на мѣстныя власти, не представляя объ этомъ сенату, было подтверждено. П. С. З., т. XVI, № 11703.

Нажимъ сверху, исходившій при этомъ не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ учрежденій давалъ себя особенно чувствовать въ дѣлѣ взысканія недоимокъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ послѣднемъ вопросѣ и приведемъ въ качествѣ иллюстраціи нѣкоторыя важнѣйшія распоряженія, касавшіяся собиранія недоимокъ и участія въ этомъ дѣлѣ губернаторовъ и воеводъ; необходимость для каждаго изъ нихъ удовлетворить всѣ высшія власти сразу станетъ очевидной. 30 апрѣля 1730 года правительствующій сенатъ приказалъ «въ губерніяхъ и провинціяхъ собранныхъ и впредь собираемыхъ отъ доимки на прошлые годы всякихъ сборовъ въ положенныя мѣста до предбудущаго указа никуда не отпускать», никуда не расходовать, а о количествѣ этихъ денегъ доносить сенату и камеръ-коллегіи ежемѣсячно[1]). Въ 1732 году недоимками занялись особенно усердно. Уже въ августѣ дѣло горячо обсуждалось въ кабинетѣ и сенатѣ[2]); затѣмъ отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ. Сначала громы посыпались на Московскую губернію, вѣроятно, потому что, какъ это и признается въ нѣкоторыхъ указахъ той эпохи, Московская губернія еще была главной плательщицей во всей странѣ. 26-го сентября офицеры, обрѣтавшіеся на вѣчныхъ квартирахъ получили повелѣніе слѣдить за составленіемъ воеводами вѣдомостей и рапортовъ о доимкахъ «и на воеводахъ всякія взысканія и слѣдствія имѣть безъ всякаго послабленія и упущенія»[3]). Нѣсколько дней спустя принимаются еще болѣе суровыя мѣры, но уже относящіяся ко всей имперіи: «въ губерніи и провинціи о присылкѣ рапортовъ и вѣдомостей о приходѣ и расходѣ подтвердить крѣпкими указами» и впредь до доставленія требуемыхъ документовъ велѣть нарочно посланнымъ держать неисправныхъ не только воеводъ, но и губернаторовъ «въ канцеляріяхъ подъ карауломъ безъ выпуску, а секретарей и подъячихъ — скованными»[4]). 4 дня спустя, 10-го октября, въ высшихъ сферахъ выяснилось, что въ дѣлѣ собиранія недоимокъ по кабацкимъ, таможеннымъ и канцелярскимъ сборамъ «губернаторовъ и воеводъ слабые поступки и указовъ нашихъ небреженіе явно оказались», вслѣдствіе чего приказано штрафовать ихъ неотмѣнно[5]). 18-го октября изъ сената посылаются за счетъ губернаторовъ и воеводъ нарочные унтеръ-офицеры, которые должны всѣ вѣдомости о доимкахъ взыскать съ воеводъ въ недѣлю; если же выяснится, что губернаторы не получаютъ требуемыхъ документовъ отъ подчиненныхъ имъ воеводъ, то они сами отъ себя черезъ своихъ посланцевъ имѣютъ право держать подъ арестомъ воеводъ, а прогоны берутъ изъ собственныхъ воеводскихъ пожитковъ[6]). 23-го октября новый указъ: губернаторамъ и воеводамъ взыскивать недоимки, накопившіяся съ 1724 по 1732 годъ на архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ въ размѣрѣ

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 5529.
[2]) Сб. Р. И. О., т. CIV, стран. 405.
[3]) П. С. З., т. VIII, № 6194.
[4]) П. С. З., т. VIII, № 6219.
[5]) П. С. З., т. VIII, № 6221.
[6]) П. С. З., т. VIII, № 6231.

81127 руб. 66 коп.; при этомъ они уполномочиваются «приказныхъ, стряпчихъ и управителей «держать за карауломъ и бить на правежѣ», а если и при этихъ условіяхъ доимка не будетъ выбрана, то монастырямъ грозитъ вычетъ изъ положеннаго имъ содержанія»[1]). Такъ добивался сенатъ уплаты недоимокъ по важнѣйшимъ государственнымъ сборамъ; но одновременно съ сенатомъ обрушивались на областныя власти и другія центральныя учрежденія, вѣдавшія сборы болѣе частнаго характера: соляная контора доносила, что «нарочные отъ гвардіи курьеры», разосланные ею по всѣмъ губерніямъ, пишутъ, что «по предложеніямъ ихъ въ губерніяхъ слабо поступаютъ, а воеводы по посланнымъ изъ губерній указамъ о многомъ не исполняютъ и не рапортуютъ». Немедленно, 2-го октября, издается суровое повелѣніе исполнять всѣ законныя требованія посланныхъ отъ соляной конторы, а если для понужденія губернаторовъ и воеводъ или пресѣченія тайнаго провоза соли на заставы потребны будутъ воинскія команды, то посланные гвардейцы имѣютъ право безпрепятственно брать ихъ изъ обрѣтающихся по городамъ на квартирахъ полковъ[2]). 10-го октября въ губерніи и провинціи «накрѣпко» подтверждается, чтобъ чинено было немедленное исполненіе и по указамъ канцеляріи конфискаціи[3]). Весною слѣдующаго года императрица утвердила предложеніе сената взыскивать всѣ недоимки на откупщикахъ и ихъ поручителяхъ, а если этого почему-нибудь нельзя сдѣлать, то взыскивать ихъ на областныхъ правителяхъ всѣхъ ранговъ; въ обезпеченіе платежной способности штрафуемыхъ правителей, губернаторамъ и воеводамъ, занимавшимъ мѣста съ 1719 года по 1732 годъ запрещается продавать и закладывать свои недвижимыя имѣнія[4]). Два мѣсяца спустя появляется новое учрежденіе, спеціально завѣдующее сборомъ недоимокъ, — доимочный приказъ, который вскорѣ затѣмъ получаетъ право присылать приказы областнымъ учрежденіямъ[5]). Въ 1734 году детально регламентируются порядокъ взиманія штрафа съ областныхъ правителей и количество его, платимое каждымъ членомъ областной администраціи[6]). Въ 1735 году опять новый рядъ указовъ: 23-го января — предписаніе взыскать всѣ недоимки подушнаго

---

[1]) П. С. З., т. VIII, № 6237.

[2]) П. С. З., т. VIII, №№ 6198, 6207.

[3]) П. С. З., т. VIII, № 6223.

[4]) П. С. З., т. IX, № 6358, ст. 81, 5.

[5]) П. С. З., т. IX, №№ 6412, 6450; доимочный приказъ просуществовалъ около 3 лѣтъ послѣ чего былъ присоединенъ къ канцеляріи конфискаціи (31 янв. 1736 г. П. С. З., IX, № 6880).

[6]) Штрафныя суммы раскладывались слѣдующимъ образомъ:

1. Въ губерніяхъ гдѣ имѣется губернаторъ и вице-губернаторъ: первый платитъ $^1/_2$ штрафной суммы, второй $^1/_4$, секретарь $^1/_6$, подъячій, который то дѣло производилъ — $^1/_{12}$.

2. Въ губерніяхъ, гдѣ имѣется вице-губернаторъ и два товарища: вице-губернаторъ $^1/_3$; два товарища ($^1/_6$: $^1/_6$) $^1/_3$; секретарь $^2/_9$; подъячій $^1/_9$.

3. Въ губерніяхъ, гдѣ имѣется вице-губернаторъ и 1 товарищъ: вице-губернаторъ — $^1/_2$; товарищъ $^1/_4$; секретарь $^2/_{12}$; подъячій $^1/_{12}$.

сбора въ трехмѣсячный срокъ, а по всѣмъ остальнымъ сборамъ — взыскивать согласно указамъ доимочнаго приказа и рапортовать туда о ходѣ поступленій ежемѣсячно[1]).

По поводу приведенныхъ сейчасъ распоряженій можно, пожалуй, возразить, что дѣятельность правительства по сбору недоимокъ въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, а слѣдовательно, и нажимъ, производимый имъ на областныхъ правителей, не могутъ считаться нормальными показателями взаимныхъ отношеній центральнаго и областного управленія: вѣдь это было время, когда вопросъ о недоимкахъ былъ въ наиболѣе трудномъ, почти безнадежномъ состояніи и вмѣстѣ съ тѣмъ время дѣятельности энергичнаго оберъ-прокурора сената Анисима Маслова[2]). Дѣйствительно, такой энергіи въ выколачиваніи недоимокъ мы въ другое время, можетъ-быть, не встрѣтимъ, но и остальные годы царствованія Анны богаты указами, «понуждающими» губернаторовъ и воеводъ къ сбору недоимокъ. Въ 1736 году послѣдовало, напримѣръ, новое подтвержденіе губернаторамъ и воеводамъ собирать доходы бездоимочно, какъ за текущій годъ, такъ и за предыдущіе, опять подъ угрозой штрафовъ и конфискацій недвижимаго имущества[3]). Въ 1737 году, какъ мы уже знаемъ, всѣмъ коллегіямъ дано было право штрафовать областныя власти за неисправныя донесенія[4]). Къ этому же году относится одинъ очень характерный указъ, показывающій, какъ высшее правительство смотрѣло на губернію. Казанская губернская канцелярія донесла военной коллегіи, «якобы по многимъ указамъ изъ городовъ той губерніи о наличной денежной казнѣ вѣдомостей не присылаютъ и ни о чемъ не отвѣтствуютъ». Сенатъ объявилъ ей выговоръ: «и о томъ оной канцеляріи въ военную коллегію и писать не надлежало, чего и впредь не чинить и за такія неисправности воеводъ штрафовать по указамъ: ибо за всю губернію должна отвѣтъ дать оная губернская канцелярія»[5]). Въ январѣ 1738 года опять встрѣчаемъ подтвержденіе о сборѣ всѣхъ недоимокъ въ мѣсячный срокъ, съ угрозой въ противномъ случаѣ взыскать недоимки съ процентами и съ оштрафованіемъ помѣщиковъ[6]). такъ какъ и этотъ указъ очевидно не помогъ дѣлу, то полгода спустя областныя власти дѣйствительно получили предписаніе

4. Въ губерніяхъ, гдѣ при вице-губернаторѣ товарищей нѣтъ: вице-губернаторъ — 2/3; секретарь 2/9; подъячій 1/9.

5. Въ провинціальныхъ городахъ (противъ 2, 3, 4 пунктовъ (съ воеводы, товарища, секретаря и подъячаго).

6. Въ уѣздныхъ городахъ — воевода платитъ 3/4, подъячій 1/4. П. С. З., т. IX, № 6584; подтвержденіе 1739 г.: П. С. З., т. X, № 7946.

[1]) П. С. З., т. IX, №№ 6675, 6676.

[2]) *Строевъ*, Бироновщина, 104 и слѣд., *Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, IV, 415, 416.

[3]) П. С. З., т. IX, № 7037.

[4]) П. С. З., т. IX, № 7240.

[5]) П. С. З., т. X, № 7408.

[6]) П. С. З., т. X, № 7494.

взыскивать недоимки на самихъ помѣщикахъ[1]). Въ 1739 году было издано не менѣе пяти подтвержденій прежнихъ указовъ о сборѣ недоимокъ, при чемъ снова указывалось, что недоимки «сполна не собираются ни отъ чего иного какъ отъ слабости и понаровки губернаторовъ и воеводъ»[2]). Удѣляя, какъ всегда, большое вниманіе подушной доимкѣ, правительство въ этомъ году особенно налегало на взысканіе адмиралтейскихъ сборовъ и для ихъ успѣшнаго собиранія вновь возвратилось къ прежней идеѣ создать спеціальное учрежденіе для сбора недоимокъ, образовавъ для взысканія адмиралтейской доимки и доимки сборовъ подлежащихъ до штатсъ-конторы и артиллерійской канцеляріи особую доимочную комиссію при сенатѣ[3]). Я не буду повторять такихъ же подтвержденій и понужденій, изданныхъ въ 1740 и 1741 годахъ[4]); достаточно сказать, что въ эти годы сенатъ и кабинетъ не стѣснялись фактически штрафовать губернаторовъ за недостаточно энергичный сборъ недоимокъ[5]). Кончина Анны Ивановны не измѣнила положенія дѣлъ, потому что при Аннѣ Леопольдовнѣ политика въ дѣлѣ собиранія «доимки» измѣнилась мало.

Финансы Елизаветинскаго времени были лучше, чѣмъ при Аннѣ, но и при дочери Петра, въ особенности въ первые годы ея царствованія, приходилось признавать, что несмотря на многіе указы и на отправку экстренныхъ агентовъ и подушные и другіе сборы поступаютъ неисправно и что «въ недоборѣ состоитъ великая сумма». Посылка нарочныхъ агентовъ, офицеровъ «у понужденія», оказывалась безполезной, «ибо за ихъ житьемъ никакого въ томъ почти плода не происходитъ». Средства, пущенныя въ ходъ въ 1742 году для взысканія накопившихся недоимокъ, ничѣмъ не отличаются отъ практиковавшихся при Аннѣ; на смѣну негодныхъ нарочныхъ послали еще новыхъ 20 гвардейскихъ солдатъ съ полномочіями «губернаторовъ съ товарищи держать въ канцеляріяхъ безъ выпуску», а воеводъ, секретарей и офицеровъ при подушномъ сборѣ даже скованныхъ. На неисправныхъ, кромѣ того, былъ наложенъ штрафъ — на губернаторовъ и вице-губернаторовъ въ 100 рублей, на провинціальныхъ воеводъ въ 50 рублей, на городовыхъ по 25 рублей, а офицеровъ при подушномъ сборѣ военная власть, какъ подчиненныхъ себѣ, могла штрафовать по своему усмотрѣнію[6]). Въ концѣ того же года и началѣ 1743 года опять понужденія и опять прежнія средства — угрозы взыскивать недоимки съ помѣщиковъ и наложеніе новыхъ штрафовъ на областныхъ правителей[7]). Не осталась безъ вниманія къ недоимкамъ и великая Екатерина, издавшая не одинъ указъ, напоминавшій

[1]) П. С. З., т. X, № 7632.

[2]) П. С. З., т. X, №№ 7731, 7739, 7832, 7848, 7946.

[3]) П. С. З., т. X, № 7676.

[4]) П. С. З., т. XI, №№ 8000 (10 янв. 1740), 8186 (29 іюля), 8273 (31 іюля), 8427 (3 авг. 1741 г.).

[5]) Сб. Р. И. О. т. CXXXVIII, стран. 372, 403.

[6]) П. С. З, XI., № 8609 (31 авг. 1742 г.). *Соловьевъ*, V, т. XXI, 153—154, 205.

[7]) П. С. З., т. XI, №№ 8682, 8709. Моск. губ. канц., вяз. 1675, д. 83.

областнымъ властямъ о ихъ обязанностяхъ по сбору недоимокъ и по наблюденію за тѣмъ, чтобы всѣ сборы поступали въ исправности[1]).

Мы разсмотрѣли напоминанія, понужденія и угрозы, съ которыми правительство обращалось къ областнымъ властямъ по одному только вопросу о сборѣ недоимокъ; ихъ очень много, но, конечно, я перечислилъ далеко не всѣ указы, изданные въ изучаемое пятидесятилѣтіе. Если собрать ихъ всѣ, если прибавить къ нимъ подобныя же угрозы, взысканія и понужденія по текущимъ поступленіямъ, по другимъ дѣламъ финансоваго надзора и контроля, по пересылкѣ собранныхъ суммъ, по части подрядовъ и поставокъ, то мы должны будемъ предположить одно изъ двухъ: или областныя власти были совершенно терроризованы и вовсе потеряли всякій проблескъ иниціативы и энергіи въ дѣлахъ финансоваго управленія, или же безпрестанныя угрозы штрафомъ и арестомъ притупили въ нихъ всякую чувствительность къ подобнаго рода воздѣйствіямъ высшей власти. Впрочемъ, результаты въ обоихъ случаяхъ должны были получиться одинаковые и они не могли содѣйствовать успѣшной дѣятельности областныхъ учрежденій.

Есть, впрочемъ, и другія основанія полагать, что дѣятельность губернаторовъ и воеводъ въ области финансоваго управленія не могла быть особенно успѣшной. Какъ мы видѣли, всѣ они, безъ различія ранговъ несли четыре, совершенно различныхъ, а иногда и шедшихъ одна другой въ разрѣзъ функціи: они были сборщиками податей, контролерами за сборами, казначеями и агентами по подрядамъ; какъ контролеры надъ сборами, они нерѣдко должны были слѣдить за самими собой и повѣрять собственную дѣятельность. Не только въ одной ихъ дѣятельности, какъ агентовъ по сдачѣ подрядовъ, но и во всей ихъ финансовой дѣятельности ярко сказывалась одна коренная черта: они были единственными органами общаго управленія и не могли справиться со всѣми тѣми порученіями и задачами, которыя не нихъ возлагались. И въ другомъ отношеніи область финансовой ихъ дѣятельности была особенно трудной: отчетъ въ крупныхъ денежныхъ суммахъ — дѣло нелегкое и въ наше время финансовой науки и ученой бухгалтеріи, а когда люди, въ сущности не подготовленные къ той сложной финансовой дѣятельности, какая выпадала на ихъ долю, становились губернаторами и воеводами, они просто были не въ силахъ съ ней справиться; я совершенно устраняю вопросъ о злоупотребленіяхъ; если же принять въ расчетъ эту сторону дѣла, то фонъ картины еще темнѣетъ. Наконецъ, независимо отъ того, какъ воспринимали областные правители и ихъ канцелярія различныя внушенія высшаго начальства, уже одно то, что всѣ высшія учрежденія имѣли право грозить имъ, объявлять выговоры, а съ 1737 года и штрафовать ихъ, должно было часто лишать областныя власти необхо-

---

[1]) П. С. З., т. XVI, № 12202 (1764 г.); т. XVII, №№ 12700, 12789, 12805 (1766 г.); т. XVIII, № 13155 (1768 г.); т. XIX, №№ 13438 (1770 г.); 13606 (1771 г.); о льготахъ по сбору подушныхъ въ XVIII вѣкѣ, см. *Чечулина*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ, 33, 34, 98, 134, 135, 142, 143.

димаго во всякой дѣятельности спокойствія и самообладанія и создавало чувство какой-то раздерганности, которое такъ живо чувствуется въ не разъ приводившихся на страницахъ этой книги жалобахъ А. Б. Бутурлина на печальное положеніе губернатора.

Говоря о дѣятельности областныхъ учрежденій въ области финансоваго управленія, я ни разу не сравнивалъ ее съ такой же дѣятельностью русскихъ областныхъ правителей XVII вѣка. Необходимо заполнить этотъ пробѣлъ. Къ вѣдомству воеводъ въ XVII столѣтіи относились: 1) сборъ податей, 2) земскія повинности, 3) сборъ пошлинъ, 4) надзоръ за таможеннымъ и кабацкимъ управленіемъ, 5) управленіе казенными оброчными статьями и промыслами, 6) денежное дѣло, 7) пріобрѣтеніе, храненіе и продажа казенныхъ запасовъ, 8) производство расходовъ: вотъ выводы, къ которымъ пришелъ изслѣдователь областныхъ учрежденій допетровской эпохи[1]). Воеводы принимали видное и дѣятельное участіе въ организаціи прямого и косвеннаго обложенія и вѣдали всѣ текущіе прямые сборы и недоимки по нимъ, взыскивая ихъ подобно своимъ преемникамъ XVIII вѣка, «безо всякія пощады». Надзоръ за поступленіемъ прямыхъ налоговъ и за организаціей сбора налоговъ косвенныхъ принадлежалъ имъ всецѣло, — я разумѣю здѣсь надзоръ за откупами и вѣрной службой по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ; распоряженіе оброчными статьями, отдача ихъ въ аренду и на откупъ были постояннымъ предметомъ ихъ занятій. «Воеводамъ поручалось иногда производство торговъ по казеннымъ подрядамъ»[2]); это дѣлалось преимущественно въ военное время, когда войску нужны были припасы: буквально то же дѣлали и воеводы XVIII вѣка. Приказная палата или съѣзжая изба, подобно губернской, провинціальной и воеводской канцеляріямъ, была мѣстнымъ казначействомъ. Единственно чего не имѣли право дѣлать губернаторы и воеводы XVIII вѣка, это вѣдать «денежное дѣло», т.-е. завѣдывать чеканкой монеты, какъ это дѣлали Новгородскіе и Псковскіе воеводы предыдущаго столѣтія[3]). Сомнѣніе возбуждаетъ еще 6-й пунктъ — управленіе казенными имѣніями, которое въ XVIII вѣкѣ принадлежало дворцовымъ управителямъ, подчиненнымъ въ хозяйственномъ отношеніи главной дворцовой канцеляріи; но вѣдь и до Петра «немногіе воеводы управляли дворцовыми селами; обыкновенно, управленіе ими ввѣрялось особымъ дворцовымъ воеводамъ и приказнымъ людямъ». Только въ нѣкоторыхъ наказахъ «воеводамъ предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне пахали царскую пашню сполна или даже съ прибавкою, чтобъ всѣ сельскія работы производились въ надлежащее

---

[1]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 191; см. также *Лаппо-Данилевскаго*, Организація прямого обложенія; *Милюкова*, Спорные вопросы финансовой политики Московскаго государства, его же, Государственное Хозяйство въ 1-й четверти XVIII вѣка, гл. 1; *Веселовскаго*, Посадская соха въ XVII ст. Ж. М. Н. Пр. 1910 №№ 5 и 7.

[2]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 252.

[3]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 249.

время и въ порядкѣ и, вообще, чтобъ хозяйство шло хорошо»[1]). Такимъ образомъ и въ этомъ, второстепенномъ въ сущности, вопросѣ между правителями XVII и XVIII столѣтій болѣе сходства, нежели различія: и до Петра воевода вѣдалъ хозяйственную часть дворцовыхъ имѣній только въ исключительныхъ случаяхъ; какъ общее правило, это не входило въ кругъ его вѣдомства. Такъ, сравненіе съ допетровской стариной убѣждаетъ, что въ финансовой области губернаторы и воеводы XVIII вѣка были настоящими преемниками воеводъ времени первыхъ Романовыхъ и что мѣропріятія 1727 года были не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ къ привычному русскому обиходу, временно нарушенному лихорадочной мечтой великаго человѣка насадить на Руси бюрократическое государство западно-европейскаго образца. Внѣшній налетъ, конечно, остался и чувствовался кое въ чемъ, но Московское нутро такъ и сквозитъ изъ всѣхъ финансовыхъ рапортовъ, реестровъ и вѣдомостей.

Областныя учрежденія XVIII вѣка, какъ они сложились при преемникахъ Петра, и слѣдуетъ разсматривать какъ возвращеніе къ старой Москвѣ, какъ самую типичную реакцію противъ реформы Петра.

Губернаторы и воеводы, дѣйствовавшіе съ 1727 года, были администраторами безъ иниціативы, проводившими на мѣстахъ только велѣнія правительства, не заботясь о благѣ и преуспѣяніи мѣстнаго населенія, потому что о такихъ задачахъ имъ даже никто не говорилъ; они были плохими судьями и обремененными дѣлами, а еще болѣе отчетностью, раздерганными и неумѣлыми финансовыми агентами.

Творцы областной реформы 1727 года безсознательно стремились къ старому испытанному Московскому патріархальному строю; сознательно они гнались за простотой и дешевизной; они, пожалуй, и достигли своей цѣли, но «дешево да гнило», говоритъ русская пословица, и пословицу эту можно съ большимъ основаніемъ приложить къ областнымъ учрежденіямъ 1727—1775 годовъ.

Учрежденія элементарно простыя, съ малымъ числомъ служащихъ въ нихъ, дешево стоившія государству, обремененному тяжелымъ финансовымъ наслѣдіемъ Петра, могли бы еще оказаться на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій если бы дѣятелями въ нихъ были «богатыри мысли и дѣла». Но вѣдь на это разсчитывать нельзя, когда дѣло идетъ о дѣйствительной жизни, а не объ отвлеченныхъ мечтахъ. Люди, дѣйствовавшіе въ учрежденіяхъ, нами изученныхъ, соотвѣтствовали тогдашнему русскому обществу: мало подготовленные для широкой административной дѣятельности, забитые многовѣковой властной опекой свыше, раболѣпные передъ сильными, надменные передъ слабыми, они преслѣдовали свои личные интересы или, въ лучшемъ случаѣ, интересы сословія, къ которому принадлежали, почти никогда не возвышаясь до понятія объ общегосударственномъ или общенаціональномъ интересѣ.

[1]) *Чичеринъ*, Областныя учрежденія, 250.

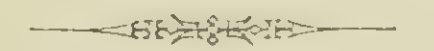
На занимаемое мѣсто по вѣковой традиціи они смотрѣли какъ на средство покормиться, какъ на случай поправить свои собственныя дѣла; почти всегда нечистые на руку, нерѣдко вымогатели и лихоимцы, они не только не пренебрегали «акциденціями», которыя поневолѣ дозволялъ и законъ, не только брали частныя деньги «подъ видомъ дара», а казенныя деньги «во образъ займа», стараясь, чтобъ заемъ этотъ былъ безъ отдачи, но «дерзали касаться» казеннаго интереса и болѣе существеннымъ образомъ и не стѣснялись вымучивать деньги съ каждаго человѣка, которому приходилось имѣть съ ними дѣло, заботясь, какъ сказали бы въ XVII столѣтіи, только о «своей бездѣльной корысти». Правда, типъ высшаго областного администратора губернатора измѣнился, можетъ-быть, немного въ лучшую сторону ко времени Екатерины II, но и въ 50-хъ и 60-хъ годахъ были мыслимы такіе губернаторы, какъ Исай Аршеневскій; что же касается облика воеводы, то онъ, какимъ былъ, такимъ и остался до самаго конца существованія этой должности. Слѣдуетъ ли этому удивляться? Конечно, нѣтъ: вѣдь и Петровскія областныя учрежденія, прежде чѣмъ они были сметены и уничтожены въ 1727 году, уже были подточены внутренними язвами, происходившими отъ недостатка людей, подходящихъ для нихъ и подготовленныхъ къ тому, чтобы въ нихъ служить. Положеніе ихъ самихъ въ новой обстановкѣ, — вѣдь многіе изъ служившихъ воеводами, камерирами, рентмейстерами и судьями надворныхъ судовъ, продолжали потомъ службу и при новомъ строѣ, — или ихъ преемниковъ едва ли было многимъ легче. Петровскія учрежденія были, правда, совершеннѣе, они требовали болѣе тонкой работы, болѣе основательной подготовки отъ людей, призванныхъ въ нихъ дѣйствовать; задача тѣхъ, кто служилъ въ учрежденіяхъ 1727 года, была, казалось бы, легче, но тутъ было другое зло: какому-нибудь воеводѣ, съ товарищемъ, а въ уѣздномъ городѣ еще и одному, безъ товарища, приходилось дѣлать всю ту работу, которая ранѣе была раздѣлена между воеводой, камериромъ и рентмейстеромъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они и послѣ 1727 года не могли успѣшно справиться со своей работой. Задача при всей простотѣ оказывалась для нихъ непосильной.

Я думаю, что можно сдѣлать еще одно заключеніе частнаго характера. Реформаторы 1727 года оставили обѣ существовавшія при Петрѣ ступени областного управленія и возстановили низшую — старинный Московскій уѣздъ. Губернія отъ самаго начала и до самаго конца имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе высшаго органа областного управленія, губернаторъ — посредникъ между столицей и провинціей; онъ хозяинъ и опекунъ ввѣренной ему территоріи, довѣренное лицо государя. Эта идея, подчеркнуто ясно выраженная въ инструкціи 1764 года, звучитъ еще и въ наказѣ 1728 года, она проглядываетъ и въ отдѣльныхъ указахъ, въ родѣ того указа 1737 года который дѣлаетъ губернскую власть единственно отвѣтственной за дѣла всей губерніи. Городовой воевода со своей стороны во все время своего существованія въ XVIII столѣтія сохраняетъ

характеръ низшаго, подчиненнаго правителя съ тѣснымъ сравнительно кругомъ власти. Можно ли сказать, что и провинція устойчиво сохраняетъ какой-нибудь опредѣленный обликъ? Едва ли; провинцію постигаетъ участь, часто выпадающая на долю учрежденій промежуточныхъ. Въ иныхъ дѣлахъ она приближается по своимъ правамъ къ губерніи, но гораздо чаще приходится соединять провинціальную канцелярію съ канцеляріей воеводской и обѣ эти канцеляріи противопоставлять канцеляріи губернской. Три степени областного управленія полвѣка сохраняются въ неприкосновенности, но понемногу, почти нечувствительно, намѣчается новая, болѣе простая и нормальная двухстепенная организація, подобная той, которая сама собою почти сложилась въ XVII столѣтіи, была вновь теоретически задумана Петромъ въ 1718—19 годахъ и окончательно введена Екатериной въ 1775 году.

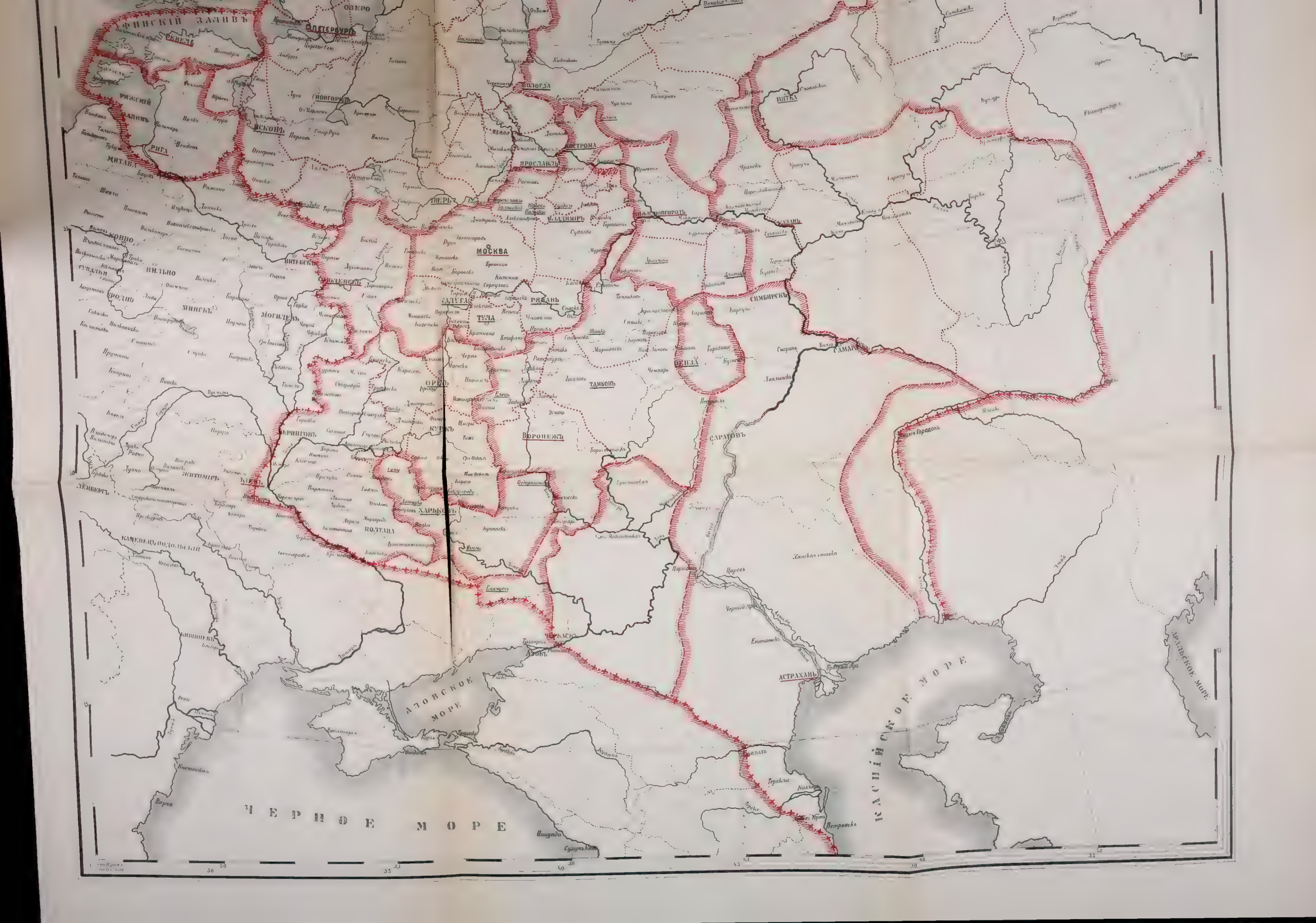
Учрежденія, созданныя въ 1727 году, заставляли во многихъ отношеніяхъ желать лучшаго; это сознавали и различныя правительства полустолѣтія, протекшаго отъ Петра до Екатерины II. Они пытались, одно за другимъ, помочь дѣлу, слѣдуя традиціямъ Петра, созидая и поддерживая особые органы надзора, развивая въ очень широкихъ размѣрахъ систему особыхъ порученій, наряжая особыхъ экстренныхъ агентовъ туда, гдѣ дѣятельность общихъ органовъ мѣстнаго управленія оказывалась не на высотѣ требованій и пробуя произвести частичныя попытки исправленія недостатковъ существующаго областного строя, пока, наконецъ, неудача всѣхъ подобныхъ попытокъ и начинаній не привела къ убѣжденію, что необходима коренная перестройка всей системы областного управленія.

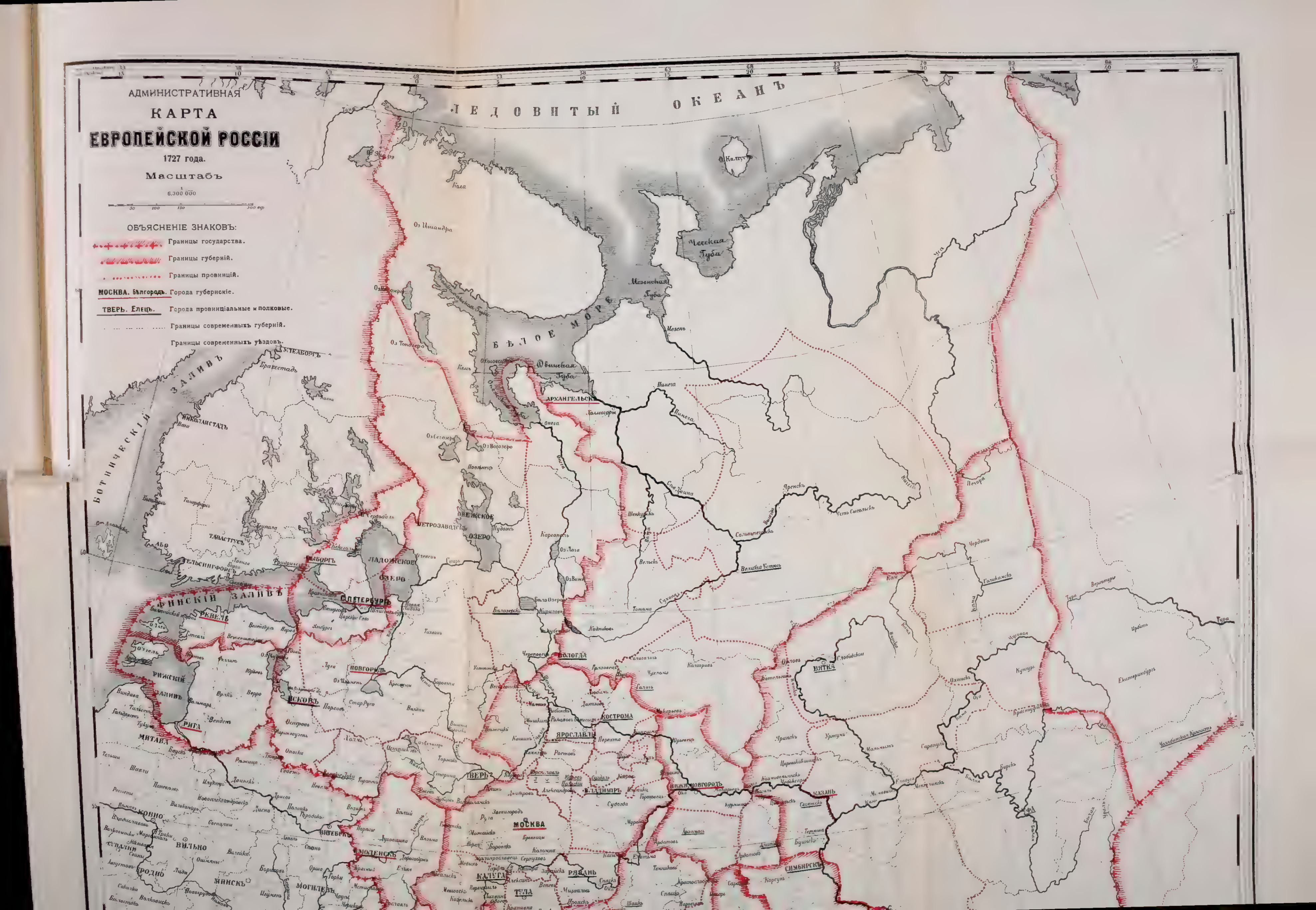
Намѣченными сейчасъ вопросами опредѣляются задачи дальнѣйшаго изслѣдованія.

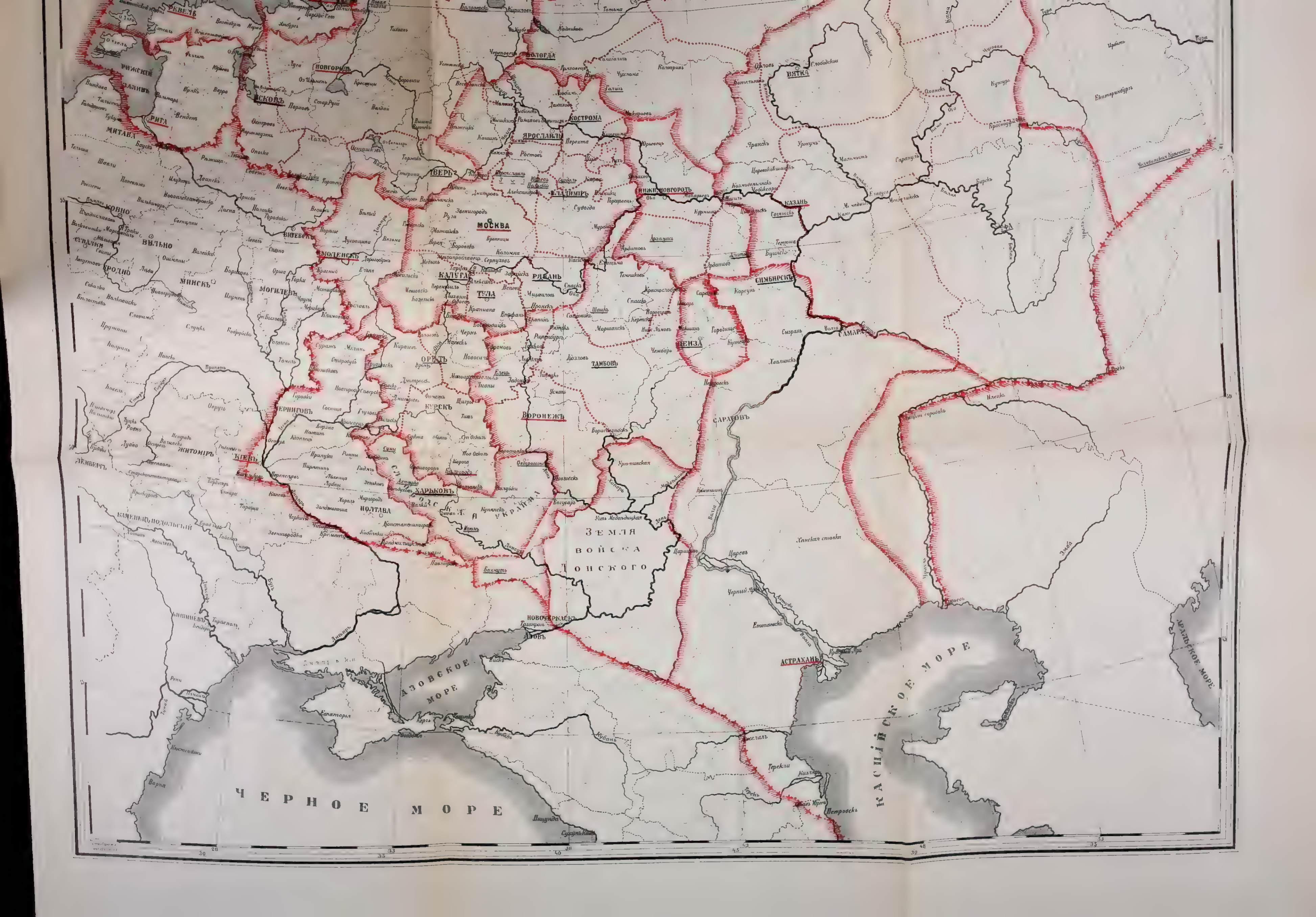

ОГЛАВЛЕНІЕ.

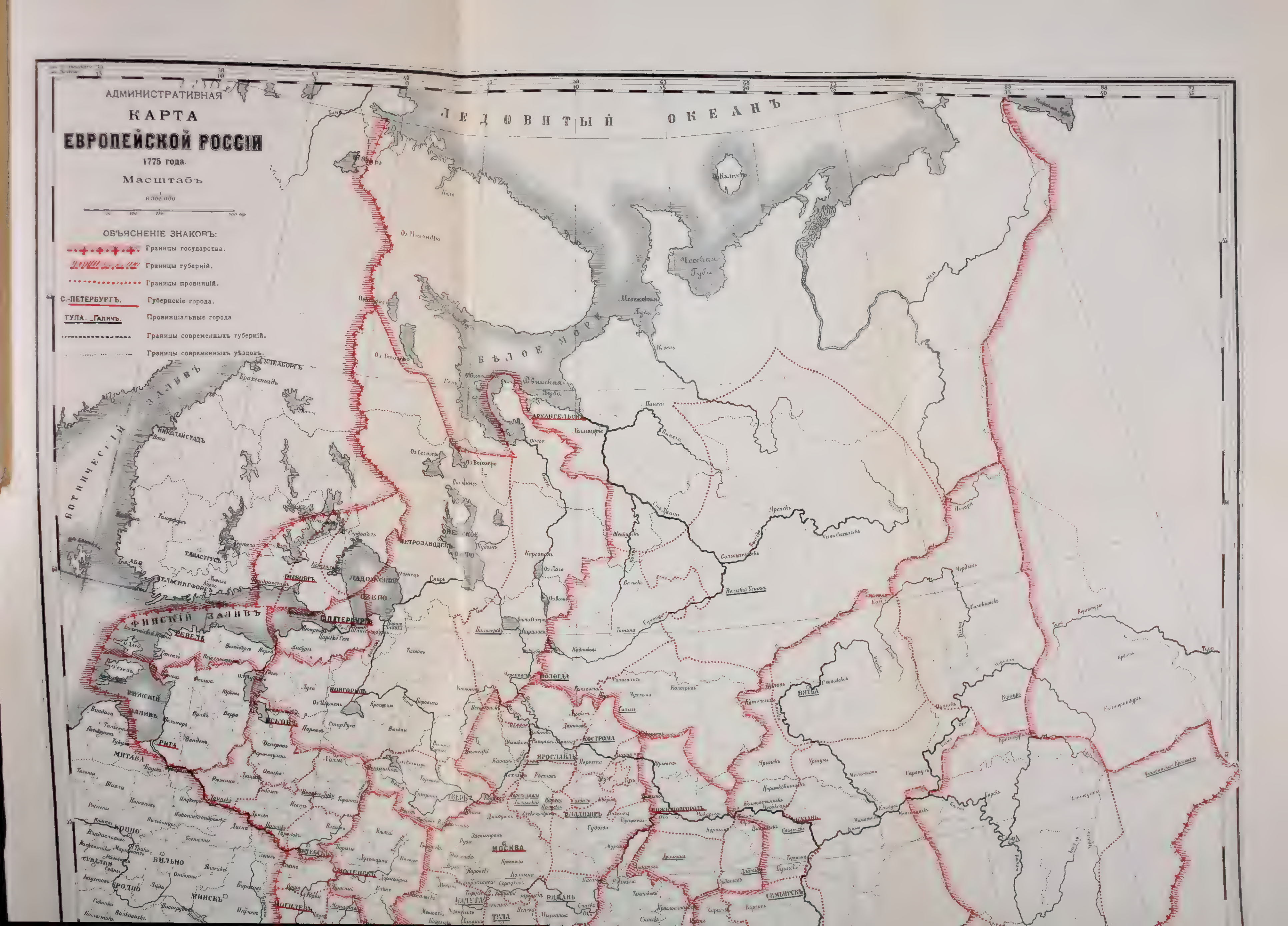

АДМИНИСТРАТИВНАЯ
КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
1720–1727 гг.
Масштабъ
1/6 300 000
ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:
Границы государства.
Границы губерній.
Границы провинцій.
КАЗАНЬ. Города губернскіе.
НОВГОРОДЪ. Города провинціальные и полковые.
Границы современныхъ губерній.
Границы современныхъ уѣздовъ.
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БѢЛОЕ МОРЕ
Мезенская Губа
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛИВЪ
РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО
ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО
АРХАНГЕЛЬСКЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
РЕВЕЛЬ
РИГА
НОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
МОСКВА
ВЛАДИМІРЪ
Н.НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
ВЯТКА
СИМБИРСКЪ
РЯЗАНЬ
КАЛУГА
ТУЛА
СМОЛЕНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
МОГИЛЕВЪ
МИНСКЪ
ВИЛЬНО
КОВНО
ГРОДНО
МИТАВА
ВЫБОРГЪ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
УФА

ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
РИГА
МИТАВА
ПСКОВЪ
НОВГОРОДЪ
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
ВЛАДИМІРЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
ВЯТКА
КАЗАНЬ
КОВНО
ВИЛЬНО
ГРОДНО
ВИТЕБСКЪ
СМОЛЕНСКЪ
МОСКВА
МИНСКЪ
МОГИЛЕВЪ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
ПЕНЗА
САМАРА
ТАМБОВЪ
ОРЕЛЪ
КУРСКЪ
ВОРОНЕЖЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КІЕВЪ
ЖИТОМІРЪ
ЛЕМБЕРГЪ
ХАРЬКОВЪ
ПОЛТАВА
САРАТОВЪ
КАМЕНЕЦЪ ПОДОЛЬСКІЙ
КИШИНЕВЪ
ЧЕРКАСКЪ
АЗОВЪ
АСТРАХАНЬ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Варна
Петровскъ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ
КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
1727 года.
Масштабъ
1/6.300 000
50 100 150 300 вер.
ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:
Границы государства.
Границы губерній.
Границы провинцій.
МОСКВА. Бѣлгородъ. Города губернскіе.
ТВЕРЬ. Елецъ. Города провинціальные и полковые.
Границы современныхъ губерній.
Границы современныхъ уѣздовъ.
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БѢЛОЕ МОРЕ
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛИВЪ
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО
ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО
Чешская Губа
Мезенская Губа
Двинская Губа
О. Калгуевъ
УЛЕАБОРГЪ
НИКОЛАЙСТАДЪ
АБО
ТАВАСТГУСЪ
ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
ВЫБОРГЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
РЕВЕЛЬ
РИГА
МИТАВА
ПСКОВЪ
НОВГОРОДЪ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
АРХАНГЕЛЬСКЪ
Холмогоры
Онега
Пинега
Мезень
Кола
Яренскъ
Сольвычегодскъ
Великій Устюгъ
Тотьма
Вологда
Бѣлозерскъ
Кирилловъ
Чердынь
Соликамскъ
Кунгуръ
Екатеринбургъ
Ирбитъ
Хлыновъ
ВЯТКА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
Ростовъ
Переяславль
ВЛАДИМІРЪ
Суздаль
Шуя
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
Свіяжскъ
СИМБИРСКЪ
ТВЕРЬ
Торжокъ
Кашинъ
Углечъ
Дмитровъ
Звенигородъ
МОСКВА
Серпуховъ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
Касимовъ
Арзамасъ
Муромъ
Алатырь
СМОЛЕНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
ПОЛОЦКЪ
МОГИЛЕВЪ
МИНСКЪ
ВИЛЬНО
КОВНО
ГРОДНО
Великія Луки
Торопецъ
Ржева Володимирова
УФА
Сарапуль
Мензелинскъ
Бирскъ
Оса
Челябинская Крѣпость

МОСКВА
ТВЕРЬ
ЯРОСЛАВЛЬ
КОСТРОМА
ВЛАДИМИРЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
ПЕНЗА
ТАМБОВЪ
ВОРОНЕЖЪ
САРАТОВЪ
АСТРАХАНЬ
КУРСКЪ
ОРЕЛЪ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
СМОЛЕНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
МОГИЛЕВЪ
МИНСКЪ
ВИЛЬНО
КОВНО
ГРОДНО
РИГА
ПСКОВЪ
НОВГОРОДЪ
ВОЛОГДА
ВЯТКА
УФА
КІЕВЪ
ЖИТОМІРЪ
ЧЕРНИГОВЪ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
НОВОЧЕРКАСКЪ
КИШИНЕВЪ
КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКІЙ
Земля Войска Донского
С Л ... У К Р А И Н А
Ханская ставка
Екатеринбургъ
Кунгуръ
Царицынъ
Черный Яръ
Енотаевскъ
Камышинъ
Сызрань
Хвалынскъ
Таганрогъ
Азовъ
Бахмутъ
Евпаторія
Керчь
Кубань
Варна
Петровскъ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ
КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
1775 года.
Масштабъ
ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ:
Границы государства.
Границы губерній.
Границы провинцій.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Губерскіе города.
ТУЛА. Галичъ. Провинціальные города
Границы современныхъ губерній.
Границы современныхъ уѣздовъ.
ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
БѢЛОЕ МОРЕ
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛИВЪ
РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО
ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО
АРХАНГЕЛЬСКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЫБОРГЪ
РЕВЕЛЬ
РИГА
МИТАВА
ПСКОВЪ
НОВГОРОДЪ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
МОСКВА
ВЛАДИМІРЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
КАЗАНЬ
ВЯТКА
СИМБИРСКЪ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
СМОЛЕНСКЪ
ВИТЕБСКЪ
МОГИЛЕВЪ
ВИЛЬНО
КОВНО
ГРОДНО
МИНСКЪ
ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
АБО
НИКОЛАЙСТАТЪ
УФА

ЛИТОГР. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА МОСКВА

